

Б. Ф. Поршнев

ФЕОДАЛИЗМ
И
НАРОДНЫЕ МАССЫ

ВВЕДЕНИЕ

В Программе КПСС сказано: «Интенсивно должна развиваться исследовательская работа в области **общественных наук**, которые составляют научную основу руководства развитием общества»¹. В эту задачу входит «исследование проблем всемирной истории»², раскрывающее закономерный процесс движения человечества к коммунизму. Это явится одним из средств воспитания всего населения в духе научного коммунизма, так как даст трудящимся глубокое понимание хода и перспектив мирового развития³.

Трудящиеся должны знать, какую роль народные массы раньше играли в ходе мирового развития, во всемирной истории. Этот вопрос может быть разбит на два: 1) Роль народных масс в ликвидации классово-антагонистического строя, в строительстве социализма и коммунизма. Об этом процессе лаконично и образно сказано в Программе КПСС: «Мужественная и беззаветная борьба пролетариев всех стран приблизила человечество к коммунизму. Сначала десятки и сотни, затем тысячи и миллионы людей, воодушевленных идеалами коммунизма, шли на штурм старого мира»⁴. 2) Роль стихийно боровшихся против эксплуатации трудящихся масс в предшествовавшем развитии антагонистических обществ. Эта вторая тема и составляет предмет настоящей книги. Без этой темы нет и не может быть цельного учения о возрастающей роли народных масс в истории. Тема эта неразрывно смыкается со многими актуальными вопросами современности. «Опыт СССР доказал, — говорит Программа КПСС, — что свою историческую миссию творца нового общества рабочий класс может выполнить лишь в прочном **союзе с непролетарскими трудящимися массами**, в первую очередь с крестьянством»⁵. Это и нацеливает исследователя на необходимость как можно лучше понять закономерности и особенности движений трудящегося крестьянства, заставляет научную мысль освещать роль народных масс на примере такой антагонистической общественной формации, как феодализм, где еще не было рабочего класса. Ведь Октябрьская революция «осуществила вековую мечту крестьянства о земле», так как «партия большевиков соединила в один революцион-

---

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1961, стр. 127.

² Там же, стр. 128.

³ Там же, стр. 118.

⁴ Там же, стр. 3.

⁵ Там же, стр. 18.

ный поток борьбу рабочего класса за социализм, общенародное движение за мир, крестьянскую борьбу за землю, национально-освободительную борьбу угнетенных народов России и направила эти силы на свержение капитализма»⁶.

Сходные задачи стоят и сейчас перед рабочими и коммунистическими партиями во многих странах земного шара. Не ясно ли, что общественные науки должны углубленно изучить каждую из сил: что она представляла собой в прошлом, какое исторически ограниченное воздействие могла оказывать на ход общественного развития, пока не соединилась в один поток с борьбой рабочего класса против капитализма.

Итак, естественное ядро вопроса о роли трудящихся эксплуатируемых масс в развитии антагонистических обществ лежит в предкапиталистическом, в феодальном обществе. На этом историческом материале мы и предполагаем показать действие некоторых коренных законов исторического материализма.

Эта книга состоит из двух частей, охватывающих в целом основные вопросы марксистско-ленинской теории феодализма⁷. Исключением является лишь имеющий большую теоретическую важность вопрос о генезисе феодализма, который мог бы составить целую самостоятельную часть книги; но эта тема неумолимо увела бы и в глубины теории дофеодальных формаций, поэтому автор ограничился самым кратким наброском состояния проблемы в форме «Приложения».

Отдельные фрагменты настоящей книги в разное время появлялись в печати. Однако только здесь читатель видит логическое целое, вне которого отрывки способны порождать и недоразумения. Самый крупный отрывок был опубликован в 1956 г. под названием «Очерк политической экономии феодализма». В существенно доработанном виде он образует первую часть настоящей книги. Такой путь — от опубликования фрагментов к опубликованию целого — очень помог автору на раз-

---

⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 11.

⁷ Попытки охватить одним взглядом феодальную эпоху в целом уже делались советскими учеными. См. например: *М. Н. Мейман*. Движение феодального способа производства. — «Исторические записки», т. 42, 1953; *С. Д. Сказкин*. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении. — «Средние века», вып. V, 1953; *Н. И. Конрад*. «Средние века» в исторической науке. — В кн.: «Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию акад. В. П. Волгина». М., 1955; *Е. А. Косминский*. Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке. — X Международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955. Доклады советской делегации. М., 1956; *Ф. Я. Полянский*. Материал к лекции на тему «Феодальный способ производства». М., 1957; *С. Д. Сказкин*. В. И. Ленин и некоторые проблемы средневековья. — «Средние века», вып. XVIII, 1960; *Ю. М. Сапрыкин*. В. И. Ленин о феодализме и генезисе капиталистических отношений в земледелии. — «Средние века», вып. XIX, 1961.

ных этапах проверять свои мысли с помощью научной общественности. Замечания, высказанные в печати и в устном обмене мнениями, оказали автору помощь. В частности, учтя споры по поводу опубликованных ранее всего отрывков из второй части данной работы, автор смог окончательно определить ее план: политическая экономия феодализма должна составить ее первую часть, ибо если не выдвинуть на первое место характеристику экономических законов феодализма, то и картина классовой борьбы в феодальную эпоху будет непонятна читателю.

«Очерк политической экономии феодализма» был первой попыткой изложения системы экономических категорий и законов феодальной формации. Опыт был в целом положительно оценен общественностью⁸, и тем самым теоретическое рассмотрение вопросов классовой борьбы в феодальную эпоху получило необходимый политико-экономический фундамент. В то же время как критики, так и те специалисты, которые применяли выводы этого исследования к конкретной истории отдельных стран, в частности азиатских, поставили перед автором некоторые важные дополнительные задачи.

Итак, обе части предлагаемой книги представляют собой единое нерасчленимое целое. В первой части дана характеристика основных черт базиса феодального общества, во второй части речь идет о классовой борьбе и надстройке. Красной нитью и там и тут проходит тема о решающей роли трудящихся масс в истории: в первой части — как производителей всех материальных благ, во второй — как борцов против эксплуатации и гнета. Иными словами, в данной книге, посвященной некоторым теоретическим вопросам политической экономии и исторического материализма, в качестве лейтмотива взята одна из ведущих и самых перспективных для конкретной разработки идей марксизма-ленинизма — идея о решающей роли народных масс в истории. Вместе с тем книга представляет собою опыт разработки учения об общественно-экономических формациях путем анализа одной из них — феодализма — как целого.

Эта книга посвящена некоторым коренным вопросам исторического материализма, рассматриваемым применительно к одной определенной общественной формации — феодальной. Хотя автор книги — историк, задача его здесь состояла не в установлении каких-либо новых исторических фактов и не в обзоре фактов, известных исторической науке. Задача книги заключается в теоретическом рассмотрении ряда понятий, категорий, закономерностей, на знание которых историк опирается при изучении конкретных явлений. Но эти понятия, категории и закономерности сами являются не чем иным, как результатом анали-

---

⁸ См., например, рецензию, опубликованную в журнале «Коммунист», 1957, № 9.

за и обобщения очень большого числа исторических фактов. Автор должен был, с одной стороны, изложить некоторые основные положения, выработанные классиками марксизма-ленинизма в результате изучения ими всемирной истории, в частности — эпохи феодализма, с другой, — иметь перед глазами и современное состояние исторической науки, в первую очередь советской, в области изучения феодальной эпохи⁹. В этой книге — книге по вопросам исторического материализма, идущей от общей методологии истории к отдельным вопросам истории — автор одновременно старался использовать и обобщить результаты многих конкретно-исторических исследований советских, а также зарубежных специалистов. В тексте приведено сравнительно немного конкретно-исторических иллюстраций к теоретическим положениям, но читатель-историк, особенно занимающийся средними веками, без труда припомнит целые серии фактов, стоящих за каждым положением и выводом¹⁰.

В пользу целесообразности попытки изложения вопросов исторического материализма на примере лишь одной эпохи, одной общественной формации, можно привести два соображения.

Во-первых, в программах, курсах, пособиях по историческому материализму категории исторического материализма обычно располагаются так, что вся всемирная история человечества рассматривается то под углом зрения соотношения производительных сил и производ-

---

⁹ Самое краткое резюме исторических знаний об этой эпохе читатель может найти в кн. «Всемирная история», т. 3–4. М., 1957–1958.

¹⁰ В качестве путеводителей по обширной специальной советской исторической литературе могут послужить следующие историографические обзоры. 1) Всеобщая история: *С. И. Архангельский*. Работы советских историков о крестьянстве и его движениях в романо-германской части Западной Европы. — «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 47, 1958; *Е. А. Косминский, Е. В. Гутнова, Н. А. Сидорова*. Сорок лет советской медиевистики. — «Вопросы истории», 1957, № 11; *А. И. Данилов*. Аграрная история западноевропейского средневековья в трудах советских медиевистов. — «Средние века», вып. XVII, 1960; *Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова*. Основные проблемы византиноведения в советской историографии. — «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС», ч. 2. История Западной Европы и Америки. Сб. статей. М., 1963; *Н. А. Сидорова*. Основные проблемы истории средних веков и советская медиевистика. — Там же. 2) История СССР: *Л. В. Данилова*. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России. — «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС», ч. 1. История СССР. Сб. статей. М., 1962; *А. А. Зимин и А. А. Преображенский*. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до нач. XIX века). — «Вопросы истории», 1957, № 12; *Б. Б. Кафенгауз, А. А. Преображенский*. Проблемы истории России XVII–XVIII вв. в трудах советских ученых. — «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС», ч. 1. История СССР. М., 1962; *Л. В. Черепнин*. Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма. — «Вопросы истории», 1962, № 1. 3) Востоковедение: *В. В. Струве*. Советское востоковедение за 40 лет. — «Уч. зап. Ин-та востоковедения», XXV, М., 1960. См. также: *П. Е. Скачков*. Библиография Китая. М., 1960.

ственных отношений, то со стороны выяснения роли государства, идей, классовой борьбы, то в плане вопроса о роли народных масс и личности и т. д. Но для правильного понимания законов общественной жизни не менее важно раскрыть внутреннее единство и взаимосвязь всех ее сторон на каждом данном этапе исторического развития. Единство всех категорий исторического материализма выступит нагляднее при рассмотрении отдельной общественно-экономической формации¹¹.

Во-вторых, историческая наука нуждается для своего успешного развития во взаимодействии конкретно-исторических исследований с исследованиями теоретическими. Изучение исторических фактов только тогда плодотворно, когда им руководит передовая теория, а теория только тогда не вырождается в абстрактное социологизирование, когда, уча, сама учится у фактов.

Нередко работы по основным теоретическим вопросам истории, по методологии истории, по историческому материализму, по теоретической экономии прошедших эпох пишут не историки. Теория в этих работах не сближается вплотную с арсеналом фактов, которыми владеет историческая наука, с разнообразными частными проблемами, поднимающимися от фактов. С другой стороны, в иных сочинениях историков царит «фактология». Поэтому историкам стоит самим покрепче взяться за теорию и двинуться навстречу философам и экономистам. Но естественно, что при этом дело пойдет преимущественно о теоретическом рассмотрении отдельной, хотя бы и очень обширной исторической эпохи, — отдельной общественно-экономической формации.

* * *

Здесь необходимо несколько подробнее остановиться на теоретической задаче первой части книги.

«Политическая экономия в широком смысле», — по выражению Энгельса, есть наука о производственных отношениях всех способов производства, через которые проходит развитие человечества.

Различные способы производства, различные общественно-экономические формации связаны общими для всех них экономическими законами, которые могут быть названы также социологическими законами, и отделены друг от друга особыми, специфическими экономическими законами.

К числу законов, общих для всех формаций, относятся, например,

---

¹¹ В. Ф. Келле, М. Я. Ковальзон. Категории исторического материализма. — «Вопросы философии», 1956, № 4; М. С. Джунусов. Общественно-экономическая формация как категория исторического материализма. — «Вопросы философии», 1960, № 10.

закон единства производительных сил и производственных отношений в едином общественном производстве, закон соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил.

Общим для всех формаций является и предмет политической экономии: общественно-производственные, экономические отношения людей — отношения людей в процессах производства, обмена своей деятельностью и распределения произведенных материальных благ. При этом политическая экономия не изучает технической стороны производства, хотя материальное производство служит исходным пунктом для всего круга вопросов, охватываемых политической экономией. Предмет политической экономии — не отношения людей к природе, а отношения между людьми. Политическая экономия не изучает сами по себе производительные силы общества¹². Но она изучает производственные отношения в неразрывной связи с производительными силами, служащими материальной основой производства, как ту общественную форму, внутри которой и посредством которой совершается в обществе производство материальных благ.

Политическая экономия изучает производственные отношения в их развитии и смене, в их качественном отличии на разных ступенях истории. Иными словами, не только специфическим, но и общим экономическим законам свойствен исторический характер: они проявляются по-разному в разных общественных формациях.

Большинство категорий и законов политической экономии относится к числу не общих, а таких, действие которых ограничено определенным историческим периодом. Одни категории и законы теряют силу, так как изменился способ производства, сходят со сцены, чтобы уступить место другим, новым категориям и законам, соответствующим новой общественно-экономической формации.

Некоторые важные экономические категории и экономические законы общи не для всех, а для двух или нескольких общественных формаций. Например, внеэкономическое принуждение присуще как рабовладельческому, так и феодальному обществам; закон стоимости (закон товарного производства) действует в ряде общественных формаций. Есть существенные экономические категории, общие для всех антагонистических способов производства. Как известно, все типы производственных отношений могут быть разбиты на две главные формы: либо это отношения сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, либо это отношения господства и подчинения, присущие антагонистическим, эксплуататорским, классовым формациям. «Три формы порабощения», — как назвал Энгельс рабство, фео-

---

¹² Подробно об этом см. *К. Островитянов. О предмете политической экономии.* М., 1954, стр. 14–17.

дализм и капитализм, связаны общностью целого ряда экономических категорий: отделение средств производства от непосредственных производителей, расчленение труда (или продукта труда) на необходимый и прибавочный и т. д.

Наконец, особые, специфические экономические законы отделяют одну формацию от другой. Они выражают особенности типов производственных отношений, соответствующих разным ступеням развития производительных сил, особенности разных способов производства и путей их развития.

Политическая экономия изучает прежде всего законы экономики, свойственные каждому данному общественному строю. Изучая исторически развивающиеся производственные отношения, политическая экономия каждый раз исследует определенный, данный экономический строй, которому присущи свои, особые, специфические условия и формы общественного производства, обмена и распределения материальных благ. Соответственно политическая экономия вырабатывает специфические категории, т. е. научные понятия, обобщающие наиболее существенные элементы, условия, формы экономических отношений при данном, исторически определенном строе общественного производства. Вырабатывая эти категории, политическая экономия восходит от них к экономическим законам, управляющим производством, обменом, распределением при данном строе. Законы выражают взаимосвязь, причинную зависимость, единство экономических явлений. Особые, или специфические, экономические законы представляют собой то существенное, постоянное, прочно остающееся, что характеризует данный общественный строй производства как нечто единое, цельное¹³.

Эти особые, или специфические, законы каждой формации составляют сложную систему последовательно и неразрывно друг с другом связанных разнообразных законов. Среди этих законов особое место занимает основной экономический закон каждой данной общественной формации. Сложная система прочих экономических законов, возникающих на базе данных экономических условий, опирается на основной экономический закон и во всем соотносится с его сущностью.

Законы, специфические для того или иного способа производства, не остаются неизменными на всех стадиях развития этого способа производства, а конкретизируются и видоизменяются на разных стадиях.

В произведениях основоположников марксизма-ленинизма наиболее полно и всесторонне разработана политическая экономия капита-

---

¹³ См. А. М. Румянцев. Предмет политической экономии и характер законов экономического развития общества. — «Вопросы философии», 1955, № 2.

лизма и социализма.

Разработка экономических проблем социализма и современного капитализма, сравнение законов этих двух способов производства одновременно заставляют нашу общественную науку внимательнее изучать всю политическую экономию в широком смысле, в частности, экономические категории и законы того способа производства, который предшествовал капиталистическому.

Темой настоящей книги и являются особые, специфические экономические категории и законы феодального способа производства. Предмет политической экономии феодализма — отношения людей в процессах производства, обмена своей деятельностью и распределения производственных материальных благ, присущие феодальному строю.

Фундамент экономической теории феодализма был заложен Марксом. Охарактеризовав анализ и критику капитализма, данные Марксом, Энгельс пишет: «Чтобы всесторонне провести эту критику буржуазной политической экономии, недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Нужно было также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению формы, которые ей предшествовали, или те, которые существуют еще рядом с ней в менее развитых странах. Такое исследование и сравнение было в общей форме предпринято пока только Марксом, и почти исключительно его работам мы обязаны поэтому всем тем, что удалось до сих пор установить в области добуржуазной теоретической экономии»¹⁴. Речь здесь идет прежде всего о феодальной форме производства.

Краеугольный камень теоретической экономии феодализма заложен Марксом в 47-й главе III тома «Капитала» — «Генезис капиталистической земельной ренты». Важнейшие положения содержатся также в других главах «Капитала» и в различных произведениях Маркса и Энгельса. В. И. Ленин развил учение Маркса о феодализме в книге «Развитие капитализма в России», в лекции «О государстве» и других работах. На основе этого прочного фундамента советские ученые разрабатывают политическую экономию феодализма.

Следует учитывать, что эта область политической экономии, хотя и проще во многих отношениях, чем политическая экономия капитализма, в то же время имеет и свою специфическую сложность. Маркс подчеркивал, с одной стороны, что «древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный»¹⁵. С другой стороны, Маркс и Энгельс писали в «Коммунистическом Манифесте»: «Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается... тем, что она

¹⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1953, стр. 141.

¹⁵ К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1955, стр. 85.

упростила классовые противоречия...»¹⁶

Оба положения истинны, они отражают разные стороны вопроса — капитализм и сложнее и проще предыдущих способов производства. Капитализм представляет собой более высокую общественную форму, чем феодализм, и именно поэтому не феодальная экономика служит ключом к пониманию капиталистической, а наоборот. «Буржуазное общество есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры (*Gliederung*), дают вместе с тем возможность проникновения в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой их остатки, которые оно не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно»¹⁷. Однако в то же время трудность анализа этих более простых низших общественных форм состоит в том, что они дальше от нашего жизненного опыта и поэтому требуют от нас в известном смысле больше абстракции. То, что в феодальной экономике не было и «намеком» на экономические отношения капитализма, может быть научно исследовано только при условии отвлечения от знакомых и уже уясненных категорий капитализма.

Следует различать две разные, хотя и тесно связанные между собой науки, — политическую экономию и историю экономических отношений, историю хозяйства. История хозяйства руководствуется основными понятиями и законами, устанавливаемыми политической экономией, и в свою очередь доставляет ей эмпирический материал, бесконечно разнообразный в зависимости от страны, времени и т. д.

Конкретный материал по истории экономических отношений и производительных сил в феодальную эпоху читатель может найти в довольно значительном объеме в вузовских пособиях по истории хозяйства, по истории средних веков, по истории СССР, по истории стран Азии, в специальных научных монографиях¹⁸.

---

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. — Сочинения, т. 4, стр. 425.

¹⁷ К. Маркс. К критике политической экономии. М., 1953, стр. 218–219.

¹⁸ Из специальных курсов по истории хозяйства см., например: С. Г. Струмилин. Очерки экономической истории России. М., 1960; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 1. М., 1950; П. А. Хромов. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957; История народного хозяйства СССР. Курс лекций (Ф. Я. Полянский, ред.). М., 1960; Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954; Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха капитализма.

Но для обобщения и уяснения всего этого огромного материала по истории хозяйства необходимо обращаться к теоретическим категориям и к законам, разрабатываемым политической экономией.

Настоящая книга (в ее первой части) и является книгой по политической экономии, а не по истории хозяйства. Ее задача — осветить на основе работ основоположников марксизма-ленинизма основные теоретические вопросы, связанные с характеристикой общественно-производственных, экономических отношений феодального общества и их развития.

История хозяйства неразрывно связана и с историей техники, включает в себя в большем или меньшем объеме сведения по истории техники. Политическая экономия, как отмечено выше, не изучает производительных сил. Само материальное производство (конструкция орудий труда, способы обработки материалов и веществ природы, воздействие человеческой силы на предмет труда, расстановка и взаимодействие людей в процессе труда) не изучается политической экономией и берется ею лишь как предпосылка, изучаемая другими науками. «Политическая экономия, — писал В. И. Ленин, — занимается вовсе не «производством», а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства»¹⁹. Однако поскольку материальное производство, состояние производительных сил общества являются исходным пунктом политической экономии, изучающей общественный строй этого материального производства, постольку и при анализе феодального способа производства невозможно было бы обойтись без самой краткой характеристики производительных сил феодальной эпохи и их развития. Необходимо сделать оговорку, что политическая экономия феодализма пока опирается преимущественно на факты из истории экономических отношений Западной Европы и СССР и значительно менее — стран Востока, поскольку история хозяйства стран Востока разработана недостаточно. Однако коренные положения и законы, характеризующие феодальные производственные отношения, носят, разумеется, всеобщий характер, в своих основных чертах они, безусловно, приложимы к истории любых стран, любых народов.

Основное понятие, которое связывает первую часть настоящей книги со второй частью — это понятие антагонизма. Руководящая мысль настоящего исследования и состоит в том, что ни в экономической жизни феодального общества, ни в его социальной, духовной, политической жизни ничто не может быть научно объяснено, если не руководствоваться этой диалектической категорией антагонизма. Такая уста-

---

ма. М., 1961.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 53.

новка придала всей книге, в частности — ее второй части, полемический оттенок. Она заострена против идей буржуазной историографии и буржуазной политической экономии, упрекающих марксистов в «преувеличении» антагонистичности средневекового общества. Естественно, что полемика особенно обнажается, когда мы переходим от анализа экономического антагонизма к его выражению в форме классовой борьбы. Одновременно с борьбой против буржуазной историографии перед нами встала неотложная задача показать на примере феодальной эпохи неотделимость выводов марксистской политической экономии от учения исторического материализма о классах и классовой борьбе. Ведь это не две обособленные науки, а нерасчленимое теоретическое целое. Кто признает, что феодальный способ производства основан на экономическом антагонизме, тот признает, что классовая борьба была непосредственной движущей силой истории феодальной эпохи.

Невозможно «преувеличить классовую борьбу» в феодальном обществе. Само это сочетание слов исключается в устах марксиста, безоговорочно признающего классовую борьбу глубочайшей чертой всякого антагонистического общества. «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»²⁰. «Преувеличить классовую борьбу» в истории антагонистического общества так же невозможно, как, скажем, в философии «преувеличить» закон развития через борьбу противоположностей или «преувеличить» первичность материи по отношению к сознанию. Классовая борьба — не «универсальная отмычка», а универсальный научный принцип анализа всех социальных, политических, идеологических явлений истории классово-антагонистических обществ. Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии»: «...Общество развивалось до сих пор всегда в рамках противоположности, которая в древности была противоположностью между свободными и рабами, в средние века — между дворянством и крепостными, в новое время — между буржуазией и пролетариатом»²¹.

Пусть эти слова послужат эпиграфом к предлагаемой книге.

Понимание экономических законов феодального общества имеет большое теоретическое значение. Оно, в частности, помогает политической экономии капитализма уяснить исторические и логические границы ее собственных категорий и законов.

Знание объективных экономических законов феодализма дает историкам возможность объяснить классовую борьбу между эксплуататорами и эксплуатируемыми, составляющую основную черту, непо-

---

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. — Сочинения, т. 4, стр. 424.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 433.

средственную движущую силу всей истории феодальной эпохи. Прежде всего необходимо правильно раскрыть экономические законы, управляющие общественным развитием во всяком классовом антагонистическом обществе, в том числе и в феодальном обществе. Если эти объективные экономические законы поняты правильно, как выражение в конечном счете классовых экономических отношений, то они тем самым объясняют, что в классовом антагонистическом обществе повседневно и повсеместно неизбежны враждебные действия людей, принадлежащих к экономически противоположным классам, объясняют неизбежность постоянного столкновения выгод, стремлений, противоположно направленных интересов людей, а следовательно, также и их общественных действий.

* * *

Изучение вопросов теории феодализма имеет и большое практическое общественно-политическое значение, так как немалое число народов еще и по сей день живет в условиях значительных пережитков феодального строя.

Пережитки феодализма являются экономической базой тех классов и правящих кругов, на которые опирается империализм в экономических слабо развитых и зависимых странах.

Одним из распространеннейших пережитков феодально-крепостнических отношений является долговое рабство мелкого крестьянина-арендатора. Под названием «пеонаж» и под другими названиями оно широко распространено в южных штатах США, в государствах Латинской Америки, Экваториальной Африки и других странах. Землевладелец сдает безземельному крестьянину клочок земли с условием, что крестьянин-арендатор будет уплачивать арендную плату натурой, сдавая формально половину, а фактически весь урожай землевладельцу. Используя нужду арендатора-издольщика, применяя и обман, и насилие, землевладелец превращает такого пеона в своего неоплатного должника. Пеон отработывает свой долг в течение всей жизни, иногда дает обязательство и за своих детей, так что задолженность и пожизненный труд на землевладельцев становятся наследственными. Большую часть пеонов в США составляют негры и индейцы, но есть и белые пеоны. Латинская Америка является обетованной землей для феодальных пережитков. Крупнейшими феодалами здесь, между прочим, являются иезуитские миссии. В Боливии, Перу, Эквадоре и других странах Латинской Америки встречаются разнообразные формы феодально-крепостнических отношений.

Ряд стран Азии и Африки также знает множество разнообразных форм феодальных и полуфеодальных отношений и порядков.

Основой этих пережитков является крупная собственность землевладельцев. В условиях империализма земельная собственность местных помещиков сплетается с захватом и скупкой земли иностранными монополиями (под плантации и т. д.). Это создает обстановку острого земельного голода среди крестьян и обрекает их на зависимость и нищету. Отсюда низкая производительность сельского хозяйства, низкий процент использования годной земельной площади в ряде стран — в Аргентине, Мексике, Сирии, Аравии и др.

Во многих странах Ближнего и Среднего Востока господствует феодально-помещичье землевладение, которое служит основной причиной нищеты и разорения крестьян, составляющих более 80% населения этих стран. Подавляющая часть сельского населения — безземельные и малоземельные крестьяне. В руках помещиков сосредоточено до 75% земли, пригодной для обработки.

Аграрные отношения стран Ближнего и Среднего Востока, характеризуются наличием таких средневековых форм эксплуатации крестьянина, как барщина, широкое распространение имеет издольщина. Крестьянин-издольщик вынужден отдавать помещику до четырех пятых урожая в уплату за землю, воду, сельскохозяйственные орудия, скот и семена. Из оставшейся одной пятой части крестьянин уплачивает государственные налоги и различные поборы. Подвергаясь двойной эксплуатации — как со стороны местных помещиков и буржуазии, так и со стороны иностранных монополий, — подавляющее большинство крестьянства стран Ближнего и Среднего Востока обречено на полуголодное, нищенское существование. Феодалы, помещики распоряжаются жизнью крестьян как в эпоху средневековья. Есть даже районы, где сохранились остатки рабовладельческих отношений. Вследствие господства помещичьего землевладения сельское хозяйство в ряде стран Ближнего и Среднего Востока находится на очень низком уровне. Приобретение этими странами национальной независимости — важное условие ликвидации их экономической отсталости.

В колониальных, полуколониальных, экономически отсталых странах в условиях империалистической эпохи феодальный гнет переплетается с империалистическим гнетом. В результате хозяйничанья империалистов и сохранения феодальных пережитков огромные массы сельского населения этих стран живут в голоде и нищете. Их борьба — это борьба одновременно против империализма и феодализма; каждый удар по феодализму является вместе с тем ударом по империализму.

В колониальных и зависимых странах господство империализма препятствует устранению отживших экономических отношений, которые мешают росту производительных сил. В этих странах неумолимо нарастает и ширится борьба широчайших народных масс, направленная одновременно против иноземного империализма и феодальных

отношений, хотя и проявляющаяся в весьма различных формах.

Миссию руководства национально-освободительным движением колониальных народов против империализма и феодализма берет на себя рабочий класс колоний и полуколоний, а в ряде случаев и национальная буржуазия.

Рабочий класс этих стран и его авангард — коммунистические партии, вооруженные знанием объективных законов общественного развития, борются за гегемонию в национально-освободительном движении и выдвигают радикальную аграрную программу: каждому пахарю — свое поле. Рабочий класс оказывает максимальную помощь и поддержку своему естественному союзнику — крестьянству, укрепляет союз с ним, помогает ему в антифеодальной борьбе, наглядно показывая крестьянству, что в прочном союзе с рабочим классом и под его руководством оно получит избавление от векового гнета, получит свободу и землю.

Созданная Марксом теория земельной ренты служит научной основой аграрной политики коммунистических партий капиталистических стран. Опираясь на эту научную основу, правительства стран народной демократии, руководимые коммунистическими и рабочими партиями, осуществили аграрные реформы, которые навсегда покончили с феодальным наследием и обеспечили нерушимый союз рабочего класса с крестьянством.

Уничтожение остатков феодализма явилось одной из главных задач первого этапа развития стран народной демократии. Так, например, аграрная реформа, осуществленная в Румынии в 1945 г. народно-демократическим правительством на основе широчайшего движения крестьянских масс, навеки покончила с феодальной земельной собственностью и господством румынских бояр — помещиков. Много веков боролись румынские крестьяне против угнетателей — бояр, много раз поднимали они восстания, пытаясь сбросить феодально-крепостнический гнет, но только в результате народной революции под руководством рабочего класса во главе с коммунистической партией, только благодаря победам Советской Армии, освободившей Румынию от фашизма и империализма, смогли они избавиться от гнета, получить боярскую землю в свои руки. Рухнули отжившие производственные отношения, и производительные силы румынского сельского хозяйства стали мощно, стремительно расти. Сейчас румынский народ строит социализм, румынская деревня перешла от мелкокрестьянского к крупному, кооперативному сельскохозяйственному производству. Подобный процесс произошел также и в других странах народной демократии — в каждой по-своему, отражая специфику их исторического развития.

Таким образом, изучение марксистско-ленинского учения о феодализме важно и для теории, и для практики.

Часть первая

ОСНОВЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
ФЕОДАЛИЗМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Характер производительных сил и форма собственности на средства производства при феодализме

---

1. Феодальное производство

Критики марксизма долго нападали на понятие «капитализм». Но жизненность этого понятия, его соответствие объективной, реальной ступени общественного развития человечества оказались настолько неопровержимыми, что сами буржуазные экономисты, историки, политики не могут ныне без него обходиться. Они устремляют теперь свои главные усилия на то, чтобы лишить понятие «капитализм» его четкой исторической ограниченности: то говорят, что эпоха капитализма уже кончилась в начале XX в., то, наоборот, что она никогда не кончится; то говорят, что капитализм возник только в XIX в., то, наоборот, что возникновение его неуловимо, уходит во тьму веков. Ныне в этой идейной борьбе вокруг понятия «капитализм» видное место занимают атаки на понятие «феодализм». Буржуазные историки и экономисты сплошь и рядом уверяют, что это понятие, употребляемое марксистами, не имеет точного содержания, что им пытаются охватывать слишком многообразные, даже ничего общего не имеющие между собой явления.

Эти атаки проистекают из непонимания и незнания марксистско-ленинской теории феодализма. Во-первых, она, как и теория капитализма, представляет собой высокую форму научной абстракции. Бесконечно многообразны и неповторимы конкретные пути истории всех живущих народов. Тот или иной способ производства мы находим в истории в сложной смеси с остатками и зачатками других способов производства. Политическая экономия отвлекает от реальности и анализирует «чистый» способ производства, не встречающийся нигде в частности, но отражающий существенные общие, черты множества частных проявлений. Во-вторых, феодализму может быть больше, чем любой другой общественно-экономической формации, присущи мно-

гообразие проявлений, некоторая подвижность и текучесть самих характеризующих его категорий. Эта специфика и создает подчас впечатление, что уж слишком несхожи между собой те явления, которые мы хотим обнять понятием феодализма: от системы поместий каролингской эпохи до общества с высокоразвитым городским производством; от французского или английского общества XVI–XVIII вв. с лично свободным крестьянством до одновременного русского барщинного хозяйства, основанного на труде крепостных крестьян; от Западной Европы до Китая и Японии и т. д. Действительно, диапазон явлений огромный. Но мы можем обобщить их, если начнем определение феодализма негативным путем: феодализм лежит между зрелым рабовладельческим строем и капиталистическим, имея существенное отличие и от того, и от другого. Феодализм не есть застывший тип производственных отношений, но процесс, заполняющий интервал между тем и другим. Текучесть его определений и характеристик не беспредельна: они имеют пределы в коренных отличительных чертах исторически смежных формаций.

Поясним это примером. Одно из характерных свойств феодального способа производства, как будет показано ниже, определяется формулой «неполная собственность на работника производства». Раскрывая эту формулу негативно, можно сказать, что под это определение попадает решительно все, кроме, с одной стороны, полной собственности на работника производства, т. е. рабовладения, и с другой, — полного отсутствия собственности на работника производства, т. е. характерного для капитализма вольнонаемного труда. Иными словами, категория «неполная собственность» говорит не о полусобственности, а о любой ее степени, начиная от такой, которая хоть чуть меньше полной собственности (В. И. Ленин писал, что русское крепостничество подчас *почти* не отличалось от рабства), и кончая такими отношениями, которые хоть чуть сохраняют остатки собственности на человека: уже нет собственности на человека, но есть ее частицы в виде ограничения его права распоряжаться собой или иметь собственность — сословная неполноправность, подчинение юрисдикции землевладельца, повинности, лежащие на личности трудящегося, ограничения для него права наследования, продажи, приобретения, залога имущества. Этим примером мы только хотим пояснить тезис о высокой эластичности, растяжимости, диалектической гибкости всех категорий, с которыми имеет дело теория феодализма, что отнюдь не исключает их логической правомерности и определенности.

Но, как сказано, эту внутреннюю специфику теории феодализма как такового не следует смешивать с наличием в конкретной действительности пережитков и зародышей других формаций, т. е. с наличием почти во всяком исторически существовавшем обществе со времени

зарождения классов той или иной многоукладности. Даже отсеяв механические примеси, мы заметим, что феодализму органически свойственны остатки и рецидивы прежних дофеодальных общественных отношений, как и предпосылки будущих, капиталистических.

С особой группой логических трудностей встречаются те исследователи, которые изучают феодальные порядки и отношения в современных экономически слабо развитых странах. Исходными понятиями для этих исследователей оказываются «разложение феодализма», «пережитки феодализма», «полуфеодальные отношения». Означают ли эти понятия, что данные отношения являются одновременно полубуржуазными? Навряд ли возможно такое чисто механическое деление. Во всяком обществе какой-либо тип производственных отношений является господствующим. Многоукладность, за редкими кратковременными исключениями, не означает равновесия укладов. Напротив, господствующий тип отношений обычно накладывает свою печать на остальные, приспособлявая или искажая их. Поэтому невозможно построить верную теорию феодализма, исходя из современных «полуфеодальных» отношений, возможен лишь противоположный путь: сначала уяснить систему категорий и законов «чистого» феодализма, рассмотренного в его историческом возникновении, развитии и упадке.

Переход от рабовладельческого способа производства к феодальному явился прогрессивным шагом в экономическом развитии человеческого общества.

В конце рабовладельческой эпохи рабство и вся система отвечавших ему экономических отношений стали оковами, тормозом для развития производительных сил.

Так, рабский труд, нуждавшийся в постоянном надзоре надсмотрщиков, подразумевал тем самым работу рабов более или менее крупными партиями, что делало невозможным переход к более интенсивным в ту эпоху, индивидуальным методам обработки земли. Тяжелый плуг, означавший переход к интенсивной глубокой вспашке, стал sporadически применяться в некоторых провинциях еще в поздней Римской империи, но широкого распространения он не мог получить в древнем мире. Только начальный период средневековья ознаменовался быстрым повсеместным внедрением тяжелого плуга; рабский труд, требовавший работы более или менее крупными партиями, препятствовал его распространению, означавшему прогрессивный сдвиг в агрикультуре, а система труда крестьян, свободных от рабской зависимости и имевших свою семью, напротив, быстро содействовала его распространению. Это, конечно, только один из многочисленных примеров, показывающих, как производительные силы в конце античной эпохи переросли рабовладельческие экономические отношения.

Раб не был заинтересован в интенсивном использовании орудий, а тем более в каком-либо их усовершенствовании. Всякое мало-мальски сложное орудие подвергалось порче, поломке. Водяная мельница, известная на протяжении всей античной рабовладельческой эпохи, оставалась примитивной (нижнебойное колесо), не получала дальнейшего развития до феодальной эпохи. Усовершенствованный пресс для винограда тоже не получал широкого распространения. Применение рабочего скота в сельском хозяйстве было ограничено по той же причине: рабы не были сколько-нибудь заинтересованы в уходе за скотом и сохранении его.

Все эти стороны рабского труда, сковывавшие возможности развития производительных сил, обнаружились только в конце рабовладельческой эпохи, — рабский труд соответствовал предшествовавшей, более низкой ступени производства. Рабовладельческий строй существовал на протяжении трех-четырёх тысяч лет. Это свидетельствует, что он отвечал не только определенному уровню и характеру производительных сил, но и крайне медленному темпу их изменения, крайней их застойности, почти неподвижности. Лишь в конце этой огромной эпохи замечается большая подвижность производительных сил, чем на протяжении всей предыдущей древней истории.

В то же время в конце рабовладельческой эпохи наблюдаются усиленные поиски господствующим классом способов поощрения рабов к труду. Так, все больше практикуется отпуск особо отличившихся рабов на волю, чтобы оставшихся рабов подстегивала в труде не только плеть надсмотрщика, но и надежда на освобождение; практикуется помещение рабов на земельные участки для ведения ими своего хозяйства и предоставление им «пекулия» — имущества, часть доходов с которого должна была вручаться господину. Все эти поиски свидетельствуют о том, что уровень производительных сил требовал уже нового отношения непосредственных производителей к труду и тем самым новых производственных отношений. Но в то же время эти меры свидетельствуют о тупике, в котором оказалось рабовладельческое общество: все это — по большей части возрождение экономических институтов, характерных для ранних, неразвитых ступеней того же рабовладельческого строя. Впрочем, в новых исторических условиях они уже служили и предзнаменованием новых, феодальных порядков.

Характер новых, зарождавшихся производительных сил требовал развития не крупного производства, покоившегося при рабстве лишь на простом соединении однородного труда, а индивидуального производства. Дальнейшее развитие производительных сил во всемирной истории могло совершаться до поры до времени лишь при условии господства мелкого индивидуального хозяйства. Переход к феодализму, осуществившийся в ходе широких социальных движений и так назы-

ваемых «варварских завоеваний», привел производственные отношения в соответствие с характером производительных сил, зародившихся, но не способных развиваться в недрах старого, рабовладельческого общества.

Элементы феодального экономического уклада имелись налицо уже в позднем рабовладельческом обществе (например, колонат в Риме), а также и у племен, составлявших периферию рабовладельческого общества, например у германцев, славян, переживавших разложение первобытнообщинного строя.

После ликвидации рабовладельческого строя формирование феодального строя происходило, как правило (например, в Западной Европе, в Византии, в Китае), путем взаимодействия, синтеза этих двух источников генезиса феодальных отношений, т. е. элементов и предпосылок феодального экономического уклада, имевшихся в условиях разложения рабовладельческого строя и в условиях разложения первобытнообщинного строя. Это положение о синтезе двух источников генезиса феодальных отношений, высказанное впервые Марксом во «Введении» к книге «К критике политической экономии», является руководящим для понимания начальных стадий развития феодального общества, для понимания, следовательно, и хозяйственной истории раннего средневековья (см. «Приложение»).

Производительные силы феодального общества, если сравнить их с производительными силами капитализма, могут быть названы низкими и рутинными, но сравнительно с производительными силами рабовладельческого общества они представляли несомненный шаг вперед, прежде всего в главной отрасли производства того времени — в сельском хозяйстве. Феодальное производство характеризуется дальнейшим развитием земледелия, например, постепенным распространением трехполья, дальнейшим развитием огородничества, луговодства, виноделия, маслоделия. Эти успехи сельского хозяйства стали возможны в связи с дальнейшим улучшением плавки и обработки железа, распространением разных видов железного плуга, тяжелого и легкого, и некоторых других железных орудий, изобретением ветряной мельницы, широким распространением и усовершенствованием водяной мельницы (верхнебойное, наливное колесо), а также виноградного прессы и других приспособлений и механизмов. Распространение ткацкого станка также сыграло существенную роль в развитии феодального производства.

Накопление специальных производственных навыков, развитие соответствующей новой техники привели на определенной ступени развития феодального общества к возрождению в новой форме того отделения ремесленного труда от сельскохозяйственного, которое возникло еще в дофеодальную эпоху, но кое-где в начале феодальной эпохи

почти исчезло. Этот скачок в разделении общественного труда, выразившийся в образовании феодальных городов, в отделении города от деревни, был одним из важнейших моментов в развитии производительных сил феодального общества.

Техника средневекового городского ремесла характеризуется дифференциацией специальных орудий ручного производства, виртуозным мастерством производителей — ремесленников, внедрением в некоторых отраслях более или менее сложных приспособлений (в металлообрабатывающем, кожевенном, красильном и других ремесленных производствах), ростом разделения труда между ремеслами. Рост производительных сил в условиях ручного производства проявлялся преимущественно в росте разделения труда. Все это привело к возможности появления в конце средневековья наряду с ремесленными мастерскими мануфактурных предприятий.

Главные, основные черты производительных сил феодального общества и их развития: безусловное господство сельского хозяйства над ремеслом, деревни над городом, сохраняющееся до конца феодализма, несмотря на развитие ремесла и рост городов; развитие сельского хозяйства как вширь (расчистка лесов, распашка и освоение целины, расширение несчетных деревень, — оседлых или полuosедлых поселений, по обширнейшим географическим пространствам), так и в отношении интенсивности методов хозяйства (вспашка, севооборот, удобрение, сочетание земледелия со скотоводством, развитие специальных огородных, садовых, технических, кормовых культур); сращенность производителя с орудиями индивидуального производства, как «улитки с раковиной»; решающее значение личного хозяйственного и технического навыка, опыта каждого отдельного работника; мелкий, индивидуальный характер производства (даже на барщине в крупном поместье происходит не подлинное соединение труда, а лишь суммирование результатов индивидуального труда крестьян — «уроков»). Отсюда — развитие разделения труда не как технического разделения труда в одном производстве, а как общественного разделения труда между мелкими отдельными производствами, хотя все более дробная специализация и обособление индивидуальных производителей неминуемо должны будут в конце концов привести к зарождению обратной тенденции — сочетанию разных специальностей в одном производстве.

Данному характеру производительных сил и данному направлению их развития соответствовали феодальные производственные отношения.

Производительные силы и производственные отношения во всяком обществе составляют две неразрывные стороны единого целого — общественного производства, или, иначе говоря, способа производства.

Производительные силы являются при этом более подвижной стороной. Но феодальные производственные отношения, будучи порождены данным уровнем и характером производительных сил, определяли в свою очередь темпы развития производительных сил.

После ликвидации рабовладельческих производственных отношений феодальные производственные отношения явились такой общественной формой, которая в течение нескольких столетий делала возможным и необходимым дальнейшее развитие производительных сил. Эти производственные отношения служили главной и решающей силой, которая определяла дальнейший подъем производительных сил, пока феодальные отношения в свою очередь не устарели и не стали тормозом развития производительных сил¹.

Что же в системе феодальных производственных отношений обеспечило им эту роль движущей силы в отношении производительных сил общества? Прежде всего частичное раскрепощение непосредственного производителя по сравнению с положением раба. Получив свое хозяйство и некоторые, хотя и ограниченные, права (прежде всего право на свою жизнь: феодал, как правило, уже не может безнаказанно убить крестьянина), непосредственный производитель стал значительно более заинтересованным в результатах своего труда, следовательно, значительно более производительным и инициативным работником. Он работает в некоторой мере для себя и своей семьи, в своем хозяйстве; раб же в зрелом рабовладельческом обществе не имел семьи, не имел хозяйства, не был заинтересован в труде. Новые производительные силы требуют, чтобы у работника было хоть какое-нибудь желание трудиться, была заинтересованность в результатах труда. Поэтому феодал предпочитает рабу, как работнику совершенно пассивному и неинициативному, крепостного крестьянина, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю, хотя значительную часть его урожая, или его труда, и забирал феодал в свою пользу².

Вот эта черта и была главной, обеспечившей феодальным производ-

---

¹ В. Я. Суслов. О действии закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил при феодализме. — «Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена», т. 162, ч. 3, 1959.

² Конкретную характеристику возникновения класса феодальнозависимых крестьян и его эволюции на разных стадиях см., например, в монографиях: Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.—Л., 1947; А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956; М. А. Барг. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Изд. 2-е, испр. и доп. Кн. 1–2. М., 1952–1954; он же. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958.

ственным отношениям роль движущей силы в развитии производительных сил общества. Крестьянин, а позже и ремесленник, будучи в известной мере заинтересован в результате своего труда, вносил хотя бы ничтожные улучшения в процесс труда, и накопление этих незначительных улучшений в конечном счете давало рост производительных сил общества.

Мы подошли к одному из самых важных и спорных вопросов в общей характеристике феодального производства. Что является основной производственной ячейкой, основной хозяйственной единицей феодального общества? Советские исследователи предлагали два разных ответа на данный вопрос. Ф. Я. Полянский и др. высказывали мнение, что этой основной хозяйственной единицей следует считать феодальное поместье (манор, вотчину, сеньорию). Такой взгляд представляет собой попытку критической переработки научного наследия одного из главных течений в экономической истории средневековья — вотчинной или манориальной теории. Нельзя ли из анализа именно поместья диалектически вывести все основные противоречия и характерные черты феодальной экономики, в том числе ее натуральнохозяйственный характер? Опыт этот нельзя считать удавшимся. Поместье выступало как система организации производства лишь на некоторых стадиях феодализма, в частности на стадии позднего феодально-крепостнического хозяйства и на стадии раннего поместного строя, словом, в периоды, когда на передний план выступала отработочная форма феодальной ренты. Для других огромных пластов истории феодального хозяйства организация производства через поместье совершенно нехарактерна. Систему категорий феодальной экономики не удастся развить из внутренних противоречий взятого за первооснову феодального поместья.

Представляется более правильной мысль большинства советских исследователей, считающих, что основной производственной ячейкой феодального общества являлось хозяйство непосредственного производителя. По словам Маркса, «как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство... составляют базис феодального способа производства»³. Разумеется, это не исключает в отдельные периоды, особенно при барщинно-крепостнической системе, существования и крупного помещичьего хозяйства, но, как уже сказано, оно по существу не было крупным производством и основой его оставалось мелкое крестьянское хозяйство: своим инвентарем, на своей лошади, силами своей семьи каждый крестьянин отдельно от других выполнял ту или иную работу. Производительные силы феодального общества в основном были распылены именно по мелким крестьян-

---

³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 341 (сноска).

ским (а в дальнейшем и ремесленным) хозяйствам.

Феодалное общество есть антагонистическое классовое общество: непосредственному производителю противостоит эксплуататор, который присваивает часть продуктов труда (или непосредственно часть труда) производителя, работника производства. Классовый антагонистический характер производственных отношений феодализма составляет их глубочайшую, коренную черту. Феодалная экономика является насквозь классовой экономикой; все экономические отношения людей в феодальном обществе являются в конечном счете отношениями между классами.

Само понятие «классы» — это прежде всего экономическая категория (экономические классы), одна из важнейших категорий марксистской политической экономии, с помощью которой только и может быть подвергнута научному анализу вся сложная система производственных отношений во всяком классово антагонистическом обществе.

Только производительные силы в технологическом плане могут быть охарактеризованы без употребления понятия «классы», — но ведь производительные силы сами по себе и не являются предметом политической экономии. В экономическом же смысле нет никакого «производства» вне единства производительных сил и производственных отношений, вне тех отношений между людьми, общественных отношений, в каких осуществляется производство. Что же понимает марксизм под производственными отношениями? Марксизм различает в производственных, экономических отношениях людей три группы явлений, зависящих одна от другой, последовательно, вытекающих одна из другой: 1) та или иная форма собственности на средства производства, 2) вытекающее из нее то или иное положение социальных групп в производстве и их взаимоотношение, 3) всецело зависящая от этого та или иная форма распределения продуктов. Этим исчерпывается понятие «производственные отношения». Уже самая первая, самая глубокая черта производственных отношений, т. е. форма собственности на средства производства, определяющая всю остальную совокупность экономических, производственных отношений людей, говорит нам либо об общественной собственности на средства производства (общество без антагонистических классов), либо о классовом антагонизме: средства производства присвоены, монополизированы одной частью общества в целях эксплуатации другой части.

В антагонистическом обществе для того, чтобы трудиться, производить, непосредственный производитель должен подчиниться собственнику средств производства и работать на него. У непосредственного производителя нет иной возможности соединить свою рабочую силу с отсутствующими у него материальными условиями производства. Производство материальных благ не предшествует антагонистическим

отношениям: оно само возможно здесь только в этой антагонистической общественной форме. Распределение продуктов труда в обществе всецело зависит от того, как распределены в обществе средства производства, кто является их собственником.

Для построения системы политической экономии любого способа производства можно идти лишь одним из двух логических путей. Либо из сложной совокупности экономических отношений абстрагируется простейшая, наиболее массовидная или элементарная клеточка, какой, например, при капитализме является товар, и путем анализа ее внутренних противоречий совершается переход от одной экономической категории и закономерности к следующей, вплоть до раскрытия наиболее глубинных и существенных, но не видных на первый взгляд производственных отношений данного общества. Так поступал Маркс в «Капитале» при анализе капитализма. Однако в «Нищете философии», критикуя Прудона, он указывал и на возможность более простой логической последовательности появления экономических категорий, а именно начинающегося с определения специфической для данного общества формы собственности. «В каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях. Поэтому определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства»⁴.

Метод изложения политической экономии феодализма, аналогичный методу «Капитала», пока не найден никем из экономистов. Правда, в работах Ф. Я. Полянского есть элементы такого хода мысли: как Маркс начал с анализа товара и товарного производства, так политическая экономия феодализма должна начать с анализа противоположного явления — натурального хозяйства; логические противоречия натурального хозяйства, по предположению автора, приводят к пониманию экономического механизма феодального поместья; как для капиталистического предприятия самоцелью оказывается самовозрастание стоимости, так для феодального поместья натуральное хозяйство является целью и самоцелью, приводящей его к сложным и в конечном счете неразрешимым противоречиям; классовый антагонизм феодалов и крестьян выступает как проявление этих экономических противоречий. Не вступая в детальную полемику с этими теоретическими искажениями, отметим лишь, что категория натурального хозяйства характеризует вовсе не один лишь феодальный способ производства, и поэтому имманентный логический анализ натурального хозяйства должен привести нас отнюдь не к системе специфических категорий именно феодального способа производства, а скорее уже первобытного. По-

---

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 168.

этому указанный путь представляется научно бесперспективным.

Мы пойдем вторым путем, т. е., следуя приведенным словам Маркса, будем считать, что верно определить феодальную собственность — это уже значит дать в зародыше описание всех общественных отношений феодального производства.

Если начать характеристику феодальной экономики с формы собственности на средства производства, то классовая, эксплуататорская природа феодальной экономики раскроется с первого же шага. При этом, разумеется, надо иметь в виду прежде всего не вопрос о юридической форме феодальной собственности, а коренной вопрос — в чьем распоряжении в феодальном обществе находились средства производства: располагали ли ими сами трудящиеся или же средства производства были присвоены теми, кто не трудился, а трудящиеся были лишены этих средств производства. Характеристика состояния производственных отношений прежде всего отвечает на вопрос, в чьем владении, в чьем распоряжении находятся средства производства — в распоряжении всего общества или же части членов общества, классов, использующих их для эксплуатации другой его части, других классов.

Надо еще раз подчеркнуть, что именно это мы имеем в виду, когда говорим в экономическом смысле о «собственности» первобытнообщинной и социалистической или рабовладельческой, феодальной и капиталистической. Неправильно рассматривать собственность как отношение тех или иных людей к материальным благам, к вещам. Собственность есть отношение между людьми. Недостаточно сказать, что собственность есть «присвоение» чего-либо, если не подчеркнуть, что это есть одновременно и недопущение к распоряжению данным имуществом всех других. Собственность, рассматриваемая как экономическая категория, не есть отношение людей к вещам, голое «присвоение» людьми вещей, а есть отношение между людьми: отношение между собственником (единичным или коллективным) и теми, кто не имеет прямого доступа к распоряжению данной вещью; юридическое право собственности лишь оформляет и закрепляет эти отношения. В экономическом смысле собственность всегда выступает как общественное отношение — отношение между собственником и несобственниками. Социалистическая, общественная собственность не может быть присвоена отдельными гражданами; советское право, карающее любого человека за присвоение государственной (общенародной) или кооперативно-колхозной собственности, прямо защищает данное производственное отношение: принадлежность средств производства всему обществу или колхозу, но не отдельным лицам. В классовом антагонистическом обществе собственность на средства производства принадлежит не всему обществу, а монополизировавшей их части людей; такие производственные отношения защищаются правом частной собст-

венности (иногда — групповой), которое не допускает остальных людей к пользованию этими средствами производства иначе, как с согласия собственника, т. е. служит ему правом эксплуатировать других людей за то, что он допускает их к пользованию этими средствами производства.

Марксистская экономическая наука исходит не из правовой «формы» собственности в смысле ее юридических особенностей, а из ее экономического содержания. Если исходить из правовой формы, классовое строение антагонистического общества окажется чем-то производным, вытекающим из внеклассовой правовой формы. Маркс разъяснял, что отношения собственности следует рассматривать не в их «юридическом выражении», а следует вскрывать их реальное экономическое существо в форме «производственных отношений»⁵. Не право собственности, а собственность как экономическое отношение лежит в основе базиса общества.

Чтобы отличить феодальную форму собственности от буржуазной (капиталистической), нельзя исходить из того, что буржуазная собственность — свободная и безусловная, а феодальная — условная, ограниченная, отражает феодальную иерархию и т. п. Не об этом говорит марксизм, утверждая, что общественные формации отличаются одна от другой прежде всего формой собственности на средства производства, определяющей всю остальную совокупность экономических отношений. Марксизм говорит о том, находятся ли средства производства во владении и распоряжении всего общества, самих трудящихся, или средства производства отделены от трудящихся, находятся в распоряжении отдельных лиц, групп, классов в целях эксплуатации трудящихся. Нет ничего глубже этого экономического отношения. «Присвоение» средств производства по экономическому существу раскрывается как отношение между теми, у кого есть эта собственность, и теми, у кого ее нет, т. е. как классовое отношение. Ведь классы — это и есть общественные группы, различающиеся прежде всего по их отношению к средствам производства (большей частью закрепленному и оформленному в законах)⁶. Сказанное относится также не только к собственности на средства производства, но и к собственности на работника производства и его рабочую силу.

Феодальная форма собственности отличается и от рабовладельческой и от капиталистической тем, что при феодализме не все средства производства отделены от трудящихся. Но основное средство производства того времени — земля — не принадлежит трудящимся; подавляющее большинство трудящихся при феодализме не имеет земли в

---

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 153–154.

⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

своим полным распоряжением, земля находится в собственности феодалов.

Согласно сказанному выше, собственность феодалов на землю — это не отношение феодалов к земле, а отношение феодалов к тем, кто был лишен свободного доступа к этому необходимейшему условию труда, т. е. отношение феодалов, монополизировавших землю, к крестьянам — земледельцам. Субъекты собственности на землю при феодализме — не вообще частные лица, а именно феодалы, противостоящие как класс собственников земли крестьянству как классу земледельцев, лишенных свободного доступа к земле. Это отношение необходимо дополняется (как будет показано ниже) неполной собственностью феодалов и на самих крестьян, т. е. лишением крестьян возможности свободно распоряжаться собой, своей рабочей силой.

Из этого ответа на первый вопрос — о форме собственности на средства производства — вытекает ответ и на второй вопрос — о положении социальных групп в производстве и их взаимоотношении. Соединение трудящихся с отделенной от них землей осуществляется в форме эксплуатации собственниками земли зависимых от них производителей. Основные социальные группы в феодальном обществе — это класс землевладельцев и класс зависимых крестьян. Положение этих классов в производстве, их взаимоотношения — это положение эксплуататоров и эксплуатируемых, это отношения господства и подчинения. «Крепостническое общество, — говорит В. И. Ленин, — представляло такое деление классов, когда громадное большинство — крепостное крестьянство — находилось в полной зависимости от ничтожного меньшинства — помещиков, которые владели землей»⁷.

Кроме этих главных антагонистических групп, в общественном производстве налицо промежуточные и внутриклассовые группы. Например, крестьяне и ремесленники в феодальном обществе в широком смысле принадлежат к одному общественному слою как непосредственные производители, эксплуатируемые феодалами, но их положение в производстве существенно отлично, так как ремесленники не нуждаются в земле в качестве средства производства (хотя, как увидим ниже, и остаются в некоторой экономической зависимости от класса земельных собственников). Экономические взаимоотношения этих двух групп, крестьян и ремесленников, не являются антагонистическими, «взаимный обмен своей деятельностью» (Маркс) между ними носит принципиально иной характер, чем в экономических взаимоотношениях господ и трудящихся. Во взаимоотношениях господ и трудящихся «обмен деятельностью» не имеет ничего общего с эквивалентностью: это безвозмездное присвоение господами части труда не-

---

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77.

посредственных производителей и отправление господами функции вотчинной власти и суда над ними. Напротив, во взаимоотношениях крестьян и ремесленников налицо тенденция к эквивалентности в обмене своей деятельностью.

Социальные группы в феодальном обществе выступают в форме условий, не совпадающих точно с классами, и это осложняет, запутывает картину классового антагонизма. Однако основные, определяющие производственные отношения феодального общества носят классовый, антагонистический, эксплуататорский характер. Только исходя из этих основных производственных отношений можно понять и все вторичные, зависимые от них отношения общественных групп.

Наконец, от взаимоотношения классов и иных групп, зависящего от их разного отношения к средствам производства, в свою очередь всецело зависит и форма распределения продуктов в феодальном обществе — пропорции присвоения продукта всего общественного производства разными классами и группами. Весь совокупный продукт, производившийся в феодальном обществе, распадался на две части: прибавочный продукт, который присваивался классом феодалов-землевладельцев, и необходимый продукт, который присваивался непосредственными производителями — крестьянами и ремесленниками.

Следует подчеркнуть, что эти категории — прибавочный продукт и необходимый продукт — характеризуют отнюдь не производительные силы, а производственные отношения, именно отношения классов в антагонистическом обществе. Их нельзя смешивать с производственно-техническими категориями, такими, как производительность труда. Известный уровень производительности труда является лишь необходимой материальной предпосылкой существования классов: производство должно достигнуть такого состояния, когда трудящийся создает больше продукта, чем необходимо для восстановления его затраченной при этом рабочей силы. Однако точно так же дальнейшее развитие производительности труда служит предпосылкой для перехода к бесклассовому, коммунистическому строю. Категория «производительность труда» относится к характеристике производительных сил и может быть применена к любому способу производства. Напротив, категории «прибавочный труд», или «прибавочный продукт» нельзя придавать всеобщий характер: в социалистической экономике весь продукт труда является необходимым⁸, так как называть часть, идущую на нужды общества и воспроизводства, прибавочным продуктом значило бы сказать, что трудящиеся сами себя эксплуатируют. Прибавочным продуктом называется не всякий избыток над прожиточным минимумом производителя, а продукт, присвоенный собственником средств про-

---

⁸ См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 532; см. также «Критика Готской программы».

изводства у непосредственного производителя.

Следовательно, деление продукта на необходимый и прибавочный не связано прямо и непосредственно с делением продукта на часть, идущую в личное потребление, и часть, идущую на нужды общества и воспроизводства. Это два разных деления. Нужды воспроизводства покрываются при одном способе производства из прибавочного продукта, при другом — из необходимого, в зависимости от типа коренных производственных отношений, господствующих в обществе. В феодальном обществе прибавочный продукт, присваиваемый классом феодалов-землевладельцев, потреблялся ими с их дворней, дружиной, свитой, с их государственным и церковным аппаратом в основном непроизводительно, т. е. почти не тратился на нужды воспроизводства. Это связано с тем, что единственное монополизированное феодалами средство производства — земля, рассматриваемая как земельная площадь, не нуждается в возмещении, ибо не уничтожается в процессе производства. Расходы на воспроизводство при феодализме почти целиком падали на хозяйство непосредственных производителей, осуществлялись из доходов крестьян и ремесленников. Такое положение накладывало глубокий отпечаток на картину распределения общественного продукта при феодальном строе. Словом, специфические черты феодальной экономики подтверждают, что и здесь форма распределения продуктов всецело зависела от формы собственности на средства производства и от положения социальных групп (классов) в производстве.

2. Феодальная земельная собственность

Начнем с предварительного замечания об употребительных терминах «феодальная форма собственности», «феодальная собственность», «собственность феодалов». Совершенно ясно, что понятие «феодальная форма собственности» шире, чем понятие «собственность феодалов», так как включает в себя и особенности собственности других классов при феодализме. Термин «феодальная собственность» употребляется в литературе иногда в первом, иногда во втором смысле, в общем он чаще означает то же, что «собственность феодалов», и в этом смысле мы будем пользоваться им в настоящем разделе.

Второе понятие, которое нам придется уточнить, это — «земля». Маркс указывал на различные производственно-экономические функции земли. Земля есть «первоначальный арсенал» предметов и средств труда человека, его «великая лаборатория». Но в качестве такой исходной лаборатории земля предстает как средство труда; в качестве же участков, к которым прилагается человеческий труд, т. е. как пашни,

пастбища, сенокосы, шахты, рыбные ловли и пр., она предстает как предмет труда; в качестве завершеного объекта потребления, например в виде парков, она предстает как продукт труда. Единство средства труда и предмета труда называется средством производства. Именно в качестве средства производства (а не просто в качестве «арены труда») земля является объектом феодальной собственности.

Собственность феодалов на землю, феодальная земельная собственность имеет экономические и правовые особенности, отличающие ее от всякой буржуазной собственности, в том числе и от буржуазной собственности на землю. Хотя в феодальном обществе почти вся земля принадлежит классу феодалов (свободная крестьянская собственность наблюдается, лишь в незначительном объеме и как преходящее явление в раннем средневековье, в периоды колонизации окраин и т. д.), в условиях мелкого производства для того, чтобы процесс производства мог осуществляться, она должна быть «передана» непосредственным производителям, если только не используется в качестве «барской запашки».

Соединение рабочих рук непосредственных производителей с этим главным средством производства — землей — могло происходить лишь двумя способами: крестьяне работали 1) на той части земли, которую феодалы оставляли себе, 2) на той земле, которой феодалы наделяли крестьян.

В первом случае мы имеем так называемое «барское хозяйство», «барскую запашку». Надо сказать, что это явление наблюдается не всегда и не везде в истории феодального общества. Например, для аграрной истории позднесредневековой Франции не характерно наличие «барского хозяйства», «барской запашки»; в основном вся земля здесь раздавалась участками крестьянам. Феодал только получал доходы со своей земли, но не вел хозяйства.

Наоборот, другой способ соединения рабочих рук с землей — наделение крестьян земельными участками, — налично везде, где есть феодальное общество. Даже если феодал-землевладелец ведет свое барское хозяйство, все равно большая часть земли роздана крестьянам в качестве наделов, в качестве, как говорит В. И. Ленин, натуральной, заработной платы этих крестьян. Феодал «передает» землю крестьянам участками в качестве «держаний» за повинности, или же он передает землю другим, нижестоящим феодалам, которые уже «передают» ее крестьянам.

Таким образом, феодальной земельной собственности присуща, с одной стороны, иерархичность — на основе этой особенности земельной собственности феодалы в средние века образуют лестницу зависимых один от другого держателей земли (держателей феодалов, или ленов); с другой стороны, феодальной земельной собственности прису-

ща условность — земля, как правило, получена таким-то от такого-то на таких-то условиях.

Все это создает большое правовое своеобразие феодальной формы земельной собственности.

Однако, как уже сказано, было бы неверно весь вопрос о феодальной собственности свести к этому внешнему своеобразию, к правовой форме: «условная» это собственность или «безусловная», «ограниченная» или «неограниченная» и т. д. Чаше феодальная собственность выступает как «условная», «ограниченная», но в некоторых конкретных исторических условиях, особенно при более или менее значительном развитии товарно-денежных отношений собственность помещиков на землю может выступать и как совершенно безусловная и неограниченная частная собственность. До реформы 1861 г. собственность русских помещиков на землю была ограничена только запрещением продавать её недворянам, но не входила ни в какую иерархию. Даже будучи самой неограниченной и безусловной, помещичья собственность не перестает быть феодальной собственностью по своему экономическому значению. Она и в этом случае лежит в основе феодальной, а не капиталистической формы производственных отношений, если используется не для фермерско-капиталистического производства с применением наемного труда, а для барщинной или оброчной системы, т. е. для эксплуатации «наделенных» земель крестьян.

Словом, единственное экономически обязательное «ограничение» феодальной земельной собственности состоит в том, что часть этой земли должна быть роздана крестьянам в надел (держание). Экономические интересы класса феодалов требовали, чтобы часть их земли была роздана в пользование крестьянам. Эта часть в разных исторических условиях могла приближаться к 100% или быть даже меньше 50%, но если бы помещики где-либо согнали с наделов всех своих держателей — крестьян (например, переведя их всех на месячину, на заработную плату или просто согнав с земли), то и в экономическом и в юридическом смысле такие землевладельцы уже перестали бы быть феодалами. Маркс писал, что английские лендлорды согнав «огораживаниями» всех крестьян со своей земли, «присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право...»⁹

Суть феодальной формы собственности на средства производства состоит в том, что трудящиеся не имеют земли, т. е. главного средства сельскохозяйственного производства, в своем полном распоряжении, хотя и имеют в полной собственности большую часть других средств производства; землю они получают от собственника-феодала не в пол-

---

⁹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 727.

ную собственность, а в пользование, в условное владение: за право возделывать ее они должны работать на феодала. Маркс определяет поэтому феодального крестьянина термином «возделыватель-владелец», называет его «возделывателем и владельцем земли, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли»¹⁰.

В феодальной, крепостнической России крестьяне определяли свои права на землю формулами: «Земля царева, а ржи и распаши наши», или «Земля боярская, а моего владения».

Характер прав крестьян на их надел менялся в разных исторических условиях. Мы видим большое многообразие разных конкретных форм — от краткосрочного арендного держания до бессрочного наследственного «владения», подчас близко напоминающего полную собственность. Если взять, например, тот же французский аграрный строй в конце феодальной эпохи, то мы увидим здесь в качестве характерной формы крестьянского держания так называемую цензиву (от слова ценз — повинность, которую платили крестьяне феодалу за пользование землей). В цензиве ряд черт напоминает полную собственность. Юридически крестьянин-цензитарий (т. е. владелец цензивы) имел право ее продавать, покупать, передавать по наследству, но всегда новый владелец вместе с землей приобретал и лежащие на ней повинности и обязанности по отношению к верховному собственнику этой земли. Однако в ту же эпоху в той же стране мы можем найти и другие формы крестьянского землепользования. Скажем, в одном из районов северной Франции господствующей формой был так называемый «домен конжеабль», когда крестьянин получал от феодала землю всего лишь на несколько, обычно на 9 лет, и по истечении этого срока феодал-землевладелец имел право согнать крестьянина и на его место посадить другого. Немало было во Франции и крестьян, арендовавших землю на 1–2 года.

Как видно на этом примере, конкретные формы крестьянского «владения» (пользования) землей могли быть очень многообразны и обеспечивать крестьянину весьма разную степень прочности этого «владения». На одном полюсе — право пользования, закрепленное настолько прочно, что как бы приближается к полной собственности, на другом — право пользования настолько непрочное, что уже почти перестает быть даже условным «владением», а приближается к простому возделыванию снятой за арендную плату земли. Между этими двумя полюсами и располагались все встречающиеся в исторической действительности варианты и виды крестьянского феодального держания.

Конечно, для крестьян характер права пользования был далеко не

---

¹⁰ К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1955, стр. 811, 815.

безразличным вопросом. Крестьяне, как правило, стремились расширить и укрепить свои владельческие права и энергично отстаивали раз достигнутый уровень этих прав. Марксизм рассматривает сгон крестьян с земли или ущемление прочности их «владения» (пользования) земель как несомненную узурпацию со стороны феодалов, как экспроприацию крестьянского участка, уже закрепленного и признанного за крестьянином самим феодальным правом и обычаем. Маркс говорит, что крестьяне имели на свои участки такое же феодальное право, как и сами феодалы¹¹. Но надо помнить, что и самое развитое и упроченное крестьянское земельное «владение» при феодализме, как правило, связано с повинностями в пользу верховного собственника и поэтому в экономическом смысле остается феодальным держанием, условным владением. В некоторых конкретно-исторических условиях крестьянам подчас было выгоднее переходить к краткосрочному держанию типа аренды, если это вело к уменьшению зависимости и суммы платежей феодалу.

Ни форма держания, юридически приближающаяся к собственности, ни арендная форма держания сами по себе не говорят о появлении буржуазных экономических отношений. Обе эти крайние формы наряду с прочими наблюдаются на протяжении всей феодальной эпохи, начиная с раннего средневековья (в средневековой Италии, Франции и т. д.). Наибольшее распространение эти крайние формы получают в условиях роста товарности производства, оставаясь при этом по своей экономической природе именно формами феодального держания. Даже самое прочное владение превратится в парцеллярную полную собственность, т. е. утратит феодальный характер, только после того, как будут уничтожены — революционным ли путем или путем выкупа — лежащие на нем повинности, оброчные обязательства, цензы, ренты и т. п. Феодальная аренда превратится в буржуазно-капиталистическую аренду только тогда, когда в качестве арендатора выступит фермер-капиталист, сельскохозяйственный предприниматель. Сама по себе юридическая форма аренды вовсе не свидетельствует о зарождении буржуазных отношений. Половничество, издольщина возможны еще при полном натуральном хозяйстве. Маркс отнюдь не в том смысле называет издольную аренду «переходной формой» от феодальной ренты к капиталистической¹², что сама эта форма появляется только при переходе к капитализму или свидетельствует о его зарождении: это попросту та из форм феодальных земельных отношений, которая при зарождении в обществе капитализма способна сохраниться, приспособиться к капиталистическому способу производства, т. е. наполниться новым

---

¹¹ См. *К. Маркс*. Капитал, т. I, стр. 723.

¹² См. *К. Маркс*. Капитал, т. III, стр. 815.

экономическим содержанием. В этом смысле она является переходной формой.

Итак, при всем разнообразии конкретных правовых вариантов реальное экономическое содержание феодальной формы земельной собственности в основе едино: за пользование землей крестьянин всегда, при любых формах пользования должен был нести феодальные повинности. Собственность феодалов на землю была экономической основой эксплуатации ими крестьян, их господства над крестьянами.

Как видим, при политико-экономическом рассмотрении феодальной земельной собственности оказывается, что «условной», «несвободной собственностью» по сути является только крестьянское земельное «владение» (держание, надел). По отношению к этим крестьянским участкам, на каком бы конкретном праве их ни держали крестьяне, феодалы выступают как подлинники собственники земли; собственность феодалов, рассматриваемая под этим углом зрения, не нуждается в каких-либо особых юридических определениях — это полная, свободная, неограниченная, безусловная собственность, и именно как таковая, как просто собственность, она и противостоит крестьянам, не имеющим своей земли и получающим ее у собственника в пользование на том или ином условии.

Но в отношениях феодалов между собой воспроизводится та же юридическая форма без того же социального содержания; так нередко в истории разнообразные общественные отношения оформляются по образцу основного, коренного отношения, господствующего в обществе. Каждый феодал — «держатель», т. е. как бы крестьянин (вассал) по отношению к королю или к другому феодалу, который в свою очередь «держит» землю от короля, и т. д. Внешне воспроизводя отношение крестьянина и земельного собственника, этот вассалитет по существу, напротив, сплачивал класс земельных собственников как ассоциацию, направленную против крестьян. Он защищал монополию данной группы людей на землю как на главное средство сельскохозяйственного производства. Условное «держание» земли в конечном счете от верховной политической власти, от феодального монарха служило для подмены одной функции «земли» совсем другой функцией: «земля» в качестве государственной территории, раздаваемая сверху вниз феодалам, оказывалась в их руках «землей» в другом качестве — в качестве средства производства. Собственность феодала на землю как на средство производства укреплялась перед лицом пользовавшегося этой землей крестьянина тем, что эта земля — не просто пашня (или луг, или лес), а территория, частица государства, которую феодал держит от государя.

Таким образом, мы уже на первых шагах сталкиваемся с тем фактом, что феодальные производственные отношения выступают в свое-

образной форме, которая маскирует и затуманивает их экономическое содержание. При капитализме экономические отношения замаскированы «товарным фетишизмом»: отношения людей выступают как отношения между вещами, товарами. При феодализме экономические отношения людей выступают тоже не в обнаженном виде, а выглядят отношениями политическими, государственными, «публичноправовыми» (по юридическому термину, противоположному термину «частноправовые» отношения). Еще когда рушился рабовладельческий строй под ударами «варварских» народов и старые формы земельной собственности уничтожались, новая собственность на землю могла зародиться лишь под видом права военных предводителей, королей управлять территорией, на которой расселилось племя или союз племен. Свободные варвары-общинники и их освобождаемые из рабства единоплеменники не признавали никакой частной земельной собственности, но признавали право своих вождей оборонять эту племенную территорию от соседей, расширять ее, следить на ней за военно-административным порядком. Лишь в результате долгого исторического процесса «герцог» и «граф» превратились из королевских уполномоченных по управлению отдельными районами этой территории в феодалов — собственников земли. Но и в дальнейшем их положение ленников короля, т. е. держателей части государства, прикрывало эксплуатацию от глаз крестьян-общинников, придавало экономической эксплуатации видимость государственных служб, необходимых в общих интересах. В свою очередь тот факт, что все простые экономические отношения людей выступали как политические отношения, приводил в феодальную эпоху к своеобразной фетишизации государства и публичного права; вся феодальная история выглядит на первый взгляд как невероятно сложное переплетение отношений между множеством государей и государств, вассалов и сюзеренов.

Экономическая структура общества была настолько плотно облечена при феодализме в эту политическую форму, что понятие «земельный собственник» очень долго сливалось в сознании и практике с понятием «государь». Каждое феодальное поместье было некогда одновременно и государством («поместье-государство»). Лишь с дальнейшим развитием феодализма в Европе эти два явления в известной мере обособлялись друг от друга; однако помещик, перестав быть государем, все же сохранял немалые остатки прав государя (например, право суда), а государь, т. е. царь, король, князь и т. п., сохранял крупнейшую земельную собственность. В ряде стран Востока развитие феодализма пошло не по пути дробления земельной собственности среди многих феодалов, а по пути укрепления государственной собственности на всю землю: феодальное государство выступает как единый гигант-помещик. Например, в VIII–IX вв. в арабском Багдадском халифате боль-

шая часть крестьян-общинников жила и работала на земле халифа и платила феодальные повинности непосредственно государству.

В общем такая общегосударственная собственность весьма характерна для восточного феодализма. Именно ее широкое распространение вызывало сомнения в допустимости применять понятие «феодализм» к восточному средневековью. Однако в конце концов теоретический анализ показал, что здесь нет никакой принципиальной разницы с западной системой многочисленных мелких «поместий-государств». В известном смысле восточная государственная земельная собственность представляет даже пример наиболее «чистого» феодализма; в этом случае наиболее обнаженно видно, что означает собою «полная собственность на землю», так как при системе взаимосвязанных поместий-государств эта полнота скрыта от глаз их ленными иерархическими отношениями между собой и может быть уловлена лишь при мысленном охвате этой иерархии феодалов в целом. Однако и восточная государственная монополярная собственность на землю редко оставалась чистой. Путем ли возрастания прав государственных чиновников на местах, путем ли раздачи государственной территории или иными путями развивалась и частная земельная собственность, достигавшая в разных странах и в разные моменты значительного пространства¹³. Тем не менее, связь феодальной земельной собственности с государством в странах Востока особенно сильно выражена.

Но представление о государственной собственности на всю землю в странах Востока было непомерно преувеличено мусульманскими юристами, превозносившими надклассовый и бескорыстный ее характер. Классово-феодальное содержание этой государственной собственности было заглушено неумеренным противопоставлением ее собственности феодалов как частных лиц. Среди марксистов-востоковедов одно время государственная земельная собственность расценивалась даже как возможное доказательство в пользу выделения особой общественно-экономической формации — «азиатского способа производства». Однако подобранные с этой целью отдельные цитаты из сочинений Маркса и Энгельса не доказали и не могли доказать, что закон смены прогрессивных способов производства во всемирной истории человечества строился Марксом и Энгельсом по географическому признаку: путем противопоставления «азиатского» способа производства рабовладению, феодализму и капитализму как каким-то специфическим «европейским» способам производства. Это было бы равносильно

---

¹³ См. об этом: В. П. Мутафчиева. К вопросу о феодальной иерархии в османской военно-ленной системе (XV–XVI века). — В кн.: «О генезисе капитализма в странах Востока (XV–XIX вв.)». М., 1962; А. С. Тверитинова. О доменальном землевладении феодалов-ленников в Османской державе в XV–XVI веках. — Там же.

отрицанию всеобщей закономерности. В более ранних произведениях Маркс и Энгельс обозначали словом «азиатский» первобытнообщинный строй именно потому, что открытую тогда Г. Мэном и другими исследователями индийскую общину они предлагали рассматривать как неоспоримый остаток теоретически предугадываемой ими ступени развития человечества на всех континентах. Когда же дальнейшее развитие науки, например, труды Маурера по истории Европы, Моргана по истории Америки окончательно показали, что «азиатская» община была вовсе не только азиатской, а всеобщей исходной формой исторического развития человечества, Маркс и Энгельс справедливо расценили это как торжество своих предположений. С тех пор они если и прибегали к эпитету «азиатский», то уже не для обозначения целой формации, а лишь в целях оттенить конкретную специфику какого-либо способа производства, например феодального, в странах Востока. Как сказано выше, к числу специфических черт восточного феодализма (хотя и не составляющих чего-либо исключительно «азиатского») принадлежит отчетливо выраженная монополизация земельной собственности государством.

Однако политическая экономия должна проникнуть под политический покров, придающий в феодальную эпоху экономическим отношениям видимость публичноправовых. Этот покров создает иллюзию, будто само государство обладает экономическими свойствами, подобно тому как товарный фетишизм создает иллюзию будто сами вещи обладают экономическими свойствами. При капитализме все экономические отношения облечены в частноправовую форму, при феодализме они облечены в публичноправовую форму (что не исключает, однако, существования и частноправовых, «гражданских» отношений). Но под этой оболочкой политическая экономия вскрывает экономическую сущность феодальной собственности на землю: существование *монополии* меньшинства общества на распоряжение земель. В условиях господства мелкого производства, притом преимущественно сельскохозяйственного, наличие такой монополии принуждает непосредственных производителей получать землю у монополистов для возделывания и отдавать им за это часть своего труда или продукта труда. Таким образом, экономическая суть дела состоит в монополизации меньшинством общества важнейшего средства и условия производства — земли; срастание же земельной собственности с политической властью при любых исторических видоизменениях служило лишь средством создания этой монополии, ее укрепления и маскировки.

Чтобы ясно представить себе экономическую природу этой монополии, отвлечемся пока от всякого прямого господства и подчинения и возьмем средневекового крестьянина в условиях полной личной свободы от феодала. Предположим, крестьянин этот ушел от помещика,

так как последний требовал с него те или иные повинности за пользование землей. Крестьянин переходит с места на место, объезжает всю страну. Но куда бы он ни прибыл, он находит землю в собственности какого-нибудь сеньора, который с него требует повинности за пользование землей. «Нет земли без сеньора», — гласила средневековая французская норма. Это и есть монополия. В одной стране, допустим, в качестве монополиста выступает государь (конечно, вкуче со своими чиновниками, придворными, вельможами), в другой стране — более или менее значительный слой людей, составляющих сословие земельных собственников; их принадлежность к монополии выражается носимым ими сословным титулом «дворянин» и др. «Нет сеньора без титула», — гласила другая средневековая французская норма. А у нашего крестьянина нет титула, он принадлежит к «простому» сословию, что и выражает как раз его непринадлежность к монополистам. Круг монополистов не во всех исторических условиях был замкнутым, в него подчас могли проникать новые *лица*, но сама эта *монополия* оставалась неизменной основой феодального строя.

Монополия на землю служит основой и так называемого кочевого феодализма, где основным видом хозяйства является не земледелие, а кочевое скотоводство¹⁴. Земля здесь используется преимущественно как пастбище. Кочевники, не имея постоянных пастбищ, обязаны уплатить землевладельцу за пребывание стад на его земле. Подчас сам глава кочевого племени являлся собственником земли и взимал за пользование ею со своих соплеменников те или иные поборы. Впрочем, и сам скот здесь нередко играет еще такую же экономическую роль, как земля; он выступает не в качестве продукта труда, а в качестве элемента природы, почти такого же дарового, как трава, которую он ест. Производством же в собственном смысле служит не разведение скота, а обработка его продуктов. В таком случае монополия на «землю», в широком смысле природных условий производства, может охватывать и скот. Вообще монополия на «землю» в этом смысле распространяется в различных условиях и на дичь, рыбу, леса, реки, прибрежное пространство моря, земные недра. В земледельческих странах

---

¹⁴ См. С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М., 1933; В. Батраков. Особенности феодализма у кочевых народов. — «Научная сессия Акад. наук Узб. ССР 9–14 июля 1947 г.». Ташкент, 1947; «К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана» (Доклад Л. П. Потапова и содоклад С. Ильясова). — Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1954; С. Е. Толюбеков. Кочевое скотоводство и оседлое земледелие как различные сферы материального производства. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1955, № 6; он же. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов. — «Вопросы истории», 1955, № 1; О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов. (К итогам обсуждения). — «Вопросы истории», 1956, № 1.

Востока, где орошаемое земледелие имело решающее значение, не только почва, но и водные ресурсы составляли собственность феодального государства или отдельных феодалов, — за право провести арык на свой участок и пользоваться водой крестьянин должен был отдавать собственнику воды часть своего урожая.

3. Феодальная собственность на работника производства

Мы рассмотрели феодальную собственность на землю. Перейдем теперь к феодальной собственности на работника производства. Эта вторая сторона феодальной собственности необходимо вытекает из следующего противоречия, присущего самой феодальной собственности на землю. Монополия феодалов на землю как средство производства создает экономическую зависимость непосредственного производителя от собственника этого средства производства, но, с другой стороны, экономическая зависимость — механизм, который автоматически действует только через рынок, только если отношения людей носят вещный характер, а этот механизм достигает полного развития лишь при капитализме. В докапиталистических же условиях нет простора для реализации экономической зависимости. Ведь экономическая зависимость (или экономическое принуждение) означает, что трудящийся зависим от собственников средств производства только через рынок: он вынужден продавать им свой товар — рабочую силу, чтобы купить необходимые ему товары — предметы потребления. Поэтому Маркс отмечал, что все докапиталистические способы производства покоятся или на естественно-родовых связях, или на непосредственных отношениях господства и подчинения¹⁵. В частности, говоря о средневековом обществе, Маркс писал, что «отношения личной зависимости составляют основу данного общества», что «общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда»¹⁶.

С одной стороны, именно экономическая зависимость непосредственных производителей от монопольных собственников главного средства производства — земли — составляет характерное прогрессивное отличие феодального способа производства от рабовладельческого. Собственность феодалов на землю, создающая эту зависимость, является основой основ феодального строя. Но, с другой стороны, историческая незрелость этого нового начала, экономического принуждения,

---

¹⁵ См. *К. Маркс*. Капитал, т. I, стр. 85–86.

¹⁶ Там же, стр. 83, 84.

историческое сходство феодального строя с предшествовавшим ему рабовладельческим строем выражалось в том, что неотъемлемую черту феодальной экономики составляло и так называемое внеэкономическое принуждение.

Внеэкономическое принуждение является одной из важных черт, отличающих феодальный способ производства от капиталистического. Без той или иной степени внеэкономического принуждения феодальная экономика немыслима. В. И. Ленин неоднократно разъяснял это: имея свой земельный надел, свое хозяйство, крестьянин не стал бы работать на помещика или отдавать помещику свою продукцию, если бы его к этому не принуждали, тогда как рабочий принужден работать на капиталиста без всякого внешнего давления, в силу одной экономической необходимости. Отсюда прикрепление крестьянина к земле, личная зависимость крестьянина от помещика и т. д. «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, — писал В. И. Ленин, — то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение», как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая соловной неполноправностью крестьянина»¹⁷.

Из этих слов совершенно ясно, что именно понимает марксизм под «внеэкономическим принуждением». Слово «внеэкономическое» не должно ввести в заблуждение, будто речь идет о любой форме насилия или даже о религиозном воздействии. Речь идет лишь о разных проявлениях собственности феодалов в отношении личности крестьян, об ограничениях личной свободы крестьян как средстве принуждения их к труду на феодалов, начиная от крепостного состояния и кончая соловной неполноправностью крестьянина. Это же содержание кратко может быть выражено другой формулой: неполная собственность феодала на работника производства, крепостного (в отличие от полной собственности рабовладельца на работника производства, раба). Марксистская политическая экономия включает этот вид собственности в характеристику основ феодальных производственных отношений. Данный (как и всякий) вид собственности следует ясно отличать от надстройки (государства, права, религии и пр.), которая его защищает, укрепляет, санкционирует. Неполная собственность феодалов на крестьян, создающая внеэкономическую зависимость крестьян, характеризует не надстройку, а базис феодального общества, принадлежит к числу существеннейших черт феодального базиса.

По этой проблеме на страницах журнала «Вопросы экономики»

---

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185.

происходила интересная полемика. Ф. Морозов развивал мысль, что неполная собственность феодала на крестьянина не является собственностью в экономическом смысле слова, не характеризует производственные отношения феодального общества; из высказываний Маркса и Ленина, по мнению Ф. Морозова, видно, что все формы внеэкономического принуждения являются не экономическими, а лишь политико-юридическими отношениями, отражавшими и маскировавшими материальные производственные отношения. Отсюда Ф. Морозов делает вывод, что в книге «Очерк политической экономии феодализма» Б. Ф. Поршневу не удалось полностью избежать смешения производственных отношений с политическими и правовыми отношениями¹⁸.

Взгляд Ф. Морозова на характер внеэкономического принуждения как категории не базисной, а надстроечной, был подвергнут разностороннему критическому анализу В. Козловским. Последний показал, что феодальная земельная собственность могла быть реализована только путем внеэкономического принуждения крестьян феодалами. Это значит, что отношения личной зависимости крестьян от феодалов, т. е. отношения внеэкономического принуждения являются экономическими, производственными отношениями, а отнюдь не надстроечной категорией. Отношения личной зависимости крестьян от феодалов складываются в процессе производства, т. е. являются производственными отношениями. Смешивать эти экономические отношения с их юридическим выражением ни в коем случае нельзя, если мы не хотим скатиться на позиции правовой концепции производственных отношений, пишет В. Козловский.

Дискуссия в «Вопросах экономики» завершилась убедительно доказанным тезисом: «Понятие неполной собственности феодала на личность крестьянина вовсе не запутывает, а помогает пониманию сущности феодализма, поскольку неполная собственность феодала на личность непосредственного производителя является одной из характерных особенностей феодальных производственных отношений... Различные формы внеэкономического принуждения — это вовсе не надстроечные категории, не политико-юридические отношения, а элементы экономических, производственных отношений феодального общества»¹⁹.

Вопрос состоит в том, кому принадлежит собственность на такой важный элемент производительных сил, как люди с их трудовыми навыками и производственным опытом, элемент не менее важный, чем

---

¹⁸ Ф. Морозов. Об одном опыте изложения политической экономии феодализма. — «Вопросы экономики», 1958, № 11.

¹⁹ В. Козловский. О производственных отношениях при феодализме. — «Вопросы экономики», 1962, № 9.

материальные средства производства. При рабовладельческом строе группа рабовладельцев, говорит В. И. Ленин, «владела не только всеми средствами производства — землей, орудиями, как бы слабы, примитивны они тогда ни были, — она также владела и людьми... Рабовладельцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов как вещь, целиком находящуюся в обладании рабовладельца»²⁰. Феодальное общество представляло собой как бы переходную ступень от этого положения к положению, когда работник не является ничьей собственностью, напротив, сам выступает как собственник своей рабочей силы. С одной стороны, «крепостной крестьянин не считался прямой собственностью помещика. Он мог проводить часть времени на своем участке, мог, так сказать, до известной степени принадлежать себе...»²¹ «По отношению к крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи...»²² Феода́л уже не мог безнаказанно убить крестьянина или совершить любое насилие, как мог рабовладелец по отношению к рабу, которого римский закон вообще не признавал человеком. Но, с другой стороны, сохранилось прикрепление крестьян к земле или землевладельцу, нередко — право продавать и покупать их, зависимое, несвободное положение, неполноправие крестьян: «Их положение на практике, — говорит В. И. Ленин, — очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве»²³. Иными словами, сохранилась неполная собственность на работников производства.

Почему же одной экономической, т. е. поземельной, зависимости было недостаточно для феодальной эксплуатации?

Во-первых, вследствие мелкого характера производства. Мы видели, что феодал должен был «передавать» значительную часть земли тем, кто ее возделывал. Земля — такое условие производства, которое практически трудно отнять у класса непосредственных производителей, ибо они фактически ею владеют. Капиталист может отгородить свои машины, свои заводы и т. д. от трудящихся и тем поставить их в безвыходное экономическое положение, а помещику, чтобы не дать крестьянам возможности считать эту землю вполне своей или уйти на другую землю, приходилось прибегать к помощи закона, лишавшего крестьян свободы, разрешавшего продавать их без земли, закрепощавшего их или по крайней мере ставившего их в такое правовое положение, чтобы они и при «свободе передвижения» принуждены были в любом

---

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 70.

²¹ Там же, стр. 76.

²² Там же, стр. 70.

²³ Там же, стр. 76.

новом месте жительства все равно вступать в зависимость от другого землевладельца.

Вдобавок в силу того же мелкого характера производства непосредственный производитель был лишен далеко не всех средств; производства: он имел в своей полной личной собственности сельскохозяйственные орудия, утварь, скот, птицу, продукты своего хозяйства, в том числе семена для посева, удобрение, а также дом, хозяйственные постройки и т. д. Почти только одна земля и противостояла ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике. Вот эта неполнота отделения производителя от средств производства и возмещалась внеэкономическим принуждением.

Раз непосредственный работник производства является собственником большинства средств производства и условий труда, необходимых для обеспечения его существования, его экономические отношения с собственником земли должны дополняться прямым порабощением, личной зависимостью или личной несвободой в той или иной степени — от крепостничества с обязательным барщинным трудом, т. е. прикрепления к земле и господину, до простого оброчного обязательства²⁴.

Во-вторых, одной поземельной зависимости было недостаточно вследствие сравнительно низкого уровня производительности труда, характерного как для рабовладельческой, так и для феодальной эпохи. Только на относительно высокой ступени развития производства и самого трудящегося как производительной силы становится возможным отделение собственности на рабочую силу от собственности на личность работника производства. Феодал присваивал еще рабочую силу не столько как умелость, как способность к конкретному высокопроизводительному труду, сколько как способность к простому труду вообще, — поэтому он и мог присваивать не собственно рабочую силу, а только работника вообще, человека. Наемный рабочий продает как товар свою умелую рабочую силу, свою способность к высокопроизводительному труду, — поэтому его личность может уже не быть предметом собственности; капиталист покупает этот нужный ему товар, и дело обходится чисто «экономическим» принуждением, т. е. экономической зависимостью работника от собственника всех прочих материальных условий труда (орудий, сырья и пр.). При феодализме собственность на рабочую силу (на способность к труду) еще почти неотделима от собственности на самого трудящегося. Такого вида собственности, как собственность на рабочую силу, еще почти нет — ее заменяет неполная собственность на самого работника производства.

---

²⁴ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 803.

Эта феодальная форма собственности на работника производства выступает обычно в том же политическом, публично-правовом облачении, затуманивающим экономическую суть дела, как и феодальная собственность на землю. Иными словами, характерный для феодального строя фетишизм охватывает и отношение собственности на людей: последнее сплошь и рядом выглядит как «подданство». Например, в последние столетия средневековья, когда в восточной Германии торжествовало обнаженное «второе издание» личной крепостной зависимости крестьян от помещиков, в западной Германии усилился деспотизм мелкoderжавных князей над своими подданными — крестьянами, юридически лично свободными. Это — две разные формы той же личной несвободы. В раннем средневековье утрата личной свободы крестьянином неизменно выступала под формой принятия им «подданства», «покровительства». Особенно наглядно в странах Востока подданство государству выступает как замаскированная форма личной феодальной зависимости или несвободы. Эта форма так же маскирует антагонизм классов, как и товарно-рыночная форма экономических отношений. Антагонизм как бы растворяется в этой всеобщей форме подданства. Феодалы по отношению к другим феодалам — тоже подданные, и феодалы и крестьяне — подданные по отношению к государству, держат земли как обеспечение военной службы: в случае опасности для государства феодал явится «люден и оружен» со своими полнонадельными крестьянами, — оказывается, и он получил свой феодал, и они получили свои наделы с одной и той же целью — нести «государеву службу».

От «подданства» крестьянина до его обнаженной, юридически оформленной личной несвободы — целая гамма переходов. Но и эта прямая личная несвобода крестьян в феодальном обществе может выступать в очень многообразных юридических формах. Если мы знакомимся с положением крестьян в Киевской Руси по «Русской правде», мы видим здесь много разных групп зависимого крестьянства. Холопы, смерды, рядовичи, закупы, релейные закупы, прощенники, изгои, пущенники — все это разные группы зависимого крестьянства. Иными словами, степень и характер личной зависимости меняются не только в разных исторических условиях — даже в одно и то же время, в одном и том же феодальном обществе наблюдается большое многообразие. Точно так же, скажем, в Германии, примерно в ту же эпоху памятники различают много разных форм и степеней личной несвободы крестьян. Эта пестрота отражает процесс складывания крепостного крестьянина из разных элементов и разными путями.

На разных ступенях развития феодализма также наблюдается изменение степени личной несвободы. В большинстве стран Западной Европы личное крепостное право исчезло уже в XIV–XV вв., но сослов-

ная неполноправность сохранялась, выражаясь в том, что крестьяне подлежали суду своего помещика, и в других ограничениях личной свободы. В Восточной Европе, напротив, крепостное право, тяготевшее над личностью крестьян, в последние столетия феодальной эпохи приобрело особенно полное развитие, выступало особенно обнажено. В странах Азии рычагом внеэкономического принуждения нередко выступает не крепостное право, а использование помещиком власти общины над индивидом или же ростовщичество, приковывающего задолжавшего крестьянина к месту.

Как видим, внеэкономическое принуждение является необходимым спутником феодализма и играет немалую роль в феодальном производстве. Но историческая действительность показывает, что феодальный строй веками существовал как в условиях обнаженного крепостнического насилия, подчас даже близкого к рабству, например в России XVIII в., так и в условиях относительной личной свободы крестьян; например, во Франции в последние столетия средневековья. Значит, этот признак, как слишком непостоянный, сам по себе не характеризует основы феодальной экономики. С другой стороны, историческая действительность показывает, что при любом видоизменении феодального строя в разных странах и в разные эпохи главное средство сельскохозяйственного производства — земля — неизбежно оставалось в монопольной собственности господствующего класса. Эта собственность господствующего класса на главное средство производства и была постоянной, неизменной основой феодального строя. Лишь в сочетании с собственностью феодалов на землю неполная собственность феодалов на работника производства выступает в своем действительном значении.

Эти два вида феодальной собственности необходимо связаны друг с другом, дополняют друг друга, постоянно вызывая друг друга к жизни. С одной стороны, как подробно показывает Маркс в 47-й главе III тома «Капитала», принуждение является необходимым следствием феодальной собственности на средства производства: из отделения верховной собственности на землю от «владения» земель, от собственности на прочие условия труда логически вытекает всегда сопутствующее ему грубое, открытое принуждение крестьянина работать на верховного земельного собственника. С другой стороны, раз феодальная земельная собственность с необходимостью повлекла за собой и эту собственность на личность производителя, последняя в некоторых условиях может стать настолько полной, настолько близкой к рабству, что сама выступает как доминирующий вид собственности, и в таком случае, как в рабовладельческом обществе, уже земельная собственность оказывается производным, побочным явлением. Это наблюдается тем более, чем более собственность на работника производства

приближается к полной, т. е. чем более она утрачивает характерный для феодализма признак «неполной» собственности. Практически это наблюдалось при самых крайних формах крепостничества. В. И. Ленин писал, что на практике крепостное право в тех случаях, где оно приняло наиболее грубые формы, «ничем не отличалось от рабства»²⁵.

Маркс в 37-й главе III тома «Капитала» отмечал, что земельная собственность может быть «лишь побочным моментом собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества»²⁶. Под «крепостничеством» здесь Маркс имеет в виду не феодализм вообще, а такие его формы, которые по полноте этого крепостного права, вернее, этого экономического вида собственности, приближаются к рабству.

Следует пояснить, что вообще в марксистской литературе слово «крепостничество» употребляется в трех разных смыслах: 1) как синоним «феодализма», 2) для обозначения реальной (а не только юридической) личной несвободы трудящихся, будь то в форме невозможности покинуть помещика, поместье или общину, будь то в форме долговой зависимости и пр., 3) для обозначения закона, права, закреплявшего и обеспечивавшего это реальное отношение в виде «крепости» земле, помещику и т. д.

В этом последнем смысле Маркс, ссылаясь на Ковалевского, писал, что в Индии не было крепостного права. Там не было соответствующего государственного права, как скажем в России, но это в высокой мере компенсировалось обычным правом — такой огромной властью общины над личностью крестьянина, которая лишала его всякой возможности переселения или изменения вида деятельности по своему желанию.

Вообще можно сказать, что двумя основными органами закрепощения человека являлись а) государство и б) община, причем они то дополняли, то заменяли друг друга в этой функции.

Только учтя это, мы дадим ответ на вопрос, характерна ли неполная собственность на работника производства и для стран феодального Востока. Нередко она выступает в Азии в формах, не типичных для Европы. В средневековой Индии имели место и такие хорошо знакомые науке явления, как продажа и покупка целых деревень с населением как источников фиксированных доходов. Но специфичнее и характернее для Индии необычайная власть над крестьянином сельской общины. На первый взгляд может показаться, что община здесь противостояла помещику или государству: признавала или не признавала те или иные повинности, имела силу отказать в выполнении каких-либо

---

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 70.

²⁶ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 642.

требований. Однако это скорее видимость, ибо индийская община не только не имела возможности отвергнуть все феодальные повинности в большей мере, чем русский «мир» или западная «сельская курия», но гораздо крепче связывала крестьянина в интересах феодализма, чем мог бы связать его любой закон. Верхушка индийской общины сама феодализировалась и срасталась с классом феодалов. Подобную же роль играла община в Китае и некоторых других странах Востока.

С общинными порядками в интересующем нас отношении тесно связано и такое весьма специфичное для Востока, впрочем и не только для Востока, явление, как наследственность профессий. Отсюда происходила невозможность перехода рабочей силы из одной отрасли хозяйства в другую — решающая помеха для сколько-нибудь развернутого действия закона стоимости; это компенсировалось лишь более или менее свободной перестановкой работников внутри многостороннего хозяйства общины или семьи. Наиболее вопиющим выражением прикрепления человека к профессии, к определенным формам труда, прикрепления, быта являлись индийские касты.

Если в странах Востока мы находим мало примеров классического для Запада крепостного права, то роль государства в лишении трудящегося свободы распоряжаться собой выражалась здесь не только в подданстве, но подчас в прикреплении крестьян к месту уплаты налога, что порождало и право розыска и насильственного возврата беглых крестьян, как было, например, в Иране в послемонгольский период XIII–XIV вв. В Афганистане прикрепление было связано с родоплеменными традициями и т. д. Но все эти многообразные, зависящие от местных исторических условий проявления одной и той же экономической сущности не должны затенять от нас ее природы. Да присмотревшись, мы и обнаружим наряду с местными особенностями повторяемость некоторых основных форм. Так, утверждение шариата, что в мусульманских странах все равны, породило и у историков мнение, будто там не было крепостничества, вся земля принадлежала государству, а крестьянин тем самым не был зависим от землевладельца, даже если получал землю через него. На деле исследование феодализма, например в Турции, показало, что было и прикрепление райатов — земледельцев к земле и даже прикрепление их к землевладельцу: по закону если крестьянин засеял землю не у того собственника, в чьи реестры он вписан, а у другого, то он обязан уплатить десятину и тому, и другому; приписанных к земле и ушедших с нее разрешалось разыскивать и насильно возвращать на протяжении 10 лет.

В итоге всего сказанного можно дать следующее, более развернутое по сравнению с приведенным в предыдущем параграфе определение феодальной формы собственности: основой производственных отношений феодального общества являлась собственность феодала на зем-

лю и неполная собственность на работника производства — крепостного крестьянина.

4. Собственность работников на средства производства

Однако и это определение еще не является полным. Необходимо дополнить его положением о собственности непосредственных производителей, крестьян и ремесленников, на большую часть остальных средств производства, а также о том, что благодаря «неполноте» собственности феодала на работника производства последний в известной мере принадлежит себе, может вести свое личное хозяйство.

Выше уже говорилось о том, что мелкое крестьянское хозяйство, как и ремесленное производство, составляло базу всего феодального производства. В полной собственности крестьянина находились мелкие, предназначенные для индивидуального пользования сельскохозяйственные орудия, орудия домашнего ремесла, домашний скот и птица, хозяйственные запасы (сено, посевное зерно), жилой дом и хозяйственные постройки, средства транспорта, домашняя утварь, иногда орудия охоты и рыболовства. Кое-какие средства производства (например, колодец, дорога, бык и пр.) находились нередко в собственности не единоличного: хозяина, а коллектива — деревни, общины. Община была подчас собственником и некоторых земельных угодий (например, выпасов) или обладала теми или иными частичными правами на землю. Но община при феодализме в основном уже не была производственным коллективом — она была лишь коллективом мелких индивидуальных производителей, мелких хозяйств.

Главной, коренной чертой всей этой собственности мелких производителей на средства и условия производства является то, что она основана на личном труде. Эта черта принципиально отличает данный вид собственности, входящий в систему основных феодальных производственных отношений, от собственности феодалов: последняя основана на чужом труде и служит средством присвоения чужого труда.

Эта же черта отличает данный вид собственности, единоличную трудовую собственность феодально эксплуатируемых непосредственных производителей, от буржуазной собственности. Сама по себе (т. е. до капитализма) эта собственность не является даже зачатком буржуазной собственности, она столь же не буржуазна, как и, скажем, товарное производство до капитализма (о чем см. ниже). Если рассматривать опять-таки не юридическую форму (и та и другая собственность — «частная», «безусловная» и т. п.), а экономическое содержание, то противоположность очевидна: буржуазная собственность на средства производства является по своей сути средством присвоения

чужого труда; она обычно уже и содержит в себе присвоенный чужой труд. Единоличная собственность феодально эксплуатируемых крестьян и ремесленников, основанная на личном труде, начинает перерождаться в буржуазную собственность только тогда, когда в обществе складываются капиталистические производственные отношения.

Маркс в 22, 24 и 25-й главах I тома «Капитала» развил и обосновал теоретически чрезвычайно важные положения о противоположности трудовой собственности и буржуазной собственности, о том, что буржуазная собственность является «отрицанием», «уничтожением» трудовой собственности. Маркс показал, что в эпоху генезиса капитализма эти два вида собственности еще не были однотипны, напротив, противостояли друг другу как принципиально различные экономические явления. Речь идет, разъяснял он в другом месте, *«о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности»*²⁷.

Как видим, дело гораздо глубже, чем игра терминами «частная собственность» и «личная собственность». Слова сами по себе тут ничего не объясняют, ибо и личная собственность является одной из форм частной собственности. Пока мы находимся в рамках науки политической экономии, рассматривающей чистые, отвлеченные мысленные модели разных способов производства, личная трудовая собственность ни в коем случае не должна рассматриваться нами как однотипная с капиталистической или полукапиталистической, ибо в этом случае мы говорили бы уже не о чистом феодальном способе производства, а о каком-то полукапиталистическом. Не подчеркивая самым решительным образом глубочайшую противоположность этих двух форм частной собственности, мы не можем построить цельную систему политической экономии феодализма. Недостаточно увидеть различие между ними, надо их противопоставить друг другу как взаимно исключающие. Принципиально иной характер приобретает отношение между ними в капиталистическом обществе, когда исторически появляются иные существеннейшие признаки капитализма: тогда мелкая личная собственность, хоть и не утрачивая отличия от крупной капиталистической собственности, становится своего рода великим экономическим резервом для этой последней, приобретает тенденцию превращаться в крупную капиталистическую собственность, т. е. преобразовываться из трудовой в нетрудовую.

В условиях докапиталистических, при полном господстве феодализма эта личная трудовая собственность отвечала экономическому положению класса эксплуатируемых непосредственных производителей, выражая противоположность интересов крестьян и ремесленни-

---

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 118.

ков интересам феодалов, собственников земли. Она была антитезой феодальной земельной собственности в рамках самих феодальных производственных отношений. На протяжении всего средневековья угнетенные крестьяне старались преобразовать и владение землей по этому же образцу. Но тщетно пытались средневековые крестьянские движения превратить землю в личную полную трудовую собственность крестьян, — земля оставалась собственностью феодалов.

Итак, единоличная собственность на орудия производства и частное хозяйство, основанная на личном труде, противоположная земельной феодальной собственности, противоположна и буржуазно-капиталистической собственности. Эта единоличная трудовая собственность зато не представляет в средние века никакого антагонизма собственности общинной. Община характерна для феодальной деревни. Она является объединением крестьян, имеющих более или менее самостоятельное хозяйство. Конечно, в некоторой мере интересы личной собственности крестьянина противоречат при этом интересам групповой, общинной собственности. Но в то же время, как показал Маркс, крестьянин в средние века являлся общинником именно поскольку являлся собственником, или собственником — именно поскольку являлся общинником. Община и мелкая личная собственность не исключали, а подразумевали друг друга, хотя и находились в известных противоречиях друг с другом.

Теперь мы можем привести еще более развернутое, полное определение для формы собственности на средства и работников производства при феодализме.

Собственность господствующего феодального класса на землю (и на некоторые крупные, недоступные отдельным крестьянам орудия производства, как мельницы, фруктовые прессы, хлебные печи, на ирригационные сооружения и т. д.) сочеталась, с одной стороны, с неполной собственностью феодала на работника производства, на крепостного (для его внеэкономического принуждения), а с другой стороны, с собственностью самого работника производства, крестьянина и ремесленника, на ряд средств производства — на большую часть орудий производства, на свое личное хозяйство и т. д., как и с ограниченными крестьянскими правами «владения» на землю.

Следовательно, перед нами уже три момента, характеризующие феодальную форму собственности на средства производства.

5. Движимое богатство

Мы выявили своеобразное раздвоение собственности при феодальном способе производства. Недвижимость, преимущественно земля,

является специфическим объектом собственности феодалов (феодалной собственностью); трудовая народная собственность распространяется преимущественно на движимость. Естественно, что основным видом богатства в феодальном обществе является богатство, воплощенное в недвижимости. Богатство феодала исчисляется прежде всего количеством его земель и числом его зависимых держателей. Но в обществе, основанном на монополии и антагонизме, и собственность на движимое имущество не могла оставаться исключительной прерогативой трудящихся хотя бы потому, что ее снова и снова экспроприировал господствующий класс и приращивал к своей собственности. Поэтому в феодальном обществе образуется и движимое богатство, накопленное движимое имущество, экономическая функция которого, однако, строится не по типу трудовой собственности на движимость, а по типу феодальной собственности.

Иными словами, между недвижимым и движимым богатством существует в феодальную эпоху действительная противоположность. Не одна, а две великие экономические силы царят и даже соперничают в нем — земельная собственность и движимое богатство. Но вплоть до эпохи возникновения капитализма эта противоположность есть всего лишь косвенное отражение более глубокой противоположности, антагонизма феодальной и лично трудовой собственности. Поэтому и само движимое богатство внутренне противоречиво. По своему объекту оно таково же, как и трудовая собственность: богатство существует либо в виде запаса продуктов в натуре, либо в денежной форме, т. е. как материализованный накопленный труд. Соответственно движимое богатство по-своему антагонистично недвижимому, как «неблагородное» «благородному». Движимое богатство — это по преимуществу собственность не на средства производства (если исключить табуны лошадей, запасы посевного зерна и т. п.), а на средства потребления, в том числе в форме роскоши, складов продуктов, денежных сокровищ. Формально движимое богатство может принадлежать кому угодно — от феодала до самого бесправного крепостного. Словом, эта собственность оформляется как бы по типу лично трудовой собственности. Но используется она в подавляющей степени, по типу феодальной собственности: как средство закрепощения, прикрепления к помещику, монастырю. Ссуда продуктами или деньгами порождает отношения чисто феодального характера, по существу не отличающиеся от «наделения» землей или другими средствами производства. Движимое богатство в конце концов неминуемо феодализируется как в том смысле, что оно концентрируется в руках феодалов, так и в том смысле, что оно используется по типу феодальных экономических отношений и все снова воспроизводит эти отношения.

Энгельс, анализируя процесс возникновения феодализма в Запад-

ной Европе, писал: «Все существовавшее тогда движимое имущество, естественно, следовало за земельной собственностью и все больше собиралось в тех же руках, что и последняя»²⁸. И использовалось движимое богатство также по типу феодального наделения землей. Предоставлялась ли ссуда деньгами или же орудиями, рабочим скотом, посевным зерном, правом пользования строениями, она представляла такое же раздвоение собственности и владения, какое царило и в земельных отношениях: верховным собственником оставался тот, кто дал ссуду, а получатель ее был в положении пользователя или владельца на определенных экономических условиях. Если ссуда давалась под залог земли, она и непосредственно могла вести к установлению нового земельного отношения — новой ренты с этой земли ее новому невидимому верховному собственнику, заимодавцу. Ссуда могла превратиться и в ту или иную форму неполной собственности на работника производства.

Экономическая природа «наделения» производителей скотом при скотоводческом феодальном хозяйстве хорошо проанализирована на примере Якутии Г. П. Башариным. Мы видим передачу беднякам коров и кобыл с условием «доить, кормить и беречь», а также охотникам — верховых лошадей, как бы в аренду, т. е. за уплату определенных повинностей. Такие отношения выступали в очень многообразных конкретных формах в Якутии, Казахстане, Киргизии, Узбекистане²⁹. Хотя автор справедливо предупреждал против преувеличения этой сопутствующей формы феодальной эксплуатации, ведущего к затушевыванию основной формы зависимости — земельной, но ведь, с другой стороны, скот в экономическом смысле — это почти то же самое, что и земля, и огромные табуны скота при отгонном или кочевом скотоводстве составляют в сущности такую же монополию феодального класса на природу, как монополия на землю, воду или охотничьи угодья.

Экономическая история стран Востока показывает нам огромную роль разнообразных форм ссуды в развитии и укреплении феодальных отношений. В Индонезии феодал нередко насильно превращал целую деревню в своих должников для того, чтобы изменить размер феодальных повинностей, например, чтобы перевести крестьян с уплаты десятины на уплату половины урожая (на испольщину). Это же наблюдалось во многих странах. Описано, как в Афганистане предоставление крестьянам кредита для покупки земли являлось по существу наделением крестьян землей за тяжелые повинности, от которых; как и от «купленной» земли, крестьянин уже не мог отделаться. Это удивительно похоже на положение «пеонов» где-нибудь в Южной Америке.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 392.

²⁹ Г. П. Башарин. История аграрных отношений в Якутии. М., 1956, стр. 140–144.

Эти примеры показывают, что, пока мы не выходим из рамок феодального общества, движимое богатство не несет в себе ничего, кроме все тех же феодальных отношений. Оно не является простым скоплением личной трудовой собственности. Оно становится в конечном счете составной частью феодальной монополии. Последняя складывается, как мы теперь видим, из а) монополии на землю, б) монополии на личность работников, в) монополии на богатство. Движимое богатство не является буржуазным богатством или даже историческим зачатком буржуазного богатства до тех пор, пока нет основной возможности его собственно буржуазного использования: капиталистического производства. Если даже в феодальном обществе владельцем движимого богатства и являлся горожанин или крестьянин, он мог его использовать только в рамках феодальных экономических отношений, только по-феодальному, только по образу и подобию феодальной земельной собственности.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Феодальная рента

---

1. Феодальная рента как реализация феодальной собственности. Основной экономический закон феодализма

Всем типам земельной ренты, наблюдающимся в разных общественных формациях, по словам Маркса, обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность¹. В форме земельной ренты собственник земли присваивает себе продукт труда непосредственных производителей. Земельная рента может выступать в форме трудовых повинностей, в форме поставок продуктов, в форме денежных платежей. Феодальную земельную ренту Маркс назвал политико-экономическим выражением феодальной собственности².

В 47-й главе III тома «Капитала» Маркс осветил вопрос об особенностях, формах, закономерностях феодальной земельной ренты в ее отличие от капиталистической. Положения этой главы служат фундаментом марксистской экономической теории феодализма. На эту главу целиком опирается В. И. Ленин, характеризуя «основные черты барщинного хозяйства» в 3-й главе «Развития капитализма в России». Хотя В. И. Ленин в данном случае ограничивал свою задачу характеристикой лишь одного типа феодального хозяйства, того, который господствовал в России «в эпоху крепостного права», в дореформенный период, тем не менее эта характеристика имеет огромное общетеоретическое значение. Здесь в краткой форме В. И. Ленин определил сначала «сущность тогдашней хозяйственной системы», а затем важнейшие частные экономические закономерности, необходимо сопутствующие этой системе и вытекающие из ее «сущности».

В таком построении отразилась одна из неотъемлемых черт марксистского диалектического метода в политической экономии: выделение во всякой системе производственных отношений, как бы сложна она ни была, ее сущности, ее основного закона. Каждой общественной

---

¹ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 646.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, стр. 616.

формации присущ не один экономический закон, а ряд законов, возникающих на базе данных исторических условий. Эти законы управляют той или иной стороной экономической жизни, той или иной группой экономических явлений. Но среди них выделяется один, основной закон. Правильно определить основной экономический закон какой-либо формации — значит найти правильный путь к пониманию всей этой общественной формации в целом³.

Отличие основного экономического закона от остальных экономических законов данной формации состоит в том, что он определяет не какую-либо отдельную сторону данного способа производства, не какие-либо отдельные процессы его развития, а самое его существо, т. е. все главные стороны, все главные процессы, все важнейшие явления этого способа производства; он дает возможность понять и объяснить весь ход его исторического развития в целом.

Следовательно, основной экономический закон каждой формации, с одной стороны, является ее специфическим законом, т. е. он отличается от тех экономических законов, которые общи для всех формаций. С другой стороны, он отличается и от всех прочих экономических законов данной формации, являясь ключом к их пониманию и объяснению; последние опираются на основной экономический закон и во всем соотносятся с его логикой, с его существом.

Основной экономический закон капитализма в общей форме, относящейся ко всем стадиям капитализма, был открыт Марксом.

В своем титаническом творении «Капитал» Маркс дал анализ базиса капиталистического общества, сложной совокупности капиталистических производственных отношений. Тем самым Маркс вооружил рабочий класс знанием объективных законов развития и гибели капиталистического строя. Что же должно быть названо основным экономическим законом капитализма? Правильный ответ на этот вопрос имеет общее методологическое значение и поможет нам в понимании основного экономического закона феодализма.

В сложнейшей и многогранной экономической теории капитализма В. И. Ленин указывает нам главное звено: «Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса»⁴. Основным экономическим законом капитализма является закон прибавочной стоимости, закон образования и возрастания капиталистиче-

---

³ На страницах журнала «Вопросы истории» после статьи Б. Ф. Поршнева «К вопросу об основном экономическом законе феодализма» (1953, № 6) в 1954 г. развернулась большая дискуссия, в которой приняли участие М. Н. Мейман, С. Д. Сказкин, И. С. Кон, М. Я. Сюзюмов, Г. М. Данилова, М. С. Телепнин, К. А. Антонова, Е. В. Гутнова, С. А. Сидоренко, М. В. Колганов, П. В. Снесаревский, Ф. Я. Полянский, Минков Тодор, Р. П. Хромов (см. «Вопросы истории», 1954, № 2, 5, 7–11).

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 45.

ской прибыли. Он и определяет основные черты капиталистического производства.

Этот вывод неразрывно связан с учением марксизма о том, что вообще следует понимать под экономическими, производственными отношениями: если характеристика состояния производительных сил отвечает на вопрос о том, какими орудиями производства производят люди необходимые им материальные блага, то характеристика состояния производственных отношений отвечает на другой вопрос: в чьих руках, в чьей собственности находятся на деле средства производства — в распоряжении всего общества или в распоряжении общественных групп, классов, использующих их для эксплуатации людей из других классов. Вот то главное, что определяет экономический базис любой общественной формации. Соответственно этому главному вопросу основной экономический закон говорит не о лежащих на поверхности явлениях, как бы ни были они экономически важны и характерны, как, например, денежно-рыночные отношения или натуральное хозяйство, анархия производства или плановое хозяйство. Основной закон прежде всего раскрывает и определяет самое глубинное в данном экономическом строе: либо перед нами общество, основанное на общественной собственности на средства производства, из чего вытекают отношения равенства и сотрудничества между свободными от эксплуатации людьми, либо перед нами общество, основанное на отделении непосредственных производителей от средств производства, из чего вытекают отношения эксплуатации, т. е. господства одного класса над другим, экономически подчиненным классом. Если это общество, где непосредственные производители лишены средств производства, где царит эксплуатация, то каждая особая, специфическая для рабовладельческого, феодального или капиталистического общества форма получения прибавочного продукта и составляет основной экономический закон этого общества. Закон прибавочной стоимости, закон образования и возрастания прибыли потому и является основным экономическим законом капитализма, что в прибавочной стоимости, в прибыли выражается основное производственное отношение капиталистического способа производства — отношение между классом капиталистов, являющихся частными собственниками средств производства, и классом эксплуатируемых ими наемных рабочих. Капитализм — это система эксплуатации наемных рабочих капиталистами.

Маркс открыл общие законы этой системы. Он раскрыл тайну образования и возрастания капиталистической прибыли, тайну происхождения прибавочной стоимости, осветив таким образом самую глубинную сущность капитализма. Он объяснил тем самым и все капиталистическое общество: его великое творение «Капитал» явилось далеко не узко экономическим сочинением, оторванным от живых проявле-

ний антагонизма классов в их борьбе, а подлинно научным объяснением живой, многогранной истории капиталистической эпохи. Охарактеризовав содержание «Капитала», Ленин пишет: «Таков *скелет* «Капитала». Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что — *объясняя* строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облакал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»⁵.

Если правильно установлен основной экономический закон какой-либо общественной формации, то открывается широкий путь к монистическому, строго научному объяснению всех сторон этой общественной формации. Раз перед нами формация антагонистическая, основанная на эксплуатации классом, владеющим средствами производства, класса непосредственных производителей, лишенных средств производства, значит ее основной экономический закон не может быть ничем иным, как законом, выражающим специфическую для этой классовой формации форму эксплуатации, экономическое отношение двух основных классов этой формации. Вопрос об основном экономическом затоне феодализма, т. е. формации, предшествовавшей капитализму и в ходе своего развития приведший к капитализму, не мог быть обойден Марксом в «Капитале». Хотя Маркс и ограничивал здесь свою задачу изучением одной формации, капиталистической, он должен был говорить об ее генезисе, следовательно, хоть кратко, но глубоко заглянуть в предшествующую эпоху. Маркс сделал гениальное открытие и в отношении этой предшествующей эпохи.

Если в политической экономии капитализма Маркс имел дело с огромным наследием буржуазной экономической мысли, то политическая экономия феодализма была в лучшем случае в зародыше. Теоретические воззрения о феодализме не поднимались выше туманных определений Гизо: феодализм — это соединение земельной собственности с политической властью, и тому подобных. Это особенно оттеняет научное величие того наброска основ экономической теории феодаль-

---

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр., соч., т. 1, стр. 138–139.

ной формации, который мы находим в 47-й главе III тома «Капитала», являющейся ныне исходным теоретическим пунктом для экономистов и историков, изучающих любую проблему феодальной эпохи.

Маркс установил здесь в главных чертах именно основной экономический закон феодализма.

Правильно ли было бы утверждать, что основным экономическим законом феодализма является закон натурального хозяйства? Правильно ли было бы утверждать, что основным экономическим законом феодализма является закон внеэкономического принуждения? Нет, это было бы так же ошибочно, как принимать за основной экономический закон капитализма закон товарного производства или закон свободной конкуренции. Основным экономическим законом для всякого классового, антагонистического общества может быть только закон, определяющий данную специфическую форму эксплуатации, данную особую форму присвоения прибавочного, неоплаченного труда. Маркс развивает эту мысль в «Капитале». Он пишет: «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества... вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства»⁶.

Эти слова Маркса показывают, насколько неправильно было бы считать за основу такие экономические категории, как товар, натуральное хозяйство и т. п., а не отношения антагонистических классов. Специфическая форма эксплуатации, отношение двух основных классов, отвечающее уровню развития производительных сил и в свою очередь оказывающее на него определяющее обратное воздействие, — вот что Маркс выделяет как основу всего общественного строя.

Перед Марксом и стояла задача раскрыть эту «сокровенную основу» феодализма: установить, каково же было при феодализме «отно-

---

⁶ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 804.

шение собственников условий производства к непосредственным производителям», какова же была при феодализме «та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей».

Маркс нашел ответ на этот вопрос, исходя из своего анализа капиталистического строя. При капитализме, как он показал в III томе «Капитала», земельная рента является всего лишь частью совокупной капиталистической прибавочной стоимости, некоторым излишком над средней прибылью, добавком, который класс капиталистов принужден уступать собственникам земли. В экономическом смысле земельная рента здесь целиком подчинена прибыли и зависит от нее.

Переходя к феодализму, Маркс установил прямо противоположную картину. Если тут и наблюдается прибыль (на ростовщический или купеческий капитал), то она «самое большее, представляется той частью... прибавочной стоимости, которую капиталист оттягал у земельного собственника»⁷. Не прибыль и, следовательно, не прибавочная стоимость, как при капитализме, а именно «рента здесь нормальная, все поглощающая, так сказать, законная форма прибавочного труда...»⁸. Если в феодальном обществе и встречается прибыль, говорит Маркс, то не прибыль является тут границей ренты, как при капитализме, а наоборот, рента является границей прибыли⁹. Установив, таким образом, что по своему экономическому содержанию феодальная земельная рента представляет нечто совершенно иное, чем капиталистическая земельная рента, ибо она нисколько не зависит от капиталистической прибавочной стоимости и прибыли, Маркс тем самым открыл феодальную земельную ренту как самостоятельное экономическое явление, как господствующее и, по его выражению, «нормальное» отношение феодализма.

Мы видели, что основным экономическим законом капитализма в наиболее общей форме следует считать закон прибавочной стоимости, закон образования и возрастания капиталистической прибыли. Соответственно можно сделать вывод, что для феодализма основным экономическим законом в наиболее общей форме является закон феодальной ренты, природа и развитие которой были в главных чертах исследованы Марксом. Можно утверждать, что открытый Марксом закон феодальной ренты действительно определяет все основные черты феодального производства. Маркс анализировал капитализм для того, чтобы выяснить источник эксплуатации рабочего класса, прибавочную стоимость. Маркс анализировал феодализм для того, чтобы выяснить

---

⁷ К. Маркс. Капитал, т. III. стр. 797.

⁸ Там же, стр. 805.

⁹ См. там же, стр. 811.

источник эксплуатации класса крепостных крестьян, феодальную ренту. В законе феодальной ренты, как в едином фокусе, отражены все производственные отношения феодализма: феодальная форма собственности на средства производства, положение в производстве и взаимоотношения социальных групп, форма распределения продуктов. Как бы ни изменялись конкретные виды и формы феодальной земельной ренты, ее существо, говорит Маркс, «состоит в том, что земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма... прибавочного труда; а это, в свою очередь, выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, *владеющий* условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить *собственнику* того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, т. е. собственнику земли; и что, с другой стороны, только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике»¹⁰.

В феодальном, антагонистическом обществе именно это отношение пронизывает собой всю жизнь, предопределяет все экономические явления и все антагонистические, враждебные друг другу экономические интересы. Как целью капиталистов при капиталистическом производстве является получение прибыли, так целью феодалов при феодальном производстве является получение ренты, т. е. феодальных повинностей и податей. Феодальная рента — крестьянские отработки, барщинные повинности, оброки, платежи помещику и т. п. — является реализацией собственности феодалов на землю и неполной их собственности на работников производства. Феодализм — это система эксплуатации крепостных крестьян землевладельцами-феодалами.

Точно так же, как Маркс, разъясняет и В. И. Ленин «сущность», т. е. основной закон, барщинно-крепостнического хозяйства в дореформенной России: «Сущность тогдашней хозяйственной системы состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства — например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее свое содержание. Продукт этого труда крестьянина представлял из себя необходимый продукт, по терминологии теоретической политической экономии; необходимый — для крестьян, как дающий им средства к жизни, для помещика, как дающий ему рабочие руки; совершенно точно так же, как продукт, возмещающий переменную часть стоимости капита-

---

¹⁰ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 807.

ла, является необходимым продуктом в капиталистическом обществе. Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими *тем же* инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика... «Собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»¹¹.

Надо помнить, конечно, что эти слова В. И. Ленина относятся не к феодализму вообще, а к определенной стадии феодализма в конкретных условиях места и времени. Но основной закон данного способа производства проявляется на любой стадии его развития, в любых конкретных условиях. Если отдельные частные черты в приведенном определении В. И. Ленина требуют некоторого видоизменения применительно к другому этапу, к другой стадии феодального общества (прибавочный продукт мог производиться не на помещичьей земле, а на крестьянском наделе; хозяйство крестьян могло обеспечивать помещика не рабочими руками для барщины, а поступлениями оброка), то все главное, все наиболее существенное в нем останется неизменным для любого этапа.

Дав такое определение сущности феодального способа производства, В. И. Ленин далее переходит к всецело отвечающим этой сущности отдельным экономическим категориям и законам, характеризующим разные стороны феодальной экономики: во-первых, господство натурального хозяйства, во-вторых, наделение крестьянина землей и прикрепление его к ней, в-третьих, личная зависимость крестьянина от помещика, в-четвертых, низкое и рутинное состояние техники в связи с мелким характером хозяйства.

По отношению ко всем этим и другим отдельным, специфическим явлениям и закономерностям закон феодальной ренты играет роль основного экономического закона.

Основной экономический закон феодализма, как видим, по содержанию и существу был установлен К. Марксом и В. И. Лениным.

Всякий основной экономический закон, о какой бы общественной формации ни шла речь, указывает цель производства и те средства, которыми достигается эта цель.

Целью феодального производства являлось получение феодалами прибавочного продукта, феодальной ренты. Речь идет при этом не только о субъективной цели тех или иных лиц, но об объективном экономическом законе подчинения общественного производства при антагонистическом строе целям и интересам эксплуататорского меньшинства. Следовательно, речь идет о цели, которая во всяком классовом антагонистическом обществе противостоит интересам, потребо-

---

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 183–184.

стям, целям непосредственных производителей. Целью производства может быть лишь одно из двух: либо целью производства является удовлетворение потребностей человека, всего общества (в обществе, не разделенном на антагонистические классы), либо целью производства выступает лишь присвоение прибавочного продукта господствующим классом, а удовлетворение потребностей непосредственных производителей большинства общества выступает только как одно из необходимых средств для обеспечения этой цели. В рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществах целью производства является именно производство прибавочного продукта для присвоения его господствующими классами.

При капитализме часть прибавочной стоимости используется как капитал, потребляется производительно, т. е. вкладывается в производство. Извлечение прибавочной стоимости капиталистом в виде прибыли служит не только его нетрудовым доходом для удовлетворения его разнообразных потребностей, но и для извлечения новой и новой прибавочной стоимости в виде прибыли для неограниченного расширения производства, т. е. становится самоцелью. Напротив, прибавочный продукт, присваиваемый феодалом в виде ренты, не становится самоцелью. Выше уже было сказано, что он служит, как правило, только для удовлетворения потребностей феодала, его семьи и челяди (свиты, дружины). Такое использование прибавочного продукта политическая экономия называет паразитическим.

Сопоставляя эти два разных принципа использования прибавочного продукта, Маркс писал: «В противоположность стародворянскому принципу, который, по справедливому замечанию Гегеля, «состоит в потреблении имеющегося в наличии» и особенно ярко проявляется в роскоши личных услуг, буржуазная политическая экономия считала исключительно важным провозгласить накопление капитала первой обязанностью гражданина и неустанно проповедывал это: не может накапливать тот, кто проедает весь свой доход вместо того, чтобы добрую долю его расходовать на наем добавочных производительных рабочих...»¹²

Средством для обеспечения цели феодального производства является принуждение крестьян отдавать прибавочный продукт, ренту. Это принуждение достигается как путем реализации собственности феодала на землю — наделением крестьян землей для ведения мелкого хозяйства, созданием тем самым экономической зависимости крестьян (отчасти и ремесленников, как увидим ниже), — так и путем реализации неполной собственности феодала на работников производства — крепостных. В результате последние были принуждены отчуждать

---

¹² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 593–594.

прибавочный продукт феодалам, довольствуясь только необходимым продуктом, обеспечивающим удовлетворение их самых минимальных потребностей.

Как мы уже знаем, феодальная рента являлась экономической реализацией феодальной собственности. Поскольку феодальная собственность была завуалирована «публичноправовой», политической формой, постольку и ее экономическая реализация часто выступала в этом причудливом виде, скрывающем суть экономических отношений людей.

Так, феодальная рента очень часто была облечена в форму налогов, государственных податей. В условиях раннего феодализма, при господстве политической раздробленности, когда существовали «поместья-государства», рента и налог совпадали; в тех поборах, которые взимал феодал с населения, нельзя различить налог в пользу государства и повинность в пользу землевладельца, то и другое совершенно сливается. Точно так же и в тех странах Востока, где собственность на землю принадлежала государству, рента, взимавшаяся этим земельным собственником с крестьян, полностью совпадала с государственными налогами.

Но и для всех видоизменений и стадий феодального строя характерно хотя бы частичное слияние ренты и налога. Поскольку феодал «держал» свою землю от сюзерена — от государя, короля, постольку он как бы пользовался лишь правом удерживать в свою пользу («иммунитет») те подати, которые в противном случае население платило бы этому сюзерену, т. е. верховному государю. С другой стороны, и собственно налоги, формировавшиеся по мере укрепления и возвышения центральной государственной власти, сохраняли черты феодальной ренты. Сами названия налогов, взимавшихся феодальной монархией (например, «талья» во Франции), сплошь и рядом сохранялись от тех времен, когда они обозначали простые феодальные повинности; ведь в период феодальной раздробленности «короли» были такими же феодалами, как и другие, взимая поборы лишь со своих собственных поместий, и только понемногу они настолько поднялись над другими феодалами, что стали в известной мере собирать свои поборы и с их поместий. Как и при взимании обычной ренты, налогами облагались или земельные владения (держания) крестьян, или их хозяйства, или, наконец, сами люди (поголовная, подушная подать).

Таким образом, даже обособившиеся от обычной ренты государственные налоги или подати при феодализме продолжали по существу оставаться не чем иным, как модифицированной феодальной рентой («централизованной», или «концентрированной» феодальной рентой). Эта составная часть совокупной феодальной ренты, которую выплачивали трудящиеся, была подчас очень тяжела. На практике случалось,

конечно, что она захватывала и необходимый крестьянский продукт, вела к полному разорению части крестьянских хозяйств. Народные восстания в средние века нередко были направлены в первую очередь против непосильных феодальных налогов, а в истории антифеодальных революций XVI–XVIII вв. требования и лозунги, направленные против налогового гнета, неизменно занимали самое видное место.

Среди доходов любого феодала немалую долю составляли те поборы и «права», которые он брал с населения не прямо как земельный собственник, а как государь данной территории. Таковы, например, пошлины и поборы за проезд по его территории, пошлины, собираемые на рынках и ярмарках, и т. д. Многие феодальные барщинные повинности, например строительство замков, укреплений, дорог, мостов, и многие поборы продуктами или деньгами мотивировались военно-оборонительными нуждами и тем самым выступали как непосредственные государственные службы населения, как налоги в широком смысле. Однако все это было по существу феодальной рентой.

Мы отмечали, что не только собственность феодала на землю юридически и политически оформлялась как его государственная власть над данной территорией; неполная собственность феодала на работников производства выступала как «подданство» последних. Рента как экономическая реализация этой неполной собственности на работников производства могла поэтому приобретать, например, характер доходов от судебных прав феодала по отношению к населению своих поместий. Следует подчеркнуть, что судебные штрафы составляли очень важную статью доходов феодалов почти на всех этапах развития феодализма. При всей кажущейся нерегулярности этих доходов они в массе представляли постоянную и существенную часть совокупной феодальной ренты. Сеньор и его служащие отлично знали достаток каждого «подданного» и умели придаться к какому-нибудь случаю, чтобы в виде судебного штрафа изъять «излишки» его имущества. Если недоставало предлогов, сеньор издавал новые законы и административные распоряжения, за нарушение которых привлекал «подданных» к суду.

Такова специфическая оболочка, в которой нередко выступает феодальная рента. Но эта оболочка не должна заслонить от нас экономическое существо феодальной ренты и феодальную собственность как подлинную экономическую основу любых модификаций и видоизменений феодальной ренты.

Остается добавить, что для конкретных экономических исследований подчас оказывается более легким делом обнаружить феодальную ренту, чем лежащую глубже нее феодальную собственность. Так, в странах средневекового Востока собственность господствующего класса на землю настолько сливается с господством над всей государст-

венной территорией, что наблюдатель может видеть только ренту, совпадающую с налогом, и по этой экономической реализации умозаключить о наличии и характере земельной собственности. В ряде других конкретных экономических условий феодальную земельную собственность или собственность на работников производства можно, так сказать, нащупать только через факт наличия ренты и ее особенности.

Только наличие феодальной собственности на землю придает земельной ренте характер абсолютной ренты. Это очень важно подчеркнуть для понимания того положения Маркса и Ленина, что при капитализме абсолютная рента вообще не является экономической необходимостью, так как представляет собой лишь пережиток феодализма. Уничтожение средневековых монополий и средневековых отношений в земледелии означало бы в условиях капитализма, теоретически говоря, вполне осуществимую и, с точки зрения капиталистического развития, прогрессивную ликвидацию всякой абсолютной ренты при сохранении только дифференциальной земельной ренты¹³.

Абсолютная рента является экономическим выражением монопольной собственности на землю класса землевладельцев. Как известно, теория земельной ренты при капитализме противопоставляет абсолютной ренте категорию дифференциальной ренты. Обнаруживается ли дифференциальная рента в экономике феодализма? На этот вопрос должен быть дан безусловно положительный ответ. При покупках, продажах, закладе земли на ее цене неизменно отражалось качество земельного участка. Но оно сказывалось и непосредственно на высоте феодальной ренты, разумеется, если дело идет о прогрессивном виде ренты. Так, например, земельная подать в России XVI в., называвшаяся «соха», взималась по сложному расчету, учитывавшему не только количество, но и качество земли.

2. Формы феодальной ренты

Всякий основной экономический закон, о какой бы общественной формации ни шла речь, есть в то же время закон, характеризующий развитие производства. Он не только качественно отличает один тип производственных отношений от другого, но определяет и ход исторического движения каждого данного способа производства.

Так, капитализму присущ всеобщий закон капиталистического накопления, неумолимо углубляющий экономическую поляризацию общества. При капитализме производство развивается циклически — че-

---

¹³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 405.

рез кризисы. Капиталистическое производство закономерно переходит от домашнего — к машинному; от свободной конкуренции — к монополистическому империализму.

Закон феодальной ренты также обязан удовлетворять этому методологическому требованию: должен вести к пониманию характера развития, движения феодального производства.

Постоянное, хотя бы и прерывистое возрастание, какое свойственно капиталистической прибыли, феодальной ренте не свойственно. Феодальному производству присуща крайняя рутинность техники, а в экономических отношениях феодализма традиция, как отмечает Маркс, играла преобладающую роль: если, скажем, повелось требовать два дня в неделю барщинного труда для земельного собственника, то уже эти два дня барщинного труда прочно установились, являлись постоянной величиной, законно урегулированной обычным или писаным правом. В истории феодального производства бывали длительные периоды, характеризующиеся не расширенным, а простым воспроизводством, долгим застоем. Словом, феодальной ренте отнюдь не свойственно было постоянное возрастание. Это связано опять-таки с вопросом о цели феодального производства: с господствующим принципом паразитического потребления феодалами «имеющегося в наличии».

Однако, как было сказано в предыдущей главе, производительные силы в феодальную эпоху все же никак не стояли на месте. Хотя медленно, с застоями, они все же развивались. Из данного выше определения цели феодального производства, как и из основного экономического закона феодализма в целом, следует, что это развитие производительных сил не могло идти по преимуществу на повышение дохода непосредственных производителей, а должно было идти по преимуществу на повышение дохода феодалов, на увеличение феодальной ренты.

Правда, надо помнить, что источником роста производительных сил в феодальном обществе была прежде всего инициативность, заинтересованность в результатах труда самих непосредственных производителей. Они, конечно, повышали производительность своего труда не для того, чтобы повысить доход феодала, а для того, чтобы улучшить свое собственное материальное положение. Но временные успехи, которых добивались непосредственные производители, феодалы как господствующий класс рано или поздно в сложной экономической борьбе все-таки отнимали у них, обращали рост производительных сил к своей экономической выгоде. Среди непосредственных производителей обычно лишь та или иная небольшая прослойка оказывалась в материальном выигрыше, основная же масса оставалась по-прежнему нищей и в лучшем случае в этой борьбе завоевывала некоторые уступки, например в отношении увеличения личной свободы, словом, добивалась

лишь несколько более благоприятных позиций для дальнейшей борьбы, ничего не получая в руки непосредственно. Таково было неумолимое действие основного экономического закона феодализма.

Развитие феодальной ренты осуществлялось преимущественно путем последовательной смены одной формы ренты качественно другой формой, отвечающей более высокому уровню производительности труда непосредственных производителей и более высокому уровню эксплуатации. Самые ранние формы, по известному саркастическому выражению Маркса, ограничивали эксплуатацию крестьян емкостью желудка феодала; рост производства и эксплуатации отражался преимущественно в росте числа этих потребляющих желудков: в разрастании дружины или свиты феодала, количества его паразитической челяди, — однако этот рост был все же ограничен рядом условий. Напротив, высшая форма феодальной ренты — денежная, открывает простор для «неутолимой жажды прибавочного труда», ибо на деньги феодал может приобрести самые разнообразные товары для удовлетворения неограниченно разнообразных потребностей.

Таким образом, закон феодальной ренты является не статическим законом, а законом экономического развития феодальной формации. Эксплуатация ширится и углубляется при историческом переходе от одной формы феодальной ренты к другой. Впрочем, возрастание ренты могло происходить и в рамках господства той или иной одной формы, особенно на ступени развития в феодальном обществе товарно-денежных отношений.

Итак, открытие Маркса состояло не только в установлении новой научной категории — феодальной земельной ренты как категории, объясняющей весь феодальный экономический строй, но и в установлении последовательных, закономерно вытекающих друг из друга форм феодальной ренты.

Маркс различает три главные формы феодальной ренты: отработочную ренту, ренту продуктами и денежную ренту. Они могут быть обозначены так же как барщина, натуральный оброк и денежный оброк.

Что касается отработочной ренты, наиболее простой и первоначальной формы ренты, то присвоение землевладельцем неоплаченного чужого труда существует здесь еще в своем очевидном, обязательном виде, так как труд непосредственного производителя на самого себя здесь еще отделен в пространстве и времени от его труда на земельного собственника, и этот труд непосредственно выступает в грубой форме принудительного труда на другого¹⁴. Крестьянин производит при этой системе необходимый продукт в своем хозяйстве, на своем

---

¹⁴ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 804–805.

«наделе», а прибавочный продукт — в барском поместье, на барской запашке. Условием этой системы является лишь то, чтобы уровень производительности труда крестьянина, развития его рабочей силы, так же как и естественные свойства земли, давали ему возможность производить нечто сверх продукта, нужного для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Это единственное условие, указанное Марксом, объясняет, почему феодализм был возможен не только у тех народов, которые прошли через рабовладельческий строй, но и у тех народов, которые еще только выходили из первобытнообщинной формации.

Однако возможность еще не есть действительность. Эту возможность превращает в действительность, показывает Маркс, во-первых, отношение земельной собственности (монополия феодалов на землю) и, во-вторых, крепостническое принуждение. Благодаря этому и возникает отработочная рента — первая форма феодальной ренты, т. е. прибавочного труда, принудительно выполняемого для собственника земли.

Исторические памятники раннего средневековья на Западе, как и ранней поры феодализма в России, содержат неисчерпаемый материал для изучения конкретных проявлений отработочной ренты. Важно подчеркнуть, что сюда должны быть отнесены не только работы на господском поле и луге, не только работы по строительству замков, укреплений, дорог, но и не отделившиеся еще вполне от сельского хозяйства ремесленные работы, производившиеся теми же крестьянами (или частью из них) на господском дворе.

Вторая форма феодальной ренты — рента продуктами (натуральный оброк) — представляет существенное изменение первой, хотя экономическое существо остается тем же самым. Она соответствует более поздней стадии развития феодального общества; в Западной Европе мы наблюдаем ее на монастырских землях и землях крупных светских феодалов как характерное явление в X–XI вв. Она отличается от предыдущей формы тем, что прибавочный труд выполняется уже не в его натуральном виде, как особый труд на господина, а вместе с необходимым трудом в хозяйстве непосредственного производителя. Последний выполняет его под собственной ответственностью и располагая своим временем, а не под прямым надзором и плетью земельного собственника или его представителя. Следовательно, рента продуктами предполагает более высокий культурный и производственный уровень непосредственного производителя, более высокий уровень развития труда. При ренте продуктами крестьянин производит и необходимый и прибавочный продукт в своем хозяйстве, на своем «наделе», он уже не трудится на барской запашке, а должен отдавать помещику часть продукции своего хозяйства. По словам Маркса, «при этом от-

ношении непосредственный производитель, применяя свой труд, более или менее располагает всем своим рабочим временем, хотя часть этого рабочего времени, первоначально почти вся избыточная часть его, по-прежнему даром принадлежит земельному собственнику, с той только разницей, что последний уже получает его непосредственно не в его собственной натуральной форме, а в натуральной форме того продукта, в котором это время реализуется»¹⁵.

Рента продуктами может рассматриваться как переходная, промежуточная форма между отработочной и денежной рентой. Одни черты общи у нее с денежной рентой в отличие от отработочной, другие, напротив, общи у нее с отработочной рентой в отличие от денежной.

Так, общим с денежной рентой у нее является то, что прибавочный продукт производится в хозяйстве крестьянина вместе, в нерасчленном единстве, в общей валовой продукции с необходимым продуктом и только затем отделяется и присваивается феодалом-землевладельцем; труд производителя на самого себя и его труд на земельного собственника здесь уже не отделяются осязательно во времени и пространстве. Как мы видели, феодальное хозяйство состоит как бы из двух половин — хозяйства крестьян и хозяйства феодалов, иначе говоря, из обработки крестьянских наделов и барской земли (барской запашки). В разных исторических условиях центр тяжести производства феодальной ренты переносится то на одну половину, то на другую: при отработочной ренте — на барское хозяйство, при ренте продуктами и денежной ренте — на крестьянское хозяйство. В первом случае феодал присваивает себе непосредственно прибавочный труд, во втором и третьем — прибавочный продукт. В связи с этим следует отметить, что именно рента продуктами окончательно подготавливает экономическое обособление ремесла от сельского хозяйства при феодализме. Уже не только отдельные крестьяне специализируются на том или ином ремесле для нужд господского двора, как при отработочной ренте, но и целые крестьянские хозяйства могут приобретать специализированный уклон, внося ренту по преимуществу тем или иным особым продуктом (изделиями).

Другая черта, напротив, объединяет ренту продуктами с отработочной и отличает ее от денежной: это натуральный характер ренты. При ренте продуктами прибавочный продукт присваивается феодалом-землевладельцем в натуральном виде, т. е. в виде зерна, мяса, птицы, полотна и т. п., а не в виде выручки крестьянина от продажи этих продуктов. Обе ранние формы феодальной ренты, первая и вторая, носят натуральный характер, тогда как третья носит денежный характер.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет о натуральном характере

---

¹⁵ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 808.

именно ренты, а не хозяйства непосредственных производителей. В самом деле, и в период господства денежной ренты условия хозяйствования в подавляющей части возмещаются и воспроизводятся прямо из валовой продукции крестьянского хозяйства без содействия рынка. В деньги превращается не весь крестьянский продукт, а лишь та его часть, которая составляет ренту (и в некоторой мере излишки над необходимейшими потребностями). Несомненно и то, что частицы, элементы денежной ренты можно наблюдать и в раннем средневековье в виде небольших второстепенных денежных платежей. Но они не играли сколько-нибудь существенной экономической роли. Во всяком случае период господства денежной ренты знаменует совершенно новый этап в истории феодального общества, противостоящий времени господства первых двух натуральных форм ренты.

Денежная рента не могла стать господствующей до тех пор, пока в феодальном обществе не началось широкое развитие городов — покупателей сельскохозяйственных продуктов. Исследователем аграрной истории средневековой Франции А. В. Конокотиным убедительно показано, что, хотя развитие городов во Франции началось в X–XI вв., однако еще и в XII–XIII вв. в сумме крестьянских повинностей преобладала рента продуктами, и только в XIV в. денежная рента прочно завоевывает первое, господствующее место¹⁶. Но нарастание удельного веса денежной ренты шло именно с X–XI вв., вместе с ростом средневековых городов.

Сначала sporadическое, затем принимающее все более всеобщий характер превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает, говорит Маркс, уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения. Оно предполагает далее рыночную цену продуктов и то, что они продаются более или менее близко к своей стоимости, чего может и не быть при прежних формах¹⁷.

Под денежной рентой, как показал Маркс, мы понимаем земельную ренту, возникшую путем простого изменения («метаморфоза») формы ренты продуктами, так же как и последняя была в свою очередь лишь превращенной отработочной рентой. Основа, или, по выражению Маркса, база денежной ренты совершенно та же, что и ренты продуктами. Разница состоит лишь в том, что «вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) цену продук-

---

¹⁶ А. В. Конокотин. Очерки по аграрной истории Северной Франции в IX–XIV веках. — «Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. XVI, 1958.

¹⁷ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 810.

та»¹⁸. Следовательно, крестьянину недостаточно только произвести в своем хозяйстве избыток продукта над тем количеством, которое нужно для покрытия необходимых потребностей и для воспроизводства хозяйства. Он должен еще отвезти в город этот избыток, продать его, превратить его в денежную форму. Иными словами, часть его продукта должна быть произведена как товар, именно та часть, которая составляет прибавочный продукт.

Сама денежная рента в экономическом смысле представляет лишь изменение формы («метаморфоз») ренты продуктами и не выражает каких-либо абсолютно новых производственных отношений. Как и при ренте продуктами, «непосредственный производитель по-прежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать господину как собственнику этого существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, т. е. неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги»¹⁹.

Однако при всем сходстве с рентой продуктами денежная рента знаменует серьезное изменение феодальной экономики, а вместе с тем и всего феодального общества. Маркс отмечает, например, что господство денежной ренты сопровождается: 1) значительным укреплением личной собственности крестьянина на орудия и другие условия труда, отличные от земли; 2) превращением прежнего традиционного общинноправового отношения между зависимым крестьянином и земельным собственником в договорное отношение, определяемое законом, в чисто оброчное денежное отношение; 3) появлением неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги к лучше обеспеченным крестьянам; 4) появлением цены земли (капитализированной ренты) и купли-продажи земли. Все эти и подобные им изменения мало-помалу создают условия для возможности возникновения и качественно новых производственных отношений в деревне — капиталистических отношений. Однако Маркс подчеркивает, что отнюдь не саморазвитие денежной ренты приводит к этому результату: формирование капиталистов в деревне, говорит он, «зависит от общего развития капиталистического производства вне пределов сельского хозяйства...»²⁰ Это положение чрезвычайно важно. Оно подчеркивает, что товарно-денежная форма феодальных производственных отношений отнюдь не перерастает автоматически в капиталистические производственные отношения.

Углубленную разработку этого аспекта теории феодально-денеж-

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 812.

ной ренты мы находим у советского историка М. А. Барга²¹, который убедительно показал, что денежная рента знаменует на определенном этапе не упадок или разложение, а прогресс феодального способа эксплуатации, открывая для него новый простор, новые возможности роста и развития, что эта форма ренты не только совместима с дальнейшим восходящим развитием феодальной формации, но на известный исторический срок делает возможной новую, более высокую фазу его развития. Именно по мере исчезновения в Западной Европе доменального хозяйства, т. е. в XIV–XV вв., складывается наиболее «чистая» или «классическая» организация феодального производства, связанная с расцветом мелкокрестьянского хозяйства и господством денежной ренты. По справедливым словам М. А. Барга, «прогресс феодального способа производства при денежной форме ренты заключается прежде всего в том, что с ней связано громадное расширение возможностей феодальной эксплуатации; рамки феодальной ренты раздвигаются настолько, что рента, получавшаяся непосредственно сеньором, представляется теперь лишь частью, постепенно оттесняемой на задний план другими ее составными частями (например, фискальным ограблением)».

Столь же справедливо и теоретически четко аргументировано М. А. Баргом заключение, что, по Марксу, разложение феодальной ренты начинается отнюдь не с появлением или преобладанием денежной формы этой ренты, а лишь с возникновением капиталистического уклада в производстве. До этого денежная рента играла для феодальных производственных отношений не разрушительную, а, напротив, созидательную роль.

Действительно, только так и можно понимать данный Марксом анализ денежной формы феодальной ренты.

В характеристике Марксом денежной ренты можно различить две стороны. С одной стороны, он говорит о «чистой форме» денежной ренты²², о денежной ренте, «поскольку она является в чистом виде, т. е. как просто превращенная форма ренты продуктами...»²³ В этом качестве денежная рента еще полностью отвечает феодальным производственным отношениям и не содержит в себе чего-либо отрицающего феодализм. С другой стороны, она подготавливает благоприятные условия для проникновения в сельское хозяйство капиталистических отношений, если капитализм вообще зародился в данном обществе, первоначально в промышленности. В этих исторических условиях денеж-

---

²¹ М. А. Барг. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе. (О некоторых закономерностях феодальной денежной ренты). — «Вопросы истории», 1963, № 3.

²² См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 811.

²³ Там же, стр. 815.

ная рента выступает как форма разложения феодализма.

Итак, данный Марксом анализ логической и исторической преемственности трех форм феодальной ренты говорит о развитии, о восходящем движении, о возрастании феодальной ренты²⁴. Иначе и не может быть, ибо смена форм феодальной ренты отражает развитие производительных сил феодального общества, рост производительности крестьянского и ремесленного труда, а в условиях антагонистического общества этот рост производительности труда никак не мог пойти целиком или преимущественно на пользу самим трудящимся. Смена форм феодальной ренты отражает усиление эксплуатации и углубление классового антагонизма.

Оба антагонистических класса феодального общества были каждый по-своему заинтересованы в постепенном переходе от одной формы ренты к другой, но интересы их были при этом противоположны.

Маркс особо подчеркнул заинтересованность непосредственных производителей. Крестьянину каждая более высокая форма открывала возможность уделить больше времени своему хозяйству, открывала больший простор для его хозяйственной инициативы, делала его более заинтересованным в результатах своего труда.

Уже при отработочной ренте некоторая возможность такого рода открывалась: здесь от относительных размеров барщинного труда зависело, «в какой мере у непосредственного производителя окажется возможность улучшать свое положение, обогащаться, производить известный избыток сверх необходимых средств существования»²⁵. Допустим, он обязан был два дня в неделю работать на барщине; это величина постоянная, но производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходимо развивается в процессе его опыта. Характерно, что в числе стимулов, поощряющих крестьянина к усиленному напряжению рабочей силы в земледелии и домашней деревенской промышленности, уже на этой ступени, когда рента носит еще натуральный характер, Маркс указывает «расширение рынка для его продукта»²⁶. Избыток своего продукта, ускользающий от феодала, крестьянин стремится превратить в товар, чтобы на вырученные деньги удовлетворить какие-либо новые потребности.

Тем более при ренте продуктами прибавочный труд, достигающийся феодалу, может и не исчерпывать всего избыточного труда крестьянской семьи. «Напротив, — говорит Маркс, — производителю дается

---

²⁴ Ср. Я. Д. Серовайский. К вопросу о возрастании ренты при феодализме. — «Уч. зап. Казахского гос. ун-та». Историческая серия, т. XXXI, вып. 3, Алма-Ата, 1957.

²⁵ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 805.

²⁶ Там же, стр. 807.

здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности»²⁷. Следовательно, при ренте продуктами крестьянин стремится повысить производительность своего труда, хотя и немногие из крестьян практически выигрывают от этого.

Наконец, при денежной ренте еще более возрастает возможность извлечения крестьянином из своего хозяйства избытка дохода сверх всех феодальных платежей, и он в самом деле ищет всяческих средств к этому, вплоть до эксплуатации своих более бедных соседей в качестве батраков.

Таким образом, при переходе от одной формы ренты к другой феодальные производственные отношения не только соответствовали характеру производительных сил, но и служили силой, определявшей развитие производительных сил: смена форм феодальной ренты, отражавшая состояние производительных сил, в свою очередь побуждала непосредственных производителей повышать производительность и интенсивность своего труда. Но господствующий феодальный класс обращал основную долю этих усилий в свою пользу. Феодалы тоже были заинтересованы в переходе от одной формы феодальной ренты к следующей, так как это открывало возможность увеличить объем получаемой ренты. Если при натуральных формах ренты феодал в общем брал крестьянского продукта не больше, чем потреблял в натуре сам со своей дворней и дружиной, то при денежной ренте, покупая товары на рынке, он все более и более расширял свои потребности. Переход от одной формы ренты к другой, будучи выражением роста производительных сил, совершался в процессе столкновения и борьбы этих противоположных стремлений крестьян и феодалов и неумолимо все более углублял противоположность их интересов. Если, с одной стороны, личная несвобода крестьянина ослабевала, то, с другой, — возрастала его экономическая зависимость от земельного собственника, возрастали налоги, задолженность, рыночные и судебные пошлины и т. д.

Следует подчеркнуть, что в чистом виде три формы феодальной ренты существуют лишь в экономической теории. В исторической действительности разные формы наблюдаются одновременно и совместно, только какая-либо одна из форм всегда оказывается господствующей, ведущей. Маркс неустанно подчеркивает это в 47-й главе III тома «Капитала». Так, например, в разделе о ренте продуктами он пишет, что в какой бы мере рента продуктами ни представляла господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же посто-

---

²⁷ Там же, стр. 808.

янно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, т. е. ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом. И в свою очередь «обломки» ренты продуктами встречаются позже, при господстве денежной ренты²⁸. Одним из конкретно-исторических примеров, на который ссылается Маркс, служит слияние денежной ренты с остатками ее прежних форм во Франции перед революцией XVIII в.²⁹ Однако, оговаривается Маркс, «мы не можем разбирать бесконечные различные комбинации, в которых различные формы ренты могут сочетаться, фальсифицироваться и сливаться»³⁰. Действительно, это выходит за рамки экономической теории.

Тем не менее об одной такой комбинации здесь необходимо сказать несколько слов. Хотя она и не рассмотрена в 47-й главе III тома «Капитала», Маркс в других главах уделяет ей немало внимания, так же как и Энгельс в своих работах. Дело идет о барщинно-крепостнической системе, которая развилась в поздние столетия феодальной эпохи в некоторых странах Восточной Европы: в России, Пруссии, Польше и т. д. Суть ее кратко охарактеризована В. И. Лениным в уже цитированном нами определении барщинно-крепостнической системы. На первый взгляд это просто регресс, возврат к господству первой формы ренты — к отработочной ренте (барщина). Однако в действительности это особая смешанная форма: с одной стороны, здесь налицо признаки первой формы (прибавочный продукт производится в хозяйстве феодала, применяется жесточайшее принуждение), с другой, — признаки третьей формы, так как продукт производится не для потребления в натуре, а для продажи, для рынка, но только связь с рынком осуществляется, не крестьянским хозяйством, а хозяйством феодала. Рынок крупный помещик-крепостник находил либо внутри страны, сбывая продукт крестьянского труда в городах, либо вне ее, сбывая этот продукт в те страны, где собственного производства сельскохозяйственных продуктов было недостаточно. Так или иначе, но эта форма ренты необходимо подразумевает уже совершившееся и далеко зашедшее отделение города от деревни — будь то внутри страны или в виде обособления промышленно развитых стран от преимущественно аграрных на международном рынке.

Конкретной иллюстрацией этой комбинированной формы может служить пример, который разобран Марксом в главе 8-й I тома «Капитала» («Рабочий день»): пример валашского и молдавского барщинно-крепостнического хозяйства. С одной стороны, Маркс подчеркивает

---

²⁸ См. *К. Маркс*. Капитал, т. III, стр. 808.

²⁹ См. там же, стр. 811.

³⁰ Там же, стр. 809.

здесь те черты, которые свойственны первой форме феодальной ренты: «Необходимый труд, который выполняет, напр., валашский крестьянин для поддержания собственного существования, пространственно отделен от его прибавочного труда на боярина. Первый труд он выполняет на своем собственном поле, второй — в господском поместье. Обе части рабочего времени существуют поэтому самостоятельно, одна рядом с другой. В форме барщинного труда прибавочный труд точно отделен от необходимого труда»³¹. Маркс подчеркивает также, что здесь, как и обычно при отработочной ренте, из барщины возникало крепостное состояние³². Но, с другой стороны, Маркс, характеризуя валашский и молдавский аграрный строй XVIII–XIX вв., отмечает такие признаки, которые отнюдь не свойственны самой ранней форме феодальной ренты, а, напротив, свойственны самой поздней форме. При ранней форме, при натуральной отработочной ренте, «прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей... из самого характера соответственного производства не вытекает безграничной потребности в прибавочном труде»³³, напротив, в Валахии и Молдавии эксплуатация характеризуется «неутолимой жаждой прибавочного труда». Анализируя валашский «Органический регламент» 1831 г., Маркс устанавливает, что он был «положительным выражением неутолимой жажды прибавочного труда, которая узаконивается каждым параграфом»³⁴. Маркс показывает необычайно высокую норму эксплуатации, царившую в Валахии и Молдавии, почти приближавшуюся к норме эксплуатации на капиталистической фабрике: «узаконенное» отношение барщинного труда к необходимому здесь составляло 66,6%, фактически же оно было еще значительно выше. Один «упоенный победой боярин» восклицал, что на деле барщина составляет 365 дней в году! Из всего этого видно, что комбинированная форма ренты, подобная валашской, отвечает не ранней, а поздней ступени развития производительности труда и нормы эксплуатации в феодальном обществе. По аналогии с валашско-молдавским примером, рассмотренным Марксом, возможен такой же анализ барщинно-крепостнической системы и в других странах Восточной Европы³⁵.

Впрочем, другие варианты той же комбинированной формы ренты могут наблюдаться и на более ранних ступенях феодальной истории, в менее развитых странах. Так, в Индии XV–XVIII вв. в некоторых об-

---

³¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 241–242.

³² См. там же, стр. 242.

³³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 240.

³⁴ Там же, стр. 244.

³⁵ Некоторые проблемы развития этой системы рассмотрены в статье: С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. — «Вопросы истории», 1958 № 2.

ластях храмы и другие крупные землевладельцы вели настоящее товарное крепостническое хозяйство путем эксплуатации трудящихся из касты «неприкасаемых», имевших собственные хижины, но получавших пропитание от господина за свой тяжелый труд в условиях полурабской зависимости.

Таковы главные формы феодальной земельной ренты и их историческое движение.

Мы видели, что отработочная и продуктовая формы объединены общей чертой — натуральным характером повинностей, а денежная и рассмотренная выше комбинированная формы объединены противоположной общей чертой — превращением прибавочного продукта в деньги, т. е. продажей его на рынке. Другая общая черта объединяет отработочную ренту и комбинированную, а именно производство прибавочного продукта в хозяйстве феодала, тогда как продуктовая и денежная формы объединены противоположной чертой — производством прибавочного продукта в хозяйстве крестьянина. Мы видели, наконец, что политическая экономия вправе рассматривать отработочную и денежную формы как два наиболее далеких, полярных типа, в наиболее чистом виде выражающих логически и исторически исходный и заключительный пункты феодального развития; напротив, продуктовая и комбинированная формы являются переходными и смешанными.

Следует рассмотреть еще классификацию феодальной ренты на три вида: эпизодическую, фиксированную и прогрессивную.

Эпизодическая рента в общем не типична для феодализма, она наблюдается преимущественно в раннее средневековье в виде «даров», «подношений», дани. Дань как экономическая категория представляет большие трудности для анализа. Когда она является регулярной, она подчас может быть сближена с налогом, с рентой в продуктовой или денежной форме. Но, пожалуй, та или иная степень нерегулярности, необеспеченности или эпизодичности входит в самое определение дани. Все дело в том, что генезис дани уходит в глубь общинно-родовых и общинно-племенных отношений. Дань, какой мы застаем ее в древней и средневековой истории, в сущности представляет собой утилизацию рабовладельцами и феодалами, рабовладельческим и феодальным государством этих глубоко архаичных видов экономической связи и зависимости. В феодальном обществе дань может служить выражением как эпизодического, так и фиксированного вида ренты.

Фиксированная рента — это подушное (поголовное) обложение, побор с хозяйства или с главы хозяйства, с зависимой территории или главы территории. Словом, размер фиксированной ренты не стоит в прямой зависимости от производительности труда или доходности хозяйства того, кто ее платит. Это делает ее выгодной для последнего в

условиях повышения производительности и доходности, но и гибельной в условиях неблагоприятной конъюнктуры, природных бедствий, сокращения числа рабочих рук, падежа скота.

Прогрессивная рента, которую можно также назвать относительной, пропорциональной или функциональной, является фиксированной долей урожая или дохода. Она наблюдается при продуктовой и денежной ренте в виде «двадцатины», «десятины», «пятины», «половинчества», издольщины. В сущности и всякая рента, зависящая от размера надела-держания, следовательно, от размера хозяйства, есть тоже прогрессивная рента. Она налицо и при отработочной ренте, на любой ступени феодализма. Прогрессивная рента в разные периоды выгодна то одной, то противоположной стороне, она, как наиболее гибкая, отвечает росту производительных сил в развивающемся феодальном обществе, но она же в наибольшей степени сталкивается с присущим ему традиционализмом, с силой обычая. В условиях зарождения капитализма именно издольщина является тем видом рентных отношений, которые более всего пригодны для наполнения старой феодальной формы новым капиталистическим содержанием.

Отработочная форма ренты таит в себе необходимость собственного отрицания: отделение в пространстве и во времени необходимого труда от прибавочного (барщинного) приводит к возникновению разницы в производительности труда крестьянина, так как он повышает производительность труда в своем личном хозяйстве. Неминуемо получаются два различных уровня производительности труда. Интерес феодала требует такой перестройки ренты, чтобы она отвечала уровню производительности труда, царящему в крестьянском личном хозяйстве, т. е. перехода к продуктовой ренте. Тогда возникает борьба: интерес крестьянина требует, чтобы рента была фиксирована, а интерес помещика, — чтобы она была прогрессивна. Однако прогрессивность ренты, пока она взимается натуральными продуктами, не очень-то легко осуществить. На первый взгляд несложно забрать на жнивьё «десятый сноп», в хлеву — пятого поросенка и т. п. Но крестьянин начинает варьировать сельскохозяйственную продукцию, разводит не предусмотренные феодальным договором виды растений и скота, специализируется на изготовлении утвари и изделий. Теснимый сеньором, он находит способ получать доход и прямо в денежной форме — он сам нанимается на работу за харчи или за деньги, и как с неимущего с него нечего брать в форме продуктовой ренты. Так уклоняется от феодальной ренты обширный слой «журналь» во французской деревне, «коттеров» в английской, а землевладелец повышает обложение тех, к кому они нанимаются, т. е. более крупных крестьянских хозяйств и, естественно, должен переходить при этом к денежной ренте.

И с новой силой разгорается борьба — быть ей фиксированной или

прогрессивной. Напомним, каким колоссальным выигрышем для крестьян была фиксированность денежной ренты в условиях «революции цен» XVI в., когда реальная стоимость уплачиваемой из года в год ренты стремительно падала.

При позднем возрождении отработочной ренты, иначе говоря, в условиях господства комбинированной формы ренты, при барщинно-крепостническом хозяйстве, снова появляется раздвоение уровня производительности труда. Правда, тут уже лишь части крестьян — «гроссбуаерам», «кулакам» удастся создать экономически сильные хозяйства. Зато возможность для крестьянина работать гораздо более интенсивно «на себя», чем в барском хозяйстве, выражается в сопутствующем этой системе отходничестве или отхожем промысле, т. е. в сочетании барщинной системы с оброчной. Оброк тут — это снова фиксированный вид ренты. Насколько он подчас был выгоден, можно судить по тому, что именно из этих отхожих оброчников в России выросло немало число мелких промышленников, дельцов, а то и крупных капиталистов.

3. Феодалная рента и особенности воспроизводства при феодализме

Весь продукт общественного производства в феодальном обществе делится на необходимый и прибавочный.

Понятие «необходимый продукт» является не физиологическим, а общественно-историческим. Прожиточный минимум производителя не следует рассматривать как некую естественную и потому более или менее неизменную величину. Уровень минимальных потребностей народных трудящихся масс менялся в истории. Например, на ранних ступенях феодализма крестьянин обходился без продуктов городской промышленности, позже некоторые из них становятся совершенно необходимым элементом его быта. Маркс разъяснял, что размер необходимых потребностей и способы их удовлетворения зависят как от климатических и прочих природных особенностей той или иной страны, так и больше всего от культурного уровня страны, представляя собой продукт истории, между прочим в значительной степени — того, при каких условиях, с какими жизненными притязаниями и привычками формировался эксплуатируемый класс³⁶. Необходимый продукт — категория, отражающая достигнутый к данному моменту уровень потребления основной массы того или иного трудящегося класса. Но этот уровень достигался не мирно, в результате роста общей матери-

---

³⁶ См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 177–178.

альной культуры, а в борьбе, он отражал соотношение классовых сил. Конечно, господствовавшему классу всегда удавалось удерживать средний объем необходимого продукта на крайне низком, близком к голодному, уровне. Даже если в тот или иной период он временно повышался, господствовавшему классу в дальнейшем удавалось снова отбросить назад народные массы. Но во всяком случае необходимый труд в антагонистическом обществе — не абсолютная величина, а соотносящаяся с прибавочным трудом: весь труд (и продукт труда) без остатка делится на часть, которую господствовавшему классу удавалось экспроприировать, и часть, которая оставалась непосредственным производителям. Таким образом, сама категория «необходимый труд» во всяком классовом антагонистическом обществе уже выражает отношения классов.

Необходимый продукт может быть охарактеризован также как та часть произведенного валового продукта, которую эксплуататор принужден или вернуть работнику производства или же непосредственно ему оставить. При рабстве и при капитализме эксплуататор сначала присваивает весь продукт, а затем возвращает необходимый продукт: рабу — в виде его средств существования, наемному рабочему — в виде его заработной платы. При феодализме эксплуататор не присваивает вовсе и соответственно не возвращает работнику производства его необходимый продукт, который просто остается в руках работника. Но это различие ничуть не меняет по существу природы необходимого продукта. Проходит ли он особую стадию распределения в натуральной или товарной форме (как при рабстве и капитализме) или же его распределение автоматически следует из распределения главного средства производства — земли (как при феодализме), — необходимый продукт противостоит прибавочному продукту как той части совокупного продукта, которая безвозмездно и безвозвратно экспроприирована у работника производства.

Отношение объема прибавочного труда к объему необходимого труда называется нормой эксплуатации. Обе величины в этом соотношении подвижны, изменчивы. Но во всяком антагонистическом обществе рост производительных сил в основном ведет к росту первой величины и тем самым — к росту нормы эксплуатации.

Понятие необходимого труда также и качественно различно при разных типах производственных отношений. Это связано с тем, что в разных антагонистических формациях по-разному стоит вопрос о воспроизводстве.

В капиталистическом обществе расширенное воспроизводство, как уже отмечалось выше, осуществляется из прибыли капиталистов, т. е. из прибавочной стоимости, из прибавочного продукта. Последний потребляется частью непроизводительно (личное потребление капитали-

стов), частью производительно (вложение капитала в производство). И в рабовладельческом обществе часть прибавочного продукта рабовладельцы должны тратить на воспроизводство: по меньшей мере они должны доставить в хозяйство такой важнейший его элемент, как рабы, — купить рабов на рынке или финансировать военные экспедиции за рабами; они должны доставить и другие израсходованные элементы хозяйства. Следовательно, рабовладельцы не могут обращать весь прибавочный продукт на личное потребление свое и своей клиентелы. При феодализме, напротив, характер основных производственных отношений не требует обязательно, чтобы помещик-землевладелец часть прибавочного продукта тратил на воспроизводство (хотя при некоторых типах феодального хозяйства это в незначительной мере имеет место). Прибавочный продукт, т. е. рента, при феодализме, как норма, потребляется непроизводительно феодалом-землевладельцем, его дворней, дружиной, свитой.

Следовательно, особенностью феодализма было то, что здесь расходы на воспроизводство шли в основном не из прибавочного, значит — из необходимого продукта.

При рабстве в его чистой, зрелой форме в состав необходимого продукта раба входит только продукт, необходимый для восстановления рабочей силы самого раба, затрат его организма.

При капитализме в состав необходимого продукта наемного рабочего, кроме расходов на восстановление его собственной рабочей силы, входит еще один элемент: расходы на содержание его детей, его семьи, иначе говоря, на воспроизводство самого рабочего класса; ведь класс рабов воспроизводился путем нового и нового получения рабов извне (захват пленных, покупка и т. д.), при капитализме же класс непосредственных производителей должен воспроизводиться на месте.

Особенность феодального производства состоит в том, что в состав необходимого труда крестьянина, кроме указанных выше двух элементов, входящих в состав необходимого труда рабочего, — 1) воспроизводства рабочей силы самого работника и 2) воспроизводства его семьи и тем самым класса, — входит еще третий элемент: воспроизводство его личного хозяйства. Иными словами, крестьянин должен производить и те хозяйственные работы, которые делают возможным в будущем году продолжение его хозяйства (создание запаса семенного зерна, ремонт орудий, замена пришедших в негодность новыми и т. п.). Все это также входит здесь в состав необходимого труда.

Рассматривая этот вопрос, Маркс различал в нем две стороны. С одной — естественным условием всякого длительного производства в любую историческую эпоху является то, что оно одновременно есть и воспроизводство, следовательно, воспроизводство и условий своего

собственного функционирования. В этом смысле нет ничего специфически феодального в том, «что продукта барщинника должно быть здесь достаточно для того, чтобы кроме средств его существования возместить и условия его труда»³⁷. С другой стороны, это положение, рассматриваемое под углом зрения отношений собственности, специфично лишь для феодально-крепостнических форм производства, при которых непосредственный производитель владеет своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования; только избыток над этим «необходимейшим» трудом выступает как «неоплаченный прибавочный труд» на земельного собственника³⁸.

Существенно другое понимание Маркса в данном вопросе и закономерностей феодального воспроизводства было предложено советским экономистом Г. Козловым³⁹. Во-первых, Г. Козлов предложил деление всего труда крестьянина не на две части, необходимый и прибавочный, а на три: 1) труд, возмещающий затраты прошлого труда, т. е. осуществляющий простое воспроизводство; 2) необходимый труд; 3) прибавочный труд. Но ведь деление в экономическом учении Маркса труда рабочего на прошлый и новый лежит в совсем другой плоскости, чем деление труда на необходимый и прибавочный. Прошлый труд, по Марксу, лишь переносится в процесс производства с использованных продуктов и средств труда на вновь созданные, и это не создает никакой стоимости, тогда как новый труд — это труд, создающий одновременно стоимость, которая и делится на необходимую и прибавочную часть. Но все это относится только к стоимостным отношениям. Г. Козлов переносит их в хозяйство крепостного крестьянина, где их нет в действительности, и поэтому в своем рассуждении отождествляет «труд» с «затратами». Во-вторых, автор выдвигает тезис, что расширенное воспроизводство во всех формациях осуществляется из прибавочного труда. Это положение весьма дискуссионно, ибо многие советские экономисты принимают как руководящую формулировку Маркса, что в социалистическом обществе расходы на воспроизводство являются столь же необходимыми, как и на потребление, и, следовательно, весь общественный труд является необходимым трудом. В таком случае применение категории прибавочного труда ограничено лишь классово антагонистическими способами производства.

Таким образом, концепция Г. Козлова представляется неправомерным распространением категорий политической экономии капитализ-

---

³⁷ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 803.

³⁸ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 803.

³⁹ См. «Коммунист», 1957, № 9, стр. 124–125.

ма на экономику иных формаций.

Из политической экономики капитализма мы знаем, что наемный рабочий не затрачивает ни атома рабочего дня на воспроизводство затраченных им в процессе труда средств производства. Речь тут идет о *стоимости*: стоимость затраченных средств производства переносится на стоимость изготавливаемого товара не в какое-либо особое рабочее время, а в самом процессе изготовления товара, т. е. в процессе создания новой стоимости. Это не значит, конечно, что в капиталистическом обществе не затрачивается рабочего времени на изготовление израсходованных средств труда; одно предприятие изготавливает средства труда для другого предприятия; капиталист для продолжения производства покупает на рынке те средства труда, которые израсходованы на его предприятии. Его издержки возвращаются к нему в цене проданной продукции. Крестьянин же при феодализме почти не покупает средств производства на рынке, что делает суть вопроса особенно наглядной. Он их должен создать, должен затратить на их создание определенное количество труда. На воссоздание затраченных элементов своего хозяйства, скажем на изготовление новой сохи, крестьянин затрачивал известное рабочее время. Необходимое это время или прибавочное? При отработочной ренте необходимый и прибавочный труд ощутимо отделены друг от друга в пространстве и времени. Совершенно очевидно, что труд, потраченный в своем хозяйстве на изготовление сохи, относится здесь не к прибавочному, а к необходимому («необходимейшему», по выражению Маркса) труду. Но ясно, что между положением при отработочной ренте и положением при продуктовой и денежной ренте в этом отношении нет принципиальной разницы.

Если в состав необходимого труда входит расход времени на простое воспроизводство крестьянского хозяйства, то, следовательно, в состав необходимого труда входили и расходы на расширенное воспроизводство в те исторические периоды, когда в среднем масса крестьянских хозяйств переживала некоторый подъем, когда, скажем, незначительное расширение запашки или увеличение поголовья скота представляли собой более или менее типичное, массовое явление. История феодального общества знает лишь незначительные шаги вперед в этом направлении, если говорить о сколько-нибудь широком круге крестьянских хозяйств. По существу в таком временном улучшении условий хозяйствования лишь то отличие от наблюдавшегося подчас улучшения и личного потребления, что последнее, как правило, не закреплялось, тогда как с расширившегося хозяйства помещики, сборщики налогов, попы, ростовщики начинали вскоре вымогать добавочные платежи, и крестьянину теперь уже волей-неволей приходилось поддерживать хозяйство в этом расширенном, более продуктивном масштабе.

На первый взгляд может показаться, что отнесение основной части труда по воспроизводству (простому и расширенному) к необходимому труду феодальнозависимого крестьянина ведет к выводу, будто норма эксплуатации при феодализме была в принципе ниже, чем при рабстве или при капитализме, где объем необходимого труда меньше, ибо не включает расходов по воспроизводству. Но такое умозаключение было бы ошибочно: ведь оставляя в руках крестьянина долю продукта, необходимую для воспроизводства, феодал вознагражден тем, что ему ничего не надо вкладывать из прибавочного продукта (ренды) ни для простого, ни для расширенного воспроизводства.

Одно из важных отличий категории «необходимый труд» (и «необходимый продукт») при феодальном строе состоит также в том, что уровень необходимого труда здесь в силу объективных условий менее нивелирован, чем при капитализме или при рабстве. При капитализме конкуренция на рынке рабочих рук, с одной стороны, стачечная борьба рабочего класса, — с другой, нивелируют уровень прожиточного минимума подавляющей массы занятых рабочих. При рабстве отпуск продуктов и одежды на каждого раба был примерно одинаков, по крайней мере в крупных рабовладельческих хозяйствах, вследствие как нивелирующего действия цен на рынке рабов, так и предельной примитивности этого снабжения. Система же мелких крестьянских хозяйств, существовавшая при феодализме, не содействовала постоянному автоматическому нивелированию уровня быта непосредственных производителей, напротив, содействовала образованию значительной пестроты. Правда, и сила обычая, и авторитет общины навязывали крестьянину некий традиционный образ жизни и хозяйствования. Но эти пути можно было порвать, если крестьянин переходил в иную юридическую категорию зависимых людей или держателей, а категорий этих феодальное право подчас создавало бесчисленное множество. Феодальное крестьянство всегда было очень неоднородным по своему положению. Эта неоднородность не имеет экономически ничего общего с капиталистической классовой дифференциацией крестьянства — до возникновения капитализма и его глубокого проникновения в деревню крестьянство оставалось единым классом: при всей пестроте это был класс феодально-эксплуатируемого крестьянства. Правда, неравное положение разных групп феодального крестьянства благоприятствовало «раскрестьяниванию» деревенской верхушки, но превращению ее не в кулаков, т. е. мельчайших эксплуататоров капиталистического типа, а в мельчайших эксплуататоров феодального типа (министерялы, фогты, мелкие вотчинники). Такие группы, конечно, находятся уже за рамками феодальнозависимого крестьянства, хотя обычно и сохраняют отдельные общины с ним черты.

Неоднородность, пестрота положения разных групп феодальнозависимого

висимого крестьянства сильно усложняет вопрос об уровне необходимого труда в тот или иной момент. Однако по существу это лишь другое проявление той подвижности, изменчивости прожиточного минимума, о которой говорилось выше. Необходимый труд — не абсолютная, раз навсегда данная величина. Разница в имущественном, бытовом положении разных групп феодальнозависимого крестьянства раскрывает картину борьбы за более высокий уровень социально закрепленного, фиксированного обычая, признанного и самим господствующим классом минимума потребления. Но это приводит к изменению минимума не всего класса, а лишь отдельных его прослоек, отрывающихся от других прослоек, уровень жизни которых остался неизменным. Однако и в этом случае совокупная масса необходимого продукта для всего крестьянства в целом может остаться неизменной, если феодалам удастся одновременно понизить уровень жизни низших слоев крестьянства.

Политическая экономия феодализма не рассматривает случаев, когда какие-либо слои крестьянства систематически получали меньше своего необходимого продукта, когда феодалы присваивали у них длительное время не только прибавочный продукт, а и часть необходимого продукта. В этих случаях крестьянское хозяйство уже не могло воспроизводиться в прежнем масштабе: оно либо развивалось по линии суженного воспроизводства, либо просто полностью разорялось. Тем более за рамки политической экономии выходят случаи, когда от захвата эксплуататором необходимого продукта вымирала крестьянская семья. В этих случаях имеет место разрушение данной экономической системы. Функционирование же ее теоретически подразумевает, что необходимый продукт феодальнозависимого крестьянства не может захватываться ни полностью, ни частично.

Следовательно, нижней гранью для объема необходимого продукта в феодальном обществе в каждый данный момент следует считать тот объем, который более или менее систематически получал наименее обеспеченный слой крестьянства. Поэтому все, что в потреблении других прослоек крестьянства систематически превосходит этот уровень, обозначается иногда специальным термином «избыток», или «избыточный продукт». Избыток может употребляться крестьянами как на личное непроизводительное потребление, так и на производительное потребление. Но избыток — это отнюдь не прибавочный продукт. Это всего лишь проявление характерных для феодализма колебаний, изменений необходимого продукта, и избытком мы его называем лишь по сравнению с уровнем потребления низшей группы. Он является как бы заявкой на установление нового минимума потребления непосредственных производителей, но заявкой, не ставшей всеобщей нормой.

От этих колебаний следует отличать колебания, имеющие место в

одном и том же крестьянском хозяйстве, в результате благоприятной конъюнктуры, хорошего урожая, повышения интенсивности или производительности труда. Такое превышение над обычным или минимальным уровнем потребления данного хозяйства обозначается иногда специальным термином: «излишки». Крестьянин обычно реализует излишки на рынке и приобретает какие-либо, иначе недоступные, городские изделия (для личного или хозяйственного потребления). «Излишками» они называются, конечно, не потому, что излишни в его быту, а лишь по сравнению с другими годами, когда такие приобретения невозможны. Излишки — это опять-таки не зачаток прибавочного продукта, а зачаток нового, расширенного объема необходимого продукта, однако не ставшего еще постоянной и всеобщей нормой.

4. Феодалная рента и ремесло. Особенности обмена при феодализме

Перейдем теперь к рассмотрению роли ремесла, развитие которого в феодальном обществе существенно усложняет картину воспроизводства и приводит к возникновению обращения в этом обществе.

При господстве первых двух форм феодалной ренты, отработочной и продуктовой, ремесло не играет самостоятельной экономической роли. Соответственно и противоречия феодализма в этот период еще менее развиты. Этот период называют *ранним феодализмом*. Отделение ремесла от сельского хозяйства было в известном смысле первым серьезным поражением класса феодалов, от которого последний, однако, не только оправился, но и нашел в нем источник новой силы, источник подъема феодализма на высшую ступень. Поражением это было в том смысле, что часть крестьян нашла и развила такой вид деятельности, при котором она экономически уже не зависела от земельной собственности феодалов и поэтому могла бежать из деревни, сбрасывая вслед за земельной зависимостью также и личную. Но поражение это обернулось как выигрыш феодалов, поскольку возникновение городов, покупателей крестьянских продуктов, развитие товарных отношений дало феодалам возможность перевести оставшихся крестьян на денежную ренту, тем самым наживая экономическую сеть, как мы сейчас увидим, и на бежавших. Со времени преобладания денежной ренты, связанной с развитием городов, начинается период *зрелого или развитого феодализма*.

Мы уже видели, что вопрос о денежной ренте неотделим от вопроса о феодальном городе, об окончательном отделении ремесла от сельского хозяйства. Еще при отработочной и продуктовой ренте развивалось ремесло как особый вид производства, требовавший специализа-

ции и работника и его орудий. Ремесло («рукомесло», «мастерство», «промысел», «умельство») сначала сочеталось с сельским хозяйством, носило сезонный и подсобный характер, затем все более поглощало время работника, так что уже само сельское хозяйство приобретало для него лишь подсобное значение, и, наконец, при благоприятных условиях совсем или почти совсем отделялось от сельского хозяйства.

Это отделение ремесла от сельского хозяйства было наглядным выражением роста производительных сил в недрах феодального общества. Вместе с тем оно было плодом борьбы части крестьянства против феодально-крепостнического гнета: те, кто овладел общественно полезным ремеслом, легче могли порвать со своим господином-землевладельцем, уйти от него, так как они не нуждались в земле в качестве средства производства. Одни становились бродячими ремесленниками, обслуживая своим трудом население деревень — часто лишь за право временно проживать и кормиться у крестьян (за «харчи»). Например, кузнецы сначала просто обслуживали то или иное время данную деревню, получая от общины питание. Другие же ремесленники селились, нередко под защитой монастыря или замка, в таких местах, куда окрестные крестьяне приносили свои продукты на обмен или на продажу, куда заезжали странствующие купцы. Феодальные города и были поначалу не чем иным, как поселениями беглых крестьян. Конечно, они оказывались в некоторой зависимости от того феодала, который был верховным собственником данной местности. Но эта зависимость носила уже смягченный характер; личная крепостная зависимость, как правило, уже не распространялась на горожан-ремесленников. Опираясь на общинные порядки, перенесенные из деревни и принявшие в городе характер «цехов», горожане-ремесленники оказывали сильный отпор притязаниям сеньора города, а так как они не находились в экономической, поземельной зависимости от него, то и могли одерживать победы над ним — достигать административной и юридической независимости города, самоуправления (в Западной Европе).

Таким образом, важнейшим переломным моментом в экономическом развитии западноевропейского феодального общества было отделение города от деревни и широкое распространение феодальных городов. Собственно отделение города от деревни совершилось еще на предшествующей ступени развития общества, в рабовладельческом обществе, но на Западе в начальный период феодализма экономическое значение городов почти сходило на нет, и затем они как бы возникают заново⁴⁰. Напротив, в странах Востока мы не наблюдаем такого

---

⁴⁰ См. Я. А. Лезицкий. Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв. М.–Л., 1960; В. В. Стоклицкая-Терешкович. Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв. М., 1960.

резкого разрыва в истории развития городов: здесь и в раннем средневековье города сохранились и играли заметную экономическую роль⁴¹.

Отделение города от деревни, ремесла от сельского хозяйства отражало рост производительных сил западноевропейского феодального общества. В то же время оно означало и известный кризис феодальных производственных отношений: как сказано, в города уходили от своих сеньоров, от своих феодалов, крестьяне-ремесленники, т. е. крестьяне, хорошо овладевшие тем или иным ремеслом, следовательно, имевшие возможность обойтись без той земли в качестве средства производства, собственность на которую являлась экономической основой господства феодалов в обществе. Ремесленники для своего производства не нуждаются в земле как средстве производства, и феодальные города представляли собой поселения таких ремесленников.

Поначалу это был еще экономически более или менее однородный слой: мелкие непосредственные производители, имевшие в полной собственности свои орудия производства, свое личное хозяйство. По цитированному уже образному выражению Маркса, они были сращены со своими орудиями, «как улитка с раковиной». Их главным достоянием было не столько сами эти орудия, обычно технически еще не сложные, сколько виртуозное владение ими, трудовые навыки, производственный опыт. Естественно, что рядом с ремесленниками мы видим «учеников», «подмастерьев» — овладение мастерством требовало длительного времени, — но сначала о них нельзя говорить как об эксплуатируемых. Лишь с дальнейшим развитием города экономическое положение их дифференцируется от положения ремесленников, и в позднем феодальном обществе положение подмастерьев начинает приближаться к положению эксплуатируемых рабочих.

Но развитие феодальных городов и городского ремесла, хотя и было в известной мере поражением для феодалов, в конце концов оказалось для класса феодалов и выгодно, и необходимо. Недаром вскоре сами феодалы и феодальная монархия стали усиленно насаждать города, способствовать их развитию. Дело прежде всего в том, что без этой предпосылки невозможен был переход к денежной ренте и ее рост.

Невозможно взимать с крестьян денежные платежи, если крестьянам некуда продавать свои продукты, если нет населения, отделившегося от сельского хозяйства и покупающего за деньги продукты сельского хозяйства — продовольствие и сырье. С крестьян невозможно взять денежных платежей на большую сумму, чем они могут выручить от продажи своих продуктов горожанам. Больше им взять денег неот-

---

⁴¹ К вопросу о городах на Востоке мы еще вернемся на примере Индии. О раннем периоде истории городов в феодальной России см. *М. Н. Тихомиров. Древнерусские города*. Изд. 2-е. М., 1956.

куда, а объем их выручки зависел от объема спроса, от количества и от покупательной способности городского населения.

Между городскими ремесленниками и окрестными крестьянами простое товарное обращение возникло независимо от воли и интересов феодалов. Но в обществе, где действовал основной экономический закон феодализма, в конце концов всякий рост производительных сил, всякий прогресс производства подчинялся господствовавшей цели производства, становился источником прибавочного продукта, присваиваемого феодалами в целях паразитического потребления. Это выразилось прежде всего в том, что вскоре крестьяне уже неизмеримо больше продавали горожанам, чем покупали у них: почти всю денежную выручку от продажи своих продуктов крестьяне принуждены были отдавать феодалам в качестве феодальной денежной ренты, и покупать им было почти не на что.

Большой теоретический интерес представляет проблема ценообразования в феодальном обществе⁴², механизм сравнения сначала отработанных и продуктовых повинностей, затем этих натуральных повинностей с денежными повинностями (так называемая коммутация), сравнения цен (т. е. в конечном счете трудовых затрат) на сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия. Энгельс отметил, что крестьяне и ремесленники отлично знали взаимные условия труда, могли подсчитать друг у друга издержки производства, но все же лишь медленно, ощупью, на горьком опыте приближались к установлению величины трудовой стоимости обмениваемых продуктов⁴³. Для того чтобы представить всю трудность установления эквивалентных отношений в товарообмене между городом и деревней, надо остановиться на вопросе о простом и сложном труде при феодализме.

Сельскохозяйственный труд выступал в сравнении с ремесленным как простой труд. Даже если сельскохозяйственный работник и обладал в том или ином деле огромным личным опытом и искусством, в общем это был универсальный труд; высокая умелость в отдельной сфере сельского хозяйства, пока эта сфера не обособилась от остальных, пока она не стала требовать всего человека, как бы растворялась в простом, всякому доступном черном труде. Обособление же отдельной сельскохозяйственной профессии (пасечников, садоводов, рыбаков) и тем самым выделение сложного труда наблюдалось лишь в ничтожной мере, как исключение из общего правила. В среднем быть

---

⁴² Эта проблема впервые была поставлена в общей форме в статье: *Ф. Я. Полянский*. О ценообразовании в условиях феодализма. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7–8.

⁴³ См. *Ф. Энгельс*. Дополнения к третьему тому «Капитала». — *К. Маркс*. Капитал, т. III, стр. 911–912.

крестьянином — значило быть земледельцем «на все руки», иными словами — заниматься простым трудом.

Напротив, быть ремесленником — значило быть работником-профессионалом, квалифицированным, т. е. обученным мастером определенного конкретного вида труда. Это равносильно понятию сложного труда. Конечно, притом многие ремесленники вели вдобавок и свое сельское хозяйство; в этой области, как и в разных подсобных производственных и бытовых действиях, их труд оставался простым, но он растворялся в доминирующей форме труда ремесленника — в сложном труде.

Таким образом, объективно час работы ремесленника равнялся большему числу, скажем двум часам работы крестьянина. Но прежде чем это объективное соотношение могло проявиться в рыночной сфере, как отношение цен товаров крестьянина и ремесленника, оно проявлялось в разном отношении того и другого к феодалу. Непосредственным стимулом для превращения крестьян в ремесленников вначале была не меновая выгода, а большая степень личной свободы. Работник сложного труда оказывался неподходящим объектом для неполной собственности феодала.

Факты показывают, что судьба работника сложного труда могла быть двоякой.

Подчас, как, например, в России при крепостничестве, помещики переводили таких крестьян в «дворовые» (или обучали часть «дворовых» тем или иным профессиям), что на практике означало усиление собственности на работника производства: замену неполной собственности полной собственностью. Положение крепостного ремесленника в этом случае приближалось к положению раба. Это было попятное движение. При рабовладельческом строе, действительно, труд раба не являлся обычно таким универсальным, как труд средневекового крестьянина-земледельца. Рабы в античном обществе в большинстве случаев были привязаны к определенному, конкретному виду труда, даже если они работали в сельском хозяйстве, а тем более — в строительстве, ремесле, рудниках, транспорте. Но это не было еще тем «сложным трудом» в экономическом смысле, каким был труд свободных ремесленников. Хотя этот труд рабов и требовал предварительного их обучения данной специальности, он экономически стоял не выше, а ниже простого универсального труда средневековых крестьян: труд рабов — это был только конкретный труд, тогда как труд средневековых крестьян — это уже и шаг на пути к категории абстрактного труда. Последняя невозможна без некоторой степени раскрепощения трудящегося, так как предпосылкой сравнивания разных конкретных видов человеческого труда является хоть некоторая свобода перемены одним и тем же человеком одного вида труда на другой. Феодалный строй, где

непосредственный производитель имеет свое хозяйство, в пределах которого он располагает полной инициативой, дает тем самым возможность непосредственному производителю переходить от одного конкретного труда к другому. Хотя бы в тенденции это означает свободу выбора видов труда и смены их. Поэтому политическая экономия феодализма вправе пользоваться категорией человеческого труда вообще, например, говорить, что собственность работников производства на свое хозяйство при феодализме основана просто на их «личном труде». Трудящийся здесь перестает быть «инструментом», подчас и весьма сложным, — его экономическое положение уже требует хоть в известной мере признавать его «человеком вообще», ибо его труд — это простой универсальный человеческий труд.

И вот, когда этот простой труд с развитием производительных сил начинает усложняться, когда от него начинает отпочковываться сложный, специализированный ремесленный труд, феодалы прежде всего пытаются обращаться с последним по рабовладельческому образцу. Новую народившуюся производительную силу они пробуют утилизировать отмершим старым способом. Не только Россия, весь средневековый мир знает упорные попытки феодальных землевладельцев и государей возродить полную собственность в отношении этой наиболее квалифицированной части работников производства: нарождающихся ремесленников берут «на двор», «ко двору». В некоторых исторических условиях дело заходило далеко — специализированные крепостные-рабы обслуживали и художественные потребности, и всяческие прихоти господина, и его производственные заведения, работавшие подчас на рынок. Но рано или поздно экономическое развитие вскрывало нелепость и нежизненность этого пути. Так, крепостные ремесленники, отпускаемые на оброк, частично не возвращались, так как их мастерство вполне могло их прокормить.

Второй путь, рано или поздно прокладываемый экономическим развитием, — это превращение работника, носителя сложного труда, не в раба, а, наоборот, в свободного, т. е. не возрождение полной собственности, а расшатывание и устранение и неполной собственности на него. Таким образом, овладение сложным, квалифицированным трудом было в конечном счете шансом на личную свободу, хотя бы тысячи попыток такого рода и оканчивались неудачей.

Вместе с тем, едва лишь приобретя возможность свободно выносить продукты своего труда на рынок, ремесленник получает и потенциальную возможность извлечь меновую выгоду из сопоставления своего сложного труда с простым трудом крестьянина. И тот и другой потратили на свой продукт по часу труда, но объективная стоимость продукта ремесленника, допустим, вдвое больше. Однако совсем не просто реализовать эту объективно существующую разницу. Напротив,

именно потому, что крестьянин в своем хозяйстве производит самые различные работы, в том числе и ремесленные, он, исходя из своего повседневного опыта и экономического уровня, приравнивает друг к другу только разные виды простого труда. За час чужого труда он готов отдать час своего труда, и, чем он «хозяйственнее», тем точнее считает взаимные затраты времени. Он согласится оплатить и расход ремесленника на закупку сырья. Но он никак не согласится оплачивать еще и стоимость обучения ремесленника; время, затраченное на овладение специальностью, по его представлению, не может оплачиваться, да и ему самому ремесленник отнюдь не оплатит элементов сложного труда, возможно, присутствующих в его продукте. Для того чтобы в рыночных ценах реализовалось различие простого и сложного труда, требуется значительное и систематическое развитие товарного обращения, к тому же при условии более или менее свободного перехода рабочей силы из одной сферы в другую, в частности из сельского хозяйства в ремесло и обратно. Поскольку этого условия не было, постольку не было возможности чисто конкурентным рыночным путем реализовать разницу в стоимости продуктов сложного и простого труда. Сложный труд неизменно должен был оставаться в убытке: объективная стоимость обучения, квалификации не оплачивалась. А это значит, что при обмене между городом и деревней неизбежно капля за каплей происходила бы невидимая на первый взгляд перекачка трудовой стоимости из города в деревню.

Однако на стороне горожан-ремесленников был другой фактор, обеспечивавший им в свою очередь нарушения эквивалентности в сношениях с деревней. Этот фактор — редкость, незаменимость их изделий, т. е. некоторая степень монополии на местном рынке. Борьба за удержание этой монополии была одной из глубочайших экономических причин для объединения средневековых ремесленников в цехи (союзы по профессиям). Если, с одной стороны, цехи породила, по словам Маркса и Энгельса, «необходимость объединения против объединенного разбойничьего дворянства», то, с другой стороны, их породили «рост конкуренции со стороны беглых крепостных, которые стекались в расцветавшие тогда города», «необходимость охраны с таким трудом усвоенного ремесла»⁴⁴. Эти органы, ограничивавшие конкуренцию, могли содействовать в некоторой мере отклонениям цен от трудовой стоимости в пользу горожан-ремесленников.

Еще один фактор, действовавший в пользу ремесленников: прогрессировавшая в городах специализация ремесла необходимо приводила к росту производительности труда, к уменьшению стоимости единицы продукции ремесленника, и это не могло не отразиться на выравнива-

---

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 23, 51.

нии эквивалентных отношений в обмене между городом и деревней, более того, на получении ремесленниками в ряде случаев большей выгоды.

Таким образом, установление строго эквивалентных отношений в торговле между городом и деревней представляло большие трудности. Практически оно было неосуществимо, даже если бы дело сводилось к простому обращению между непосредственными производителями, между крестьянами и ремесленниками.

Однако дело еще значительно усложняется именно из-за того, что крестьянин в развитом феодальном обществе, как правило, продавал горожанам свои продукты не для того, чтобы на вырученные деньги удовлетворить свои потребности в ремесленных изделиях, а для того, чтобы этими деньгами уплатить денежные ренты — оброки, подати и т. п. В. И. Ленин писал, что в дореформенной, феодально-крепостнической России денежные подати, требовавшиеся с крестьян, «были важным фактором развития обмена»⁴⁵.

Далее, возникает вопрос: что же, существование горожан-ремесленников в недрах феодального общества связано с законом феодальной ренты только в указанном смысле — как необходимое средство для «метаморфоза» крестьянского продукта в денежную форму? Оставалась ли при этом вся стоимость, созданная трудом ремесленников, в распоряжении самих ремесленников или же класс феодалов и у ремесленников отнимал прибавочный труд?

В пользу первого, казалось бы, можно привести то соображение, что горожане-ремесленники стоят уже как бы вне системы феодальных производственных отношений, вне системы феодальной эксплуатации, поскольку экономическая основа феодализма, т. е. феодальная земельная собственность, может служить основанием для эксплуатации лишь сельскохозяйственных производителей, но не городских ремесленников. Но это соображение неверно.

Во-первых, в качестве верховного господина той земли, на которой был расположен тот или иной город, феодальный сеньор взимал с горожан всевозможные прямые и косвенные поборы. Если горожане и откупались крупными единовременными взносами или покупали за большие суммы независимость города у короля, это не меняет экономической природы дела; все эти выкупные суммы были конденсированной феодальной рентой.

Во-вторых, с домовладельцев, владельцев мастерских земельный сеньор и непосредственно взимал арендную плату. Исследователи, изучавшие процесс экономической дифференциации среди городских ремесленников, заметили гигантское различие (в десятки раз) в иму-

---

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 623.

щественном положении тех, кто не имел и кто имел собственный участок земли под домом и мастерской. Последних было ничтожное меньшинство, они выдвигались в ряды городского «патрициата». Подавляющее большинство, как видно, принуждено было значительную часть своих доходов в той или иной форме отдавать земельному собственнику, хотя для них земля и не была «средством производства» в узком смысле.

В-третьих, класс феодалов взимал ренту с горожан и более косвенным, но весьма существенным образом. Поскольку феодал своими поборами с пригородных участков более или менее быстро доводил горожан до необходимости отказаться от ведения подсобного сельского хозяйства, горожане были принуждены покупать продукты у окрестных крестьян. Этим обстоятельством могли воспользоваться и пользовались опять-таки феодалы: анализ «продовольственного вопроса», игравшего гигантскую роль в политике, законодательстве и административных мерах средневековых городов, доказывает, что феодалы требовали со своих крестьян такую высокую сумму денежной ренты, которую те не могли бы выручить, если бы продавали свои продукты горожанам по стоимости, т. е. за эквивалент. Чтобы иметь возможность уплачивать все свои повинности, крестьяне чаще должны были продавать свои продукты ремесленникам (и вообще горожанам) выше стоимости, т. е. цена их продуктов состояла из стоимости плюс некоторой надбавки. Эта надбавка, таким образом, извлекалась из карманов покупателей-ремесленников, но ничто из нее не застревало в карманах продавцов-крестьян — все шло получателям феодальной ренты.

Если бы в феодальном обществе существовали свободная конкуренция и развитые рыночные связи, это нарушение закона трудовой стоимости, конечно, было бы тотчас возмещено тем, что ремесленники со своей стороны подняли бы соответственно цены на свои товары и равенство было бы восстановлено. Но достаточно вспомнить, что ремесленники в основном изготавливали товары для совсем другого круга покупателей. Немалую долю ремесленных изделий покупали те же феодалы и их свита — почти всю продукцию оружейников, шорников, краснодеревщиков, позументщиков, золотых дел мастеров и т. д.; другие изделия покупали горожане друг у друга, и только самая меньшая часть сбывалась крестьянам. Нелегко было закону стоимости пробивать себе дорогу в этой цехово-ремесленной системе, где долго царил обычай работать только на заказ и где заказчик-феодал, разумеется, старался и имел возможность (ссылаясь на старину, «справедливую цену» и т. д.) поменьше тратить денежной ренты, которую он выжал из крестьян и из тех же ремесленников.

История рыночных цен в странах Западной Европы в средние века, изученная в настоящее время довольно хорошо, показывает, что на

протяжении столетий было много периодов, когда рыночные цены возрастали, причем всякий раз дело начиналось с возрастания цен на продукты сельского хозяйства, а цены на промышленные (ремесленные) товары поднимались позже, медленнее и не в такой степени. С наибольшей силой эта закономерность проступила в предыстории так называемой «революции цен», еще до притока благородных металлов из Америки, в конце XV — начале XVI в., когда цены на продукты сельского хозяйства росли быстро и интенсивно, а цены на городские изделия долго еще оставались почти неизменными и начали подниматься значительно позже.

Закон стоимости выступал в феодальном обществе не в чистом виде, а осложненный законом феодальной ренты. Цена сельскохозяйственных продуктов складывалась из стоимости и надбавки к ней, которую оплачивали горожане. Цена же ремесленных изделий была ближе к стоимости, во всяком случае не компенсировала этой надбавки. Если одной рукой класс феодалов давил на цены сельскохозяйственных продуктов, вызывая их повышение своим домогательством денежной ренты с крестьян, то другой рукой он давил на цены ремесленных продуктов, вызывая их стабилизацию с помощью регламентации цен на городском рынке на правах сеньоров города или просто в качестве монопольных покупателей ряда товаров в каждом данном районе. В этом закономерно проявлялось то обстоятельство, что простое товарное производство развивалось тут не в абстрактном обществе равных непосредственных производителей, а в обществе, где царили классовые антагонистические производственные отношения феодализма.

Сказанное выше можно выразить иными словами. В период господства денежной ренты всю сумму разнообразных повинностей и платежей крестьянства какой-либо страны, например Франции, можно рассматривать как единую величину, как совокупную массу феодальной денежной ренты. Как бы ни делилась эта сумма между разными претендентами — между сельскими феодалами, дворянским государством, феодальной церковью и ростовщиками, — в конце концов с крестьянства можно было взять деньгами не больше той суммы, которую оно выручало от продажи своих продуктов горожанам. Значит, вопрос о дальнейшем росте денежной ренты упирался в покупательную способность горожан. Если давление всех этих получателей ренты, например государства, взвинчивавшего налоги, заставляло крестьян, несмотря на все противодействие горожан, понемногу в среднем по всей стране поднимать цены на свои продукты, ясно, что этот избыток ренты (но отнюдь не крестьянского дохода, ибо крестьяне оставались бедны, как и прежде) выражал эксплуатацию феодалами уже не только крестьян, а и ремесленников-горожан, которые вынуждены были платить за продукты сельского хозяйства выше стоимости. Следовательно,

это было одним из способов отнимать их прибавочный продукт. Хотя ремесленники-горожане и не нуждались в принадлежавшей феодалам земле в качестве средства производства, но ведь они нуждались в продуктах земли (в съестных припасах и сырье) и поэтому все-таки не могли укрыться от эксплуатации феодалов, раз оставались в стране, где вся земля была собственностью феодалов. Вместе с ценой на съестные припасы и сырье им приходилось уплачивать нечто вроде акциза, косвенного налога в пользу феодального класса. Наблюдавшийся иногда значительный рост цен на сельские продукты в феодальном обществе как раз и означал усиление косвенной эксплуатации города получателями феодальной ренты.

Таким образом, история денежной ренты неразрывно связана с историей феодального города — очага товарного производства. Возникновение и развитие такой новой производительной силы, как городское ремесло, не могло быть утилизировано классом феодалов иным путем, как путем денежной ренты. Развитие городов явилось могучим стимулом ко все более широкому переходу на денежную ренту. В истории Франции и Западной Германии особенно заметно, что феодальный класс широко переходит на денежную ренту в ту эпоху, когда города наиболее успешно отбивают прямые притязания отдельных феодалов на господство над ними и на обложение их поборами.

Разумеется, каждый отдельный феодал видел прежде всего не количественную выгоду от перевода крестьянских натуральных повинностей в форму денежной ренты (от «коммутирования» крестьянских повинностей). Феодала интересовала потребительная сторона дела: он видел, что денежная рента давала ему возможность разнообразить свое (и своих ближних) потребление. Но ведь одновременно он не сокращал сколько-нибудь значительно объем потребления тех продуктов, которые прежде получал в натуре. Исторические источники не свидетельствуют о том, чтобы при переходе к денежной ренте трапезы и пиры феодалов стали скуднее или сократилось число прожорливой челяди, прихлебателей, свиты. Но к прежним продуктам питания прибавились новые, к прежним платьям — парадные из покупных тканей, к прежним видам вооружения — турнирное — заказное или заморское. Следовательно, разнообразие потребления пошло в основном за счет добавки ренты, т. е. увеличения объема ренты при переходе от натуральной формы к денежной. Иначе говоря, объективным экономическим стимулом для феодалов к переводу крестьян на денежные повинности была количественная выгода: возможность таким путем уловить наличные в обществе, но ускользающие трудовые ресурсы для своего паразитического потребления. Таким ресурсом был, в частности, высокопроизводительный труд городских ремесленников.

Конечно, город не оставался безучастным и предпринимал встреч-

ные меры.

Развитие противоположности между городом и деревней в феодальном обществе представляло сложную картину. С одной стороны, город сам стремился эксплуатировать деревню, выступать по отношению к ней в роли феодала — то город как целое, скажем, город, который имеет своих крепостных крестьян, то отдельные зажиточные горожане, ростовщики, которые экономически эксплуатируют окрестное крестьянство. С другой стороны, как сказано, феодалы стремились эксплуатировать города, и не только прямо путем их обложения поборами, но и посредством непомерного повышения крестьянского оброка, т. е. путем стимулирования неэквивалентного обмена. Но горожане со своей стороны активно боролись за удержание, как говорили в средние века, «справедливых цен» на съестные припасы, т. е. за покупку их не выше стоимости. В политике средневековых городов так называемая «продовольственная политика» играла не менее важную роль, чем борьба за освобождение от сеньора города и от его вымогательств. «Продовольственная политика» — это и есть сумма мероприятий, направленных к тому, чтобы привлечь на городской рынок для населения города съестные припасы не только в достаточном количестве, но и по ценам, по возможности не превышающим стоимость (например, попытки закупать продовольствие в отдаленных районах, регламентирование цен на продовольствие и т. д.). Проводились аналогичные мероприятия и в отношении сельскохозяйственного сырья для ремесленного производства.

Однако все эти контрмеры могли лишь несколько парализовать давление феодальной ренты на уровень цен, но «справедливая цена», т. е. торговля по стоимости (обмен трудовых эквивалентов), оставалась идеалом, недостижимым на практике.

Поэтому ремесленники прибегали к другому средству: они старались сами нарушать «справедливую цену» на свои изделия, чтобы возмещать этот убыток, т. е. чтобы получать некоторую надбавку свыше стоимости к своим собственным денежным доходам. Цехи, в которые были организованы городские ремесленники по профессиям, имели целью не только взаимопомощь, но и удержание монопольно высоких (выше стоимости) цен на ремесленные изделия на крайне ограниченном местном рынке (как уже было сказано, покупателями изделий ремесленников являлись феодалы и их челядь, горожане и в небольшой мере — крестьяне). Благодаря своей борьбе с феодальными притязаниями и своей организованности, что в свою очередь отражало их более высокий производственный уровень сравнительно с крестьянами, ремесленники добились и несколько лучших жизненных условий. Если, с одной стороны, следует подчеркнуть ошибочность мнения, будто городские ремесленники были «свободны от феодальной эксплуата-

ции», то, с другой стороны, правильно будет подчеркнуть, что норма феодальной эксплуатации в итоге сложилась для города более низкая, чем для деревни, что в феодальном городе в связи с этим происходили процессы накопления и имущественной дифференциации быстрее, чем в деревне.

Город не только отделился от деревни на базе роста производительных сил, но и стал очагом дальнейшего роста производительных сил. Это проявлялось в том, что именно в городах (или, как говорили на Руси, посадах) шло непрерывно прогрессировавшее специализирование и отпочкование друг от друга ремесленных профессий, что в свою очередь являлось базой для расширения рыночных отношений, товарного производства. Цеховое городское ремесленное производство было такой хозяйственной формой, которая до поры до времени содействовала росту производительных сил феодального общества, служила двигателем развития производительных сил⁴⁶.

Однако город оставался органической частью феодальной экономической системы, к тому же частью, игравшей лишь подчиненную роль. Было бы совершенно неправильно включать деревню и город на равных правах в характеристику производственных отношений феодализма. Даже применительно к концу феодальной эпохи, характеризуя зависимость «плебейской оппозиции» XVI в. от крестьянских движений, Энгельс видел в этом яркое доказательство того, «насколько город тогда зависел еще от деревни»⁴⁷. Основным видом производства при феодализме было сельскохозяйственное производство; экономической основой феодализма была феодальная собственность на землю. Сложность феодальной экономики не должна мешать нам выделить главное и основное.

Средневековые городские ремесленники были долгое время такими же непосредственными производителями, тружениками, владевшими своими орудиями производства и своим хозяйством, как и крестьяне. Феодалы эксплуатировали их то прямо, то, как показано выше, средствами более косвенными, чем крестьян. Но все же часть прибавочного продукта оседала в городе в виде накоплений верхушки самих горожан — патрициата, купечества. В связи с этим понемногу наблюдается экономическая дифференциация средневекового ремесла: одни цехи эксплуатируют другие; в пределах цеха богатеющие мастера — разоряющихся; в пределах мастерских мастера — подмастерьев и учеников. Однако все это само по себе отнюдь не говорит еще о появлении новых, нефеодальных экономических отношений, все это — не более чем

---

⁴⁶ См. Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948; Ф. Я. Полянский. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. М., 1952.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 355.

почва для зарождения капитализма, или та средневековая форма, которая может наполниться новым содержанием.

Здесь остается еще отметить, что когда город все же перерос охарактеризованные выше способы косвенного выжимания из него феодальной ренты, когда расцвет товарного производства в XIV–XV вв. сделал его достаточно обороноспособным против вытягивания частиц феодальной ренты из кошельков горожан вместе с ценой крестьянских продуктов, — тогда главным средством собирания феодальной ренты с городов стали королевские налоги.

Обратимся теперь к некоторому своеобразию истории ремесла и города в странах Азии. В качестве примера возьмем Индию. Здесь бросаются в глаза два разительных отличия. Во-первых, города существовали на протяжении всего средневековья. Они не пережили здесь того почти полного исчезновения и последующего бурного возрождения, как на Западе. Во-вторых, здесь гораздо более устойчиво сохранялась община как экономическая, производственная организация, в частности, сохранялось характерное соединение или, вернее, единство земледелия и ремесла внутри общины. Это ставит несколько на первый взгляд неразрешимых загадок: какова же была экономическая база города, городского ремесла, городского рынка, если не разделение труда и обмен с деревенской округой? Раз последняя обеспечивала сама себя изделиями своих ремесленников, можно ли предположить, что город жил в основном межобластным разделением труда и, соответственно, более или менее отдаленной торговлей? Совершался ли при этом в Индии эволюционный переход от натуральных форм феодальной ренты к денежной?

Придется признать, что действительно тут мы не видим ничего похожего на крутой экономический перелом, связанный на Западе с появлением или, правильнее, с возрождением городов. Эту противоположность исторической судьбы города в средние века на Западе и на Востоке наглядно изобразил еще Макс Вебер в своей книге «Город», а затем отмечали и многие другие историки. Кастовый и общинный строй приковывал человека к месту его рождения, к характеру его труда. Выше мы отмечали, что на Западе ремесло рождалось внутри общины, сначала как сезонное и подсобное добавление к сельскохозяйственным работам, затем как специализация части крестьян-общинников, обслуживавших остальных, например кузнечными работами, и получавших за это от них питание, продукты. Но в Индии такие специалисты почти не имели возможности порвать затем с верховным собственником земли и с сельской общиной, уйти в город. Разделение сельскохозяйственного и ремесленного труда воспроизводилось и расширялось на месте, в рамках все той же общины. Из числа общинников обособлялось в общем лишь столько ткачей, кузнецов и т. п., сколько

было необходимо для покрытия нужд общинников. В свою очередь горожане имели собственное сельское хозяйство, более или менее покрывавшее их нужды. У сельского ремесленника не было того стимула стать горожанином, как на Западе: переход в город не давал более свободного положения, так как ремесленные городские касты стояли даже ниже земледельческих. В Индии (так же, как, например, в Японии) городское ремесло было исключительно наследственным занятием. Если на Западе город вследствие ненаследственности, некастовости занятий ремеслами послужил отдушиной для противоречий феодализма, то в Индии он не был революционизирующим фактором, ибо попросту нельзя было перебежать из крестьян в ремесленники. Город от начала до конца феодальной эпохи в самом деле специализировался преимущественно на производстве экспортных товаров, т. е. предназначенных для вывоза в более или менее удаленные области, районы и города Индии, если не за ее пределы.

Город в феодальной Индии, как и в Европе, — центр обмена, но преимущественно не между непосредственными производителями, крестьянами и ремесленниками. В системе обращения здесь ясно выражено следующее явление: феодалы или чиновники собирали налоги-повинности в натуре, затем сбывали их на городском рынке, чтобы на вырученные деньги приобрести другие товары не местного производства, т. е. привозимые купцами из отдаленных мест. Это хорошо прослеживается, в частности, по источникам XIII–XIV вв.

Было бы ошибочно усматривать в отмеченных особенностях общины и города феодальной Индии какую-то абсолютную, метафизическую противоположность Запада и Востока, европейского феодализма и «азиатского способа производства». Если присмотреться ближе, эта противоположность сильно сглаживается рядом конкретных оговорок. Так, например, ведь и на Западе городское ремесло очень скоро становилось наследственным занятием замкнутого круга людей в результате «закрытия» цехов для вновь прибывших. И на Западе города возникали преимущественно на торговых путях и их скрещенных, с самого начала в той или иной мере обслуживая межобластной и даже международный обмен. И в Индии численность ремесленников-горожан не была на вечные времена фиксирована, находились окольные пути для пополнения каст ремесленников-горожан, когда это диктовалось экономической выгодой. Город далеко не всегда мог прокормить себя и принужден был так или иначе покупать сельскохозяйственные продукты. В сельскую общину проникали рыночные отношения, ремесленники работали не только за натуральное довольствие, но существовали и мельчайшие местные лавки, как и бесчисленные местные рынки. Сельские общины развивали производство тех или иных специализированных товарных культур на вывоз, подчас покупая взамен привозные

продукты. С древних времен этих сельских экспортеров авансировали деньгами купцы. Хотя и медленно, но все эти явления развивались примерно в том же направлении, как и в Европе. Так, в XVI–XVIII вв. в Индии можно видеть не только исконные города, но и образование новых. Это не было тут связано непосредственно с ломкой старых форм личной зависимости, но несомненно было связано с развитием рыночных отношений, с ростом денежной ренты.

Итак, противоположность не носит метафизического характера, но нельзя и не учитывать ее. Для экономической теории эта противоположность важна: она позволяет отвлечься от описанных ступеней исторического и логического развития феодальной ренты и утверждать, что в наивысшей абстракции феодализм можно мыслить без того полуреволюционного переворота, каким было превращение части крестьян в горожан. Городское ремесло можно мыслить (и эта абстракция подтверждена опытом) как атрибут «чистого феодализма». Как увидим позже, такая абстракция очень важна, так как помогает преодолеть распространенную иллюзию, будто само появление ремесла уже знаменует «разложение» феодализма. Страны Востока показывают, что феодализм подчас от самого возникновения до конца обладает всеми своими определениями. Но зато в той же мере он лишен движения. Города, рынок отличают восточный феодализм от западного, но его отличает также и застойность или по крайней мере отставание в темпах развития.

5. Поместье, сеньория, налоговый аппарат как организационные формы присвоения феодальной ренты. Раздел феодальной ренты

Итак, и воспроизводство, и распределение, и обмен в феодальном обществе подчинены основному экономическому закону феодализма и во всем согласуются с ним. Целью всего производства остается обеспечение феодальной ренты как специфической формы, в которой прибавочный труд, или прибавочный продукт, выкачивается из лично в той или иной степени зависимых непосредственных производителей собственниками земли в целях преимущественно непроизводительного потребления; обеспечение условий возрастания этой ренты, с одной стороны, путем увеличения территории и числа зависимых крестьян, с другой, — путем перехода от одной формы ренты к последующей на базе роста производительности труда крестьян и ремесленников.

Ленинское учение об империализме показывает нам на примере капитализма, что основной экономический закон капиталистической формации проявляется специфическим образом в условиях монополи-

стического капитализма. Основной экономический закон феодальной формации тоже проявляется специфическим образом применительно к условиям той или иной из главных стадий развития феодализма. Главные черты и проявления основного экономического закона феодализма могут быть конкретизированы, во-первых, применительно к раннему феодализму, т. е. к условиям господства первых двух форм феодальной ренты; во-вторых, применительно к условиям вполне развитого, зрелого феодализма, характеризующегося господством денежной ренты; в-третьих, применительно к условиям разложения феодализма, когда в его недрах зарождается мануфактура, старые экономические формы, в том числе сама денежная рента, начинают наполняться новым содержанием и в то же время нарастают несоответствие и конфликт между новыми производительными силами и феодальными производственными отношениями.

Но каковы бы ни были формы проявления основного экономического закона феодализма, его суть неизменно останется той же — раскрытие специфической для данной эпохи формы эксплуатации. Как писал Маркс в «Нищете философии», для того чтобы «правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме»⁴⁸. Речь здесь идет об антагонизме классов. «Нужно показать, — продолжает Маркс, — как в рамках этого антагонизма создавалось богатство, как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, как один из классов, представлявший собой дурную, отрицательную сторону общества, неуклонно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения».⁴⁹

Экономические законы существуют не в стороне от конкретных жизненных проявлений антагонизма классов. Напротив, использование экономических законов всегда и везде при классовом антагонистическом обществе подразумевает классовый интерес: любое действие экономического закона, любое изменение в экономической действительности, выгодное одной части общества, невыгодно здесь другой и не может быть выгодно *всем* людям. Поэтому любое экономическое изменение вызывает сопротивление и противодействие тех людей, интересы которых оно задевает, и не может быть осуществлено иначе, как в борьбе. Поэтому-то закон феодальной ренты и смены ее форм ведет к пониманию «фактических социальных проявлений присущего производственным отношениям антагонизма классов», к пониманию борьбы классов, наполняющей феодальную эпоху, феодальной политической надстройки, феодальных взглядов, бытовых и семейных от-

---

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4. стр. 143.

⁴⁹ Там же.

ношений и т. д., словом, в конце концов показывает, как говорил Ленин, всю данную общественную формацию «как живую».

В частности, на фоне основного классового антагонизма феодального общества можно ясно различить сферу экономической борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми и борьбы среди эксплуататоров.

Выше мы отклонили мысль о возможности рассматривать поместье (манор, вотчину и т. п.) как основную ячейку феодального производства. Феодальное производство в своей основе — это не крупное производство, а мелкое, неизменно базирующееся на индивидуальном хозяйстве земледельцев и ремесленников. Поместье далеко не всегда налицо при разных вариантах феодального развития; при восточном феодализме его подчас вовсе не видно. Да и там, где оно налицо, поместье только кажется крупным производством. Редко, когда, например при строительстве зданий, дорог или оросительных систем, мы видим действительное соединение труда многих людей. В большинстве же случаев даже работа крестьян на барском поле ведется не сообща, а лишь более или менее одновременно, т. е. каждая крестьянская семья со своим инвентарем и рабочим скотом выполняет свой «урок». Таким образом, в поместье получается не сложение труда, а сложение результатов труда. Тем более это можно сказать о таком типе организации феодального хозяйства, как французская сеньория. Здесь господский двор является всего лишь местом, куда крестьяне привозят или приносят ту или иную долю продукта, дохода, произведенного ими исключительно в своих собственных хозяйствах. Наконец, в тех странах Востока, где в роли вотчинника или сеньора выступало феодальное государство, оно опять-таки лишь в крайне редких случаях — при ирригационном или дорожном строительстве — олицетворяло крупное производство, обычно же лишь суммировало поступления со множества единичных мелких хозяйств.

Но сказанное отнюдь не означает, что поместье, сеньория, феодальное государство не были организаторами феодального производства. Им принадлежали большие возможности и большая роль в организации хозяйства в целом — в воздействии на распределение рабочей силы по тем или иным видам деятельности, в определении всего хозяйственного цикла от получения сырья до судьбы готового продукта, в сезонной смене занятий, локальной специализации на той или иной продукции, в состоянии рынков и денежного обращения и т. д. Иными словами, феодалы-помещики, феодальные монастыри, феодальное государство со своим чиновничьим аппаратом — отнюдь не пассивная сторона в совокупном процессе феодального производства. Будучи господствующим классом, феодалы оказывают на него и решающее воздействие, организуют его так или иначе в своих интересах.

Однако поместье, сеньория, налоговый аппарат сами по себе являются организационной формой не производства, а присвоения феодальной ренты. Для того чтобы прибавочный труд феодальнозависимого крестьянина или ремесленника мог быть присвоен, над хозяйствами непосредственных производителей надстраиваются эти хозяйственные органы — органы присвоения. Это не просто получатели ренты, это органы выжимания ее из хозяйств непосредственных производителей. Надо снова повторить, что так обстоит дело и при господстве отработочной (или комбинированной) ренты, когда в наибольшей мере кажется, будто поместье подобно капиталистической фабрике. На самом деле в отличие от фабрики трудящийся приходит в поместье только выполнять прибавочный труд, да и выполняет его в значительной степени изолированными хозяйственными средствами своей семьи и своего двора, хотя бы и весьма умело мобилизованными и расставленными в поле помещиком, управляющим или старостой.

Конкретные формы и пути борьбы крестьян против всех этих организаций присвоения феодальной ренты будут рассмотрены нами во второй части этой книги в связи с теоретическими проблемами классовой борьбы.

На фоне основного классового антагонизма феодального общества становится понятной и борьба, происходившая в феодальных «верхах». С точки зрения политической экономии, она выступает перед нами как борьба за раздел феодальной ренты. Конфликты внутри господствовавшего класса и между разными его слоями, носившие политический, династический, религиозный характер, в то же время всегда являлись борьбой за ту или иную долю совокупной феодальной ренты.

В раннефеодальном обществе вопрос мог стоять преимущественно о перераспределении ежегодной совокупной массы феодальной ренты; небольшой ее прирост, проистекавший тогда главным образом из прироста населения, не играл еще заметной роли.

Могущество феодала не выражается в объеме получаемой им феодальной ренты с такой простотой, с какой богатство капиталиста выражается в объеме получаемой им прибыли. Чем больше прибыли получает капиталист, тем в конце концов выше его удельный вес в рядах своего класса. Для феодала же в раннефеодальный период подчас важнее не столько сумма самой ренты, сколько наличие условий для ее получения: размер территории, принадлежащей феодалу, и особенно число в той или иной мере принадлежащих ему, т. е. зависимых от него, мелких непосредственных производителей. Как показано выше, собственность феодалов укреплялась тем, что выступала одновременно в качестве власти над определенной территорией, частью государства, и над соответствующим населением — подданными. В главе о так называемом первоначальном накоплении Маркс пишет: «Во всех стра-

нах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством леннозависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»⁵⁰. Поэтому одним из важных результатов действия основного экономического закона феодализма является ожесточенная борьба за эти глубокие предпосылки феодальной ренты: постоянное стремление феодалов оттягать друг у друга территорию и население.

Перед отдельным феодалом открывалось два пути, чтобы добиться этого перераспределения предпосылок ренты или самой ренты: 1) подняться выше по феодальной лестнице, 2) распространить вширь владения. Борьба за место в иерархии и за закрепление достигнутого места была важнейшим вопросом в жизни феодалов. Более высокому месту соответствовало и большее число подданных, а это означало либо прямо большую массу феодальной ренты, либо по крайней мере большие потенциальные возможности для осуществления с помощью своих вассалов территориальных захватов. Частые войны составляли характерную черту раннего феодализма. Но взаимопомощь феодалов в этой борьбе за перераспределение ренты сплачивала их подчас в обширные агрессивные или оборонительные группы. Мы видим в раннем средневековье их сплочение даже в масштабе народности или нескольких народностей для покорения соседних территорий или для обороны. Мы видим сложную борьбу между светскими и духовными феодалами, пронизывающую феодальный мир и принимающую даже интернациональный характер борьбы империи и папства.

В феодальном обществе, как выше сказано, и государственные налоги, и церковные поборы (десятина и пр.) являлись не чем иным, как видоизменениями феодальной ренты. Советские историки называют феодальные налоги «централизованной феодальной рентой». В позднее средневековье ее удельный вес в общей массе феодальной ренты сильно возрастает. Немалая часть ее становится доходом придворного и военного дворянства, живущего «королевскими милостями». Что касается феодального духовенства, то оно получало свои доходы либо в качестве сеньоров церковных и монастырских земель, либо путем различных поборов с населения, которые надо рассматривать как ту часть совокупной ренты, которую класс феодалов как бы уступал духовенству — слою весьма необходимому для устойчивости феодального строя.

В следующей главе мы увидим, что доходы ростовщиков и купцов-посредников в условиях господства феодализма также представляли

---

⁵⁰ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 722.

собой присвоенную ими часть совокупной феодальной ренты. Здесь достаточно подчеркнуть, что нередко сами феодалы — помещики, мелкие вотчинники, монахи выступали в роли ростовщиков по отношению к крестьянам, предоставляя им кабальные ссуды в натуре и деньгах.

Чтобы наглядно пояснить сказанное о разделе феодальной ренты, возьмем такой пример. В Иране при Сефевидях согласно давнему обычаю весь урожай крестьянина-издольщика прежде всего делился на пять равных частей, предназначавшихся тому, кому принадлежали: 1) земля, 2) вода, 3) семена (несомненно, ростовщику), 4) тягловый скот (несомненно, тоже предоставленный взаймы), 5) рабочие руки. Поскольку из этих пяти элементов крестьянину принадлежал обычно лишь последний, на его долю при этом первом разделе и оставалась 1/5 урожая. Однако из нее он должен был уплатить еще значительное число разных повинностей и поборов, в том числе мулле и местным представителям государственной власти.

Из основного экономического закона феодализма вытекает возрастание нормы феодальной ренты, происходившее на протяжении феодальной эпохи. Возрастание это особенно наглядно происходит при господстве денежной ренты, поскольку она открывает простор для «неутолимой жажды прибавочного труда». При малейших благоприятных условиях феодалы, феодальное государство, ростовщики могут теперь, в условиях денежной ренты, повышать и действительно повышают эксплуатацию непосредственных производителей. Феодальная рента выступает не в виде одной только суммы платежа земельному собственнику за «держание», но в огромном многообразии платежей, ложившихся на крестьянское хозяйство: судебные поборы феодала, уплаты ему за «баналитеты» (мельничный и др.), штрафы, подношения, сборы при продаже продуктов на рынке, церковные поборы и платежи, «сверхрента» в пользу ростовщика, прямые и косвенные налоги (подати) феодальному государству (централизованная рента) и т. д. Встречается самое различное распределение совокупной феодальной ренты между разными получателями. Однако важно, что, только учитывая всю ее совокупность, всю сумму крестьянских платежей и повинностей, мы ясно увидим возрастание объема ренты и нормы эксплуатации. Но и здесь возрастание происходит не постоянно, а скачкообразно: оно совершается время от времени в виде установления какой-либо повинности, какого-либо налога или в виде волны «сеньориальной реакции» с целой группой фальсифицированных, якобы «старинных» повинностей.

Так или иначе это нарастание совокупного феодального бремени неизбежно ведет ко все большему углублению антагонизма эксплуатируемых и эксплуататоров и классовой борьбы между ними. В то же

время оно попутно обостряет и борьбу среди эксплуататоров за присвоение большей или меньшей доли совокупной феодальной ренты.

На протяжении XI–XV вв. в Англии, Франции и других странах соперничество между разными типами феодальных хозяйств выявляло на практике тот тип, который дает наибольшую ренту. А это предопределяло на будущее преобладание того или иного конкретного варианта хозяйственной эволюции и, следовательно, преобладание того или иного типа дворянства в жизни страны. Распределение ренты между отдельными группами дворянства отражало, таким образом, конкретный путь феодального развития каждой данной страны и в свою очередь влияло на ее экономическое развитие⁵¹.

Большое значение для характеристики конкретного пути феодального экономического развития имеет также доля совокупной феодальной ренты, достававшаяся верхушке городов — патрициату; последний использовал в этой борьбе за ренту всю силу антифеодального освободительного движения городов. В зависимости от типа хозяйственного развития и купечеству удавалось подчас, хотя и в упорных усилиях, оттянуть в свою пользу основательную частицу феодальной ренты. Отрывали от нее при благоприятных условиях свой кусок также откупщики различных феодальных доходов, кредиторы класса феодалов.

Но больше всего феодальному классу в целом приходилось уступать при разделе совокупной ренты двум великим силам феодального общества: государству и церкви. Чем более обострялся антагонизм между народными, трудящимися массами и феодалами, тем более нуждались последние в мощи государства и церкви для удержания своего господства. А государство и церковь пользовались этим, чтобы захватывать все возрастающую, и абсолютно и относительно, долю совокупной феодальной ренты, правда, не без острых конфликтов и между собой и с отдельными группами феодалов.

Таким образом, распределение совокупной феодальной ренты происходило отнюдь не автоматически, скажем, пропорционально площади земли, находившейся в собственности каждого феодала. Распределение это в каждый данный момент отражало удельный вес: 1) разных группировок феодального класса, 2) экономически обслуживавших его социальных групп и 3) необходимых ему надстроечных организаций.

Особенно осторожно надо подходить к вопросу о роли государства в этом разделе. Государство могло получать налоги и в качестве феодала-землевладельца, и в качестве политической надстройки. Теоретически можно представить себе две крайних ситуации. 1) Данная фео-

---

⁵¹ Впервые проблема борьбы за ренту и ее роли в экономическом развитии глубоко и разносторонне была рассмотрена в заключительной главе монографии: *Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.–Л., 1947.*

дальная система состоит из одних частных земельных собственников, а государство лишь обслуживает политические нужды класса феодалов, является его «исполнительным комитетом». В этом случае, как и при капитализме, государственные налоги не являются экономической реализацией земельной собственности, а должны рассматриваться как та часть совокупной феодальной ренты, которую господствующий класс уступает (хотя бы и не без трений) своему слуге, иными словами, не как получение феодальной ренты, а как ее употребление или форма ее расходования. 2) Напротив, в данной феодальной системе нет частных земельных собственников, а феодальная монополия на землю воплощена в государственной собственности. Государство — это, конечно, не абстрактное понятие, а совокупность лиц, в каждый данный момент причастных к власти — коллективный феодал. Его члены или агенты — уполномоченные, посланцы, чиновники — собирают его именем на местах ренту-налог и воздействуют на организацию производства.

В реальной действительности феодальной эпохи оба эти крайние случаи в чистом виде навряд ли могут наблюдаться. Но мы видим тысячи степеней смещения или соединения того и другого, множество градаций неполноты владельческих прав частных феодалов и неполноты верховной собственности государства. В Турции государство передавало часть земель в безусловную частную собственность феодалов, часть — в условную, и соответственно разная часть феодальной ренты застревала в руках частных феодалов, как и зависимость крестьянина от этого феодала соответственно была большей или меньшей. С одного и того же феодального имения, скажем с мультка в средневековом Иране, мог поступать в самых разнообразных пропорциях и налог государству (харадж) и повинности в пользу мультка-помещика. Так же и в средневековой Индии та же деревня сплошь и рядом платила и ренту феодалу и ренту-налог государству. Раздел феодальной ренты и здесь выражался в многообразных изменениях пропорции государственных и частных владельческих прав на то же имение. Так, раджи или земиндары были частными собственниками (вотчинниками), а джагирдары первоначально были государственными чиновниками по сбору на местах налогов, но, усиливая свою независимость на местах, они, как и откупщики, могли становиться частными земельными собственниками. Частными собственниками были и храмы. Однако государство сохраняло известные права на эти земли и на доходы с них, а в известные моменты лишало частных наследственных прав и храмы и целые группы светских феодалов-вотчинников.

Примеры таких же сдвигов мы можем наблюдать и в Западной Европе, например замена Карлом Мартеллом наследственных имений бенифициями, и в истории Руси, вроде, например, замены при

Иване IV множества вотчин предоставляемыми лишь пожизненно поместьями. Эти переливы, сдвиги, реформы, отражавшие борьбу за ренту, можно обнаружить в аграрной истории любой феодальной страны.

Суммируя, мы можем сказать, что теория феодальной ренты дает ключ к пониманию двух огромных комплексов общественных противоречий и борьбы феодальной эпохи: борьбы за ренту между классом феодалов и классом непосредственных производителей и борьбы за раздел совокупной ренты внутри господствующего класса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Натуральное и товарно-денежное хозяйство при феодализме

---

1. Натуральное хозяйство и товарное производство

Одной из существенных черт феодализма является натуральное хозяйство. Важно правильно определить место и значение этой черты, чтобы избежать ложного вывода, будто возникновение товарного производства означает возникновение новых, по существу уже не феодальных производственных отношений, следовательно, отношений капиталистических.

В. И. Ленин в цитированной выше классической характеристике барщинной, крепостной системы хозяйства (в «Развитии капитализма в России») дал перечень четырех необходимых условий преобладания системы барщинного хозяйства и среди них на первое место поставил «господство натурального хозяйства»¹. Но В. И. Ленин, как уже отмечалось выше, начинает характеристику данной системы хозяйства не с этих признаков, он начинает с определения «сущности» данной хозяйственной системы — с характера земельной собственности и эксплуатации помещиками-землевладельцами крепостных крестьян. Лишь на этой основе он переходит к перечислению четырех условий данной системы. «Необходимыми условиями» они названы в том смысле, что без любого из этих признаков данная система немыслима, не могла бы существовать. Порядок их перечисления, конечно, не означает, что именно первое условие является основой для остальных: ведь уровень техники, уровень производительных сил Ленин поставил на последнем, четвертом месте, хотя, как известно, марксизм начинает характеристику способа производства именно с состояния производительных сил. Словом, в ленинском перечне речь идет не о том, какое из «необходимых условий» является основным, какое производным. Тут речь идет не о причинах и следствиях, не об условиях происхождения барщинного хозяйства, а об условиях, необходимых для удержания «пре-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

обладания» барщинного хозяйства перед лицом развивающегося капитализма. Поэтому-то Ленин имел полное основание поставить на первое место господство натурального хозяйства как наиболее уязвимую в этих условиях черту феодальной системы. Именно разрушая натуральное хозяйство, растущий капитализм в первую очередь пробивал брешь в крепостнической, барщинной экономике.

Натуральное хозяйство составляет характерную черту феодальной экономики. Но историческая действительность показывает, что феодальный строй веками существовал как в условиях почти полного натурального хозяйства, так и в условиях значительного развития товарного производства.

Надо прежде всего различать в феодальном обществе два разных экономических явления, характеризующихся нами как «натуральнохозяйственные». Маркс говорит отдельно об этих двух явлениях в 1-й главе I тома «Капитала», приглашая читателя перенестись в «мрачное европейское средневековье».

Во-первых, это та форма, которую здесь в течение длительного времени носит прибавочный продукт. Вместо независимых товарладельцев «мы находим здесь людей, которые все зависимы, — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы... Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, отдельным работам и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в круговорот общественной жизни в качестве натуральных служб и натуральных повинностей»². Крестьянин отдает феодалу свой труд на барщине в натуральной и, следовательно, конкретной форме; общественно значима здесь особенность этого труда, а не его всеобщность, как при товарном производстве. То же можно сказать о труде, создающем разнообразные продукты, которые крестьянин поставляет феодалу в качестве оброка. Впрочем, документы, фиксирующие крестьянские оброчные повинности, подчас предусматривают возможность заменять один продукт другим, а это уже шаг к приобретению трудом формы всеобщности. Во всяком случае натуральные службы и натуральные повинности, как мы уже знаем, характеризовали две первые формы феодальной ренты.

Во-вторых, натуральнохозяйственный характер имеют экономические отношения внутри каждого крестьянского хозяйства, внутри крестьянской семьи. Маркс указывает на деревенское патриархальное производство крестьянской семьи, которая производит для собственного потребления хлеб, пряжу, холст, предметы одежды, продукты скотоводства и т. д. «Эти различные вещи представляют для этой семьи раз-

---

² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 83.

личные продукты ее семейного труда, но они не представляют друг для друга товаров. Различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т. д., являются общественными функциями в своей натуральной форме...»³ В отличие от первой группы натуральнохозяйственных явлений эта вторая группа характеризуется Марксом как форма труда не только особенного, но в своем роде также и общего, а именно непосредственно обобществленного труда. Все трудовые функции в крестьянской семье являются частями естественного целого, они выражают своеобразное разделение труда. Маркс замечает, что различия пола и возраста, а также изменяющиеся по сезонам природные условия работ регулируют распределение труда между членами семьи и рабочее время каждого отдельного члена. Но речь идет именно о рабочем времени, т. е. индивидуальные затраты труда измеряются временем и сравниваются между собой по времени, что придает всем этим работам своеобразный общественный характер: «...Индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи»⁴.

Таким образом, эти два экономических явления, характеризующихся как натуральнохозяйственные, хотя и связаны между собой, но глубоко различны. Различна и их судьба с развитием феодального способа производства. Первое из указанных проявлений натурального хозяйства (натуральная форма прибавочного труда и продукта) может полностью исчезнуть еще при феодализме. Второе (натуральная форма отношений внутри крестьянского хозяйства) не может исчезнуть при феодализме и имеет абсолютный характер.

В сумме же феодальное хозяйство остается натуральным хозяйством даже при полном господстве денежной ренты: ведь огромная часть валового продукта крестьянских хозяйств и при этом условии не попадает на рынок. Маркс при анализе денежной ренты как раз противопоставляет ту часть валового продукта, «которую предстоит превратить в деньги» (т. е. денежную ренту), той части, «которая должна послужить, с одной стороны, опять как средство воспроизводства, с другой стороны, как непосредственное средство существования»⁵. Этой второй части, или необходимому продукту, как правило, не предстоит превратиться в деньги.

Таким образом, две важнейшие сферы хозяйственной жизни — производительное потребление (воспроизводство) и личное потребление самих сельских производителей, т. е. подавляющей массы насе-

---

³ Там же, стр. 84.

⁴ Там же.

⁵ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 810.

ния, — остаются в рамках натурального хозяйства, как бы полно ни превращался прибавочный продукт в деньги, какая бы бурная товарно-денежная жизнь ни кипела в остальных сферах.

К любой из трех форм ренты с известным правом могут быть отнесены слова Маркса, сказанные о ренте продуктами, что она «по-прежнему предполагает натуральное хозяйство, т. е. предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта»⁶.

Когда политическая экономия указывает на натуральное хозяйство как на характерную черту феодальной экономики, то имеется в виду не абсолютно бестоварное хозяйство, не полное отсутствие товарного обращения. Имеется в виду лишь то, что при феодализме «превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль...»⁷. Товарное производство и товарное обращение может существовать, говорит Маркс, «несмотря на то, что подавляющая масса продуктов, предназначенная непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары»⁸. Мы вправе говорить, что в обществе господствует натуральное хозяйство, раз общественный процесс производства не во всем своем объеме, а лишь в меньшей части подчинен господству меновой стоимости.

Иными словами, в марксистском понимании «натуральное хозяйство» отнюдь не исключает наличия «товарно-денежного хозяйства», как получается у буржуазных экономистов. Сколько бы ни продавалось продукции феодального поместья на рынке, этот продукт не превратится снова в элементы производства, но пойдет на удовлетворение личных потребностей помещика, а новый хозяйственный цикл должен будет начаться на основе сохранившихся натуральных запасов и наличной рабочей силы крестьян. Более того, чем больше связано поместье с рынком, тем более заинтересован помещик в том, чтобы укрепить натуральнохозяйственную основу своего поместья: помещик будет ревностно воздерживаться от «траты» прибавочного продукта, принявшего денежную форму, на условия хозяйствования; он будет добиваться, чтобы эти условия, как даровой источник удовлетворения его потребностей, бесперебойно воспроизводились из другой части продукции — из той, которая не принимает денежной формы.

Натуральное хозяйство не является основой производственных отношений феодализма, но оно является закономерным следствием охарактеризованных выше основных производственных отношений фео-

---

⁶ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 808.

⁷ Там же, т. I, стр. 85.

⁸ Там же, стр. 176.

дализма и всецело вытекает из них.

В самом деле, как уже было показано, из феодальной формы собственности на средства производства, из положения и взаимоотношения классов вытекает особенность категории «необходимый труд» при феодализме: в нее входит и воспроизводство крестьянского хозяйства. Таким образом, основные производственные отношения феодализма определяют особенность состава «необходимого труда». А из этой особенности в свою очередь вытекает, что воспроизводство основной хозяйственной ячейки феодального общества — крестьянского хозяйства — носит в основном натуральнохозяйственный характер на любой ступени развития феодального строя. При этом товарно-денежные отношения в обществе могут достигнуть значительного развития, но они мало затрагивают процесс воспроизводства: феодал превращает в деньги присвоенный им крестьянский прибавочный продукт в целях расширения своего потребления или же крестьяне превращают в деньги преимущественно ту часть своего продукта, которая является прибавочным продуктом, так как вырученные деньги они принуждены отдавать феодалу (а также феодальному государству и церкви) в виде повинностей и податей.

Таким образом, товарное производство может пронизывать феодальный строй, не задевая процесса воспроизводства, который, как и на ранних стадиях феодализма, носит по-прежнему натуральнохозяйственный характер.

Отличие феодального хозяйства от капиталистического состоит не в том, что в феодальном хозяйстве продукт не принимает формы товара, не выступает как стоимость. Нет, закон стоимости действовал и в феодальном обществе, часть продуктов принимала форму товара. Но прибавочный труд и прибавочный продукт в феодальном обществе не выступали как прибавочная стоимость.

Закон прибавочной стоимости не действовал в феодальном хозяйстве, так как оно не было основано на эксплуатации наемного труда. Не свободный от средств производства пролетарий, а имеющий собственное хозяйство крестьянин был объектом эксплуатации в феодальном обществе. Поэтому, пока оставались в силе феодальные производственные отношения, товарное производство было объективно ограничено: воспроизводство неизбежно носило в основном натуральнохозяйственный характер (не всегда в барском хозяйстве, но почти всегда и почти полностью в крестьянском хозяйстве, исключая случаи узко специализированного сельского хозяйства).

Некогда А. Богданов сваливал в одну кучу товарное и капиталистическое хозяйства. Фактически то же самое делал вслед за А. Богдановым и М. Н. Покровский с его пресловутым торговым капитализмом. Что означает это понятие, которое одно время насаждалось

в нашей исторической и экономической науке, — «торговый капитализм»? Представление о том, что торговля уже содержит в себе капитализм, что мелкая торговля — это еще не капитализм, а крупная торговля — это уже капитализм. Здесь не указывалось никакой качественной грани, т. е. между мелким товарным производством и капитализмом замечалось только количественное различие. На самом же деле между ними налицо глубочайшая качественная грань. В. И. Ленин в своих экономических работах неоднократно подчеркивал коренное качественное различие между этими двумя явлениями, между товарным производством и капитализмом. Так, например, в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» В. И. Ленин писал: «...В историческом развитии капитализма важны два момента: 1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое»⁹. Как видим, Ленин говорит о «превращении» товарного хозяйства в капиталистическое, он противопоставляет друг другу эти две категории. Он видит между ними различие не менее важное, чем между натуральным и товарным хозяйством. То же разграничение Ленин последовательно проводит и в «Развитии капитализма в России».

Какие условия для капитализма товарное производство смогло подготовить в феодальную эпоху? Необходимый для возникновения мануфактуры уровень разделения труда (отражавший уровень развития производительных сил); необходимый для мануфактуры рынок сбыта, т. е. известную степень товарности всего общественного хозяйства; наконец, некоторые денежные накопления, капиталы, без которых капиталистическое производство не может начаться.

Каких условий для капитализма товарное производство само по себе не могло подготовить? Существования капиталистической частной собственности на средства производства, т. е. собственности, основанной не на личном труде, а на эксплуатации чужого труда и служащей для присвоения чужого труда; существования на рынке рабочей силы как товара, который капиталист может купить и эксплуатировать в процессе производства; существования в стране системы эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Без этих условий нет капитализма, а эти условия не вытекают necessarily из законов товарного производства, из закона стоимости. В противном случае, если бы такая необходимость существовала, она действовала бы во всех общественных формациях, где существует товарное производство, следовательно, и в социалистическом обществе. В действительности же, раз в обществе нет налицо этих условий, товарное производство никак не может развиваться в капиталистическое производство. И, наоборот, если эти условия в

---

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 87.

обществе уже налично или еще не вполне устранены, тогда стихийно товарное производство превращается в капиталистическое производство. Тогда, как говорил В. И. Ленин применительно к послереволюционному положению в нашей стране, при котором были налично значительные обломки этих условий, мелкое товарное производство рождает капитализм постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. Надо помнить, что эти слова В. И. Лениным сказаны не для всех времен, а применительно к определенным общественным условиям, — когда капитализм в нашей стране был сломлен, но еще не уничтожен. В этих условиях товарное производство с необходимостью порождало снова и снова элементы капитализма.

С другой стороны, только при капиталистических условиях товарное производство имеет неограниченное и всеобъемлющее распространение. В социалистической экономике действие закона стоимости *ограничено* определенными экономическими условиями, прежде всего наличием общественной собственности на средства производства, действием закона планомерного развития народного хозяйства и т. д. Но это и значит, что не от закона стоимости зависит устранить, снять эти ограничения. В феодальной экономике действие закона стоимости было *ограничено*, но совершенно другими экономическими условиями: феодальной собственностью на средства производства и вытекающими из нее производственными отношениями, предопределявшими характер обмена и воспроизводства. Но и в феодальном обществе не от закона стоимости зависело устранить, снять эти ограничения. Утверждать, что все-таки товарное производство, развиваясь в недрах феодального общества, привело к капитализму, значило бы попасть в порочный круг: оказалось бы, что закон стоимости устранил, снял те самые господствующие феодальные экономические отношения, которые ограничивали его действие.

Нет такого экономического закона, согласно которому по мере роста производительных сил в истории должно было бы расти и товарное обращение. Напротив, оно в истории то росло, то падало в зависимости от типа основных производственных отношений. Лишь анализ этих коренных производственных отношений сможет объяснить, почему натуральное хозяйство царило при первобытнообщинном строе, стало уступать место товарно-денежному хозяйству при рабовладельческом строе, снова восторжествовало при феодализме (особенно раннем), совершенно исчезло при капитализме. При рабовладельческом способе производства хозяйство в общем носило в значительно большей степени товарный характер, чем при феодальном способе производства. Это связано с положением основного производящего класса. Правда, сам раб ничего не продавал и не покупал. Но по крайней мере рабов как полную собственность рабовладельцы широчайшим образом

продавали и покупали, и ни одно крупное рабовладельческое хозяйство не могло обойтись без связи с рынком уже по одному тому, что принуждено было покупать рабов; крепостных крестьян как неполную собственность феодалы продавали и покупали сравнительно редко, крестьянская семья сидела на своем наделе и имела свое хозяйство, воспроизводя в натуре все затрачиваемые средства производства. При капитализме товарность хозяйства приобретает небывалую полноту по той причине, что непосредственный производитель здесь — продавец своей рабочей силы; ниже мы вернемся к высказываниям Маркса по этому вопросу.

Учитывая огромное общеметодологическое и политическое значение вопроса о товарном производстве и его роли в экономическом развитии, советская наука развернула борьбу с ошибками, имевшими место в этом вопросе, поскольку во многих прежних работах историков «товарное производство считалось началом буржуазных отношений»¹⁰. Эта борьба против «меновый концепции» происхождения капитализма подчеркнула, что до появления на исторической арене класса наемных рабочих не было и капитализма, а товарное производство вместе с законом стоимости, «денежным хозяйством» и т. д. могло лишь обслуживать существовавший экономический строй, не приводя к капитализму, даже не ставя таких проблем, как капиталистическое производство или промышленно-капиталистическая прибыль. Самое большее, оно могло приводить в сфере обращения к образованию денежных капиталов, которые не имеют по экономической сущности ничего общего с промышленным капиталом и с капитализмом. Товарное производство в докапиталистических формациях, до времени разложения феодализма, не было ни «зачатком», ни «зародышем», ни «тенденцией», ни «ферментом» капитализма. Оно просто не имело отношения к капитализму.

Если бы в самом деле существовал закон, что товарное производство при всех условиях должно привести к капитализму, что в том случае, если есть товарное производство, должно быть и капиталистическое производство, то этот закон независимо от того, хотим мы этого или не хотим, как объективный закон, действовал бы и в социалистическом обществе, поскольку у нас есть товарное производство. Но жизнь показывает, что такого закона нет. Товарное производство не порождает у нас капитализма.

Как показал Маркс в 4-й главе I тома «Капитала» («Превращение денег в капитал»), полное разграничение потребительной стоимости и меновой стоимости, развитие различных функций денег — все это не

---

¹⁰ См. А. М. Панкратова. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. — «Вопросы истории», 1953, № 9, стр. 65.

означает капитализма и не ведет само по себе к капитализму. Достаточно некоторого развития товарного обращения, чтобы все эти экономические формы могли образоваться.

Соответственно Маркс в других местах «Капитала» высмеял тех, кто открывает «подобно г. Моммзену» капиталистический способ производства уже во всяком денежном хозяйстве¹¹. Маркс критикует здесь крупного буржуазного историка античности Моммзена, его труд по истории Рима. Моммзен, рассуждая как вульгарный буржуазный мыслитель, объявлял экономические отношения, существовавшие в древнем Риме, капиталистическими на том основании, что он обнаружил там товарное производство, денежное хозяйство. Маркс выступил против такого антиисторического взгляда, поскольку товарное производство действительно существовало в античном рабовладельческом обществе, но это вовсе не значит, что оно было капиталистическим или что оно должно было фатально привести к капитализму.

Точно так же и в феодальном обществе развитие товарного производства, рост рыночных, товарно-денежных связей не приводили и сами по себе не могли и не должны были автоматически привести к возникновению капитализма. Это было феодальное товарное производство, феодальные рыночные связи.

Таким образом, вопрос о тенденциях развития товарного производства надо всегда рассматривать сугубо исторически, в зависимости от того, в каких общественно-экономических условиях берется товарное производство. Так, жестоко ошибались те авторы, которые безоговорочно переносили на социалистическую экономику мысли Ленина, что прежде товарное производство обязательно вело к появлению антагонистических классов, к капиталистической эксплуатации. Ленин писал: «Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое, раз имеется обмен; это — бесспорная истина, азбучная истина политической экономии, подтверждаемая к тому же повседневным опытом и наблюдением даже обывательским»¹². Но у Ленина здесь речь идет об определенных исторических условиях, о том времени после социалистической революции, когда капитализм у нас еще не был осилён («кто кого»). А вот, например, Д. М. Угринович в статье «О переходных к социализму экономических формах»¹³ пытался применить это высказывание к эпохе социализма, утверждая, что и здесь мелкое товарное производство ставит товаропроизводителей в антагонистические отношения друг к другу и порождает эксплуатацию человека человеком. Беря вопрос вне времени и

---

¹¹ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 800.

¹² В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 323.

¹³ «Вопросы философии», 1956, № 4.

пространства, Д. М. Угринович никак не сможет объяснить своим читателям, почему в древнем Риме в рядах мелкотоварного крестьянского хозяйства, несмотря на дифференциацию, вовсе не возникало капитализма; предельным случаем там было превращение обедневшего товаропроизводителя в раба, — ибо общество было основано на рабстве, а не на системе эксплуатации наемного труда. Как раз подобным образом обстояло дело и при феодализме.

В. И. Ленин был бесконечно далек от такого рода антиисторизма, встречающегося у некоторых экономистов.

Так, есть экономисты, которые полагают, что понятие аренда тождественно понятию капитализма в аграрных отношениях, что не может быть аренды, специфической для феодального, крепостнического строя. А В. И. Ленин писал: «Есть аренда и аренда. Есть крепостническая кабала, есть ирландская аренда, и есть торговля землей, капиталистическое фермерство»¹⁴.

В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин особо подчеркнул, что надо строго отличать докапиталистическую денежную ренту от капиталистической поземельной ренты. В. И. Ленин указал примеры, когда в русских условиях конца XIX в. выступала еще именно докапиталистическая, феодальная денежная рента (оброки помещику, отчасти подати государству, иногда и крестьянская аренда земли, когда высокая плата за землю оставляла на долю крестьянина не более чем самый скудный необходимый продукт)¹⁵, однако главное внимание здесь Ленин обратил именно на наличие уже всех необходимых условий для превращения товарного производства в капиталистическое. Характерен ответ, который В. И. Ленин дал своему «некритическому критику» П. Скворцову, поучавшему, что товарность крестьянского хозяйства в России говорит вовсе не о развитии капитализма, а о необходимости для крестьян превращать для уплаты податей часть своего продукта в деньги, т. е. продавать его. В. И. Ленин показал, что П. Скворцов смешивает разные исторические эпохи: подати в свое время «были важным фактором развития обмена», но в настоящее время, пишет Ленин, хотя «традиции дореформенной эпохи» еще сильно тяготееют над крестьянином, уже другие факторы определяют развитие товарного хозяйства, поэтому роль денежных податей отходит далеко на задний план, что видно по доле расходов на подати во всем денежном расходе крестьянского хозяйства¹⁶.

Необходимость уплаты денежных повинностей помещику или государству нередко стимулировала соединение сельского хозяйства с

---

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 90.

¹⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 167–168 (сноска).

¹⁶ См. там же, стр. 623, 625.

промыслом в крестьянском хозяйстве. До усиления денежных поборов такое соединение отвечало примитивной натуральнохозяйственной автаркии, особенно наглядно выраженной, например, в индийской общине. Но когда требуется платить непосильные денежные поборы, в крестьянском хозяйстве подчас наблюдается нечто противоположное классическому отделению городского ремесла от сельского хозяйства: при недостатке сбыта сельскохозяйственных продуктов крестьянин продает либо продукты домашнего промысла, либо свою рабочую силу. Лишь очень конкретный анализ может выявить те случаи, когда и то и другое еще отнюдь не связано с развитием капитализма. Продукты домашнего промысла, например утварь, гончарные изделия и т. п., крестьянин может продавать как на местном городском или сельском рынке, так и купцу, при условии известной специализации районов и областей; в соседние районы крестьяне еще могут вывозить свои изделия сами, но для сбыта в более отдаленных местах уже не могут обойтись без посредничества купца. Последний, однако, еще, может быть, покупает товары приблизительно по их стоимости, извлекая свою прибыль не столько из кармана продавца, сколько из кармана покупателя. Что касается продажи крестьянами своей рабочей силы другим крестьянам как для промысловых работ, так и для сельскохозяйственных, то она начинается опять-таки в натурально-хозяйственных формах: за харчи. В этом случае уровень потребления нанимателя и временного работника еще остается до поры до времени одинаковым; это всего лишь расширение числа рабочих рук, как бы расширение численности малой семьи, обеспечивающее комплексность крестьянского хозяйства и тем самым его товарную сторону, следовательно, возможность уплаты денежных повинностей. Говоря теоретически, здесь нет еще зачатка капиталистической эксплуатации, хотя на практике такой работник, батрак очень легко может становиться полупролетарием. Дело не меняется по существу и в том случае, когда этот сезонный или долговременный работник трудится не за харчи, а получает денежную плату, которая служит ему в свою очередь для уплаты тех или иных денежных оброков и налогов, т. е. денежной ренты.

При господстве первых двух форм феодальной ренты — отработочной и продуктовой — для сколько-нибудь значительного товарного обращения вообще не было места. Оно носило спорадический, в известной мере случайный характер, хотя и нет такого периода феодальной истории, когда вовсе не было бы товарного обращения: не прерывались некоторые международные торговые связи; чтобы покупать товары, предлагаемые заморскими купцами, феодальные государи, придворная знать, крупные духовные и светские феодалы нуждались в деньгах, а деньги можно было взять с подданных. Поэтому те или иные денежные поборы, т. е. частицы, «привески» денежной ренты, мы наблюдаем

на протяжении всей средневековой истории. Но период господства денежной ренты можно по преимуществу назвать временем, когда товарное производство пронизывало феодальный строй, когда феодальные производственные отношения выступали в товарно-денежной форме: подавляющая часть совокупного прибавочного продукта присваивалась феодалами, государством, церковью в виде денег, следовательно, должна была быть сначала продана, превращена из натуральной формы в денежную¹⁷.

Превращение продукта крестьянского труда в денежную форму возможно двумя путями. В одних случаях продавцом выступал помещик-крепостник, в других — крестьянин. Из одного лишь факта сбыта помещиком-крепостником продуктов на рынке, из факта товаризации помещичьего хозяйства нельзя сделать вывод о появлении у этого хозяйства капиталистической природы: ведь коренные производственные отношения в этом поместье и в окружающей его экономической среде остаются прежние, чисто феодальные. Но и нельзя не признавать такое хозяйство товарным на том лишь основании, что оно основано на феодально-крепостнических отношениях. Это было товарное феодально-крепостническое хозяйство.

Однако главный путь развития товарного производства в феодальном обществе — это развитие не крупного, а мелкого хозяйства, рост товарности крестьянского хозяйства, рост городского ремесленного хозяйства, его все большая профессиональная дифференциация и развитие товарообращения между ним и крестьянским хозяйством. Городское товарное производство составляло органическую часть феодального производства в целом на протяжении значительного отрезка феодальной эпохи.

Мы можем различать в условиях феодализма: а) полные товарные хозяйства, когда весь их продукт производится как товар (например, многие ремесленники вовсе не потребляют продукта своего производства, скажем оружейники, а предметы потребления целиком покупают на рынке), и б) неполное товарное производство (подавляющая масса крестьян, кроме специализирующихся на какой-либо одной техниче-

---

¹⁷ Процесс развития внутреннего товарного обращения, внутреннего рынка в условиях позднего феодализма особенно подробно исследован применительно к истории России. См. *Б. Б. Кафенгауз*. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (по материалам внутренних таможен). М., 1958; *Н. Л. Рубинштейн*. Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка. — «Из истории рабочего класса и революционного движения». М., 1958; *Л. В. Черепнин*. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960; *А. А. Преображенский*, *Ю. А. Тихонов*. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.). — «Вопросы истории», 1961, № 4.

ской сельскохозяйственной культуре; помещики, частично продающие, частично потребляющие продукт крестьянского труда; ремесленники вроде хлебопек, разумеется, не покупающих хлеба на рынке). Однако это различие не имеет большого принципиального значения: действие законов товарного производства было в любом случае ограниченным в феодальных экономических условиях.

2. Деньги и денежный капитал при феодализме

Во всяком обществе, где товарное обращение достигает хотя бы некоторого развития, есть деньги. В трудах «К критике политической экономии» и «Капитале» Маркс подверг всестороннему анализу возникновение денег из простого обращения товаров и разные функции, или формы, денег.

Деньги выполняют следующие функции: 1) меры стоимости, 2) средства обращения, 3) средства платежа, 4) средства накопления (сокровища), 5) мировых денег.

Как показывает опыт, говорит Маркс, «достаточно сравнительно слабого развития товарного обращения, чтобы могли образоваться все эти формы»¹⁸. А так как товарное производство достигло «сравнительно слабого развития» еще в более древних обществах, чем феодальное, то и все эти формы, или функции, денег были известны до феодализма. Нет причин считать, что феодализм открыл их всех заново. Если Маркс в своем анализе товара вообще (т. е. категорий товарного обращения, общих всем способам производства), естественно, рассматривает функции денег в указанном выше порядке, т. е. начинает с функции денег как меры стоимости или простого товарного эквивалента, то это не значит, что политическая экономия данного, феодального способа производства тоже должна рассматривать их в этом порядке¹⁹.

Напротив, этот общий порядок не отвечал бы специфическому порядку, в котором функции денег выступали на передний план с развитием феодального общества. Ведь феодальная экономика, как правило, не знает ни простой, ни полной, ни всеобщей формы стоимости, т. е. безденежного обмена товаров. Поэтому переход от простого обмена товаров к обмену с помощью денег вовсе не относится к специфиче-

---

¹⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 176.

¹⁹ Деньги при феодализме — пока единственная из категорий политической экономии феодализма, которой у нас посвящена специальная монография: Ф. И. Михалевский. Деньги в феодальном хозяйстве (Очерки истории денег и денежного обращения, т. 1). М., 1948. Читатель найдет в этой книге много полезного, но Ф. И. Михалевский совершенно незаконно, в противоречии с собственными верными наблюдениями излагает вопрос так, словно деньги впервые возникли лишь при феодализме.

ским экономическим явлениям феодализма. Напротив, феодализм унаследовал деньги от предшествовавшего, рабовладельческого общества, где они издавна развили все свои функции. Уже на самых ранних ступенях своей истории феодализм и на Западе и на Востоке опирается на унаследованные от прошлого денежные системы. Даже «Салическая правда» выражает все имущественные отношения франкского общества в римских солидах и динариях, хотя, как предполагают, их почти не было в реальном обращении. Там, где в раннефеодальную эпоху и обменивали товар на товар или употребляли в качестве всеобщего эквивалента скот, меха и т. д., сплошь и рядом умели при этом рассчитать сделку также и на те или иные известные денежные единицы, монеты.

Позднерабовладельческой экономике присущ гораздо более высокий уровень денежного обращения, чем раннефеодальной. Но мере того как вместе со складыванием феодальных производственных отношений торжествовало натуральное хозяйство, деньги, исчезавшие из хозяйственной жизни, удерживались на границах феодальных обществ: денежное обращение сохранилось преимущественно во внешних сношениях между народами и государствами. Исторически это объясняется тем, что ранние феодальные общества находились среди обществ, стоявших на других ступенях развития: рабовладельческих или стоявших на ступени разложения первобытнообщинного строя, словом, — среди обществ, которым как раз свойственна более или менее деятельная внешняя торговля. Арабские, византийские, норманские торговцы проникали в западноевропейские и восточноевропейские феодальные страны то как покупатели, то как продавцы. В раннем средневековье торговля ассоциировалась именно с иноземцами, гостями — с «сарацинами», «варягами» и т. д. В качестве покупателей они подчас насыщали эти страны своими монетами, и именно иностранная монета — арабская, византийская и т. д. — особенно характерна для стран раннего средневековья.

Но дело не только в этой конкретно-исторической обстановке складывания феодализма у тех или иных народов. Сама природа возникавшего феодализма приводила к тому, что усиление натурального хозяйства внутри оставляло открытой возможность для денежного обращения только вовне, в том числе и в сношениях между самими феодальными государствами. Одна из специфических черт феодализма в странах Азии — как раз неполная вытесненность денежного обращения на внешние рубежи, сохраняющаяся пронизанность этих стран караванными торговыми путями.

Таким образом, из всех функций денег, развившихся в античности, феодализм первоначально унаследовал лишь одну, и именно последнюю — функцию мировых денег (разумеется, термин «мировые», или

«всемирные», деньги имеет совершенно условный смысл и подразумевает не мировой рынок, а международные сношения). Это не только верно исторически, но может быть и теоретически легко разъяснено: функция денег как мировых денег имеет то общее с первой функцией в приведенной выше общей последовательности развития функций денег, что в международном использовании денег их монетная форма несущественна, деньги здесь выступают лишь как товар, оцениваются лишь на вес содержащегося в них золота или серебра. Вне пределов внутреннего обращения, говорит Маркс, «в качестве международных денег благородные металлы опять выполняют свою первоначальную функцию средств обмена, которая, как и самый товарный обмен, возникла не внутри первобытных общин, а в пунктах соприкосновения различных общин. Таким образом, деньги в качестве мировых денег снова получают свою естественно возникшую первоначальную форму. Покидая сферу внутреннего обращения, они опять сбрасывают с себя те особенные формы, которые выросли из развития процесса обмена внутри этой особенной сферы: свои локальные формы в качестве масштаба цен, монеты, разменной монеты и знака стоимости»²⁰. Только на международном рынке «деньги в полной мере функционируют как товар...»²¹ Поэтому теоретически вполне допустимо, что все остальные функции денег могли с дальнейшим ростом феодализма развиваться из этой функции — мировых денег. Маркс прямо оговаривает логическую правомерность и такой последовательности: «...Функции сокровища возникают частью из функции денег как средства обращения и средства платежа на внутреннем рынке, частью из их функции как всемирных денег»²².

Прежде чем говорить о возникновении других функций денег при феодализме, рассмотрим более подробно специфические особенности их функции как мировых денег в средние века. Она характеризует не только истоки денежного обращения в феодальную эпоху, но и на протяжении всей феодальной эпохи остается весьма характерной для феодализма, весьма важной функцией.

На протяжении средних веков разнообразные монеты всех стран находились между собой в отношениях целых чисел (1:2, 1:3, 1:4, 1:10 и пр.), т. е. как бы представляли собой единую монетно-денежную систему. Они здесь только по весу отличаются друг от друга как товар. Государства, пользуясь правом чеканки денег, первоначально этим всего лишь оформляли их как мировые деньги, фиксируя, что, скажем, эку весит вдвое больше, чем рейхсталер. В руках купца, менялы, рос-

---

²⁰ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 148–149.

²¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 149.

²² Там же, стр. 151.

товщика одни монеты с легкостью заменяют другие, т. е. это всегда лишь определенное количество мировых денег. Только постепенно все шире распространяющееся в феодальном мире право чеканки монеты более и более отклоняет цены денег от их единой товарной стоимости, поэтому все более развивается и усложняется характерная для средневековья профессия менял, складывается такая запутаннейшая система монетных соотношений, когда продавцу товара или кредитору уже совсем не безразлично, получит ли он свои деньги в пиастрах, флоринах, экю, талерах, рублях и т. д. Лишь с развитием этого процесса деньги теряют чистую функцию мировых денег.

В 20-й главе III тома «Капитала» Маркс дал анализ экономических закономерностей функционирования купеческого капитала в докапиталистической международной торговле, в частности при феодализме. Деньги в этой торговле выступали не как средство эквивалентного обмена товаров, а как денежный капитал, т. е. как деньги, которые в результате обращения должны приносить дополнительные деньги, барыш. Формула этого обращения не $T - D - T$ (товар — деньги — другой товар), а $D - T - D'$ (деньги — товар — возросшие деньги). Владелец денег здесь выступает не как покупатель товара в целях его потребления, а как покупатель товара в целях его продажи какому-то другому потребителю, следовательно, как посредник между производителем или владельцем товара и потребителем. Цель этого посредничества — возрастание денег, прибыль. Закон посреднической торговли: дешево купить, чтобы дорого продать. Иными словами, это закон неэквивалентного обмена. Следовательно, прибыль купца-посредника возникла не в производстве, как прибыль промышленного капиталиста при капиталистическом способе производства. Деятельность средневекового купца-посредника не имела экономически ничего общего с капиталистическим способом производства. Купеческий капитал ничего не производил, — поэтому нет и специфического для него способа производства²³. Купеческий капитал обслуживал разные способы производства до возникновения капиталистического производства. Более того, именно различие способов производства или по крайней мере уровней экономического развития тех народов, между которыми он посредничал, служило для получения купеческой прибыли наиболее благоприятной обстановкой.

Разумеется, прибыль купца-посредника представляла захваченную им долю доходов каких-то общественных классов. Нельзя представить себе, чтобы эта прибыль могла в основном состояться из части дохода феодальнозависимых крестьян: последние, даже если говорить о

---

²³ Ошибочность обратного представления на примере России хорошо показана в кн. В. Н. Яковлевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М. 1953.

зажиточной прослойке, мало покупали привозных товаров (разве что соль), а свои продукты продавали обычно на местном рынке. Некоторые ремесленники нуждались в привозимом издалека сырье, и это могло, конечно, дать купцу-посреднику некоторую возможность присвоить долю их труда. Но главный путь состоял в присвоении купцом части дохода феодалов, т. е. части феодальной ренты. Купец легко мог купить что-либо у феодала дешево, ниже стоимости, продать ему дороже, выше стоимости: ведь феодалу продукты ничего не стоят, он получил их бесплатно; для него продукты не имеют меновой стоимости, и поэтому всякая вырученная за них цена — чистый выигрыш. Феодал получил от купца деньги за проданные продукты и отдал эти деньги купцу за приобретенные товары. С точки зрения потребительской феодал ничего не проиграл, он в выигрыше: скажем, вместо излишнего зерна он получил нужные ему ткани. Купец лишь получил назад те же деньги, которые сначала выплатил феодалу. Но все же купец увозит с собой долю феодальной ренты: он купил где-то привезенные ткани за меньшую цену, чем та, за которую он отдал их феодалу; он продаст зерно дороже той цены, за которую купил у феодала. К тому же разница, которая ему останется, будет выше его расходов на перевозку товаров, их хранение и пр. Результат его деятельности выразится в денежной разнице, которая составит его прибыль. Разумеется, дело не меняется, если мы представим, что один купец только купил зерно у феодала, а другой только продал ему ткани, — в конечном счете класс купцов все равно присваивает часть ренты класса феодалов.

Очевидно, купцы-посредники могли присваивать долю феодальной ренты только потому, что они имели какие-то монопольные преимущества. Действительно, во-первых, они и только они осуществляли перемещение, транспортировку товаров. Чем длиннее дистанция, которую требовалось преодолеть, тем менее мог заняться этим делом сам феодал или кто-либо из его подданных, занятых трудовыми или нетрудовыми функциями. Купец-посредник обслуживал эту потребность феодала за долю ренты точно так же, как, скажем, страж получал крохи этой ренты за несение своей службы феодалу. Во-вторых, купцы и только купцы знали, какие цены стоят в других местах и в каких местах стоят иные цены, чем здесь. В-третьих, купцы обладали запасом денежной наличности, необходимым для начала любой торговой операции. Купцы умели складывать свои индивидуальные капиталы в общий, чтобы достичь требуемой суммы, и ссужали друг другу деньги.

Все перечисленные преимущества показывают, что условием успешной деятельности купеческого капитала в феодальную эпоху являлось господство натурального хозяйства. В частности, знание цен в других местах могло быть преимуществом только в том случае, если кругом царило незнание этих цен, — а это подразумевает, что боль-

шинство владельцев продуктов не связано с рынком, что производство для продажи не носит всеобщего и постоянного характера. Но дело не столько в субъективном знании или незнании, сколько в объективном отсутствии единого рынка. Пусть, например, русский помещик в XVII в. и знает, что в Голландии всегда стоят более высокие цены на хлеб, чем в России, — если бы рыночные связи были развиты, если бы не господствовало натуральное хозяйство, эта разница цен вызвала бы не потребность в купце-посреднике, а отлив рабочей силы туда, где цены выше, и широкий экспорт туда дешевого хлеба, в результате чего цены сравнялись бы. Но это было невозможно в феодальную эпоху. Не только каждое государство — каждое феодальное княжество, каждое феодальное владение представляло «внешний рынок» по отношению к другому, отделенному пошлинами, и т. д. Сама эта множественность рынков, служившая условием деятельности посреднического купеческого капитала, отражала господство натурального хозяйства.

«...Торговый капитал живет за счет разницы между ценами производства различных стран...», — говорит Маркс²⁴. Чем более неразвито их внутреннее обращение, чем более внутренняя организация производства в них направлена еще на производство не меновой, а потребительной стоимости, тем легче купец, посредничающий между ними, «сравнивает денежные цены и разницу кладет в карман»²⁵. В этом случае, по словам Маркса, перед нами купеческий капитал в чистом виде, и таков главный источник его образования²⁶.

В обществах, где действует купеческий капитал, еще не сложилась категория общественно необходимого труда, т. е. среднего количества труда, необходимого на данной ступени для производства какого-либо вида продукта. В пестрой мозаике феодального мира всюду свои особенности, свое качественное своеобразие, и в этих несообщающихся сосудах не устанавливается средний уровень: области с более низким уровнем развития производства не испытывают прямой невыгоды своего положения, и наоборот. Единственный, кто с высоты птичьего полета сопоставляет эти различия и как бы обладает неким общим масштабом, хотя в экономической действительности и нет еще никакого реального «среднего», — это купец. Он пересекает страны и моря, он сопоставляет то, что в действительности разделено. Единственное условие, в котором он нуждается, чтобы действовать, — это наличие в странах, куда он приезжает, хотя бы чуть теплящегося денежного обращения, хотя бы зачаточного товарного производства. Впрочем, даже если этого нет, «продукт становится здесь товаром благодаря торговле.

---

²⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 343.

²⁵ Там же, стр. 342.

²⁶ См. там же, стр. 341.

В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю»²⁷. Наконец, в других случаях средневековый купец превращается в простого грабителя. Принцип неэквивалентности доводится в таких случаях до своего крайнего предела. Разбой и грабеж в той или иной степени сопутствуют всей истории средневековой торговли. Однако характерно, что даже при этой крайней «неэквивалентности» захватывать старались преимущественно золото, серебро, драгоценности, т. е. всеобщий эквивалент, — тот товар, в количестве которого могло быть выражено качественное различие уровней и путей экономического развития разных стран.

Различие это было, разумеется, особенно велико не у соседних народов, а у более или менее далеких. Дальность расстояния оказывается в средневековой торговой практике как бы синонимом величины экономического «перепада», а значит, и величины прибыли. Поскольку специфика деятельности купца выступает прежде всего как путешествие, постольку его прибыль выглядит всего лишь наградой или призом за преодоленное далекое расстояние. За самые диковинные, «заморские», дальние товары купец требовал и самых высоких прибылей. С другой стороны, та же диковинность товара выступала свидетельством глубокого качественного отличия между странами. Чем более различны культура и быт двух стран, чем более несхожи потребности, запросы, вкусы, тем больше оснований у купца рассчитывать на прибыль. Деньги купца переводят эти качественные различия на количественный язык, служат общим знаменателем, сравнивают несравнимое.

В средние века эту связь между отдаленными точками осуществляя в действительности не один купец на всем протяжении торгового пути. Ведь стремлению к максимальной дальности маршрута противостояла возрастающая вместе с длиной пути стоимость издержек путешествия и транспортировки, задержка оборота капитала, а также степень риска при необходимости пересечения многих границ. Поэтому купцу приходилось довольствоваться частью пути, проделываемого товаром, и частью прибыли, которую потенциально нес с собой этот товар. Это была, как правило, цепная торговля, где товар несколько раз перепродавался, прежде чем достигал потребителя. Более или менее стабильные торговые пути пересекали целые материки, проходили через многие страны, где были приняты разные денежные единицы.

Одному товару на этом пути противостоит несколько видов монет. Все эти виды монет приравниваются друг другу по своему весу, т. е. по количеству содержащегося в них благородного металла. Но, с другой стороны, они приравниваются не непосредственно друг другу, а через

---

²⁷ Там же, стр. 340.

цену товара; цена же товара каждый раз не одинакова при его покупке и при его продаже. Следовательно, деньги приравниваются друг другу лишь для того, чтобы выявить это неравенство, эту разность, которая оседает в руках купцов.

Наконец, купец не один получал торговую прибыль от движения данного товара и в том смысле, что он торговал в средние века, как правило, не в одиночку, а в компании с другими купцами. Энгельс в статье «Закон стоимости и норма прибыли» показал, что средневековые купцы были тоже общинниками, как и крестьяне и ремесленники. Они соединялись в товарищества и делили между собою прибыль пропорционально вложенным капиталам. Эти товарищества купцов на Западе часто назывались гильдиями.

При капитализме господствует эквивалентный обмен для получения неоплаченного (прибавочного) продукта, при феодализме господствует неэквивалентный обмен для получения всеобщего эквивалента. Во всем феодальном хозяйстве в известном смысле царит принцип неэквивалентности. Как уже отмечалось, цена, по которой феодалы продавали купцам или горожанам сельскохозяйственные продукты, была в немалой мере «случайной ценой», а не продажей по стоимости. Хозяйственная жизнь средневековья до предела насыщена такими явлениями, которые могут быть названы антитезой эквивалентности: во-первых, односторонними отчуждениями материальных благ в виде всяческого рода дарений; во-вторых, столь же односторонним присвоением благ в виде прямого вооруженного грабежа. Рядом с этим международная неэквивалентная торговля может рассматриваться как форма движения материальных благ, все же родственная эквивалентности.

В самом деле, она хотя бы в тенденции содержит в себе эквивалентность. Неэквивалентный обмен для получения эквивалента — это противоречие приводит к тому, что купеческий капитал «самим своим движением... устанавливает эквивалентность»²⁸. Маркс указывает, что «торговля будет оказывать большее или меньшее влияние на те общества, между которыми она ведется; производство она все более и более будет подчинять меновой стоимости»²⁹; «развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в направлении меновой стоимости»³⁰. Вместе с тем уменьшается возможность получения посреднической прибыли. Монополия посреднической торговли, а вместе с тем и сама эта торговля приходит в упадок по мере экономического развития тех народов, которые она эксплуатировала с двух сторон и неразвитость которых была базисом ее существования. Купцу

---

²⁸ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 342.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 344.

приходится теперь прибегать, в частности, ко все более далеким путешествиям, стараться обойти промежуточные международные границы и цепную торговую связь, царящую на старых торговых путях, и искать непосредственной связи между отдаленнейшими пунктами земного шара на новых, морских путях. Но только успехи техники кораблестроения и кораблевождения в XV в. дали ему в конце концов средство разрешить эту задачу, сделав относительно наиболее дешевыми именно дальние путешествия. В этих условиях начинает все чаще практиковаться индивидуальное коммерческое предпринимательство взамен коллективного.

Однако в какое именно время и где купеческий капитал теряет свои характерные средневековые черты — это зависит отнюдь не от его саморазвития. «...Все развитие купеческого капитала влияет на производство таким образом, что все более придает ему характер производства ради меновой стоимости, все более превращает продукты в товары. Однако... его развитие, взятое само по себе, недостаточно для того, чтобы вызвать и объяснить переход одного способа производства в другой»³¹. Какие изменения вызовет развитие торговли в производстве — это зависит не от торговли, а от наличного в данной стране способа производства. Для возникновения капитализма развитие купеческого капитала — совершенно недостаточная предпосылка, требуются гораздо глубже лежащие экономические предпосылки. Более того, нормальным условием функционирования купеческого капитала являлось как раз отсутствие экономических предпосылок для перехода к капиталистическому производству: неразвитость тех стран, между которыми он посредничал. Иначе говоря, условием его функционирования было производство внутри страны преимущественно не для продажи, а для непосредственного потребления, т. е. производство преимущественно потребительной стоимости. Господство натурального хозяйства — условие нормального функционирования купеческого капитала в феодальную эпоху. При таких условиях мы и должны здесь рассматривать функцию денег как мировых (международных) денег и развитие из нее других функций.

Подобно тому, говорит Маркс, как из формы товарного обращения, $T - D - T$, появляются деньги как мера стоимости и средство обращения, как сокровище и абсолютная форма богатства, так из самой по себе формы обращения купеческого капитала, $D - T - D'$, развиваются деньги как сокровище, как нечто такое, что сохраняется и увеличивается просто посредством отчуждения³².

Действительно, из рассмотренной функции денег как мировых (ме-

---

³¹ Там же, стр. 339.

³² См. там же, стр. 342.

ждународных) денег могут быть легко выведены функция денег как средства накопления (сокровища) и их функция как платежного средства.

Мы допустили, что вначале деньги появляются в данном обществе только извне. Об этом писал Энгельс: «К тому же и сами деньги вначале большей частью притекали из чужих краев...»³³ Для простоты мы представили, что купец нечто купил у данного феодала, т. е. отдал ему свои деньги, а затем ему же нечто продал, т. е. получил от него свои деньги обратно. Уже и тут деньги могут функционировать не только как товар. Если, скажем, феодал не сразу купил после продажи, и деньги на то или иное время остались в его руках, они уже выступают в функции сокровища. Если он получил товар, а деньги заплатил через то или иное время, они уже выступают в функции платежного средства. Однако все эти функции обнаружатся еще гораздо отчетливее, если мы учтем, что купец может иметь дело не с одним контрагентом в данном обществе, а с рядом их, из которых одни фигурируют в роли продавцов, другие — покупателей.

Неразвитость товарного обращения, господство натурального хозяйства благоприятствуют тому, что сплошь и рядом деньги оседают в своей натуральной форме, а не возвращаются в международное обращение. Продавец вовсе не обязательно выступит как покупатель; он окажется в таком случае собирателем сокровищ. Наследие рабовладельческой эпохи, когда все функции денег были уже развиты, сказывалось в феодальную эпоху в том, как охотно люди всех сословий задерживали у себя деньги, рассматривая их как воплощение богатства.

Начиная с самой ранней поры западного средневековья, с меровингской эпохи, по свидетельству источников, золото и другие драгоценности наполняли сокровищницы королей и крупных феодальных князей и военачальников. Это был не только резерв на случай каких-либо дорогих покупок. Сокровища часто переходили из рук в руки внутри феодального класса, в порядке всякого рода дарений, приданных, выкупов, компенсаций за территории и политические права — за «товары», не имеющие никакой стоимости. Сокровища были излюбленной военной добычей в феодальном мире. Поэтому многие, особенно люди послабее, всякое образовавшееся, т. е. скопившееся у них сокровище спешили до времени закопать в землю. Отсюда те многочисленные клады феодальной эпохи, в значительной части содержащие иностранную монету, которые археологи до сих пор продолжают находить на самых различных территориях. Предполагают, что главной причиной, приведшей к вытеснению в феодальную эпоху из об-

---

³³ Ф. Энгельс. Дополнения к третьему тому «Капитала». — К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 912.

ращения медных монет, занимавших большое место в обращении древнего Рима, является плохая пригодность меди к функции сокровища: в земле медные монеты окисляются и портятся.

Клады особенно обильны по древним торговым путям. Вполне вероятно, что часть из них была зарыта самими купцами, которые, следовательно, тоже выступали в роли собирателей сокровищ. В самом деле купцы не могли ограничиваться минимальным запасом денег, необходимым для начала торговой операции: окружающая феодальная действительность постоянно ставила их под угрозу ограбления и побуждала к созданию резервов. С другой стороны, накопление и было прямой целью их деятельности, причем рост их капиталов вовсе не обязательно сопровождался расширением торговых операций. Прибыль сплошь и рядом воплощалась в сокровище, в накопленной массе денег. Тем самым деньги выступали как олицетворение богатства.

Богатство олицетворялось также роскошью. Роскошь, особенно всяческие украшения из золота, серебра, драгоценных камней, есть не что иное, как другая форма сокровища. В отличие от сокровищ, которые скрывали от нескромных взоров под землю и в подвалы, в кубышки и сундуки, эти сокровища, напротив, выставляли напоказ с целью демонстрации богатства и могущества их владельцев. Уже в самом раннем средневековье и на Западе и на Востоке феодальные государи поражали при выходах и приемах количеством золота, серебра и драгоценностей на своих одеждах, украшениях, знаках власти, оружии, посуде, мебели, драпировках. Им подражали в этом церкви и вельможи. В этих случаях сокровище хранится в виде произведений ювелирного искусства, и соответственно этот вид сокровища называется эстетическим сокровищем. Но его экономическая роль совершенно та же, что и сокровища в монетах. В нужную минуту его использовали как деньги. Если монеты нередко употреблялись как украшения, то и украшениями нередко пользовались для производства платежей.

Функция денег как сокровища особенно характерна именно для феодального общества. Она играет особенно большую роль, говорит Маркс, у народов, у которых меновая стоимость еще не охватила всех производственных отношений, т. е. у которых господствует натуральное хозяйство. «Чем менее развито товарное производство, тем более важное значение имеет это первое самостоятельное обособление меновой стоимости в виде денег, собирание сокровищ...»³⁴

Параллельно с функцией денег как сокровищ появляется в феодальном обществе и функция их как средства платежа. Если у одних в руках застревают деньги, то у других в данный момент нет на руках нужных денег для покупки — и то, и другое отражает прежде всего

---

³⁴ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 131.

неразвитость или даже отсутствие денежного обращения внутри феодального общества. Поэтому долг для него столь же характерное явление, как и сокровище. Товары берутся в долг. Деньги для уплаты долга мобилизуются после приобретения товара и выступают уже как платежное средство.

Где же мог добыть феодал или государь деньги для уплаты долга купцу? Прежде всего, у тех же купцов: феодалы облагают купцов пошлинами при проезде через свою территорию, при проезде через лубой мост, при выгрузке и перегрузке товаров и т. д., присваивая тем самым часть купеческой прибыли. Феодалы не брезгают и просто забирать мошну у купцов на больших дорогах. Далее, феодал или государь стремится добыть нужные ему деньги путем продажи купцам тех или иных продуктов своих поместий; например, при Карле Великом управляющим королевскими поместьями предписывалось часть изготовленного вина обязательно продавать. Однако состояние феодального производства до поры до времени оставляло лишь самые ограниченные возможности такого рода. Эффективнее оказывался другой путь. Поскольку в обществе были сокровища, феодал или государь должен был лишь найти средства мобилизовать и присвоить их. Феодальная эпоха знает большое многообразие этих средств — от принуждения обладателей каких-либо накоплений к «добровольным дарениям» до продажи им феодальных титулов, церковных должностей, привилегий, регалий, наконец, даже собственных дочерей государей и феодалов.

Если все эти средства не достигали цели, у феодала или государя оставалась возможность взять деньги в долг у обладателей сокровищ, точно так же, как он брал товары в долг у купцов. Тем самым обладатель сокровища, накопленных денег, снова превращался в обладателя капитала. Но здесь перед нами иной вид капитала — ростовщический капитал. Формула его движения не $D - T - D'$, как у торгово-купеческого капитала, а $D - D'$: обладатель денег отдает их, а через некоторое время получает их с приращением — с прибылью, «процентом». Маркс подверг эту форму денежного капитала всестороннему рассмотрению в 36-й главе III тома «Капитала». Маркс показал здесь, что функционирование ростовщического капитала отнюдь не означает появления новых производственных отношений, капитализма. Оно даже не подразумевает значительного развития денежного обращения. Напротив, «чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, тем пышнее расцветает ростовщичество»³⁵. Иными словами, господство натурального хозяйства в обществе является условием развития ростовщического капитала. В средние века, говорит Маркс, ничтожное денежное обращение, необходимость производить

---

³⁵ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 623.

большинство платежей наличными деньгами принуждали к денежным займам. Две характерные формы, в которых ростовщический капитал действовал в феодальном обществе, — это, во-первых, ростовщичество при помощи денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собственникам, во-вторых, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям — ремесленникам и особенно крестьянам. К ним можно было бы прибавить еще третью форму — денежные ссуды купцам, однако применительно к этой форме принято говорить уже не о ростовщичестве, а о кредите, вексельном деле, банках. Исходной формой при феодализме являлась первая: обладатель денежной наличности ссужает ее под проценты феодалу (или феодальному государству), который нуждается в этих деньгах как платежном средстве. Однако из нее необходимо вытекает двойной нажим на непосредственных производителей — со стороны феодала и со стороны ростовщика.

В самом деле, если феодал взял деньги в долг, это не решает проблемы, ибо он должен затем где-то добыть деньги, чтобы вернуть долг, да еще с процентами. Но у него нет иного дохода, кроме феодальной ренты, и, стало быть, именно часть феодальной ренты он отдает ростовщику за предоставленную ссуду. Он начинает требовать эти деньги со своих крестьян. Пока, говорит Маркс, прибавочный продукт поедается феодалом и его челядью и во власть ростовщика попадает феодал, способ производства остается все тот же — он только начинает тяжелее давить на работника производства; «обремененный долгами... феодальный сеньор высасывает больше, потому что из него самого больше высасывают»³⁶.

Однако дело не сводится лишь к количеству прибавочного продукта: ведь феодалу он нужен в денежной форме, между тем у крестьянина может и не быть нужных денег или рынка для сбыта своего продукта. Представим себе для простоты такое положение, когда крестьянин еще совсем не продает продукта горожанам — ремесленникам. Где может он взять деньги для уплаты требуемых феодалом денежных повинностей? Только у ростовщика. Получив ссуду от ростовщика, крестьянин вручит ее феодалу, а ростовщику возместит его ссуду с лихвой не деньгами, если уж ему их негде взять, а отработкой (или продуктами). В раннефеодальном обществе, действительно, время от времени требовались эпизодические взносы с крестьянских хозяйств более или менее крупных денежных сумм: платежи виры или вергельда — судебных штрафов, платежи за выкуп кого-либо из плена или рабства, платежи контрибуций, плата за церковные требы, вклады в церкви и монастыри по обету и т. д. Очевидно, во всех этих случаях

---

³⁶ Там же, стр. 610.

деньги можно было найти только у обладателей сокровищ.

Таким образом, класс феодалов мобилизовал находящиеся в недрах общества денежные накопления, сокровища, как непосредственно беря ссуды, так и принуждая своих подданных-держателей брать ссуды и платить себе эти деньги.

В последнем случае перед нами односторонние платежи, не имевшие непосредственной связи с обращением товаров. Все эти подати и сборы, все эти факты внеобменного платежного оборота иллюстрируют функцию денег как средства платежа в том виде, в каком она проявляется при господстве вокруг натурального хозяйства.

Однако, если рассмотренные функции денег при феодализме сколько-нибудь развиты, они необходимо ведут к развитию и внутреннего денежного обращения. Сами феодалы и феодальные государи обнаруживают в чеканке монет еще одно средство мобилизации в своих руках денег, имеющихся в порах феодального общества. Чеканка монет первоначально преследовала чисто фискальные цели — она имела назначением пополнение казны, привлечение в казну наличных благородных металлов, в том числе вновь добываемых из земных недр. Это оказалось настолько важным источником дохода, что в условиях феодальной раздробленности каждый феодал стремился чеканить свою собственную монету и понемногу воцарился самый безграничный монетный партикуляризм.

Основой этого дохода от чеканки монеты служило несовпадение номинальной стоимости монеты с ее действительной стоимостью как товара. Мы помним, что как товар деньги фигурировали только в международной торговле. Только купец-посредник на практике знал, что монеты, встречавшиеся в разных частях земного шара, независимо от своих названий имеют какие-то весовые соотношения между собой. Несомненно, что купцы-посредники извлекали дополнительную прибыль из своего монопольного знания монет и неосведомленности феодалов в таких материях. Но феодалы были господствующим классом и поэтому в конце концов повернули дело к своей выгоде. Пользуясь своей монопольной властью внутри страны, каждый феодальный государь фактически принуждал своих подданных обменивать разнообразные скопившиеся в обществе иноземные монеты на монету своей чеканки. А поскольку последняя содержала, как правило, меньше благородного металла, такой обмен обогащал казну. То же повторялось и при последующих перечеканках монеты на еще менее полновесную.

Некогда, еще в дофеодальное время, названия монет обозначали всего лишь их вес. Монета представляла собой меру заключенного в ней золота или серебра, благодаря чему она могла служить масштабом цен и средством обращения. Однако, сохранив эту роль средства обращения, монета при феодализме утратила непосредственное значение

весовой меры золота и серебра. Деньги в монетной форме потеряли связь со стоимостной основой, из которой они первоначально возникли. Такой разрыв был возможен и неизбежен при феодализме в силу слабости товарного обращения, в силу господства натурального хозяйства. Именно этот разрыв открыл широчайший простор для установления феодальными государями произвольной, завышенной цены монет. Порча монеты, т. е. выпуск ее с неполным весом благородного металла, стала легальным, повсеместным источником государственных доходов, а также и нелегальным источником доходов фальшивомонетчиков. «Вся история монетного дела с начала средневековья до конца XVIII столетия сводится к истории этих двусторонних и антагонистических подделок...», — говорит Маркс. Официальное феодальное мировоззрение рассматривало название монеты, вычеканенное на ней номинальное обозначение как основу ее рыночной роли. Маркс цитирует декрет одного из французских королей: «Никто не смеет и не должен сомневаться, — говорит верный ученик юристов Филипп Валуа в одном декрете 1346 г., — что только нам и нашему королевскому величеству принадлежит право... чеканки монеты, снабжения деньгами и всяких распоряжений относительно монеты, право пускать ее в обращение, и притом по такой цене, как это нам угодно и признано нами за благо»³⁷. Это представление отражало повсеместную практику: одноименные монеты имели в разных феодальных государствах и княжествах или в разное время самый различный вес; монеты чеканились и перечеканивались, и каждый раз государь извлекал из этого реальный доход.

Однако при всем том чеканка феодальными государями монеты послужила важным звеном при оформлении в феодальном обществе внутреннего обращения — антитезы тому почти исключительно международному обращению, которое было исходным пунктом. «...Деньги в качестве монеты, — пишет Маркс, — получают *местный* и *политический* характер, они говорят на разных языках и носят разные национальные мундиры. Поэтому сфера, в которой деньги обращаются как монета, отличается, как *внутреннее* товарное обращение, ограниченное пределами данного государства, от *всеобщего* обращения товарного мира»³⁸. Правда, на первых порах феодальная монета оформляет и унифицирует не товарное обращение, а преимущественно всевозможные односторонние платежи — налоги, ренты, подати, сборы, штрафы, долги и т. д. Но вместе с тем совершается и переход от функции денег как средства платежа к их функции средства обращения. Само существование денег «в национальном мундире» помогает развитию внутреннего товарного обращения.

³⁷ Цит. по: К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 98 (сноска).

³⁸ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 101.

Пока деньги в феодальном обществе не достигли этой ступени развития, единичные факты приравнивания трудящимися — крестьянами и ремесленниками — своих продуктов и трудовых затрат не могли приобрести характера товарного обращения. Напротив, где существует монета, в которой крестьянин обязан вносить свои сначала спорадические, затем все более регулярные платежи феодалу, государству, церкви, ростовщику, он, естественно, в этой же монете старается осуществить и сезонные накопления до наступления срока платежа, следовательно, в этой же монете стремится реализовать выручку от продажи горожанам своего продукта. Он добивается при этом, чтобы полученная цена отвечала количеству затраченного им труда. Если феодалы умели превращать в деньги только продукты, но не труд (поэтому переход к денежной феодальной ренте был возможен только от продуктовой формы, но не прямо от отработочной), и соответственно продавали их всегда по ценам, в общем весьма далеким от трудовой стоимости, то непосредственные производители при обмене и продаже подсчитывали именно взаимные затраты труда. Еще в своем крестьянском хозяйстве, как и в своих расчетах с кузнецами и другими бродячими ремесленниками, работавшими не за деньги, а за натуральные харчи, непосредственные производители научились приблизительно сравнивать разные виды труда по количеству затраченного времени или приравнивать количество затраченного времени к тому или иному количеству продукта. Но это еще не было товарным обращением. Появление в феодальном обществе денег в виде монет доставило недостающее звено для возникновения на этой, уже подготовленной основе внутреннего товарного обращения. Деньги стали приобретать в этих взаимных расчетах крестьян и ремесленников функцию меры стоимости. А в данной функции деньги играют хотя бы в тенденции роль, прямо противоположную той, с которой началось их развитие в феодальном мире: они должны обеспечить обмен эквивалентов, равных трудовых затрат, а не неэквивалентный обмен, как в международной посреднической торговле.

Развитие же простого товарного обращения и функции денег как меры стоимости и средства обращения должно было столкнуться с произволом, царившим в феодальной монетной системе, и оказать на нее обратное воздействие. Логика простого товарного обращения требовала, чтобы и деньги тоже продавались по своей трудовой стоимости. Хотя золото и серебро добывались не во всех странах и поэтому нелегко было наглядно сравнить затраты труда при их добыче с затратами труда в других производственных процессах, все же логика простого товарного обращения настойчиво заявляла о себе. Наиболее испорченные монеты устранились с рынка, или, наоборот, из обращения изымались (превращались в сокровище) наиболее полноценные моне-

ты, и это ограничивало возможности порчи монеты государями.

Столкновение двух экономических тенденций нашло отражение и в трактатах о деньгах — сначала в XIV в., француза Николая Орезама, затем в XVI в., великого польского ученого Николая Коперника, опровергавших традиционное представление, будто монета получает свою стоимость по воле государя. Коперник доказывал, что деньги являются таким же товаром, как и все другие товары, и что обращение их не по стоимости ведет лишь к расстройству народного хозяйства³⁹. Разумеется, ни шедшая из низов, из массы мелких товаропроизводителей, практическая оппозиция, ни оппозиция передовых мыслителей не могла уничтожить феодальной порчи монеты и пестроты монетных систем. Но противодействие рыночной стихии все же создавало минимальные условия для того более или менее развернутого товарно-денежного обращения в период господства денежной феодальной ренты, которое было охарактеризовано в предыдущей главе.

Итак, мы видим, что в феодальной экономике функции денег логически и исторически выступают не в том порядке, как при анализе товара и денег вообще. Ф. И. Михалевский верно отметил две особенности развития денег в феодальную эпоху: «Развитие товарно-денежных отношений идет первоначально *извне во внутрь*. Проводниками их являются торговые сношения и военные столкновения с более культурными странами Востока и средиземноморского Юга. Развитие товарно-денежных отношений идет долгое время *сверху вниз*. К ним в первую очередь приобщается эксплуататорская верхушка общества, откуда они просачиваются вниз по мере того, как, с одной стороны, растет разделение труда, а с другой стороны, растет стремление эксплуататоров получать часть прибавочного продукта в денежной форме»⁴⁰. Все, что изложено выше, подтверждает этот вывод.

Однако следует иметь в виду, что в действительности нет одной единственной последовательности развития функций денег при феодализме. Одновременно с изложенной последовательностью может быть прослежена и обратная, «снизу вверх», по крайней мере после появления в феодальном мире денег как мировых (международных) денег.

В самом деле, ведь купец-посредник торговал не только с феодалами, как мы для упрощения допустили. В той или иной мере он торговал и с ремесленниками, а в редких случаях и с крестьянами. Если он покупал у них нечто из их продуктов, в их руках оставались деньги. Эти деньги могли не только осесть как зачаточное сокровище или на-

---

³⁹ См. М. П. Герасименко. Николай Коперник — выдающийся экономист эпохи раннего капитализма. Киев, 1953.

⁴⁰ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения, т. 1, стр. 19.

копление, но и войти в обращение между крестьянами и ремесленниками с функцией меры стоимости, средства обращения, средства платежа.

Словом, на практике разные функции денег с развитием феодализма могли возникать в разной последовательности. Выше изложена лишь наиболее теоретически существенная и характерная для феодализма последовательность. Но по крайней мере со времени возникновения товарообмена между городом и деревней, ремеслом и сельским хозяйством законы товарного производства проявляются все более ясно в своей всеобщей форме. Однако эти законы здесь неумолимо ограничены господством натурального хозяйства. Поэтому в своем развитии они приводят нас лишь снова к тому же явлению, с которого мы начинали характеристику денег при феодализме, — к денежному капиталу. Накопивший деньги ремесленник или крестьянин мог при случае стать мелким, а то и крупным купцом-посредником или ростовщиком. Мы возвращаемся к исходному пункту и не выйдем из этих рамок, пока остаемся на почве феодального способа производства.

Одним из проявлений смешения, отождествления товарного производства с капиталистическим производством является смешение ростовщического и торгово-купеческого капитала с капитализмом. Ростовщический и торгово-купеческий капитал существовали в докапиталистических формациях всюду, где существовало мало-мальски развитое товарное производство. Ни тот, ни другой не создают каких-либо новых производственных отношений сверх тех, которые господствуют в обществе, не ведут сами по себе к капитализму.

Ростовщик в феодальном обществе только присваивал себе часть феодальной ренты, независимо от того, ссужал ли он деньги феодалу или крестьянину. Если он ссужал деньги феодалу, он прямо забирал в виде процента часть той ренты, которую феодал собрал со своих крестьян. Если же он ссужал деньги крестьянину, беря под залог его земельный участок, это значило, что он частично приобщился к верховным правам собственности на этот участок, а крестьянин со своего участка отныне должен платить еще дополнительную ренту продуктами или деньгами в виде процентов этому присосавшемуся соэксплуататору. Средневековые документы так и называют платежи крестьян ростовщикам — «добавочная рента», «вновь созданная («конституированная») рента», «сверхчинш». Ростовщичество способно было лишь утилизировать феодальные отношения, но не создать какие-либо новые. Это было лишь средством оттянуть долю феодальной ренты от наследственного дворянства в пользу собственников денег. Такова же, как мы видели, и природа прибыли средневекового купца: это присвоенная купцом, как посредником, часть феодальной ренты.

В 20-й и 36-й главах III тома «Капитала» Маркс показал, что торго-

вый и ростовщический капитал могут содействовать как разложению, так и консервированию докапиталистических производственных отношений в обществе. Сыграют ли они ту или иную роль — это зависит не от их собственной природы, а от того, зарождаются уже в этом обществе капиталистические производственные отношения или нет. Следовательно, все эти явления неправильно было бы рассматривать даже как зачатки или признаки капитализма: сами по себе они не имеют отношения к капитализму и, несмотря ни на какой количественный рост, не приводят к капитализму. Появление капитализма не завершается, а начинается возникновением системы эксплуатации капиталистами наемных рабочих.

Капиталистическое производство в этом смысле в Европе начало развиваться в основном только с XVI в., если не говорить о немногочисленных исключениях в XIV и XV вв. До того было лишь феодальное производство, хотя оно и носило порой относительно высоко развитый товарный характер. Товарное производство есть необходимое условие возникновения капитализма, но совершенно недостаточное условие.

Напротив, когда в обществе уже зародилась система эксплуатации капиталистами рабочих, торговый и ростовщический капитал способствуют расширению этой системы, приобретают новое экономическое значение. Их роль становится очень большой в распространении капитализма в деревню, в отдаленные районы. В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» показал значение системы скупки продукции у крестьян-кустарей как скрытой формы капиталистической эксплуатации, вскрыл капиталистическое содержание, которое приобрели в условиях пореформенной России, в условиях быстрого развития капитализма эти «допотопные формы капитала».

Денежные накопления купцов и ростовщиков составили одну из предпосылок возникновения капитализма в Западной Европе. Это хорошо видно на примере раннего итальянского капитала XIV в., связанного с предшествовавшим интенсивным развитием банков и торговых компаний. Роль «финансистов» и купцов очень велика и в генезисе капитализма в Голландии, Англии, Франции и т. д.

Иначе говоря, капитал старше капитализма. Владельцы капиталов, денежных или товарных богатств — это предшественники капиталистов как эксплуататоров наемной рабочей силы, т. е. буржуазии как класса капиталистического общества. Не будь этих предшественников, капитализм не мог бы возникнуть.

Буржуазный экономист В. Зомбарт утверждал, что капиталы до начала капиталистического производства скопились из феодальной ренты, поскольку получатели феодальной ренты не всю ее тратили на свои потребности. Он приводил примеры феодальных аристократов и

вельмож, оказавшихся в Западной Европе к началу капиталистической эпохи обладателями огромных денежных сокровищ. Но это в действительности не единственный и не главный путь образования денежных капиталов. Как мы видели, ростовщики отнимали у феодалов немалую долю их доходов. Наиболее разбогатевшие из ростовщиков становились банкирами вроде Фуггеров, Вельзеров и других знаменитых германских и итальянских банкирских домов XV в., кредитовавших королей, императоров, вельмож, стягивавших в свои руки со всей Европы огромные суммы денег, хотя подчас и разорявшихся столь же стремительно из-за отказа высокопоставленных должников платить свои долги. Другие финансисты предпочитали давать деньги в заем под обеспечение государственных налогов. Во Франции, например, откуп налогов приобрел широчайшие размеры: «финансисты» вносили в казну вперед всю сумму того или иного налога, который казна предполагала собрать со страны или отдельной провинции, а за это получали право выколачивать этот налог с населения со значительным избытком, который оставался у них в руках. Таким образом, государственный долг и налоговая система оказывались одним из важнейших источников формирования денежных капиталов в частных руках.

Еще более важным источником была международная торговля, нередко сливавшаяся с морским разбоем и грабежом населения отсталых стран. После открытия Америки и морского пути в Азию стремительно стали расти барыши от неэквивалентной торговли пряностями, тканями и другими изделиями и продуктами далеких стран, население которых разорялось от этой «торговли». Одновременно быстро развивалась система прямой эксплуатации туземцев на плантациях, основывавшихся европейскими купцами и завоевателями. Колониальная система стала гигантским источником накопления богатств в руках испанских, португальских, голландских, английских, французских компаний, в руках авантюристов, пиратов. Плоды векового труда целых народов становились достоянием этих захватчиков. Сокровища, добытые за морем, притекали в Европу и здесь становились денежным капиталом.

Возникновение капиталистического производства подстегнуло, дало могучий стимул этой погоне за капиталами, — однако не эти денежные или товарные капиталы сами по себе явились причиной возникновения капиталистического производства. Никакое накопление денежного или товарного капитала — ни с помощью насилия, ни без насилия, ни «первоначальное», ни иное — не ведет к возникновению капитализма и не объясняет его.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Условия зарождения капиталистического производства

Без накопленных денежных капиталов не могло бы начаться капиталистическое производство¹. Но для того чтобы оно действительно началось, капиталист должен найти на рынке не только орудия и средства производства, которые он превратит в свою собственность, но и еще один совершенно особый товар — рабочую силу.

Продавец, собственник этого товара — это сам работник производства. Будучи полным собственником данного товара, этот работник производства в то же время не имеет никакого другого товара, никакой иной собственности для продажи, что и заставляет его продавать свою рабочую силу — продавать не себя, не вообще свою способность к труду, что означало бы лишение его этой собственности, а предоставлять капиталисту пользоваться его рабочей силой или потреблять ее лишь временно, на определенный срок. Наемный рабочий свободен в двояком смысле: свободен от каких бы то ни было элементов чьей бы то ни было собственности на его личность, т. е. от характерной для феодализма неполной собственности на работника производства, и свободен от средств производства, т. е. от характерной для феодализма собственности крестьян и ремесленников на свои орудия труда и свое хозяйство.

Следовательно, возникновение класса наемных рабочих есть разрушение двух видов собственности, существовавших прежде, и одновременно появление нового вида собственности, какого прежде не существовало.

Изменение производственных отношений в обществе начинается с изменения формы собственности на оба основных элемента материального производства: на средства производства, с одной стороны, на работника производства с его производственным опытом и трудовыми навыками, с другой стороны.

При рабстве и феодализме собственность на рабочую силу была не-

---

¹ Обзор состояния проблемы см. *С. Д. Сказкин, А. Н. Чистозвонов. Задачи изучения проблемы генезиса капитализма.* — «Вопросы истории», 1959, № 6.

отделима от собственности на саму личность работника и поэтому могла принадлежать не самому работнику, а лишь другому лицу; теперь она выступила как собственность самого работника. Маркс пишет: «Характерной особенностью капиталистической эпохи является тот факт, что рабочая сила самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара, а потому его труд принимает форму наемного труда... Лишь начиная с этого момента, товарная форма продуктов труда приобретает всеобщий характер»².

Возникновение этого вида товара нельзя вывести попросту из количественного роста товарного обращения. В обществе, где налицо не собственность рабочего на его рабочую силу, а собственность другого лица на самого работника, рост товарно-рыночных отношений приводит лишь ко все большему размаху торговли этим наличным товаром, ко все большей полноте этой существующей формы собственности. Так, в рабовладельческом обществе развитию торговых отношений сопутствует исчезновение патриархальных форм рабства, покупка и перепродажа все больших партий рабов. В феодальном обществе, если крепостное право не пало, оно усиливается вместе с развитием товарности помещичьего хозяйства; торговля крепостными приобретает все более широкий характер, о чем наглядно свидетельствуют объявления в русских газетах второй половины XVIII — первой половины XIX в.

Только на сравнительно высокой ступени развития производства и самого человека как производительной силы становится возможным отделение собственности на рабочую силу от собственности на личность работника производства. Наемный рабочий продает как товар свою умелую рабочую силу, свою способность к высокопроизводительному труду, поэтому его личность может уже не быть предметом собственности. Наоборот, при феодализме в силу еще относительно низкой ступени производительности, умелости, трудовой культуры работника его способность вообще работать (выполнять любые сельскохозяйственные работы) еще не может быть обособлена от его личности. При феодализме такого вида собственности, как собственность на рабочую силу, еще почти нет — ее заменяет неполная собственность на самого работника производства.

Правда, в единичной, случайной форме наемный труд встречается на протяжении рабовладельческой и феодальной эпохи. Без долгого развития товарного производства еще до капитализма не было бы необходимых предпосылок для абстрагирования от личности человека такого товара, как его способность к труду (рабочая сила). Практически соизмеряя бесконечное число раз на городском рынке обмениваемые продукты, практически нащупывая эквивалент («справедливую

---

² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 177 (примеч.).

цену»), непосредственные производители приучались выражать в цене количество вложенного в продукт труда, от чего оставался шаг до возможности наняться для изготовления того же продукта. Эпизодический наемный труд («наймиты») был даже необходим как масштаб для проверки и фиксирования «справедливых цен». Западноевропейское средневековье по крайней мере с XIII в. знает наем труда с целой лестницей переходных ступеней от форм, еще очень близких к покупке личности человека (наем на неограниченный срок, наем в солдаты), через форму многолетнего контракта (подмастерьев) к сезонному и поденному найму.

Но все это еще не может быть названо возникновением рабочего класса, так же как функционирование в феодальном обществе ростовщического и торгового капитала не может быть названо капитализмом. И дело здесь не в количестве этих «наймитов», а в качестве: они еще не представляют новой производительной силы, переросшей рамки феодализма. Только когда среди них ведущее место займут «умельцы» нового, высшего производственного уровня, подразумевающего уже не мелкое, а крупное производство, когда капитал захватит в свои руки материальные условия и тем самым организацию этого крупного производства, — налицо будет капиталистический уклад. Тогда отношение наемного труда наполнится соответствующим экономическим содержанием, характеризующим одну из сторон капиталистического строя, — собственностью рабочих на свою рабочую силу, которую они продают как товар капиталистам — собственникам средств производства.

Итак, возникновение рабочего класса нельзя рассматривать без рассмотрения его как важнейшей производительной силы.

Материальной основой возникновения капитализма является рост производительных сил в недрах феодального общества.

С того времени, как феодальное производство на высшей ступени своего развития стало в известной мере товарным производством, открылось широкое поле для прогрессирующего разделения труда — отчасти в сельском хозяйстве, особенно же в ремесле. Все более и более от старых специальностей отпочковывались новые. Например, из профессии кузнеца родились специальности: кузнецов, гвоздильщиков, полковников, панцирников, латников, шлемников, мечников и др.; точно так же дифференцировалось на множество специальностей шерстоткацкое производство и другие, хотя и в разной степени. Это отделение новых специальностей выражало рост производительных сил, так как оно означало, во-первых, появление специализированных инструментов, приспособленных для данной специализированной функции, следовательно, развитие новых орудий труда, как и специализированной технологии производства; во-вторых, появление работ-

ников с новым производственным опытом и новыми трудовыми навыками.

Этот процесс разделения труда, рост производительных сил, выражавшийся в разделении труда, до поры до времени мог идти в рамках феодальных отношений, соответствовавших еще характеру производительных сил. Как мы знаем, для феодального производства характерны хозяйства мелких производителей. Историческое движение феодального производства начинается с того состояния, когда разделение труда осуществляется внутри каждого такого мелкого хозяйства — внутри крестьянской семьи. В зависимости от пола и возраста членов семьи, а также от времени года, от очередности работ здесь производятся обработка земли, сбор урожая, уход за скотом, за огородом, прядение, ткачество, портняжничество, плотничество и многие другие работы. Все работы выступают по отношению друг к другу в своей натуральной форме, что и придает замкнутый, натуральный характер всему этому хозяйству как целому. Индивидуальные рабочие силы функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи, как говорил Маркс, характеризуя это разделение труда внутри каждой крестьянской семьи. Нетрудно видеть, что разделение труда здесь является непосредственно и соединением труда.

Дальнейший рост производительных сил выражается в специализации части крестьян, еще не порывающих с сельским хозяйством, на том или ином особом виде труда. На барском дворе, а частью и в деревне появляются кузнецы, тележники и т. д. Может появиться и специализация среди крестьянских хозяйств той же деревни или соседних деревень на выращивании тех или иных садовых или огородных культур. Это — разделение труда внутри поместья. Разные работы еще выступают в своей натуральной форме. Но разделение труда уже начинает вырываться здесь из недр хозяйства непосредственного производителя, где ему становится тесно. Оно выступает теперь не как форма непосредственного соединения труда внутри хозяйства, а как разделение труда между самостоятельными хозяйствами непосредственных производителей. Еще один шаг развития производительных сил — и с отделением города от поместья это разделение труда между хозяйствами непосредственных производителей стало уже общественным разделением труда: связь между независимыми хозяйствами осуществляется через рынок, где результаты различных форм труда встречаются как товары.

Развитие производительных сил в феодальном обществе, с одной стороны, подстегивает выделение из массы мелких хозяйств специализированных товарных ремесленных хозяйств и их все более дробную дифференциацию, с другой, — сохраняет и укрепляет многомиллионную массу крестьянских хозяйств покоящихся по-прежнему на непо-

средственным разделении и соединении труда внутри семьи. Феодалы производственные отношения не дают устранить в качестве основной ячейки общественного производства это мелкое, в основном натуральное хозяйство крестьянской семьи на ее наделе.

Итак, характер феодального производства требовал разделения труда; развитие производительных сил могло осуществляться при феодализме лишь в форме развития разделения труда. А характер феодальной собственности ограничивал возможности разделения труда, требовал сохранения системы мелких крестьянских хозяйств на наделах с их примитивным соединением труда. Однако это противоречие обнаружилось и стало непримиримым лишь к концу феодальной эпохи. Тенденция к росту разделения труда долго отливала в формы феодальных производственных отношений: ремесленные хозяйства — это тоже мелкие хозяйства, к тому же нередко еще включавшие подсобное земледелие или огородничество. Поэтому до поры до времени система мелких трудовых хозяйств только укреплялась с ростом общественного разделения труда. Правда, противоречие между производительными силами и производственными отношениями уже довольно рано порождало в феодальном обществе конфликты, частичные прорывы существующих отношений, но это приводило лишь к переходу феодализма на более высокую ступень, к его поступательному, прогрессивному движению. Однако в конце концов неминуемо должен был наступить момент, когда дальнейшее развитие производительных сил, разделения труда переросло рамки феодальных производственных отношений. С некоторого времени стало обнаруживаться, что развитие разделения труда требует новых форм соединения труда, кооперации специализированных производителей. Общественное разделение труда через рынок привело к необходимости технического разделения труда внутри производственных предприятий, ограничивающего разделение труда через рынок, но обеспечивающего более высокий уровень производительности труда. А это значит, что пробил час господства мелкого производства. Пришло время для зарождения крупного производства. Феодальные производственные отношения с присущим им мелким характером хозяйства отныне все явственнее оказываются в несоответствии с этим новым характером производительных сил, к которому привело развитие разделения труда, — с неуклонно пробивающим себе дорогу новым соединением труда и его техническим разделением в рамках более или менее крупного производства.

Это несоответствие конкретно проявилось тогда, когда, во-первых, ряд отраслей, таких, как металлургическая, горнодобывающая, красильная и другие, стал требовать более или менее сложного оборудования. Это было или непосильно дорогое для одного мастера оборудование, или оборудование, требующее большого помещения, и т. д., и

хотя у мастера и была группа подмастерьев и учеников, но рамки одной мастерской оказывались уже и экономически, и технически не подходящими для такого оборудования. Или же требовались более или менее сложные средства транспорта для доставки сырья для той или иной отрасли производства, для транспортировки продуктов производства.

Следовательно, во-первых, несоответствие появилось тогда, когда развитие ряда отраслей промышленности потребовало такого уровня оборудования, которое было не по силам и не по средствам изолированному мелкому производителю.

Во-вторых, это несоответствие появилось тогда, когда взаимосвязь самостоятельных производителей через рынок стала уже помехой для дальнейшего, более дробного разделения труда, а именно для специализации не на изготовлении целой готовой вещи, а на отдельных производимых над ней производственных операциях. Такой ремесленник изготавливает уже не готовый продукт, а лишь деталь или даже заготовку для другой ремесленной специальности. На известной ступени такой дробной специализации мелким независимым специалистам становится все труднее быть уверенными, что они найдут на рынке покупателей на этот свой полуфабрикат. В связи с этим дальнейший рост специализации уже начинает тормозиться. Система мелких независимых хозяйств приходит в противоречие с развернувшимся, дошедшим до высокой степени разделением труда. В-третьих, это несоответствие появилось тогда, когда потребовалось кооперирование в процессе труда большего количества рабочих рук, чем возможно в обособленной ремесленной мастерской. Объединение рабочих рук есть опять-таки определенная тенденция, определенная потребность развития самих производительных сил. Маркс отмечал, что само соединение труда, объединение многих работников есть добавочная производительная сила, путь к повышению интенсивности и производительности труда³, и в свою очередь открывает новые, дальнейшие возможности разделения труда.

Как видим, рост производительных сил натолкнулся на присущий феодализму мелкий характер производства, мелкотоварное хозяйство. Само разделение труда на известной ступени своего развития стало требовать объединения труда, перехода от мелкого к крупному производству. Дальнейший рост производительных сил чем дальше, тем больше вел к простой кооперации и мануфактуре. Простая кооперация и мануфактура представляют уже производительные силы нового характера. А новый характер производительных сил требует новых производственных отношений, при которых эти производительные силы

---

³ См. К. Маркс. Капитал, т. I. стр. 332.

могут развиваться.

Возникновение крупного производства и есть тот «тон», который делает музыку. Пусть мануфактур поначалу еще очень мало, самым фактом своего существования они придают новый оттенок многим другим экономическим явлениям. В частности, мы видим этот новый оттенок в сфере рынка, торговли. По словам Маркса, «подобно тому как капиталистический способ производства предполагает крупные размеры производства, точно так же он необходимо предполагает и крупные размеры сбыта, следовательно, предполагает продажу товаров купцу, а не отдельным потребителям»⁴. Тем самым купцы объективно уже несут несколько изменившуюся общественную функцию. Они становятся в той или иной мере составной частью рождающегося класса капиталистов. Конечно, они приобретают эту функцию не просто потому, что разрастается рынок, что местные рынки сливаются в общенациональный (например, «всероссийский») рынок. В XVII в. в России рынок приобрел «буржуазный», по выражению В. И. Ленина, оттенок не потому, что он расширился, — он расширился и приобрел этот оттенок только потому, что в России возникли первые мануфактуры. Тем самым купцы, «заведовавшие» рынком, стали хоть отчасти носителями новой общественно-экономической тенденции, вызванной появлением ростков нового типа производства — крупного производства. Первые мануфактуристы были зачаточным ядром, вокруг которого постепенно образовывался класс буржуазии. Точно так же основная мысль работы Ленина «Развитие капитализма в России» состоит не в том, что капитализм возник из развития рынка, а в том, что развитие крупной промышленности в России конца XIX в. неумолимо требовало развития рынка для сбыта его изделий и рынка рабочей силы. Непосредственные хозяева крупной промышленности никогда не составляли большинства в классе буржуазии. Но без крупной промышленности нет капитализма, нет буржуазии.

Уже весь экономический процесс, предшествовавший возникновению мануфактуры, неотделим от истории борьбы трудящихся за свое раскрепощение. Каждый шаг в развитии разделения труда был в то же время шагом в некотором освобождении трудящихся от связывавших их феодальных пут. Без этого частичного освобождения не могло бы развиваться само разделение труда. Но люди, работники производства — важнейший элемент производительных сил — субъективно не помышляли, конечно, в феодальную эпоху о разделении труда как самоцели. Каждым из них непосредственно руководил лишь личный материальный интерес. Они искали улучшения материального положения, облегчения гнета, смягчения личной зависимости. Помимо их воли и

---

⁴ К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 108.

сознания оказывалось, что усилия эти бывали хоть в некотором отношении успешны только при условии, если в конечном счете совпадали с общей тенденцией развития производительных сил, с прогрессом разделения труда. Крепостной крестьянин, убегая в город, искал лишь большей личной и хозяйственной свободы, но объективно множество этих индивидуальных актов в сумме содействовало развитию городского ремесла: ремесленное производство требует большей инициативности, заинтересованности, самостоятельности производителя, чем хозяйство крепостного крестьянина. Без некоторого предварительного раскрепощения части трудящихся оно просто не могло бы развиваться; но именно развитие ремесленного производства давало объективную экономическую базу этому частичному раскрепощению.

Борьба горожан со своими феодальными сеньорами, борьба ремесленных цехов с патрициатом за власть в городе, борьба «младших» цехов и внецеховых городских работников за свои права — все это было ступеньками одновременно и в отвоевании личного освобождения городских трудящихся и в укреплении прогрессивно разветвлявшегося городского ремесла. Точно так же и рост товарности крестьянского хозяйства, следовательно, рост разделения труда между деревней и городом или между сельскохозяйственными районами был невозможен без известного личного раскрепощения крестьянина: товарное производство требует большей юридической независимости и большей хозяйственной инициативы непосредственного производителя. Своей борьбой с феодалами за личные права и интересы крестьяне содействовали образованию объективных условий для роста общественного разделения труда. А рост общественного разделения труда в свою очередь служил экономической базой для успехов их борьбы за раскрепощение.

Возникновение мануфактур ясно свидетельствовало, что дальнейший рост производительных сил требует еще большей степени независимости, заинтересованности в своем труде, следовательно, личной свободы работника производства. Однако это завершение личного раскрепощения уже не могло быть достигнуто в рамках феодальных производственных отношений. Мануфактурное, техническое разделение труда, как высшая для того времени форма разделения труда, в конечном счете необходимо подразумевает заинтересованность каждого рабочего в наилучшем заработке, приложение им в процессе труда максимума внимания, старания и искусства. Это значит, что рабочий должен был стать свободным от всякого внеэкономического принуждения и действовать добровольно, под давлением лишь экономической необходимости. Такое положение достигается не обязательно сразу же при появлении мануфактур, но в конце концов новые производительные силы могут развиваться дальше лишь при возникновении соответ-

вующих им новых производственных отношений. В свою очередь борьба трудящихся за свое дальнейшее раскрепощение содействовала развитию этих новых производительных сил и подготавливала необходимые условия новых производственных отношений.

В 11-й и 12-й главах I тома «Капитала» Маркса дана всесторонняя характеристика простой кооперации и мануфактуры. Маркс подчеркивает здесь, что капитал вначале не создает новых производительных сил, а подчиняет себе те производительные силы, тот способ труда, которые он застаёт, т. е. которые возникли еще при феодальных условиях. Капитал первоначально лишь осуществляет расширение и объединение мелких производств, что является назревшей потребностью самого производства. Та форма труда, при которой много лиц планомерно и совместно участвуют в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собой процессах труда, называется кооперацией⁵. Эта форма труда возникла из самого производственного опыта. Сами непосредственные производители уже ищут путей к соединению труда, стихийно нащупывают пути к соединению труда. Эта форма соединенного труда была найдена непосредственными производителями в виде «артели» и стала исходным пунктом капиталистического развития, так как только капиталистическое производство, подчинение производителей капиталу, способно было тогда широко осуществить эту тенденцию, превратить ее в развитую форму производства. Например, в развитии горной промышленности Чехии в XIV и XV вв. можно наблюдать, как сначала отдельные мелкие старатели работают каждый в одиночку, как затем они для приобретения требуемого оборудования и для других целей объединяются в артели, первоначально пытаясь сохранить старую экономическую основу — независимость производителей: каждый вносит свой пай в эту артель, т. е. имеет место что-то вроде попытки кооперативного производства. Но как только укрупненное производство оказывается чем-то реальным, сейчас же появляется капиталист: или извне, или один из их же среды, который подчиняет себе эту группу рабочих, кредитует, дает деньги на обзаведение оборудованием или иным путем фактически становится хозяином предприятия, а остальные на него работают.

Далее, орудия и трудовые навыки «мастеровых людей», «умельцев», способных изготовлять и наиболее эффективно, употреблять эти орудия, явились базой мануфактуры. Здесь также рост производственного опыта непосредственных производителей, изменение орудий, которыми они работают, — вот что лежит в основе перехода к более высокой форме производства. Предприниматель-мануфактурист ничего особенно нового от себя и не привносит. «По отношению к самому спо-

---

⁵ См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 331.

соби производства, — пишет Маркс, — мануфактура, например, отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена»⁶. Но эта новая форма производства открывает возможность для осуществления назревшей потребности роста производительных сил.

Маркс различает двоякое происхождение мануфактуры: либо мануфактура возникает как комбинация первоначально самостоятельных ремесел, осуществлявших ранее разные стадии изготовления или изготавливавших разные элементы одного продукта, объединенных теперь в одно производство, охватывающее много разных специалистов. Маркс берет в качестве примера возникновение каретной мануфактуры. Первоначально отдельные ремесленники изготавливают те или иные элементы кареты: колесник — колеса, шорник — кожаную сбрую, позолотчик — золотит отдельные ее части и т. д. Все это были независимые мастера, которые в мануфактуре уже оказываются работающими как частицы единого производственного целого. Либо перед нами другой путь возникновения мануфактуры: объединение мануфактуристом однородных ремесленников, ремесленников одной специальности, объединение, которое сначала сводит их вместе, а затем открывает простор для дальнейшего роста разделения труда между ними. Будучи соединены как специалисты одной профессии, они через некоторое время становятся специалистами новых, дробных профессий. Сначала каждый из них выполнял целый ряд операций; теперь каждый из них выполняет лишь одну из операций. Маркс берет в качестве примеров бумажную, иголочную мануфактуру и др.

Эти два пути возникновения мануфактур не следует смешивать с двумя типами мануфактур, которые различает Маркс, уже рассматривая их по признаку внутренней организации производственного процесса, а именно: одни построены на принципе изготовления врозь отдельных деталей продукта; скажем, в часовой мануфактуре изготавливаются отдельно все элементы часового механизма, а затем мастер-сборщик все это соединяет вместе. Такую мануфактуру Маркс назвал гетерогенной мануфактурой. Другой тип — это мануфактуры, построенные по принципу прохождения продуктом ряда следующих друг за другом стадий изготовления, скажем булавоочная мануфактура, где один рабочий тянет проволоку, следующий ее режет, следующий заостряет конец, следующий набивает головку, следующий шлифует и т. д. Такую мануфактуру Маркс называет органической мануфактурой. В одном случае все части продукта производятся отдельно, а затем со-

---

⁶ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 328.

бираются, в другом случае продукт проходит ряд последовательных стадий изготовления. Но и в том и в другом случае базой мануфактурного производства являются в основном орудия, рассчитанные на индивидуальный ручной труд и узко специализированное трудовое мастерство работника. Слово «мануфактура» означает «ручное производство».

Появление мануфактуры служит неоспоримым свидетельством того, что в недрах феодального общества развились производительные силы такого характера, которые требуют новых, капиталистических производственных отношений⁷. Эти производительные силы являются не столько плодом, сколько предпосылкой капитализма. Соответствующие этим производительным силам производственные отношения в одних исторических условиях зарождаются сразу, нога в ногу с появлением новых производительных сил, так что нам трудно даже представить себе мануфактуру без промышленников-капиталистов и наемных рабочих (это то, что мы уверенно называем капиталистической мануфактурой). Но в других исторических условиях между появлением новых производительных сил и оформлением присущих им производственных отношений наблюдается более или менее длительный разрыв; феодальные отношения долго остаются оболочкой, или формой, в которой существуют новые производительные силы; лишь медленно, исподволь феодальные отношения перерождаются, приобретая новый, капиталистический характер, а иногда очень длительное время и вовсе не приобретают капиталистического характера. Примером является крепостная мануфактура⁸. Производительные силы здесь но-

---

⁷ См. об этом в высшей степени важную статью акад. М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации (к постановке вопроса). — «Вопросы истории», 1958, № 7 и отклики на статью: А. М. Сахаров. К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России. — «Вопросы истории», 1959, № 1; В. А. Голобуцкий. О начале «нисходящей» стадии феодальной формации. — «Вопросы истории», 1959, № 9; И. В. Кузнецов. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма в России. — «Вопросы истории», 1959, № 11. Анализ этих и других откликов см. в заключительной статье: акад. М. В. Нечкина. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма. — «Вопросы истории», 1963, № 12. Теоретическая позиция М. В. Нечкиной строго логична.

⁸ О развитии мануфактуры в России существует большая литература. Многие вопросы остаются дискуссионными. Из главных работ см. Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947; она же. Развитие легкой промышленности в Москве в 1 четверти XVIII в. М., 1953; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М., 1953; Ф. Я. Полянский. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. М., 1956; А. М. Карпачев. О социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры. — «Вопросы истории», 1957, № 8; Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20–60-х гг. XVIII в. М., 1960; Ф. Я. Полянский. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960; С. Г. Струмилин. Очерки экономической истории России. М., 1960; его же. К вопросу о генезисе капитализма в России. — «Вопросы

вые — это мануфактура, но ломка производственных отношений так замедлена, что новые производительные силы существуют еще при старых производственных отношениях. Точно так же система производства на дому и скупка, так называемая рассеянная мануфактура, — это форма, где капиталистические производственные отношения как бы смешаны еще с феодальными, с системой мелкого товарного производства. Лишь изподволь, изнутри перерождается экономическое содержание этой старой формы.

История хозяйства знает много таких переходных форм. Для мануфактуры вообще характерна сращенность с окружающей феодальной средой и влияние феодальных отношений на экономику мануфактурного производства. Даже в Англии, в период уже сравнительно высокого развития мануфактур в XVI–XVII вв., мы можем наблюдать огромные пережитки феодализма, скажем, попытки прикрепления рабочих к производству. В шахтах Шотландии еще в XVIII в. рабочие продавались вместе с шахтой — яркие следы феодальных производственных отношений, еще тянувшиеся за мануфактурой.

Мануфактура возникает (если говорить не о массовом возникновении, а о единичных явлениях, сравнительно еще не частых) в XIV в. в некоторых городах Италии; в XV в. мы уже можем наблюдать мануфактуры в ряде стран: в Испании, Чехии, Германии, Нидерландах. В XVI в. мануфактура становится настолько распространенным явлением, что можно говорить о начале эпохи капиталистического производства. Однако, говоря так (Маркс пишет даже о начале «капиталистической эры» с XVI в.), надо помнить, что мануфактура в отличие от машинного производства, как правило, оставалась лишь укладом в недрах феодального общества и была поэтому приспособлена к сосуществованию с этим обществом, в частности, благодаря тому, что опиралась на кустарную домашнюю промышленность и на купеческий капитал⁹. Подчеркнем, что «уклад» имеет глубокое качественное отличие от победившего способа производства. Уклад — это тоже способ производства, т. е. единство производительных сил и соответствующих производственных отношений, но он не имеет еще ни соответствующей ему политической надстройки, ни решающего перевеса над прежней экономической системой и поэтому должен быть всесторонне приспособлен к старому феодальному обществу. Это глубочайшим образом отличает мануфактурный капитализм от машинного.

истории», 1961, № 9; А. Л. Сидоров. Некоторые проблемы развития российского капитализма в советской исторической науке. — «Вопросы истории», 1961, № 12; Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводоладельцы. М., 1962.

⁹ Об особенностях зарождения капитализма в странах Востока см. «О генезисе капитализма в странах Востока. (XV–XIX вв.)». Материалы обсуждения (отв. ред. С. Д. Сказкин и др.). М., 1962.

Вплоть до времени машинного производства техническое оборудование мануфактуры остается не очень сложным. Центр тяжести лежит в мастерстве детального рабочего. Правда, растущая специализация таит в себе неизбежную перспективу превратиться в собственную противоположность — в уродливую односторонность, а затем и в механическую однообразность, примитивность труда, подготавливающую возможность замены рабочего машиной. Но в общем в мануфактурный период ядром возникающего рабочего класса являются хорошо обученные, хорошо владеющие каким-либо мастерством, искусные рабочие. Далеко не всякий крестьянин, лишившийся земли, мог стать мануфактурным рабочим. Многие гибли, оставаясь бродягами и нищими, не становясь «отцами современного пролетариата». Преимущественно лишь те из них, кто еще до этого получил обучение в условиях домашней промышленности, пополняли кадры мануфактурного предпролетариата (если не говорить о сравнительно ограниченном спросе на чернорабочих; необученные рабочие — не характерное явление для мануфактуры). Но в дальнейшем, по мере своего укрепления капиталистический способ производства распространяется и на такие отрасли хозяйства, которые сами по себе еще не требуют высокого производственного уровня от работников, в том числе и на сельское хозяйство. Со своей стороны и промышленность в своем дальнейшем развитии, особенно с начала введения машин, ведет к деквалификации рабочих.

Надо уметь ясно отличать понятие «мануфактурный предпролетариат» как от понятия «пролетариат», так и от понятия «плебейство». По сравнению с пролетариатом эпохи машинного капитализма мануфактурный предпролетариат характеризуется еще множеством полуфеодалных, как бы переходных черт. Они хорошо схвачены Энгельсом в таком сопоставлении: «Рабочий в мануфактуре XVI–XVIII столетий почти всюду обладал своими средствами производства: своим ткацким станком, веретенами для своей семьи и маленьким участком земли, который он возделывал в свободные от работы часы. У пролетария ничего этого нет. Рабочий мануфактуры живет почти всегда в деревне и состоит в более или менее патриархальных отношениях со своим помещиком или работодателем. Пролетарий обычно живет в больших городах и с работодателем его связывают только денежные отношения. Крупная промышленность выталкивает рабочего в мануфактуре из его патриархального состояния, лишает его собственности, которая еще у него оставалась, и превращает его в пролетария»¹⁰.

Но если мы будем теперь сопоставлять мануфактурный предпролетариат с его историческим предшественником — плебейством или

---

¹⁰ Ф. Энгельс. Принципы коммунизма. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 468–469.

«плебейскими элементами городов», мы должны будем подчеркнуть иные, не патриархальные, а революционные черты предпролетариата как носителя новых начал общественной жизни. Что такое плебейство? Это в сущности негативная общественная сила, воплощенное отрицание феодализма, это все те городские бедняки, которые фактически стояли вне цехов. Плебейство было смесью из обедневших ремесленников, ремесленных подмастерьев, нищих. Предпролетарские элементы были самое большее примесью в этой разношерстной массе. Но предпролетариат как таковой — это уже не только отрицание феодального прошлого, но и зачаток того нового, которое идет на смену феодализму. Он не только разрушитель, но и воплощение основы основ прогресса: ведь он и есть новая производительная сила, порожденная всем предшествующим экономическим развитием. До появления машин мануфактурный предпролетариат является главной, основной производительной силой возникающего капиталистического способа производства.

Изложенный выше вопрос может быть резюмирован словами академика А. М. Панкратовой: «Суть проблемы наемного труда как важнейшего фактора возникновения капиталистического производства не только в количественном его распространении. Возникающий в недрах феодального способа производства пролетариат представлял собой огромную *новую производительную силу*. Простая кооперация и мануфактура не могли бы возникнуть, если бы не достигли высокого уровня трудовая квалификация мелких производителей, их производственные и технические навыки, если бы мелкие производители не овладели умением работать в коллективе, не научились пользоваться сравнительно дифференцированным инструментом.

Экспроприированные мелкие производители смогли быстро превратиться в «мастеровых людей», а затем в обученных наемных рабочих потому, что они еще до этого были не просто разорившимися крестьянами, а опытными «умельцами», владевшими известными производственными и техническими навыками. Эти обученные предшественники наемных рабочих (Энгельс назвал их «предпролетариатом») были важнейшим элементом новых производительных сил, вызревающих в недрах феодального общества»¹¹.

Было бы неверно видеть в превращении крестьян в наемных мануфактурных рабочих одно лишь бедствие для непосредственных производителей. Маркс писал, что мануфактура стала «убежищем для крестьян от не принимавших их или же дурно их оплачивавших цехов»¹².

---

¹¹ А. М. Панкратова. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. — «Вопросы истории», 1953, № 9, стр. 77.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 56.

В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» неоднократно отмечал, что переход в мануфактурные рабочие был связан с улучшением экономического и культурного положения непосредственного производителя.

Но экономическая основа товарного производства — мелкие хозяйства обособленных производителей — разрушается, чтобы уступить место капиталистическому производству. Ломка этого вида собственности — не мирный эволюционный процесс, а процесс, протекавший в ожесточенной борьбе. Маркс дал его яркую картину в 24-й главе 1 тома «Капитала» «Так называемое первоначальное накопление»: «...Превращение карликовой собственности многих, — пишет он, — в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, — эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала»¹³.

Попутно здесь надо предупредить, что встречающееся подчас в литературе выражение «первоначальное капиталистическое накопление» является столь же нелепым, как «горячий холод» или «светлая темнота»: капиталистическое накопление совершается в процессе капиталистического производства и к нему бессмысленно было бы прилагать эпитет «первоначальное». Слова «первоначальное накопление» как раз означают только то, что это «накопление» производится некапиталистическими методами, т. е. является всего лишь накоплением тех исторических предпосылок, без которых не может начаться никакое капиталистическое производство, никакое капиталистическое накопление. «Так называемое первоначальное накопление» лежит вне рамок капитализма. Следовательно, оно лежит в рамках феодализма. При этом оно отнюдь не сводится к «первоначальному накоплению капитала». Чтобы описать только эту сторону процесса, т. е. эмпирическую картину разных путей образования денежных богатств в тех или иных частных руках, совсем не потребовался бы гений Маркса. Главную сторону и сущность процесса он увидел не в том, как формировались частные капиталы. Маркс прежде всего показывает, что «огораживания», приведшие в Англии к обезземелению крестьянства, отнюдь не были делом рук буржуазии и сами по себе преследовали отнюдь не буржуазные цели. Сами крупные феодалы, говорит Маркс, создали многочисленный пролетариат, узурпировав общинные земли и согнав крестьян с занимаемых ими участков; превращение пашни в пастбище для овец «стало лозунгом феодалов»¹⁴. Роспуск феодальных дружин и наемных королевских войск, роспуск монахов из монастырей, сгон дер-

---

¹³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 765.

¹⁴ См. там же, стр. 722–723.

жателей монастырских земель, превращение прежде заселенных земель в огромные охотничьи парки аристократии — все это продукты деятельности одного лишь класса феодалов. Указывая среди источников образования пролетариата и на эти факторы, Маркс подчеркивает тем самым, что у истоков «так называемого первоначального накопления» лежит стремление не к накоплению капитала, а к увеличению феодальной ренты и феодального могущества. Дело начинается всего лишь с очередного натиска феодалов на феодальнозависимое крестьянство. Превращение пашни в пастбища было для этих феодалов не самоцелью, а средством повысить доходность своих имений, и конечно, они не стали бы сгонять своих держателей, если бы те смогли выплачивать соответственно увеличенные ренты.

Однако крестьяне не могли выполнять возросших требований земельных собственников и поэтому принуждены были покидать насиженные гнезда. Если они не делали этого сами, их сгоняли насильно, но, отмечал Маркс в другой связи, совершенно не обязательно применять насилие, чтобы согнать крестьян с земли: «Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям»¹⁵. Соответственно английское дворянское законодательство рассматривало этих крестьян как «добровольно» бросивших прежние условия труда и в первую очередь пыталось принудить их вернуться назад, на родину, к прежнему земельному собственнику. В сознании господствующего феодального класса эти бедняки были олицетворением протеста, непокорности; с ними люто расправлялись, как с революционными, опасными общественными элементами (и действительно, в крестьянских восстаниях того времени, например в восстании Роберта Кета, они составляли заметную часть боевой армии).

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали: «Одновременно с возникновением мануфактур начался и период бродяжничества, вызванный упразднением феодальных дружин, роспуском войск, образованных из всякого сброда и служивших королям против их вассалов, улучшением земледелия и превращением огромных пространств пахотной земли в пастбища». Отдельные периоды такого бродяжничества, отмечали Маркс и Энгельс, наблюдались еще в XIII в. (т. е. до какого бы то ни было зарождения капитализма), но всеобщим и длительным явлением оно становится лишь в конце XV и в начале XVI в. «Этих бродяг, которых было так много, что один лишь Генрих VIII английский приказал повесить 72 000, можно было заставить работать лишь с величайшим трудом, после того как они были доведены до са-

---

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 685.

мой крайней нужды, и при этом приходилось еще преодолевать их упорнейшее сопротивление. Быстро расцветавшие мануфактуры, в особенности в Англии, постепенно поглотили их»¹⁶.

Итак, первые два акта «так называемого первоначального накопления» — 1) мероприятия феодалов, ведущие к резкому ухудшению положения крестьян, и 2) ответные действия крестьян, не могущих жить и трудиться в этих невыносимых условиях, — не принадлежат еще по своей природе к истории капиталистического общества. Только третий акт — поглощение «бродяг» мануфактурами — прямо относится к развитию капитализма. В этом смысле Маркс и говорит, что «рыцарям промышленности удалось вытеснить рыцарей меча лишь благодаря тому, что они использовали события, которые были созданы не ими самими»¹⁷.

Часть обезземеленных крестьян находила более или менее прямую дорогу в мануфактуру, поскольку уже обладала тем или иным мастерством. Другим приходилось сначала пережить мучительную выучку в работных домах. Третьи так и не приобретали промышленной квалификации, не становились элементами высших производительных сил и погибали деклассированными бродягами, нищими, пауперами¹⁸.

Как видим, указанное выше основное экономическое противоречие проявлялось не в плавном превращении части феодальных непосредственных производителей в мануфактурных рабочих. Оно проявлялось в жестоких экономических катаклизмах и классовых битвах, отражавшихся на судьбе всей массы непосредственных производителей¹⁹. Разрыв широких слоев крестьянства с землей — это процесс разрушения

---

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 56.

¹⁷ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 720.

¹⁸ Процесс так называемого первоначального накопления имел глубокие качественные отличия в разных странах. Применительно к истории Франции попытка выявить их сделана в кн. А. Д. Люблинская. Франция в начале XVII века (1610–1620 гг.). Л., 1959. Применительно к истории Нидерландов вопрос рассмотрен в работе: А. Н. Чистозвонov. Гентское восстание 1539–1540 гг. М., 1957. Гипотезы об особенностях первоначального накопления в России см. Н. И. Павленко. О некоторых сторонах первоначального накопления в России. (Материалы к обсуждению). М., 1955; Н. М. Дружинин. Генезис капитализма в России. — «X Международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955. Доклады советской делегации». М., 1956; «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.)». Сб. статей (Ред. коллегия: Л. Г. Бескровный и др.). М., 1958; Ф. Я. Полянский. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958; Н. А. Рубинштейн. О разложении крестьянства и так называемом первоначальном накоплении в России. — «Вопросы истории», 1961, № 8. О проблеме первоначального накопления в странах Азии см. «О генезисе капитализма в странах Востока. (XV–XIX вв.)». М., 1962.

¹⁹ См., например, В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. Из истории обезземеления крестьян в Англии. М.–Л., 1949. В. М. Лавровский. Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в. М.–Л., 1940.

крестьянских хозяйств, объективной помехи на пути развития разделения труда. Поглощение части пауперизованных производителей мануфактурой — это процесс утверждения высшей формы разделения труда.

Изучая книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», мы видим, что в конечном счете ее главным вопросом является вопрос о развитии рабочего класса в России. Когда в заключительной, 8-й главе Ленин, подводя итоги всему исследованию, вскрывает основу рассмотренных им экономических явлений, он пишет, что таблица, характеризующая передвижение рабочих в России, «резюмирует все изложенное выше по вопросу об образовании внутреннего рынка для капиталистического общества»²⁰. Через всю книгу проходит накопление элементов для характеристики состояния, состава, особенностей русского рабочего класса. Ленин опроверг утверждение народников, что в России всего 1,5 млн. рабочих, показав, что эти 1,5 млн., занятые в крупной промышленности, являлись лишь «передним рядом» фактически существовавшей десятиmillionной армии наемных рабочих.

Когда Ленин, говоря о переходе от барщинной системы к капиталистической, делает отступление к прошлому, т. е. к вопросу не о развитии капитализма при наличии уже крупной капиталистической промышленности в стране, а о возникновении капитализма, он прямо пишет, что капитализм не мог возникнуть до тех пор, пока не сложился «класс людей, привыкших к работе по найму»²¹. Книга Ленина «Развитие капитализма в России» содержит в себе много еще не использованных нашими историками и экономистами не только фактических материалов, но и методов подхода к истории формирования рабочего класса. Обращает на себя внимание та огромная роль, которую при этом Ленин отводит перемещению, передвижению как одному из коренных условий образования класса наемных рабочих. Эта тема проходит буквально через все главы и в заключительной главе выступает с огромной силой. Ленин постоянно возвращается к мысли о том, какое прогрессивнейшее значение имел факт перемещения рабочей силы, к тому, что само образование рабочего класса неразрывно связано с этим процессом ухода из старых условий работы. Сказанное, разумеется, не значит, что вся проблема зарождения рабочего класса должна быть сведена к этому моменту, но это один из очень важных моментов в проблеме, в истории, в методе изучения возникновения рабочего класса.

Было бы глубоко неверно сказать, что эта проблема перемещения, или, как Ленин выражается, подвижности населения, имеет только

---

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 590.

²¹ Там же, стр. 185.

специфически русский характер. Нет, в истории возникновения капитализма в любой стране мы наблюдаем это явление — переход, перемещение, то, что называется миграцией населения; это явление служит всюду очень важным показателем подготовки капитализма. О толпах «бродяг»,двигающихся по всем дорогам, пишет Маркс, когда он характеризует генезис рабочего класса в Англии. Во Франции накануне и в период зарождения капитализма мы видим огромное перемещение населения в пределах страны: множество людей идет из одной провинции в другую, из деревень в города, у ворот которых выставались даже особые стражники «гони негодяев». Это же перемещение масс характерно для Голландии, для Испании, когда там зарождались капиталистические отношения.

Известно, что юридическая свобода рабочего, право отказа от работы является одним из условий возникновения капитализма. Но это юридическая сторона дела, а факты, дела предшествуют законам. Рабочие, бывшие крестьяне, сначала сами начинают уходить, прежде чем за ними признается это право, которое они себе фактически завоевали. Недаром даже в нашем современном языке мы выражаемся: «ушел с работы». В самую специфику работы по найму входило это перемещение. Для нас это условный оборот речи — мы не «уходим» в другой город, в другую часть страны, но в языке остался этот оборот, как след того времени, когда он отвечал реальности.

Это передвижение населения, вырывающегося из прикованности к данному месту, к данному клочку земли, к данному хозяину, разрывающего свои путы и начинающего широко перемещаться, — своеобразное общественное явление, глубоко революционное по своей природе. Люди уходят, убегают, переселяются в поисках иных условий жизни, и тем самым при наличии других условий формируется рынок рабочей силы и сама рабочая сила как повсеместный товар. Совокупность исторически сложившихся условий придает очень разный характер этим перемещениям населения в условиях самодержавной России, о которых пишет Ленин, или в условиях Англии, где раньше всего развился капитализм, или в других странах. Но повсюду мы видим, что рабочий класс возникает не только как новая производительная сила, но и как сила, практически разрывающая строй старой, феодальной жизни. Рабочий класс возникает не пассивно, как иногда представляют себе: товарное производство создало капитал, капитал создал рабочих. Рассматривая как массовые перемещения населения, так и экспроприацию масс непосредственных производителей в условиях «первоначального накопления», мы, несомненно, рассматриваем явления, лежащие в совсем иной плоскости, чем простой рост товарно-рыночных отношений.

Не останавливаясь подробно на истории возникновения класса на-

емных рабочих, следует отметить два теоретически важных момента в постановке вопроса о возникновении рабочего класса. С одной стороны, нельзя прямо вести историю пролетариата от различных форм найма, которые, как выше сказано, подчас можно наблюдать и в средневековом обществе, например, от найма цеховых подмастерьев, хотя те и получали заработную плату. Не всякая юридическая форма найма экономически означает систему капиталистической эксплуатации наемного труда. Подмастерья не продавали свою рабочую силу на рынке, не было еще при феодализме рынка рабочей силы, а без этого условия не может быть речи о капитализме. С другой стороны, нельзя объяснять возникновение пролетариата одним насилием, неизвестно почему вторгшимся в судьбы непосредственных производителей. Насилие, как и обман и т. п. сами по себе ничего не могут объяснить в экономическом развитии. Насилие лишь осуществляет ту или иную экономическую закономерность, или, как говорит Маркс, экономическую потенцию. Ужасы «первоначального накопления» были не причиной возникновения рабочего класса, а формой, в которой оно совершилось. Причину следует искать в экономических законах, не отождествляя, однако, экономические законы с одними лишь законами товарного производства.

Таким образом, суть «так называемого первоначального накопления», начала возникновения рабочего класса — не в насилии. Для марксистской политической экономии не может даже возникнуть вопрос о том, появился ли капитализм «экономическим путем» или «путем насилия». Но есть такие экономические процессы, которые, даже протекая без всякого насилия, не укладываются в рамки плавного развития законов простого товарного производства. Так, то массовое перемещение рабочей силы в России, которое изучал Ленин, никак не было связано с применением силы. Но оно было нарушением законов простого товарного производства: вместо того чтобы согласно этим законам продавать на рынке продукты своего труда, люди встают с места и уходят; они тем самым не развивают прежние производственные отношения, а разрывают их. Они ищут новых мест и условий, где за ними признали бы право на новый вид собственности, где можно продать такой товар, какого нельзя продать при простом товарном производстве, — рабочую силу. Другой вопрос, что на практике это изменение форм собственности в истории редко обходилось без насилия, — суть дела отнюдь не в насилии самом по себе. Превращение рабочей силы в товар было именно не плавной эволюцией товарного производства, а настоящим экономическим переворотом. Суть этого переворота состояла в изменении характера собственности — не только на средства производства, но и на рабочую силу. Переворот же этот в свою очередь в дальнейшем ведет к небывало всеобщему, всеохватывающему

развитию товарного производства.

Как мы видели, капитализм первоначально возникает не в сельском хозяйстве, а в промышленности. Он возникает преимущественно не в деревне, а в городе, если же и в деревне, то в сфере не земледелия, а деревенской промышленности, где нередко гнездились ранние формы капиталистической простой кооперации и мануфактуры. Вряд ли правильно слишком подчеркивать, что капитализм исторически возник не столько в городах, сколько вне городов: это наблюдение было бы односторонним, если бы мы одновременно не подчеркнули, что он рождался преимущественно в окрестностях городов, вокруг них. Цеховой строй и другие рогадки могли мешать новым формам производства в самом городе, но все его материальные предпосылки коренились именно в городе. Невозможно построить особую теорию генезиса капитализма в недрах аграрного строя, ибо зарождение капитализма — это прежде всего зарождение новых форм промышленности. Мы видели, что истоки капитализма — в росте производительных сил, порождающем крупное производство и класс наемных рабочих, а ни в коем случае не во взятом самом по себе количественном росте рыночных отношений, хотя бы и порождающем экономическую дифференциацию мелкого, технически отсталого товарного крестьянского хозяйства. Однако первые же ростки капитализма в промышленности накладыва- ют некоторый отпечаток на экономическую жизнь всего общества и, в частности, пробуждают капиталистические отношения в деревне, в сельском хозяйстве.

Сам по себе распад натурального хозяйства — далеко не достаточное условие для рождения капиталистических классов. Точно так же логически противоречиво было бы допустить, что аграрный капитализм способен в полном смысле слова обогнать промышленный капитализм. Читая книгу Ленина «Развитие капитализма в России», следует помнить, что В. И. Ленин пишет не о происхождении капитализма, а о развитии капитализма в стране, где уже налицо крупная капиталистическая промышленность, налицо рабочий класс. Следует обратить внимание на подзаголовок книги: «Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности». Как видим, задача В. И. Ленина состояла не в том, чтобы исследовать вопрос о возникновении капитализма в России. Свою задачу он определил в письме, в котором сообщил о задуманной книге «о сбыте товаров обрабатывающей промышленности внутри страны»²². Следовательно, наличие уже возникшей и сложившейся крупной промышленности, обрабатывающей промышленности является исходным пунктом, предпосылкой этого исследования. Цель же исследования состояла в том, чтобы опровергнуть на-

---

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 639.

родническое противопоставление крупной капиталистической промышленности другим секторам русской экономики, противопоставление, на котором народники строили теорию об «искусственности» крупного капиталистического производства в России. Цель Ленина состояла в том, чтобы показать, что, раз в стране развилась капиталистическая промышленность, это накладывает глубочайший отпечаток на всю экономику страны, даже на, казалось бы, живущую стародавним, патриархальным бытом деревню. Машинная индустрия, пишет Ленин, «переносит вообще в деревню тот торгово-промышленный уклад жизни, который выработался сначала в неземледельческих центрах»²³.

В России того времени, о котором пишет Ленин, эти условия были налицо. Капитализм из промышленности уже проник в деревню и выражался не только в широком применении наемного труда в сельском хозяйстве, что Ленин называет главным показателем развития капитализма в сельском хозяйстве, но и в изменении экономической природы того самого мелкого товарного производства, которое, взятое в иных окружающих условиях, не имело бы буржуазного характера. Если общий строй экономики общества характеризуется наличием капиталистической эксплуатации, то и мелкотоварное хозяйство как бы несет на себе ее отблеск, приобретает новое качество: оно в этих условиях является мелкобуржуазным хозяйством. В. И. Ленин пишет: «...Употребление наемного труда не является безусловно необходимым признаком мелкой сельской буржуазии. Как мы уже заметили выше, под эту категорию подходит всякий мелкий, покрывающий свои расходы самостоятельным хозяйством, товаропроизводитель при том условии, что общий строй хозяйства основан на... капиталистических противоречиях»²⁴.

Эти слова Ленина дают нам возможность очень ясно представить себе самую суть всей проблемы товарного производства. Мелкотоварное производство не является, вообще говоря, мелкобуржуазным производством. Оно может быть названо мелкобуржуазным производством (и середняк-крестьянин может быть назван мелким буржуа) и приобретает таковую экономическую сущность лишь с того времени, когда строй хозяйства в данной стране начинает основываться на капиталистических противоречиях. Даже мелкотоварное производство, не эксплуатирующее рабочую силу, становится как бы зачатком, зернышком того же капиталистического общества при том условии, если в обществе налицо капиталистические противоречия, т. е. налицо два основных класса капиталистического общества. Где тут причина, где — следствие, очень ясно из этих слов Ленина: причина — возникновение

---

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 541.

²⁴ Там же, стр. 308.

крупной капиталистической промышленности, возникновение класса наемных рабочих, эксплуатируемых капиталистами; следствие — приобретение и мелкотоварным производством в этих новых условиях нового экономического значения, превращение его в миниатюрную ячейку того же капитализма; «мелкий производитель, крестьянин, становится, в действительности, мелким буржуа»²⁵. Напротив, пока в обществе господствует феодализм, мелкий производитель не может быть назван мелким буржуа, и даже в русской деревне накануне 1861 г., по мнению В. И. Ленина, еще не было классовой дифференциации крестьянства. Точно так же и во Франции перед революцией XVIII в., по словам В. И. Ленина, «еще не завершился раскол ее полусредневекового крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат»²⁶. Все сказанное можно резюмировать следующим образом. Капитализм как крупное производство есть отрицание мелкого индивидуального производства, царившего ранее. Но как только капиталистическое крупное производство зарождается, начинается обратный процесс его своеобразного сращения с системой мелкого производства, унаследованной от феодализма. Поэтому иногда кажется, что капитализм вырастает из мелкого производства путем его дифференциации, т. е. что капиталистическое отношение сначала возникает как отношение между двумя мелкими производителями — богатым и бедным, а не как отношение между нанимателем и наемным рабочим. Вся система общественного рыночного разделения труда, унаследованная от феодального строя мелких производств (напомним, что при феодализме нет крупного производства, бывает лишь крупное хозяйство), пропитывается новым, капиталистическим содержанием. Этот обратный процесс сращения крупного производства с мелким производством состоит: 1) во взаимосвязи мануфактуры с домашними промыслами в городе и деревне; 2) в сбыте продукции крупного производства в конечном счете через розничную торговлю; 3) в сохранении крупным производством юридической формы собственности, однотипной с мелким (частный характер присвоения, частное гражданское право); 4) в наполнении вследствие этого мелкого хозяйства новым потенциальным содержанием: мелкобуржуазным.

По экономическому существу при капитализме не крупное производство однотипно мелкому, а мелкое понемногу становится однотипным крупному. Лишь по юридической форме дело обстоит наоборот, и, лишь поддавшись ее гипнозу, можно было бы выводить капитализм из природы мелкого товарного производства.

---

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 216.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 256.

Нам остается сказать несколько слов о том, как совершается ликвидация феодальных производственных отношений, становящихся оковами для дальнейшего развития производительных сил.

Поскольку экономической основой феодализма служит феодальная собственность на землю, ликвидация феодализма есть прежде всего ликвидация этой феодальной земельной собственности и связанной с ней системы «наделения» крестьян землей как неполным, условным землевладением. Два противоположных пути могут вести к этому результату. Либо отсекаются, отменяются все платежи и повинности с крестьянских наделов, и тем самым эта крестьянская земля из обусловленного повинностями «держания» превращается в свободную мелкую (парцеллярную) собственность; иначе говоря, это есть ликвидация верховных прав собственности феодалов на землю. Либо сохраняется крупная земельная собственность, но ликвидируется система «наделения» землею крестьян: крестьяне экспроприируются, а вместо них появляется фермер-арендатор, который ведет хозяйство руками наемных рабочих как капиталист-предприниматель; его доход — это уже не рента, а капиталистическая прибыль, поскольку же она выше средней нормы прибыли в капиталистическом обществе, фермер отдает избыточную часть прибавочной стоимости, выжатой из рабочих, земельному собственнику в качестве ренты, уже не феодальной, а капиталистической.

Какой из двух путей осуществится — это зависит от конкретных особенностей предшествовавшего экономического развития данной страны и от хода классовой борьбы. Первый путь означает большую победу крестьянства, он осуществился, например, в ходе французской буржуазной революции конца XVIII в. Второй путь характерен для Англии, где крестьянство было постепенно экспроприировано в XVI–XVIII вв., где буржуазная революция XVII в. в силу своих особенностей не дала сколько-нибудь ощутимой победы крестьянству.

Вопрос о дальнейшей судьбе крестьянской земельной собственности в условиях победившего капитализма выходит за рамки нашей темы. Это уже проблема развития капитализма в сельском хозяйстве, проблема капиталистической дифференциации крестьянства.

Не можем мы здесь рассматривать и случай не радикального уничтожения феодальной земельной собственности и феодальной эксплуатации, а постепенного перерождения феодального поместья в капиталистическое сельскохозяйственное предприятие с длительным сохранением пережитков феодальных порядков («прусский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве). Точно так же мы не будем рассматривать, как конкретно происходило в разных исторических усло-

виях уничтожение неполной собственности феодала на работника производства — крепостного.

Все эти вопросы неотделимы от изучения классовой борьбы и соотношения классовых сил.

Пока нам остается еще раз подчеркнуть, что одним из узлов идеологической борьбы в современном мире является понятие «капитализм», что буржуазная идеология, вынужденная отступать перед объективной силой этого научного понятия, поднимает ученые полки в новые и новые атаки на понятие «феодализм» — на одну из теоретических основ учения об исторической ограниченности капиталистической эры. Разработка теории феодализма и возникновения из его недр капитализма является поэтому весьма актуальной задачей передовой общественной науки во всем мире²⁷.

---

²⁷ Как интересный симптом следует отметить, что прогрессивный французский журнал «Recherches Internationales à la lumière du marxisme» посвятил недавно целый том, озаглавленный «Феодализм» (№ 37, май-июнь, 1963), переводам статей теоретического характера на эту тему, в том числе нескольких статей советских авторов, а также и оригинальным статьям ряда авторов из разных стран.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Из истории экономических учений о феодализме и генезисе капитализма

---

1. Дворянское и буржуазное представление о феодализме

В эпоху, когда феодальные производственные отношения безраздельно господствовали, не могло сложиться сколько-нибудь верного теоретического представления о них и об управляющих ими экономических законах. Идеологи господствовавшего дворянского класса, в том числе из рядов духовенства, видели в данных экономических порядках единственно мыслимые, вечные порядки, не умели и не стремились противопоставить их каким-либо иным. Так, отличие античной хозяйственной жизни они усматривали лишь в деталях, преимущественно в тех или иных особенностях «языческого» права и законодательства; отличие античных рабов от средневековых крепостных рассматривали скорее в моральном и религиозном, чем в экономическом плане. Что касается первобытного, доклассового строя, то о нем феодальные идеологи вообще не имели ни малейшего понятия и сравнить с ним феодальный строй не могли. Рассказы немногочисленных путешественников и купцов о первобытных народах неизменно обрастали вымыслами, будто у этих народов собачьи головы или лица на груди и т. д., словом, оказывалось, что это собственно и не люди, а иные существа, у людей же мыслим единственный возможный строй жизни.

Такое состояние дворянской экономической мысли в эпоху раннего и развитого феодализма отвечало не только низкому уровню знаний. Оно отвечало и социальной потребности феодалов — в зачатке уничтожить всякие представления о возможности иных форм собственности, иных экономических отношений, кроме феодальных.

Мысли такого рода действительно стихийно зарождались в народной массе. Революционная оппозиция феодализму, говорит Энгельс, проходит через все средние века. В крестьянских восстаниях, в народных ересьях, тянувшихся через всю феодальную эпоху, снова и снова всплывают на поверхность смутные помыслы угнетенных людей о возможности и справедливости совсем других экономических отношений

между людьми.

В лозунгах и программах восстаний, в проповедях ересей и сект отрицание феодальной собственности на средства производства принимало одну из двух форм: требования или «общности имущества» или «равенства имущества». И то и другое требование историческими источниками засвидетельствовано уже и для самых разных периодов феодальной истории и в разных странах. Не следует видеть в них предвосхищение коммунизма и буржуазного строя — оба требования целиком принадлежат феодальной эпохе, объясняются ее внутренним антагонизмом. В них нет ни пролетарской идеи общественной собственности на средства производства, ни буржуазной идеи частнокапиталистической собственности и юридического равенства товаровладельцев, а есть лишь идея отрицания феодальной собственности: «общность» означает здесь отрицание права феодалов на присвоение земли (земля ничья, общая, мирская); «равенство» означает отрицание монополии феодалов, требование равных прав на присвоение земли, т. е. уравнивания класса крестьян и класса феодалов, требование дележа, передела земли. В. И. Ленин отмечал, что «отрицание частной поземельной собственности» передает психологию крестьянской массы — стремление к «самому крутому, беспощадному разрушению» средневекового землевладения¹, — что «идея равенства» революционна, законна у крестьян, «поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим», стремление миллионов сидящих на скудном наделе, разоренных помещиками крестьян к разделу крупнопоместного землевладения, причем разделу не обязательно в собственность, а в хозяйственное пользование². По сути, оба эти лозунга очень близки. Насколько ясна их негативная сторона, настолько же туманно представление о порядке, который должен быть установлен. В лучшем случае идеализируются некоторые черты той же феодальной действительности: община и ее пережитки в деревне или в ремесленных цехах; совместное потребление, совместный труд и разделение труда внутри крестьянской семьи; крайняя нищета подавляющей массы трудящихся и негативное экономическое равенство — между всеми неимущими (идеал аскетизма).

Конечно, даже эти смутные помыслы таили в себе огромные идейные возможности. Накапливаясь из века в век, перерабатываясь, очищаясь и кристаллизуясь в различные критические периоды развития классового антагонизма, они в поздние столетия феодальной эпохи отливаются подчас в довольно сложные и зрелые концепции, например, в ереси лоллардов, таборитов, анабаптистов, жидовствующих, в

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 21.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 213.

утопии Мора, Кампанеллы, в революционно-утопические учения Мюнцера, Уинстенли, Мелье. Основной идеей, пронизывающей эти концепции, является идея ликвидации частной собственности и классового неравенства. Будучи по своим корням всего лишь отрицанием феодальной собственности и феодальных классов, эта идея в данной своей обобщенной положительной разработке приобрела общечеловеческое значение, стала звеном в истории мысли о возможности бесклассового строя, общества трудящихся.

Отрицание феодальной собственности на землю, на личность работника производства неискоренимо теплилось в народном сознании всюду, где были налицо феодальные производственные отношения, даже когда оно и не пробивалось в таких относительно высоких и редких формах идеологии. Именно поэтому задачей идеологии господствующего класса было внедрение мысли, что никакого иного экономического строя, кроме существующего, никогда не было, не могло быть и не будет. Ее задачей была политическая и религиозная санкция феодальной экономики: данный строй вечен, ибо установлен древними основателями государств и в конечном счете самим богом. Дворянская «политическая экономия» целиком подчиняла вопросы хозяйственной жизни политике и праву, следуя тому публично правовому фетишизму, который и в действительности пронизывал эту жизнь.

Еще более дворянская «политическая экономия» феодальной эпохи была неотделима от науки наук того времени — богословия. Она вся была пропитана схоластическим выведением существующего хозяйственного и сословного строя из воли божией и морально-религиозных начал. Рассуждения о хозяйственной жизни составляли разделы в богословских трактатах. Все эти рассуждения вели к выводу, что надо беспрекословно примириться с этой жизнью, подчиниться ей и не помышлять ни о какой другой.

Правда, помыслы о другой жизни были так неискоренимы, что сама религия принуждена была сохранить их в своих догматах: христианское вероучение признавало, что окружающая действительность греховна, т. е. во многом плоха, лицемерно клеймило корыстолюбие и тщеславие верхов и обещало низам наказание всех притеснителей на страшном суде, равенство всех людей в загробной жизни. У «отцов церкви» Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского имеются чрезвычайно резкие осуждения частной собственности и ссылки на «общность имуществ», описанную в «Деяниях апостольских». Эти мотивы в смягченном виде неоднократно повторялись позднейшей средневековой схоластикой. В этом проявлялась невозможность полностью изгнать из сознания современников сравнение феодализма с какой-то иной, смутно представляемой формой отношений между людьми. Но по крайней мере эту форму от-

носили в неопределенную даль «судного дня» и далеко от грешной земли — на небо. Только в «божьем царстве», на том свете, она может осуществиться. При этом и грядущее осуждение все более переносили с собственности на собственников — на тех, кто слишком возлюбил собственность, пользуется ею во вред ближним, но уже нимало не порицали сам принцип частной собственности. Впрочем, в некоторых других средневековых учениях, например в китайском конфуцианстве, вообще не отразилась мысль об ином строе отношений и потустороннем царстве справедливости: там отсутствует учение о загробном мире, а проповедуются гармония между классами феодального общества — трудящиеся призываются к покорности, повиновению феодалам, феодалы — к отеческому обращению с крестьянами.

Феодально-религиозное мировоззрение санкционировало и земельную собственность, составлявшую основу основ феодализма, и движимое богатство, и собственность на личность трудящегося, и сословное неравенство между людьми. Все это ярко выступает, например, в сочинениях крупнейшего средневекового богослова, много уделившего места экономическим вопросам, — Фомы Аквинского (XIII в.). Провозглашая феодальную собственность необходимой и разумной и объявляя крепостных крестьян рабами, Фома Аквинский в противоположность древним рабовладельцам утверждал, что «в своем духе раб свободен» и поэтому господин не имеет права убивать раба. Это тесно связано с признанием средневековой мыслью труда достойным человека занятием, угодным богу, хотя, правда, и не благородным, поскольку «труд в поте лица» есть печать божьего проклятия. Благородными, почетными, по Фоме Аквинскому, являются лишь занятия, не сопряженные с физическим производительным («механическим») трудом. Поэтому и люди, занятые не физическим трудом, имеют право на значительно большие доходы, обеспечивающие приличествующий их сословному положению образ жизни³.

Следует обратить внимание на совершенно различное отношение средневековой дворянской экономической мысли к простым товарно-рыночным отношениям и к операциям ростовщического и купеческого капитала.

Нельзя обнаружить ни следа какого-либо отрицательного отношения средневековых авторитетов к купле и продаже товаров, ни отношения к этому явлению как новому, противопоставления его остальным явлениям феодальной экономики. Напротив, оно рассматривается как естественное и привлекает большое внимание схоластов, пытающихся развивать теорию стоимости Аристотеля. Центральным поняти-

---

³ См. *Л. М. Мордухович. Очерки истории экономических учений. (От античных мыслителей до родоначальников буржуазной классической политической экономии).* М., 1957.

ем выступает эквивалентность. Так, Альберт Великий (XIII в.), рассмотрев разные виды обмена, говорит о том, что обмениваются не только продукт на продукт, т. е. не только потребительские стоимости: «Ведь меняющий зерно не всегда нуждается в башмаках, чтобы поменять зерно на башмаки. Такая мена делается не по эквивалентности обмениваемых вещей, но скорее пропорционально стоимости одной вещи к стоимости другой вещи, а пропорциональность устанавливается по нужде, которая есть причина мены». Тут, как видим, причина, побуждающая человека к продаже, не тождественна его потребности в приобретении другой вещи (действительно, он мог продавать, например, для уплаты феодальной ренты), но всякая рыночная сделка рассматривается в принципе как обмен эквивалентов. Фома Аквинский также детально разработал учение о стоимости, выражающейся в эквивалентности купли-продажи и нарушаемой во всех случаях и при всех разновидностях торгового обмана, а также почти всегда при продаже с прибылью. Это представление лежит в основе понятия о «справедливой цене». Однако «справедливая цена», с другой стороны, формируется и уровнем дохода, приличествующего тому сословию, к которому принадлежит продавец товара, следовательно, «справедливая цена» в ряде случаев подразумевает продажу не по стоимости, накидку сверх эквивалента.

В отличие от всего этого чем-то весьма противоестественным и дурным представлялась средневековым схоластам прибыль ростовщиков и купцов-посредников. Еще Карл Великий писал в 806 г.: «Постыдную прибыль получают те, кто разными неблагоприятными способами стараются собрать в одно место что-либо с целью прибыли». Испанец Раймунд из Пеннафорта (XIII в.) доказывал, что скупщиков следует ненавидеть, «как отвратительных зверей». Средневековая дворянско-церковная мысль выработала обильные теории и аргументы в осуждение ростовщических процентов, всяческих видов ссуды, торговой прибыли, извлекаемой из конъюнктуры⁴. При этом Фома Аквинский особенно подчеркивал различие между займом денег и наймом земли: в первом случае плата за пользование (проценты) незаконна, во втором — законна, потому что здесь собственность на имущество остается в руках землевладельца и таким образом право на имущество (землю) раздваивается.

Во всей этой ожесточенной борьбе дворянско-церковной мысли против ростовщической лихвы и купеческого барыша следует видеть отнюдь не выражение какого-либо объективного экономического противоречия между рентой и прибылью, между земельной собственностью

---

⁴ См. П. Г. Виноградов. Экономические теории средневековья. — «История экономической мысли», под ред. В. Я. Железнова и А. А. Мануйлова, т. 1, вып. 3. М., 1916.

стью и капиталом. Нет, ведь ростовщические операции монастырей не вызывали никаких протестов. Все дело было в том, что ростовщики и купцы были, как правило, выходцами из «неблагородных», прибыль же их являлась, как мы уже знаем, присвоением части феодальной ренты. Вот этот захват денежным капиталом частиц феодальной ренты, отрываемых таким образом от совокупного дохода «благородных» сословий, и бесил дворянско-церковных идеологов.

Но показательно то, что этот гнев не усиливался, а смягчался по мере развития феодализма и в конце концов, если не считать своеобразного рецидива в учении Лютера, вовсе утих; ясно, что его порождало не непримиримое противоречие: дворянская идеология легко примирилась с существованием наряду с «благородными» сословиями еще и «полублагородного», «среднего» слоя, участвующего в дележе феодальной ренты, но совершенно необходимого для высасывания ее из производительного населения. Характерно также, что в идеологии средневекового Востока вообще почти не наблюдалось такого осуждения ростовщичества и торговли даже на ранних исторических этапах.

Сам Фома Аквинский при всем своем неодобрении прибыли признавал, что торговля и торговцы необходимы в государстве. Конечно, писал он, было бы лучше, если бы каждое государство производило все то, что ему нужно, но так как это редко возможно, то нельзя не считаться с деятельностью купцов, даже иностранных. Последующее развитие экономической мысли в феодальную эпоху не только все более санкционирует деятельность купцов, но и становится преимущественно развитием теории этой самой купеческой деятельности. Так возникают сначала монетарная система, затем развившийся на ее основе меркантилизм.

Меркантилизм был одновременно первой теоретической разработкой капиталистического способа производства и последней теоретической разработкой феодального способа производства. Вместе с тем меркантилизм был и экономической политикой дворянских государств в XV–XVIII вв. Насколько поверхностно и ошибочно было понимание меркантилистами капиталистических отношений, настолько же точно кое в чем они отразили специфику феодальной экономики, хотя и не проникнув в нее особенно глубоко. Так, их тезис, что внутри страны для капитала не создается никакой прибавочной стоимости, и она может возникать только в сношениях одной нации с другими⁵, выглядящий нелепым заблуждением с точки зрения политической экономии капитализма, в действительности весьма близко отражает охарактеризованные выше свойства денег и денежного капитала при феодализме.

---

⁵ См. *К. Маркс*. Теории прибавочной стоимости, ч. I. 1936, стр. 38. Взгляды меркантилистов представлены в сборнике «Меркантилизм», под ред. И. С. Плотникова. Л., 1935.

Учение физиократов было уже собственно буржуазной экономической теорией. Если они и отразили подчас довольно глубоко некоторые стороны экономики феодализма, то только потому, что требовали не уничтожения феодализма, а перенесения с молодой промышленности на феодальный сектор общественного хозяйства всей тяжести налоговой политики абсолютистских властей. Физиократам тем самым понадобилось доказать, что дворянское поместье создает излишек, «чистый продукт», который может быть экспроприирован государством, т. е. понадобилось приоткрыть завесу над феодальной рентой и механизмом ее образования. «Экономическая таблица» Кенэ отразила также некоторые специфические черты воспроизводства и обращения при феодализме.

Но со времени победы капитализма буржуазная экономическая мысль перестала развивать экономическую теорию феодализма. Более того, и классическая и вульгарная политическая экономия капитализма, как и различные буржуазные апологетические схемы в экономической теории и истории, исказили все категории и сущность феодальной экономики.

Объясняется это попятное движение тем, что буржуазная политическая экономия должна была укреплять капитализм не божественной или политической санкцией, как укрепляли феодализм дворянские идеологи, а доказательствами его преимуществ, следовательно, сравнением. Естественно, что сравнивали капитализм прежде всего с тем «мраком средневековья», которому он пришел на смену. С другой стороны, классовая апологетическая задача буржуазных экономистов требовала идеи вечности капитализма или вечности по крайней мере его главных категорий, которыми они стали заполнять феодальное прошлое, иногда лишь механически переворачивая эти категории вверх ногами.

В «Нищете философии» Маркс писал: «Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода институтов: одни — искусственные, другие — естественные. Феодальные институты — искусственные, буржуазные — естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два рода религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога»⁶.

В «К критике политической экономии» Маркс снова отмечал, что буржуазная экономия либо начисто отождествляла себя с прошедшим, стирая все исторические различия, видя во всех общественных формах буржуазные формы, либо ее критика прежнего, именно феодального

---

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 142.

общества, с которым буржуазии непосредственно приходилось бороться, походила на критику христианами язычества или протестантами католицизма⁷. В «Капитале» Маркс также останавливался на этой ограниченности буржуазной политической экономии, считающей само собой разумеющимися, естественными и необходимыми только формулы капиталистической общественной формации. «Добуржуазные формы общественного производственного организма, — писал он, — третируются ею поэтому приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви»⁸.

В силу этого буржуазная мысль до крайности теоретически обеднила представление о феодализме. Она смогла много сделать в области изучения конкретной истории хозяйства феодальной эпохи, но не смогла создать политической экономии феодализма, не выработала почти никаких специфических категорий феодальной экономики.

В основном специфику феодализма буржуазная мысль усматривала и усматривает в политической раздробленности. Тем самым она полностью подпадает под власть того политического фетишизма, той публичноправовой оболочки, которая скрывает при феодализме суть экономических отношений людей. Буржуазная мысль оказывается в этом отношении в плену дворянской мысли и даже идет еще дальше. Так, Гизо определял феодализм тремя признаками: 1) соединение верховной власти с землевладением, 2) замена полной собственности условной, 3) вассальная иерархия между государями-помещиками. Фюстель де Куланж также считал признаками феодализма условное владение землей вместо собственности, подчинение людей сеньору вместо подчинения королю, иерархию между сеньорами. В сущности подобными же признаками определяют феодализм буржуазные авторы и поныне. Главное для них — это ленная система, сеньорат, вассалитет, иммунитет. Государственная власть рассматривается как ведущий фактор феодального строя (в противоположность «свободному» капиталистическому предпринимательству); государство для осуществления своих целей якобы организовывало общество в систему соподчиненных сословий; права феодалов-вотчинников, городов, цехов и других корпораций были якобы переданы им государством; крестьянство якобы было закрепощено волей и в интересах государства.

Определение феодализма как прежде всего политической раздробленности, как сращения крупного землевладения и политической власти ведет к признанию всякой централизованной, нераздробленной монархии не феодальным, а буржуазным государством. Иными словами, огромная доля фактов даже политической истории феодального

---

⁷ См. К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 219–220.

⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 87–88.

общества изымается из понятия «феодализм» и противопоставляется ему как антитеза. Буржуазия тем самым претендует на то, что национальная политическая общность принадлежит только ей и только с ней связана. Ее государство — «естественно», феодальная раздробленность — «противоестественна». Мало того, определив феодализм как политическую раздробленность, открывают дверь для мысли, что феодализма без примеси буржуазного строя никогда не было, так как ведь в конкретной исторической действительности всегда имелись налицо хоть зачатки центральной государственной власти и тенденции к объединению.

Таким путем при кажущемся историзме буржуазная мысль утверждает идею вечности капитализма. Оказывается, вся феодальная эпоха насквозь пронизана борьбой «некапитализма» и капитализма, хотя бы зачаточного.

В таком духе была создана в 20–30-х годах XIX в. знаменитая схема французских историков Гизо, Тьерри и других: история средних веков — это история борьбы между феодальной аристократией и буржуазией; феодализм всегда был лишь одним полюсом общества, другим же полюсом являлись те зачаточные буржуазные порядки и институты, которые были унаследованы средними веками еще от античности, слабо теплились в период раннего средневековья, затем стали крепнуть и развиваться по мере роста городов и усиления королевской власти и, наконец, победили к XIX в. Средневековье — это как бы светотеневой рисунок, где тени — феодализм, свет — зачаточный капитализм, или ткань, где всюду пересекаются продольные и поперечные нити — феодальные и буржуазные. Пусть эти буржуазные начала, олицетворенные в третьем сословии и королевской власти, были сперва совсем слабы и ничтожны, — они неодолимо росли, особенно со времени зарождения и дальнейшего расцвета западноевропейских средневековых городов. Тьерри писал, что «непрерывный подъем третьего сословия составляет господствующий факт и как бы закон нашей истории», что история возвышения буржуазии есть «в сущности не что иное, как история развития и прогресса нашего гражданского общества, начиная с того хаоса в правах, законах и состояниях, который образовался вслед за падением Римской империи, и кончая нашими днями». При такой трактовке истории средних веков, естественно, не остается места для учения о феодализме как цельном общественно-экономическом строе.

Иными словами, в буржуазном представлении феодализм с самого начала только и делает, что разлагается. Именно в разложении состоит его основной закон. Максимум, на что способна такая апологетическая мысль, — это в абстракции допустить, что в идеальной начальной точке еще не было этого разложения, не было зачатков капитализма. Но тогда оказывается, что дело идет именно об отсутствии черт капитализ-

ма, о негативном понятии, а не о наличии какого-то другого качества. Так было, например, сконструировано буржуазными экономистами понятие «натуральное хозяйство»: оно имеет для них только негативное содержание, означает отсутствие обмена и денег. В историко-хозяйственной схеме, возникновение которой связано с именами Б. Гильдебрандта и К. Бюхера, находящейся в полной гармонии с исторической схемой Гизо–Тьерри, господство натурального хозяйства берется как исходный пункт экономического развития. Господством натурального хозяйства, в частности, характеризуется раннее средневековье. Однако само это понятие в руках данной школы — всего лишь нулевой предел убывания капитализма, механическая противоположность капитализму с его развитым товарным производством, пустота, а не иной способ производства. Понятно, что эта пустота «противоестественна» и требует своей антитезы.

По Гильдебрандту, история хозяйства проходит три стадии: 1) натуральное хозяйство, 2) денежное хозяйство, 3) кредитное хозяйство (под последним он разумел современное ему буржуазное хозяйство). К. Бюхер дал более сложные определения этим трем стадиям: 1) домашнее, или ойкосное, хозяйство, характеризующееся потреблением продукта внутри того хозяйства, где он произведен, 2) городское хозяйство, характеризующееся прямым обменом продукта между хозяйствами производшим и потребляющим, 3) народное хозяйство, характеризующееся наличием большей или меньшей цепи хозяйств, через которую проходит продукт на пути от производителя к потребителю.

Требование историзма здесь внешне соблюдено: ни Б. Гильдебрандт, ни К. Бюхер не отождествляют вторую стадию с третьей, простое товарное производство с капиталистическим, К. Бюхер даже исторически локализует эту вторую стадию во времени от возникновения средневековых городов от поздних столетий средневековья. Но по существу эта схема неисторична. «Денежное», или «городское», хозяйство служит в ней лишь логическим связующим звеном между первой и третьей стадиями и фактически рассматривается как первый шаг, необходимо ведущий к капитализму, как зачаток высшей стадии экономического развития.

В живой исторической действительности в феодальную эпоху никогда не было первой стадии в чистом виде — этого абсолютно натурального, бестоварного хозяйства. Поэтому схема Гильдебрандта–Бюхера таит в себе и идею вечности капитализма: всякий факт товарного производства расценивается как росток нефеодального начала, капитализма. Феодальная эпоха в целом опять-таки оказывается собственно не феодальной, а двойственной, сотканной из феодализма и зачатков капитализма.

Естественным плодом господства данной схемы в буржуазной экономической мысли явился вывод, к которому пришел историк А. Допш: поскольку факты свидетельствуют о наличии товарно-денежных отношений во все периоды средневековья, следует говорить о «вотчинном капитализме». Иными словами, вотчина (манор, феодальное поместье), в которой ряд историков видел специфически феодальное хозяйственное явление, по мнению А. Допша, — лишь специфическая для феодальной эпохи государственно-правовая форма, экономическое же содержание неизменно для всех эпох: капитализм. Это мнение сейчас широко распространено в буржуазной науке.

Сходна, например, концепция бельгийского историка А. Пиренна: развитие товарных отношений, идущее от древности и прервавшееся в Европе в VIII–X веках, затем «возродилось» и явилось силой, все более двигавшей феодальное общество по капиталистическому пути. Французский историк А. Озэ так же объясняет происхождение капитализма: «началом была торговля».

Совершенно очевидно, что опровергать теорию «вотчинного капитализма» следует не походом против фактов товарного обращения при феодализме. Мало проку также, если будет доказано, что А. Допш и его последователи преувеличили, переоценили эти факты. Ошибка состоит в самой мысли, что эти факты независимо от их количественного удельного веса, так же как крупный масштаб вотчинного хозяйства, экономический расчет, руководящий вотчинником, и т. п., свидетельствуют о капитализме. Все такие умозаключения покоятся на ложном противопоставлении капитализму натурального хозяйства в качестве противоположного полюса.

Натуральное хозяйство, рассматриваемое как антитеза капитализма, во-первых, искажает капитализм, сводя сущность капитализма к товарному производству и обращению; во-вторых, искажает докапиталистическое производство, исключая из его характеристики товарное производство и обращение; в-третьих, служит для доказательства вечности капитализма, поскольку в действительной истории, по крайней мере на всех стадиях феодального строя, никогда не было чисто натурального хозяйства.

Таким образом, буржуазное представление о феодализме, хотя оно в отличие от дворянского формируется путем сравнения феодализма с другим строем, не есть в сущности представление о феодализме как об особой экономической эпохе и особом способе производства. В качестве отличительных признаков феодализма берутся такие поверхностные черты или такие тощие категории (абстрагированные к тому же не от феодальной, а негативным образом от капиталистической действительности), что они нисколько не охватывают реальных явлений феодальной экономики. А все, что не лезет в эти узкие рамки, объявляется

буржуазным.

Так, личная свобода крестьян, наблюдающаяся в особенности на ранних и на поздних ступенях феодализма, неизменно трактуется как антитеза феодализма, зачаток буржуазной личной свободы. Личная свободная земельная собственность находившаяся вне феодальной иерархии, так называемый аллод, тоже неизменно трактуется как антитеза феодализма, зачаток буржуазной собственности.

Отношения прямой поземельной экономической зависимости, без внеэкономического принуждения, — опять-таки антитеза феодализма, зачаток буржуазной чисто рыночной зависимости. В частности, аренда земли, хотя она была широко распространена на всех ступенях феодализма и во всех странах, в том числе в формах издольщины, половничества, краткосрочной и долгосрочной аренды, неизменно изображается как антитеза феодализма, зачаток капиталистической аренды. М. М. Ковалевский обнаруживал капиталистическую аренду всюду, где изучал феодальное прошлое.

Наследственные права крестьянина на свой надел, тем более право продавать и покупать надел и закладывать его, хотя и эти права можно наблюдать в тех или иных конкретных условиях на самых разных ступенях феодальной эпохи, тоже толкуются как антитеза феодализма, зачаток полных прав крестьянина на свою парцеллу в буржуазном обществе. Так, например, смотрел И. В. Лучицкий на «цензиву» в дореволюционной Франции.

Мелкое индивидуальное хозяйство крестьян и ремесленников, с одной стороны, крупное помещичье хозяйство, с другой, — снова антитеза феодализма, зачаток мелкобуржуазного и крупнобуржуазного производства.

Имущественная дифференциация крестьянства (а она налицо буквально во всей истории феодальной деревни) — опять антитеза феодализма, зачаток капиталистической классовой дифференциации крестьянства на сельскую буржуазию и пролетариат.

Денежная рента — разложение, антитеза феодализма, зачаток капиталистической земельной ренты.

Что же говорить о феодальном городе, — все его развитие трактуется как поединок с феодализмом; средневековые города выступают как раннебуржуазные островки в феодальном море, средневековые горожане — как зачаток современной буржуазии.

Купеческий и ростовщический капитал противопоставляются феодальной экономике как полная противоположность. Общая с капитализмом форма капитала затмевает полное различие источника прибыли. Эти допотопные формы капитала кажутся уже прямо-таки капитализмом в порах феодализма.

И вот в конце концов, за вычетом всех этих «зачатков» понятие

«феодализм» остается совершенно опустошенным. Буржуазное апологетическое мышление настолько обедняет представление о феодализме, что, конечно, не может построить никакой политической экономии феодализма. Первым условием построения экономической теории феодального хозяйства должно было бы явиться установление той исторической грани, ранее которой неправомерно искать зачатков чего-либо буржуазного, если даже какое-либо внешнее сходство и соблазняет на сближения. Такой гранью во всемирной истории был в общем XVI век (не говоря здесь о немногих исключениях для XIV и XV вв., требующих самого строгого ограничения). Все экономические явления, предшествующие этой хронологической грани, должны быть охвачены единой теорией, как разные стороны феодального экономического организма, за исключением только пережитков прошлых способов производства. Но именно установление этой грани и недоступно буржуазному мышлению, так как оно не может постигнуть, в чем суть капитализма, и, следовательно, заметить, с какого времени появляются его подлинные зачатки.

Буржуазные схемы истории хозяйства не исчезли со сцены с появлением марксизма. Буржуазные экономисты, с одной стороны, открыто борются против марксистской политической экономии, с другой стороны, искажают ее, объявляя себя марксистами. Применительно к проблемам феодализма эта вторая тактика сказывается в извращении всей постановки Марксом вопроса о генезисе капитализма. Особенно много усердствовал в этой области выдававший себя некогда за марксиста В. Зомбарт. Всю премудрость исследования феодализма подобные «марксисты» видят в том, чтобы разыскивать ростки капитализма как можно глубже в недрах феодализма. Феодализм для них — только колыбель капитализма, а не самостоятельный способ производства.

В 1950 г. в зарубежной прогрессивной печати разгорелась дискуссия о закономерности перехода от феодализма к капитализму. Поводом к ней послужило выступление американского экономиста П. М. Суизи, считающего себя причастным к марксизму. Он подверг критике книгу английского историка коммуниста М. Добба «Исследования по истории развития капитализма» (1946) как раз с указанной позиции: товарные отношения — «внешний фактор» для феодальной экономики, фактор, без воздействия которого феодализм стоял бы на месте и который двигал феодализм в направлении к капитализму. Эта позиция П. М. Суизи в свою очередь подверглась критике со стороны английских ученых М. Добба, Р. Хилтона, К. Хилла и японского историка-марксиста Х.К. Такахаси (сборник «Переход от феодализма к капитализму». Лондон, 1954)⁹. Отклики на эту дискуссию появились также в журна-

---

⁹ The transition from feudalism to capitalism. A Symposium by P. Sweesy, H.K. Takahashi,

лах Италии, Франции, Чехословакии, Польши.

Однако, хотя широкий отпор точке зрения П. М. Суизи приближает трактовку вопроса к марксистской, этот отпор все же не знаменует полного преодоления традиционных представлений, вольно или невольно смешиваемых с учением Маркса¹⁰.

В самом деле, в центре дискуссии оказалось вызвавшее недоумение обеих сторон высказывание Маркса о двух возможных путях превращения докапиталистического производства в капиталистическое: или подчинение производителя торговому капиталу или превращение самого производителя в капиталиста. Только второй путь Маркс считал безоговорочно прогрессивным. Участников дискуссии как раз и смутило: почему же не прогрессивен путь, представляющий как будто логическое развитие от товара через торговый капитал к капиталистическому производству? Но прав был именно Маркс, а не его интерпретаторы. Торговля не порождает капитализма. Торговый капитал сам по себе не революционизирует старые организации производства и, как уже отмечалось выше, даже подчинив себе производство, нередко продолжает извлекать свою прибыль не из кармана производителя, а из кармана покупателя. Иными словами, упомянутая зарубежная дискуссия отражает неполное овладение методом «Капитала» Маркса.

Вследствие этого упомянутая дискуссия переросла в дискуссию среди некоторых зарубежных историков-марксистов о «всеобщем кризисе» западноевропейского феодализма в XIV–XV вв. как исторической предпосылке появления капитализма. Эта концепция первого «кризиса» феодальной системы, выдвинутая в 1955 г. чешским историком Ф. Граусом (ЧССР)¹¹, опирается на сформулированное несколько ранее представление группы историков-экономистов об «упадке» европейской экономики в XIV–XV вв. — в интервале между «расцветом» феодализма и «расцветом» молодого капитализма¹². В дальнейшем данная концепция была представлена рядом статей, появившихся в исторических журналах Польши, Венгрии, Чехословакии и т. д.¹³

R. Hilton, M. Dobb, C. Hill. London, 1954.

¹⁰ Ю. А. Корхов. Дискуссия о переходе от феодализма к капитализму. — «Средние века», вып. XV, 1959.

¹¹ Fr. Graus. Die erste Kijse des Feudalismus. — «Zeitschrift für Qeschichtswissenschaft», 1955, № 4.

¹² M. Mollat, M. Postan, P. Johansen, A. Saporì, Ch. Verlinden. L'économie européenne aux deux derniers siècles du Moyen-âge. — «Comitato internazionale di scienza storiche. X Congresso internazionale di scienza storiche. Relazioni». Vol. VI. Firenze, [1955], p. 163. Критику этого взгляда см. в статье: Е. А. Косминский. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики. — «Средние века», вып. X. 1957.

¹³ По поводу этой концепции см. А. Клима, И. Мауцурек. Вопрос о переходе от феодализма к капитализму в Центральной Европе (XVI–XVIII вв.). — «Средние века», вып. XX, 1961; М. А. Барз. О так называемом «кризисе феодализма» в XIV–XV вв. (К историогра-

При всем многообразии оттенков сущность концепции «кризиса» феодализма состоит в том, что распространение товарно-денежных отношений принимается за симптом разложения феодального способа производства, за разрушающий его фактор. Понятием «кризис» историки хотят сказать, что хотя они не замечают в XIV–XV вв. указываемых марксистской теорией признаков капиталистического способа производства, но уже не видят и «нормального» феодального способа производства. Такое впечатление действительно должно иметь место, если считать перестройку феодальных экономических отношений в условиях преобладания денежной формы земельной ренты явлением болезненным, противоречащим природе феодализма и его коренным экономическим законам.

Как видим, все эти дискуссии родились из столкновения марксистского понимания капитализма и домарксистского понимания феодализма как хозяйственной системы, противопоставляемой системе товарно-денежных отношений. Углубленный разбор теоретических корней этих концепций и их последовательная марксистская критика содержатся в замыкающей всю дискуссию статье М. А. Барга. Автор показал, что упомянутые историки, видя лишь «разрушительную силу» денежной ренты для феодального строя поземельных отношений, в сущности прошли мимо созидательной роли этой формы ренты в истории европейского феодализма. С XIII в. в действительности происходит не «разложение» феодализма, а качественный скачок всей системы феодальной эксплуатации от примитивных ее форм к более развитым. Именно благодаря утверждению денежной ренты, говорит М. А. Бург, следуя мысли Маркса, феодальный порядок укрепился еще на ряд столетий, произошла его регенерация, началась новая фаза его восходящего развития¹⁴.

Таким образом, десятилетняя плодотворная дискуссия в известном смысле завершена. Но, чтобы преодолеть до конца вызванные ею ошибочные представления, надо выяснить все теоретические корни последних. Если один из корней — наследие буржуазно-дворянской историографии и экономической мысли, то другой корень — искаженное понимание Маркса, а именно — распространенное мнение будто, по Марксу, из появления товара необходимо и автоматически с большей или меньшей скоростью вытекает появление промышленного капитала.

фии вопроса). — «Вопросы истории», 1960, № 8.

¹⁴ М. А. Бург. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе. (О некоторых закономерностях феодально-денежной ренты). — «Вопросы истории», 1963, № 3.

2. Переход от анализа товара к анализу капитала в теории Маркса и буржуазное искажение метода марксистской политической экономии

Главное искажение метода марксистской политической экономии состоит в представлении, будто Маркс непосредственно из товара и законов товарного обращения вывел капитализм и его экономические законы. Если бы это было так, если бы Маркс в самом деле доказал, что капитализм вырастает из товара так же, как из зерна с необходимостью вырастает растение, мы должны были бы признать, что вся феодальная эпоха действительно усыпана зернами капитализма.

Обратимся к I тому «Капитала». Посмотрим, как совершается у Маркса переход от отдела первого, «Товар», к следующим отделам, характеризующим капитал.

Прежде всего придется разделить два вопроса: 1) Маркс показывает, что капиталистическое производство разрушает то товарное производство, которое было охарактеризовано в первом отделе, 2) Маркс показывает, что капитализм нимало не нарушает законов товарного обращения, отвечавших этому товарному производству, напротив, дает им полный простор. Что же имеют в виду толкователи «Капитала» вроде В. Зомбарта, К. Каутского, А. Богданова и др., когда утверждают, что Маркс исключительно из товара, из закона обмена товаров вывел законы капитализма? Ясно, что они имеют в виду товарное обращение. Ведь Маркс со всей ясностью показал глубочайшее несходство простого товарного и капиталистического строя производства. Он видит суть своего решения проблемы прибавочной стоимости в том, что «наконец фокус удался», все условия проблемы нашли решение: с одной стороны, капиталист получает прибыль на свой капитал, с другой, — «законы товарного обмена нисколько не нарушены. Эквивалент обменивался на эквивалент»¹⁵. Вот этот-то факт, что при переходе к капитализму законы товарного обмена не нарушены, превращен некоторыми толкователями Маркса в главное содержание его учения о генезисе капитализма: из законов обмена товаров Маркс якобы вывел законы капитализма.

В действительности то обстоятельство, что капитализм сохраняет те же законы товарного обмена, какие действовали при простом товарном производстве, отнюдь не является главным в характеристике капитализма. В результате своего анализа капиталистического производства Маркс показывает, что весь этот обмен эквивалентов оказывается лишь внешней видимостью. Отношение обмена между капиталом и рабочим становится, пишет он, «только видимостью, принад-

---

¹⁵ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 201.

лежащей процессу обращения, пустой формой, которая чужда своему собственному содержанию и лишь затемняет его»¹⁶.

Но именно эта внешняя видимость, пустая форма приковывает все внимание буржуазного экономического мышления.

«Капитал» Маркса начинается с анализа товара. Но «Капитал» имеет подзаголовок: «Критика политической экономии». Не случайно первые слова «К критике политической экономии» гласили: «На первый взгляд буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как его элементарное бытие»¹⁷. Так дело выглядит лишь на первый взгляд. Маркс берет сначала не сущность, а внешнюю видимость. Все построение «Капитала» — это разоблачение мелкобуржуазной фетишизации товара. Маркс показывает, что капитал — это не скопление товаров, а нечто совсем иное — система эксплуатации капиталистами наемных рабочих. Глубочайшая причина возникновения капитализма дается не в начале «Капитала» а вскрывается в ходе исследования.

Первые три главы посвящены анализу производства и обращения товаров. Переходя в четвертой главе к капиталу, Маркс говорит, что исследованные им выше законы и явления присущи «самым различным общественно-экономическим формациям», напротив, капитализм существует лишь при условии, если владелец денег находит на рынке рабочего — продавца своей рабочей силы.

После анализа товарного производства Маркс отнюдь не переходит к анализу превращения рабочей силы в товар. Откуда взялся на рынке свободный рабочий, этот вопрос, говорит он, его пока интересует столь же мало, как и нанимателя — капиталиста. «Мы теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически»¹⁸. Лишь в конце первого тома, в 24-й главе, Маркс возвращается к этому вопросу.

Каутский в книге «Экономическое учение Карла Маркса» вставил после товара и денег отсутствующую у Маркса главу «Превращение рабочей силы в товар». Он полагал, что этим улучшает Маркса. На самом деле это свидетельство того, что он не понял метода «Капитала». «Капитал» начинается главой о товаре, а кончается главой о классах капиталистического общества. Логическое и историческое тут совпадают в том смысле, что товарное производство предшествовало капитализму с его классами, но не в том смысле, будто товарное производство было причиной возникновения классов капиталистического общества.

---

¹⁶ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 588.

¹⁷ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 11.

¹⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 175.

Развив в первых главах «Капитала» законы товарного обращения, Маркс затем ставит вопрос о том, что законы капитализма не могут быть выведены из законов товарного обращения, так как последние (прежде всего закон стоимости) требуют обмена эквивалентов, тогда как капитал приносит прибыль, т. е. добавочную стоимость, которая не была оплачена при покупке; но в то же время, говорит он, законы капитализма не могут представлять собой и нарушения законов товарного обращения. Получается, что законы капитализма должны быть выведены одновременно «и из обращения и не из обращения», и из товара и не из товара. Маркс говорит о том, что именно в этом пункте исследования должен быть совершен прыжок: «Вот Родос, здесь прыгай!» Проблема как бы заходит в безнадежный тупик. Но она решается, если законы обращения товаров берутся далее применительно к такому обществу, где налицо рабочие — продавцы своей рабочей силы, т. е. продавцы такого особенного товара, само потребление которого (производство) есть создание новой стоимости. Не случайно Маркс много раз употребляет одно и то же выражение: владелец денег «находит» на рынке такой особый товар, как рабочая сила.

«Рассматривая процесс абстрактно, т. е. оставляя в стороне обстоятельства, которые не вытекают из имманентных законов простого товарного обращения», — говорит Маркс¹⁹, невозможно объяснить происхождения прибавочной стоимости. К этим обстоятельствам, не вытекающим из имманентных законов товарного обращения, относится прежде всего наличие в обществе наемных рабочих. Надо, чтобы владельцу денег «посчастливилось» найти в сфере обращения, т. е. на рынке такой специфический товар, как рабочая сила, — только в этом случае может возникнуть прибавочная стоимость.

В известном смысле, говорит Маркс, возникновение и наемных рабочих и капиталистов, рассуждая с точки зрения буржуазных экономистов, имеет внеэкономический характер²⁰, т. е. не может быть выведено из экономических законов рынка, товарно-денежного обращения. Маркс говорит, что эти обстоятельства имеют исторический характер. Он поясняет это во II томе «Капитала» примером, относящимся к рабовладельческому способу производства. «Купля и продажа рабов по своей форме представляет тоже куплю и продажу товаров. Но без существования рабства деньги не могут совершить этой функции. Существует рабство, и деньги могут быть затрачены на закупку рабов. Напротив, наличия денег в руках покупателя еще отнюдь недостаточно

---

¹⁹ Там же, стр. 164.

²⁰ См. К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940, стр. 21.

для того, чтобы сделать рабство возможным»²¹. Точно так же наличия накопленных денег и развития функций денег совершенно недостаточно для того, чтобы сделать возможным наем рабочей силы. Деньги могут выполнять эту роль при капитализме лишь потому, что само капиталистическое отношение уже существует в различии тех основных экономических условий, при которых противостоят друг другу продавец и покупатель, в их классовом отношении. Данное отношение вытекает не из природы денег; напротив, лишь существование данного отношения может превратить простую функцию денег в функцию капитала. Эта функция капитала, пишет Маркс, предполагает общественные условия, которые вовсе не даны простым товарным и соответствующим денежным обращением²².

Когда Маркс писал «К критике политической экономии», он и предполагал после опубликованного первого выпуска, посвященного анализу товара, в следующем выпуске — «Формы, предшествующие капиталистическому производству» — показать исторический процесс, ведущий к появлению рабочего класса, процесс, лежащий в совсем другой плоскости, чем теоретико-экономическое выведение капитала из товара. В «Капитале» Маркс отказался от такого плана. Остался лишь завершающий катастрофический внеэкономический акт — «так называемое первоначальное накопление».

Деньги могут быть израсходованы для найма рабочей силы лишь потому, что рабочая сила находится в состоянии отделения от средств производства. «Здесь нас не интересует, как возникает это отделение», — снова замечает Маркс²³. Во всяком случае оно предполагает «такие исторические процессы..., в результате которых масса народа, рабочие, как неимущие, противостоят неработающим, как собственникам средств производства»²⁴. Маркс приводит пример пореформенной России, где развитие капиталистических методов в земледелии затруднено не столько недостатком денежных капиталов, сколько недостаточным отделением русского сельского рабочего от средств производства вследствие сохранения общинной собственности деревенской общины на землю: хотя бы и имелись деньги, говорит он, все же нет достаточного количества рабочих сил, которые можно было бы купить во всякое время²⁵.

Итак, для перехода от товара к капиталу, согласно теории Маркса, совершенно недостаточно дедукции, логического выведения законов

---

²¹ К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 28.

²² См. там же.

²³ Там же, стр. 27.

²⁴ Там же, стр. 28.

²⁵ См. там же, стр. 29.

капитала из законов товарного обращения. И логически, и в исторической действительности условия возникновения капитализма отнюдь не исчерпываются наличием товарного и денежного обращения. Капитализм возникает лишь там, где владелец средств производства и средств существования находит на рынке свободного рабочего в роли продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условие есть результат долгого предшествующего развития, продукт экономических и социальных переворотов, происходивших при более древнем, чем капитализм, способе производства²⁶. Маркс даже говорит, что уже одно это историческое условие «несет в себе целую мировую историю»²⁷, является результатом всего предшествующего исторического развития и гибели ряда формаций, — он имеет в виду и историю разложения общины, и великое прогрессивное движение истории от рабства, через крепостничество к возникновению свободного найма рабочей силы. Там и тогда, где есть это условие, товарное и денежное обращение получает возможность подняться на высшую ступень.

Развитие идей «Капитала» от анализа товара к анализу капиталистического производства совершается не дедуктивно, а Маркс включает в исследование из капиталистической действительности новую сторону, новое явление, более глубоко лежащее. Так появляются в четвертой главе рабочие, продающие капиталовладельцам свою рабочую силу. Обращаясь к этим более глубинным, классовым отношениям, Маркс применяет, по его словам, критерий, совершенно чуждый товарному производству. Он не выводит наемных рабочих из товара, из расширения товарного обращения, как полагал Каутский, — он берет из действительности эту сторону экономических отношений, которую не рассматривал до сих пор, и включает ее в рассмотрение.

В задачу Маркса в «Капитале» не входило полное и всестороннее исследование исторического хода образования этого важнейшего условия капитализма. Его задачей было доказать: 1) что только при наличии этого условия товарное обращение может достигнуть высшей, «абсолютной» формы, 2) что это условие не есть результат развития товарного производства, а, напротив, возникает путем ломки коренных основ существовавшего до того товарного производства.

«Капиталом» Маркс нанес окончательный удар по прудонистской мелкобуржуазной утопии, тормозившей рост рабочего движения: будто можно уничтожить капитализм, сохранив полное и неограниченное господство товарного производства. Полное и неограниченное товарное производство существует лишь при капитализме, показал Маркс. Но потому и нелепо пытаться отсечь капитализм, как «злоупотребле-

---

²⁶ См. там же, т. I, стр. 176.

²⁷ Там же.

ние», оставив неограниченное товарное производство, что само неограниченное товарное производство — следствие капиталистических производственных отношений, следствие характерных для капитализма отношений собственности, следствие существования класса рабочих, продающих свою рабочую силу, и класса капиталистов, покупающих ее для эксплуатации. Не причина, а следствие. Не расцвет товарного производства — базис системы наемного труда, а, наоборот, система наемного труда — базис расцвета товарного производства. Маркс выразил это в таких лаконичных словах: «Лишь тогда, когда наемный труд становится базисом товарного производства, это последнее навязывает себя всему обществу»²⁸. Если бы мы спросили себя, пишет он в другом месте, при каких условиях все или, по крайней мере, большинство продуктов принимают форму товара, то мы нашли бы, что это совершается лишь на основе совершенно специфического, а именно капиталистического способа производства²⁹.

Во втором томе «Капитала» Маркс выступил против историко-экономической схемы Гильдебрандта: натуральное хозяйство — денежное хозяйство — кредитное хозяйство. Он опровергает здесь также и взгляд, что саморазвитие товарного производства делает в конце концов и рабочую силу тоже товаром; напротив, пишет он, при капиталистическом производстве по мере его развития товарное производство все более становится всеобщей формой производства «лишь потому, что здесь сам труд оказывается товаром, потому что рабочий продает труд...»³⁰ «Впрочем, — замечает в заключение Маркс, — буржуазному крутозору, при котором все внимание поглощается обдelyванием коммерческих делишек, как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена, а наоборот»³¹.

Таким образом, на вопрос, содержатся ли в товаре все противоречия капиталистического общества, следует ответить: содержатся, если в обществе налицо условия капиталистического развития; не содержатся, если этих условий нет. Энгельс писал, что именно наемный труд скрывает уже в зародыше весь капиталистический способ производства; пока не возникла система эксплуатации наемного труда капиталистами, «дремавшие раньше законы товарного производства»³² не могли раскрыть все свои внутренние возможности.

Маркс называл буржуазной «экономической апологетикой» такие

---

²⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 592.

²⁹ См. там же, стр. 176.

³⁰ К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 113.

³¹ Там же, стр. 114.

³² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 256.

теории, где все отношения между капиталистическими агентами (капиталистом и рабочим) сводятся к отношениям, «вытекающим из товарного обращения»³³.

Закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, превращается при капитализме, говорит Маркс, в свою прямую противоположность³⁴. Первоначально право собственности, продолжает он, выступало перед нами как право, основанное на собственном труде; единственным средством присвоения чужого труда являлось отчуждение своего собственного товара, созданного своим трудом. Теперь же оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или продукт труда, а для рабочего — невозможность присвоить себе свой собственный продукт³⁵.

Законы товарного обращения действуют и в том и в другом случае. Но лишь во втором случае они выражают отношения между антагонистическими общественными классами. В первом случае, в товарном производстве, противостоят друг другу лишь взаимно независимые продавец и покупатель; дело выглядит совершенно иначе, когда мы рассматриваем капиталистическое производство: друг другу противостоят класс капиталистов и класс зависимых от них рабочих. «Итак, — говорит Маркс, — если товарное производство или какое-либо принадлежащее к нему явление рассматривать соответственно их собственным экономическим законам... то недопустимо искать в них отношений между целыми общественными классами»³⁶. И, напротив, рассматривая отношения класса капиталистов и класса рабочих, «тем самым мы применили бы критерий, совершенно чуждый товарному производству»³⁷.

Как это далеко от каутскианской версии, будто Маркс вывел отношения между целыми классами капиталистического общества прямо из товарного производства и его экономических законов!

Из сказанного, конечно, не следует, что, по Марксу, существовало до капитализма какое-то бесклассовое общество простых товаропроизводителей. Капитализму предшествовали классово антагонистические формации — феодальная, рабовладельческая. Но от этих формаций закономерно могут быть абстрагированы отношения взаимно независимых продавца и потребителя, так как при этих формациях товарные отношения не охватывали основных экономических отношений, т. е. отно-

---

³³ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 121 (сноска).

³⁴ См. там же, стр. 588.

³⁵ См. там же, стр. 589.

³⁶ Там же, стр. 592.

³⁷ Там же, стр. 591.

шений между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Так, при феодализме даже денежная рента отнюдь не была товарным отношением между феодалами и крестьянами: товарные отношения охватывали лишь некоторые секторы феодальной экономики: отношения между городом и деревней, ремесленниками и заказчиками и т. д. Напротив, от капиталистической экономики незаконно было бы абстрагировать отношения взаимно независимых и равных товаровладельцев, так как здесь товарные отношения охватывают уже и самые глубокие, самые коренные экономические отношения: отношения между целыми антагонистическими общественными классами.

Изменения же этих коренных производственных отношений — не производное явление от развития товарного обращения. Смена классовой структуры общества — это ломка старых форм собственности и складывание новых форм собственности на средства производства и на работников производства. Она управляется экономическими законами, лежащими глубже законов обращения товаров и поэтому всецело определяющими также, в какой мере смогут проявиться в данном обществе законы товарного обращения.

В. И. Ленин писал, что товарное производство мелких частных собственников в условиях, когда капитализм уже существует, в свою очередь рождает его ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. Дифференциация мелких товаропроизводителей — огромный резерв роста и расширения капитализма. Но так обстоит дело только потому, что перед нами общество со сложившейся буржуазной формой собственности на средства производства.

Марксистская теория считает не товарное производство причиной существования классов, а существование классов, обусловленное формой собственности на средства производства, экономическим основанием товарного производства.

Характерно, что товарное обращение зародилось тогда же, когда зародились и классы, т. е. в эпоху разложения первобытнообщинного строя. Оно, далее, существовало при всех трех антагонистических, классовых способах производства — рабовладельческом, феодальном и капиталистическом. Оно, наконец, сохраняется и в социалистическом обществе именно постольку, поскольку в нем сохраняются классовые различия между двумя не враждебными, а дружественными классами, различия, основывающиеся на двух формах социалистической собственности: общенародной и кооперативно-колхозной. Наибольшей полноты, «абсолютной» и высшей своей формы товарное обращение достигает при том общественном строе, при котором классовый антагонизм достигает наибольшей зрелости и непримиримости: при капитализме.

Энгельс поэтому с полным основанием писал, что, когда Маркс рас-

смаатривает товар, уже тут «политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами...»³⁸

Итак, буржуазная экономическая мысль и марксизм дают два противоположных ответа на вопрос: что следует считать в экономике, в истории экономического развития самым глубоким, самым коренным?

Буржуазные экономисты и историки хозяйства берут за основу развитие обращения, формы обмена. Как выражался упоминавшийся выше крупный буржуазный историк-экономист К. Бюхер, основным экономическим вопросом является «длина пути продукта от производителя к потребителю». Буржуазные экономисты за экономическую основу общества принимают не форму собственности на средства производства, не разное положение классов в производстве в зависимости от того, владеют они или не владеют средствами производства а, вопрос об отсутствии товарно-денежного обращения (натуральное хозяйство) или о наличии и степени развития товарно-денежного обращения. На этой основе создаются многочисленные варианты «меновой концепции» экономического развития общества.

Вот именно в духе этих буржуазных представлений ревизионисты и пытались неоднократно исказить экономическое учение Маркса, утверждая, что исключительно из законов товарного обращения Маркс вывел капитализм, т. е. будто и для марксизма законы обмена — причина, а законы производства — следствие.

Еще в «Нищете философии» Маркс подчеркивал обратное. Он писал: «...Форма обмена продуктов соответствует форме производства. Измените эту последнюю, и следствием этого будет изменение формы обмена. Поэтому в истории общества мы видим, что способ обмена продуктов регулируется способом их производства. Индивидуальный обмен тоже соответствует определенному способу производства, который, в свою очередь, соответствует антагонизму классов»³⁹. Маркс высмеивал товарные иллюзии буржуазных экономистов: «По мнению буржуа, — писал он, — индивидуальный обмен может существовать без антагонизма классов: для него эти два явления совершенно не связаны между собой»⁴⁰.

Политической основой всех этих попыток исказить экономическое учение Маркса всегда был оппортунизм. Не желая признать непримиримость классового антагонизма эксплуататоров и эксплуатируемых, оппортунисты искали некую «экономику», которая лежит «глубже» отношений классов. В. И. Ленин сделал следующую заметку по поводу

---

³⁸ См. К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 237.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 108.

⁴⁰ Там же.

одного экономического сочинения Бухарина: ««Социальная система», «общественная формация» — все это недостаточно конкретно без понятия *класса* и *классового общества*»⁴¹.

Но марксистская диалектика учит, что хотя определенные формы собственности на средства производства и связанные с ними отношения классов являются в конечном счете причиной, а товарное производство — следствием, однако причина и следствие взаимодействуют в историческом развитии и способны меняться местами. В благоприятных исторических условиях товарное производство само активно содействует развитию классовых отношений, само толкает к капитализму и порождает из себя капитализм. В разные моменты марксизм умеет выделить и подчеркнуть ту или иную важнейшую сторону в многогранной теории. В. И. Ленин в работах, направленных против народников, идеализировавших мелкое товарное производство, с огромной силой подчеркивал именно эту сторону вопроса: связь и близость мелкого товарного производства с капиталистическим производством. У Ленина при этом речь шла не о феодальной исторической эпохе. В русском обществе конца XIX в. в целом уже были налицо необходимые для капитализма условия, в частности рабочая сила уже широко выступала на рынке как товар, который капиталист может купить и эксплуатировать в процессе производства. Точно так же и в английском обществе, на которое В. И. Ленин ссылаясь в полемике с Михайловским⁴², на заре капитализма наряду с режимом мелких, раздробленных товаропроизводителей и их индивидуальной трудовой собственности уже имелось налицо это условие. Поэтому товарное производство и приводило к капитализму.

3. Экономический материализм

Подвергнутое выше критике буржуазное искажение метода марксистской политической экономии, как уже было отмечено, служило для теоретического обоснования оппортунизма. В своей борьбе с революционным марксизмом оппортунисты и реформисты эпохи II Интернационала нуждались в том, чтобы отодвинуть антагонизм классов на задний план в экономической теории Маркса. Из указанного понимания «экономики» вытекал тот метод объяснения общественного развития, который известен под названием экономического материализма.

Мы убедились, что марксистско-ленинское учение о генезисе капитализма не имеет ничего общего с буржуазной эволюционной схемой,

---

⁴¹ «Ленинский сборник», XI, М., 1931, стр. 383.

⁴² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 180.

видящей в возникновении капитализма из товарного производства количественное нарастание того же качества: согласно этой схеме по мере расширения товарно-денежных отношений возникает скопление товаров и денег в отдельных руках, эти капиталы начинают скупать средства производства, а в конце концов заставляют и рабочую силу превратиться в товар и ее скупают, как и все прочее. В этой схеме активная роль в экономическом развитии приписывается только капиталу, рабочий выступает исключительно как объект истории, а не как субъект, который активно способствует ее развитию.

Маркс в 24-й главе I тома «Капитала» центральное место отвел, как мы говорили, не «первоначальному накоплению капитала», т. е. не истории образования капиталов, а «так называемому первоначальному накоплению» — последнему акту истории предков современного пролетариата. Идея антагонизма, борьбы противоположных классовых интересов, а не количественной эволюции единого качества лежит в основе Марксова анализа истории возникновения и развития капитализма. Как процесс, основанный на антагонизме рабочих и капиталистов, протекавший в ожесточенной борьбе между ними, Маркс раскрыл в «Капитале» сложный путь от зарождения мануфактуры до промышленного переворота, знаменующего зрелость капиталистического способа производства.

В. И. Ленин, подводя итоги своего исследования «Развитие капитализма в России» и своей полемики с народнической политической экономией, писал: «Наконец, едва ли не самая глубокая причина расхождения с народниками лежит в различии основных воззрений на общественно-экономические процессы. Изучая эти последние, народник делает обыкновенно те или другие морализирующие выводы; он не смотрит на различные группы участвующих в производстве лиц, как на творцов тех или иных форм жизни; он не задается целью представить, всю совокупность общественно-экономических отношений, как результат взаимоотношения между этими группами, имеющими различные интересы и различные исторические роли...»⁴³

Это обобщение В. И. Ленина вполне характеризует и экономический материализм. Последний отличается от народничества только тем, что открыто не морализирует по поводу общественных процессов. Но, как и народническая политическая экономия, экономический материализм совершенно чужд этому требованию представить всю совокупность экономических отношений как результат взаимоотношений между группами участвующих в производстве лиц, как результат их творчества, отражающий различие их интересов и их исторической роли. Такое требование в глазах экономического материализма означа-

---

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 601–602.

ет подмену экономики борьбой классов или субъективными отношениями. Экономический материализм основывается на представлении о стихийном и фатальном развитии экономики, происходящем будто бы помимо столкновения противоречивых экономических интересов, так же как и помимо борьбы между передовыми и отживающими общественными силами. Экономический материализм враждебен марксистско-ленинской теории классовой борьбы. Соответственно экономические законы, открытые Марксом, толкуются им в духе замазывания экономического антагонизма классов, которому отводится место лишь чего-то производного сравнительно с «настоящей экономикой»; поэтому и для классовой борьбы в общественной жизни остается в лучшем случае роль придатка к плавной экономической эволюции.

Если же признать, как учит марксизм, что основой всей совокупности экономических отношений при рабовладельческом, феодальном и капиталистическом строе были классовые антагонистические отношения, т. е. отношения эксплуатации собственниками средств производства трудящихся, лишенных этих средств производства, тогда с очевидностью следует, что противоположные группы людей при таком строе всеми своими экономическими действиями преследуют противоположные интересы и из столкновения их интересов рождается реальная картина экономической жизни. В этом смысле В. И. Ленин и говорит о группах людей, классах как творцах тех или иных форм жизни, имея в виду, например, рассмотренную им «подвижность» трудового населения, уход на заработки в далекие губернии, как характерную форму рождения рабочего класса, переход из крестьян в мастеровые, возрастающую «потребность... в союзе, в объединении»⁴⁴ для борьбы и т. д.; с другой стороны, — это активные действия помещиков, пытающихся помешать уходу крестьян, действия скупщиков, проникающих в деревню, и т. д.

В марксистско-ленинском понимании действие объективных экономических законов не исключает, а подразумевает субъективную заинтересованность, волю, инициативу, творчество людей. Раз перед нами законы антагонистического способа производства, значит любое экономическое явление, выгодное одним людям и группе людей, в конце концов обязательно невыгодно другим людям, другой группе людей. Всякое малейшее изменение в хозяйственной жизни осуществлялось одними при противодействии других, одними в ущерб другим, ибо даже простое улучшение быта, достатка трудящегося, например крестьянина, есть объективно изменение нормы эксплуатации в его пользу. Люди не сознавали общественных результатов своих усилий. Но только через столкновение противоположно направленных стрем-

---

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 600.

лений осуществлялось действие объективных экономических законов в классовых антагонистических обществах. Чтобы избежать субъективизма в этом вопросе, достаточно только помнить, что марксизм показал сводимость всей пестроты индивидуальных стремлений в хозяйственной жизни к основным типам и группам, а последние целиком объясняются не зависящим от воли и сознания людей строем общественного производства, формой собственности на средства производства, разделяющей людей на классы. Классы — это и есть та объективная категория, которая объясняет субъективные взаимно противоположные действия людей в антагонистическом обществе.

Подчеркивание важности «экономического фактора» характерно для многих школ буржуазной исторической науки. В интересе к «экономической истории» самом по себе, который проявляют и современные буржуазные специалисты по средневековой эпохе, нет еще ничего марксистского, и он отнюдь не делает их сочинения более научными. Ленин много раз подчеркивал, что только теория классовой борьбы сделала историю наукой. Так, характеризуя главное в марксизме в статье «Карл Маркс», Ленин писал: «Что стремления одних членов данного общества идут в разрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы»⁴⁵. Разумеется, Ленин имеет тут в виду не всякую теорию классовой борьбы, которая, как известно, приемлема и для буржуазии, а марксистскую теорию классовой борьбы.

Представители экономического материализма обычно признают классовую борьбу. Однако это преимущественно борьба между буржуазией и дворянством или борьба трудящихся под руководством буржуазии против дворянства и абсолютизма в период разложения феодализма. В качестве главной причины классовой борьбы указывается именно разложение старого строя, несоответствие устаревших экономических отношений вызревающим новым производительным силам. Или экономические материалисты уверяют, что классовая борьба есть лишь второстепенное следствие, «внешнее проявление» присущего данному способу производства на всех ступенях его развития противоречия между характером производства и характером присвоения.

Так или иначе, но экономический материализм не признает действительной причины классовой борьбы. А она очень проста. Причину

---

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

классовой борьбы марксизм-ленинизм указывает в самих производственных отношениях: в форме собственности на средства производства — отделении производителей от средств производства, в эксплуатации. Противоречие или несоответствие между производительными силами и производственными отношениями не порождает антагонизм классов, а создает объективные условия для победы того или иного класса и поэтому лишь заставляет еще острее проявляться классовую борьбу, которая на всех ступенях присуща производственным отношениям в классово-антагонистическом обществе.

Часть экономических материалистов составляют буржуазные историки хозяйства, не объявляющие себя марксистами, но испытавшие поверхностное влияние марксизма. Другая часть представителей экономического материализма выступает в роли марксистов. Если взять к примеру французскую историческую науку, то к первым можно отнести Марка Блока, ко вторым — Эрнеста Лабрусса.

Итак, экономический материализм — это в сущности то же, что легальный или катедер-марксизм, т. е. марксизм обезвреженный с точки зрения буржуазного мышления и вполне приемлемый для последнего. Вкратце экономический материализм может быть охарактеризован следующими чертами. Во-первых, для экономического материализма при характеристике экономики общества самыми важными и основными являются отношения обращения, рыночные отношения, а не отношения производства (отделение производителя от средств производства, соединение производителя со средствами производства через эксплуатацию). Во-вторых, для экономического материализма экономика в сущности не антагонистична; им учитываются интересы (выгоды) только одного из классов, эксплуатирующего класса, а эксплуатируемые, непосредственные производители, трактуются как пассивная величина, как объект, а не субъект истории, как пешки: их закрепощают, раскрепощают, меняют их экономическое положение и т. д. в зависимости исключительно от того, выгодно ли это господствующему классу; другими словами, экономический материализм учитывает только одну сторону антагонистической экономики. В-третьих, экономический материализм полагает, что надстройка, например централизованное государство, «отражает» базис, «порождается» экономикой (или напротив, «порождает» новую экономику), но не является средством борьбы классов. В-четвертых, экономический материализм игнорирует и отрицает роль борьбы народных масс в развитии и базиса, и надстройки.

Если марксизм говорит, что развитие экономического базиса общества совершалось независимо от воли людей, экономический материализм толкует это в почти спиритическом смысле: экономика развивалась помимо людей, словно ее развивали не люди, а духи. На самом

деле это положение марксизма вовсе не вычеркивает участия людей и их воли в экономической жизни, но указывает, что объективный результат не соответствовал их субъективным волям, ибо эти субъективные воли были направлены антагонистически друг к другу, противоречили друг другу. Экономика развивалась не помимо волевых действий людей, а посредством их действий, через столкновение их противоречивых интересов, — результат же независимо от их воли и их сознания оказывался таким, какого никто из них в отдельности не предвидел и не добивался.

Но именно любители такого «спиритического» толкования марксизма, негодующие от одной мысли, что классовая борьба может воздействовать на экономическое развитие, именно пламенные защитники «надчеловеческого» и «надволевого» экономического начала другой рукой самым нехитрым образом указывают на тех таинственных духов, которые формируют, по их мнению, скажем, феодальную экономику или капиталистическую экономику: феодализм «выгоден» феодалам, значит, они его и создали и видоизменяли согласно своим интересам, точно так же как капиталисты — капитализм. На проверку оказывается, что все разговоры о развитии экономики «независимо от воли людей» служат тут лишь для исключения воли части людей, а именно: эксплуатированных производителей, трудящихся масс, народных низов.

Экономический материализм, отрицая, что экономика развивалась через столкновения антагонистических материальных интересов людей и классов, тем самым оказывается на деле просто буржуазным апологетическим учением, приписывающим господствующим, эксплуататорским классам творческую роль в развитии экономики. На словах — материализм, отрицание даже участия воли, сознания в экономическом развитии, на деле — чистейший идеализм, сводящий развитие способа производства к интересам и воле только одного класса, представлявшего незначительное меньшинство общества. Brentano, Zombart, Макс Вебер и другие буржуазные историки хозяйства исконно отождествляли «капитализм» и «дух капитализма» с капиталистами и духом капиталистов. Капиталисты рассматриваются ими не как один из полюсов целого, т. е. капиталистического общества, а как олицетворение всего целого; развитие капитализма — это история буржуазии.

Точно так же экономический материализм в изучении средних веков отождествляет феодализм с феодалами и их интересами. Три формы феодальной ренты — отработочная, продуктовая и денежная — сменяли друг друга в изображении этой школы потому, что феодалы сначала довольствовались малым, затем их потребности выросли, а когда они цивилизовались настолько, что приобрели вкус к покупным иноземным товарам и заморским диковинкам, они стали требовать с крестьян деньги, много денег. В Восточной Европе им было «выгодно»

сбывать хлеб за границу, поэтому они установили барщинную систему, в Западной Европе это было им «невыгодно», поэтому они установили систему сеньориальную и т. п. Конечно, расчеты и выгоды феодалов историк хозяйства должен учитывать. Ведь феодалы были не только одним из двух основных классов общества, но и господствовавшим классом. Они все оборачивали к своей выгоде и соответственно старались изменять хозяйственный строй. Но ведь это только одна сторона, один полюс феодальной действительности. Забыть о другой стороне — значит потерять научную почву под ногами и свести историю к произволу господ.

Вот чем оказываются на практике разговоры о стихийности экономического развития, не зависящего «ни от чьей воли»: самодовольной ограниченностью буржуа, уверенного, что «ничья воля» никогда не препятствовала ему и его историческим предшественникам устанавливать такие порядки, какие им были «выгодны». Такова изнанка экономического материализма.

Представление экономического материализма, будто общество было всегда таким, каким его хотели сделать господствующие классы, совершенно ненаучно. Напротив, общественные условия «воспитывали» их. Европейские феодалы, явившись в качестве конквистадоров в Центральную и Южную Америку, где еще только формировалось рабовладение, превращались в рабовладельцев. Русские капиталисты-мануфактуристы в XVIII–XIX вв., находя возможность эксплуатировать крепостной труд, превращались в крепостников. Во всей истории капитализма мы видим многочисленные примеры того, что капиталисты весьма охотно вырождались в рабовладельцев при соответствующих условиях. Алчность эксплуататоров влекла их к низшим, пройденным формам эксплуатации, если окружающие общественные условия не противодействовали этому.

В. И. Ленин писал: «Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условиях жизни тех классов, на которые каждое общество распадается»⁴⁶. Господствующий класс всегда стремился к неограниченной эксплуатации, а угнетенный класс всегда стремился к возможно полнейшему освобождению от эксплуатации. Но объективные условия жизни общества, степень развития производительных сил определяли «равнодействующую» этих стремлений: требовали от господствующего класса практиковать в средние века и новое время более смягченные формы эксплуатации, чем неограниченное рабство, а для трудящихся де-

---

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

ляли невозможным освобождение от эксплуатации, пока не созрели материальные предпосылки для социализма.

Ни о каком объяснении исторических явлений «экономикой», в смысле мирного самотека, плавного развития товарно-денежных отношений, абстрагируясь от классовых противоречий и классовой борьбы, не может быть и речи с точки зрения марксистско-ленинской науки. «Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе», — писал Ленин⁴⁷. Всякий марксист, приступая к изучению классовой борьбы, должен сначала представить себе экономическое состояние общества — иначе он ничего не понял бы в классовой борьбе. Но ничего нельзя понять и в экономическом развитии, если забыть, что данное экономическое состояние способно превратиться в другое не иначе, как путем борьбы классовых интересов.

Экономический материализм готов допустить лишь одну единственную функцию у крестьянской борьбы, способную создавать движение, которое образует историю: буржуазную функцию. Крестьянская борьба признается прогрессивной, творческой силой истории лишь в той мере, в какой она содействует развитию и победам капитализма и сама является буржуазной. Это и отвечает представлению, что классовая борьба в феодальную эпоху является в основном борьбой между феодалами и буржуазией — между эксплуататорскими классами.

Лассальянцы, меньшевики, троцкисты, псевдомарксисты разнообразных толков всегда, говоря об истории, делали главный логический акцент на прогрессивности капитализма и буржуазии и, естественно, видели в крестьянстве, если оно выступало не под руководством буржуазии и не в борьбе за капитализм, лишь сплошную реакционную массу. Программные документы крестьянских восстаний звали обычно не вперед, а пытались остановить прогресс, ведущий к капитализму, — утверждали они. Марксизм-ленинизм своим учением о крестьянстве и различных его элементах как союзниках и резерве пролетариата в буржуазно-демократической и социалистической революциях, напротив, показал, что крестьянское движение может быть прогрессивной силой не только, когда оно служит интересам буржуазии, но становится на другом этапе гораздо более прогрессивной силой, как раз выступая против буржуазии, если только им руководит революционно зрелый рабочий класс. В последнем случае перед основной массой трудящегося крестьянства открывается не капиталистическая, а социалистическая перспектива исторического развития.

---

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 223.

Социал-демократические теоретики проблему крестьянских движений всегда трактовали только в плане «разложения» феодализма, хотя никому не приходит в голову видеть, скажем, в рабочем движении признак «разложения» капитализма, напротив, все знают, что рабочее движение характеризует всю историю капитализма. В отношении крестьянских движений эта ошибка проистекает из ложной посылки, что, раз перед нами «антифеодальное» движение, значит, оно должно представлять и некие «нефеодальные» отношения. Естественно в таком случае главное внимание уделять характеристике восстающих крестьян не как эксплуатируемых производителей, а как носителей начал буржуазной частной собственности и капиталистического накопления, словом, — как мелких буржуа. В таком случае антифеодальное восстание крестьян есть уже противопоставление феодализму в зачаточном виде будущего иного строя, капитализма. Но «антифеодальное» можно понимать и в другом смысле: как выражение борьбы противоположностей внутри феодального мира, как борьбу феодально-эксплуатируемых производителей против феодалов-эксплуататоров. Ведь рабы в древнем мире, восставая, отнюдь не выступали как предтечи нового строя, феодального, и все-таки в своей борьбе они должны рассматриваться как сила, антагонистическая рабовладельческому строю. Так можно рассматривать и крестьянство, борющееся против феодальной эксплуатации в средние века.

Крестьянское сопротивление феодальной эксплуатации развивалось по сложной исторической кривой. Но если брать большой масштаб, то можно сказать, что законом истории феодального общества было нарастание крестьянского сопротивления феодальной эксплуатации вместе с обострением коренного, классового экономического антагонизма феодального способа производства.

К концу средневековья феодальный базис был расшатан борьбой эксплуатируемых трудящихся масс. Что значит «расшатан»? Это значит, что для удержания данной системы эксплуатации требовалась все возрастающая роль надстройки, призванной охранять и защищать свой экономический базис. Но мы видим, что и при возрастающей роли надстройки, в частности, при гигантском усилении государственной власти, во второй половине средневековья происходило частичное раскрепощение крепостных — превращение их в лично свободных, в отхожих оброчников, вольнонаемных и т. д. А чем более это происходило, тем более ощутимые новые удары наносились по надстройке, защищавшей самые основы феодального базиса. И в конце концов надстройка оказывается не в состоянии выдержать эти удары. Она рушится, а вместе с нею окончательно ликвидируется и старый базис.

Такова диалектика: феодализм погибает только тогда, когда сложились условия для нового способа производства капитализма, но сила,

опрокидывающая феодализм, — это не сила, появившаяся на какой-то стадии развития феодализма, тем более не пришедшая извне, это основной класс самого феодального общества, возникший вместе с ним, развивавшийся вместе с ним и своей постоянной борьбой с ним заставлявший его «совершенствовать» методы эксплуатации и господства.

Имущественная дифференциация крестьянства вносила значительное осложнение в ход классовой борьбы. В крестьянских движениях, особенно в позднее средневековье и более всего в Англии, очень резко видны несовпадающие интересы и даже открытые противоречия различных групп и слоев крестьянства. Недооценивать роль дифференциации крестьянства в средневековых крестьянских движениях было бы грубой ошибкой. Но все же, поскольку существовал феодализм, борьба шла прежде всего по линии основного антагонизма феодального общества — между классом крестьян и классом феодалов. По отношению к феодальному способу производства крестьянство оставалось именно классом, одним классом, несмотря на дифференциацию в его рядах. Даже в буржуазной России, по словам В. И. Ленина, «против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться *классом*, именно классом не капиталистического, а крепостного общества...»; остаткам крепостного порядка враждебно *«все крестьянство как целое»*⁴⁸. Как известно, на этом положении основывался стратегический лозунг партии по аграрному вопросу в буржуазно-демократической революции.

Что же делало крестьянство одним классом: присущие ему буржуазные черты или черты трудящегося, эксплуатируемого класса? Бесспорно, что на последнем этапе, в период подготовки и совершения буржуазной революции, буржуазно-собственнические тенденции увлекают за городской буржуазией широчайшие слои крестьянства, а не только зажиточную верхушку, кулачество. Однако и тут, как и на протяжении всей эпохи феодализма, не эта сторона является главной в истории крестьянских движений.

Даже при капитализме, как известно, в крестьянине борются две души — эксплуатируемого труженика и мелкобуржуазного собственника. При феодализме же он выступает прежде всего как основной производитель материальных благ, как эксплуатируемый труженик, как неимущий (имеющий ничтожную лично-трудовую собственность, но не имеющий богатства). Отсюда неустранимое противоречие между интересами народных масс и интересами буржуазии даже в самых демократических из буржуазных революций. Только под руководством рабочего класса трудовое крестьянство может одержать подлинную победу, завершающую всю его многовековую борьбу.

---

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311.

Часть вторая

РОЛЬ БОРЬБЫ НАРОДНЫХ МАСС В ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Марксизм-ленинизм

о действии экономических законов и роли классовой борьбы трудящихся масс в историческом развитии

---

1. Возрастание роли народных масс в истории

«Народ — творец истории», «народ — решающая сила исторического развития», — гласят широко известные положения исторического материализма.

Однако конкретное историческое раскрытие этих общих положений вызывает немало разногласий.

Так, например, с первого шага возникает вопрос, что именно понимается здесь под термином «народ». Ведь в этот термин в разных случаях вкладывают разный смысл: этнической общности («народом» называют нацию, народность, племя); совокупности населения страны, государства; большинства населения в противопоставлении правящему меньшинству; производителей материальных благ или вообще — трудящихся, включая работников умственного труда. А. Бутенко предложил обозначать словом «народ» не только трудящиеся массы, но и все те слои, которые в каждое данное время по своему объективному положению способны участвовать в решении прогрессивных задач общественного развития¹. Действительно, термин «народ» употребляется подчас и в этом смысле. Суть данного предложения состоит в том, чтобы подчеркнуть творческую роль и буржуазии в истории; прогрессивная буржуазия автоматически включается в понятие «народ», поскольку само это понятие определяется как совокупность прогрессивных сил истории.

---

¹ А. П. Бутенко. Народ как социологическая категория. — «Вопросы философии», 1957, № 1; он же. «О содержании понятия «народ»». — «Вопросы истории», 1956, № 4. См. также А. В. Горохов. Учение В. И. Ленина о народе как социологической категории. — В кн.: «В. И. Ленин и вопросы марксистской философии». М., 1960.

Чтобы избежать этой укоренившейся в языке многозначности термина «народ», мы будем пользоваться термином «народные массы» (или если и употреблять слово «народ», то только в смысле «народные массы»). Понятие «массы» уже исключает какой-либо нетрудящийся класс, в том числе буржуазию. И в самом деле, вопрос о роли трудящихся масс и вопрос о роли буржуазии в историческом развитии надо рассматривать каждый в отдельности, а не смешивать их. Соединение этих вопросов в один, как увидим, только служит помехой для изучения каждого из них. Под народными массами мы будем понимать трудящиеся массы, т. е. в основном непосредственных производителей материальных благ. Что касается интеллигенции, то она не представляла собой в истории самостоятельной силы; когда мы говорим о народных массах, мы мыслим их, разумеется, не без умов, а с теми умами, которые прямо или косвенно выражали их интересы и чаяния, их вкусы, настроения и мысли.

Другие разногласия возникают по поводу выражений «творец истории», «решающая сила исторического развития». Разве не является решающей силой исторического развития рост производительных сил? Не отступаем ли мы от исторического материализма, от учения об объективных, не зависящих ни от чьей воли законах развития общества, когда говорим о каких-то «творцах» этого процесса? Однако в действительности существование объективных законов, в частности экономических, отнюдь не противоречит творческой роли масс и классов в истории. Марксизм, как подчеркивал В. И. Ленин, отличается замечательным соединением научного анализа объективного хода эволюции с самым решительным признанием революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс². Изучая общественно-экономические процессы, марксист, по словам В. И. Ленина, смотрит на различные группы людей, участвующих в производстве, как на творцов тех или иных форм жизни, задается целью представить всю совокупность общественно-экономических отношений, как результат взаимоотношения между этими группами, имеющими различные интересы и различные исторические роли³.

Когда мы говорим, что законы развития общества существуют независимо от сознания и воли людей, мы выражаем этим объективность данных законов, т. е. что они, как и все другие законы материального мира, существуют независимо от того, познаны они людьми или нет. Но поскольку это законы бытия людей, а не природы, они осуществляются не иначе как посредством действий людей, а поэтому предполагают энергию, творчество, инициативу людей, их волю, то или иное

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 23–24.

³ См. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, стр. 601–602.

их сознание. Если закон познан, направление творчества может совпадать с направлением действия закона, если он не познан, он реализуется в процессе столкновения разноречивых, в том числе и антагонистических усилий разных групп людей. Ведь всякий данный способ производства материальных благ таит в себе те или иные противоречия, а также тенденции дальнейшего развития. На этой объективной экономической основе и складывается разноречивость действий людей в общественной жизни, возникает столкновение их интересов и преследуемых ими целей. В своей деятельности и борьбе люди опираются на экономические законы, на различные стороны того или иного закона (если, например, это — закон антагонистических отношений), на сталкивающиеся друг с другом или сменяющие друг друга разные экономические законы. Экономическая необходимость, порождаемая развитием производительных сил, проводится в жизнь теми людьми, классами, материальным интересам которых она соответствует и благоприятствует; она всегда реализуется в *борьбе* между людьми, в антагонистических обществах — в классовой борьбе. А осуществление в борьбе исторического прогресса — это и есть *творчество*.

Но тут возникают новые разногласия: раз так, не следует ли относить тезис «народ — творец истории» только к социалистическому обществу?

Ведь только при социализме народные трудящиеся массы — рабочие, крестьяне, интеллигенция — непосредственно творят историю в борьбе с капитализмом и с его пережитками, в формировании материально-технической базы, общественных отношений и нового человека коммунизма. Характер социалистической собственности, общенародной или колхозно-кооперативной, обуславливает прямое, открытое участие широчайших масс во всей жизни стран социализма, во всем их развитии — экономическом, политическом, культурном; из характера социалистического способа производства вытекает простор для трудовой и хозяйственной инициативы трудящихся, для их борьбы с косностью, рутинной, извращениями путем критики снизу, для их активного воздействия на жизнь страны через государственные и общественные организации.

До социализма трудящиеся были лишены этих возможностей. «Заведовало» общественной жизнью не трудящееся большинство, а эксплуататорское ничтожное меньшинство. Не следует ли отсюда, что до социализма решающая, творческая роль народных масс в общественной жизни состояла преимущественно, а, может быть, и исключительно, в том, что они трудились, т. е. производили своими руками все предметы потребления, все орудия производства — все материальные средства существования и развития общества. Ведь прямое и решающее участие в остальных сферах общественной жизни — в управлении

государством и хозяйством, в развитии господствующей в обществе культуры — трудящиеся могут принимать только в условиях социалистического способа производства, где нет частной собственности на средства производства, где поэтому трудящиеся сами определяют свою судьбу. Напротив, при классово антагонистических способах производства, основанных на лишении трудящихся собственности на средства производства, экономическое, политическое и идеологическое господство всегда принадлежало эксплуататорским классам, подавлявшим народ и отстранявшим его от участия в управлении. Следовательно, по-видимому, во всех этих сферах активное воздействие трудящихся масс на ход истории было тогда невозможно. Конечно, эксплуатируемые классы были не только классами, производящими материальные блага и страдающими, но также и борющимися с эксплуататорами, однако в своей борьбе они неизменно терпели поражения, пока не созрели исторические условия для социализма, а значит их борьба оставалась безрезультатной и не могла воздействовать на историю⁴.

Изложенный ход мысли верен только наполовину: в нем верно то, что существует коренное отличие между ролью народных масс в социалистическом обществе и в предшествовавших классово антагонистических обществах.

Но неверно, что в этих последних роль народных масс сводилась в основном к роли непосредственных производителей материальных благ, тогда как их борьба не была ни решающей, ни вообще существенной силой исторического развития.

О том, что это не так, уже свидетельствует такое, доступное всякому, наблюдение над изменением положения народных масс в разных досоциалистических общественных формациях: активность, сила, эффективность борьбы народных масс, отстаивающих свои насущные интересы, заметно возрастает в феодальном обществе сравнительно с рабовладельческим, в капиталистическом — сравнительно с феодальным. И в то же время наглядно нарастает темп исторического развития: первобытнообщинный строй, даже если считать только с верхнего палеолита, господствовал не менее трех-четырёх десятков тысяч лет; рабовладельческая эпоха длилась около четырёх — пяти тысяч лет; феодальная — уже одну-две тысячи лет, тогда как капиталистическая — всего несколько сот лет. Объяснимо ли это, если не учитывать изменения роли народных масс, а именно — ее возрастания?

Динамичность истории опять-таки еще неизмеримо резче возрастает после ликвидации капиталистического способа производства и при-

---

⁴ Примерно такой ход мыслей был выдвинут известным немецким историком и экономистом Юргеном Кучинским (см. *J. Kuczynski. Der Mensch der Geschichte macht. Zum 100. Geburtstag von G.W. Plechanow am 11. Dezember 1956. Berlin, 1957*).

обретает качественно иной характер. Темп развития производства при социализме, как известно, значительно выше, чем во времена даже самого бурного развития «свободного» капитализма XIX в., не говоря уже о падающих темпах развития производства в эпоху загнивания капитализма. К тому же производственные отношения социализма и коммунизма открывают безграничные перспективы дальнейшего роста производства. Здесь не действует закон перехода от старого качества к новому путем взрыва, обязательный для общества, разделенного на враждебные классы. И здесь есть, конечно, борьба нового и старого, но нет объективных предпосылок для того, чтобы старое могло так стойко удерживаться, так укрепиться и зажаться, когда для устранения этой плотины с пути нового требуется революция, — взрыв, охватывающий все общество. Старееющее здесь может быть устранено с пути пока оно еще не стало оковами — благодаря непосредственной решающей роли народных масс и отсутствию таких классов, материально заинтересованных в этом старееющем, которые являются собственниками средств производства и занимают господствующее положение в обществе.

Но нам сейчас важно подчеркнуть факт возрастания роли народных масс и в досоциалистическую эпоху всемирной истории.

Не останавливаясь на первобытнообщинной формации, отметим лишь ненаучность все еще встречающейся слашавой идеализации положения человека, преувеличения возможности трудовой инициативы в ту эпоху. Из того факта, что при первобытнообщинном строе не было эксплуатации, не было классов, отнюдь не следует, что творческой активности и инициативе человека был открыт простор. Если Маркс говорил об «идиотизме сельской жизни» в сравнении с капиталистическим индустриальным городом, то в отношении первобытнообщинного строя эти слова приобретают еще большую справедливость. Мертвящая скованность индивида родовой общиной, обособление этих общин и племен друг от друга, деспотизм традиций, обычаев, суеверий — все это помогает объяснить, почему нередко поколения за поколениями сменялись тогда без видимых изменений в производительных силах и во всем строе жизни. Установление рабовладельческого строя было не «грехопадением» человечества, а единственно тогда возможным, хотя и мучительным путем прогресса человечества. Вырванные из своих родов и семей, насильственно лишенные необходимости кормить своих нетрудоспособных сородичей, отсеченные от своих племенных культов и обрядов, строители дольменов и кромехов превращались под властью рабовладельцев в строителей пирамид и храмов, цирков и городов, мостов и акведуков.

Смена рабовладельческого, феодального и капиталистического обществ отчетливо раскрывает закономерность возрастания роли народ-

ных масс.

На разных ступенях развития производства трудящиеся составляли разные исторически определенные классы в обществе. В классовом отношении народная масса никогда не была однородной, в ней всегда были разные социальные группы и прослойки, но ядром массы непосредственных производителей марксизм-ленинизм считает в рабовладельческом обществе рабов, в феодальном — зависимых крестьян, в капиталистическом — наемных рабочих, пролетариев.

Стоит поставить в ряд раба, крепостного и пролетария, чтобы увидеть определенную последовательность в этих «трех формах порабощения» (Энгельс). Раба рабовладелец в зрелом рабовладельческом обществе может продать, купить, убить; крепостного феодал уже не может убить, но нередко еще может продать и купить; пролетария капиталист не может ни убить, ни продать, ибо пролетарий свободен от личной зависимости, но, лишенный средств производства, он вынужден продавать свою рабочую силу капиталисту, чтобы не умереть с голоду, вынужден нести ярмо эксплуатации. «Три формы порабощения» выступают как три последовательные стадии процесса замены личной зависимости работника производства экономической зависимостью, как ступени раскрепощения работников производства, без чего не было бы возможно повышение их заинтересованности в результатах своего труда. Речь идет не о чьей-либо субъективной цели. Само экономическое развитие общества порождало эту потребность в раскрепощении непосредственных производителей и открывало соответствующие возможности. Вместе с изменением орудий производства должны меняться и люди, приводящие в движение и употребляющие эти орудия, должна возрастать не только их производственная квалификация, но и их заинтересованность в эффективном использовании орудий. Введение новых, более производительных орудий и приемов труда рано или поздно требовало в ходе истории и новых стимулов к труду.

Производительность труда крепостного в феодальную эпоху в среднем в несколько раз выше производительности труда античного раба, а производительность труда наемного рабочего при капитализме, особенно со времени промышленного переворота, во много раз выше производительности труда крепостного. Этот рост производительности труда среднего работника производства выражает рост производительных сил общества и вместе с тем необходимо сопутствующее ему раскрепощение работников производства от прямой личной зависимости, рост их собственной материальной заинтересованности в производительности труда.

От труда по принуждению, под палкой или плетью надсмотрщика, через труд, наполовину принудительный, наполовину стимулируемый интересами собственного мелкого хозяйства, к труду рабочих, доста-

точно культурных для того, чтобы правильно обращаться с машинами, заинтересованных в максимальной выработке для пропитания себя и своей семьи, — таков путь развития труда в антагонистических формациях.

Но каждый новый этап в раскрепощении непосредственных производителей, диктуемый развитием производства, означал тем самым и изменение правового положения трудящихся в обществе. Экономически они не освобождались при смене форм порабощения: эксплуатация оставалась и норма эксплуатации даже возрастала, однако с раскрепощением неизбежно расширялись и возможности борьбы эксплуатируемых масс против своих угнетателей.

Так, прогрессивность феодального способа производства по сравнению с рабовладельческим выражалась, во-первых, в том, что он открывал больше возможностей для развития производительных сил и прежде всего самих производителей, трудящихся, во-вторых, в том, что феодальное общество в целом открывало значительно более широкие возможности для классовой борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами, чем это было в рабовладельческом обществе.

Капиталистический способ производства, в свою очередь, открывал новые огромные возможности развития производительных сил, включая не только машинную технику, но и самих трудящихся, пролетариев, и новые возможности для классовой борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами, неизмеримо более широкие, чем это было в феодальном обществе.

Последовательное раскрепощение трудящихся — это изменение в ходе развития материального производства формы собственности на один из важнейших элементов производства: на работников производства и их рабочую силу. Производственные отношения рабовладельческого способа производства характеризуются полной собственностью на работника производства (наряду с собственностью рабовладельца на средства производства). Производственные отношения феодального способа производства характеризуются неполной собственностью на работника производства (наряду с собственностью феодала на землю, а работника производства — на орудия и личное хозяйство). Производственные отношения капиталистического способа производства характеризуются отсутствием собственности на работника производства; напротив, у него самого появляется собственность на свою рабочую силу (наряду с собственностью капиталистов на средства производства). Как и всякие изменения форм собственности в истории, эти изменения отвечали развитию производительных сил, диктовались законом соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил. Как и всякие изменения форм собственности в истории, эти изменения осуществлялись в борьбе. Отживающие силы

общества, заинтересованные в сохранении своей собственности, никогда не отказываются от нее без борьбы. Основной общественной силой, преодолевающей их сопротивление, были сами работники производства, сами непосредственные производители. Сопротивление рабов рабовладельческому гнету подорвало и привело к гибели рабовладельческую форму собственности и весь рабовладельческий строй. Сопротивление крепостных крестьян феодально-помещичьему гнету подорвало и привело к гибели феодально-крепостническую форму собственности и весь феодальный строй.

Именно объективные экономические законы определяли процесс раскрепощения и тем самым возрастание возможностей активной борьбы трудящихся масс при рабовладельческом, феодальном и капиталистическом способах производства.

В основе этого процесса лежал рост производительных сил. Но степень заинтересованности трудящихся в результате труда в свою очередь отражалась на росте производительных сил. Раб был заинтересован скорее в поломке орудий, чем в их улучшении. Крестьянин или ремесленник при феодализме берег свое орудие, свой инструмент, подчас вносил в него и в приемы работы мелкие улучшения, которые, постепенно накапливаясь, давали медленное, но неуклонное повышение уровня производительных сил. Наемный рабочий при капитализме заинтересован в росте своего производственного мастерства, так как более высокое качество его работы повышает его шансы и в борьбе с безработицей, и в борьбе за уровень заработной платы. В условиях сначала мануфактурного, затем машинного капиталистического производства роль рабочего класса в техническом прогрессе хоть и невидима, но очень велика; улучшения приемов работы на станке и у машины, применяемые рабочими, накапливаясь, создают предпосылки для новых конструкций; ни одна новая машина не могла бы быть применена, если бы уже не было налицо рабочих, достаточно технически подготовленных, чтобы понять ее и правильно обращаться с ней, чтобы эффективно на ней работать. Из рядов рабочего класса вышли все низшие кадры технической интеллигенции — мастера, многие талантливые изобретатели.

Вместе с раскрепощением непосредственных производителей для них расширялась возможность активно оборонять свои насущные экономические интересы. Раб почти не мог повседневно бороться с эксплуатацией, и если она была выше его сил — он должен был просто физически погибнуть. Крепостной уже в известной мере лимитирует произвол феодалов двусторонними договорами, письменными соглашениями, он добивается, чтобы его повинности были фиксированы, а не менялись по воле господ, — и господам приходится соглашаться на такое ограничение своего произвола. Значительно более боевой и ши-

рокий характер носит борьба наемных рабочих за свои экономические интересы против капиталистов. Борьба за продолжительность рабочего дня, уровень заработной платы, право отказа от работы, условия труда, возможность объединений, за демократические права сопровождает изо дня в день всю историю рабочего класса. Эта ожесточенная экономическая, а вместе с тем и политическая борьба, развиваясь вместе с развитием самого капитализма, перерастает в борьбу за низвержение капиталистического строя, за социализм.

Весь этот процесс раскрепощения непосредственных производителей в рамках антагонистических обществ и вместе с тем роста объективных условий для увеличения их активной роли в общественной жизни не следует понимать как простую эволюцию, количественный прогресс. Нет, дело идет о двух качественных скачках, о двух революционных взрывах: при переходе от рабовладельческого строя к феодальному и от феодального строя к капиталистическому.

Прогресс в изменении положения трудящихся масс и в возрастании их роли осуществился в истории антагонистических обществ лишь в результате двух грандиозных революционных потрясений, каждое из которых охватывает целую эпоху.

Советские историки не принимают выдвинутое И. В. Сталиным определение этих потрясений как «революции рабов» и «революции крепостных». Выражение «революция рабов» создает впечатление, будто когда-либо имела место однократная революция, ликвидировавшая рабовладельческий способ производства, и будто его ликвидация была осуществлена силами одних рабов. В действительности история не знает фактов крушения рабовладельческого строя без вторжений варварских племен, сочетавшихся с социальными выступлениями и всех других угнетавшихся данным строем трудящихся слоев. Но марксистско-ленинской теории в корне противоречит и представление о неревolutionном характере перехода от одной антагонистической формации к другой, о безбурном эволюционном перерастании одной в другую. Только речь идет не об однократном акте, а о целых переломных эпохах всемирной истории. Революционная ликвидация рабовладельческого способа производства занимает несколько столетий всемирной истории — примерно III–VII вв. н. э. — и распадается на огромное количество отдельных движений, восстаний, вторжений⁵. Революцион-

---

⁵ Обзор важнейших событий этой антирабовладельческой революции в Европе и на Ближнем Востоке см. «История средних веков», т. 1, гл. III (Е. А. Косминский) и гл. IV (З. В. Удальцова), а также гл. V в III томе «Всемирной истории». Исчерпывающая сводка обильных и разнообразных данных источников дана в докторской диссертации А. Д. Дмитриева «Социальные движения в Римской империи в связи с вторжениями варваров» (Л., 1950), из которой опубликованы извлечения (см. «Вестник древней истории», 1940, № 3–4; 1949, № 1; 1950, № 1; 1951, № 4; «Византийский временник», 1952, т. V). Напом-

ная ликвидация феодального способа производства падает в основном на XVI–XVIII вв.; Энгельс считал возможным говорить об этом процессе как о «буржуазной революции» в единственном числе, а об отдельных революциях, разыгрывавшихся в разных европейских странах, как о последовательных «актах» этой революции⁶.

Оба этих грандиозных революционных перелома были своего рода катастрофами, вызванными тем, что отживающие общественные силы — в одном случае рабовладельцы, в другом феодалы — препятствовали устранению устаревших производственных отношений, которые уже давно не помогали, а решительно мешали дальнейшему развитию производительных сил. В обоих случаях сопротивление этих отживающих общественных сил, сумевших затормозить историю, было сломлено великой мощью объединившихся против них масс: в одном случае рабов, колонов и тех варварских племен, которые служили резервуаром рабской силы и подвергались порабощению, в другом — феодальнозависимых крестьян, ремесленников, плебейских элементов городов, включая и молодой рабочий класс.

Однако плоды борьбы и побед народных эксплуатируемых масс достались в первом случае лишь племенной знати и духовенству, превратившимся в феодалов, во втором случае — лишь либеральной буржуазии, стоявшей во главе движения. В этих революционных переворотах при переходе от рабовладельческого строя к феодальному и от феодального к капиталистическому массы трудящихся выполняли главным образом задачу разрушения старого способа эксплуатации. На смену ему приходило не освобождение от эксплуатации, а установление новыми «верхами» нового способа эксплуатации «низов». Частичное раскрепощение непосредственных производителей, устранение

ним посвященные этому вопросу монографию З.В. Удальцовой («Италия и Византия в VI веке». М., 1959) и ряд ее статей: «Народные движения в Северной Африке при Юстиниане» («Византийский временник», 1952, т. V), «Прокопий Кесарийский и его «История войны с готами»» (предисловие к «Войне с готами» Прокопия Кесарийского в издании 1950 г.), а также статьи С. И. Ковалева («Вестник древней истории», 1954, № 3/49), Н. А. Машкина («Вестник древней истории», 1949, № 1), И. Н. Свиридовой («Научные доклады высшей школы. Истор. науки», 1961, № 3). В № 9 «Вестника древней истории» за 1956 г. была опубликована итоговая статья по дискуссии о проблеме падения рабовладельческого строя. См. также: Г. Г. Дилигенский. Вопросы истории народных движений в поздней Римской Африке. — «Вестник древней истории», 1957, № 2; А. Р. Корсунский. Движение багаудов. — «Вестник древней истории», 1957, № 4. В гл. XVI т. II «Всемирной истории» (Т. В. Степугина) излагается история народных движений в Китае на рубеже I в. до н.э. — II в. н.э., дающая основания для сравнений с вышеуказанными исследованиями.

⁶ Обзор и анализ высказываний Маркса, Энгельса и Ленина по этому вопросу см. М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии. — В кн.: «Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию акад. В. П. Волгина». М., 1955.

полной и неполной собственности на них не означало уничтожения эксплуатации; оставалась частная собственность на другой важнейший элемент производительных сил — на орудия и средства производства. Присвоение средств производства господствовавшими классами означало лишение непосредственных производителей этих средств производства. Менялись эксплуататоры, менялись способы эксплуатации, но эксплуатация оставалась.

Но это не заслоняет того факта, что оба революционных переворота были каждый раз подлинной победой трудящихся над данной, конкретной формой эксплуатации, были подлинной ликвидацией, отменой, запретом на будущее данной конкретной формы собственности на работника производства: в первом случае — полной, во втором — неполной собственности. Сами трудящиеся имели перед глазами прежде всего эту сторону — победу. Половодье варварских племен, не знавших классов, живших общинным строем, которые затопили все пространство Римской империи при содействии рабов и колонов, означало торжество и закрепление порядков, противоположных рабовладельческому, торжество свободы над рабством. Точно так же сокрушение феодально-абсолютистского строя неисчислимыми массами угнетаемых феодализмом людей знаменовало действительное уничтожение (по крайней мере внутри тех передовых стран, где происходили революции) всякой личной юридической несвободы, всех остатков крепостничества, всякой сословной неполноправности; словом, в данном отношении это было совершенно реальным освобождением, — данная сторона «свободы», начертанной на знаменах революций, была не иллюзорной, а завоеванной и закрепленной навеки.

Великие революционные перевороты, отделяющие одну общественную формацию от другой, были высшими, кульминационными этапами борьбы эксплуатируемых масс. Но революции никогда в истории не вспыхивали сразу, им всегда предшествовал длительный период «сравнительно слабых зачатков» революции, как говорил В. И. Ленин, революционных движений, революционных кризисов, начала революции, не доведшегося до победы⁷. В ходе этой борьбы полная собственность рабовладельца на работника производства была расшатана задолго до крушения рабовладельческого Рима: широко распространились, вольноотпущенничество, перевод рабов «на пекулий», на положение колонов, так же как и внедрение соседей-варваров в империю на правах поселенцев и солдат. Таким же образом и неполная собственность феодала на работника производства, крепостного, бывала в ходе борьбы расшатана подчас (например, в Англии, во Франции) еще за

---

⁷ В. И. Ленин. Оппортунизм и крах II Интернационала. — Полн. собр. соч., т. 27, стр. 113.

несколько веков до окончательного крушения феодального строя. Все эти реформы, на которые шли господствующие классы, не могли предотвратить революцию, напротив, они в конце концов лишь содействовали развитию нового экономического уклада в недрах старого порядка и накоплению народными массами новых, возрастающих возможностей для его штурма.

На опыте борьбы, предшествовавшей революции, мало-помалу складывалось максимально достижимое при данном способе производства революционное сплочение народной массы. Сломить отживающие классы, организовывавшие сильнейшее сопротивление действию экономического закона обусловленности производственных отношений уровнем и характером производительных сил, могла только такая непреодолимая сила, как сила широчайших народных масс, миллионов трудящихся, если они поднимаются на борьбу одновременно. У древних китайцев была пословица: «Если весь народ вздохнет — будет буря, если весь народ топнет — будет землетрясение». Когда складывались объективные условия для победы революции, перед разрушительной и созидательной активностью масс открывался широчайший простор. «Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции, — писал В. И. Ленин. — В такие времена народ способен на чудеса...»⁸ Эта творческая способность народа в момент революции связана с тем, что именно в этот момент выступает одновременно и с единой целью наибольшая масса людей. Чем больше налицо объективных условий для победы революции, тем шире размах массового движения; вместе с основательностью исторического действия, писал Маркс, возрастает «и объем массы, делом которой оно является»⁹. В. И. Ленин считал эту мысль одним из самых глубоких положений исторического материализма¹⁰.

Древний Рим был разрушен натиском масс изнутри и извне, длившимся с неутихающей силой три-четыре столетия. Восстания рабов и колонов внутри сливались с ударами извне, наносимыми теми племенами, из недр которых Рим веками черпал рабов. Их в свою очередь приводили в движение перемещения других племен, придававшие всей этой эпохе «великого переселения народов» характер движения неисчислимых масс людей. Точно так же исторической наукой показано, что в нидерландской революции XVI в., английской революции XVII в., французской революции XVIII в. действовали несметные мас-

---

⁸ В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. — Полн. собр. соч., т. 11, стр. 103.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство. — Сочинения, т. 2, стр. 90.

¹⁰ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 36, стр. 423.

сы крестьянства и огромные массы городского населения, а широким историческим фоном их были европейские социальные движения и войны, в которые тоже был вовлечен необозримый «объем массы».

Если дело революции, как сказано выше, начиналось задолго до нее, то оно и продолжалось долго после нее.

Совсем неверно представлять себе, будто ликвидация в первом случае полного рабства, во втором — феодального полурабства закончилась вместе с революционной эпохой. Во-первых, и после революции, совершившей эту ликвидацию, уже при господстве нового способа производства, сохраняются иногда большие, иногда меньшие остатки и обломки уничтоженной формы собственности на работника производства. Вся история феодализма еще полна борьбой за уничтожение пережитков рабства, как и история капитализма — борьбой за уничтожение феодально-крепостнических пережитков. Во-вторых, после революции налицо не только эти недобитые остатки, но также новые и новые попытки возродить отмененную полную или неполную собственность на человека. Так сказать, установление «заповеди» не исключает «греха». И феодальное, и капиталистическое общество существовали и развивались в борьбе передовых сил с реакцией. В частности, народные массы в средние века поддерживали феодальную религию, этику, право в той мере, в какой последние осуждали и запрещали открытое рабство. Народные массы, служившие основной разрушительной революционной силой при переходе от рабовладельческого строя к феодальному, продолжали на протяжении всей феодальной эпохи отбивать, защищать от реакции это великое завоеванное ими благо — отмену рабства в его наиболее полной, обнаженной форме. Подобно этому народные массы и на протяжении всей капиталистической эпохи отстаивали от популзновений реакции основное завоевание антифеодальной революции: отмену и запрещение неполноправия человеческой личности, демократические права человека. Они поддерживали и отстаивали буржуазную демократию в той мере, в какой последняя осуждала и запрещала всякие проявления крепостничества и привилегий.

Таким образом, битва за дело революции продолжается и после победы революции. Революция продолжает жить в том общественном строе, который вышел из ее горнила. Средства, формы борьбы становятся иными. Но как весь XIX век, по словам В. И. Ленина, проводил, осуществлял по частям, доделывал дело великой французской революции¹¹, так и средневековые проводило, осуществляло, доделывало дело антирабовладельческой революции. В частности, вся так называемая первая волна крестьянских движений в раннем средневековье —

---

¹¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 367.

восстания свободных общинников против закрепощения (вроде, скажем, известного восстания «стеллинга», т. е. «детей древнего закона», в Саксонии в IX в., когда крестьяне изгнали господ и «стали жить по старине») — была не просто выражением исторического консерватизма, тягой в прошлое перед лицом наступающего феодализма. Дух этих крестьянских движений еще имеет в себе что-то общее с концом древней истории, с героической борьбой варваров за свою свободу. В них снова слышатся раскаты великой освежающей грозы перехода от античности к средневековью. Отдельные отголоски этого же цикла движений можно проследить еще на протяжении нескольких последующих столетий средневековья, хотя они понемногу оттесняются классовой борьбой зрелого феодализма. Во всяком случае, раннее средневековье долго дышало воздухом варварской бури, из которой оно произошло. Возврата рабства передовые силы общества не допускали, но в конце концов жизнь заставляла трудящихся сносить полурабство, сносить ярмо личной зависимости от земельного собственника — «патрона», «покровителя», «сеньора».

Если прошедшая революция, таким образом, насыщала собой последующую эпоху «мирного» развития, то в недрах последней зачиналась новая революция с того времени, когда характерные для нее производственные отношения начинали стеснять, тормозить развитие зародившихся производительных сил нового характера. Вызревание этой новой, будущей революции органически сливалось с тем отстаиванием завоеваний прошедшей революции, которое составляло пульс всей эпохи. В ходе средних веков борьба трудящихся против угрозы открытого рабства сливается с определенного времени с борьбой и против всяческой личной несвободы. В ходе новой истории борьба рабочего класса за буржуазно-демократические свободы, против принудительного труда соединяется с определенного времени с борьбой за освобождение и от наемного рабства, за социализм.

Это качественное развитие классовой борьбы отвечало диалектике положения эксплуатируемых трудящихся масс. С одной стороны, после низвержения прежней формы порабощения они утверждали свои новые завоеванные права, с другой стороны; эти новые права давали им несоизмеримые с прежними возможности для классовой борьбы против своих эксплуататоров, следовательно, для отрицания нового строя. Феодалнозависимые крестьяне располагали такими позициями и средствами для борьбы против своих господ, каких и отдаленно не было у рабов; в свою очередь в распоряжении пролетариев в силу их положения в обществе появились такие возможности борьбы против своих господ, сравнительно с которыми возможности феодалнозависимых крестьян были совсем ничтожны.

Экономический строй рабовладельческого общества открывал наи-

меньшие возможности для сплоченного действия основной массы непосредственных производителей — рабов. Рабы, были оторваны от своей земли, от своих семей и племен, от тех общественных связей, в которых они родились и выросли. В рабовладельческих латифундиях, мастерских или рудниках они, правда, подчас концентрировались в более или менее значительных количествах. Но будучи разноязычными, разноплеменными, рабы с трудом могли сплотиться в большую общественную силу. Да когда это и случалось, как, например, в восстании Спартака, целью движения оказывалось всего лишь — вырваться из рабовладельческого государства, уйти на родину, из чего возникали неизбежные распри по поводу того, в каком направлении уходить, что еще более ослабляло движение. Борьба же широких кругов свободного населения в Греции или Риме за свои экономические и политические интересы редко объединялась с борьбой рабов. Только в последние века Римской империи можно наблюдать ширящееся и длительное слияние движений рабов, колонов, свободных крестьян, например в восстаниях «багаудов», что и придавало этим движениям характер огромной общественной силы, способствовавшей краху Рима.

Не следует особенно преувеличивать возможностей борьбы у народных масс при феодально-крепостническом строе, ибо основой его было не крупное производство, а мелкое. Разобщенные мелкие хозяйства не сплачивали народную массу, а порождали в крестьянских движениях феодальной эпохи разрозненность, местную ограниченность, разновременность выступлений — все то, чем умело пользовался господствовавший класс для подавления этих движений.

Но все же объективные условия для успешных прямых действий народных масс при феодализме были неизмеримо большими, нежели при рабовладельческом способе производства. Как ни разрозненны были крестьяне, они жили и трудились на своей родине, говорили на одном языке; общины, деревни, села, если и не находились в прямой экономической связи, их все же объединяла солидарность интересов в борьбе против общего господина, а так как тот входил в «ассоциацию» феодалов, направленную против крестьян, то, следовательно, и против соседних феодалов, против вышестоящих сеньоров и т. д. В поисках сплачивающих центров крестьяне тяготели в своих выступлениях к городам, искали союза с трудящейся городской беднотой. Развитие товарного производства подготавливало связи обширных сельских округов с городами. Некоторая степень общности языка, общность территории (сложившиеся задолго до появления наций), общность политического врага приводили уже в недрах средневековья к тому, что подчас лавина крестьянского движения катилась по стране из края в край, перехлестывая через барьеры феодальной раздробленности, которые в глазах господствующего феодального класса и правительственного аппарата

были еще неприкосновенными и непреодолимыми. Даже отсутствие языковой общности не препятствовало порой отдельным струям крестьянского движения сливаться в общем потоке. Примером может служить вовлечение народов Поволжья в восстания русского крестьянства под руководством Разина и Пугачева. Словом, при всей своей слабости сравнительно с движениями рабочего класса крестьянские движения в феодальную эпоху представляли все же огромную общественную силу, оказывавшую в некоторые моменты такое сильное непосредственное воздействие на ход истории, какого не могли оказать движения рабов в античном мире.

Возможности классовой борьбы пролетариата при капитализме неизмеримо больше, чем крепостного крестьянства при феодализме, что обусловлено характером капиталистического способа производства. Роль рабочего класса как могильщика капитализма и создателя социалистического строя подготовлена всей историей его борьбы в условиях капитализма, где крупный, общественный характер производства учил его возможности успешно действовать в качестве сплоченной массовой силы — сначала в масштабах фабрики или завода, затем в масштабах отрасли производства, наконец, на широкой общенациональной и интернациональной арене политической борьбы во главе всех остальных трудящихся.

Активное прямое воздействие народных масс на политическую жизнь общества опять-таки возрастало с изменением экономических условий. За редкими исключениями освободительные движения рабов не ставили своей задачей захват власти, изменение политической организации общества, — в большинстве случаев дело шло о людях, о превращении рабов в рабовладельцев и обратно, а не о политических учреждениях. История средних веков знает уже множество попыток и захвата власти восставшими крестьянами и крестьянских проектов реформ государственного устройства. Обычно это — смутные идеи о возможности наполнить старую форму новым содержанием, мечты о «мужицком царе», о «крестьянской монархии». Практическая борьба за власть оканчивалась, конечно, поражениями, разгромами восставших. Если история и может отметить несколько фактов победы (в Китае, Норвегии, Швейцарии), дело кончалось либо сменой династии, при сохранении всех прежних порядков, либо замедлением темпов феодального развития. Наконец, при капитализме всякая классовая борьба все больше приобретает характер борьбы политической, затрагивает вопрос о власти, выступает в форме борьбы политических партий. От борьбы за избирательные реформы и республиканские конституционные права рабочий класс поднимается до борьбы за слом буржуазной государственной машины, за установление подлинной демократии — демократии трудящихся, — за диктатуру пролетариата. Со сменой ан-

тагонистических общественных формаций возростала и способность трудящихся создавать элементы своей идеологии и культуры, противостоящей идеологии и культуре господствующих классов. Рабы, руками которых создана вся богатая материальная культура античного общества, отразившая их мастерство, оставили очень мало памятников своей особой культуры. Ведь «коллегии», в которые их объединяли и которые имели определенные обряды и культы, или, скажем, надгробные надписи на могилах римских рабов, это скорее воспитательные средства, созданные рабовладельцами. История не сохранила песен или эпических произведений, созданных рабами, и неизвестно, были ли таковые. Этническая пестрота рабов была существенной помехой для зарождения среди них той или иной классовой идеологии или культуры. В моменты рабских восстаний, конечно, возникали определенные общие чувства и помыслы, не становившиеся, однако, традицией класса. Лишь в позднюю пору рабовладельческой эпохи, перед ее концом наблюдаются черты роста антирабовладельческой идеологии. В известной мере к идеологическим продуктам класса рабов можно отнести некоторые стороны раннего христианства.

Элементы народной культуры в феодальную эпоху значительно обширнее. Непосредственные производители здесь не только создавали произведения искусства по потребности господ, но и творили свою устную литературу, свою музыку, свои художественные образы, свои религиозные идеи — ереси. Однако все это нельзя даже отдаленно сопоставить с той способностью освободиться от духовного гнета эксплуататоров, противопоставить их культуре и идеологии свою собственную, какую проявил пролетариат. Развитие социалистических учений и критики капиталистического строя сопутствовало развитию пролетариата. Зрелость пролетариата естественно совпала с революционным идейным переворотом — с возникновением теории научного коммунизма Маркса — Энгельса. Вооруженный этой научной теорией и оказавшийся тем самым на голову выше своего угнетателя — буржуазии, — пролетариат смог осознать свою историческую миссию: уничтожения капитализма и всякой эксплуатации, создания коммунистического общества, смог осознать реальные пути и средства осуществления этой задачи.

Великие революционные переходы от одной общественной формации к другой тоже, конечно, отражают возрастание сплоченности, политической активности, воли народных масс. Революционная ликвидация рабовладельческого строя неизмеримо менее концентрирована во времени и пространстве, в неизмеримо большей степени распадается на ряд отдельных одновременных или следующих друг за другом актов и эпизодов, чем революционная ликвидация феодализма.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую

эру в истории человечества. Она впервые уничтожила частную собственность на средства производства. Этот революционный переворот неизмеримо глубже и важнее предшествовавших переворотов, не затрагивавших монопольной собственности эксплуататоров на важнейшие средства производства. Уничтожая всякую эксплуатацию человека человеком, социалистическая революция далеко оставила за собой все прошлые революции по широте и активности участвовавших в ней трудящихся масс.

Такова в кратких чертах картина возрастания роли народных масс в классовых антагонистических формациях. Вначале полная скованность трудящегося, работа лишь по чужой воле, минимальные возможности сопротивления угнетателям, затем все более широкое участие воли и активного мышления трудящегося в трудовом процессе, все более широкие возможности борьбы с угнетателями, борьбы, завершающейся победой революции трудящихся и эксплуатируемых масс в главе с пролетариатом и уничтожением всякой эксплуатации.

2. Учение о классовой борьбе и политическая экономия

Нам надлежит теперь рассмотреть некоторые стороны философского вопроса о взаимосвязи двух смежных теоретических наук — политической экономии и исторического материализма.

В принципе общепризнано, что законы теоретической политической экономии входят как составная часть в систему законов общественного развития, рассматриваемых историческим материализмом. На практике, однако, политическая экономия как специальная отрасль науки не излагается в курсах и учебниках исторического материализма. Более того, если, скажем, из «Капитала» Маркса советскими философами извлечены важные выводы для анализа марксистского диалектического метода¹², то не существует еще попытки рассмотреть в специальной работе коренные категории и положения исторического материализма на примере «Капитала» — неисчерпаемой сокровищницы марксистской теории. Экономисты не могут при анализе «Капитала» Маркса уделить много внимания вопросам надстройки, классовой борьбы и т. д. Философы же привыкли относить «Капитал», вместе со всей политической экономией, к сфере исключительного ведения экономистов.

Ниже сделана такая попытка рассмотреть один из вопросов теории исторического материализма — вопрос о классовой борьбе — на материале «Капитала». Тем самым мы на примере высшей из трех классово

---

¹² М. М. Розенталь. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. М., 1955.

антагонистических формаций выясним, как разрешает марксистская теория вопрос о роли трудящегося класса в действии главных экономических законов этого общества. Только после такого исследования мы сможем уверенно спуститься на один этаж в глубь истории — в феодальную эпоху.

Политическая экономия изучает, как известно, производственные отношения. Она исследует основные исторические системы производственных отношений, причем каждую из них по возможности в чистом, отвлеченном виде. В работах по историческому материализму эти основные системы производственных отношений характеризуются обычно лишь очень кратко и суммарно¹³. Но зато тут ставятся важные смежные вопросы, например: какой класс следует считать носителем данных производственных отношений, в частности, капиталистических. Можно встретить два разных ответа на этот вопрос. А именно: носителем производственных отношений капиталистического общества признаются или только капиталисты или же — оба основных антагонистических класса, капиталисты и пролетарии. Второй ответ имеет в виду не только простую логику, ибо понятие отношения двух сторон подразумевает, что они обе являются носителями этого отношения; имеется в виду неукротимое отстаивание пролетариатом от своих капиталистов той стороны капиталистической экономики, которая отрицает и отменяет всякую собственность на личность трудящегося.

Первый ответ связан с представлением, будто в экономических трудах классиков марксизма-ленинизма экономические законы, экономическое развитие общества рассматривается независимо и отдельно от вопросов классовой борьбы. Классовая борьба оказывается как бы надстройкой по отношению к экономическому базису. Согласно этому взгляду носителем производственных отношений как раз и выступает только один класс — господствующий, а борьба эксплуатируемых масс против господствующего класса лежит уже за рамками вопроса о производственных отношениях и не может существенно влиять на них.

Такой взгляд, как увидим, тесно связан с пережитками «экономического материализма». Он не соответствует марксистско-ленинской теории. Изучая «Капитал», мы обнаруживаем, что классовую борьбу Маркс рассматривает не как надстройку, а отводит ей важнейшее место в своей экономической системе. Мы убеждаемся, что научная политическая экономия капитализма исходит как из предпосылки не только из сильно возросших сравнительно с прошлым производитель-

---

¹³ См., например, «Основы марксистской философии». М., 1959; В. Г. Афанасьев. Основы марксистской философии. М., 1960; Исторический материализм. Под общ. ред. Ф. В. Константинова. Изд. 2-е. М., 1954; В. Келле и М. Ковальзон. Исторический материализм. Курс лекций. М., 1962

ных сил, но и из решительно возросшей вместе с тем активной роли непосредственных производителей в сфере отношений между людьми по производству.

Какова же именно эта роль? В частности, какое место отводит Маркс в «Капитале» классовой борьбе пролетариата при исследовании основного экономического закона капитализма?

Известно, что основным, специфическим производственным отношением капитализма является отношение найма рабочих капиталистами. Основным экономическим законом капитализма является закон прибавочной стоимости.

Начнем с отношения найма.

Чтобы владелец рабочей силы мог продавать ее как товар, говорит Маркс, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду. Юридически собственник рабочей силы должен выступать на рынке как такой же собственник своего товара, каким является и собственник денег — наниматель-капиталист. Это юридическое равноправие выражается не просто в заключении договора о найме, а в том, что договор этот расторгим обеими сторонами, т. е. является временным. В теоретически чистом случае пролетарий продает рабочую силу лишь на рабочий день.

Длительное существование основного экономического отношения капитализма требует, по словам Маркса, «чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что, если бы он продал ее целиком раз и навсегда, то он продал бы вместе с тем самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар. Как личность, он постоянно должен сохранять отношение к своей рабочей силе как к своей собственности, а потому как к своему собственному товару, а это возможно лишь постольку, поскольку он всегда предоставляет покупателю пользоваться своей рабочей силой или потреблять ее лишь временно, лишь на определенный срок, следовательно поскольку он, отчуждая рабочую силу, не отказывается от права собственности на нее»¹⁴. Поэтому, продолжает Маркс, в тех странах, где труд свободен, законодательство всегда устанавливает условия расторжения договора о найме и, напротив, где трудовые обязательства в качестве возмещения полученной ссуды могут быть бессрочными («пеонаж» в Мексике), там фактически в скрытой форме существует рабство.

Таким образом, моментом, конституирующим отношение найма в капиталистическом обществе, является прежде всего право на расторжение этого экономического отношения. Свободный пролетарий не

---

¹⁴ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 174.

тем отличается от феодальнозависимого человека, что он добровольно вступает в сделку с хозяином, — феодально зависимый человек тоже во многих случаях подписывал акт о своей согласии на такие-то условия зависимости, — а правом отказа от работы и практическим использованием этого права.

Иначе говоря, собственность рабочего на свою рабочую силу (способность к труду), как и всякая собственность, не есть лишь отношение данного субъекта собственности к данному объекту собственности, но и отношение к несобственнику, т. е. отношение к нанимателю, как лицу, не имеющему ни малейшего права собственности на данный объект. Это отстранение капиталиста от собственности на рабочую силу пролетария выражается в ее продаже последним лишь на ограниченный срок, на рабочий день, в праве расторгнуть отношение найма, отказывать капиталисту в пользовании этой собственностью. По словам Маркса, «рабочий является собственником своей рабочей силы лишь до тех пор, пока он в качестве продавца последней торгуется с капиталистом»¹⁵.

Маркс показал в 24-й главе I тома «Капитала», что капитализму предшествовала долгая, мучительная борьба предков рабочего класса за право отказываться от работы, уходить с работы. Жестокое «рабочее законодательство», начиная с XIV в., настойчиво запрещало им это и предписывало под угрозой телесных наказаний возвращаться к покинутому хозяину. Открытое вольное «бродяжничество» предшественников современного пролетариата, которых именовали «здоровыми добровольными бездельниками», было на первых порах необходимой логической антитезой этим законам. Недаром даже и в современном языке расторжение трудового соглашения выражается словами «увольнение», «освобождение» (от «воля», «свобода»), а также «уход», сформировавшимися еще в то время, когда складывались предпосылки капитализма.

Как и тогда, при капитализме рабочий именно в тот момент реализует, превращает в действительность свою формальную личную свободу, когда он прекращает работать на капиталиста и этим возвращает себе свою временно, частично отчужденную собственность на свою рабочую силу. Но, увы, это такая свобода, которая, чуть затянувшись, становится равнозначной голодной смерти.

С одной стороны, чтобы не умереть с голоду, рабочие вынуждены наниматься к эксплуататорам-капиталистам. С другой стороны, они реализуют свое право собственности на свою рабочую силу, переходя с одного предприятия на другое в поисках лучших условий; они отказываются от работы в одной отрасли производства и переходят в дру-

---

¹⁵ Там же, стр. 339.

гую; переселяются из одного района или города в другой; эмигрируют за пределы данного государства в другие страны. Наконец, стачки и забастовки служат высшим выражением этого права рабочих отказываться от продолжения работы при данных условиях труда и заработной платы, — выражением самым действенным, самым эффективным, поскольку отказ осуществляется тут коллективно. Без всех этих проявлений собственности рабочих на свою рабочую силу нет, не может быть элементарнейшего, коренного производственного отношения капитализма.

Назвать безоговорочно все эти действия рабочих «классовой борьбой» было бы неправильно. В. И. Ленин даже стачечную борьбу, требующую объединения, союза рабочих, будь то в масштабах одной фабрики или целой отрасли промышленности, называл только «зачатком классовой борьбы», «зачаточной классовой борьбой», а всякое стоящее еще ниже по своему уровню сопротивление рабочих капиталистам — просто «отпором», который «вытекает из самых условий жизни — продажи рабочей силы»¹⁶. От этого отпора, начинающегося еще в момент продажи рабочей силы, до классовой борьбы в точном смысле — целая лестница переходных ступеней, но даже в самой низшей ступени уже заложены неизбежность и семя классовой борьбы. Когда рабочий отказывается работать на данного капиталиста, это еще, казалось бы, «мирный» отпор; но чтобы реализовать свой отказ, ему надо или найти работу у другого капиталиста, или заставить данного капиталиста нанять его на других условиях, — а переселения, особенно эмиграция, толкающие рабочих к известной взаимопомощи и объединению, не говоря уже о стачках и забастовках, — это ступени перерастания «мирного» отпора в активную борьбу или же, пользуясь выражением «Коммунистического Манифеста», это скрытые формы классовой борьбы¹⁷.

Борьба неизбежна потому, что в интересах капиталистов — препятствовать праву рабочих отказываться от работы.

Маркс дал лаконичную характеристику полемики двух фракций английской буржуазии в годы гражданской войны в США. Одни сочувствовали борьбе против американского рабовладения, другие, демагогически выступавшие в роли ревнителей интересов прежде всего рабочих, доказывали, что нет причин сосредоточивать все негодование на одних лишь рабовладельцах, отпуская грехи нанимателям свободного труда. Томас Карлейль выболтал скрытую тенденцию второй позиции, выступив с притчей, доказывавшей, что вообще ожесточенная война северян и южан в США идет чуть ли не из-за недоразумения: из-за того лишь, что Петр с Севера нанимает своего рабочего «поденно», а Па-

¹⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30; т. 23, стр. 238; т. 25, стр. 56.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 424.

вел с Юга «пожизненно». Маркс восклицает: «Так лопнул, наконец, мыльный пузырь торийских симпатий к городским, — но отнюдь не к сельским! — наемным рабочим. Ядро этих симпатий называется рабством!»¹⁸

Капиталист заинтересован не в праве рабочих отказываться от работы, а лишь в обратной стороне отношений свободного найма рабочей силы на рынке: в утверждении своей неограниченной свободы увольнять рабочих. Оба агента основного экономического отношения капитализма отстаивают лишь свое право. Одна из целей всякого профессионального движения рабочих состоит в обуздании произвольного увольнения рабочей силы. Капиталисты же стараются по мере сил ограничить возможности свободного отказа рабочих от работы.

Поскольку им это удастся, постольку, как уже выше было сказано словами Маркса, рабочий превращается из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар. Маркс приводит в качестве иллюстрации и «пеонаж» в Мексике, и вообще обращение европейцев с рабами-туземцами в колониях: следует, говорит он, детально изучить сводку данных относительно обращения с рабами, имеющуюся у Шарля Конта, «чтобы увидеть, во что превращается сам буржуа и во что превращает он своих рабочих там, где он может, не стесняясь, преобразовать мир по своему образу и подобию»¹⁹.

Что же «стесняет» буржуа в других странах, что не дает ему там преобразовать мир по своему образу и подобию, т. е. превращать рабочих в рабов? Подчас все еще приходится слышать, будто согласно марксистской теории, если что и стесняет буржуа, так это лишь его собственная выгода, ибо рабство ему невыгодно; иначе говоря, сам уровень производительных сил без всякого общественного давления, «чисто экономическим» путем якобы делает буржуа защитником некоторой свободы, некоторых прав рабочих, так как без этого невозможен капитализм. Говорят, что такие рассуждения — подлинный марксизм. На самом деле это — экономистская пародия на марксизм. В «Капитале» Маркс несколько раз возвращается к вопросу: что «стесняет» буржуа, не давая ему стать рабовладельцем? Мы обнаруживаем у Маркса совсем другой ход мысли. Так, например, анализируя последствия для английского рабочего класса крушения чартизма в 1848 г. и связанного с этим упадка доверия рабочего класса к своим силам, кровавого подавления июньского восстания во Франции, сплочения всех фракций господ-

---

¹⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 260–261 (примеч. 90).

¹⁹ Там же, стр. 755 (примеч. 241). Весьма интересное освещение вопроса об использовании рабского труда для первоначального накопления см. Б. И. Коваль. О роли плантационного рабства в колониях для первоначального накопления капиталов в Западной Европе (На материалах истории Бразилии). — «Средние века», вып. 23, 1963.

ствующих классов в Европе под лозунгами спасения собственности, религии, семьи и общества, словом, ситуации, когда рабочий класс повсюду подвергся гонениям, был поставлен под действие «закона против подозрительных», Маркс продолжает: «Таким образом, господа фабриканты могли не стесняться. Они подняли открытое восстание не только против десятичасового закона, но и против всего законодательства, которое, начиная с 1833 г., стремилось несколько обуздать «свободное» высасывание рабочей силы. Это было Proslavery Rebellion (бунт в защиту рабства) в миниатюре, который более двух лет проводился с цинической бесцеремонностью, с террористической энергией, причем это было тем проще, что взбунтовавшийся капиталист ничем не рисковал, кроме шкуры своего рабочего»²⁰. Взбунтовавшийся капиталист! Оказывается, не только рабочие готовы взбунтоваться против эксплуатации, если их не подавляют капиталисты, но и капиталисты готовы взбунтоваться, поднять мятеж за рабство, — если их не «стесняют» рабочие.

В одном из параграфов «Капитала» Маркс анализирует положение рабочих в тех отраслях английской промышленности, где высасывание рабочей силы, по его словам, «еще ничем не стеснено, или не было ничем стеснено еще совершенно недавно». Мы замечаем, что это по преимуществу те отрасли, где преобладает или играет заметную роль труд детей и подростков. Это и понятно: дети не только не имеют возможности оказывать такой отпор нанимателям, как взрослые, но они и не обладают правом отказываться от работы, так как в сущности-то не они сами нанимаются, за них решают родители, которые тем самым попросту продают их фабриканту. Результаты этого положения и отражены в тех леденящих кровь отчетах, которые обильно цитирует Маркс. В одном из них говорится: «...Это — система безграничного рабства, рабства в социальном, физическом, моральном и интеллектуальном отношениях»²¹. Снова перед нами призрак рабства. Мы видим, что цепи законодательного регулирования труда наименее стесняют капиталистов в тех отраслях промышленности, где их наименее стесняют сами рабочие.

Приведенные примеры уже выводят нас за узкие рамки вопроса о найме рабочей силы и ведут к вопросу об ее эксплуатации в процессе капиталистического производства.

Открытая Марксом тайна прибавочной стоимости состоит, как известно, в том, что покупая на рынке рабочую силу как товар, по ее стоимости, в обмен на свой товар, деньги, капиталист в результате процесса производства, где он использует эту рабочую силу, получает

---

²⁰ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 291.

²¹ Там же, стр. 249.

в виде продукции увеличенную стоимость, т. е. избыток сверх оплаченной им стоимости. Стоимость рабочей силы он выплачивает рабочим в качестве заработной платы, избыток присваивает себе в качестве прибыли.

Первое понятие, которое политическая экономия должна тут разъяснить, это стоимость рабочей силы. Последняя определяется, как и стоимость всякого товара, количеством труда, общественно необходимого для воспроизводства данного потребленного товара, т. е. для восстановления затраченной в производстве жизненной энергии рабочего — для создания средств удовлетворения его необходимых потребностей, а также содержания его семьи и обучения подрастающего поколения рабочих. От чего зависит величина этого необходимого труда?

Для экономического материализма весьма удобным представляется ответ, что необходимый труд — величина в сущности биологическая и техническая (физический минимум средств питания, отдыха, минимум выносливости, внимания, технической подготовки рабочих и т. д.). В таком случае можно утверждать, что в интересах самих капиталистов как организаторов капиталистического производства не нарушать этот минимум, напротив, в общем стремиться, — при всей нерасчетливости отдельных дельцов, — к выплате рабочим такой заработной платы, которая обеспечивала бы им этот технически необходимый для функционирования промышленности минимум. Все обходится выгодой, конечным интересом самого господствующего класса, устанавливающего данные экономические отношения; для борьбы же со стороны рабочих остается роль фактора довольно несущественного или даже вообще бессильного против «железного закона» заработной платы.

Такое представление о необходимом труде напрасно выдают за марксистское. У Маркса категория необходимого труда имеет не естественно-техническое, а общественное содержание, следовательно, не абсолютное, а исторически изменчивое. Маркс подчеркивает, что даже само понятие «естественные потребности» меняется в зависимости от климатических и других особенностей природы разных стран. Но еще гораздо важнее, что определение стоимости рабочей силы включает в себя, по выражению Маркса, исторический и моральный элемент: сами потребности и способ их удовлетворения представляют собой продукт истории той или иной страны, зависят от культурного уровня страны, от сформировавшихся привычек и жизненных притязаний рабочего класса²².

Утверждение и защита рабочими при капитализме своих жизненных притязаний — это вопрос борьбы. Необходимый труд определяется как тот или иной процент совокупного труда, остальная часть кото-

---

²² См. там же, стр. 177–178.

рого присваивается капиталистами. Следовательно, необходимый труд — не технологическая категория, а выражает отношение классов, поскольку дело идет о классовом антагонистическом обществе. Размер заработной платы пролетариев, т. е. денежного выражения стоимости их рабочей силы, определяется в не утихающей ни на минуту, неустанной борьбе между ними и капиталистами. Максимальный жизненный уровень, которого удастся добиться рабочему классу в среднем на известный срок, — это и есть стоимость рабочей силы, хотя бы фактически на протяжении длительного периода капиталисты и выплачивали рабочим меньшую, находящуюся ниже данной стоимости заработную плату.

Таким образом, сама величина стоимости находится тут в зависимости от классовой борьбы. Тщетно «экономические материалисты» будут доказывать, что уж стоимость-то — «чисто экономическая» категория, складывающаяся и действующая без всякого соучастия классовой борьбы. В учебниках политической экономии, в марксистских исследованиях о необходимом труде, о стоимости рабочей силы, они неизменно прочтут, что закон стоимости рабочей силы реализуется не иначе, как в экономической борьбе рабочих против капиталистов, в борьбе классов²³.

В этой борьбе ни одна сторона не стремится к фактически существующему уровню заработной платы. Напротив, он является лишь равнодействующей их взаимно противоположных стремлений. Рабочие стараются поднять как можно выше свой жизненный уровень, т. е. стоимость своей рабочей силы, капиталисты стараются опустить как можно ниже уплачиваемую за рабочую силу цену, т. е. покупать этот товар как можно ниже его стоимости.

Стоимость рабочей силы, т. е. максимальный жизненный уровень широкой массы рабочих, достижимый в данной стране, в данную эпоху, это не предел стремлений класса рабочих, — в отдельные удачные моменты или отдельными группами рабочих достигается и более высокий уровень, превышающий стоимость, — нет, это скорее предел отступления класса капиталистов. Интенсивность их противодействия борьбе рабочих — не неизменная величина, противодействие это становится все более интенсивным вместе с сокращением прибыли.

Интенсивность экономической борьбы рабочих — тоже не неизменная величина. Борьба становится все напряженнее, все ожесточеннее, следовательно, все неодолимее для буржуазии и ее государства по мере того, как заработная плата все дальше отступает от однажды дос-

---

²³ См., например, «Политическая экономия». Учебник. Изд. 4-е. М., 1962; стр. 121–122; А. Арзуманян. Вопросы марксистско-ленинской теории обнищания пролетариата. — «Коммунист», 1956, № 10.

тигнутого уровня, от стоимости. Само буржуазное государство бывает вынуждено, — причем только в результате неослабной борьбы рабочего класса за свои жизненные интересы, грозящей принять еще более опасные формы, — издавать законы о минимуме заработной платы.

Но добровольно класс капиталистов не остановится ни у какого предела снижения заработной платы. Экономический материализм опять-таки создает легенды, будто «по Марксу» сами капиталисты понимают, что безрассудное истребление рабочего класса оставило бы их без рабочих рук, и поэтому обеспечивают минимальные условия воспроизводства рабочего класса. Посмотрим, что говорит Маркс.

Стоимость рабочей силы, говорит он, включает в себе стоимость тех товаров, которые необходимы для воспроизводства рабочего или для размножения рабочего класса. Если капитал, в безграничном стремлении к самовозрастанию, своими домогательствами сокращает период жизни отдельных рабочих, а вместе с тем и продолжительность функционирования их рабочей силы, то становится необходимым более быстрое возмещение сношенных рабочих сил, т. е. в воспроизводство рабочей силы должны входить более крупные издержки снашивания. Поэтому, говорит Маркс, казалось бы, собственный интерес капитала указывает на необходимость сбережения рабочей силы от снашивания, подобно тому как капитал заинтересован в наименьшем снашивании машины. Но это только «казалось бы». А на самом деле капитал относится к рабочей силе совсем иначе, чем к машине. «Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели сокращением жизни рабочей силы, как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством, расхищения плодородия почвы»²⁴.

Маркс обращается к примеру североамериканских рабовладельцев. Рабовладелец, говорит он, покупает своего рабочего так же, как он покупает свою лошадь. Вместе с рабом он теряет капитал, который приходится возмещать новой затратой на невольничьем рынке. Но, оказывается, его это несколько не стесняет, так как из рассадников рабов в Кентукки и Виргинии, из неисчерпаемых недр Африки всегда можно получить новых и новых негров. По словам цитируемого Марксом автора, в этих условиях продолжительность жизни раба становится менее важной, чем его производительность в то время, пока она продолжается. Поэтому, продолжает этот автор, правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действительная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого

---

²⁴ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 271.

скота (human cattle) возможно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени. Значительная часть рабов ежегодно прямо истребляется вследствие не только крайней грубости пищи и непрерывного изнурительного мучительства, но и вследствие медленного истязания чрезмерным трудом и недостатком сна и отдыха.

Процитировав это, Маркс восклицает, обращаясь к английскому капитализму: «Mutato nomine de te fabula narratur! (Под другим именем о тебе рассказывается эта история!) Заменяем торговлю невольниками рабочим рынком, Кентукки и Виргинию — Ирландией и земледельческими округами Англии, Шотландии и Уэльса, Африку — Германией!»²⁵ «В общем, — продолжает Маркс далее, — опыт показывает капиталисту, что постоянно существует известное перенаселение... хотя перенаселение это и составляется из захиревших, быстро отживающих, вытесняющих друг — друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений»²⁶. Капиталу в действительности вовсе нет дела до того, что он подорвет жизненную силу народа, поглотив вслед за промышленным городским населением также и все запасные жизненные элементы деревни. Природа капитала исключает далекое перспективное планирование. «...Перспектива будущего вырождения человечества, т. е., в конце концов, неизбежного его вымирания, также мало влияет на его практическую деятельность, как соображения относительно возможности падения земли на солнце»²⁷.

Таким образом, по мысли Маркса, буржуа отнюдь не руководствуется тем объективным расчетом, который, казалось бы, должен диктовать ему оплату рабочей силы по стоимости или хоть по каким-либо рациональным соображениям ее воспроизводства. Капиталист старается платить рабочим как можно меньше. Он готов довести жизненные условия рабочих до условий рабов и еще худших. Для него в этом стремлении нет никакого «физического» предела, ибо минимум условий, необходимых для того, чтобы рабочий мог завтра еще раз встать в строй, в пределе приближается к нулю, продолжительность же функционирования рабочей силы каждого индивида его абсолютно не интересует. После меня хоть потоп! — вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации, говорит Маркс. «Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению»²⁸.

Но общественной силой, способной принудить или стеснить капиталистов в этом отношении, может быть в конечном счете только ра-

---

²⁵ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 272.

²⁶ Там же, стр. 274.

²⁷ Там же, стр. 275.

²⁸ Там же.

бочий класс. Даже если непосредственное вмешательство берет на себя государственная власть или, скажем, более просвещенная и либеральная часть самой буржуазии, объективно они делают это, каковы бы ни были субъективные мотивы, только потому, что рабочие борются за лучшие жизненные условия — борются поодиночке и сообща, экономически и политически, неорганизованно или организуясь в профсоюзы и партии.

Маркс особенно полно показал это на проблеме рабочего дня.

Необходимое время или время, оплачиваемое заработной платой, составляет только часть рабочего дня. Вся остальная часть образует прибавочное время, а стоимость, произведенная в течение этого времени, — прибавочную стоимость. Таким образом, анализ проблемы рабочего дня является самой сердцевиной всей системы «Капитала», в частности учения о производстве абсолютной прибавочной стоимости.

Здесь мы снова не обнаруживаем ни «чисто экономического», т. е. действующего независимо от классовой борьбы закона политической экономии, ни совпадения данной черты производственных отношений капитализма с волей, интересами, выгодой лишь одного класса, «носителя» этих производственных отношений, — класса капиталистов. Все эти выдумки экономического материализма ничего общего не имеют с диалектикой «Капитала».

Что такое рабочий день? У капиталиста, по словам Маркса, свой собственный взгляд на крайний предел рабочего дня: у капитала единственное жизненное стремление — увеличивать свою стоимость, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно большую массу прибавочного труда. Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает. С позиции капиталиста, рабочий обкрадывает его, потребляя на самого себя какую-то часть времени, находящегося в распоряжении капиталиста: последний ссылается на закон товарного обмена; он купил рабочую силу, и, как всякий другой покупатель, старается выручить как можно большую пользу из потребительной стоимости купленного товара²⁹.

«Но вдруг раздается голос рабочего, который до сих пор заглушался шумом и грохотом процесса производства», — продолжает Маркс. Знаменательно, что именно рабочему Маркс приписывает защиту рабочей силы от безумной растраты ее, ту защиту нормальной продолжительности ее существования и ее нормального развития, которую распространенное апологетическое представление экономических материалистов приписывает «организатору» капиталистического произ-

---

²⁹ См. там же, стр. 238.

водства — капиталисту. Однако и рабочий отнюдь не выступает у Маркса в качестве представителя интересов общества и производства в целом при капитализме. Рабочий тоже односторонен. Маркс вкладывает в его уста речь, в которой он, как и капиталист, ссылается на закон обмена товаров, но делает противоположный вывод. Тебе, как покупателю, принадлежит потребление моей дневной рабочей силы, говорит этот собирательный рабочий, обращаясь к капиталисту. Но при помощи той цены, за которую я каждый день продаю ее, я должен ежедневно воспроизводить ее, чтобы потом снова продать. Безмерным удлинением рабочего дня ты можешь в один день привести в движение большее количество моей рабочей силы, чем я мог бы восстановить в три дня... таким образом ты крадешь у меня ежедневно 2/3 стоимости моего товара. Ты оплачиваешь мне однодневную рабочую силу, хотя потребляешь трехдневную. Это противно нашему договору и закону обмена товаров. Я требую нормального рабочего дня, потому что, как всякий другой продавец, я требую стоимости моего товара³⁰.

Мы находимся у важнейшего логического рубежа в развитии идей «Капитала». С того момента, как законы обмена товаров рассматриваются применительно к такому обществу, где налицо система наемного труда, возникает антиномия, неразрешимая в узко «экономической», т. е. рыночной плоскости. Как мы видим, и продавец, и покупатель по праву обвиняют друг друга в краже. Оба с полным основанием опираются на закон обмена товаров в своих взаимно исключающих требованиях. «Следовательно, — пишет Маркс, — здесь получается антиномия, право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом обмена товаров. При столкновении двух равных прав решение принадлежит силе. Таким образом, в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня — борьба между совокупным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и совокупным рабочим, т. е. рабочим классом»³¹.

Какое фиаско экономического материализма, согласно которому условием складывания капитализма «по Марксу» является лишь рыночная конкуренция, открывающая простор закону стоимости! Оказывается, для перехода от законов товарного обращения к законам капитализма политическая экономия должна апеллировать к такому компоненту экономической жизни, как классовая борьба. Классовая борьба выступает как необходимое условие капиталистического способа производства: если рабочий класс обнаруживает неспособность к сопротивлению, класс капиталистов не только неограниченно сокращает

---

³⁰ См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 239.

³¹ Там же, стр. 240.

заработную плату, но и неограниченно увеличивает рабочий день, делая невозможным воспроизводство рабочей силы, а тем самым — и все капиталистическое воспроизводство.

На вопрос: как велико то время, в продолжении которого капитал может потреблять купленную им рабочую силу, капитал, по словам Маркса, отвечает: рабочий день насчитывает полные 24 часа в сутки. «...При своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня»³². Но в этом слепом стремлении капитал наталкивается на противодействие рабочих. «Установление нормального рабочего дня явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим», — говорит Маркс³³.

С помощью немногих ярких примеров Маркс обрисовал контуры истории этой борьбы в Англии, Америке, Франции.

В течение ряда столетий, с XIV в., в Англии нанимателям рабочей силы удавалось с помощью государственного законодательства (так называемых рабочих статутов) шаг за шагом насильственно удлинять рабочий день. Но еще в продолжение «большей части XVIII в., до эпохи машинного производства, капиталу, говорит Маркс, не удавалось захватить всю неделю рабочего, хотя рабочий день был уже раздвинут за нормальные максимальные пределы до двенадцатичасового дня. Со времени же возникновения крупной промышленности в последней трети XVIII в. «начинается стремительное... опрокидывающее все преграды движение в этой области. Всякие пределы, которые ставятся нравами и природой, возрастом и полом, сменой дня и ночи, были разрушены... Капитал справлял свои оргии».

«Как только рабочий класс, оглушенный грохотом производства, до некоторой степени пришел в себя, он начал оказывать сопротивление, и прежде всего на родине крупной промышленности, в Англии»³⁴. Сначала его сопротивление было малоуспешным, уступки, которых он добивался, были чисто номинальными. Только со времени фабричного акта 1833 г., говорит Маркс, распространяющегося на хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые фабрики, берет свое начало нормальный рабочий день для современной промышленности. Затем следуют законы 1844, 1845 и 1847 гг.; последний устанавливал десятичасовой рабочий день.

Благодаря чему удавалось рабочим достигать этих уступок? Благодаря переходу от борьбы в одиночку к борьбе сплоченной массой, от

---

³² Там же, стр. 270.

³³ Там же, стр. 276.

³⁴ Там же, стр. 284.

индивидуального сопротивления стремлению капитала «безгранично и беспощадно удлинять рабочий день» — к сопротивлению классовому. По словам Маркса, «изолированный рабочий, рабочий как «свободный» продавец своей рабочей силы, на известной ступени созревания капиталистического производства не в состоянии оказать какого бы то ни было сопротивления. Поэтому установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом»³⁵.

В 1848 г., в тот момент, когда эта война стала перерастать из скрытой в открытую политическую войну классов, из сопротивления — в наступление рабочего класса, сплотившаяся буржуазия ответила разгромом рабочего движения и в Англии, и на континенте. Выше мы уже цитировали бичующие слова Маркса, характеризующие этот «бунт в защиту рабства». Если во время агитации за десятичасовой рабочий день, говорит Маркс, фабриканты кричали, что рабочий сброд подает петиции в надежде получить за десятичасовой рабочий день двенадцатичасовую заработную плату, то теперь, во время, «двухгодичного бунта капитала» 1848–1850 гг., они перевернули медаль и платили десятичасовую заработную плату за двенадцати- и пятнадцатичасовое распоряжение рабочими силами.

«Но за этой, казалось бы, окончательной победой капитала тотчас же наступил поворот. Рабочие до сих пор оказывали пассивное, хотя упорное и ежедневно возобновляющееся сопротивление. Теперь они начали громко протестовать на грозных митингах в Ланкашире и Йоркшире... Фабричные инспектора настоятельно предупреждали правительство, что классовый антагонизм достиг невероятной степени напряжения...

При таких обстоятельствах между фабрикантами и рабочими состоялся компромисс, получивший санкцию парламента в новом дополнительном фабричном акте 5 августа 1850 г.»³⁶.

В следующие годы, по словам Маркса, сила сопротивления капитала постепенно ослабевала, а сила наступления рабочего класса, напротив, возрастала. Этим объясняется сравнительно быстрый прогресс с 1860 г. в установлении нормального рабочего дня. В примечании ко 2-му изданию «Капитала» Маркс добавляет, что с 1866 г., когда были написаны эти строки, опять, наступила реакция³⁷.

Зависимость установления нормального рабочего дня от классовой борьбы пролетариата Маркс иллюстрирует также отдельными деталь-

---

³⁵ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 304.

³⁶ Там же, стр. 297.

³⁷ См. там же, стр. 302.

ными примерами. Так, он приводит данные о борьбе против ночного и воскресного труда пекарей в Ирландии. Здесь дело идет о совершенно конкретном, исторически определенном и изменчивом соотношении классовых сил. Оно зависит от множества реальных обстоятельств места и времени, исследование которых выходит за рамки политической экономии.

Маркс подчеркивает многообразие путей и форм этой борьбы в разных странах: Англии, Франции, США. Но все эти многообразные пути, зависящие от особенностей исторического развития как экономического базиса, так и надстройки в каждой стране, объективно ведут к одному результату: к установлению того нормального рабочего дня, без которого было бы немыслимо длительное существование самой капиталистической системы. Это не значит, конечно, что рабочее движение «утверждает» капитализм. Нет, оно отрицает капитализм, однако, как показывает Маркс, капитализм немыслим без этого отрицания, постоянно действующего внутри него то с большей, то с меньшей силой.

Маркс не противопоставляет друг другу производственные отношения капитализма, имеющие антагонистический характер, и классовую борьбу, в которой проявляется этот антагонизм. Он рассматривает их в единстве. С одной стороны, рабочее движение он характеризует как «инстинктивно выросшее по обеим сторонам Атлантического океана из самих производственных отношений»³⁸. С другой стороны, оформление этих производственных отношений, в данном случае — установление нормального для капитализма рабочего дня, распадающегося в известной пропорции на необходимое и прибавочное время, он характеризует как «компромисс» — результат столкновения противоположно направленных классовых сил. Постановления, регулирующие рабочее время, пишет он, «отнюдь не были продуктом парламентских измышлений. Они постепенно развивались из данных отношений как естественные законы современного способа производства. Формулировка их, официальное признание и провозглашение государством явились результатом длительной классовой борьбы»³⁹. Как видим, речь идет отнюдь не о взвешивании «важности» производственных отношений или объективных экономических законов, с одной стороны, и классовой борьбы — с другой, как обычно ставит вопрос «экономический материализм». Речь идет о том, что ограничение рабочего дня является объективным, «естественным» экономическим законом, необходимо вытекающим из коренных производственных отношений, из способа производства капитализма, а осуществляет этот экономиче-

---

³⁸ Там же, стр. 306.

³⁹ Там же, стр. 288.

ский закон классовая борьба, — пролетариат принуждает буржуазное государство вмешаться в слепое стремление капиталистов к безграничному удлинению рабочего дня.

Значит ли это, что государство выступает у Маркса как надклассовая или двухклассовая сила? Напротив, Маркс пишет: «Эти законы обуздывают стремления капитала к безграничному высасыванию рабочей силы, устанавливая принудительное ограничение рабочего дня государством, и притом государством, в котором господствуют капиталист и лэндлорд»⁴⁰. На вопрос, что же заставляет государство, этот исполнительный комитет буржуазии, накладывать на капитал цепи законодательного регулирования, Маркс дает ясный ответ. Конечно, тут действуют и такие факторы, как периодически повторяющиеся эпидемии, вразумительно говорящие о падении жизненной силы нации, и рост крушений поездов из-за предельного переутомления железнодорожных рабочих, словом, факторы, волнующие широкую публику, но главную причину Маркс указывает в «нарастающем рабочем движении, с каждым днем все более грозном»⁴¹. Отчеты фабричных инспекторов, обильно цитируемые Марксом, тревожно сигнализировали государственному аппарату Англии о приближении взрыва, о невероятном напряжении классового антагонизма.

Одна из комиссий английского правительства писала: «Держа своих рабочих под угрозой расчета, хозяева вынуждают у них нарушение религиозных убеждений, неповиновение законам страны, оскорбление общественного мнения (все это относится к воскресному труду), сея таким образом семена вражды между капиталом и трудом, и подают пример, опасный для религии, нравственности и общественного порядка»⁴². Только после этого недвусмысленного предупреждения об опасности для существующего порядка комиссия сочла возможным высказать также филантропические соображения о разрушении здоровья рабочих, преждевременных смертях, упадке семьи в результате непосильного труда рабочих. Буржуазное государство в конечном счете только потому вводило законодательное ограничение и регулирование рабочего дня, что его функцией было не столько подавление *post factum*, сколько предотвращение революционного взрыва, которым всегда чревато капиталистическое общество. Защищая буржуазию, оно выступало как бы защитником рабочих от буржуазии.

Маркс вводит тем самым читателя в глубочайшую диалектику отношений антагонистических классов. Они не только противоположны друг другу, но и неразрывно взаимосвязаны и каждый поэтому в конце

---

⁴⁰ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 244.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 257.

концов принужден отразить в своем поведении воздействие своего антагониста.

Основой всего анализа является именно мысль о полной противоположности исходных стремлений пролетариев и капиталистов. Стремление пролетариев — сбросить с себя эксплуатацию. Однако это оказывается невозможным. Стремление капиталистов — эксплуатировать рабочих самым безудержным, самым неограниченным образом. Маркс не устает напоминать читателю, что капиталист, пока он не сдержан внешней общественной силой, неизменно превращает рабочих в рабов — и в экономическом, и в правовом смысле. С убийственной иронией заканчивает Маркс цитирование одного документа, рисующего чудовищную эксплуатацию детского труда в стекольной промышленности Англии: «А между тем «преисполненный самоотречения» стекольный капиталист, пошатываясь от портвейна, возвращается, быть может, поздно ночью из клуба домой и идиотски напевает себе под нос: «Britons never, never, shall be slaves!» (Нет, никогда не будут британцы рабами!)»⁴³. Маркс говорит о непомерных злоупотреблениях в хлопчатобумажной промышленности, не превзойденных даже жестокостями испанцев по отношению к краснокожим Америки⁴⁴. Но и низвести рабочих до положения рабов или крепостных, несмотря на такого рода удачу капиталистов в отдельных отраслях производства, оказывается в конце концов невозможным.

Неосуществимость и того и другого стремления определяется в конечном счете уровнем производительных сил: последние еще не созрели для уничтожения эксплуатации человека человеком, но уже требуют более высокой формы эксплуатации, чем полное или неполное рабство. Однако производительные силы возмещают эти пределы каждому классу лишь через противоположный класс. Стремление каждого класса признавать только свою собственность, свой товар наталкивается на стремление противоположного класса, и так возникает непредвиденная ими обоими равнодействующая, которая отвечает объективной исторической необходимости. Но дело идет не о механическом столкновении. Две внешние друг другу антагонистические силы не составляли бы общества. Диалектика начинается там, где каждый класс в какой-то мере вынужден представлять своего антагониста.

Маркс показывает это в связи все с той же проблемой рабочего дня. Сами фабриканты, говорит он, у которых путем полувековой гражданской войны шаг за шагом завоевывалось законодательное ограничение и регулирование рабочего дня, в конце концов принуждены были покориться неизбежному и примириться с ним. Сами фабриканты стали

---

⁴³ Там же, стр. 269–270 (примеч. 103).

⁴⁴ См. там же, стр. 248.

теперь хвастаться положением в тех отраслях промышленности, где рабочий день подвергся законодательному ограничению, и противопоставлять их тем отраслям, где эксплуатация еще оставалась «свободной». «Фарисеи «политической экономии» поспешили провозгласить идею необходимости законодательного регулирования рабочего дня новым характерным завоеванием их «науки»»⁴⁵. Словом, это было признанием поражения, в результате которого, по словам Маркса, сила сопротивления капитала постепенно ослабевала, но в то же время это было созревaniem класса капиталистов, его идеологии и его государства.

В уста собирательного рабочего Маркс вкладывает необычайно выразительные слова, обращенные к капиталисту: «Итак, я требую рабочего дня нормальной продолжительности и требую его, взывая не к твоему сердцу, так как в денежных делах конец всякому благодушию. Ты можешь быть образцовым гражданином, даже членом общества покровительства животным и вдобавок пользоваться репутацией святости, но у той вещи, которую ты представляешь по отношению ко мне, нет сердца в груди. Если кажется, что в ней что-то бьется, так это простое биение моего собственного сердца»⁴⁶.

Олицетворение совокупной буржуазии — буржуазное государство — если и осуществляет в конце концов относительно гуманное для того времени и общественно рациональное ограничение рабочего дня, то лишь постольку, поскольку в груди капитала бьется «что-то», что не является само капиталом. Это буржуазное законодательство отражает биение рабочего сердца — упорную борьбу рабочих за нормальный рабочий день.

Однако, как показывает Маркс, и рабочий класс в этой борьбе в свою очередь подчиняется узам буржуазного общества. Борясь за «фабричные законы», рабочий класс выступает тем самым против «свободы труда» — ничем не ограниченного распоряжения своим товаром, своей рабочей силой.

Если бы наемный рабочий, продавец своей рабочей силы, был предоставлен только законам обращения товаров, стихия рыночной конкуренции привела бы его к утере этой собственности: он в конце концов продал бы на неограниченный срок и на истощение до смерти и себя и своих детей. Из законов товарного производства и обращения, взятых сами по себе, вне определенных исторических условий, как видим, скорее развились бы рабовладельческие, а не капиталистические порядки. Чтобы «защитить» себя от этого соблазна, говорит Маркс, «рабочие должны объединиться и, как класс, заставить издать государ-

---

⁴⁵ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 301.

⁴⁶ Там же, стр. 239.

ственный закон, мощное общественное препятствие, которое мешало бы им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство»⁴⁷. Мы снова обнаруживаем, что переход от анализа простого товарного производства к капитализму в теории Маркса осуществляется лишь путем привлечения такой категории, такого компонента экономической жизни, как классовая борьба.

В учении Маркса о прибавочной стоимости не рассмотренным нами остается еще понятие относительной прибавочной стоимости.

Относительной прибавочной стоимостью называется прибавочная стоимость, возникающая не вследствие увеличения рабочего дня (или, что практически то же, увеличения интенсивности труда), а вследствие сокращения необходимого рабочего времени, но не за счет уменьшения потребления рабочих, а за счет уменьшения стоимости средств существования рабочих. Иными словами, относительная прибавочная стоимость образуется в результате роста производительности труда в отраслях, изготавливающих предметы потребления рабочих, а также доставляющих орудия и материалы для производства этих предметов потребления. Если в мануфактурный период развития капитализма преимущественное значение имело увеличение абсолютной прибавочной стоимости, то со времени введения машин эксплуатация капиталистами рабочих в огромной степени усиливается за счет роста относительной прибавочной стоимости.

В области анализа относительной прибавочной стоимости, как может показаться на первый взгляд, экономический материализм способен взять реванш. Уж в таком деле, как введение машин, как развитие новой техники, действует, по-видимому, только механизм рыночной конкуренции между капиталистами, и все объясняется «чисто экономически» без какого-либо участия классовой борьбы. Тут буржуазия выступает перед нами, по-видимому, как создатель новых производительных сил, стимулируемый хотя и не бескорыстным стремлением к общественному прогрессу, а узкоэгоистической корыстью, но уж никак не классовым антагонизмом по отношению к пролетариату. Возрастание же эксплуатации рабочих в результате введения машин и новой техники является, по-видимому, никем не предвиденным стихийным результатом действия рыночной конкуренции между капиталистами.

Однако нечто совершенно иное мы находим в «Капитале». По крайней мере первым этапам истории введения машин Маркс дает такое объяснение, которое полностью противоречит всей этой «чисто экономической» идиллии.

---

⁴⁷ Там же, стр. 307.

В мануфактурный период капитализма, говорит Маркс, число не обученных рабочих было весьма ограниченным, преобладающее знание имели обученные рабочие. Хотя разложение ремесленного труда на более простые специальности понижает издержки обучения, а потому и стоимость рабочей силы, тем не менее для более трудных частичных работ длительный срок обучения остается необходимым; длительный срок обучения ревностно отстаивается рабочими, причем даже там, где он излишен. Хотя мануфактура, упрощая отдельные операции, прокладывает путь вовлечению в производство женщин и детей, тем не менее, по словам Маркса, эта тенденция в общем и целом терпит крушение благодаря сопротивлению взрослых рабочих мужчин⁴⁸.

Словом, необходимость более или менее высокой специальной квалификации рабочего, его более или менее длительного обучения в эпоху мануфактуры составляла его некоторую экономическую охрану, которую он поэтому ревностно отстаивал. Иерархическому расчленению рабочих соответствовала иерархия заработных плат. Обученные рабочие, составляющие большинство, могли добиваться сносной заработной платы, тем более что их всегда недоставало. Жалобы на недостаток квалифицированных рабочих столь же характерны для мануфактурной эпохи, как и панические жалобы на изобилие люмпен-пролетариев. Предприниматели переманивали искусных рабочих друг у друга, в том числе из одной страны в другую.

Вот почему эта часть мануфактурного предпролетариата отличалась «недисциплинированностью» перед лицом капитала. Она постоянно вступала с ним в стычки и не без успеха выдерживала их. Так как ремесленное искусство остается основой мануфактуры, пишет Маркс, а функционирующий в ней совокупный механизм лишен объективного скелета, не зависящего от рабочих (т. е. системы машин), то капиталу постоянно приходится бороться с нарушениями субординации со стороны рабочих. Маркс цитирует слова Юра: «...Чем рабочий искуснее, тем он своевольнее, тем труднее подчинить его дисциплине и, следовательно, тем больший вред приносит он своими капризами совокупному механизму». И Маркс продолжает: «И если бы даже у нас не было показаний со стороны писателей того времени, то одни уже факты, что начиная с XVI столетия и вплоть до эпохи крупной промышленности капиталу не удавалось подчинить себе все то рабочее время, каким располагает мануфактурный рабочий; что мануфактуры недолговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой, — уже одни эти факты говорят нам больше, чем целые библиотеки»⁴⁹. Но и целые библиотеки говорят о

---

⁴⁸ См. *К. Маркс. Капитал*, т. I, стр. 375.

⁴⁹ Там же, стр. 376.

том же: «порядок» отсутствует в мануфактуре, «порядок должен быть установлен тем или иным способом», — твердили разные авторы.

И «Аркрайт создал порядок», — по словам одного из них. В таком характерном контексте Маркс переходит к промышленному перевороту. Введение машин в его изложении выступает прежде всего как средство, с помощью которого капиталисты сломали сопротивление рабочих: мануфактурные рабочие могли отстаивать свои интересы поскольку мануфактуристы находились в известной зависимости от их сравнительно редкого и незаменимого производственного мастерства, от их односторонне (вплоть до уродливости) развитого умения выполнять такую-то детальную работу; машина взяла на себя их искусство, и капиталист теперь смог не стесняясь выгонять строптивых рабочих на улицу, заменяя их более сговорчивыми из резервной армии труда. Важнейшее оружие борьбы было таким образом выбито из рук рабочих.

Маркс обнажает всю диалектику этого процесса, показывая, что именно все более дробная специализация, охотно осваиваемая самими мануфактурными рабочими — преемниками средневековых ремесленников, служившая им экономическим оружием в рамках мануфактуры против предпринимателей, подготовила техническую возможность замены человека машиной. Рабочие сами, защищаясь от капиталистов, осуществили тот технический процесс, против естественного плода которого, обратившегося против них, они затем стали восставать уже в качестве «разрушителей машин».

В этом смысле историческими творцами машинного производства были не отдельные изобретатели, тем более не класс капиталистов, а рабочие, доведшие свое ручное механическое мастерство до виртуозности. Изобретения Вокансона, Аркрайта, Уатта и др., говорит Маркс, могли получить осуществление только благодаря тому, что эти изобретатели нашли значительное количество искусных механических рабочих, уже подготовленных мануфактурным периодом. «...Сама машина была обязана своим существованием личной силе, личному искусству, т. е. зависела от мускульной силы, верности глаза и виртуозности рук, с которыми частичный рабочий внутри мануфактуры или ремесленник вне ее оперирует своим карликовым инструментом»⁵⁰.

Но, раз возникнув, машинное производство «попадает в техническое противоречие (*Widerstreit*) со своим ремесленным и мануфактурным базисом»⁵¹. У машинного производства есть своя техническая и экономическая логика развития, распространения на взаимосвязанные операции, на транспорт, на производство самих машин. Машина шаг за шагом неумолимо ломает и уничтожает технический базис мануфак-

---

⁵⁰ Там же, стр. 388.

⁵¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 389.

туры — ручной труд деталей рабочих. Однако Маркс рассматривает и эти технические и экономические процессы не в отрыве от классовой борьбы, а показывает, что они, напротив, осуществлялись в данной специфической общественной форме — как новые и новые проявления антагонизма классов.

Саму проблему относительной прибавочной стоимости Маркс неразрывно связывает с классовой борьбой: «Когда постепенно нарастающее возмущение рабочего класса принудило государство насильно сократить рабочее время и продиктовать — прежде всего на фабрике в собственном смысле — нормальный рабочий день, т. е. с того момента, когда раз навсегда сделалось невозможным увеличение производства прибавочной стоимости посредством удлинения рабочего дня, капитал со всею энергией и с полной сознательностью бросился на производство относительной прибавочной стоимости при помощи ускоренного развития машинной системы»⁵².

Машина, говорит Маркс, действует не только как непреодолимый конкурент наемного рабочего, готовый сделать его «излишним». «Капитал громогласно и с обдуманном намерением возвещает о ней как о силе, враждебной рабочему, и пользуется ею как таковой. Она становится самым мощным боевым орудием для подавления периодических возмущений рабочих, стачек и т. д., направленных против самодержавия капитала»⁵³. Маркс приводит ряд примеров: на стекольных и бутылочных заводах до введения машин, по словам источника, «отношения между хозяевами и руками... — это хроническая стачка», — отсюда быстрое развитие производства прессованного стекла, при котором главные операции выполняются машинами; изобретатель и предприниматель Нэсмис в своих показаниях перед комиссией о тред-юнионах сообщил, что усовершенствования в машинах — самодействующие машины — он ввел вследствие большой и продолжительной стачки машиностроительных рабочих в 1851 г.; предприниматель Ферберн к некоторым очень существенным применениям машин при машиностроении пришел под влиянием стачек на его собственной машиностроительной фабрике. Обобщая, Маркс говорит, что можно было бы написать целую историю таких изобретений, которые были вызваны к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущений рабочих⁵⁴. Он ссылается и на экономистов — современников промышленного переворота. По Гаскеллу, паровая машина с самого начала сделалась антагонистом «человеческой силы» и дала капиталистам возможность разбивать растущие притязания рабочих. Юр писал по

---

⁵² Там же, стр., 415.

⁵³ Там же, стр. 441.

⁵⁴ См. там же.

поводу одного изобретения для шлихтования основы, непосредственно вызванного стачкой: «Орда недовольных, мнившая себя непобедимой за старыми укреплениями разделения труда, увидела, что ее захватили фланговым нападением и уничтожили ее оборонительные средства современной механической тактикой. Ей пришлось сдаться на милость и гнев победителей». Маркс цитирует и обобщения Юра, что «капитал, заставив науку служить себе, постоянно принуждает мятежные руки труда к покорности», и его предостережения рабочим, что своей непокорностью, стачками и т. д. они ускоряют развитие машин⁵⁵.

Введение машин, будучи в указанном смысле поражением рабочих, естественно повлекло на первых порах ухудшение их позиций и по другим рассмотренным выше линиям борьбы с капиталом. Соответственно Маркс возвращается в главе о машинах и крупной промышленности и к вопросу о свободе заключения и расторжения договора о найме, и к вопросу о женском и детском труде, и о продолжительности рабочего дня.

Поскольку машины делают мускульную силу и виртуозность рук излишними, они становятся средствами для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы, с недостаточным физическим развитием, без сколько-нибудь длительного обучения. Поэтому, говорит Маркс, женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин. Но жены и дети рабочих менее самостоятельны, чем рабочие-мужчины. «На базисе товарного обмена предполагалось прежде всего, что капиталист и рабочий противостоят друг другу как свободные личности, как независимые товаровладельцы: один — как владелец денег и средств производства, другой — как владелец рабочей силы. Но теперь капитал покупает незрелых или полузрелых. Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он располагал как формально свободная личность. Теперь он продает жену и детей. Он становится работоторговцем»⁵⁶. Вызванная машиной революция в юридическом отношении между покупателем и продавцом рабочей силы, заключает Маркс, лишила всю эту сделку даже видимости договора между свободными лицами⁵⁷.

Точно так же машина не только не оказывается средством сокращения рабочего дня в силу роста производительности труда, но оказывается новым и наиболее могущественным средством удлинения рабочего дня дольше всех естественных пределов. К этому побуждают капиталистов такие экономические факторы, как моральное снашивание машин, но также и такие, как стремление максимально уменьшить

---

⁵⁵ См. там же, стр. 442.

⁵⁶ Там же, стр. 402.

⁵⁷ См. там же, стр. 403.

число рабочих, сделав тем самым оставшихся наиболее стоворчивыми.

Поскольку, таким образом, введение машин явилось непосредственной причиной поражения и отступления рабочего класса по всему фронту, естественно, что его контратаки устремились прежде всего именно против машин. Рабочее движение в Англии, а отчасти и в других странах Европы, уже и в XVII в., но особенно в XVIII и начале XIX в. проходило под знаменем борьбы с машинами. Борьба между капиталистом и наемным рабочим, говорит Маркс, начинается с самого возникновения капиталистических отношений. Она свирепствует в течение всего мануфактурного периода. Но только с введением машин рабочий начинает бороться против самого средства труда, восставать против данной определенной формы средства производства как материальной формы существования капитала⁵⁸. Маркс дает в разделе «Борьба между рабочим и машиной» обзор некоторых важнейших фактов из неисчерпаемой истории этой стихийной битвы.

Потребовался долгий печальный опыт, чтобы пролетариат понял бесплодность и бессмысленность этих схваток и вышел на пути, где он мог вести более эффективные бои с капиталом. «Требуется известное время и опыт, — говорит Маркс, — для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплуатации»⁵⁹.

Мы можем на этом остановиться. Рассмотренные места и идеи «Капитала» ответили на интересующий нас философский вопрос. Мы убедились, что марксизм требует рассматривать основные экономические законы, основные экономические отношения, раз дело касается классово антагонистического способа производства, как законы и отношения борьбы. Классовая борьба выступает у Маркса как одна из важнейших сторон экономической жизни капиталистического общества, вне которой ничто существенное в этой жизни не может быть понято и объяснено.

Если бы мы обратились с тем же вопросом к трудам Ленина о капитализме, мы получили бы тот же ответ. Мы убедились бы, например, что в книге Ленина «Развитие капитализма в России» гигантская, едва ли не решающая экономическая роль отведена такой форме сопротивления рабочих существующим условиям, как «перемещения», «подвижность», уход из одной губернии в другую, словом, миграции рабочей силы. Пойдет ли речь об империализме, мы увидим, что Ленин подчеркивает социальную сторону колониальных захватов как средства парализовать революционную борьбу пролетариата против буржуа-

---

⁵⁸ См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 433.

⁵⁹ Там же, стр. 434.

зии. Он цитирует Сесилия Родса: «Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями... Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами». Как дополнение к Сесилию Родсу Ленин цитирует француза Валя, призывающего к колониальным захватам, «чтобы не произошло взрыва внутри», поскольку в странах Европы скопляются «нетерпение, раздражение, ненависть, угрожающие общественному спокойствию»⁶⁰. Конечно, это нисколько не исключает роли рыночной конкуренции в образовании монополий и борьбе за колониальные рынки. Но буржуазный экономист видит только одну эту сторону экономики — конкуренцию, концентрацию, монополию, — тогда как марксист видит все экономическое целое, пронизанное классовым антагонизмом; он, например, не упустит из виду, что рабочее движение концентрировалось по отраслям производства исторически раньше, чем концентрировался капитал, и что поэтому образование капиталистических монополий имело также функцией лишить рабочих такого преимущества в борьбе.

Словом, в марксистской теории нет места противопоставлению «экономики» — «классам и классовой борьбе». Классовая борьба — не надстройка. Она принадлежит, прежде всего, экономике, базису. Но, конечно, конкретный ход классовой борьбы зависит в огромной степени и от надстройки, являющейся в классово антагонистическом обществе по преимуществу системой средств и органов классовой борьбы.

Совершенно очевидно, что мы должны рассуждать подобным же образом и в том случае, если речь пойдет не о капитализме, а о феодализме. Политическая экономия феодализма рассматривает основные понятия, категории и законы феодальной системы производственных отношений. Так же, как и политическая экономия капитализма, она не смогла бы научно выполнить своей задачи, если бы отвлекалась от учения исторического материализма о классовой борьбе, хотя конкретные формы классовой борьбы и исторического действия народных масс в феодальном обществе носят неизмеримо более неразвитый и бессильный характер, чем в капиталистическом обществе.

Конечно, всякая мало-мальски развитая классовая борьба есть в той или иной мере борьба и политическая и идеологическая, т. е. касается вопроса о надстройке. Но классовая борьба не ограничивается надстройкой. Она касается вопроса о базисе и прежде всего о базисе. Классовая борьба порождается антагонистическим характером производственных отношений, но она — и не одна лишь надстройка, и не

---

⁶⁰ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полн. собр. соч., т. 27, стр. 376 и 382.

один лишь базис, она является той борьбой противоположностей, в форме которой во всяком антагонистическом классовом обществе осуществляется развитие и базиса, и надстройки. С точки зрения диалектики борьба противоположностей — не «следствие» развития, а внутренний закон самого развития. Развитие антагонистического способа производства и классовая борьба — это единый, неразрывный процесс, в котором движение способа производства представляет собой основу классовой борьбы и невозможно без классовой борьбы. Если бы экономика общества не носила классово антагонистического характера, не было бы никакой классовой борьбы; но раз сущностью экономического строя служила та или иная форма отделения производителя от средств производства, та или иная форма эксплуатации, классового антагонизма, то всякое развитие общества, всякое движение вперед осуществлялось не иначе, как через посредство скрытой или открытой классовой борьбы, через посредство хотя бы неразвитых столкновений антагонистических, враждебных интересов.

Для того и нужно изучать политическую экономию любого такого общественного строя, чтобы при всей пестроте хозяйственных и социальных явлений вскрыть основной классовый антагонизм этого общества и тем самым экономически объяснить и обосновать закон, сформулированный в «Коммунистическом Манифесте»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». Энгельс, комментируя это положение в предисловии к третьему немецкому изданию «Коммунистического Манифеста», излагал его не как два разных закона, а как единый закон, как цельную единую мысль, что основой истории является развитие производства и экономики общества, и поэтому история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми, подчиненными и господствующими классами⁶¹.

Подведем итоги возражениям, которые противопоставляются изложенным выше взглядам с позиций «экономического материализма». В экономических трудах классиков марксизма экономическое развитие общества якобы рассматривается независимо, отдельно от вопросов классовой борьбы. Следовательно, боролись ли трудящиеся против эксплуатации или нет, это не имеет прямого отношения к вопросу о действии экономических законов, открытых и исследованных Марксом, Энгельсом и Лениным. Для понимания же действия этих законов в развитии общества якобы вполне достаточно учитывать рост производительных сил и тот факт, что вытекающая отсюда рано или поздно потребность в новых производственных отношениях приводила к по-

---

⁶¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Манифест Коммунистической партии. — Сочинения, т. 4, стр. 424.

явлению нового класса, которому эти новые производственные отношения были выгодны, который был носителем этих новых производственных отношений.

Отсюда вытекает, что задача всех прошлых революций в истории состояла главным образом в низвержении старой политической надстройки, в приходе к власти этого класса — носителя новых производственных отношений. Борьба же народных масс могла содействовать (или, подчас, мешать) выполнению им данной задачи. Борьба народных масс, следовательно, до социалистической революции во всей истории могла иметь отношение к судьбе надстройки, но не базиса.

Примерно такое истолкование марксизма дается экономическим материализмом⁶². Исторический материализм, напротив, не допускает рассмотрения каких-либо существенных процессов в древней, средневековой и новой истории вне борьбы классов, вне конкретных проявлений того экономического антагонизма классов, который составляет глубочайшую черту, «сокровенную сущность», по выражению Маркса, всей системы производственных отношений рабовладельческого, феодального и капиталистического строя. Классовый антагонизм пронизывает собою всю жизнь этих обществ. «Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов», — писал Маркс⁶³.

3. Задача изучения базиса и надстройки феодального общества под углом зрения воздействия борьбы народных масс

Уже из сказанного выше видно, что классовая борьба не могла играть одинаково большую роль как компонент экономической жизни в разных классово антагонистических формациях. При капиталистическом способе производства вне борьбы пролетариата немыслим сам основной экономический закон, и прекращение этой борьбы было бы равносильно возвращению общества к рабству; при рабстве экономическая роль сопротивления непосредственных производителей эксплуатации, напротив, сравнительно с капитализмом очень мала. Феодальный способ производства находится, так сказать, на полпути между этими двумя полюсами. При феодализме участие классовой борьбы в экономической жизни, в оформлении производственных отношений, в реализации экономических законов неизмеримо выше, чем при рабовладельческом способе производства, но неизмеримо ниже, чем при

---

⁶² Подробнее об экономическом материализме см. часть I, гл. V, раздел 3.

⁶³ К. Маркс. Ницшета философии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 96.

капиталистическом. В этом проявляется возрастание роли народных масс в истории.

Как отмечалось выше, сам характер феодального производства — распыленность непосредственных производителей по мелким полусамостоятельным индивидуальным хозяйствам — затруднял и ограничивал сплочение трудящихся в их борьбе против феодалов. Объективные и субъективные возможности сопротивления эксплуатации со стороны народных трудящихся масс при феодализме не идут ни в какое сравнение с возможностями масс наемных рабочих при капитализме. Не может быть даже речи о том, чтобы поставить на одну доску крестьянское движение феодальной эпохи и рабочее движение капиталистической эпохи. Между ними целая качественная пропасть. Крайне низкая общественная эффективность любых форм крестьянского сопротивления феодальному гнету становится очевидной при сопоставлении их даже с такими «зачаточными» формами классовой борьбы пролетариата, как экономические стачки и забастовки, дающими все же во множестве случаев прямые последствия для целых отраслей производства в масштабах целой страны.

Экономика феодализма во многих отношениях ближе к рабству, чем к капитализму. Так, она немыслима без тех или иных проявлений внеэкономической зависимости, т. е. без той или иной степени собственности господствующего класса на работников производства.

Но в то же время экономика феодализма многими прогрессивными чертами отличается от рабовладельческой экономики. Так, для нее характерна лишь неполная собственность на работников производства, ее основой служит уже экономическая зависимость трудящихся от собственников главного средства производства, земли. Вообще, вся совокупность экономических отношений и, соответственно, экономических категорий и законов феодализма может быть в известном смысле охарактеризована теми признаками, которые ставят ее как бы этажом выше рабовладельческого способа производства. И все это, можно сказать, подперто классовой борьбой феодально-зависимых трудящихся масс. Приписываем ли мы тем самым этим массам роль силы, утверждавшей феодализм? Нет, если их борьба что-либо и утверждала, то не феодальную эксплуатацию, а лишь совершившееся при переходе к феодализму хотя бы неполное освобождение трудящегося по сравнению с положением рабов. В основном же смысл их борьбы состоял не в утверждении, а в отрицании, — это была антифеодальная борьба, это было отрицание феодализма. Однако феодализм немыслим без этого постоянно действующего внутри него отрицания. Правда, оно бесконечно неразвитее, несравнимо беспомощнее, чем то отрицание, которое, как было показано выше, постоянно действует внутри капитализма. И все же нет и феодализма, если нет неустанно проявляющейся в

его недрах, гораздо более высокой, чем в рабовладельческом обществе, борьбы трудящихся против эксплуатации, как нет феодализма, если нет и неустанной борьбы господствующего класса за утверждение эксплуатации.

Если при капитализме осью, вокруг которой разыгрывается вся эта борьба, является прибавочная стоимость, то при феодализме такой осью служит феодальная рента. Основной экономический закон феодализма, закон феодальной ренты, реализуется только в борьбе. В борьбе за степень владельческих прав на землю, а также за ту или иную степень собственности феодалов на работника производства, оформляется коренное производственное отношение феодализма — отношение феодала-землевладельца и зависимого крестьянина. В борьбе за уровень жизни крестьян и ремесленников и за объем их повинностей определяется то или иное разделение всего совокупного общественно-го труда на необходимый труд и прибавочный труд (ренту). В ожесточенной борьбе противоположных интересов совершается и движение феодальной экономики от господства одной формы феодальной ренты к господству другой, более высокой формы.

Только, в отличие от капитализма, где борьба сосредоточена на сравнительно немногих решающих экономических вопросах — право отказа от работы, заработная плата, рабочий день, — при феодализме она распылена на несчетное множество детальных, то крупных, то мелких пунктов. Борьба идет из-за отдельных прав владения и пользования: пашней, лугом, рекой, дорогой, мостом, валежником в лесу, жемчужинами в лесу, дичью в лесу, травой в лесу; из-за права переселения, отходничества, заключения браков, подчинения суду и администрации землевладельца или иной инстанции по такому-то, такому-то и такому-то вопросу по отдельности; из-за прав наследования, продажи, покупки, заклада различнейших видов имущества по отдельности; из-за огромного множества повинностей — барщин, продуктовых оброков, денежных оброков, судебных штрафов, государственных налогов, церковных поборов, словом, повинностей, видоизменяющихся до бесконечности по объектам обложения, по поводам взимания, по формам отработки и уплаты; из-за различных хозяйственных монополий феодалов (на мельницы, прессы, охоту, голубятни и т. д.) или трудящихся (цехи); из-за максимальных или минимальных цен на разные товары по отдельности, из-за рыночных, мостовых и других торговых сборов, из-за нормы процента по ссудам, из-за установления и изменения мер, весов, монет. Одним словом, борьба идет вокруг каждого элемента, из которых складывается сложная мозаика хозяйственной жизни деревни и города в феодальном обществе. Ясно, что эта распыленность отражает слабость противостоявшего феодалам фронта.

Точно так же показателем слабости этого фронта является и тот

факт, что на протяжении всей феодальной эпохи рецидивы и остатки рабовладельческих отношений гораздо обильнее, чем при капитализме. Мы видели, что при капитализме всякое временное поражение рабочего класса подводит общество к грани возрождения рабства. Но все же это лишь грань, лишь крайняя точка размаха маятника. Между тем феодальная эпоха буквально наполнена обломками рабства и целыми периодами его оживления. Так, на Руси «холопы», т. е. рабы, оставались официально признанной низшей категорией населения, хотя и не очень многочисленной, на протяжении всей феодальной эпохи; в последние столетия своей истории русский феодализм весь сдвинулся весьма ощутимо в сторону рабства: положение массы крепостных, по справедливому словам В. И. Ленина, «на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве»⁶⁴, а отдельные категории крепостных («дворовые») ничем не отличались от рабов. Во многих странах Востока, в том числе в Китае, институт рабства не был полностью ликвидирован при переходе к господству феодальных отношений. Рабовладельческие отношения в странах Востока лишь отступили на третий план, но прижились и к феодальной почве, прорастали при благоприятных условиях во всех щелях, тормозили развитие феодализма, и, снова и снова оживляясь, тянули общество вспять. Что касается стран Западной Европы, то, хотя здесь рабство было уничтожено более радикально, оно тоже теплилось там и тут, то и дело возвращалось в жизнь в открытой или скрытой форме; европейцы-рабы в течение всего средневековья продолжали поступать в некотором числе на рабские рынки Византии и мусульманского Востока⁶⁵. Если мы возьмем, скажем, историю крестьян в Италии в раннее средневековье, мы увидим, как насыщена она их борьбой (через суды, путем побегов, восстаний) против превращения их в рабов, «сервов»⁶⁶.

Феодалы были ничуть не менее, но и не более падки на возможность превращать своих работников в рабов, чем капиталисты. Но им удавалось делать это чаще, чем капиталистам, и таким образом чаще, «не стесняясь, преобразовывать мир по своему образу и подобию»: неизмеримо беспомощнее были силы, «стеснявшие» их в этом.

⁶⁴ В. И. Ленин. О государстве. — Полн. собр. соч., т. 39, стр. 76.

⁶⁵ Г. М. Данилова. К проблеме рабства в раннефеодальном обществе. — «Уч. зап. Карело-финского ун-та». Петрозаводск, т. 4, вып. 1, 1954; А. В. Конокотин. Элементы рабства в меровингской и каролингской Франции. — «Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. XI, 1957; И. П. Петрушевский. Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье. (К проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии). М., 1960. Из новейших зарубежных работ, посвященных роли рабства в средневековой Европе, см. Ch. Verlinden. L'esclavage dans l'Europe médiévale, t. I. Brugge, 1955.

⁶⁶ См. М. Л. Абрамсон. Положение крестьянства и крестьянские движения в южной Италии в XII–XIII веках. — «Средние века», вып. III, 1951, особенно стр. 49–73.

Однако при всем гигантском количественном и качественном различии, феодальное и капиталистическое общества подчинены некоторым общим законам жизни антагонистических формаций и имеют некоторые общие черты проявления этих законов, отличающие их от низшей из антагонистических формаций — рабовладельческой. При феодализме трудящиеся уже заинтересованы в той стороне существующих производственных отношений, которая отличает их от низших, рабских отношений, — заинтересованы, в частности, и для лучших возможностей борьбы со своими эксплуататорами; крестьяне при феодальном способе производства имеют гораздо лучшие социально-экономические условия для отпора попыткам неограниченной эксплуатации, чем имели рабы при рабовладельческом способе производства. Они повседневно используют эти условия в своей борьбе с феодалами и в то же время отстаивают эти условия от реакции, от повседневной угрозы быть отброшенными вспять — назад к положению рабов.

Феодальная экономика существовала и — развивалась не помимо «субъективных факторов». Основной экономический закон феодализма порождал антагонизм и столкновение «субъективных факторов»; он и проводился в жизнь противоположно направленными активными действиями людей, классов, кровно, субъективно заинтересованных в проведении в жизнь лишь одной его стороны. В феодальном, как и в капиталистическом обществе действует два противоположных субъективных стремления: стремление одних к свободе эксплуатации, стремление других к свободе от эксплуатации. Каждое из этих стремлений стеснено обратным. Какая конкретно сложится равнодействующая — этого никто из борющихся людей не видит, не может понять. Конкретная равнодействующая определяется независящим от воли людей, унаследованным ими уровнем производительных сил, характеризующих данную историческую эпоху. Никакая самая героическая борьба за свободу от эксплуатации не могла увенчаться успехом до той эпохи, пока в горниле капитализма не выковались столь высокие производительные силы, при которых реально возможен строй общественного производства без эксплуатации — социализм; но и никакая самая яростная борьба за свободу эксплуатации не могла увенчаться успехом, раз производительные силы переросли рабство и требовали большей, чем допускает рабство, инициативности, заинтересованности работников в производстве. Ни один из антагонистических классов не выражал своим субъективным стремлением объективного требования производительных сил данной исторической эпохи: производительные силы заявляли о себе каждому из них через противоположный класс.

Марксистская теория ничего общего не имеет с отрицанием роли психики, сознания, субъективных стремлений людей в жизни общест-

ва, в том числе в стихийном действии экономических законов. Но взгляд, согласно которому идеями и представлениями людей созданы условия их жизни, марксизм опровергает указанием на то, что в прошлой истории людьми всегда достигалось нечто иное, чем они желали, и чаще всего даже противоположное желаемому. По словам Энгельса, в классовом обществе разноречивые человеческие воли не могут осуществить своих целей, а осуществляется некая *равнодействующая*⁶⁷. В. И. Ленин писал: «Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условиях жизни тех *классов*, на которые каждое общество распадается»⁶⁸.

Итак, мы отнюдь не рискуем отойти от материализма в теории феодального общества, если утверждаем, что оно пронизано классовой борьбой сверху донизу, что противоположность и столкновение классовых интересов были не надстройкой над чем-то, лежавшим ниже и глубже них, а той всеохватывающей борьбой противоположностей, в которой оно целиком жило и двигалось.

Раз так, перед наукой открыта огромная, требующая изучения сфера закономерностей классовой борьбы, специфических именно для данной общественно-экономической формации, для феодализма. Особенности данного способа производства предопределяют особенности, пути, возможности сопротивления масс эксплуатации. Особенности данного способа производства предопределяют и средства, имеющиеся в распоряжении господствующего класса для борьбы за утверждение и углубление эксплуатации. Эти закономерности могут быть теоретически обобщены и проанализированы.

Прежде всего надо уяснить, что роль противоположных классов была не одинакова. Как мы уже выяснили, со сменой антагонистических формаций динамической, несущей вперед, поднимающей выше силой все более оказываются народные трудящиеся массы. Возражая буржуазным экономистам, видевшим в аристократии «хорошую», а в крепостных «дурную» сторону феодализма, Маркс писал: «Именно дурная сторона, порождая борьбу, создает движение, которое образует историю»⁶⁹. В самом деле, ведь борьбу завязывают эксплуатируемые, а не эксплуататоры. Эксплуататоры же отвечают на эту борьбу противодействием, своими усилиями обуздать борьбу эксплуатируемых против эксплуатации, своей контрборьбой.

Отсюда следует, что теория должна последовательно рассмотреть

---

⁶⁷ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 423–424.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

⁶⁹ К. Маркс. Ниццета философии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 143.

обе стороны. Скачала необходимо выяснить формы и пути сопротивления трудящихся феодальной эксплуатации, начиная с самых простых, скрытых, стихийных, чисто экономических и переходя к более развитым и зрелым. Затем надо рассмотреть формы и пути противодействия класса феодалов этим усилиям экономически зависимого и эксплуатируемого класса. Тут речь пойдет именно о средствах активной борьбы, т. е. не об экономических отношениях, не о земельной собственности, не о монополии феодалов, а о средствах защиты этой собственности, этой монополии от посягательств и отрицания. Феодальная собственность на средства и работников производства создавала зависимость трудящихся от феодалов, но когда трудящиеся пытались избавиться от зависимости, они тем самым задевали и эту собственность. Следовательно, для защиты данных экономических отношений, данного базиса требовалось еще нечто, лежащее вне базиса: надстройка как средство парировать и парализовать то сопротивление данным экономическим отношениям, которое порождается самими этими отношениями.

Марксизм-ленинизм учит, что надстройка, т. е. существующие в обществе идеи, взгляды и соответствующие учреждения, институты, не пассивно отражает базис, а активно воздействует на судьбу базиса. Различные формы общественного сознания и общественные организации — это либо средства противодействовать расшатыванию базиса, т. е. существующих форм собственности, эксплуатации, распределения благ, либо, напротив, средства преодолевать это противодействие; в последнем случае имеются в виду, скажем, идеи, возникающие для преодоления господствующих идей, политические организации, возникающие для преодоления существующей политической власти, и т. д.

Советские философы справедливо подчеркивают, что к надстройке того или иного антагонистического общества следует относить взгляды и организации не только господствующего класса, но и эксплуатируемых⁷⁰. Идеологические, политические, правовые отношения отражают антагонизм экономических отношений; они изменяются, как и экономические отношения, не иначе как в процессе скрытой или открытой классовой борьбы. Там, где базис основан на антагонизме, над-

---

⁷⁰ См. Б. И. Бродский. Взаимодействие базиса и надстройки. — «Вопросы философии», 1957, № 3; М. Д. Каммари. Некоторые вопросы теории базиса и надстройки. — «Коммунист», 1956, № 10; он же. Что такое базис и надстройка общества. М., 1957; «За творческое изучение и разработку теории базиса и надстройки». — «Коммунист», 1957, № 4; В. М. Ковалгин. К вопросу о сущности надстройки. — «Вопросы философии», 1956, № 6; Г. М. Новак. Противоречивость капиталистической надстройки. — «Вопросы философии», 1956 № 6; он же. К вопросу о базисе и надстройке капитализма. — «Уч. зап.» (Мос. обл. пед. ин-т), т. 59. Труды кафедры философии, вып. 5, 1957.

стройка тоже антагонистическая. Раз в феодальном обществе всегда налицо тенденция к рабовладельческой реакции, последняя может разбиться только о какие-либо органы противодействия, о такую, скажем, организацию трудящихся, как община (в Западной Европе — «марка»); уже перестав быть формой организации производства, община остается организацией взаимопомощи, взаимной поддержки крестьян и ремесленников в их борьбе против феодала, организацией, защищающей их минимальные судебные и бытовые права, словом, надстройкой организации. Крестьяне и ремесленники вооружены в этой борьбе также известной антирабовладельческой идеологией, хотя бы в смутной, религиозной форме, порицающей рабство и утверждающей какое-то минимальное представление о свободе человеческой личности. Но в то же время раз в феодальном обществе всегда налицо тенденция этих трудящихся вообще стряхнуть с себя эксплуатацию или хотя по возможности уменьшить ее, против этой тенденции феодала-ми воздвигается мощная система средств подавления и обуздания.

В основном надстройка в классовом антагонистическом обществе служит орудием именно эксплуататорского класса. Последний является меньшинством общества и уже по одному этому нуждается в специальных средствах защиты своей собственности, своей экономической монополии от большинства. Надстройка принадлежит в основном экономически господствующему классу, т. е. классу — собственнику главных средств производства, и «заведование» надстройкой делает его в полном смысле господствующим классом. Но классовая, эксплуататорская надстройка не обособлена механически от тех организаций и идей, которые возникают как надстройка, необходимая для борьбы трудящихся против эксплуатации. Здесь налицо сложное взаимодействие. Поскольку базис основан на эксплуатации и, следовательно, с необходимостью порождает борьбу против самого себя со стороны большинства общества, постольку для сохранения базиса требуются особые органы для подавления этой борьбы — государство, церковь и др. Но данная надстройка изменяется вместе с изменением интенсивности, форм, методов борьбы эксплуатируемых трудящихся масс против существующего способа эксплуатации. Тем самым данная надстройка косвенно отражает изменение, развитие самого трудящегося класса. Через антагонизм народная масса оказывает воздействие и на историю господствующих в обществе идей и институтов.

Господствующие идеи и институты в свою очередь не только подавляют борьбу народных масс, а призваны погашать ее, делать менее острой и опасной, направлять в более мирное русло. В самом деле, ведь нельзя же, вообще говоря, уничтожить то, что с абсолютной неизбежностью и железной закономерностью порождается объективным характером существующих экономических отношений: борьбу народных

масс против эксплуатации. Значит, надстройка, в частности феодальная, должна отвести в сторону и в тупик часть этого социального протеста народных масс, придав ему ложное, иллюзорное направление. Конечно, при этом останется еще достаточно неодолимых сил народного сопротивления, способных оказывать отпор наиболее явным тенденциям рабовладельческой реакции, ибо эта угроза — угроза возрождения рабства — делает для масс задачу борьбы и объективно насущнее и субъективно яснее, т. е. учетверяет их силы; тут уж никакая надстройка не одолеет их энергии.

Во всяком случае надстройка, как видим, отнюдь не была в истории чем-то вроде предмета роскоши, а не первой необходимости, как нередко противники марксизма карикатурно толкуют марксистское учение о базисе и надстройке. Марксизм никогда не утверждал, что базис мог бы существовать без надстройки. Базис антагонистического общества, в частности феодального, просто рухнул бы от собственных противоречий, если бы в обществе не было всей той сложной совокупности средств воздействия на поведение людей, которую мы называем надстройкой. Надстройка входит в объективную систему общественных отношений, а не является лишь субъективным отражением базиса, хотя она теснейшим образом связана именно с субъективными процессами в психике людей. Надстройка — объективная сторона общественной жизни, необходимая для существования данного способа производства. Марксизм называет ее надстройкой, не считает ее равноправной с экономикой, с базисом; роль надстройки — защищать данный базис, прежде всего — данные отношения собственности, и ясно, что нечто, подлежащее защите, должно появиться прежде, должно рассматриваться как основа, должно быть теоретически объяснено раньше, чем средства защиты. Общественное бытие определяет формы общественного сознания, политические и прочие организации, но оно вызывает все это к жизни именно потому, что неотложно нуждается во всем этом.

Изложенные исходные позиции для дальнейшего анализа классово-вой борьбы и надстройки в феодальном обществе могут, пожалуй, вызывать опасения чрезмерного схематизма. Это опасение надо рассмотреть сейчас, иначе оно будет тяготеть над нами на всем дальнейшем пути. Не выходит ли за рамки законной научной абстракции сама идея деления общества на две противоположные части? Не упрощает ли эта идея в ущерб истине сложную многогранную структуру феодального общества? Не утрирует ли она представление о борьбе, якобы наполняющей феодальное общество, когда это общество в действительности знало длительные периоды почти полного внутреннего покоя и застоя?

Но идея антагонизма как ключа к пониманию всей жизни феодального общества вовсе не означает ни отрицания калейдоскопической

пестроты существовавших в нем социальных отношений, ни упрощенного представления, будто в нем царила сплошная драка.

Идея антагонизма означает лишь, что все это калейдоскопическое многообразие расположено как бы в магнитном поле между двумя противоположными полюсами. Эта идея — обобщение, заглядывающее гораздо глубже эмпирически наблюдаемого многообразия индивидуального положения людей в обществе или хотя бы различий между разными группами людей. На множественности социальных группировок сосредоточивает все свое внимание современная буржуазная социология, видя в этом путь к опровержению марксистского учения о классовом антагонизме. Если основные усилия реакционных социологов в наши дни сосредоточены на задаче доказать, что в XX в. антагонизм пролетариата и буржуазии растворился в множественности эмпирически существующих социальных группировок⁷¹, то методология, предлагаемая этими социологами, по сути может быть распространена и на феодальную, как и любую эпоху: нет антагонистических классов, ибо общество состоит не из двух, а из множества групп, которые не могут же все иметь противоположные друг другу интересы. Но нищета этого модного «опровержения» марксистского учения о классах проявляется уже в том, что марксизм на деле вовсе и не отрицает множественности социальных группировок, наличной во всяком реальном обществе. Марксистское учение о классах представляет обобщение более высокого порядка, показывающее, что в обществе, где возможна частная собственность на главные средства производства, все эти группы так или иначе тяготеют либо к полюсу тех, кто не имеет этой собственности, либо к полюсу тех, кто ее имеет; первые работают на вторых. Могут быть какие угодно переходные и смешанные группы людей, группы, отличающиеся какими угодно специальными функциями и чертами, все это может затенять основной антагонизм, но только понимание основного антагонизма и дает возможность определить место каждой группы в общественном целом.

Марксистское понимание классового антагонизма не имеет ничего общего и с представлением о чисто внешнем противостоянии одного класса другому. Таким, т. е. внешним, отношение антагонистических классов становится только в короткие моменты революций, великих народных восстаний. Но в эти моменты в сущности прерывается обще-

---

⁷¹ См., например, М. Д. Каммари. О третьем конгрессе международной ассоциации социологов. — «Вопросы философии», 1957, № 1; «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии». Сб. статей под общ. ред. чл.-корр. АН СССР Ю. П. Францева. М., 1960; Ю. А. Асеев и И. С. Кон. Основные направления буржуазной философии и социологии XX века. Л., 1961; С. Чернеа. Критика некоторых теорий современной французской буржуазной социологии по вопросу о классах и классовой борьбе. Автореф. канд. дисс. М., 1961.

ственное производство. При феодальном, как и всяком ином антагонистическом способе производства, антагонистические классы связаны неразрывными экономическими отношениями, представляют единое целое. Противники марксизма вульгаризируют идею классовой борьбы, представляя ее как догмат о постоянной открытой революционной битве, о постоянном распаде общества на два внешних друг другу лагеря. При таком понимании классовой борьбы не трудно опровергнуть фактами слова «Коммунистического Манифеста», что вся предшествовавшая история была историей классовой борьбы. Но в «Коммунистическом Манифесте» говорится не только об открытой, а и о скрытой борьбе классов, т. е. о многообразии проявлений классового антагонизма.

В высшей степени наивно думать, будто периоды затишья во внутренней жизни феодального общества говорят об исчезновении на это время классового антагонизма. Нет, застойность феодализма — это не сон масс, не отсутствие сил и стимулов для борьбы, а борьба, обузданная противоборством, «действие, равное противодействию». Иными словами, за этой застойностью скрывается огромное напряжение, внутренне характеризующее феодальный мир, хотя и редко выступающее на поверхность. Именно анализ этого внутреннего напряжения и открывает научный путь к объяснению всего конкретного содержания средневековой истории.

Однако, когда называют схематизмом эту идею об антагонизме феодалов-эксплуататоров и эксплуатируемых производителей как сущности феодализма, подчас имеют в виду нечто более важное: что эта схема не вяжется с другой весьма распространенной схемой, что этот антагонизм затмевает другой общепризнанный антагонизм средневековой истории. А именно традиционная схема требовала видеть основной антагонизм средневековья в противоречии между феодалами и зарождающейся (в лице ли горожан или товариизирующегося крестьянства) буржуазией. Борьба между раздробленностью и централизацией, между аристократией и монархией, между феодалами и городами, между натуральным хозяйством и товарно-рыночным хозяйством, между клерикализмом и секуляризацией, между церковной и светской культурой и т. д. — таковы многообразные аспекты этого традиционно выдвигаемого на первый план иного, якобы основного антагонизма феодализма. Феодализм якобы почти на всем своем пути чреват семенами нового, нефеодального строя, а борьба этих зачатков с феодализмом составляет сущность средневековой истории. Ясно, что при таком воззрении предложенная выше идея антагонизма должна казаться неудобной, мешающей и грубой схемой.

Следовательно, данное разногласие имеет очень глубокие корни. Действительно, они уходят в толщу старой историографии, в частно-

сти, в наследие школы, создавшей некогда буржуазное учение о классовой борьбе — школы Тьерри-Гизо.

Всю историографию средних веков, всю историю представлений о том, чем были средние века, можно разбить на три этапа.

Первый этап — преимущественно дворянский — характеризовался тем, что инициатива всех исторических изменений и событий приписывалась исключительно верхам общества: королям, царям, представителям знати. Они воевали, боролись, заключали союзы между собой, издавали законы и устанавливали порядок жизни для остального населения. В глазах дворянских историков история творилась верхами и, так сказать, сверху вниз.

Второй этап — буржуазный — представил буржуазию главным творцом исторического прогресса. Вместе с низвержением дворянской монархии и земельной аристократии должно было навеки рухнуть и мнение, что история творится привилегированными верхами, однако буржуазия также не могла допустить мнения, что история творится низами. Оформилась концепция, которая избежала и того и другого. В противовес представлению о произволе правителей выступило признание той или иной закономерности в истории, признание важности экономической и социальной истории, даже «борьбы классов». Но в качестве основного динамического начала во всей средневековой истории, от развития и активности которого в конечном счете зависело все остальное, были выдвинуты «средний класс», «порядочные», «третья сила», точнее говоря — буржуазия. В феодальном обществе якобы и верхи и низы были сильны только тогда, когда они опирались на буржуазию, или поскольку сами были по существу буржуазны: королевская власть была вознесена ростом буржуазии; помещики-землевладельцы в любой период средневековья были сильны и прогрессивны постольку, поскольку они были не чем иным, как предпринимателями под феодальной оболочкой; крестьяне если что-нибудь и значили, то лишь как свободные собственники-хозяева, т. е. как те же буржуа в миниатюре; города, торговля, рынок были порождены деятельностью буржуазии; нации были созданы буржуазией; революции совершались буржуазией и т. д. Даже возникновение рабочего класса было всего лишь побочным продуктом развития буржуазии.

Эти концепции хотя бесконечно многообразны, но едины по существу. Они характерны не только для таких классиков буржуазной исторической мысли, как Тьерри и Гизо, не только для всех признанных корифеев буржуазной медиевистики, не только для буржуазных историков, кокетничавших с марксизмом, вроде Макса Вебера или Вернера Зомбарта, но и для тех, кто прямо провозглашал себя марксистами — Каутского, Кунова и многих других. Реформизм, оппортунизм, меньшевизм объявляли именно эти взгляды на историческое прошлое, лишь

облеченные в марксистскую фразеологию, доподлинным марксизмом. Средневековое крестьянство третирувалось ими как реакционная или по крайней мере совершенно инертная масса. Достойной внимания для этих «марксистов» в аграрной истории раннего средневековья представлялась лишь прослойка свободных собственников, позднего средневековья — дифференциация крестьянства, как явления, служащие хотя бы отдаленными провозвестниками буржуазии. «Экономический материализм» есть один из вариантов этого буржуазного, реформистского псевдомарксизма; недаром в поле его зрения всегда преимущественно не производство, а рынок, не способ эксплуатации трудящихся, а отсутствие или наличие товара, денег, толкуемых как элементарные зародыши капитала.

Словом, второй этап выступает не только в откровенно буржуазной форме, но и в форме буржуазного извращения, буржуазной фальсификации марксизма. Эта вторая форма требует особенного внимания. Если нет ясной нацеленности на ее разоблачение, можно некритически воспринять это видоизменение буржуазных взглядов, приняв его за марксизм.

Третий этап был начат трудами Маркса и Энгельса, творцами исторического материализма. В центре всего, написанного ими по истории средних веков, не случайно стоит работа Энгельса «Крестьянская война в Германии», героями которой являются низы, народные массы и такие вожди этих масс, как Мюнцер. Работы классиков марксизма-ленинизма дали направление исследованиям советских историков в области истории средних веков. Строится многогранное здание новой исторической науки, показывающей, что вся древняя, средняя и новая история были историей борьбы трудящихся за свое освобождение. Не «верхам» и не «средним классам», не дворянству и не буржуазии принадлежала роль главной движущей силы истории, а «низам», трудящейся, эксплуатируемой и борющейся массе, следовательно, при феодализме — основному производящему классу — крестьянству.

Эта третья точка зрения неизмеримо глубже, полнее, истиннее, научнее двух предыдущих. Она является единственной научной точкой зрения. Только ее принцип столь же научен, как принципы естественных наук.

Ленин в работе «Карл Маркс» писал, что коренным недостатком немарксистской историографии является ее неумение и нежелание охватить «как раз действие *масс* населения»⁷². Вопрос о трудящихся массах и движениях этих масс и является «краеугольным камнем» третьей точки зрения в историографии средних веков.

Если первая, дворянская, точка зрения указывала смысл изучения

---

⁷² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57.

истории в извлечении моральных и политических уроков и подходила к прошлому только с оценочными суждениями, то вторая, буржуазная, точка зрения по видимости отказалась от этого и внесла в изучение истории видимость объективности. Однако на самом деле это было в значительной степени не объективностью, а объективизмом, — тончайшей маскировкой оценочного и субъективного подхода к истории: видя в многовековом процессе не что иное, в конечном счете, как процесс укрепления и возвышения буржуазии, историки выступали в роли апологетов этого «прогресса» и, следовательно, этого класса. Напротив, историки, стоящие на третьей точке зрения, открыто заявляющие, что они рассматривают историю не с надклассовой позиции, а с позиции трудящихся эксплуатируемых классов, ни в малой мере при этом не подменяют анализа объективных законов истории оценочными суждениями. Для них изучение роли народных масс не ограничивается выявлением только положительного, прогрессивного воздействия масс на исторические события. С неменьшим вниманием они изучают и те черты сознания и действий народных масс, которые делали возможным в прошлом и застой, и реакционные попятные движения, — важно только понять, что и реакционные исторические явления могли осуществиться лишь постольку, поскольку реакционным силам удавалось отравить сознание масс или воспользоваться в своих нуждах неразвитостью этого сознания. Говоря о феодальной эпохе, историки-марксисты особенно далеки от стремления петь некритические дифирамбы трудящимся и их борьбе: исторический интерес пролетариата скорее требует самого строгого выявления тех объективных причин, которые порождали и порождают слабости крестьянского движения, которые объясняют его срывы, падения и поражения всюду, где оно выступает не под руководством пролетариата. Не «народопоклонничество», не сладенькое «народолюбие» характеризует третью точку зрения, а признание определяющего значения труда и борьбы народных масс для всех сколько-нибудь важных исторических процессов и событий.

Итак, третья точка зрения нимало не прикрашивает стихийную, слепую борьбу народных масс в феодальном обществе. Она вместе с тем не сбрасывает со счета ни дворянства, ни буржуазии. Она указывает на гегемонию буржуазии в антифеодальных революциях. Она вовсе не отрицает каких-либо фактов инициативы, исходившей от господствующих верхов, или наступления эксплуататорского меньшинства на эксплуатируемое большинство. Но она видит наступление и со стороны народных масс, которого не существовало в глазах дворянской и буржуазной концепций. Более того, она находит в этом, то глухом и упорном, то открыто революционном сопротивлении народных масс эксплуатации самый коренной, самый глубокий фактор, определявший в конечном счете возможность или невозможность тех или иных дей-

ствий любых других классов и политических сил. Но она подчеркивает и противоположность между ролью пролетариата в новое время и ролью крестьянско-плебейской массы в средние века: только борьба пролетариата во главе всех трудящихся завершается подлинной победой, борьба же крестьян и плебеев в феодальную эпоху воздействовала на ход истории гораздо более косвенно, не уничтожая эксплуататорских классов, а лишь детерминируя их действия, их взаимоотношения, их политическую и идейную эволюцию, приводя, в лучшем случае, лишь к смене формы эксплуатации.

Этот третий этап в медиэвистике еще далеко нельзя считать завершенным. Через работы советских историков лейтмотивом прошла именно в корне отличающая их от буржуазных историков тема о движениях народных масс в прошлом. Но нужны еще сотни этих исследований исторической целины. Нужно и теоретическое цементирование того, что уже создано.

Чтобы усвоить, какое же место и какую роль отводит марксизм буржуазии в истории феодального общества, достаточно накрепко запомнить два положения.

Во-первых, зачатки капиталистического производства, следовательно, и буржуазия как класс, хотя бы зачаточный, появляются на всемирно-исторической сцене лишь с XVI в., т. е. лишь в самом конце средневековья. Слабые зародыши капитализма, наблюдаемые в XIV и XV вв. в очень немногочисленных приморских районах и городах Западной Европы, носили еще характер исключений, были нестойки и ни в какой мере не определяют в целом лицо этих столетий⁷³. С XVI в. можно говорить о начале капиталистической эры — не в смысле господства, а еще только в смысле зарождения мало-мальски стойких элементов капитализма в недрах феодализма в виде капиталистической мануфактуры. Таким образом, только с XVI в. (с оговоренными небольшими исключениями) и можно говорить о буржуазии как экономическом классе. До этого времени ни «горожане» (хотя французский термин «буржуа» и значил некогда просто «горожанин»), ни торговля, ни товарность крестьянского, ремесленного, помещичьего хозяйства, — ничто это не рассматривается марксизмом хотя бы как предтечи и зачатки капитализма. Марксизм отвергает проецирование «зародышей» капитализма в глубь средневековья. А следовательно, в рамках значительной, основной части средневековья нет места вообще для вымышленного буржуазными историками антагонизма буржуазного и феодального начал.

Во-вторых, в последней, заключительной фазе развития феодально-

---

⁷³ В. И. Рутенбург. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские кампании XIV в. М.-Л., 1951.

го общества буржуазия играла видную антифеодальную роль, но крайне противоречиво. Известно, что XVI–XVIII вв. в Западной Европе, а в странах Азии и более поздние столетия, являются временем восходящего развития буржуазии, когда она действовала еще в условиях господства феодальных отношений или при их значительных пережитках. Маркс писал: «В истории буржуазии мы должны различать две фазы: в первой фазе она складывается в класс в условиях господства феодализма и абсолютной монархии; во второй, уже сложившись в класс, она ниспровергает феодализм и монархию, чтобы из старого общества создать общество буржуазное. Первая из этих фаз была более длительной и потребовала наибольших усилий»⁷⁴. Именно преимущественно в течение этой первой фазы буржуазия созревала как сила, все более враждебная феодализму и все более революционная, хотя прогрессивность ее проявлялась известное время и после победы. «Нельзя быть марксистом, — писал В. И. Ленин, — не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом»⁷⁵.

Но значит ли это, что в течение первой фазы, во времена своей революционности и демократичности, буржуазия не была тем, чем показал ее Маркс, анализируя буржуазию вообще, как олицетворение капитала? Мы видели, что капиталист по своей глубочайшей сути, поскольку он противостоит наемному рабочему (а если он не противостоит наемному рабочему — не может быть речи о капитализме, о буржуазии в собственном смысле), представляет лишь весьма одностороннюю силу капиталистического производства и сползает вспять всюду, где его не стесняют наемные рабочие. Выполняли ли капиталисты эту одностороннюю функцию и в экономическом механизме мануфактурного периода? Безусловно, да. Следовательно, буржуазия первой фазы не была свободной от противоречий, носительницей только прогрессивного и революционного начала. Она была в то время противоречивее, чем когда-либо. Она должна была совмещать в себе несовместимое, примирять в себе, в своей политике и идеологии, вопиющие антиномии.

Чтобы сокрушить феодализм и завоевать власть, буржуазия должна была идти вместе с народными массами. Неумолимая логика ее положения объективно требовала от нее этого. Она должна была искренне, бескорыстно, вдохновенно дружить с народом, должна была завоевать право говорить от его имени и руководить им в его антифеодальной борьбе. И в то же время она была буржуазией: тем вампиром, питаю-

⁷⁴ К. Маркс. Нищета философии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 183.

⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 226.

щимся народной кровью и во всем враждебным интересам трудящихся, какой показал ее нам Маркс. Поистине, фигура молодой, восходящей буржуазии — не идиллическая, а трагическая фигура.

Отсюда видно, что роль буржуазии в антифеодальной борьбе в последний период феодальной эпохи должна рассматриваться после того, как изучена и понята антифеодальная борьба народных масс. Буржуазия была революционна и прогрессивна тем, что она шла с народом. Ее антагонизм к феодальному строю как бы наложен на антагонизм к этому строю со стороны народа, трудящихся масс. Следовательно, мы можем, не пугаясь обвинений в схематизме, рассматривать этот последний антагонизм как коренной, глубочайший и изучать его в известной мере отдельно от антагонизма буржуазии и феодалов, назойливо выпячиваемого буржуазной исторической мыслью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Соппротивление трудящихся масс эксплуатации при феодализме

---

1. Формы крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации

Из сказанного в предыдущей главе вытекает, что исторический материализм обращается к изучению классовой борьбы отнюдь не только когда дело идет о переходе от одного способа производства к другому. Конечно, роль классовой борьбы в эти переломные революционные моменты всемирной истории особенно велика и очевидна. Но и в эпохи «мирного» развития того или иного антагонистического способа производства без изучения классовой борьбы невозможно объяснить его движения, его внутренних стадий и переходов, как и невозможно объяснить надстройку, характерную для данной общественно-экономической формации, и изменений этой надстройки.

Экономический базис феодального общества имел антагонистический характер. Непосредственные производители, являвшиеся важнейшим элементом производительных сил, трудились и производили в таких производственных отношениях, которые неумолимо порождали их борьбу против эксплуататоров. Основной производящий класс феодального общества, крестьянство, был не только страдающим, но и борющимся классом. Поэтому классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляла главную характерную черту феодального строя.

Буржуазно-либеральная историография, как известно, много и весьма учено занималась экономическим бытом, юридическим положением, имущественной дифференциацией народных масс в разные исторические эпохи и даже провозглашала «историю состояний» задачей, более достойной подлинной науки, чем «история событий». Сколько написано, например, немецкими историками о средневековой деревне и средневековом городе, о положении разных категорий крестьян и цеховых ремесленников! Многие крупнейшие русские буржуазные историки, — не только те, которые занимались историей России, но и те,

которые занимались историей Запада, — Виноградов, Кареев, Ковалевский, Лучицкий, Савян, Петрушевский и др., — изучали именно историю крестьянства, ремесленников, рабочего класса. Это дает право считать их относительно передовыми учеными, но еще не дает права признать их исследования той подлинной наукой о феодальном обществе, создать которую стремится марксистско-ленинская историография. Чтобы быть действительно наукой, историческая наука, очевидно, должна не просто с большей или меньшей правильностью описывать положение трудящихся масс, но и объяснить всю историю, исходя из истории трудящихся масс. А для этого недостаточно видеть в народе производителя материальных благ, но надо видеть в нем и борца против угнетателей. Только если брать то и другое в единстве, народ, трудящаяся масса предстанет как подлинный творец истории.

Иными словами, трудящийся народ представляет творческую, активную часть феодального общества не только как основная производительная сила, противостоящая природе, но и как сила, борющаяся, противостоящая эксплуатирующим классам. Заняться историей производительных материальных благ — значит заняться не только хозяйственной, производственной историей в узком смысле, не только социально-правовым положением трудящихся, но и борьбой эксплуатируемых с эксплуататорами и под этим углом зрения — вообще всей социальной, политической и культурной жизнью феодального общества, поскольку вся она была ареной борьбы классов.

В какой бы форме не выступала феодальная эксплуатация (феодальная рента), она была экономической причиной той классовой борьбы, которая наполняет всю историю феодального общества. Из факта эксплуатации с необходимостью вытекало сопротивление эксплуатации. Поэтому «революционная оппозиция феодализму, — по словам Энгельса, — проходит через все средневековье»¹; «в средние века борьба свободного крестьянства против все более и более опутывающего его феодального господства сливается (исторически. — Б. П.) с борьбой крепостных и зависимых крестьян за полное уничтожение феодального гнета», — подобно тому, поясняет Энгельс, как коммунистические намеки, появляющиеся в ранних плебейских движениях, постепенно сливаются «с современным пролетарским движением»².

Но если борьба крестьян против землевладельцев-феодалов шла на протяжении всей феодальной эпохи, то интенсивность, характер, формы этой борьбы были различны на разных этапах. Борьба классов становилась все более острой вместе с развитием феодального способа

---

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 361.

² Там же, стр. 364.

производства. Особенно резко усилилась феодальная эксплуатация в период развития городов, товарных связей между городом и деревней, денежной ренты. В этот период и классовая борьба приобрела особенную остроту. Борьба крестьянства сливалась теперь с движением городских низов.

Еще более острой стала борьба двух основных классов феодального общества, крестьян и феодалов, когда в недрах этого общества зародился новый капиталистический уклад. Возникновение мануфактуры знаменовало складывание новых производительных сил и новых производственных отношений. Противоречия феодализма обострились до крайности. Крестьянско-плебейские движения, расшатывавшие феодализм, теперь могли быть использованы и действительно использовались буржуазией для захвата власти и замены феодальной эксплуатации — капиталистической.

Социал-демократы, меньшевики всех оттенков утверждали, что только на этом последнем этапе, в качестве резерва революционной буржуазии, бунтующее крестьянство играло хоть какую-то прогрессивную роль. Во все предшествовавшее время и вне союза с буржуазией оно якобы играло только реакционную роль, тянуло общество куда-то вспять, к патриархальщине. Историки-большевики, в противоположность меньшевикам, крестьянские революционные движения и далекого прошлого не расценивали как нечто вредное для исторического процесса. Большевики всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Они видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Изучение подобных восстаний крестьянства всегда представляло интерес для историков-марксистов. Однако историки-большевики всегда указывали также, что эти крестьянские восстания далекого прошлого принуждены были оставаться стихийными, слепыми и терпеть поражения, поскольку на исторической сцене не было рабочего класса, способного их возглавить.

Школа М. Н. Покровского свела весь вопрос о крестьянских антифеодальных движениях к их оценке: пролетариат-де относится к ним положительно, сочувственно, ибо он видит в них исторический прообраз своего нынешнего союзника. «Надо изучать историю крестьянских движений», — справедливо провозглашала эта школа, но с какой научной целью надо их изучать — объяснить не могла. Тем самым она завела весь вопрос в тупик: крестьянскими движениями занимались как какой-то самоцелью, а не для объяснения совокупного исторического процесса. Отсюда — внимание исключительно только к крупным крестьянским революционным бурям, к драматическим крестьянским войнам, и полное пренебрежение к менее эффектным, повседневным,

будничным формам крестьянской борьбы, хотя они в реальном ходе истории играли очень большую роль.

Как видим, во многих случаях вопрос сводился к тому, хороши или плохи крестьянские восстания. Но задача исторической науки отнюдь не сводится к вынесению похвал или порицаний. Она, как и всякая наука, прежде всего изучает объективные связи фактов, объясняет, ищет закономерности. Поэтому историческую науку не может и в вопросе о крестьянских антифеодальных движениях удовлетворить субъективная сторона дела, будь то субъективные симпатии историка или даже субъективные цели самих крестьянских идеологов.

Изменим коренным образом традиционную постановку вопроса о роли средневековых крестьянских движений. Перенесем центр тяжести с вопроса: что было бы, если бы они победили, на вопрос: каково было их не гадательное, а действительное историческое место? В самом деле, вопрос: что было бы, если бы крестьянское восстание победило, — в сущности пустой вопрос. Наука точно знает, что как таковое, как чисто крестьянское антифеодальное восстание оно и не может победить. Следовательно, ставя вопрос, уже молча допускают какие-то дополнительные факторы, обеспечившие победу восстания, — а в таком случае и вопроса нет: раз мы предполагаем феодальное общество на такой ступени, когда крестьянское восстание может победить, значит речь идет о буржуазной революции, о победе капитализма, или о победе крестьянства над пережитками феодализма под гегемонией пролетариата. Если же условий для этого не было, не могло быть и победы; значит, бессмысленно спорить, к чему привела бы она общество. Иное дело — изучение реально имевших место в истории форм крестьянского сопротивления феодальной эксплуатации и реальных воздействий, которые они оказывали на историческое движение феодального общества.

Подчас думают, что вопрос о классовой борьбе в феодальном обществе сводится к вопросу о крестьянских восстаниях.

Такое представление обедняет всю проблему. Исходя из него, действительно трудно научно объяснить разные стороны феодальной истории. Восстания были не очень часты, они выглядят скорее как эпизоды, как исключение, а не как правило, — если оторвать их от других средств, видов, форм крестьянского сопротивления феодальной эксплуатации.

Но разве вопрос о классовой борьбе в капиталистическом обществе сводится к вопросу о восстаниях?

Классики марксизма-ленинизма, и в особенности Ленин, подробно разработали вопрос о формах классовой борьбы пролетариата. Остановимся кратко на ленинской постановке этого вопроса, — это поможет нам затем перейти и к формам классовой борьбы крестьянства. Рабочее

движение — нечто совершенно иное, чем крестьянское движение, но на его примере можно уяснить, как вообще теоретически правильно следует ставить вопросы классовой борьбы.

Ленин говорит об огромном многообразии форм сопротивления рабочих капиталистической эксплуатации, о целой цепи их, начинающейся со стихийного «отпора» отдельных рабочих капиталистам, который «вытекает из самих условий жизни — продажи рабочей силы», через стихийные бунты, далее через объединение сил рабочих одной фабрики, затем — одной профессии для стачечной борьбы, — до политической борьбы, до внесения социалистического сознания, до революционной борьбы за свержение власти капиталистов. Ленин в статье «О формах рабочего движения» говорит о сплетении разнообразных форм рабочей борьбы в живой действительности: «Марксистская тактика состоит в соединении *различных* приемов борьбы, в умелом переходе от одного к другому, в неуклонном повышении сознания масс и широты их коллективных действий, из которых каждое в отдельности бывает то наступательным, то оборонительным, а все вместе ведут к все более глубокому и решительному конфликту»³.

Ленин различал оборонительные и наступательные, стихийные и сознательные формы рабочего движения. Он различал разные ступени в развитии стихийной коллективной борьбы рабочих: «бунты», сопровождавшиеся разрушением машин, — это, писал он в «Что делать?», другая ступень, чем стачки. «Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки»⁴. В статье «О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы» Ленин раскритиковал представления «экономистов» о том, что такое классовая борьба: «экономисты» признавали «классовой борьбой», пишет он, «борьбу за пятачок на рубль, не желая видеть более высокой, развитой, общенациональной *классовой* борьбы за *политику*. «Экономисты» признавали, таким образом, зачаточную классовую борьбу, не признавая ее в развитом виде. «Экономисты» признавали, иначе говоря, в классовой борьбе лишь то, что было наиболее терпимо с точки зрения либеральной буржуазии, отказываясь идти дальше либералов, отказываясь признавать более высокую, для либералов неприемлемую, классовую борьбу...

Далее. Мало того, что классовая борьба становится настоящей, последовательной, развитой, лишь тогда, когда она охватывает область политики. И в политике можно ограничиться мелкими частностями, можно идти глубже, вплоть до основного. Марксизм признает классо-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 57.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30.

вую борьбу вполне развитой, «общенациональной» *лишь* тогда, когда она не только охватывает политику, но и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти»⁵.

Подчеркнем два вывода, вытекающих из этих ленинских высказываний. Во-первых, классовой борьбой в полном смысле слова Ленин считает только борьбу пролетариата за захват государственной власти, за диктатуру пролетариата, т. е. только вполне сознательное революционное движение рабочего класса, когда он выступает как «класс для себя». Во-вторых, Ленин включает в понятие классовой борьбы и более низкие формы рабочего движения, но рассматривает их как неразвитую классовую борьбу, а экономическую борьбу, даже если стачки носят систематический и организованный характер, — как «зачатки классовой борьбы», как «зачаточную классовую борьбу»; все же, что стоит еще ниже систематической стачечной борьбы, Ленин предпочитает называть «отпором», «проявлением антагонизма», «просто восстанием угнетенных людей», но не классовой борьбой.

Что же дают нам эти выводы для понимания классовой борьбы крестьянства в феодальном обществе?

На первый взгляд может показаться, что мы должны сделать обескураживающее заключение, будто в феодальной деревне вообще не было классовой борьбы: ведь без руководства рабочего класса крестьянство всегда оставалось «классом в себе», его движение всегда оставалось стихийным, с ложным сознанием, а высшей формой движения крестьянства без руководства рабочего класса были именно те «бунты», те «просто восстания угнетенных людей», которые Ленин ставит ниже даже зачаточной классовой борьбы, т. е. не называет классовой борьбой. И в самом деле, Ленин много раз, в разные годы и в разной связи говорил о пролетарской революционной задаче: внесения «классовой борьбы в деревню»⁶.

Значит ли это, что в деревне помимо пролетариата не было классовой борьбы, что классовая борьба эксплуататоров и эксплуатируемых не являлась коренным свойством феодального строя?

Нет, конечно. Дело в том, что каждая общественная формация имеет свои законы и свои пределы развития классовой борьбы. Высшие возможности классовой борьбы пролетариата совершенно иные, чем крепостного крестьянства. Называть стачки классовой борьбой, как делали «экономисты», значило усыплять сознание пролетариата, вме-

---

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 238–239.

⁶ См., например, В. И. Ленин. Наша программа. — Полн. собр. соч., т. 4, стр. 182; *он же*. Рабочая партия и крестьянство. — Полн. собр. соч., т. 4, стр. 432; *он же*. Что такое «дружба народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1. стр. 311–312 и многие другие.

сто того чтобы разъяснить ему возможность и необходимость более высокой, политической классовой борьбы и свержения буржуазного государства. В этом, но только в этом смысле крестьянство на классовую борьбу неспособно, если последняя не «внесена в деревню» пролетариатом, другими словами, крестьянство неспособно на достижение своими силами тех целей, которых оно может достигнуть лишь под руководством пролетариата. Однако, если мы говорим о феодальном средневековом обществе, когда пролетариата не было, мы должны взять совсем другие масштабы и критерии для понятия классовой борьбы.

Для феодального крестьянства высшей формой классовой борьбы были стихийные крестьянские войны, стихийные восстания и «бунты», в лучшем случае — революционная борьба под руководством буржуазии, которая присваивала себе все плоды этой борьбы или подчас просто предавала восставших крестьян, как было в Германии в 1525 г.

Соответственно были в феодальном обществе и неразвитые формы классовой борьбы крестьянства, и «зачаточная классовая борьба», и, наконец, такие формы крестьянского сопротивления, которые стоят еще ниже, которые классовой борьбой в полном смысле и не следует называть, а лучше называть именно сопротивлением, «отпором», самообороной, проявлением антагонизма. «Зачаточной классовой борьбой» в феодальном обществе мы называли бы крестьянские побеги и уходы.

Как видим, теоретическая основа ленинских идей о многообразии и целой лестнице форм рабочего движения вполне приложима и к проблеме классовой борьбы в феодальном обществе. Но конкретные формы тут совсем другие и подходить к ним надо с совсем другим мерилom. Классовая борьба при капитализме и феодализме — это качественно глубочайшим образом различные эпохи в истории классовой борьбы.

Кстати, точно так же несоизмеримой новой ступенью было и сопротивление крестьян феодальной эксплуатации по сравнению со способностью рабов в рабовладельческом обществе к сопротивлению своим эксплуататорам. Эта новая ступень воздвигалась над теми результатами, которые завоевала антирабовладельческая революция.

Рассмотрим разные, характерные для средневекового крестьянства формы и пути сопротивления феодальной эксплуатации.

Прежде всего ясно, что в распоряжении крестьянства было два пути сопротивления. С одной стороны, — так или иначе уменьшать (или уничтожать) феодальную эксплуатацию, препятствовать ее росту, сокращать ее абсолютный размер. С другой стороны, — так или иначе увеличивать доходность крестьянского хозяйства и тем уменьшать относительный размер той части дохода, которая отнимается эксплуататором. В самом деле, если формула, выражающая норму эксплуатации,

представляет собою дробь П/Н, т. е. отношение прибавочного продукта (или труда) к необходимому, очевидно, что борьба против данной нормы эксплуатации может состоять как в уменьшении (или уничтожении) числителя, так и в увеличении знаменателя. Один путь — это открытая борьба крестьян против феодалов, другой — экономическая борьба. Оба пути использовались средневековым крестьянством.

Немалые усилия крестьянства устремлялись именно по второму пути: это было формой выражения антагонизма классовых интересов в феодальном обществе, но не прямой борьбой против феодальной эксплуатации, а косвенной, путем увеличения производительности и доходности крестьянского хозяйства, и, тем самым, уменьшения относительного размера экспроприруемой части дохода. Это — не классовая борьба. Это — самый низший из способов крестьянского сопротивления феодальному гнету. Его с наибольшим правом можно назвать индивидуальным сопротивлением. Экономическая борьба, если она была успешна, стояла в обратном отношении к развитию открытой борьбы. Но и ее исторические последствия все же были огромны.

Остановимся сначала на характеристике этого пути крестьянского сопротивления. Поскольку в феодальном обществе хозяйства помещика и крестьянина пространственно разделены, сопротивление эксплуатации может выражаться уже в том, что крестьянин работает там и тут с разной интенсивностью. Маркс говорит, что дни барщинного труда крестьянина «являются постоянной величиной, законно урегулированной обычным или писаным правом. Но производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная»⁷, возрастающая вследствие «усиленного напряжения рабочей силы» в его собственном хозяйстве. Таков первый вид экономической борьбы, соответствующий периоду господства отработочной ренты.

При господстве ренты продуктами перед крестьянином открывается, «по сравнению с отработочной рентой, больший, простор для того чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности»⁸. Еще значительно большие возможности для образования крестьянского дохода сверх уплачиваемой феодалами ренты и сверх покрытия необходимейших потребностей, т. е. для крестьянского накопления, открываются при господстве денежной ренты.

Однако речь идет только об абстрактной экономической возможности. Лишь незначительная крестьянская верхушка осуществляла эту

---

⁷ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 806–807.

⁸ Там же, стр. 808.

возможность на деле. Подавляющая масса крестьянства отнюдь не богатели в действительности при переходе от отработочной ренты к продуктовой и от продуктовой к денежной. Богатели в конце концов эксплуататоры — феодалы, церковь, государство, ростовщики, — нашедшие возможность присвоить себе плоды напряжения сил крестьянина в его попытках создать себе дополнительный доход. Следовательно, надо различать две разные вещи: повышение производительности труда крестьян в их хозяйствах как форму их напряженной борьбы против имеющейся налицо в каждый данный момент нормы феодальной эксплуатации, борьбы, обуславливающей движение истории от отработочной ренты — через продуктовую — к денежной; и такую перестройку всей феодальной экономики на каждой новой достигнутой ступени производительности труда, при которой результаты этого роста производительности достаются все-таки в основном эксплуатирующему феодальному классу. Следовательно, повышение производительности и интенсивности труда крестьянина было в конце концов менее эффективной борьбой с феодальной эксплуатацией, чем любая, даже самая низшая из форм открытой борьбы; плоды этих усилий господствующему классу легче всего было обратить к собственной выгоде; если же какой-то части крестьян и удавалось устойчиво закрепить за собой эти плоды, — это только приводило к отсрочке и торможению открытых форм борьбы, в том числе восстаний.

Особенно ясно все это можно показать на переходе к денежной ренте.

Было бы совершенно неверно думать, что крестьянин впервые понес свои продукты в город продавать на рынке потому, что феодал потребовал с него вместо натурального продукта — деньги. Нет, наоборот, феодалы начали требовать ренту в деньгах лишь после того, как деньги стали позванивать в карманах у крестьян, хотя бы и исправно вносивших ренту отработкой или продуктами. До этого наличие денег (или покупных товаров) свидетельствовало о принадлежности человека к общественным «верхам».

В своей основе товаризация крестьянского хозяйства и развитие товарооборота между городом и деревней были не чем иным, как одним из общественно-экономических результатов стихийной, слепой, узкоэкономической попытки миллионов разрозненных производителей «уйти» от феодального гнета путем значительного повышения производительности труда и, тем самым, повышения доходности индивидуального хозяйства.

С одной стороны, еще при господстве натурального хозяйства в недрах феодального поместья стала выделяться группа крестьян-ремесленников. Они представляли новую производительную силу. Усовершенствованием труда и повышением производительности труда они

добивались улучшения своего экономического положения. Они создали понемногу новые виды и отрасли производства, различные ремесла и мастерства. Но феодалы притесняли их, переводили на господский двор, где заставляли работать только на себя, и даже подчас продавали сами на сторону их изделия. Такие мастеровые крестьяне старались бежать от своих господ, они селились в местах, где могли сбывать свою продукцию, — у больших дорог, административных центров, монастырей, замков. Их поселения развились в средневековые города, которые привлекали новых и новых беглецов.

Другой стороной этого процесса, революционизировавшего феодальную экономику, была товаризация хозяйства тех крестьян, которые продолжали заниматься земледелием. Ведь мало-мальски развитой город, если в нем каждый горожанин уже не занимается сам подсобным сельским хозяйством, невозможно себе представить без окрестного сельского населения, которое продает городским ремесленникам продукты питания и покупает их изделия. Следовательно, в то время как одни старались избежать феодальной эксплуатации путем переселения в город, другие, их соседи, тоже противились феодальной эксплуатации тем, что напряженным трудом создавали избыток в своем хозяйстве, и, поддерживая прямую связь с этими беглецами, несли продавать им его и покупали их изделия. Оба эти ответа на феодальный гнет в сущности представляли единство, один без другого немыслим. Без товаризации крестьянских хозяйств, без этого избытка крестьянской продукции не возникли бы и не могли бы существовать средневековые города. Без городов не было бы товаризации крестьянских хозяйств. Оба фланга вели натиск на прежнюю форму феодальной эксплуатации совместно. Таким образом, огромный шаг в развитии производительных сил феодального общества был вместе с тем огромным шагом в попытках непосредственных производителей уклоняться от феодальной эксплуатации. Возникновение городов, товарного сельского хозяйства, простого товарного обращения между деревней и городом — было не только выражением роста общественного производства, но тем самым и выражением великого подъема и успеха народного — крестьянского по своей основе — сопротивления феодальной эксплуатации. И выделение крестьян-ремесленников, уходящих в города, и интенсификация крестьянского хозяйства, создающего некоторые «излишки», и превращение этих «излишков» в товар, в деньги, в купленную ремесленную утварь, словом, в нечто, ускользающее от притязаний феодала, — все это — акты сопротивления феодальной эксплуатации, хотя бы и в самой низшей, наименее эффективной форме, тормозящей развитие более высоких форм.

Но если «второе великое разделение труда» и было в своей основе великим народным отпором старым способам феодальной эксплуата-

ции, то оно испытало судьбу многих других стихийных успехов слепой народной борьбы. Плодами его воспользовались отнюдь не народные массы.

Феодалный класс встал на путь «коммутации» крестьянских повинностей, т. е. превращения их из натуральной формы в денежную. Мечты крестьян «выкупиться» оборачивались как обязанность бесконечно вносить денежные платежи. А то, чего не могли взять феодалы, наталкивавшиеся на открытое крестьянское сопротивление, стало отнимать феодалное государство в виде налогов. Только небольшая прослойка крестьян в условиях господства денежной ренты богатела и превращалась в сельскую буржуазию. В других случаях господствующий класс обратился не к присвоению плодов интенсификации крестьянского хозяйства, т. е. денежных достатков крестьян, а к прямой интенсификации барщинного труда, — раз уж опыт крестьянского хозяйства показывал, что интенсификация вообще возможна. Наконец, немногим лучше была и конечная судьба большинства городских ремесленников, вчерашних крестьян: их победы утилизировали в свою пользу сеньор города, патрицианская верхушка, нарождающаяся буржуазия.

Таким образом, все виды экономической борьбы были, если говорить о прямом, непосредственном успехе, безуспешны, бесплодны для основной массы крестьян. Пытаясь количественно уменьшить норму феодалной эксплуатации, они приводили лишь к качественной перестройке этой эксплуатации на новом, более высоком уровне производительности труда. Но эта борьба двигала вперед экономическую историю феодалного общества.

Перейдем теперь к рассмотрению открытого сопротивления, открытой борьбы крестьян.

Как уже было сказано, вопрос об открытом сопротивлении крестьян феодалной эксплуатации не сводится к вопросу о крестьянских восстаниях. Восстания безусловно были высшей формой крестьянской борьбы в средние века. Но исторически им предшествовали, а затем практиковались одновременно с ними и другие способы сопротивления.

Можно различить три основные формы открытого крестьянского сопротивления.

1. Частичное сопротивление: индивидуальный или коллективный отказ от выполнения того или иного требования, предписания, закона; нарушение какого-либо запрещения; спор с сеньором по поводу отдельных прав и обязанностей.

2. Уход или бегство, т. е. сопротивление уже не отдельным требованиям сеньора, а полный разрыв с сеньором, поиски лучших условий в другом месте; эту форму истории подчас называют пассивным или

индивидуальным сопротивлением, но оба термина не точны, так как уход безусловно является активным действием и осуществлялся часто целыми группами или семьями. Именно эту форму можно назвать зачатками классовой борьбы или зачаточной классовой борьбой.

3. Восстание, т. е. применение коллективного насилия для уничтожения существующих условий эксплуатации.

Первые две формы являются низшими по отношению к восстанию. Но любое правонарушение, любой конфликт с сеньором, любой самовольный уход уже таили в себе возможность перерасти в восстание. Всякое восстание развивалось, как из зерна, из этих низших форм сопротивления, если они были безуспешны. Восстания в жизни средневековой деревни были редким событием, но потенциальная возможность восстания незримо присутствовала в лице этих обычных форм борьбы.

Исторически первые две формы борьбы в широком смысле также предшествовали восстаниям. Конечно, указанные три формы в конкретной истории переплетались друг с другом, их нельзя представить как три обособленных периода, но все же в каждый данный момент феодальной истории доминирующая роль принадлежала одной из трех форм, и в самом широком смысле они представляют не только логическую, но и историческую последовательность.

Памятники раннего средневековья содержат очень мало свидетельств о крестьянских восстаниях. Даже предполагая, что они весьма неполно отразили эту сторону окружающей действительности, надо признать, что крестьянское восстание не характерно для той эпохи. Правда, мы видим полосу восстаний свободных общинников против феодализации, против закрепощения, — однако движения эти исчезают как раз вместе с окончательным установлением феодального общественного строя. Но зато на ранней ступени феодализма чрезвычайно обильны памятники, свидетельствующие о той форме борьбы, которую мы назвали частичным сопротивлением. Это — судебники («правды»), формулы, грамоты и т. д. Что это, как не фиксированные итоги столкновений интересов по разнообразнейшим конкретным поводам, преимущественно экономического характера? Несомненно, что жизнь была насыщена имущественными конфликтами, которые право и законодательство господствующего класса старались ограничить нормами, связать прецедентами. Крестьянин со своей стороны выступал не одиночкой, за его спиной — значительные судебные права общины (*mallus*), крестьяне и целые общины обвиняются в «сговорах» (*conjuraciones*) между собой против интересов феодалов. Эта картина характерна не только для начала средневековья, но и позже, например, для

XI–XII вв. в Италии⁹.

Феодалам приходилось очень считаться с организованной силой крестьянского противодействия. В случае их упорства дело иногда доходило и до попыток крестьян насильственными средствами отстоять свои права. Но преимущественно, если частичное сопротивление было неуспешным, крестьяне, в раннем средневековье обращались не к восстаниям, а ко второй форме сопротивления — уходу (в предвидении чего феодалу нередко и приходилось проявлять уступчивость). Возможность уходить была обусловлена малой заселенностью раннесредневековой Европы и Азии, наличием обширных невозделанных земель, недостатком рабочих рук. В качестве госпита, колониста, новопоселенца крестьянин мог получить более легкие условия, чем те, от которых он принужден был уйти.

Господствующий класс пытался парировать эту форму крестьянского сопротивления крепостным правом. Закрепощение крестьянской массы в раннем средневековье было, таким образом, актом классовой борьбы, контратакой землевладельцев против широчайшего применения крестьянами второй формы сопротивления — уходов.

Естественно, что уже тогда, отвечая на эту контратаку, крестьяне переходили и к третьей форме сопротивления — восстаниям. Первая волна крестьянских восстаний в Западной Европе, как сказано, падает именно на раннее средневековье. Сущность этих восстаний — борьба свободных крестьян-общинников против закрепощения («Стеллинга» в Саксонии и многие другие). Основной их исторический результат состоял в том, что они отстояли существование общины — того важнейшего органа, на который крестьянское сопротивление опиралось и в дальнейшем. Это, например, ясно видно из истории крестьянских движений и положения крестьянства в Саксонии. В раннесредневековых крестьянских восстаниях отчасти можно видеть и последние раскаты социальных бурь, которые озаменовали конец античности¹⁰.

---

⁹ А. И. Неусыхин отмечает существование таких «*conjurationes*» у франков. См. его монографию «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв.». М., 1956, стр. 64, 398–400. См. также М. Л. Абрамсон. Положение крестьянства и крестьянские движения в южной Италии в XII–XIII веках. — «Средние века», вып. III, 1951. Для более раннего периода эта же тема рассматривается в диссертации Л. А. Котельниковой «Положение и классовая борьба зависимого крестьянства в Северной и Средней Италии в VIII–XII веках», а также в ряде ее статей, опубликованных в сборнике «Средние века». Наличие таких «*conjurationes*» («*hlod*», «*heretema*») в Англии VII–X вв. отмечают также А. Я. Гуревич и М. Н. Соколова (см. А. Я. Гуревич. Английское крестьянство в X — начале XI в. — «Средние века», вып. IX, 1957; М. Н. Соколова. Свободная община и процесс закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII–X вв. — «Средние века», вып. VI, 1955).

¹⁰ А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI–XI вв.). — В кн.: «Из истории социально-политических идей. К

По-видимому, можно считать доказанным, что в Восточной Европе, в частности в Византии, эта первая волна крестьянских восстаний была значительнее, чем в Западной Европе¹¹. Дело в том, что в Западной Европе, при отсутствии сильных централизованных государств, крепостное право не могло действительно радикально пресечь крестьянские уходы. Напротив, в дальнейшие столетия средневековья уходы крестьян от своих сеньоров становятся характерным и широко распространенным явлением. Этому способствовала феодальная раздробленность: феодалы переманивали друг у друга крестьян. Находились и другие трещины в крепостном праве. Крестьяне уходили не только на новые земли к другим господам или на далекие окраины, где еще вовсе не было феодальных господ, — важным убежищем для них были монастыри, сначала возникавшие именно на путях крестьянского бегства, еще более важным — города, в числе основателей которых главное место принадлежало самим беглым крестьянам и за стенами которых они делались недоступными своим сеньорам. Наконец, крестовые походы были, по крайней мере вначале, не чем иным, как массовым бегством западноевропейских крестьян, санкционированным церковью, но вызванным исчерпанием возможностей внутренней колонизации и утяжелением феодального гнета. По количеству вовлеченных в это движение крестьянских масс оно не уступает крупной крестьянской войне¹².

Это не значит, что в IX–XIII вв. — классические столетия средневековья — данная форма крестьянского сопротивления, уходы, вытесни-

---

семидесятипятилетию акад. В. П. Волгина». М., 1955; В. В. Дорошенко. Упадок свободно-го крестьянства в феодальной Саксонии (X–XIII вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1949; А. С. Бартенев. Из истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X века. — «Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та», 1940, № 5; А. В. Конокотин. Классовая борьба во французской деревне IX–XI вв. — «Французский ежегодник, 1958», М., 1959.

¹¹ Народные движения в Византии IX–XII вв. проанализированы в монографиях: А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX–X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. К ранним антифеодальным народным движениям можно добавить восстания в России и Польше: восстания смердов в Суздальской земле 1024 и 1071 гг., народные движения в Киевской Руси 1068–1071 гг., крестьянское восстание в Польше 1037–1038 гг. (см. Л. В. Черетин. Летопись как источник по истории классовой борьбы. — В кн.: Акад. Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952; В. В. Мавродин. К вопросу о роли классовой борьбы в истории феодализма в России. — «Вестник Ленингр. ун-та», 1950, № 2; М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII веков. М., 1956; В. Д. Королюк. Летописное известие о крестьянском восстании в Польше в 1037–1038 гг. — В кн.: Акад. Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952; А. В. Арциховский и С. В. Киселев. К истории восстания смердов 1071 г. — «Проблемы истории материальной культуры», Л., 1933, № 7–8; Н. Воронин. Восстание смердов в XI веке. — «Исторический журнал», М., 1940, № 2; М. Н. Мартынов. Восстание смердов на Волге — Шексне во второй половине XI века. — «Уч. зап. Вологодского гос. пед. ин-та», т. 4, 1948).

¹² См. М. А. Заборов. Папство и крестовые походы. М., 1960.

ла частичное сопротивление. Напротив, споры, тяжбы крестьян с феодалами, борьба в вотчинной курии, отстаивание общинных прав, борьба за уровень и характер рент, служб, обязанностей, за выпасы, леса, угодья — все это по-прежнему было повседневным явлением в жизни деревни. В XIII в. наблюдается даже дальнейшая активизация, своего рода возрождение этой формы сопротивления, о чем неоспоримо свидетельствуют начало записи кутюмов во Франции (Бомануар), протоколы манориальных курий и судебных учреждений Англии и т. д.¹³ Но предельной угрозой в этой борьбе до XIII в. включительно была не столько угроза крестьянского восстания, сколько угроза крестьянского ухода. В этом смысле IX–XIII вв. можно назвать эпохой крестьянских уходов.

Одним из ее величайших результатов был рост городов, ибо главная часть их населения, повторяем, составила из бывших крестьян.

На этом примере особенно наглядно можно показать, что рост производительных сил и рост классовой борьбы — это две стороны того же процесса. Как сказано выше, медленный рост производительных сил феодального поместья на определенной ступени выразился в выделении из общей массы крестьян, первоначально выполнявших и сельскохозяйственные и простейшие ремесленные функции, особого слоя крестьян-ремесленников, т. е. крестьян, владеющих каким-либо ремеслом и постепенно порывающих с сельским хозяйством. Эти крестьяне и есть воплощенная новая производительная сила. Но в то же время они находятся в новых, более благоприятных условиях классовой борьбы против эксплуататоров-феодалов: им гораздо легче бежать от землевладельца-помещика, чем крестьянам-земледелцам, ибо они не связаны монополией феодального класса на главное средство сельскохозяйственного производства, землю, им легко унести с собой почти все материальные условия своего производства, свой несложный инструмент, бесполезный без их умения, их мастерства (рукомерсла). Их экономически труднее удержать — они легче прорывают внеэкономическое принуждение и бегут. В городах происходит скопление, концентрация этих наиболее непокорных элементов феодальной деревни. Поселяясь в городах, они менее экономически зависимы от феодального класса, так как менее нуждаются в земле, и в качестве горожан легче сбрасывают власть феодала-сеньора. Словом, возникновение городов — не только важнейший шаг в развитии производительных

---

¹³ См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.–Л., 1947; М. А. Барг. Вилланы «старинного домена». (Юридическая теория и реальная действительность). — «Средние века», вып. XI, 1958; И. С. Заввич. Классовая природа манориальной юстиции. — «Уч. зап. РАНИОН», т. 3, М., 1929; А. В. Конокотин. Борьба крестьян за самоуправление и коммуну на севере Франции в XIII–XIV веках. — «Вопросы истории», 1957, № 9.

сил, но одновременно и важнейший акт в развитии зачатков классовой борьбы в феодальном обществе, падающий на эпоху крестьянских уходов. Но население городов не могло бесконечно увеличиваться. Возможность роста городов была ограничена товарообменом между городом и деревней, т. е. товарностью сельского хозяйства.

Разумеется, внутри городских стен продолжают те же процессы: растут производительные силы и обостряются экономические классовые противоречия — уже иного, нового, чисто городского характера. Эксплуатируемый класс феодального общества как бы удваивается, он состоит теперь из трудящихся деревни и трудящихся города, из крестьянской массы и ремесленно-плебейской массы.

Другим важным результатом эпохи крестьянских уходов было выравнивание уровня феодальной эксплуатации в разных областях феодальной Европы: крестьяне уходили (или хотя бы могли уйти) оттуда, где уровень эксплуатации был выше, туда, где он был ниже, и это приводило к снижению его в первом случае, приводило к постепенному его повышению — во втором. Такое нивелирование экономического строя совершалось в особенности в пределах территории, заселенной родственным этническим населением, ибо переселение в среду людей иного языка и иной культуры было, разумеется, затруднительнее (во всяком случае для одиночек и малых групп); в пределах же этой территории крестьянские переселения расшатывали местные и племенные особенности, местные диалекты и способствовали формированию единой народности.

Нивелирование уровня эксплуатации, экономическое торможение дальнейшего роста городов, безрезультатность крестовых походов — все это если не ликвидировало, то решительно сократило возможности крестьянских уходов в XIII в. в Западной Европе (тогда как в Восточной Европе, особенно в России, они сохранялись еще долгое время¹⁴). Поэтому и крепостное право перестало быть жизненно необходимым для господствующего класса и могло быть вскоре уничтожено в Западной Европе. Разумеется, отмена личной крепостной зависимости была прежде всего победой самого крестьянства, т. е. результатом подъема крестьянской борьбы. Но западноевропейские феодалы могли примириться с этим поражением по той причине, что крестьянам на практике попросту становилось некуда уходить. Крестьянство в значительной степени лишилось этого способа борьбы, этой угрозы в отно-

---

¹⁴ В качестве интересного примера можно указать крестьянскую колонизацию Сибири. См. *С. В. Бахрушин*. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927; *В. И. Шунков*. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М.-Л., 1946; *В. В. Покшишевский*. Заселение Сибири. (Ист.-геогр. очерки). Иркутск, 1951; *В. И. Шунков*. Очерки по истории земледелия Сибири. (XVII век). М., 1956.

шении феодалов — уходов. Вместе с тем по мере роста производительности крестьянского хозяйства, по мере укрепления крестьянской собственности крестьянам и самим становилось все нежелательнее прибегать к этому орудию борьбы. Они должны были искать другие средства. Именно этим надо объяснить отмеченное выше обострение с XII в. «частичного сопротивления». Судебные источники свидетельствуют, что оно приобрело теперь более бурный характер, то и дело переходя в факты «самоуправства», применения силы, т. е. если не восстаний, то вспышек, уже предвещающих восстания. Например, английская деревня XIII в. представляла картину крайне обостренного крестьянского сопротивления, стоящего на пороге открытого восстания¹⁵. В самом деле, «частичное сопротивление» нуждалось в подкреплении какой-то более действенной угрозой, и этой угрозой, раз невозможен уход, должна была стать угроза восстания.

Обратно пропорциональную зависимость между возможностью уходов и восстаниями крестьян легко проследить в истории средних веков. Ведь, если возможность уходов сокращалась, господствующий класс смелее мог повышать эксплуатацию, и парировать эти попытки оставалось только последним средством — восстаниями. Так, значительно раньше, чем на континенте Европы, еще в XI–XII вв., крестьянские восстания начались в Англии и в скандинавских странах, где островное или полуостровное положение ставило естественные пределы размаху крестьянских переселений. В других случаях, как в Нормандском герцогстве, к тому же результату приводили, по-видимому, особенности политического строя, крайне затруднявшие выселение подданных за его границы. История первого крупного крестьянского восстания на континенте Европы, так называемого движения «пастушков» (1251), наглядно иллюстрирует, что переход к восстанию совершался в той самой мере, в какой отпадала возможность спастись от роста эксплуатации путем бегства, переселения; по слуху о новом крестовом походе (для освобождения Людовика IX из плена) огромные массы крестьян стали сниматься в Северной Франции с мест и двигаться в Южную Францию, увлекая за собой новые массы; когда же выяснилась и ложность слухов о возможности ехать за море и безнадежность найти на протяжении всей Франции лучшие условия жизни, — неудавшийся крестовый поход превратился в подобие крестьянской войны¹⁶.

---

¹⁵ См. *Е. А. Косминский*. Исследования по аграрной истории Англии XIII в.; *К. Д. Авдеева*. Огораживание общинных земель в Англии в XIII веке. — «Средние века», вып. VI, 1955.

¹⁶ См. *В. А. Керов*. Восстание «пастушков» в южных Нидерландах и во Франции в 1251 году. — «Вопросы истории», 1956, № 6; *В. А. Лурье*. Крестьянское восстание «пастушков» в Бельгии и Северной Франции в 1251 году. Автореф. канд. дисс. М., 1954.

С XIV в. для Западной Европы начинается уже подлинная эпоха крестьянских восстаний¹⁷. Для России же она начинается только со второй половины XVI в. — именно потому, что здесь возможности ухода были неизмеримо больше, и эксплуатация в связи с этим возрастала медленнее. Ведь и много позже уходы крестьян служили регулятором максимального предела феодальной эксплуатации: «Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям», — писал Маркс в письме к Засулич¹⁸. Тем более так стоял вопрос, когда не имелось «жандармов», когда в России еще не сложилось самодержавие. Крестьяне могли здесь переходить не только от одного помещика к другому, но из окраинных областей могли уходить и в почти совсем незаселенные места. Известное значение имела даже возможность хотя бы для немногих крестьян бежать в бескрайние сибирские леса. Но основным направлением крестьянских побегов в России были не леса, а плодородные степи. Здесь сложилось казачество, лишь понемногу подпадавшее под феодальное ярмо. И именно отсюда впоследствии разливались волны крестьянских восстаний, когда степи перестали быть убежищем для ищущих если и не полной воли, так хоть пониженной нормы эксплуатации.

В общем, в России, как и в других странах, эпоха крестьянских восстаний начинается тогда, когда резко сокращаются возможности крестьянских уходов. В России к этому привело в значительной степени установление в XVI в. крепостного права, неизмеримо более полного, не имевшего тех трещин и отдушин, как на Западе¹⁹. Что касается крестьянских восстаний в азиатских странах (Китае, Индии и др.), то и

---

¹⁷ Наряду с такими классическими крестьянскими восстаниями, как Жакерия, восстание Уота Тайлера, Гуситские войны, история средних веков знает множество других крестьянских выступлений. См. С. Д. Сказкин. Борьба крестьян против эксплуататоров в средние века. — «Преподавание истории в школе», 1952, № 3.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 685.

¹⁹ О побегах на южные и восточные окраины см. А. Г. Маньков. Побег крестьян в вотчинах Троице-Сергиевского монастыря в первой четверти XVII века. — «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та», вып. 10, 1941; Н. С. Чаев. Донское казачество. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955; А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века. — «Труды Ин-та истории РАНИОН», вып. 1, 1926. О восстаниях крестьян против усиления феодальной эксплуатации в России XIV, XV и XVI вв. см. Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — начале XVII века. — «Исторические записки», т. XV, 1945; В. В. Мавродин. К вопросу о роли классовой борьбы в истории феодализма в России. — «Вестник Ленингр. ун-та», 1950, № 2; В. Паишито, Л. Черепнин. О периодизации истории России эпохи феодализма. — «Вопросы истории», 1951, № 2; Л. В. Данилова. Очерк по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. (В этой работе содержится также большой материал о побегах крестьян как одной из форм классовой борьбы.)

они могли бы дать немало подтверждений правильности тех же общих положений²⁰.

Средневековые крестьянские войны на протяжении всей дальнейшей истории сохраняли черты генетической связи с крестьянскими уходами. Нередко, примыкая к отряду, крестьяне снимались с места вместе с семьей, со скарбом, гоня с собой скот. Особенно наглядный пример дают гуситские войны. Табориты обращались к населению с призывом бежать в горы или в те пять чешских городов, где табориты одержали победу. «Бегите в горы!», «Бегите к верным!» — требовали они и грозили, что все жители деревень и местечек, которые останутся у себя, совершат смертный грех. Чешские крестьяне огромными массами покидали насиженные места и уходили в лагеря таборитов с семьями и пожитками. Истинно верующих даже называли — «странствующие». Как явственно здесь бегство перерастает в восстание!²¹

Попутно скажем, что между крестьянскими уходами и восстаниями может быть отмечена не только генетическая связь, но и своеобразная промежуточная форма, игравшая иногда заметную роль в истории. Это — уход крестьян (в леса, в горы), но не для земледелия, а для «разбоя». Крестьянские лесные отряды, шайки, «разбой», «бандитизм» — явления, приобретающие подчас огромный размах и постоянство, характеризовавшие подчас внутреннюю политическую атмосферу целых стран и периодов, например, Италии XVI–XVII вв. По существу своему крестьянский «разбой» все же ближе к уходам, чем к восстаниям²².

Внешние затруднения для крестьянских уходов были отнюдь не единственной причиной перерастания их в новую форму борьбы, в восстания. Они только его подстегивали. В основе этого перерастания лежали более глубокие причины. С постепенным развитием крестьянской личной трудовой собственности крестьянин все крепче держится за свое хозяйство, не хочет его бросать. Более того, развитие крестьянской, собственности и денежных отношений, как мы уже знаем, резко обостряет антагонизм крестьян и феодалов. Растет слой крестьянской бедноты. Феодалы энергичнее наступают на крестьянское хозяйство,

---

²⁰ К. А. Антонова. Очерки общественных отношений и политического строя Монгольской Индии времен Акбара (1556–1605). М., 1952 (особенно гл. 4. Народные движения и формы их идеологии); В. А. Рубин. Дискуссия по вопросам крестьянских войн в Китае. — «Вопросы истории», 1961, № 2.

²¹ См. И. Мацек. Гуситское революционное движение. Пер. с чешск: М., 1954; *его же*. Табор в гуситском революционном движении. Пер. с чешск. М., 1956; Б. Т. Рубцов. Гуситские войны. М., 1955.

²² Е. В. Вернадская. Из истории итальянского крестьянства XV–XVI веков. — «Средние века», вып. XI, 1958. О татъбе, разбое как форме классовой борьбы крестьян в России см. Л. В. Черепнин. Формы классовой борьбы в Северо-Восточной Руси в XIV–XV веках. — «Вестник Московского ун-та», 1952, № 4; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края в XV–XVI вв. М.–Л., 1951.

крестьяне переходят ко все более активной его обороне и к контрнаступлению. Вот этому новому этапу классовых противоречий и соответствует принципиально новая форма классовой борьбы — крестьянское восстание.

Здесь надо отметить также, что существуют промежуточные, переходные формы крестьянской борьбы не только между бегством и восстанием, но и между частичным сопротивлением и восстанием. Частичное сопротивление, т. е. оспаривание тех или иных феодальных притязаний и «прав», в случае неуспеха часто влекло за собой разные виды «прямого действия»: «правонарушение», «самоуправство» крестьян в отношении оспариваемых феодальных порядков, например, потравы, т. е. выгон скота на «господские» угодья, порубка леса, нарушение монополий на охоту, рыбную ловлю и пр. Сюда же относятся организованный невыход на барщину, прямой отказ выполнить какие-либо повинности. Все это, разумеется, еще далеко не было восстанием, но все это могло быть шагом по направлению к нему. Эти формы борьбы в некоторые периоды в высшей степени типичны для аграрной истории многих европейских стран. Еще ближе к восстанию такие акты борьбы, которые являются уже открытым насилием, террором: избиение или убийство помещика или его служащих; сожжение или разрушение его дома или хозяйственных построек (иногда мелиоративных сооружений, изгородей и т. п.); уничтожение посевов на его полях, разорение его садов, порча его инвентаря, истребление его скота. Хотя такие акты сами по себе тоже еще нельзя назвать восстаниями, они уже далеко отстоят от частичного сопротивления в собственном смысле и сплошь и рядом служат началом, прологом восстания.

Вырастая из двух низших форм открытого крестьянского сопротивления, восстание в то же время коренным, глубочайшим образом отличается от них. Низшие формы — стремление уменьшить феодальную эксплуатацию, восстание — уничтожить, ее. Восстание — наиболее массовая форма борьбы, доступная не какой-либо части крестьян, а всем без исключения.

Первые две формы являлись низшими и в том смысле, что, в отличие от восстания, могли быть в известной мере утилизированы господствующим классом в собственных интересах и даже обращены против крестьян.

Так, если частичным сопротивлением крестьян удавалось добиться известного ограничения сеньориальной эксплуатации, введения ее в фиксируемые обычаем нормы, то, во-первых, за высвобождающийся крестьянский излишек тем скорее ухватывались другие эксплуататоры феодального типа — церковь, государство, ростовщик, во-вторых, сеньоры и феодальные юристы утилизировали само согласие крестьян подчиняться раз установленному обычаю и соглашению, умело перетол-

ковывая последние к своей выгоде и при случае сами апеллируя к той или иной «старине», удобной в данный момент. Даже общину, важнейший орган крестьянского частичного сопротивления, феодалы и феодальное государство умели использовать как орган эксплуатации крестьян, круговой поруки.

От ухода крестьян выигрывали те феодалы, которые переманивали их к себе, нередко гарантируя льготные условия только на несколько лет, а затем повышая эксплуатацию; выигрывали те феодалы, которые по следам крестьян-колонистов появлялись в незаселенных районах, объявляли себя верховными собственниками земли и таким путем получали сразу и новую территорию и новых подданных; выигрывали те феодалы, которые по путям, проложенным на Восток уходящими крестьянами, то во главе крестьянского ополчения, то в подражание ему, устремлялись в крестовые походы для установления и там, в далеких заморских краях, своего феодального господства; выигрывали сеньоры городов от притока нового населения; выигрывала феодальная церковь от роста монастырей, от крестовых походов; выигрывало феодальное государство, заставляя беглых крестьян в окраинных порубежных землях нести сторожевую и военную службу, подчас вовсе их порабошавшую. Наконец, феодалы обращали право крестьян на уходы в свое право их сгонять, когда это было выгодно. Когда крестьяне в Англии, не выдерживая невыносимых условий, бросали насиженную землю, уходили, — в этом выражались их протест и борьба (недаром безземельные «бродяги» преследовались как опаснейший социальный элемент), но, с другой стороны, лендлорды сами принуждали их к этому в собственных интересах. И в этих сгонах крестьян можно вскрыть не только экономический расчет, но и классовую борьбу. Бесспорно, что классические английские «огораживания» были вызваны ростом цен на шерсть, но лендлорды выигрывали при этом и в том отношении, что разрушали общину, вообще уменьшали в своих владениях число крестьян, следовательно, уменьшали и потенциал крестьянского сопротивления. Если бы даже переход к овцеводству не увеличил, а только сохранил прежний доход лендлорда, он был бы в выигрыше уже от того, что один пастух, заменивший несколько десятков согнанных крестьян, не был способен и отдаленно оказать ему такое сопротивление, как эти многочисленные крестьяне, особенно в такую пору накаленной классовой борьбы, какими были XVI–XVII вв. в истории Англии. Впрочем, таков мог быть лишь близорукий расчет каждого отдельного лендлорда, ибо в совокупности огораживания только провоцировали широкие крестьянские восстания (например, норфолкское восстание Роберта Кета); это было одним из главных мотивов, заставлявших тю-

доровское законодательство противиться огораживаниям²³.

Крестьянское восстание, в отличие от этих низших форм крестьянского сопротивления, не могло быть никак использовано в интересах господствующего класса. Вернее, если это и могло произойти, то только в том случае, когда оно на деле было уже сведено к низшей форме, когда те или иные умеренные элементы (по большей части представляющие обеспеченную крестьянскую верхушку), подчинив его своему влиянию, соглашались прекратить его полюбовным компромиссом. В таком случае это — уже частичное сопротивление. Подавляющее большинство так называемых программных документов крестьянских восстаний и должно быть отнесено к этой категории.

Всякому крестьянскому восстанию было свойственно глубочайшее внутреннее противоречие. С одной стороны, оно было по своей природе массовым движением. Более того, внутренняя логика требовала все большего его расширения по мере достигаемых успехов. С другой стороны, в основе его лежала всего лишь оборона крестьянином своего личного хозяйства. Это противоречие проявлялось в нежелании крестьянина далеко уйти от своего хозяйства, в стихийной тяге ограничить арену борьбы небольшим районом, локализовать ее. Поэтому локальная разобщенность, раздробленность — характерная черта крестьянских восстаний. Но характерна и другая черта — стремление наиболее активной части, вожаков, всеми средствами преодолеть эту локальность, вовлечь новых участников в восстание, распространить борьбу на новые районы. Столкновение двух тенденций наглядно выражалось в применении сплошь и рядом разнообразных мер не только убеждения, но и принуждения для того, чтобы расширить круг составших крестьян; народная реформация Томаса Мюнцера провозглашала это принуждение своим принципом. Но даже если восстание охватывало обширнейшие территории, локальность снова обнаруживала себя в тактике крестьян, в разобщенности отрядов, в децентрализованности наносимых ударов. Невозможность успеха крестьянского восстания коренилась в самом характере производства: в том, что производство было мелким, обособлявшим производителей, а не сплачивавшим их.

В некоторой мере преодолению распыленности крестьянских движений способствовала нараставшая с веками их связь с движениями городского плебейства. Первоначально плебейство было лишь «резервом» крестьянских движений, но мало-помалу город из спутника кре-

---

²³ См. В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. Из истории обезземеления крестьян в Англии. М.-Л., 1949; *его же*. Восстание на севере Англии 1569–1570 гг. — В кн.: «Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию акад. В. П. Волгина». М., 1955.

стьянской войны превращался в центр притяжения ее сил, а еще позже — даже в ее лидера. Это объясняется не только тем, что изменялась социальная структура самого города и классовая борьба в нем обострялась, не только тем, что городские ремесленники изготовляли то оружие, в котором нуждалось крестьянское восстание, но и тем, что логика борьбы за победу крестьянского восстания требовала спайки, преодоления распыленности, а города были уже наличными и естественными, порожденными самой экономической жизнью центрами — одни для данного района, другие для данной области, третьи для всей страны. Понятно, что одна из двух боровшихся во всяком крестьянском восстании тенденций, тенденция к расширению и спайке, оказывалась в то же время тенденцией к связи с городскими движениями. Энгельс писал о крестьянском движении в России: «...Крестьяне же не пойдут дальше бесплодных местных восстаний, пока победоносное восстание городских центров не даст им недостающей спайки и опоры»²⁴. Но надо оговориться, что город — это не только плебейство. Крестьянские войны обращались также и против городов, ибо верхушка городов срасталась с классом феодалов. В городах, за их укрепленными стенами, искали спасения во время крестьянских восстаний дворяне на Западе, помещики в России, например, во время восстания Болотникова²⁵.

Нарастают или ослабевают крестьянские восстания в эпоху разложения феодализма?

В XIV–XV вв. мощные крестьянские войны сотрясали феодальную Западную Европу. Восстание Дольчино в Италии, Жакерия во Франции, восстание Уота Тайлера в Англии, гуситские войны в Чехии, Великая крестьянская война в Германии в начале XVI в. — самой своей новизной, непривычностью так поразили сознание современников, а за ними и историков, что создалось мнение, будто в дальнейшем, в XVI–XVIII вв., крестьянские движения были уже менее значительными.

На самом деле они продолжали в общем нарастать, хотя и очень неравномерно, вплоть до конца феодальной эпохи. Но для изучения крестьянских восстаний в эти более поздние века требуется упорная борьба с историографической традицией и серьезная критика источников. В корне изменилось отношение к ним современников из рядов господствующих классов, которые отныне уже не хотят о них писать, относятся к ним не с любопытством первого испуга, а с отвращением. Одновременно и у историков мы находим пренебрежение этой темой и лишь малую долю того, что путем тщательного изучения можно все же найти в документах, хотя письменные памятники в свою очередь

---

²⁴ Ф. Энгельс — Августу Бебелю, 29 сентября 1891 г. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. XXVIII, стр. 344.

²⁵ См. *И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606–1607. М., 1951.*

отразили далеко не все, что происходило в действительности. Во всяком случае, стоит только иметь желание рыться в источниках, искать факты, проверять по документам естественно возникающие догадки, преодолевать ученую рутину, — и эта темная, замалчиваемая буржуазной историографией сторона истории XVI–XVIII вв. открывается со все возрастающей щедростью как отрытый клад. Так, например, XVII век, имевший репутацию почти вовсе чуждой крестьянским движениям главы западноевропейской истории, в результате усилий советских исследователей раскрылся как классический век крестьянских восстаний — в Англии, во Франции, в Германии²⁶. Их больше в XVII в., чем в XIV–XV вв., и некоторые из них значительно крупнее знаменитых образцов того времени.

Следовательно, сознание господствующего класса неустанно получало все новые и новые напоминания о возможности крестьянского восстания. Государи, правители, министры, разумеется, знали о восстаниях гораздо больше, чем когда-нибудь узнают историки. Но важно подчеркнуть, что общественной силой были не только сами спорадически вспыхивавшие восстания, но и всегда бывшая налицо мысль о них. Слово «жакерия» стало нарицательным в языке господствующего класса Франции; этот исторический пример, может быть, потому кажется до сих пор таким выходящим из ряда вон, что ужасы Жакерии были использованы для воспитания многих дворянских поколений. Благодаря этому и другим подобным примерам в их сознании жила мысль не только о том, что крестьянское восстание может произойти (об этом напоминали более близкие примеры), но что оно может временно и победить — жуткие сцены, описываемые Фруассаром, красноречиво говорили, что это значит.

Точно так же и среди крестьянства не умирала идея возможности победы крестьянского восстания, поддерживаемая историческими примерами и легендами. Так, во многих крестьянских восстаниях, в самые разные времена и в разных странах, все снова всплывала ссылка на швейцарских крестьян, сумевших будто бы победить своих господ и добиться свободы. Встречаются также ссылки на овечьные легендой успехи чешских гуситов. И подавленное восстание подчас веками ос-

---

²⁶ С. И. Архангельский. Крестьянские движения в Англии в 40–50-х годах XVII века. М., 1960; Английская буржуазная революция XVII века, т. 1. М., 1954, гл. 13; Б. Ф. Поршнев. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.–Л., 1948; он же. Народные восстания во Франции при Кольбере. — «Средние века», вып. II, 1946; он же. Цели и требования крестьян в Бретонском восстании 1675 г. — «Труды ИФЛИ», т. VI, 1940; Н. Н. Самохина. Крестьянские восстания в Австрии в конце XVI — середине XVII века. Автореф. канд. дисс. М., 1951. О крестьянских восстаниях в Швеции XVII в. см. А. С. Кан. Антифеодальные выступления шведского крестьянства в XVII веке. — «Средние века», вып. VI, 1955.

тавалось общественной силой, закрепленное в памяти крестьян фольклором, вроде, например, песен о Степане Разине в России.

В заключение необходимо остановиться еще на имевших место в научной литературе попытках теоретически разграничить два понятия: крестьянское восстание и крестьянская война²⁷. Были предложены некоторые признаки, якобы отличающие крестьянскую войну от суммы разрозненных крестьянских восстаний: выступление крестьянства против *всего* класса помещиков-землевладельцев, наличие единого центра движения, общих лозунгов, выступление крестьян в общегосударственном масштабе. В крестьянской войне, в отличие от восстаний, крестьянство якобы борется не за реформы и уступки, а за слом всей феодально-крепостнической системы, борется за власть в общенациональном масштабе. Однако все эти разграничения имеют в виду только крестьянские войны под руководством Болотникова, Разина и Пугачева в России. Но, приняв приведенные определения, нам пришлось бы отказаться от термина «крестьянская война» применительно к таким классическим образцам крестьянских войн на Западе, как Жакерия во Франции, восстание Уота Тайлера в Англии, гуситские войны в Чехии, Великая крестьянская война в Германии. Точно так же не пришлось бы впредь называть «крестьянскими войнами» и многие общеизвестные крестьянские войны в Китае. Словом, приведенные дефиниции искусственны, не учитывают данных всеобщей истории, установившегося в науке словоупотребления.

В действительности невозможно и ненужно проводить метафизическую грань между крестьянскими войнами и другими формами классовой борьбы крестьянства. Всякое вооруженное восстание есть уже в какой-то мере «война». «Крестьянскими войнами» обычно называют самые крупные, самые значительные и массовые крестьянские восстания. В разных странах крестьянские войны носят разные отличительные черты, зависящие от конкретных особенностей исторического развития этой страны, от уровня экономического развития феодального общества, от вызревания капиталистического уклада.

Подведем итоги рассмотрения различных форм крестьянского сопротивления феодальной эксплуатации. Мы убедились, что восстания, т. е. стихийные попытки уничтожить феодальную эксплуатацию, терпели поражения. А низшие формы сопротивления, еще более слепые, т. е. попытки спастись от гнета путем усиленного труда, путем апел-

---

²⁷ В. И. Лебедев. К вопросу о характере крестьянских движений в России XVII–XVIII вв. — «Вопросы истории», 1954, № 6; В. В. Мавродин, И. З. Кадсон, Н. И. Сергеева, Т. П. Ржаникова. Об особенностях крестьянских войн в России. — «Вопросы истории», 1956, № 2; В. В. Мавродин. Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII–XVIII вв. — «Вопросы истории», 1961, № 5.

ляции к обычаю и праву, путем побега или переселения, — если и давали какой-то успех, то лишь незначительному слою крестьян сравнительно с основной массой, да и их успех чаще был обманчивым, ибо феодалы так или иначе брали реванш. Феодалный строй обладал огромной приспособляемостью, даже изменчивостью при всей его жесткости: он перестраивался, видоизменялся под давлением противника, но не уступал главного — основных производственных отношений, т. е. самой феодальной эксплуатации. Эти производственные отношения только все более усложнялись, поднимались на все более высокую ступень.

Рост производительных сил феодального общества и развитие феодальных производственных отношений совершались через посредство всех этих форм, в которых проявлялись антагонизм и столкновение интересов крестьян и феодалов, а не где-то в стороне от них, как представляет себе это «экономический материализм».

2. Формы общности людей при феодализме и роль народной борьбы в их развитии

Соппротивление трудящихся масс эксплуатации требует их сплочения. В одиночку люди бессильны в общественной борьбе; чтобы стать общественной силой, они должны так или иначе объединять свои индивидуальные усилия. Одним из главных показателей уровня борьбы трудящихся является широта и прочность охвата их теми или иными организациями и связями, т. е. уровень суммирования их индивидуальных усилий.

Рабы в античности почти не имели организаций; самое большее, это были религиозные общины, коллегии или чисто военные, хрупкие в силу разноплеменности, организации в моменты восстаний. Это далеко уступает уровню организованности средневекового крепостного крестьянства, повседневно опиравшегося хотя бы на такую форму связи индивидов, как община. Но сплоченность и взаимосвязь крестьянских масс в свою очередь выглядят почти равными нулю в сопоставлении с организациями пролетариата при капитализме. Если индивидуальное хозяйство разобщало крестьян, то совместная работа на крупном предприятии приучала рабочих к объединению. Если крестьянство почти никогда не могло подняться до взаимопомощи даже в общенациональном масштабе, то пролетариат выступает сплоченно и на интернациональной арене.

Исходной и характернейшей формой общения и организации кре-

стьянства при феодализме являлась сельская община²⁸. Как показал Энгельс, эта община, марка, выросшая на основе более древних, родовых форм общинных организации, при феодализме проявляла необычайную живучесть прежде всего в силу того, что отвечала потребности крестьян иметь орган взаимопомощи и отпора феодалам-землевладельцам. Экономическим базисом этого органа являлась сохранявшаяся общинная собственность на непахотные земли (тогда как пахотные земли находились уже в индивидуальной собственности). Но именно потому, что феодалы не могли не покушаться снова и снова на эти земли, крестьянская община естественно оказалась органом, антагонистичным феодалам. Благодаря тому, что этот орган сохранял видоизмененные остатки древней родо-племенной демократии в рядах эксплуатируемого класса, он столь же естественно служил важным оружием крестьян в их борьбе с феодалами. Строй этой общины, по словам Энгельса, «все же сохранил свой первобытный демократический характер, отличающий весь родовой строй, так что даже при его дальнейшем навязанном ему вырождении еще уцелели его остатки, служившие оружием в руках угнетенных и дожившие до новейшего времени»²⁹. Община, хотя бы и закрепощенная, давала, говорит Энгельс, «угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средства к сопротивлению»³⁰. Существование марки, с ее хозяйственными и судебными правами, на каждом шагу стесняло и урезывало произвол земельного собственника. Марка служила элементарной организационной ячейкой всех трех рассмотренных выше форм крестьянского

---

²⁸ Исследованию крестьянской общины в России, в Восточной и Западной Европе посвящены многочисленные работы советских историков. См., например, *Б. Д. Греков*. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, Изд. 2-е. Кн. 1-2. М., 1952-1954; *он же*. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958; *он же*. Киевская Русь. М., 1953, гл. 3-5; *он же*. Полица. М., 1951; *С. В. Юшков*. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939; *его же*. Русская Правда. М., 1950; *А. Н. Горский*. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. М., 1960; *Д. Л. Похилевич*. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI-VIII вв. Львов, 1957; *А. И. Неусыхин*. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI-VIII вв. М., 1956. Изучению крестьянской общины в Италии посвящен ряд статей *М. Л. Абрамсон*, *Ю. Л. Бессмертного*, *Л. М. Брагиной*, *А. А. Котельниковой*; во Франции — *Н. П. Грацианского*, *Я. Д. Серовайского*; в Германии — *А. И. Данилова*, *В. В. Дорошенко*, *Л. Т. Мильской*, *А. И. Неусыхина*. Исследованием английской общины занимаются *А. Я. Гуревич* и *М. Н. Соколова*, норвежской — *А. Я. Гуревич*, шведской — *А. С. Кан* и венгерской — *М. А. Павлушкова*, сербской — *М. С. Шихарева*; исследованию индийской общины посвящены работы *И. М. Рейснера*, *К. А. Антоновой*, *А. М. Осипова*, китайской — *Л. С. Васильева*.

²⁹ *Ф. Энгельс*. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 128.

³⁰ Там же, стр. 132.

сопротивления феодальной эксплуатации: судебные права общины давали основу для частичного сопротивления; крестьяне не могли в случае переселения обосноваться на новом месте, например в городском поселении, не вступая и не организуясь в новые общины; во время восстаний крестьяне выступали общинами, «миром», и часто сохраняли общинную связь в военных отрядах, сражавшихся с феодалами. Марка сложилась и развивалась, говорит Энгельс, «в борьбе с растущим и усиливающимся крупным землевладением... Марка сохранилась на протяжении всех средних веков в тяжелой беспрестанной борьбе с землевладельческим дворянством»³¹.

Эта организация, община, на заре средневековья опиралась на общую собственность всех свободных общинников-мужчин и, по словам Энгельса, охватывала все, что для них тогда действительно являлось «отечеством»³². В дальнейшем экономическая основа общины все более исчезала. Суть этого процесса состояла не столько в развитии индивидуальной собственности (ибо, как показывают факты, община-марка вполне уживалась с индивидуальной собственностью крестьян и даже с очень значительной имущественной дифференциацией членов общины), сколько в узурпации общинной земли феодалами. «Марка погибла вследствие разграбления почти всей крестьянской земли, как поделенной, так и неделимой, — разграбления, произведенного дворянством и духовенством при благосклонном содействии правителей страны»³³. Конечно, это разграбление феодалами общинных земель облегчалось тем, что общинная собственность экономически все более устаревала, превращалась в некоторых отношениях в тормоз сельскохозяйственного производства, например, из-за принудительного севооборота. Но лишь в новое время технический и научный прогресс земледелия действительно потребовал ликвидации коллективной собственности на землю (или возрождения ее уже как базы крупного сельскохозяйственного коллективного производства³⁴). На протяжении же феодальной эпохи общинная собственность не исчезла бы, если бы ее в разные моменты, при благоприятном соотношении классовых сил, не захватывали феодалы, подрывая тем самым общину. При этих захватах («огораживаниях», «триажах» и т. д.) они руководствовались как жадностью к чужому добру, так и заинтересованностью в том, чтобы лишить непокорных крестьян сплоченности, судебных прав, «отчества», каким являлась для них, по словам Энгельса, община.

Но все же в жизни средневекового общества община-марка очень

---

³¹ Ф. Энгельс. Марка. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 638.

³² Там же, стр. 629.

³³ Там же, стр. 638.

³⁴ См. там же, стр. 259–260, 638, 645.

долго сохраняла роль почти универсальной формы общественной организации. Энгельс говорит о марковом строе: «...На протяжении всего средневековья служил основой и образцом всякого общественного строя»³⁵. Энгельс имеет тут в виду итоги исследований немецкого историка Г. Л. Маурера, показавшего, что правовая структура поместья как судебной-юридической и административной единицы, а также городской общины, ремесленного цеха, купеческой гильдии, словом, всех институтов средневекового общества, в конечном счете являлась лишь видоизменением и воспроизведением конституции общины-марки. «Сельская конституция, — резюмирует Энгельс, — является только конституцией марки, самостоятельной сельской общины, и переходит в конституцию города, как только село превращается в город, т. е. укрепляет себя рвом и стенами. Из этой первоначальной конституции городской марки выросли все позднейшие городские положения. И, наконец, по образцу конституции марки созданы уставы и положения бесчисленных вольных товариществ средних веков, не основанных на общности землевладения, — особенно же уставы вольных цехов»³⁶.

Словом, община, как организация борьбы крестьян с землевладельческим дворянством, оплодотворила собою всю структуру, все порядки феодального общества.

Однако, с другой стороны, сама по себе эта организация обречена была в конце концов на поражение или превращение в собственную противоположность. Энгельс отмечает два пути крушения общины-марки как органа сплочения крестьян для борьбы с феодалами. В одних случаях — это прямое поражение в борьбе: так, после Великой крестьянской войны в Германии 1525 г., в местностях, где свирепствовала война, где крестьяне были побеждены после ожесточенной борьбы, все оставшиеся еще права крестьян-общинников были окончательно попорчены, последние следы марки исчезли. В других случаях шел процесс сначала проникновения феодала-помещика в марку на правах ее равноправного члена, затем приобретения им господствующего положения в ней, наконец, превращения ее в подсобный орган поместной администрации, в орган феодальной эксплуатации крестьян; подчас таким же образом общину подчиняло себе феодальное государство в целях налоговой эксплуатации, подчас — церковь (приходская община), подчас — ростовщик.

Этот прогрессирующий упадок или полное поражение общины объясняются тем, что она не могла бесконечно существовать и приспособляться при утере своей экономической основы — коллективной собственности. Вместе с исчезновением остатков коллективной собст-

---

³⁵ Ф. Энгельс. Марка. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 629.

³⁶ Там же, стр. 637.

венности община все менее оставалась единственным «отечеством» крестьян, их единственной или главной общностью. Наряду с общиной и на смену ей вырастали иные формы связей и сплочения в народной массе.

Так, еще ко временам родо-племенного строя, подобно корням общины, относятся корни областных и этнических форм сплочения населения. Племя как целое имело важную экономическую функцию в дофеодальную эпоху переселения народов, с характерными для нее постоянными переделами и перераспределениями земли. С прекращением переселений племенная организация кое-где, особенно в Германии, отчасти во Франции, на известное время сохранилась, отчасти отступила на задний план перед не имевшей ясного этнического характера, просто территориально-административной организацией по областям; это были как бы союзы общин или «большие марки», объединявшие либо несколько общин, либо значительное их число («гау», «сотни», «графства» и т. п.).

Важнейшей функцией этих объединений, как племенных, так и территориальных являлась унаследованная от племенного строя функция верховного распоряжения территорией, землей; а поскольку всякая феодальная узурпация земель общинников в раннефеодальном обществе мотивировалась верховным правом «королей», т. е. вождей союзов племен, носителей сверхплеменной власти, на раздачу завоеванных и покоренных территорий, областные и племенные объединения, естественно, оказались антагонистами этих узурпаций и защитниками земельных прав общинников. В своей борьбе с феодальными узурпациями они опирались на унаследованные от родо-племенного строя остатки и элементы древней демократии — судебную, военную, административную власть общего собрания всех взрослых мужчин племени или области, либо же выборных старейшин.

Вот эта областная общность и становится с развитием феодализма, с первыми признаками ослабления роли единичной общины, все более важным «отечеством» для крестьянских масс. В ней они ищут и в известной мере находят оплот для своего сопротивления феодалам. Все три формы крестьянского сопротивления тесно связаны и с этой общностью. На судебные права области, графства, племени, на местное или племенное обычное право в огромной степени опирается частичное сопротивление. Оно, с его практикой «сговоров» между общинами, с его всегдашней оглядкой на порядки ближних и дальних соседей, с его ссылками на «обычай», «пошлину», находит тут самые благоприятные условия. Далее, общность в пределах данной области облегчает переезды, отселение отдельных деревень на целинные земли, переселение людей из деревень в поселки свободных ремесленников — в зачатки будущих городов. Наконец, вооруженные выступления, восста-

ния крестьян сплошь и рядом приобретают характер общеплеменных движений, вроде скажем, восстания саксонских крестьян-общинников против феодализации в 841–842 гг. («Стеллинга»), или движений целой области, провинции, что характерно не только для ранних периодов средневековья, но и для очень поздних: крестьянские движения легче всего воспламеняют целиком те или иные древние провинции, территориально или этнически различимые «княжества», «земли» и т. п.

Однако экономическая база этих областных общностей крестьянской массы была незначительной. Она имела преимущественно негативный характер: недопущение на данную территорию претендентов на те или иные земли, повинности, налоги. В известной мере экономическую базу этих общностей составляли постепенно развивавшиеся узкоместные товарные связи: локальные рынки, базары. Но значительно большую роль играли такие факторы сплочивания этих общностей, как племенной или областной диалект, местное право, местные обычаи, особенности материальной и художественной культуры, внутри-областная брачная эндогамия.

Поскольку эта общность стояла на пути развития феодальной эксплуатации и служила органом отпора феодалам со стороны крестьянской массы, она была в конце концов устранена и преодолена теми же двумя путями, что и община: либо местные племенные и областные права и вольности были в конце концов насильственно сломлены, либо феодалы изнутри подчинили себе эти общности и заставили их служить своим собственным интересам, выступая в роли их защитников, вождей, представителей перед лицом королевской власти и т. д.

В последнем случае данная форма общности, порожденная народом, как одно из выражений его антагонизма к феодалам, превращается в собственную противоположность: раздробленность, сепаратизм, областничество становятся рано или поздно оружием и знаменем феодалов. Народу приходится на определенной ступени начинать бороться уже против этих явлений, как приходится ему бороться и против общины, когда она становится обращенным против него, основанным на использовании круговой поруки орудием в руках феодалов или феодального государства.

С развитием феодального общества на первое место выступает иная, более широкая форма общности людей: народность. В эпоху подымающегося капитализма народность, цементируемая новыми экономическими связями, перерастает в нацию.

Какова же роль сопротивления народных масс феодальной эксплуатации в историческом формировании этих общностей — народности, нации?

Образование экономической основы этих общностей, а именно рас-

пространение рыночных связей и отношений, складывание рынков, — сначала местных, затем все более широких, — экономический материализм изображает как нечто не имевшее никакого отношения к классовому антагонизму эксплуататоров и эксплуатируемых. Это якобы был плавный и мирный экономический процесс, двигателем которого являлись купцы. На самом же деле, как мы знаем, в основе этого процесса лежали усилия эксплуатируемых трудящихся облегчить свое положение: ремесленник уходил от феодала в город, крестьянин старался производить избыток продуктов для продажи горожанам, тем самым между городом и деревней рос товарообмен. Не будь этой основы, купцу открывалось бы ничтожно узкое поле деятельности, как это было в течение всего раннего средневековья, когда он лишь доставлял верхушке феодального класса кое-какие иноземные редкости. Если бы миллионы незаметных тружеников, задавленных феодальным бременем, не делали изо дня в день, из года в год упорных усилий выкарабкаться из нищеты, повысить свой достаток путем продажи плодов своего труда, — как могла бы горстка купцов «создать» рынок?

Нет, средневековое купечество, — старинное ли, или вновь выраставшее из тех же, только наиболее удачливых ремесленников или даже крестьян, — само могло развиваться лишь постольку, поскольку росли производительность и товарность хозяйства массы ремесленников и крестьян. Без этой предпосылки немыслим никакой скупщик или посредник.

Поэтому создание рыночных отношений ни в коем случае нельзя односторонне приписать купцам, торговой буржуазии. Не буржуазия надстраивала рыночные связи над хозяйственной жизнью народа, а она сама со своей торгово-посреднической деятельностью надстраивалась над фундаментом, созданным зарождением и расширением крестьянско-ремесленных рыночных связей. Рынок рос не сверху, не в результате творчества капиталистов-купцов, а снизу. Ленин говорит не о создании внутреннего рынка буржуазией, а о том, что необходимо было «завоевание внутреннего рынка буржуазией» для полного развития товарного производства³⁷. Создание и завоевание — это совершенно противоположные вещи. Завоевывать можно только то, что уже существует независимо от завоевателя. Капиталисты-купцы были «руководителями и хозяевами» на внутреннем рынке, более или менее развитом, но они хозяйничали на почве, подготовленной не их руками. Почву готовили новые и новые усилия непосредственных производителей так работать, чтобы стал хоть чуть побольше относительный вес той части их продукта, которая не отбирается эксплуататорами. Вот из этого элементарного отпора нужде, порождаемой феодальным строем,

---

³⁷ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258.

и росло простое товарное обращение в недрах феодального общества. А купцы все шире утилизировали в интересах своей наживы рост товарности народного хозяйства, содействуя связи отдельных районов и, наконец, слиянию их в национальный рынок. Так, в России слияние областей, земель и княжеств в одно целое подготавливалось, по словам Ленина, «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»³⁸.

Конечно, без посредничества купцов крестьяне и ремесленники не поднимали бы своих товарных связей до уровня общенационального рынка, хотя, правда, побывав в городе, крестьянин и узнавал нередко цены в других отдаленных городах, как и всяческие другие новости, даже иностранные. Но именно крестьяне, широкие слои связанного с землей населения, составляют основу «национального рынка». Если купец и был необходимым действующим лицом в формировании национального рынка, то глубоко скрытой пружиной этого процесса был неиссякавший экономический напор снизу, со стороны народной массы, напор, резюмировавшийся в росте общего количества продаваемых крестьянами продуктов.

Из политической экономии феодализма известно, что главную часть этой возросшей крестьянской продукции присвоил себе класс феодалов путем введения и расширения денежной ренты, денежного оброка с крестьян. Некоторую часть стали присваивать себе купцы. Некоторая часть досталась узкой прослойке крестьян, отдифференцировавшейся от остальной массы как зажиточная, а в дальнейшем — кулацкая. Основная масса крестьянства ничего не выиграла от этих усилий. Но здесь нам важно подчеркнуть, что независимо от того, кому достались в конце концов продаваемые избытки и излишки продукции миллионов крестьянских хозяйств, в глубочайшей основе постепенно исторического складывания национального рынка лежала именно эта низшая форма крестьянского сопротивления феодальной эксплуатации. Рост производительных сил общества осуществлялся здесь через рост трудовых усилий несконченного множества обособленных крестьян с целью освободиться от нищеты — совершенно неосуществимой целью, поскольку каждый из них слепо старался освободиться в отдельности. Этот рост производительных сил выразился в росте продуктивности их хозяйств, в росте товарных связей внутри самого народа. Только поэтому рынок мог расширяться понемногу до масштабов «всероссийского», «всефранцузского» и т. д. рынка.

Это нечто совсем иное, чем обычная для всего раннего средневеко-

---

³⁸ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, стр. 154.

вья деятельность купца. Последнему не было дела до того, говорят ли непосредственные производители, между которыми он служит посредником, на одном языке, связаны ли они экономически между собой, общаются ли друг с другом, — ему даже тем выгоднее, чем более они чужды друг другу. Наоборот, предпосылкой образования национального рынка является, говорит Ленин, «сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»³⁹.

Как видим, у Ленина речь идет о подлинно внутринародных экономических связях, которые и служат почвой для деятельности капиталистов-купцов. Ленин указывает и на еще более глубокий подпочвенный пласт, на историческую предпосылку возможности этих всенародных экономических связей: на развитие единого всенародного языка охватывающего население широкой территории. Но это распространение вширь языкового единства, когда некоторые местные диалекты в процессе образования нации могут лечь в основу национальных языков, а остальные диалекты теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них, тоже происходит не помимо живых людей, не помимо действий основной массы населения. Язык не был «классовым», т. е. языком феодалов или языком крестьян, он был одним языком для тех и других. Народные массы были историческим творцом этого языка и его носителем. Если, как полагают некоторые лингвисты, курско-орловский диалект лег в основу русского национального языка, а полтавско-киевский диалект — в основу украинского национального языка, то это тесно связано не только с экономической ролью, скажем, курско-орловского и полтавско-киевского районов в развитии национального рынка, но и с особенно интенсивным расселением людей из этих районов по другим районам России или Украины. А более интенсивно переселялось в феодальном обществе население из тех районов, где феодальная эксплуатация имела тенденцию подняться выше, чем в других местах, где, следовательно, классовый антагонизм был острее. Ясно, что история слияния многих местных диалектов в единый национальный язык в немалой мере связана с ис-

---

³⁹ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258–259.

торией зачаточной формы классовой борьбы крестьянства — с историей крестьянских уходов, побегов, переселений. Крестьянская миграция шла полным ходом действительно еще задолго до образования национального рынка, на более ранних ступенях средневековья: «...Помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест...»⁴⁰ Крестьянские переселения, разрывая областничество, теперь все более сглаживали перегородки местных наречий, в известной мере нивелировали общенародную речь на территории, населенной родственными племенами или группами одной народности, как и психический склад и культурно-бытовые навыки.

Точно так же стиранию местных правовых отличий, всякой бытовой и культурной обособленности содействовала теперь и другая форма крестьянской борьбы: частичное сопротивление. В местных обычаях оно теперь все более обнаруживает лишь предлоги для произвола местных феодалов, и поэтому все чаще апеллирует к документам и образцам, к писаному праву и незыблемым общим нормам. Наконец, и крестьянские восстания мощно сглаживали языковые, психологические, бытовые различия между соседними областями, вовлеченными в общее движение, а подчас, прокатываясь по стране из края в край, и между обширными территориями. Трудно было бы переоценить, например, значение немецких крестьянских движений, начиная от Великой крестьянской войны 1525 г. и кончая «войной мужиков и солдат» во время Тридцатилетней войны, для формирования немецкого языка из несхожих областных наречий, да и национального характера немецкого народа.

Иными словами, вопрос о формах и путях крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации неразрывно связан и с вопросом о складывании народностей, а затем, в конце средних веков — начале нового времени, и наций.

Ленин писал: «Есть две нации в каждой современной нации... Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»⁴¹. Одна нация — трудящаяся и эксплуатируемая масса, другая — господствующие эксплуататоры. Составляя одну нацию, они в то же время непримиримо враждебны друг другу. Когда речь идет о буржуазных, а не социалистических нациях, мы всегда должны помнить об этой двойственности. Какая же из двух культур имеет больше прав называться национальной? Ленин дает ясный ответ: хотя господствующей национальной культурой является «культура помещиков, попов, буржуа-

---

⁴⁰ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

⁴¹ В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

зии»⁴², подлинной национальной культурой является культура, порожаемая условиями жизни трудящейся и эксплуатируемой массы, демократическая культура.

Отсюда ясно, к судьбам какого класса должен прежде всего при-смотреться историк, когда он хочет изучать медленный процесс формирования нации.

Дворянство, помещики — класс, не только не представляющий народность или нацию, но в истории чаще выступающий как начало антинациональное, космополитическое, легко откалывающееся от народности и нации, от национальной культуры и общности. Это видно, например, по крестоносцам. Это видно по страсти дворян, чтобы обособить себя от «простого» народа, говорить на иностранном языке. Правда, иногда в истории бывало, что дворяне участвовали в общенациональном движении, более того, даже возглавляли его. Это случилось в тех ситуациях, когда налицо не было достаточно развитой буржуазии, способной возглавить нацию, и когда часть дворянства брала на себя эту роль. Но в том-то и дело: для того чтобы «возглавлять», надо, чтобы было налицо что возглавлять. Не самих себя возглавляли в этих случаях дворяне, а народность или нацию, т. е. какую-то отличную от них самих общественную силу. Дворянство никогда не было костяком народности или нации. Самое большее, если та или иная его часть временно и непоследовательно руководила движением далеко не вполне единогодушного с нею народа против иноземного господства. Всем известны, например, такие прогрессивные моменты из истории русского дворянства, когда часть его возглавляла борьбу народа против шведских, польских, французских и других захватчиков, против иноземного гнета Золотой Орды и т. д. Вплоть до эпохи социалистических наций народные массы не в силах одни, без чьего-то руководства, отстаивать национальную независимость. Но руководящая роль дворянства в национальном движении всегда была кратковременной, мимолетной. Космополитизм глубочайшим образом присущ феодальному классу, и его неприязнь к «простонародью» обычно была много глубже и прочней его национальных чувств.

Не совпадает с понятием нации и буржуазия. Правда, буржуазия занимает руководящее, господствующее положение в жизни «буржуазных наций», — но все же марксизм называет их «буржуазными» лишь в том смысле, что они развивались в эпоху поднимающегося капитализма и соответствуют капиталистическому, буржуазному общественному строю, а не в том смысле, что буржуазия составляла когда-либо их основу. Буржуазия господствует в нации, но нацию составляет отнюдь не буржуазия, — разве это не видно нередко из поведения бур-

---

⁴² Там же, стр. 121.

жуазии в тех странах, где коренным национальным интересам противоречит господство другой, более сильной нации? Разве буржуазия угнетенной нации сплошь и рядом не предает тогда интересов своей нации, не становится на путь компрадорства, политической измены, культурного штрейкбрехерства и приспособленчества? Однако нация остается нацией и при измене буржуазии. Тем более «буржуазия *предает* интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает перед ней революционный пролетариат»⁴³. Раз буржуазия может предать нацию, значит подлинной, главной, основной частью нации является не буржуазия.

Таким образом, приведенные ленинские слова, что, хотя господствующей национальной культурой является культура помещиков, попов, буржуазии, подлинной национальной культурой следует считать культуру, порождаемую условиями жизни трудящейся народной массы, — дают ключ к пониманию вообще роли дворянства и буржуазии в истории нации. Дворяне, буржуазия занимали руководящее, господствующее положение в нации и национальном движении. Однако не они были остовом нации и основной силой национального движения, а народные трудящиеся массы, крестьяне и рабочие. Но на той ступени истории, когда происходило формирование наций, городские рабочие составляли еще совершенно незначительную прослойку сравнительно с гигантским массивом основного производительного класса, крестьянства, да и сами были сплошь вчерашними крестьянами. Значит, остовом нации в ту эпоху, когда нации складывались, было крестьянство. И действительно, исторический опыт учит, что во всех случаях, когда одна нация в прошлом бывала поработана другой нацией, или ей грозило поработание, крестьянство оказывалось главной силой борьбы за национальную независимость.

Марксизм никогда не трактовал вопроса о нациях в отрыве от вопроса о национальном движении. Складывание наций было предпосылкой национально-освободительных и национально-объединительных движений, но эта национальная борьба в свою очередь оказывала могучее воздействие на складывание наций. Вне ее, как «мирный» эволюционный процесс, оформление наций невозможно себе представить. Нации созревали в огне и бурях национальных движений.

Ясно, что конкретная история становления наций и конкретная история антифеодальной борьбы крестьянства глубоко, органически связаны, что крестьянский вопрос даже составлял основу и суть национального вопроса: крестьянство представляло основную армию национального движения, без крестьянской армии практически не могло воз-

---

⁴³ В. И. Ленин. Национальный вопрос в нашей программе. — Полн. собр. соч., т. 7, стр. 241.

никнуть мощное национальное движение. Именно это имеют в виду, когда говорят, что национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский.

В эпоху поднимающегося капитализма, в эпоху буржуазно-демократической революции национальная борьба в огромной степени подчинена выгодам буржуазии, интересам конкурентной борьбы буржуазии разных наций, и в этом смысле является буржуазной. Однако и на ранних ступенях истории складывания наций основной массой нации были крестьяне, и крестьянский вопрос был сутью национального вопроса, но как бы скрытой от глаз руководящей ролью буржуазии, тогда как в эпоху пролетарской революции эта суть выступает открыто, отодвигая явно на задний план вопрос о буржуазии. Наконец, пролетарская революция и строительство социализма вовсе выбрасывают буржуазию как общественный класс из состава нации и преобразуют нацию из буржуазной в социалистическую, «общенародную», состоящую из рабочего класса, трудового крестьянства и социалистической интеллигенции.

Земельная аристократия, т. е. феодалы, были в прошлом тем классом, против которого по преимуществу боролось всякое национальное движение, т. е. в борьбе с которым формировались и созревали нации. А это и значит, что национальный вопрос всегда был по сути дела вопросом крестьянским, ибо кто же был, как не крестьянство, главным борцом против феодалов, против старой земельной аристократии, кто же шел, как не крестьянство, в первых рядах против феодалов.

Ленин указывал, что первая эпоха в истории национальных движений, «эпоха краха феодализма и абсолютизма», «когда национальные движения впервые становятся массовыми», характеризуется именно и прежде всего участием в них «крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения...»⁴⁴

Как видим, классики марксизма-ленинизма не раз указывали на роль крестьянства как остова нации и главной силы исторически прогрессивных национальных движений. Действительно, средневековые рыцари и магнаты разных стран были гораздо ближе друг к другу, чем к «своим» крестьянам. Феодалному классу были присущи в одно и то же время и местная ограниченность, и космополитизм. Нации могли родиться только в преодолении, в сокрушении феодалного класса вместе с этими его свойствами. История складывания наций поэтому и есть история антифеодальной борьбы.

Правда, нации окончательно складываются лишь в конце истории феодалного общества, когда в его недрах уже развился капиталистический уклад, но ведь и антифеодальная борьба крестьянства, идущая

---

⁴⁴ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, стр. 264.

по восходящей линии на протяжении всего средневековья, достигает своего максимума, своей предельной силы тоже к концу истории феодального общества. Элементы же нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — формировались на протяжении значительной части средневековья вместе с развитием форм и путей крестьянской антифеодальной борьбы. Сначала они дают лишь народность, но служат вместе с тем историческими предпосылками нации. Все эти отдельные исторические элементы национальной общности были естественными продуктами роста крестьянского сопротивления феодальной эксплуатации.

Как сказано выше, общность нужна каждому эксплуатируемому классу в его борьбе против эксплуататоров — рабам, крепостным крестьянам, наемным рабочим. Нарастание общности — симптом и условие нарастания борьбы. Но рабы не достигли сколько-нибудь сложившейся общности, они были разрознены по языку, культуре, племенной принадлежности, родине, к которой каждый из них тяготел. Их общность, даже при максимальном подъеме, была много ниже национальной. Общность пролетариев — выше национальной, она интернациональна и включает в себя национальную общность лишь как свой элемент. Общность феодально-эксплуатируемых крестьян в кульминационной, высшей стадии своего развития есть национальная общность или приближается к национальной общности. Разумеется, речь идет о неосознанной, стихийной общности, исторически сложившейся помимо сознательной воли и понимания крестьян.

Образование наций завершилось только, когда вместе с поднимающимся капитализмом поднялась и буржуазия в качестве господствующей, руководящей силы в нации; но та историческая база, на которой возникли нации, формировалась раньше — она формировалась всей историей и всеми формами крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации. В ходе нарастающего частичного сопротивления (начиная со «сговоров» соседних и отдаленных крестьянских общин и кончая поисками общего права), особенно в ходе переселений и побегов, медленно, исподволь формировалась историческая общность языка, территории, элементов психического склада и культуры. В ходе нарастающих товарно-денежных сношений крестьянства с городами формировалась основа для исторической общности экономической жизни. В ходе восстаний особенно цементировалась общность всей исторической судьбы, особенно выкристаллизовывались все наличные уже элементы национальной общности. Не надо особых доказательств, чтобы видеть, что Великая крестьянская война 1525 г. была важнейшим моментом в формировании немецкой нации. Это была поистине война Германии против уродливого антинационального германского государства. Поражение же крестьянской войны, напротив, сильно затор-

мозило дальнейшее созревание немецкой нации⁴⁵. Чешская нация формировалась в пламени крестьянских восстаний, начиная с всенациональной крестьянской гуситской войны; венгерская — тоже в цепи национально-крестьянских войн и т. д. Примеры можно до бесконечности черпать из истории крестьянских движений. Очень показательно, скажем, как французские крестьяне и плебеи в разгар восстаний XVII в. уже легко преодолевали, размывали несущественные для них грани между отдельными «провинциями», способствуя тем самым формированию нации снизу, тогда как феодально-абсолютистской администрацией и дворянством эти «провинции» сознавались еще как совершенно различные и обособленные «земли», населенные «нациями» гасконцев, нормандцев, провансальцев и т. п.

Но тут же надо указать и на оборотную сторону. История почти не знает крестьянских восстаний, охвативших всю национальную территорию. Крестьяне не могли полностью использовать ту общность, которую они сами стихийно формировали. Политический кругозор крестьян не поднимался до национальных масштабов. Этому препятствовала противоположная тенденция, характеризующая крестьянскую борьбу, — тенденция к разобщению, порождаемая обороной крестьянином прежде всего своего хозяйства. Своего рода равнодействующей этих двух тенденций являются действия крестьян на основе общности обширных районов, подчас огромных областей, но почти никогда — всей страны, всей нации.

Таким образом, роль крестьянства в возникновении наций глубоко противоречива. Своей многовековой борьбой против феодальной эксплуатации крестьянство формирует элементы нации, базу, на которой нация возникает. Крестьянство составляет основу, остов возникающей нации. Но все же крестьянская борьба не превращает возможность возникновения нации в действительность. Для этого нужно, чтобы руководящую роль взяла на себя буржуазия (или подчас подменяющее ее либеральное дворянство), т. е., чтобы сложились «две нации внутри одной нации». Буржуазия, в том числе буржуазная (или дворянская) интеллигенция, буржуазные политические партии превращают исторически складывающуюся национальную общность из потенции в реальность, цементируют наличные элементы нации, но при этом присваивают себе главные плоды всей борьбы. Английская и французская буржуазные революции были окончательным рождением английской и французской нации, победой «нации над провинциализмом»⁴⁶. В своей основе эти великие перевороты были апогеем крестьянской антифео-

---

⁴⁵ См. М. М. Смирин. Роль народных масс на заре борьбы за государственное единство Германии (XV–XVI вв.) — «Вопросы истории», 1954, № 1.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Буржуазия и контрреволюция. — Сочинения, т. 6, стр. 115.

дальной борьбы, революционной борьбой огромных масс крестьян, ликвидировавшей феодализм. Но плоды победы присвоила себе «национальная» буржуазия, подавившая этих самых крестьян и их союзников — городское плебейство — с помощью «национального» государства⁴⁷.

В соответствии со своим учением о двух нациях внутри каждой (буржуазной) нации, Ленин предупреждал против идеализации того, что буржуазия внесла в формирование нации. Он подчеркивал, что «тут есть грань, которая часто бывает очень тонка», но которую нужно уметь находить — грань между национальным движением масс и национализмом буржуазии. «Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, — писал Ленин, — и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях, — чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией.

Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации»⁴⁸.

Это, говорит Ленин, — «задача, главным образом, отрицательная». Но только она и прогрессивна. Задача же буржуазии — положительная, это — утверждение своего господства в нации и использование национального движения в своих интересах, поэтому ее задача — борьба за «национальное развитие» вообще, за «национальную культуру» вообще. Марксизм видит главную прогрессивную сторону национального движения не в буржуазном национализме, а в осуществлении этой «отрицательной», антифеодальной задачи: «Скинуть всякий феодальный гнет, всякое угнетение наций, всякие привилегии одной из наций или одному из языков...»⁴⁹ «Отрицательная» задача, конечно, воплощается в те или иные положительные формы национального суверенитета, однако лишь в эпоху всеобщего кризиса капитализма, в условиях существования в мире социалистического лагеря этот суверенитет может принять форму государства национальной демократии в странах, которые были колониями или полуколониями.

---

⁴⁷ Попытку глубоко вскрыть диалектику завершающих шагов рождения нации см. в статье французского историка-коммуниста А. Собуля «Проблема нации в ходе социальной борьбы в годы французской революции XVIII века». — «Новая и новейшая история», 1963, № 6.

⁴⁸ В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, стр. 131–132.

⁴⁹ Там же.

Мы видим, как тесно Ленин связывает две стороны вопроса: борьбу пробуждающихся масс за то, чтобы «скинуть всякий феодальный гнет», и борьбу «за суверенность народа, за суверенность нации». Борьба же против феодального гнета есть, как известно, крестьянская борьба. Та же самая крестьянская антифеодальная борьба лежала и в основе исторического складывания и борьбы за освобождение наций, разрушая, с одной стороны, феодальную раздробленность, «провинциализм», с другой стороны, — антинациональный космополитизм феодального класса, особенно его верхушки — земельной аристократии.

Конечно, это не исключает того, что нация формировалась вокруг буржуазии: достаточно сопоставить вопрос о национальном движении с вопросом о буржуазной революции; ведь и в буржуазной революции буржуазия является руководящей и направляющей силой, ведь и буржуазная революция служит интересам буржуазии, однако какой же марксист-ленинец станет отрицать, что основной силой, совершавшей великие буржуазные революции XVII–XVIII вв., было крестьянство? Признать крестьянство остоном и главной силой формирования наций в конце феодальной — начале капиталистической эпохи нисколько не значит отрицать руководящее положение буржуазии в этих нациях. Но приведенные слова В. И. Ленина учат не смешивать этих двух сторон, этих двух «национализмов», этих двух наций в одной нации, как и в вопросе о буржуазной революции В. И. Ленин учил не смешивать класс-гегемон, буржуазию, с главными движущими силами — крестьянскими и рабочими массами.

3. Отражение антифеодальной борьбы в сознании народных масс

Буржуазные историки-идеалисты часто возражают историкам-марксистам, что понятие классовая борьба неприменимо к средневековым крестьянским движениям, так как невозможно обнаружить в источниках никаких доказательств того, что крестьянство в этих движениях сознавало себя как класс. Эти противники марксизма сводят всю историю к проявлениям человеческого сознания: не было мысли о классовой борьбе, значит не было и классовой борьбы. Такой взгляд не только противоречит неопровержимым выводам исторического материализма о существовании в истории таких закономерностей, отношений, явлений, которых люди не могли сколько-нибудь верно сознавать, но и бесконечно обедняет саму науку об истории общественного сознания, о социальной психологии. Ведь огромную важность имеет изучение как раз ошибочных, искаженных представлений людей о своих дейст-

виях и окружающих условиях.

Крестьянская борьба против феодальной эксплуатации характеризуется в общем и целом стихийностью, т. е. отсутствием ясного и правильного сознания классовых интересов и конечных задач борьбы.

Это не значит, что сопротивление трудящихся масс эксплуатации при феодализме не находило никакого отражения в их идеях, понятиях, мировоззрении. Если стихийность — качественное отличие этой борьбы от сознательной борьбы революционного и организованного пролетариата, то во всех, даже самых низших формах крестьянского сопротивления феодалам есть уже нечто такое, чего нет даже в самых мощных восстаниях рабов.

Так, рассмотренные выше формы общности и их развитие отражались и в устойчивых категориях мышления и речи народных масс. Термины «родина», «народ», «народность» восходят к термину «род». Во многих языках слова «отчизна», «отечество» развились, как и в русском, из слова «отец», т. е. непрерывной цепью связаны с временами патриархальной семейной общины⁵⁰. «Общество», «общность» — восходят к «общине». Слово «земля» обозначало и семейное владение, и общинное, и областную или племенную территорию, и, наконец, территорию целой народности или нации (например, «русская земля»), но во всех случаях — какую-то антитезу феодальной земельной собственности. Эти слова-понятия, при всей своей характерной многозначности, уже давали всякому крестьянскому выступлению такое идейное вооружение, каким не располагали выступления рабов (или которые мешали выступлениям рабов, ибо разрывали их слабое единство тягой к разным «отчизнам»).

Возьмем другой пример. Бросается в глаза категория «правды», «правильности», «права», «справедливости», сопутствующая всему крестьянскому сопротивлению. Крестьянин всегда словно защищал от искажения, узурпации, насилия нечто неотъемлемое, — тогда как у раба, вплоть до революционной ликвидации рабовладения, не было ничего неотъемлемого, даже жизни, и не было потребности соответственно осознать любой акт своего сопротивления господину и доказывать свою «правоту», «правду».

Эта нерасчлененная, многозначная категория «правды» восходит также к общинному строю. Она стала одним из устоев сознания народных масс в их борьбе с рабством — с «бесправием». Идея «правды» соединила в себе представление о законности (обычае) и честности, о справедливости и истинности, о доброте и разумности. Она проходит яркой нитью через всю борьбу народных масс против феодальной экс-

---

⁵⁰ Ср. нем. der Vater — das Vaterland, англ. Father — Fatherland, лат. Pater — Patria, франц. — la patrie.

плуатации. На нее опираются «частичное сопротивление» через суд, крестьянские уходы, отказы от работ и повинностей, разбой, поджоги, расправы, восстания.

Другая столь же важная и столь же нерасчлененная в своем многогранном содержании категория — «воля». Она — антитеза рабской «неволе». «Воля» — это и «вольность» (свобода) и «своя воля», и «володеение». Чем более активные формы принимало сопротивление народных масс феодальной эксплуатации, тем сильнее звучало это слово. Уходили от своего помещика в «вольные казаки», в «вольные люди», в «вольное поле», в «вольницу». «Владение» («володеение»), жизнь «по своей воле» становились все более настойчивыми девизами антифеодальных движений. Провозглашение права на «вольнодумство» было уже высшим пределом зрелости народного революционного сознания феодальной эпохи.

Когда крестьянское сопротивление развилось от низших форм до своей высшей формы, восстаний, в этих восстаниях, начиная с Дольчино, и чем дальше, тем отчетливее, наблюдаются и идейные усилия оправдать само восстание народа как справедливое, законное дело, и осуждение в принципе эксплуатации, гнета, неравенства. В этом случае получают развернутое применение категории и «правды» и «воли». В движениях рабов ничего этого не было. Словом, сопротивление эксплуатации со стороны феодальнозависимых крестьян сравнительно с сопротивлением рабов было качественно новой ступенью идейно-психологического сознания борющихся трудящихся масс.

Если тут мы говорили о категориях крестьянского сознания, проходящих через всю феодальную эпоху и находящихся полное развитие сравнительно поздно, то для психологии крестьянства в пору раннего феодализма, может быть, характернейшей чертой является ориентация на обычай. Кстати, и в этом есть антитеза положению раба, который насильственно отсечен от обычаев предков и которого пытаются воспитывать в новых, чуждых ему и навязанных обычаях. Обычай, старина — основа основ крестьянской общественной психологии на протяжении всей феодальной эпохи и особенно до развития рыночных связей городов, контактов между областями и районами, когда пестрые местные обычаи стали приходить в столкновение друг с другом. Даже что-либо новое в жизни крестьянина психологически оформлялось по принципу ссылки на отцов и дедов. Эта форма сознания отражала застойность феодального быта и в свою очередь тормозила его изменения.

Но тут же надо отметить и другую черту крестьянской психологии, в известном смысле противоположную: бунтарский дух. Эта черта достигает зрелости с созреванием классовых противоречий феодализма, но ее корни можно проследить очень глубоко по народным послови-

цам и поговоркам, песням и сказкам. Все это характеризует скорее психологию, чем идеологию феодального крестьянства.

Разумеется, нельзя сводить вопрос об объективном значении крестьянских войн к их лозунгам или шире — к их программам. Крестьянские выступления уже не были бы стихийными, если бы их конкретные аграрные и политические программы адекватно выражали их объективные задачи. Раз мы признаем стихийность характернейшим, определяющим признаком средневековых крестьянских восстаний, мы должны отказаться от мысли положить в основу изучения этих восстаний исследование сознания, идей крестьян. Допустим, крестьяне звали к «общей справедливости», к «правде» вообще или к «старой правде», требуя восстановления тех или иных разрушаемых жизнью порядков, — разве это значит, что успех восстания на самом деле выражался лишь в реставрации отжившей старины? Стихийность означает не вообще отсутствие каких бы то ни было идей, а глубочайшее несоответствие наличных идей и представлений объективному смыслу движения, отсутствие сколько-нибудь верной перспективы. Даже лидеры великих буржуазных революций, английской и французской, действовали в убеждении, что они всего лишь борются за восстановление попранных древних законов, — одни — великой хартии вольностей, другие — исконных галльских или римских свобод, а уже эти революции далеко не были такими стихийными движениями, как чисто крестьянские восстания. К тому же «старая правда», к которой звали крестьянские проповедники, часто являлась вымыслом, не только не отвечавшим действительному прошлому, но и вообще фантастическим, неосуществимым. Что же касается вполне реалистических проектов реформ, тех конкретных программных документов, которые в немалом числе дошли до нас от различных средневековых крестьянских восстаний, вроде классических немецких «12 статей», двух знаменитых английских программ 1381 г., бретонского так называемого «крестьянского кодекса» 1675 г. и т. п., то исследования показывают, что чем они реалистичнее, тем более являются документами не борьбы, а переговоров и примирения, появляются в атмосфере усталости или трудностей, отражают мнения той части крестьян, которая имела тягу к компромиссу с противником, искала не наиболее выгодных условий развертывания борьбы, а наиболее выгодных условий ее прекращения. Пусть этим фракциям принадлежала нередко гегемония, — составленные ими программы как раз не показывают и не могут показать других голосов в крестьянском лагере, принужденных смолкнуть, когда условия не благоприятствовали развертыванию восстания и сторонники компромисса одерживали верх.

Подлинную природу идущего по восходящей линии крестьянского восстания, движимого основной эксплуатируемой массой, скорее пе-

редакт мюнцеровское «Постатейное письмо» (Artikelbrief), — не своей идеологией, а отсутствием каких-либо пунктов для соглашения и переговоров, интересом только к самой борьбе с дворянством⁵¹. Подлинная сущность крестьянского восстания это — его стихийность, т. е. борьба не столько «за», сколько «против», не столько за ясную цель, сколько против явных врагов.

Пожалуй, для характеристики крестьянского восстания в известной мере подходит то определение, которое Ленин в «Что делать?» дал «стихийному элементу» в раннем рабочем движении: он «представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабочей покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*»⁵².

Именно борьба не столько «за», сколько «против», уничтожение существующих условий и уничтожение тех, кто их создал и защищает, — вот смысл крестьянской войны. Крестьяне сжигали и рвали документы, фиксировавшие их обязанности, разрушали дворянские замки, монастырские канцелярии, налоговые конторы, изгоняли или истребляли дворян, попов, налоговых сборщиков. Восстание, если сила была на его стороне, всегда имело тенденцию расшириться от борьбы против последнего притеснения, послужившего непосредственным толчком, к борьбе против всех притеснений и всех «грызунов», как называли собирательно своих притеснителей французские крестьяне в XVI в. Но когда внутренняя сила восстания ослабевала или когда перевешивали силы противника, тогда появлялась тенденция ограничиться частичными успехами, программой больших или меньших реформ, тогда влияние переходило к умеренным элементам.

Если борьба велась «за» — это всегда был смутный идеал вечной справедливости, «царства божьего» на земле, где не будет ни богатых, ни бедных, ни сильных, ни слабых, ни угнетателей, ни угнетенных.

Именно к этому сводились пророчества Иоахима Флорского; их мистическая форма соответствовала их внутреннему смыслу: *всей* несправедливости, *всякому* неравенству противопоставлялись неопределенные идеи всеобщей справедливости и равенства, общего счастья. Лозунги еретических движений с их идеями примитивного эгалита-

---

⁵¹ См. М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. Изд. 2-е. М., 1955, гл. 5. Социально-политическая программа народной реформации.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 29–30.

ризма, эсхатология, мессианизм основаны на той же идее противопоставления «царства божьего», царства справедливости и братства — «царству сатаны», существующему порядку, гнету и несправедливости. Именно против этого «царства сатаны» и было направлено острие всех еретических учений в средние века. Их объективный смысл опять-таки заключался не столько в провозглашаемых ими позитивных идеалах, сколько в том, что они отражали ненависть народных масс, обращенную *против* окружающей действительности.

Мы часто склонны, так сказать, идеологизировать крестьянские восстания, ставить мысли крестьян впереди их борьбы. Между тем их мысли были гораздо мельче объективного содержания их борьбы; только пролетариат, да и то лишь в лице своего передового отряда, способен верно сознать смысл и цель своей революционной борьбы. А если некоторые большие обобщающие идеи и могли быть извлечены из практики крестьянских восстаний, то это было обобщение опять-таки скорее того, против чего боролись крестьяне, чем их положительных целей. Они на практике боролись с господами, отрицали их своим оружием, — обратной стороной этого отрицания могла стать смутная идея равенства; однако это была именно негативная идея: она обобщала то, чего не должно быть, оправдывала истребление господ, но ничего не могла сказать о том, что будет дальше. Восставшие крестьяне практически отрицали существующее распределение собственности, сносили изгороди, захватывали земли и имущество сеньоров — обратной стороной этого отрицания могла стать смутная идея «общности имущества» в том смысле, что все — «мирское», общинное, не господское. Это не более, чем оправдание экспроприации. Но что делать с отнятым имуществом? Дело не шло дальше примитивного «общего котла» или уравнительного дележа. Наконец, крестьяне принуждены были воевать с силами государственной власти, практически отрицать и существующую власть — обратной стороной этого отрицания могла стать смутная идея народоправства, власти самого народа. Но и это была только негативная идея, только оправдание восстания: существующая власть неправильна, незаконна. Какой же она должна стать — о полной неясности этого можно судить по вере в возможность «мужицкого царя».

Все сказанное отнюдь не следует понимать в том смысле, что не нужно изучать идеологию и субъективные цели крестьянских восстаний. Это необходимо. Как лозунги массового движения даже умеренные программы, не говоря уже о таком документе, как «Постатейное письмо» Мюнцера, играли подчас огромную роль в антифеодальной борьбе. Но все же не надо судить об объективном значении крестьянских восстаний преимущественно по их идеологии и субъективным целям. Идеи равенства, общности имущества, народовластия были от-

нюдь не причиной, а следствием крестьянских восстаний. Не они порождали восстания, а логика восстания порождала их. В зародышевом виде их можно обнаружить в большинстве крестьянских движений; подчас они получали более или менее широкую идеологическую разработку; в теологической форме в XVI в. они выступили вместе с развернутой идеей антифеодальной борьбы у Томаса Мюнцера, и только в XVIII в., отбросив религиозную оболочку, приобрели предельную зрелость, какая вообще достижима для крестьянской революционной идеологии, у Жана Мелье⁵³.

Следует сказать несколько слов о своеобразной диалектике двух категорий средневекового крестьянского мышления: равенство и общность. Обе они распространяются и на имущество и на людей (понимая под общностью людей общину, коммуну). Ныне эти две идеи представляются нам весьма различными и даже, в известном смысле, противоположными друг другу, но в мышлении средневекового крестьянства они выступали в нерасчленном, неразрывном единстве. Если историк социалистических утопий строго различает уравнительство (эгалитаризм) и коммунизм (социализм), то в действительности применительно к ранним учениям правильнее говорить то об «уравнительном коммунизме», то о «коммунистическом уравнительстве». Дело в том, что обе эти идеи роднила их негативная сторона: «уравнение» звучало попросту как отрицание имущественного и правового неравенства феодального строя; но и «обобществление» или «общность» звучало совершенно в том же смысле. Когда говорили, что земля — общая, мирская, божья, это на деле не значило ничего, кроме отрицания частной собственности феодала на землю. Это означало только: «земля не твоя». Как можно было бы превратить ее в общественную собственность — этого, конечно, никто реально себе не представлял, если не считать житейской практики переделов земли или пользования общинными угодьями. Но когда говорили о переделе земли поровну, то тоже имелся в виду не какой-либо реальный план организации общества, а всего лишь равное право каждого на участие в захвате экспроприированного, разделе между собою имущества, присвоенного господствующим классом. Иначе говоря, это тоже значило: «земля не твоя». Но если в своем негативном значении идеи равенства и общности почти неотличимы друг от друга, то в последовавшей положительной разработке разными классами они оказались глубоко различными

---

⁵³ См. В. П. Волгин. Вступительная статья к «Завещанию» Жана Мелье. — В кн.: Жан Мелье. Завещание. Пер. с франц. М., 1954; Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье. — В кн.: «Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию акад. В. П. Волгина». М., 1955; М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. Изд. 2-е. М., 1955, гл. 2-5, 7 и 8.

и даже подчас противоположными.

Таким образом, требует серьезных поправок довольно распространенное мнение, будто крестьянство вообще, и средневековое крестьянство в частности, не способно породить даже смутных, даже утопических коммунистических чаяний. Говоря так, смешивают две разные вещи: крестьянство никогда не могло стать социальной базой возникновения научного коммунизма, но из его недр снова и снова поднимались ростки коммунистических мечтаний, чаяний, утопий; высшим пределом, которого могла достигнуть крестьянская утопическая мысль, является мировоззрение русских революционных демократов, сказавших, как известно, предпоследнее слово до научного коммунизма, но остановившихся у его порога. Крестьянский утопический коммунизм в большинстве случаев был облечен в форму религиозных ересей и сект, хотя в своих высших проявлениях (Жан Мелье, русские революционные демократы) он выступал и в форме воинствующего атеизма. Крестьянский утопический коммунизм, как уже сказано, всегда был в той или иной мере сращен с крестьянской уравнилительной психологией: это — стремление и собрать и в то же время поделить поровну материальные блага жизни.

Под этими смутными идейными устремлениями не лежало никакой другой объективной основы, кроме защиты и укрепления личной трудовой собственности. Ни равенства, ни коммуны не могла породить деревня, состоявшая из мелких, экономически разобщенных хозяйств. Единственное, что их объединяло, — это стремление экспроприировать тех, кто их экспроприировал. Борьба за сохранение и умножение личной трудовой собственности, отрицание правомерности нетрудовой феодальной собственности — вот единственное объективное содержание крестьянского сопротивления и крестьянского общественного сознания в феодальном обществе. Это объективное содержание нельзя смешивать не только с субъективными лозунгами и целями крестьянских движений или религиозных ересей, но и с тем «сознанием», которое пытались привносить в крестьянское движение народники, буржуазные демократы и либералы. Только союз с рабочим классом, руководимый партией, вооруженной теорией научного коммунизма, может привести крестьянство к правильному осознанию своих объективных нужд и путей к своей не мнимой, а подлинной победе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Средства и органы, направленные против народного сопротивления

---

1. Потребность экономически господствующего класса в надстройке, обуздывающей борьбу народных масс

Крестьянские восстания не были особенно часты в феодальном обществе. По большей части мы наблюдаем внешний «мир» в жизни средневекового поместья. Не только восстания, но даже и стоящие ниже формы борьбы, например, уходы, вообще все сколько-нибудь активные способы сопротивления крестьян, хотя и порождаемые с необходимостью феодальной эксплуатацией, были все же «чрезвычайными событиями» в быте феодальной деревни, были в ее буднях не правилом, а исключением. Значит, что-то постоянно сковывало, обуздывало крестьянскую антифеодальную борьбу почти с такой же силой, с какой экономическая необходимость ее порождала.

Феодализм невозможно себе представить ни при отсутствии крестьянского сопротивления, ни при победе крестьянского сопротивления. Полная победа крестьянского восстания означала бы гибель феодализма, так как господствующий класс уже не получал бы прибавочного продукта крестьян. Полное бессилие крестьянского сопротивления означало бы тоже гибель феодализма, так как крестьяне не могли бы в случае необходимости отстаивать свои хозяйства — устои феодальной экономики — от экспроприации. Но феодализм существовал много веков. Значит, на протяжении всей его истории той силе, с которой огромная крестьянская масса, составлявшая не менее 80-90% населения, сопротивлялась эксплуатации, противостояли какие-то другие силы. А так как вместе с развитием феодализма сила крестьянского сопротивления в общем прогрессивно возрастала, значит, и эти противостоящие ей силы более или менее соответственно возрастали. Нарастание крестьянского сопротивления в течение веков, таким образом, толкало вперед, заставляло перестраиваться и соответствующие органы феодального общества.

Средства, противодействовавшие крестьянскому сопротивлению,

были, как правило, в каждый данный момент достаточно эффективны, чтобы не допускать возникновения высшей формы крестьянского сопротивления — восстаний — и весьма ограничивать низшие формы — частичное сопротивление, уходы, экономическую борьбу.

Следовательно, восстание действительно было подавленной потенцией всей феодальной сельской жизни. Если восстания все же в виде исключения и вспыхивали, то либо в моменты, когда развитие этих средств и органов подавления отставало от развития силы крестьянского сопротивления, либо в моменты, когда эти органы и средства были чем-либо парализованы, разрушены.

Иначе говоря, мы таким путем подходим к основной социологической проблеме феодального общества (в известном смысле — всякого классового общества): что заставляло подавляющее большинство членов общества повиноваться ничтожному эксплуатирующему меньшинству? Что обычно парализовало их волю к борьбе, ежечасно подстегиваемую экономической необходимостью?

Прежде всего кажется естественным искать ответ на этот вопрос в самом экономическом базисе общества, — в том факте, что главные средства производства принадлежали эксплуатирующему меньшинству. Действительно, указывают сплошь и рядом на то, что рабочий при капитализме подчас отказывается участвовать в стачке, потому что боится потерять работу: если владелец средств производства уволит его, он не сможет существовать; экономическая зависимость делает его покорным. Точно так же крестьянин боится лишиться земли, надела и принужден терпеть угнетение. Но это объяснение ничего не объясняет. Ведь на самом деле отделение производителя от средств, производства есть причина, порождающая классовую борьбу, а никак не подавляющая классовую борьбу. Именно потому, что средства производства принадлежат капиталисту, рабочий в конце концов принужден бороться, сколько бы он ни делал близоруких попыток обойтись без борьбы. Либо надо полагать, что эксплуатация (вытекающая из экономической зависимости) не противоречит интересам рабочего, либо, если признать, что она противоречит его интересам, надо согласиться, что она стихийно толкает и побуждает его к сопротивлению, независимо от того, насколько глубоко он понимает ее экономическую природу. Точно так же обстоит дело и с крепостными крестьянами. Пусть во множестве единичных случаев экономическая зависимость парализовала их сопротивление, — в целом, в том большом историческом масштабе, который важен для науки, экономическая зависимость не только не парализовала, но, напротив, порождала неповиновение, сопротивление, борьбу эксплуатируемых масс.

Экономическая зависимость и тут означает эксплуатацию, а эксплуатация, поскольку она противоречит коренным интересам трудя-

щихся, означает неотвратно возникающие стихийные попытки сопротивления ей. Если собственность эксплуататоров на средства производства ставила трудящихся в зависимость от них, казалось бы, трудящиеся должны были просто отнять у них эту собственность.

Следовательно, ответ на поставленный вопрос надо искать не в экономическом базисе феодального общества, а в его надстройке. Именно надстройка выполняла эту функцию — парализовать волю трудящихся к борьбе, ежечасно подстегиваемую, их экономическим положением.

Это — одно из важнейших проявлений той активной роли надстройки по отношению к судьбе базиса, о которой говорит марксизм. Надстройка порождается базисом не для того, чтобы пассивно «отражать» его, а для того, чтобы активно служить и помогать ему, защищая его от угрожающих ему общественных сил.

Следовательно, для ответа на поставленный вопрос нам надо обратиться к рассмотрению некоторых явлений надстройки феодального общества. А именно, нам надо выяснить те органы, те силы надстроечного порядка, которые в средние века преимущественно подавляли стремление масс противиться феодальной эксплуатации, противиться данному экономическому строю, данному базису.

В знаменитом предисловии к своей работе «К критике политической экономии», где Маркс дал лаконичное изложение сущности исторического материализма, он показал, что экономическое развитие является материальной основой, базисом общественной жизни, а юридическо-политическое и религиозно-философское развитие является формой этого содержания, надстройкой над экономическим базисом. «С изменением экономической основы, — писал Маркс, — более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»¹. Определяя суть открытого Марксом материалистического понимания истории, Энгельс говорил на могиле Маркса: «...Каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор»².

Надстройка является идеологической формой общественного развития, совокупностью форм общественного сознания на данной ступени истории. Но надстройка — это не только взгляды и воззрения людей, а и соответствующие организации и учреждения. Юридические и политические взгляды того или иного исторически существовавшего общества неотделимы от соответствующей организации государства,

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 7.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 350–351.

суда, управления; религиозные взгляды — от церкви и т. д. Эта связь форм сознания с определенными общественными учреждениями и институтами подчеркивает, что надстройка — не только *отражение* экономического строя общества в сознании людей и общественных классов, но и орган активного *воздействия* одного класса на другой, в особенности в целях подавления тех общественных сил, которые противятся данному экономическому порядку. Надстройка в классовом антагонистическом обществе есть орган классовой борьбы, необходимое условие для удержания экономического строя, основанного на эксплуатации, на лишении непосредственных производителей средств производства. Сам этот экономический строй с необходимостью порождает постоянное сопротивление ему со стороны подавляющего большинства общества, трудящихся, и поэтому немыслим без надстройки, столь же постоянно парализующей это сопротивление.

Как уже говорилось, неверно сводить надстройку того или иного классово антагонистического общества к взглядам и органам только лишь господствующего класса. Например, рассматривая выше формы организации и общности народных масс в феодальную эпоху, мы уже вступили в сферу надстройки. Без этих организаций и соответствующих представлений, взглядов, идей, крестьянская борьба против феодальной эксплуатации была бы совершенно разрозненной и бессильной. Иными словами, без какой-то надстройки невозможно себе представить и общественное движение самих народных масс. Однако естественно, что в обществе политически господствует тот класс, который господствует экономически, что господствующие в обществе мысли — это мысли господствующего класса. Словом, надстройка в основном оказывается орудием господствующего класса, направленным против всяких стремлений трудящихся противиться эксплуатации.

Грубо говоря, эти стремления в феодальном обществе подавляли в основном две силы: сила оружия и сила религии.

Была еще третья сила: обычай, традиция — великая цементирующая сила феодального порядка. Нарушить обычай, нарушить, как говорили на Руси, «пошлину» (то, что издавна пошло, повелось) в феодальном обществе всегда было очень трудно. Но это было, с другой стороны, и могучим средством в борьбе крестьян-общинников против феодальной эксплуатации, хотя оно же сковывало им руки. Именно вследствие этой обоюдной остроты силы обычая мы пока отвлечемся от нее. К тому же это — как раз наименее переменная величина. Обычаи менялись медленно, а уж сам дух традиционализма, оглядки на обычай, можно сказать, почти вовсе не менялся на протяжении веков.

Напротив, сила материального принуждения и степень влияния религии были величинами переменными, весьма различными на разных

этапах и в разные моменты средневековой истории. Именно этими двумя факторами — насилием (принуждением) и религиозным внушением (или убеждением) — и осуществлялось активное противодействие возраставшему крестьянскому сопротивлению на протяжении всей истории феодализма. отождествлять их с государством и церковью было бы не совсем точно, ибо государство действовало не только материальным принуждением, но имело и большой авторитет в глазах крестьянских масс, а церковь пользовалась далеко не только словом, она прибегала также к кострам, пыткам, тюрьмам, казням. Но все же в основном фактор насилия был воплощен в государстве, а фактор идейного внушения — в церкви.

Чем более, с развитием феодального общества, расшатывался его экономический базис, тем острее и глубже становилась борьба составлявших его классов, тем соответственно более сильная надстройка требовалась для сохранения и защиты этого базиса. Поэтому для позднефеодальной эпохи характерно очень сильное, мощное государство (самодержавие, абсолютизм), активизирующаяся, наступающая церковь (католическая реакция, реформы, контрреформы). Эти две силы и сковывали нарастающую силу крестьянского сопротивления на протяжении всего средневековья. Иными словами, среди тех общественных взглядов и учреждений, которые составляли надстройку над феодальным экономическим базисом, наиболее активную, важнейшую общественную роль играли, с одной стороны, политика, государство, с другой стороны, религия, церковь. Что касается искусства, философии, морали, то они в феодальную эпоху не являлись сколько-нибудь самостоятельными частями феодальной надстройки, а были в огромной степени подчинены религии.

2. Феодальное государство как орган подавления борьбы народных масс

Остановимся сначала на феодальном государстве, т. е. на политической надстройке феодального общества.

Ленин в лекции «О государстве» говорил: «...Едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве»³. К вопросу о государстве средних веков эти слова относятся в полной мере. Советским медиевистам приходится на каждом шагу прорываться сквозь туман полученных в наследство от буржуазных историков метафизиче-

---

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 66.

ских, извращенных представлений о сущности феодального государства, вроде, например, восторженного изображения монархии как творца нации, национального единства и вообще чуть ли не всего исторического прогресса. Еще Н. Г. Чернышевский гневно и справедливо возражал на это традиционное восхваление прогрессивной исторической миссии королей и царей: «Если французы должны кого благодарить за могущество, приобретенное Францией, то должны благодарить за это только самих себя и больше никого. Тот или другой эгоист, тот или другой честолюбец мог находить выгодным для себя стремление к национальному единству, врожденное французам, но не он создал его, он только пользовался им и пользовался почти всегда вредным для самих французов образом... Если мы станем благодарить французских Валуа за то, что при них произошло воссоединение французских провинций, всегда стремившихся к единству, то не должны ли мы благодарить Елизавету английскую за то, что при ней Шекспир написал Гамлета? Нам кажется, что за Гамлета следует благодарить Шекспира, а за французское единство французы должны благодарить самих себя»⁴.

Прежде чем говорить о сущности феодального государства, отметим со всей ясностью то, что в самом деле никак не принадлежит к его сущности. Нации исторически не только не были порождены монархиями или какой-нибудь иной формой государства, но среди признаков нации как исторически сложившейся общности людей марксизм-ленинизм, как известно, вообще не указывает признака государственной общности. Попытки «дополнить» марксистско-ленинское определение нации еще одним признаком, «государственной самостоятельностью», неизбежно ведут лишь к грубым политическим ошибкам в национальном вопросе. Нации исторически складывались как при наличии национального государства, так и при отсутствии его.

Как государство не входит в определение сущности нации, так и нация не входит в определение сущности государства. Хотя «для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — *типичным*, нормальным для капиталистического периода является... национальное государство»⁵, все же, как известно, и при капитализме, как и при феодализме, наряду с национальными государствами встречаются многонациональные. Другое дело, что всякое национально-освободительное или национально-объединительное движение имеет своей тенденцией (стремлением) образование национального государ-

---

⁴ Н. Г. Чернышевский. Г-н Чичерин как публицист. — Полн. собр. соч., М., 1950, т. V, стр. 654–655.

⁵ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч. т. 25, стр. 259.

ства⁶. Если говорить о массах, составлявших боевую силу этих движений, то они под этим подразумевают главным образом независимость, т. е. внешнеполитическую сторону дела и к тому же, как говорит Ленин, «отрицательную», разрушительную, революционную: уничтожение реально существующей угнетающей их власти, находящейся в руках иной нации (или в руках местных феодальных правительств). Но это отнюдь не ведет нас к пониманию общественной, классовой сущности государства, даже если оно возникло в результате такого движения. Это отнюдь не ведет нас к пониманию самого устройства государственной власти.

Борьба против иноземного гнета — это одно, оформление в ходе и в результате этой борьбы того или иного государственного устройства на освобожденной территории — это другое. В конкретной истории эти две стороны всегда неразрывно сплетены, но теория, обобщая многие конкретные случаи, без труда расчленяет эти две стороны, так как в одних случаях в результате народно-освободительного движения возникла одна форма государства, в других — совсем другая. В одних случаях, скажем, возникла республика, в других — сословноограниченная монархия, в третьих — неограниченная монархия. В одних случаях в результате достижения национальной независимости к власти пришли те или иные слои феодального класса, в других — буржуазии, в третьих — крестьянства или ремесленников (например, в средневековой Швейцарии). В одних случаях после победы сложилось федеративно-децентрализованное политическое устройство (например, в Нидерландах, США, Швейцарии), в других — централизованное (например, в России). В одних случаях после освобождения новое государственное устройство охватило целую нацию, в других — лишь часть ее (так бывало в истории средневековой Венгрии и других народов), в третьих — несколько наций или народностей, наконец, в четвертых — народно-освободительная борьба за независимость могла завершиться присоединением данной народности или нации к какому-то уже существующему государству с его прежде сложившимся государственным устройством (например, воссоединение левобережной Украины с Россией в XVII в.).

Все это многообразие ясно показывает, что силы, боровшиеся против иноземного гнета, за государственную независимость, и силы, пришедшие к власти в ходе борьбы или на базе достигнутой независимости, — это отнюдь не одно и то же. Следовательно, сущность вопроса о государственной власти и ее устройстве отнюдь не состоит в том, что она обеспечивает эту «отрицательную» задачу — не в защите независимости данного народа, данной нации или группы наций. Поэтому

---

⁶ См. там же.

историку непростительно и нелепо определять свое отношение, скажем, к русской монархии XV–XVI вв. тем, что она боролась против татарского ига и возникла на его развалинах, — ведь в других конкретно-исторических условиях сходную роль выполняла и республика. Очевидно, такой историк или не способен подняться от данного частного исторического случая до какого-либо обобщения, или же руководствуется монархическим обобщением — недоказуемым представлением, что монархия является наиболее «сильным» государством, наиболее способным обеспечить независимость, порядок и т. п.

Таким же образом нельзя смешивать вопрос о политическом объединении страны с вопросом о централизации государственной власти, тем более — с вопросом об установлении неограниченной монархии. К сожалению, все эти три разных вопроса во многих исторических сочинениях нарочито отождествлялись под широким термином «централизованное государство». Это давало возможность всякую борьбу за ограничение монархической власти, произвола, деспотизма изображать как борьбу против прогресса: как якобы борьбу против объединения страны, за феодальную раздробленность. Термин «централизованное государство» в таком широком понимании антинаучен и бессмыслен. Объединение страны, т. е. преодоление феодальной раздробленности, — понятие, отнюдь не совпадающее с понятием централизации власти: скажем, Утрехтская уния 1579 г. представляет образец политического объединения земель в форме равноправной федерации, при минимальных правах центральных органов. Такая форма политического объединения всегда была лозунгом наиболее прогрессивных общественных сил и наиболее антифеодальной платформой объединительных движений. В свою очередь понятие централизации власти ни в каком случае не совпадает с понятием неограниченной монархической власти, т. е. самодержавия, абсолютизма. Если господствующий феодальный класс ограничивал короля или царя своими представительными органами, — это вовсе не значит, что они боролись против «централизации», ибо эти представительные органы тоже были центральными. Борьбу феодальных кланов за влияние при королевском или царском дворе нет причин изображать как феодальный сепаратизм: это была борьба за овладение центральной властью, а вовсе не за власть на местах.

Запугивание читателей феодально-сепаратистской угрозой монархиям родилось под пером тех историков, которые идеализировали монархию, видя в ней силу антифеодальную, «национальную», «народную» или же буржуазную. В действительности, как сказано, вопрос о преодолении феодальной раздробленности, т. е. политическом объединении страны, и вопрос о монархическом устройстве государственной власти в объединенной стране — два разных вопроса. Бывало, ко-

нечно, что объединение совершалось и завершалось под эгидой королей или царей. Но, скажем, Венецианская республика не менее успешно управляла своими владениями, не опасаясь их сепаратизма, чем любая монархия.

Народные массы боролись против местных феодальных властей, сокрушая тем самым политическую раздробленность. Но эта «отрицательная», разрушительная историческая деятельность масс отнюдь не означает, что они боролись за самодержавие. Так точно в ходе буржуазно-демократической революции антифеодальная разрушительная активность масс не означает, что все эти массы проникнуты стремлением передать плоды победы в руки одной буржуазии. В истории часто плоды победы присваивались не теми, кто ее в действительности одержал.

Анализ проблемы феодального государства затрудняется тем, что слово «государство» употребляют в разных смыслах: иногда им пользуются в смысле суммы внешних границ данной страны или в смысле совокупного населения. Ниже мы будем говорить о государстве в смысле государственной власти.

Сущность феодального государства как аппарата принуждения надо искать прежде всего в его главной, внутренней политической функции. Марксизм показал, что государство возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства, что оно имеет в рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществе главной функцией — подавлять сопротивление трудящихся масс эксплуатации; рядом с этим внешнеполитическая функция (экспансия и оборона) отступает на второе место. «Главной целью этой организации, — говорил Энгельс по поводу государства, — всегда было обеспечивать при помощи вооруженной силы экономическое угнетение трудящегося большинства особо привилегированным меньшинством»⁷.

Какой же класс составлял при феодализме эксплуатируемое трудящееся большинство? Крестьянство. Ясно, что согласно марксистской теории обуздание крестьянства и было функцией феодального государства, его подлинной сущностью.

Энгельс прямо писал об этом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»: как античное государство было прежде всего органом рабовладельцев для подавления и обуздания рабов, так «феодальное государство — органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных крестьян». Уже из соразмерности политических прав граждан с их имущественным положением видно, что «государство — это организация имущего класса для защиты его от неимущего

---

⁷ Ф. Энгельс. К смерти Карла Маркса. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 359.

класса... Так было и в средневековом феодальном государстве, где политическое положение определялось размерами землевладения»⁸.

Ленин в лекции «О государстве» подробнее развил эту мысль. Как и в античном рабовладельческом обществе, говорит он, в средние века мы видим разные политические формы — различные виды монархии и республики, но под разными формами скрывается одно содержание: господство принадлежало помещикам-крепостникам, эксплуатируемые же крестьяне были абсолютно лишены каких бы то ни было политических прав. «Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство...»⁹

Такова сущность феодального государства.

Но применить эти общие теоретические положения к объяснению конкретной истории развития средневековых государств не просто. Во всяком случае авторы вузовского учебника по истории рабовладельческого и феодального государства и права предпочли даже вовсе не цитировать приведенные выше основополагающие высказывания Энгельса и Ленина по этому вопросу: эти мысли невозможно увязать с текстом учебника¹⁰. Некоторые историки феодального государства, расходясь с Лениным, забывают о едином содержании, которое скрывается за приковывающими без остатка все их внимание различиями между феодальной раздробленностью и феодальной монархией, между монархией сословно-представительной и абсолютной и т. д. Для каждой стадии и формы они ищут какое-то в корне иное социальное содержание. Авторы ряда учебников и работ по феодальной эпохе, если и цитируют эти высказывания классиков, если и признают на словах функцию подавления и обуздания крестьянства сущностью феодального государства, оставляют далее эту «сущность» в стороне, не прибегают к ней для объяснения даже самых существенных сторон и изменений феодального государства (например, централизации), объясняя их какими-либо другими, не главными функциями государства. Но что же это за «сущность», раз ею нельзя объяснить ничего существенного в истории феодального государства!

Можно признавать главную роль экономики в жизни общества,

---

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 147–148.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77.

¹⁰ «История государства и права», т. 1 (Всесоюзный институт юридических наук). М., 1949. Значительный шаг вперед, хотя еще и не дающий полного удовлетворения, представляет глава о феодальном государстве и праве (гл. 5) в учебном пособии «Теория государства и права» (Институт права АН СССР). М., 1955.

можно признавать классовую борьбу — и все-таки не быть марксистом-ленинцем. Оселком, на котором проверяется подлинное овладение историком марксистско-ленинским методом, является вопрос о государстве.

Нетрудно ответить на вопрос, почему это так.

Маркс в известном письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. писал: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*»¹¹.

Ленин, комментируя это письмо в основном своем труде о государстве, «Государство и революция», так развил мысль Маркса: «В этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве.

Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе *не* Марксом, *а* буржуазией *до* Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, *приемлемо*. Кто признает *только* борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма»¹².

Скажут: как же испытывать на этом оселке понимание и признание марксизма в изучении феодального общества, когда вопрос о диктатуре пролетариата не стоял в средние века и не мог стоять? Нет, ответим

---

¹¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 63.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 34.

мы, именно в зависимости от понимания историком учения о диктатуре пролетариата меняется и его представление о классовой борьбе во всем историческом прошлом. Марксист, стоящий на точке зрения признания диктатуры пролетариата, видит всю предшествующую историю классовой борьбы в совершенно ином свете, чем всякий иной историк; он видит ее не такой, какой она приемлема для сознания буржуазии. Связующим звеном между признанием диктатуры пролетариата и марксистско-ленинским пониманием классовой борьбы в прошлом является как раз учение о государстве. Кто признает, что диктатура пролетариата есть диктатура трудящегося большинства общества над эксплуататорским меньшинством, тот тем самым признает, что все предшествовавшие государства были, наоборот, диктатурой эксплуататорского меньшинства над трудящимся большинством¹³. А кто признает это, тот видит главный водораздел классовой борьбы в прошлом не в борьбе между буржуазией и дворянством, а в борьбе между эксплуататорами и эксплуатируемыми и т. д.

Учение о диктатуре пролетариата заставляет ясно понять, что во все времена государство было и является машиной в руках господствующего класса для подавления сопротивления классового противника. Разница же между диктатурой пролетариата и существовавшими до нее государствами состоит в том, что все существовавшие до сих пор классовые государства являлись диктатурой эксплуатирующего меньшинства над эксплуатируемым большинством, между тем как диктатура пролетариата является диктатурой эксплуатируемого большинства над эксплуатирующим меньшинством. Кто усвоил учение о диктатуре пролетариата, тот не испугается и мысли, что феодальное государство было прежде всего органом насилия, материального принуждения. Слово диктатура и означает насильственное господство; феодальное государство в любых его формах было именно диктатурой. Марксиста понятием «насилие» не испугаешь, когда его употребляют кстати, — этого понятия боятся только «экономические материалисты».

В статье «О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы» Ленин показал, что либеральное, буржуазное понятие классовой борьбы отличается тем, что оно не включает в вопросы классовой борьбы вопроса об устройстве государственной власти, тогда как марксистское понятие классовой борьбы обязательно включает и вопрос

---

¹³ Однако признание классовой природы государства в прошлом не исключает наличия среди современных буржуазных историков течения, которое в целях борьбы с марксизмом и идеей диктатуры пролетариата усиленно насаждает противопоставление «старого» капитализма XIX в., где царил классовой борьба и государство носило характер диктатуры буржуазии, «новому» капитализму, где якобы исчезает эксплуатация, где открытые Марксом законы будто бы уже не действуют, где государство уже бесклассовое — «государство всеобщего благосостояния».

об устройстве государственной власти¹⁴. Тот не понимает по-марксистски классовую борьбу, кто не понимает государства как органа классово-вой борьбы. Либерализм, пишет Ленин, «не решается уже отрицать классовой борьбы, но старается сузить, обкорнать, кастрировать понятие классовой борьбы. Либерализм готов признать классовую борьбу и в области политики, но с одним условием, чтобы в область ее не входило устройство государственной власти»¹⁵. Эти слова вполне подходят для характеристики некоторых буржуазных историков, рассуждающих о средневековой монархии: классовая борьба была, но это не касается таких святынь, как «централизация», «возвышение королевской власти» и т. д., т. е. именно устройства государственной власти. Им можно сказать то же, что говорит Ленин Ерманскому: «Останавливая свой критический анализ на пороге вопроса об устройстве государственной власти, вы доказали этим либеральную ограниченность вашего понятия о классовой борьбе... вы разучились применять революционную точку зрения к оценке общественных событий. Вот где зарыта собака!»¹⁶

Говорят, что «односторонне» подходить к истории феодального государства под углом зрения лишь крестьянского вопроса. Разве можно игнорировать и роль противоречий внутри феодального класса в развитии форм средневекового государства, и взаимоотношения центральной власти с городами, купечеством, буржуазией, и относительную независимость государственного аппарата?

Действительно, все это не только играет большую роль, но даже заполняет передний план, авансцену истории средних веков. Крестьянская борьба находится в глубокой тени и только изредка показывается на освещенную авансцену. Тот, кто хочет только описывать историю, а не объяснять ее, не придаст особого значения крестьянскому сопротивлению феодальной эксплуатации для объяснения судеб феодального государства. Но тот, кто хочет отделить основное от производного, не может забыть, что феодальное общество состояло из двух основных антагонистических классов: крестьянства и феодалов. Их отношения и являются ключом ко всему остальному. Если мы хотим стоять на почве подлинной науки об обществе, мы должны прежде всего изучать условия, определявшие поведение основной трудящейся массы, каковой в течение всего средневековья была крестьянская масса, составлявшая подавляющее большинство населения, почти все общество. Феодальное государство и имело своим назначением определенным образом воздействовать на поведение этой массы.

---

¹⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 238.

¹⁵ Там же, стр. 239.

¹⁶ Там же, стр. 240–241.

Говорят, что крестьянские движения не могут объяснить поздних ступеней развития феодального государства, так как уже на ранних ступенях, будучи слабым, раздробленным, оно все-таки было уже достаточно сильно, чтобы держать крестьян в повиновении. Раз государство с веками изменялось, например, усиливалась его централизация, значит для объяснения этих изменений надо привлечь какие-то другие факторы, кроме вопроса о подавлении крестьянства.

По поводу этого аргумента позволительно, кстати, спросить: а кто-нибудь из его защитников написал такое исследование, которое действительно показало, что феодальное государство хотя бы на ранних стадиях своего развития имело главной, функцией подавление крестьянства? Существуют такие исследования? Не есть ли это отсылка от Понтия к Пилату, лишь бы спасти централизованную монархию от «подозрения» в том, что ее главной функцией было подавление крестьянства? Если бы такое исследование о функциях государства в раннем средневековье, в эпоху феодальной раздробленности было на самом деле историком-марксистом написано, оно как раз показало бы, что тогда конкретные формы политического господства отвечали характерным для той эпохи конкретным формам крестьянского сопротивления эксплуатации. Стало бы ясно, что с изменением форм сопротивления старые формы политического господства не могли уже быть годны, должны были уступить место новым формам.

Таких марксистских специальных исследований пока нет ни о раннем, ни о позднем феодальном государстве. И объясняется это в немалой степени тем, что до сих пор историками недостаточно раскрыто само общее понятие крестьянского сопротивления феодальной эксплуатации. Поэтому так трудно переходить к анализу того аппарата, который подавлял это сопротивление.

В предшествующей главе мы как раз и попытались, хотя бы в самых общих чертах, проанализировать природу крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации. Мы пришли, в частности, к выводу, что интенсивность крестьянского сопротивления феодальной эксплуатации не была величиной, изменявшейся только от частных обстоятельств места и времени, но что она подчинена и общей закономерности, а именно: в целом — хотя и зигзагообразно — возрастала на протяжении всего развития феодального общества. Развитие феодального способа производства есть вместе с тем обострение его внутренних противоречий. Этот вывод о закономерном обострении крестьянской борьбы нельзя не связать с общеизвестным фактом постепенного усиления государственной власти в течение средних веков: общая тенденция к обострению классовой борьбы дает ключ для объяснения общей тенденции к усилению государства. Мы выяснили также, что когда речь идет о степени интенсивности крестьянского сопротивления, надо

иметь в виду не только восстания или крестьянские войны, но всю совокупность форм и скрытой (экономической) и открытой (частичное сопротивление, уходы, восстания) крестьянской борьбы против феодального гнета. Существовали также промежуточные переходные формы. Таким образом, в совокупности крестьянское сопротивление — это величина очень сложная. Ясно, что и аппарат принуждения должен был подавлять и обуздывать не одну, а все разнообразные формы крестьянской антифеодальной борьбы. Поэтому перед исследователем средневековья вырисовывается то одна, то другая сторона сложного здания феодального государства.

Рассмотрим их в том же порядке, в каком рассматривали формы крестьянской борьбы. Будем помнить, что при этом мы делаем большое логическое упрощение, так как в действительной истории средних веков разные формы крестьянского сопротивления феодальной эксплуатации соединялись и смешивались друг с другом, выступали одновременно, но только одна какая-нибудь в тот или иной момент преобладала.

Начнем с наименее существенной для вопроса о феодальном государстве, но все же важной и в этой связи формы сопротивления крестьянства феодальному гнету, — с экономической борьбы каждого крестьянского хозяйства в отдельности (и тем самым всех вместе) за повышение своих доходов. Это — не столько борьба за расшатывание и ликвидацию феодализма, сколько за максимальное использование тех возможностей, которые создал в свое время революционный переход от рабовладельческого строя к феодальному, тех небольших возможностей личной и хозяйственной самостоятельности и инициативы, которые открывал перед трудящимися феодальный строй. В предыдущей главе мы говорили об этой экономической борьбе, о попытках крестьянского накопления, интенсификации труда крестьянина в собственном хозяйстве, превращении части продукта в товар, в деньги — с целью таким путем ослабить относительное бремя феодальных повинностей и экономически «потеснить» феодализм. Несомненно, что уже подавление этой формы крестьянского сопротивления занимало известное место в деятельности феодального государства и кое-что объясняет в его историческом развитии.

Феодальное государство отнимало у крестьян и ремесленников тот избыток, тот упорно создаваемый ими превышающий минимальные потребности достаток, на экспроприацию которого у отдельных феодалов не хватало сил и «прав».

Феодальная монархия никогда не была только политическим орудием, только «исполнительным комитетом» господствующего феодального класса. Она сама была феодалом. Первоначально король и получал доходы только со своих собственных земельных владений. С

остальной территории он стал получать налоги, т. е. своего рода феодальную сверхренту, по той основной причине, что наступил такой момент в развитии феодального общества, когда феодалы не могли уже отнимать у трудящегося населения весь производимый им избыток сверх необходимого продукта, т. е. когда перевес в борьбе стал клониться на сторону непосредственных производителей.

В самом деле, ведь это было настоящей победой народа над эксплуататорами: пусть даже феодалы получали по-прежнему традиционные ренты и поборы, но при сложившемся соотношении сил они уже не смели выйти из рамок обычая и присваивать плоды возросшей производительности труда крестьян и ремесленников. Да не всегда уже удавалось сохранять и старые обычаи. Крепостное право рушилось под нарастающим напором снизу. Новое соотношение классовых сил отражалось в увеличении и укреплении рядов лично свободных крестьян и лично свободных горожан на территориях феодальных сеньоров. А экономическим резюме нового соотношения классовых сил как раз и явился некоторый «избыток» в совокупной производительности народного хозяйства, который феодалы не могли экспроприировать, хотя потенциально это и была феодальная рента, т. е. избыток над уровнем минимального необходимого продукта в стране. Оставить этот избыток неэкспроприированным — для феодального мира значило потерпеть поражение от народа в борьбе за прибавочный продукт. Напротив, экспроприировать его — значило вместе с тем подавить противника, пресечь противодействие, восстановить такой баланс сил, когда непосредственные производители должны довольствоваться минимальным необходимым продуктом. Вот таким подавлением трудящихся классов путем их экспроприации и вместе с тем их экспроприацией путем их подавления и было возникновение и развитие централизованной монархии с ее налоговой системой (а также судебными штрафами и прочими источниками королевских доходов). Налоги — та же феодальная рента, централизованная и поглощающая «излишки» и «избытки», остающиеся непоглощенными феодалами на местах.

Понятно, что на политической поверхности в истории любой централизующейся средневековой монархии лежат ее сложные «расчеты» с классом феодалов (ибо вопросы первоочередности права на эксплуатацию становятся очень сложными), а также с городами — главными средоточиями «свободного», т. е. подлежащего экспроприации богатства. Но не эта поверхность должна привлечь наше главное внимание.

Самым существенным является то, что феодальное государство усиливается благодаря выжимаемому из народа налогам, а выжимает налоги благодаря тому, что усиливается. Развитие национального рынка лишь косвенно, через видоизменение и расширение классовой борьбы ведет к образованию централизованного государства, зато централизо-

ванное государство самым прямым образом накладывает руку на этот рынок. Оно не для того вводит единую монету и проводит другие финансово-экономические мероприятия, чтобы бескорыстно способствовать развитию национального рынка, а для того, чтобы больше с него взять. Чем централизованнее и сильнее феодальное государство, тем большую долю продукта оно может отнять у непосредственных производителей в виде налогов, т. е. централизованной феодальной ренты.

Абсолютистское государство¹⁷, опираясь на голое насилие, на чистое внеэкономическое принуждение, забирает себе таким путем огромную долю народного дохода, народного труда и пота, затрачиваемых в неиссякающей надежде выбраться из нищеты. И именно эти налоги дают возможность абсолютистскому государству быть сильным и осуществлять насилие.

Уплата феодальных налогов — это подчинение народа превосходящей его материальной силе. Разумеется, народ пытался и сопротивляться, как он сопротивлялся и отдельным феодалам. Нет ничего противоречивого в том, что феодальное государство, будучи органом подавления народа, в то же время своими требованиями налогов и податей разжигало народное революционное сопротивление и опять-таки само же должно было умирять его. Ведь точно так же в раннее средневековье помещик-государь сам же и эксплуатировал своих крестьян, сам же и подавлял их сопротивление. Поднявшееся над феодальным классом государство как особый аппарат подавления и обуздания масс использовало это свое положение для развития в свою очередь новой формы эксплуатации. В феодальном обществе, в отличие от капиталистического, одно от другого не может быть вполне отделено: кто эксплуатирует, тот и подавляет, а кто подавляет, тот и эксплуатирует.

Перейдем теперь к вопросу о том, как феодальное государство подавляло открытые формы крестьянского сопротивления.

Самой ранней и самой низшей формой борьбы было частичное сопротивление — оспаривание крестьянами тех или иных притязаний и прав феодалов. Соответственно, раньше всего со всей полнотой феодальная государственная власть развилась как власть судебная.

В периодизации основных этапов развития государства в средние века принято первым этапом считать так называемые «варварские» королевства — более или менее крупные государства, относительно централизованные и сплоченные по сравнению с последующей феодаль-

---

¹⁷ Споры об абсолютистском государстве между советскими и зарубежными историками см. в статьях: *С. Д. Сказкин*. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения). — В кн.: «Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.)». М., 1957; *А. С. Самойло*. Проблема абсолютной монархии в современной марксистской и буржуазной историографии. (По материалам X Международного конгресса историков в Риме в сентябре 1955 г.). — «Средние века», вып. XVI, 1959.

ной раздробленностью. Объяснить политическое устройство этих «варварских» государств преимущественным преобладанием какой-либо из рассмотренных нами форм крестьянского сопротивления, в частности частичным сопротивлением, нельзя: на этом этапе государство еще гораздо более занято было подавлением остатков всех разнообразных элементов той социальной бури, которую мы собирательно называем антирабовладельческой революцией, чем подавлением зачаточного еще противодействия новой, феодальной эксплуатации. Но проблемы, связанные с антирабовладельческой революцией, не входят в тему настоящей книги, и поэтому мы не можем здесь анализировать все основные черты «варварского» государства. Однако некоторые его черты являются уже началом собственно феодального государства. Это прежде всего как раз преобладание судебных функций в устройстве государственной власти.

Сотня, графство или паг, королевство — в раннем средневековье это по преимуществу судебные организации. Функции тунгинов, графов и других уполномоченных государственной власти — это судебные функции. Полнота судебных функций в руках того или иного лица выражала и полноту государственной власти, суверенитета. Разные степени юрисдикции — высшая, средняя, низшая — выражали разную степень власти.

Что это все такое, как не аппарат подавления первой формы крестьянской борьбы, частичного сопротивления? В сущности уже «варварские правды», по крайней мере в своих хронологически поздних пластах, являются прежде всего судебной защитой формирующегося феодализма от крестьянской непокорности¹⁸.

Под судебной защитой на первых порах надо подразумевать не столько угрозу насилия со стороны государства, сколько присвоение государством того авторитета, той общественной принудительной силы, которой первоначально обладала община или совокупность общин (общинный суд, общее собрание) по отношению к каждому общиннику. Медленно, но неуклонно происходил процесс отделения этого авторитета от общинного суда и перенесения его на суд феодала или короля. Некогда глава собрания лишь задавал вопросы, а собравшиеся решали, затем глава уже подготовлял решения, наконец, в собрании (курии), подчас от имени этого собрания, фактически судил и решал споры уже королевский уполномоченный или местный феодал. Или же за королевским судом постепенно закреплялся тот авторитет, который сначала лишь временно сообщался ему общинами как арбитра

---

¹⁸ По вопросу об усилении защиты варварским правом интересов имущих против посягательств малоимущих см. *Н. П. Грацианский*. О материальных взысканиях в варварских правдах. — «Историк-марксист», 1940, № 7.

для решения межобщинных или межобластных споров. Так или иначе, но в основе феодального суда неизменно лежит похищенный им у крестьянской общины принцип безусловной обязательности общего решения для каждого индивида, только обращенный теперь на деле против интересов крестьян, мешающий им отстаивать свои интересы. Однако в течение столетий судебная функция феодального государства сохраняет маску народности, видимость защиты «общинников», общинный костюм (курия, соприсяжники, коллективная ответственность).

Вместе с тем производилась трудно уловимая подмена общинного обычая и идущей снизу судебной инициативы правом. Чтобы парировать крестьянское частичное сопротивление, создавались фиксированные правовые нормы и прецеденты, мало-помалу перерождавшие прежний общинно-племенной обычай и вливавшие в него феодальное содержание. Чтобы исключить возможность ссылки крестьян на иной, более благоприятный обычай у соседних общин, нужна была или политическая раздробленность (о чем ниже), или унификация феодального права. Варварские правды, судебники, капитулярии, позже — записанные и отредактированные кутюмы, с одной стороны, деятельность разъездных или контролирующих обширную территорию судей, с другой стороны, понемногу осуществляли эту вторую задачу в ходе средних веков.

В конечной тенденции, в условиях размыwania феодальной раздробленности, одинаковое толкование права должно было распространиться на всю территорию, заселенную одной и той же народностью, — иначе всегда оставалась возможность ссылки на существующий иной обычай, следовательно, возможность трещины в авторитетности, в общеобязательности и принудительности существующего права. Соответственно и общая верховная власть распространялась на ту же территорию.

Таким-то образом крестьянское сопротивление развивавшейся феодальной эксплуатации, поскольку оно выступало в форме частичного сопротивления, т. е. не разрыва с сеньором, а спора с ним, порождало лишь сети, в которых запутывался крестьянин. Чем сильнее было крестьянское сопротивление в этой форме, тем крепче становились сковывавшие его обручи развивавшегося в ответ феодального права и феодального государства. Когда позже крестьянин, отчаявшись найти, законность в окружавшем зыбком праве, которое на глазах превращалось для него в бесправие, стал требовать писаного, вечного, неизменного права — ему предъявили римское право, которое легисты легко сумели превратить в новые оковы для него и в новое средство усиления феодальной государственной власти.

Для всего средневековья остается характерной чертой колоссальная

разветвленность, множественность, многообразие судебных учреждений. С каждым новым этапом развития феодального общества и государства судебных учреждений, юристов, судебных служащих становилась все больше. Суд гнезвился буквально во всех порах и трещинах феодального строя, пропитывал и охватывал всю жизнь, все ее детали и стороны. При этом обострение социальных противоречий часто тотчас же влекло за собой разрастание суда, как это наблюдается, например, в истории Франции¹⁹.

На всем протяжении средневековья суд был, как и позже, при капитализме, «слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатированных»²⁰, представлял собою преимущественно аппарат угнетения.

Уже в раннем средневековье крестьяне подчас отвечали и прямыми восстаниями на превращение своего общинного права в свое бесправие, средства своей борьбы — в источник своего бессилия. Поэтому уже в раннем средневековье государственная власть носила не только судебный характер, но располагала и вооруженной силой. Центральная (королевская, императорская) власть в варварских и раннефеодальных государствах обладала немалыми мобилизационными возможностями, чтобы в случае крайней необходимости организовывать целые умирительные походы в непокорные области.

Но до XIII–XIV вв. в Западной Европе, до XVI в. — в Восточной крестьянство редко прибегало к восстаниям. Основной формой его сопротивления феодальной эксплуатации были уходы, побеги, переселения.

Соответственно государство созревало на второй ступени и как власть территориально-политическая.

Борьба с крестьянскими уходами объясняет и раскрывает чрезвычайно многое в истории феодального государства.

Дело далеко не сводится к применению особого «права», к юридическому закреплению крестьян и к соответствующей деятельности государственных органов. Гораздо раньше феодальное государство нашло средство противодействия перемещениям крестьянских масс в той областнической или племенной организации общественной жизни, которая была поначалу порождена самими этими массами в своих собственных интересах. Как судебная организация феодального государства была трансформацией общинных порядков, так его местная администрация, его территориально-политическая организация — не что иное, как трансформация областного или племенного строя, но обращенного понемногу против интересов масс.

---

¹⁹ А. В. Мельникова. Интенданты провинций в системе французского абсолютизма (от их возникновения до середины XVII века). Автореф. канд. дисс. М., 1950.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 270.

Время кульминации крестьянских уходов влечет за собой эпоху максимального усиления феодальной политической раздробленности. Нетрудно понять эту связь: образование политической чересполосицы, возникновение системы карликовых государств, уделов и небольших княжеств было средством парировать, — по крайней мере на время, — угрозу феодальному базису от возрастания крестьянских уходов. Экономическая зависимость крестьянина от землевладельца политически закреплялась в течение известного периода именно раздробленностью. Без этой активной роли политической надстройки экономическая зависимость была бы недостаточна, крестьянин ушел бы от землевладельца искать «лучшей жизни».

Это не значит, конечно, что какие-то правители «выдумали» такой способ борьбы с крестьянскими уходами, как политическая раздробленность. Очень важно в методологическом отношении подчеркнуть, что генетически феодальная раздробленность была творчеством именно самих народных масс даже еще в эпоху государственно-политического оформления этой раздробленности. В самом деле, ведь беглые крестьяне были очень даже заинтересованы в некотором «иммунитете», скажем, монастырей, на земли которых они уходили, поместий, где им предлагали лучшие условия (позже — городов), земель, областей и т. д., — это было условием возможности отстоять свое новое положение. Несомненно, что сначала, опираясь именно на их временный интерес, на их активную поддержку, монастыри и феодалы домогались у центральной власти тех или иных «вольностей», изъятия из общих законов, экстерриториальности и пр. А затем уже этот порядок был обращен против крестьян и мало-помалу связал их по рукам и ногам.

Можно было бы спросить: а почему бы этой самой логике борьбы с крестьянскими уходами не привести сразу к политическому объединению обширной территории, к возникновению крупных государств? Как ни странно на первый взгляд, но на это мы ответим, что таково было в тот момент историческое творчество масс. Конечно, они творили не по произволу, а в силу господствовавших тогда объективных общественно-экономических условий. Они содействовали раздробленности не потому, что таков был их идеал, а потому, что это было прямым путем разрушения существовавшей до того государственно-политической организации. Ведь, кстати, и для пролетариата федерации и областничество никогда не были политическим идеалом, но как преходящая мера ломки старой государственной машины в России они были широко использованы в первое время после Великой Октябрьской социалистической революции. Но средневековая феодальная раздробленность с основанием оценивается историками как явление «отрицательное». Во многих отношениях политическая раздробленность мешала прогрессу, но именно здесь уместно со всей силой подчеркнуть,

что мы вовсе не должны приписывать народным массам феодальной эпохи только то, чему историк дает положительную оценку. Массы творили в историческом прошлом не только хорошее и прогрессивное, но и плохое. Да и творили не прямо, а «не ведая, что творят». Они не творили политическую раздробленность, но совершали действия, которые вели к ней.

Натуральное хозяйство было экономической основой политической раздробленности. При развитых денежных отношениях политическая раздробленность была бы невозможна. Но политическая децентрализация — это вовсе не зеркальное мертвое «отражение» экономического базиса, натурального хозяйства, а политическая надстройка, активно служившая феодальному базису, порожденная им для его защиты.

Было бы совершенно неправильно противопоставлять друг другу экономические, хозяйственные предпосылки и те явления из истории классовой борьбы, которые приводили к системе феодальной политической раздробленности. Неправомерно спрашивать: что важнее? Данным экономическим условиям, в том числе преобладанию натуральной, а не денежной феодальной ренты, соответствовали и данные конкретные проявления классового антагонизма, например, преобладание крестьянских уходов, и соответствующие формы политической организации общества. Мы увидим, что много позже, когда изменились экономические условия, в том числе развились широкие, общенациональные рыночные связи, на первый план выступили и иные проявления классового антагонизма, и, соответственно, иные формы политической организации. Но сейчас речь идет о другой ступени экономического развития.

Иммунитет, оформлявший процесс «рассеяния», распада политической власти на множество местных властей, был именно инструментом подавления крестьянской вольности²¹. На территории «феодала-государя» крестьянин — уже не только держатель земли, он — «подданный» этого государя, обязанный жить по его законам, пользоваться его монетой, судиться в его суде и т. д. Его уход становится неизмеримо труднее и в экономическом отношении (например, пестрота монетных систем), и в правовом, оказываясь уже не только разрывом договора о держании, но как бы и государственной изменой. Распадение общества на множество мелких государств сделало в конце концов неизмеримо труднее в некоторых отношениях и частичное сопротивление крестьян внутри них, в частности ссылки на обычай и право соседей, стоворы с соседями и т. д.

---

²¹ См. А. И. Данилов. Основные черты иммунитета и фогства на церковных землях в Германии X–XII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1947; Е. В. Гутнова. К вопросу об иммунитете в Англии. — «Средние века», вып. III, 1951.

Феодалная раздробленность как форма фактического прикрепления крестьянина гораздо древнее какого-либо «крепостного права» в узком законодательном смысле. Эта политическая форма подавления крестьянских уходов, «рассеяние суверенитета», как выражались многие прежние исследователи феодализма, складывалась в раннем средневековье стихийно, впрочем, и не без участия центральной государственной власти. Центральная феодалная власть даже и в период максимальной раздробленности не исчезала совершенно. Можно сказать, что децентрализация была в ту пору политикой центральной власти, — если, разумеется, смотреть на центральную власть не как на самодовлеющий институт, а как на политическое руководство, политический штаб феодалного класса. В позднем средневековье, для борьбы с крестьянскими восстаниями, необходим был централизованный аппарат власти, а в раннем средневековье, для обуздания крестьянских уходов, напротив, необходим был некоторое время децентрализованный аппарат власти.

Соответственно, понемногу диалектика истории повела борьбу крестьянства по пути преодоления феодалной раздробленности.

Тяга крестьян к уходам неуклонно росла и усиливалась вместе с развитием феодалной эксплуатации и, естественно, напирала на эту сковывавшую политическую оболочку, расшатывала ее. Пока господствовало натуральное хозяйство, политическая раздробленность еще могла играть свою роль. Но с развитием городов и рыночных связей крестьянам и ремесленникам все более удавалось прорывать эту преграду. Они уходили, несмотря ни на что, переселялись, подчас пересекая значительные пространства. Падение феодалной раздробленности, например в России, было подготовлено настоящим половодьем крестьянской миграции, которого никакие плотины и перегородки удельных княжеств уже не могли сдержать. Ниже мы увидим, как повсюду в Европе этим ослаблением местных властей опять-таки воспользовалось феодалное государство для своего обновления, своей реконструкции.

Еще в период полной силы феодалной раздробленности, а тем более с ее расшатыванием, борьба против крестьянских уходов велась и центральной властью (как и властями крупных княжеств, герцогств), а именно: путем создания соответствующего «права», крепостного права, вернее сказать, путем отмены права свободного ухода и переселения крестьян. Борьба за соблюдение этого крепостного «права» требовала, с одной стороны, суровых наказаний для ослушников, с другой, — систематической ликвидации тех очагов, куда преимущественно переселялись крестьяне, где они находили лучшие условия существования: сюда относится ликвидация городских вольностей для беглых, вольностей окраин и т. п. Подчас государственная власть должна

была распространяться и как бы двигаться вслед за крестьянством в направлениях его миграции, нагоняя его и ограничивая возможность его свободных переселений. Таков один из источников распространения единой власти на обширную территорию. Во всяком случае в законодательстве любой централизованной средневековой монархии, начиная с сицилийского королевства Фридриха II, видное место занимает борьба с крестьянскими уходами и переходами²². Русское «централизованное государство» в кульминационный момент своего становления, во второй половине XVI — первой половине XVII в., созревало и складывалось в неразрывной связи с созреванием и складыванием крепостного права, от появления «заповедных лет» до полной отмены «Юрьева дня»²³.

Власть феодального государства часто распространялась на территорию, населенную одной народностью, потому что именно на этой территории наиболее обычны, часты, вероятны были крестьянские переселения, тогда как выселение крестьян в иноплеменную и иноязычную среду было более затруднительно и случалось неизмеримо реже.

Впрочем, когда эта иноплеменная среда была не густой, редкой, то переселение крестьян на такие малозаселенные территории происходило также без особых трудностей. Как раз такая географическая обстановка была в средние века на востоке Европы. Азиатские завоеватели, монголы, татары, турки принесли с собой опустошения, длительное обезлюдение земель. Со времен Чингиса и чингисидов огромные пространства Азии и частично Восточной Европы были «степями» — не потому, что они были по природе неудобны для обитания, а потому, что страшная историческая коса выкосила их и долго не давала им заселиться. Азиатский общественный строй в то время подразумевал плотность населения неизмеримо меньшую, меньшее использование природных ресурсов, чем европейский.

Это обстоятельство создало в дальнейшем для крестьянских масс в Восточной Европе благоприятные условия для миграции, для уходов в степи и леса.

Естественно, что феодальным государствам приходилось распространяться здесь не только на территории одного народа, а и на прилегающие к ней с востока или юга территории, населенные другими народами, но населенные слабо и поэтому служившие открытой ареной для переселения и бегства крестьян основной народности. Здесь заро-

---

²² М. А. Абрамсон. Сицилийское королевство и империя в первой половине XIII века. Автореф. канд. дисс. М., 1948.

²³ В. И. Корейский. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. (К проблеме «заповедных лет» и отмены Юрьева дня). — «История СССР», 1957, № 1; Н. С. Чаев. К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVII века. — «Исторические записки», 1940, № 6.

ждаются многонациональные государства в связи с обороной от азиатских разрушителей, путем включения в орбиту данного европейского государства некоторых территорий и народов, являвшихся прежде объектом и жертвой азиатской агрессии. Образуется одновременно и заслон от агрессии и вместе с тем единый политический контроль над прилегающей территорией крестьянских переселений.

Русское завоевание Сибири и отчасти Заволжья особенно наглядно демонстрирует это, тем более, что история его совпадает с историей формирования крепостного права. Присоединение Венгрии и славянских земель к Австрии иллюстрирует то же самое, хотя менее ярко. На самом западе Европы, в Испании, происходило тоже нечто подобное, но в иных условиях: там имела место систематическая утечка населения в Северную Африку, опустошенную арабами, через Южную Испанию, присоединение которой и завершило образование пестрой по составу населения феодально-крепостнической испанской монархии.

Высшей формой крестьянской борьбы были восстания. Поскольку в восстаниях народ применяет к своим эксплуататорам прямое насилие, постольку и сущность государства как аппарата насилия полнее всего раскрывается в его полицейской, карательной борьбе с восстаниями. С развитием этой функции вполне созревает феодальное государство. Эта его функция почти не маскируется ни в какое «право», если не считать отождествления восстаний с «разбоем». И из всех форм крестьянской борьбы с феодальной эксплуатацией в свою очередь только восстание, в момент апогея, бывает прямо направлено против государства. Поэтому-то задача феодального государства прежде всего состоит в том, чтобы, подавляя восстания, загонять крестьянское сопротивление в низшие формы (уничтожить его вовсе так же немислимо, как дыхание у живого существа), ибо в низших формах оно может быть обезврежено и даже обращено на «усовершенствование» феодализма.

Как высшая форма классовой борьбы, так и высшая форма феодального государства не могут быть поняты до конца, если не учтена возросшая с течением времени роль города и горожан в структуре феодального общества. С развитием городов социальная ткань феодализма намного усложняется в сравнении с предшествующим периодом и вместе с тем усложняется задача ее анализа. Достаточно напомнить, что роль городов в системе феодализма двойственна и противоречива: с одной стороны, город в известной мере господствует над деревней и подчас эксплуатирует ее. С другой стороны, над городом экономически и политически господствует феодальный класс. Иными словами, город органически связан с обеими великими антагонистическими силами феодального общества. Он антифеодален и в то же время глубоко феодален. Соответственно его внутренняя структура глубоко противоречива и сложна.

Плебейство составляет неразрывную часть трудового народа, патрициат — неразрывную часть господствующего класса. А между ними находится бюргерство — подлинный клубок противоречий, в одно и то же время олицетворение бесправного податного сословия и жирных сливок, поднявшихся над народом. Не учтя город, мы не могли бы привести наш анализ развития феодального государства в полное соприкосновение с исторической реальностью.

Выше уже была сделана оговорка, что феодальное государство было не только органом физического, материального принуждения, насилия, но имело и авторитет, которым оно тоже пользовалось для охраны феодального порядка. К этой стороне феодального государства мы еще вернемся. Но сейчас рассмотрим наиболее подробно, ступень за ступенью, его развитие в его основном качестве, в качестве аппарата прямого насилия над крестьянством.

Мы также говорили выше о том, что нечего историку-марксисту пугаться слова «насилие», когда речь идет о государстве. Тут с таким же правом можно говорить о «насилии», о «физической силе», о «соотношении сил», о «превосходстве силы», как и, скажем, в военной науке. Вопрос о государственном насилии не сводится к вопросу о вооружении, но все же вопрос о вооружении занимает в нем центральное место. Ленин говорит об этом в лекции «О государстве»: группа правителей, представляющих государство, «всегда забирает в свои руки известный аппарат принуждения, физической силы, — все равно, выражается ли это насилие над людьми в первобытной дубине, или в эпоху рабства в более усовершенствованном типе вооружения, или в огнестрельном оружии, которое в средние века появилось, или, наконец, в современном, которое в XX веке достигло технических чудес и целиком основано на последних достижениях современной техники. Приемы насилия менялись, но всегда, когда было государство, существовала в каждом обществе группа лиц, которые управляли, которые командовали, господствовали и для удержания власти имели в своих руках аппарат физического принуждения, аппарат насилия, того вооружения, которое соответствовало техническому уровню каждой эпохи»²⁴.

Мы еще ничего не поняли в феодальном государстве, пока не рассмотрели его с этой ленинской, с этой главной точки зрения.

Первый этап феодальной или предфеодальной государственности, так называемое варварское государство, мы опять-таки оставим в стороне, поскольку само крестьянское сопротивление в ту пору выступало преимущественно в низших формах, т. е. само крайне редко принимало форму насилия, и поскольку характер этих восстаний еще слишком тесно связывал их с предыдущей исторической эпохой — антира-

---

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 72–73.

бовладельческой революцией. По мере того как в крестьянском сопротивлении складывавшемуся феодализму проступали явные черты насилия, власть, а вместе с ней материальная сила, мало-помалу, через иммунитет и другие феодальные институты, концентрировались на местах, прежде всего в самих поместьях, где разыгрывались эти первые зачаточные акты насильственной борьбы. Поэтому обратимся сразу к периоду феодальной раздробленности, «поместий-государств».

Перед нами простейшая ячейка феодальной государственности. Если представить ее в наиболее упрощенном виде, то это — помещик-рыцарь, владелец укрепленного замка, противостоящий с небольшим числом слуг или дружинников крестьянскому населению одной или нескольких деревень. Эксплуатируя своих крестьян в качестве помещика, он же сам и подавляет их сопротивление в качестве их государя. Нас интересуют его отношения с крестьянами именно в этом втором качестве. Все говорит о том, что это было отношение двух материальных сил. Крестьяне значительно превосходили его числом. Но зато он противостоял им как в высшей степени концентрированная материальная сила, и наступательная, и оборонительная. На коне, в кольчуге или латах, с мечом, копьём или палицей, прикрытый щитом, он в наступлении на крестьянскую толпу был почти так же неотразим, как был вначале неотразим танк против пехоты. Тот факт, что стремительно наступающий, хорошо прикрытый всадник сильнее превосходящего его во много раз числа обороняющихся пеших людей или даже сидящих на лошадях, но непригодных для атаки, был известен еще в глубокой древности, когда малочисленные кочевники таким путем покоряли обширные оседлые народы. К этим кочевникам генетически и восходит фигура средневекового конного рыцаря. Но он одновременно присвоил себе то средство, с помощью которого оседлые народы оборонялись от опустошительных набегов кочевников: они скрывались в укреплениях — городища, окруженные стеной, опоясанные рвом; это и есть прототип средневекового рыцарского замка. Последний восходит также и к «острогам», которые некогда сооружали завоеватели для малочисленных гарнизонов, оставляемых среди покоренных народов. Таким образом, решающие материальные элементы и наступления и обороны были монополизированы рыцарем. Кроме того, все воспитание и образ жизни делали его виртуозом в воинском искусстве, оставляя неразвитым и тупым во всем остальном. Крестьяне же не могли столько же, как он, заниматься воинскими упражнениями, они работали, их всячески старались лишить даже праздничного досуга. Вот почему сила рыцаря, подкрепленная лишь горстью дружинников, более или менее уравновешивала коллективную силу его подданных.

Понятно, что рыцарю не часто приходилось на деле меряться силами с крестьянами; только отчаянное положение могло толкнуть их на

этот шаг, который многим стоил бы жизни. Но рыцарь всегда был в боевой готовности, а пока что имел возможность использовать и проверить свои силы путем аналогичных действий против деревень соседнего сеньора. Набеги, грабежи были постоянным явлением той эпохи. Но тут рыцарю приходилось подчас сталкиваться и с совсем иной силой, чем крестьянская толпа: с другим рыцарем, с соседом, который был вооружен не хуже его. Войны рыцарей с крестьянами влекли за собой войны между рыцарями. Они в свою очередь косвенно помогали удерживать крестьян в страхе, воочию демонстрируя силу рыцарей. Особенно большую роль в этом смысле играли турниры — поистине выставка рыцарской силы, «дабы всякий видящий разумел». Единоборство рыцарей заставляло подравниваться отстающих среди них и повышало средний уровень их силы. Конечно, оно вносило и специфические дополнения в их вооружение и тактику, но все же многое в их вооружении выглядит нецелесообразным с точки зрения рыцарского боя и, напротив, может быть объяснено с точки зрения борьбы с противником совершенно иного рода и иначе вооруженного. Как показывают специальные исследования, в длительной перспективе эволюция рыцарского вооружения объясняется эволюцией крестьянского вооружения и средств борьбы: лука, крючьев для стаскивания всадников с коня, особым образом приспособленных кос, ножей для перерезания у коня сухожилий, упертой в землю рогатины или длинной пики и т. д. Рыцарское вооружение должно было видоизменяться, парируя все эти крестьянские выдумки. Все же превосходство рыцаря с веками ослабевало перед множеством народных ухищрений, в частности перед виртуозной меткостью стрельбы из луков, в которой крестьяне тем более настойчиво упражнялись, несмотря на все трудовые тяготы, чем острее становились классовые противоречия.

Именно в силу остроты классовой борьбы это крестьянское военное искусство развилось раньше всего в Англии и даже было затем перенесено в английскую королевскую армию для борьбы во время Столетней войны с еще неподготовленными к этому французскими рыцарями: ведь эпоха крестьянских восстаний началась в Англии, Скандинавии, Нормандии несколько раньше, чем в остальных европейских странах.

Но нарастание крестьянского сопротивления выражалось не только в этом искусстве стрельбы из лука. Сила крестьян состояла не столько в умении, сколько в числе. С населением двух-трех деревень рыцарь справлялся легко, но чем больше выходило против него крестьян, тем его положение становилось безнадежнее. Поэтому крестьяне старались привлечь к себе на помощь соседей, «сговаривались» с населением других поместий, как неоднократно свидетельствуют источники. В один прекрасный день перед замком могла вырасти несметная угро-

жающая толпа. Парировать такую угрозу рыцари могли, только вступая в свою очередь в союзы с другими рыцарями, приходя друг другу на помощь. Это опять-таки не всегда выражалось в подлинных военных действиях против крестьян. Часто достаточно было одного оглашения заключенного союза, для чего и служили пышные публичные церемонии. Иногда это была равноправная взаимопомощь, иногда, если один был более заинтересованной стороной, он должен был обязаться как-то компенсировать другому помощь, во всяком случае связать себя длительным или пожизненным обязательством прийти по зову «людну и оружну». Так складывался вассалитет. Всякий феодал хотел бы расширить число своих подданных как объектов эксплуатации, но всякий был лимитирован тем числом, которое он мог удерживать в повиновении. Возвышение одних феодалов над другими могло происходить путем увеличения числа не отдельных общественных атомов — крестьян, а только целых общественных молекул — находящихся в вассальной зависимости поместий-государств. Иногда этот процесс шел, так сказать, внутри, путем раздела помещиком-государем своих слишком больших владений дружинникам и слугам, каждый из которых становился маленьким вассальным государем, иногда вовне — путем превращения независимого помещика-государя в вассала другого. Так или иначе, но тайна образования иерархии феодалов лежит в усилении крестьянского сопротивления, в особенности в его расширении за пределы поместья-государства.

Ассоциирование крестьянских сил должно было привести и к «ассоциации» господствующего класса, чем и являлась феодальная иерархия: она была, по словам Маркса и Энгельса, «ассоциацией, направленной против поработщенного, производящего класса»²⁵. Причем первоначально феодальные ассоциации охватывали главным образом именно те племенные территории, области, земли, «герцогства», где население было этнически наиболее однородно, говорило на одном диалекте, где, следовательно, общение крестьян было наиболее полным, где их взаимопомощь в борьбе была наиболее возможна. Позже герцогства и княжества потеряли племенной характер. Иногда же дело шло об областях, землях, население которых с самого начала было связано иными, не племенными связями. Долгое время почти лишь номинально над властью местных князей или герцогов возвышалась императорская или королевская власть.

Однако на определенном этапе крестьянская взаимопомощь стала перерастать за границы племенного или территориального княжества или герцогства. Это не значит, что крестьянские восстания сразу стали охватывать по нескольку герцогств (княжеств), но граница герцогства

---

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — Сочинения, т. 3, стр. 23.

(княжества) все менее служила помехой для распространения восстаний. Потребность крестьянства во взаимопомощи, в увеличении числа восставших пересиливала понемногу помеху различия говоров и быта. Да и самые эти различия стирались в результате как крестьянских переселений, так и, в особенности, растущих экономических связей.

Но если связи и взаимопомощь между крестьянами выходили за прежние локальные рамки, то и отношения герцогов, графов, князей должны были проявлять ту же тенденцию. Даже много позже, во время крестьянской войны в Германии, ландграф Гессенский писал: «Мы понимаем, что восстание подданных проникает не в одно, но к отягчению нашему во многие места», и поэтому советовал курфюрсту Саксонскому иметь наготове силы для помощи другим князьям вне собственной страны: «Такие события лучше встретить на чужой почве, чем на своей собственной». В большинстве европейских стран такого рода тенденции и завершились образованием централизованной национальной монархии.

Не централизация государства объединила и создала народ, как утверждают буржуазные историки, а все более широкое объединение и сплочение народных масс, формирование народности, элементов нации принудили феодальное государство к централизации²⁶. Проблему централизации феодального государства можно решить, только исходя из марксистско-ленинского учения о сущности феодального государства как аппарата дворянства для подавления и обуздания эксплуатируемого большинства общества — крестьян: на определенной ступени развития крестьянской борьбы, отвечавшей соответствующей ступени развития самого феодального способа производства, централизация государственного аппарата стала необходимой. Напротив, проблему централизации феодального государства невозможно решить, исходя из позиций «экономического материализма»: централизация государственной власти якобы просто «отражала» складывание национального рынка. Тем более невозможно в подтверждение этого ссылаться на Ленина!

У Ленина²⁷ речь идет о том, что слияние местных рынков во всероссийский было экономической основой, предпосылкой политического объединения страны. Но роль экономических связей, развития национального рынка состояла не в том, будто они непосредственно создали

---

²⁶ Дискуссии в советской историографии по вопросу о Русском централизованном государстве см. *Л. В. Черетин*. Образование централизованного Русского государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960; *А. М. Сахаров*. Проблема образования Русского централизованного государства в советской историографии. — «Вопросы истории». 1961, № 9.

²⁷ *См. В. И. Ленин*. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153–154.

национальное государство, как утверждает «экономический материализм», а в том, что они служили основой и содействовали образованию единой народности, элементов нации. Изменившийся же вместе с изменением экономического базиса характер общественных движений, борьбы классов, все менее ограниченной теперь какими-либо местными областными рамками, потребовал от господствующего класса создания «национального» государства, т. е. распространяющегося на всю ту территорию, на которую могла теперь распространяться взаимопомощь и взаимосвязь антифеодальных народных сил. Другими словами, развитие национального рынка воздействовало не прямо на форму государства, но на характер классовой борьбы, который и потребовал новой формы государства. Об этом ясно и неоднократно говорил Ленин, снова и снова разъясняя, что научное объяснение любых преобразований государственной власти может дать только анализ изменений в классовой борьбе, ибо всякое государство является прежде всего политическим орудием классовой борьбы. Не усматривая в монархии ничего надклассового, Ленин, естественно, не делал исключения и для данного политического преобразования — для централизации государственной власти. К процессу централизации феодальной политической надстройки, феодального государства, в полной мере относятся слова Ленина: «...Классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований»²⁸.

Обратим внимание на слова «в конечном счете». Ни в коем случае не надо упрощать вопрос о связи между формами государства и формами классовой борьбы. Политическая надстройка, в том числе самодержавная монархия, обладает относительной независимостью, что также подчеркивал Ленин. Ее действия далеко не всегда поддаются объяснению как прямые, непосредственные ответы на действия народных масс. Через государственную власть господствующий класс захватывает в свои руки руководство всей внешней и внутренней жизнью народа, и в этой подмене народа, а не только в его подавлении, находит свое выражение классовая природа государства, например монархии. К выделению функции подавления, функции ответа на ту или иную активность эксплуатируемых масс историка-марксиста приводит не простое наблюдение над политической историей, а высокая ступень научной абстракции. Ленинские слова «в конечном счете» подчеркивают, что эта глубочайшая зависимость политических преобразований от классовой борьбы отнюдь не лежит на поверхности. Она является сложнейшим теоретическим отвлечением и обобщением. Поэтому ис-

---

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 333–334.

торик, естественно, в ряде случаев может и должен фиксировать и относительно независимость государственной власти, и руководство господствующим классом через нее всеми сторонами жизни народа, и ее прямую связь с рынком и хозяйственной жизнью. Но в данном теоретическом исследовании мы должны суметь абстрагировать сущность.

О прямом надстраивании централизованного государства над ростом национальных рыночных связей можно говорить только в одном отношении. Как сказано выше, сам рост товарной продукции крестьян и ремесленников выражает их сопротивление феодальному гнету, а вместе с тем порождает и стремления феодалов усилить гнет. Централизующееся государство вмешивается в эту борьбу не только косвенно, но и прямо, забирая в виде налогов часть формирующегося с помощью рынка народного денежного дохода. Однако ясно, что и в этом случае централизация государства объясняется не просто экономикой, а обострением классовых противоречий, хотя бы протекающим в виде рыночных экономических процессов.

Словом, складывание централизованного государства отвечает той стадии развития феодального способа производства, когда широко распространяются товарно-денежные отношения, так как на этой стадии классовая борьба приобретает все более острый и все менее локализованный характер. Это опять-таки не значит, что крестьянские восстания стали охватывать всю территорию, заселенную данным народом, т. е. стали общенациональными. Таких случаев история средних веков почти не знает. Сила децентрализованности в крестьянском восстании была слишком велика. Даже далеко зашедшая в этом отношении Великая крестьянская война в Германии отнюдь не была общегерманской. Да и поздно было бы создавать централизованное государство, если бы факт уже совершился. Развитие государства стимулировалось симптомами, а не катастрофой, тенденцией, а не завершившимся процессом. Симптомы же и тенденции были совершенно ясны. Восстание неизмеримо легче перекидывалось на районы, населенные той же народностью, чем к соседней другой народности; у этнической границы оно, как правило, затухало. Так, Великая крестьянская война в Германии докатилась до границ Франции, но, несмотря на предпринятые попытки поднять французских крестьян и даже имевшие место волнения в их среде, она все же именно тут остановилась. Что дело здесь не в политической границе, а именно в этнической, видно на примере Швейцарии: там крестьянская война охватила немецкие районы, но тоже замерла у порога французских.

Разумеется, нельзя упрощать вопрос: политические границы централизованного государства определялись и международным фактором. С другой стороны, и этническая граница не была абсолютно непреодолимым препятствием при развитии восстания: например, рус-

ские крестьянские восстания XVII–XVIII вв. увлекали за собой народы Поволжья и Урала, — впрочем, эти народы уже до того находились под властью русского централизованного государства и имели, таким образом, уже наличного общего с русскими крестьянами врага. Лишь в большинстве случаев, а не всегда, и лишь в порядке стихийной исторической закономерности территория феодальных монархий в конце концов более или менее совпадала с территорией, населенной одной народностью, как наиболее вероятной ареной взаимодействия и взаимопомощи сил народного антифеодального движения.

Феодальная монархия формировалась медленно. Хотя она была необходима классу феодалов в целом, но каждому в отдельности скорее мешала: ведь она в той или иной мере отнимала у него функцию государства. Поэтому, как прежде рыцарь противился своему сюзерену — герцогу, если только думал, что не нуждается в нем, так теперь герцог противился королю. История возвышения королевской власти насыщена борьбой с крупными феодалами. Но как наивно все же думать, что монархию создавали короли, а не феодальный класс, по мере того как он на опыте убеждался в недостаточности своих сил!

Так, например, французские историки создали легенду, будто история средневековой Франции была историей ее завоевания королями из дома Капетингов, присоединявшими правдами и неправдами одно за другим разные герцогства к своему домену. Но их переговоры, династические браки и войны с герцогами и графами — это только поверхность. Как был присоединен юг Франции, Лангедок? Местные феодалы оказались недостаточно сильны, чтобы остановить антифеодальное городское и крестьянское движение, о чем свидетельствует широчайшее распространение ереси катаров и вальденсов (альбигойцев); они шли на уступки, поддавались; ересь с юга стала распространяться по всей Франции; и тогда рыцари остальной Франции хлынули туда страшным «крестовым походом», многие местные феодалы поддерживали их, и только после чудовишной расправы с крестьянами и горожанами Лангедока он был «вручен» королю. Вскоре королем был «отвоеван» у Плантагенетов север Франции, в частности Нормандия. Но стоит заглянуть в источники, чтобы убедиться, что в Нормандии в то время вспыхивали одно за другим крестьянские восстания, что, следовательно, нормандские феодалы не были достаточно сильны и нашли более мощного покровителя в лице Капетингов, чем Плантагенетов.

Немного спустя, при Людовике IX, восстание «пастушков» прокатилось буквально через всю Францию, с севера на юг. Это было нагляднейшим свидетельством способности французских крестьян всюду найти общий язык, — и централизация французского государства значительно двинулась вперед, ибо огромное число феодалов почувствовало ее необходимость.

И позже крестьянские восстания во Франции не носили абсолютно локального характера. Они не только легко перекидывались из провинции в провинцию, но как бы перекликались издалека. Жакерия перекликается с движением «тюшенов». Уже ко времени Жакерии можно отнести слова хроники, сказанные три столетия спустя по поводу крестьянского восстания в области Виварэ: «Это был как бы первый акт трагедии, которую Лангедок, Прованс, Гиень, Дофинэ и почти все королевство смотрели с некоторого рода удовольствием, может быть, намереваясь взять пример с этой катастрофы».

Несомненно, что история присоединения всех герцогств и графств к короне Капетингов, т. е. история политического объединения Франции, когда она будет исчерпывающе научно исследована, окончательно покажет, что это были этапы консолидации феодального класса Франции под натиском нарастающего крестьянского сопротивления. Но и сейчас уже выяснены ее важнейшие этапы. Вот, например, ее заключительный акт: последним было присоединено герцогство Бретань; его сводили обычно к женитьбе Карла VIII на единственной наследнице Бретонского герцогства Анне Бретонской в 1491 г. Но, оказывается, в 1489–1490 гг. в Бретани разразилась яростная и кровопролитная крестьянская война. Хотя бретонцы не принадлежат к французской народности и говорят на другом языке, так что Бретань, казалось бы, могла остаться вне французского королевства, это восстание, обнаружив слабость бретонских феодалов, заставило их искать покровительства французской монархии, а династический брак лишь оформил их волю²⁹.

После того как объединение Франции было завершено, централизация и усиление государственной власти продолжались. Сословная монархия превратилась в абсолютную. Доказано, что формирование французского абсолютизма XVI–XVII вв., в частности, при Генрихе IV и при Ришелье, происходило в связи прежде всего с нарастанием массовых народных движений в стране³⁰.

Почему же именно централизация власти была так необходима в противовес нарастающей силе крестьянского сопротивления?

---

²⁹ Р. А. Маслов. К вопросу о присоединении Бретани к Франции. — В кн.: Из истории Франции. Уфа, 1961; он же. Крестьянское восстание в Нижней Бретани в 1489–1490 гг. — «Уч. зап. Башкирского пед. ин-та», вып. 7, серия исторических наук, 1956, № 1.

³⁰ Б. Ф. Поршнев. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.-Л., 1948, ч. III, гл. 1 и 2; А. Букштейн. Крестьянское движение во Франции в XVI веке. (О восстании кроканов). — «Борьба классов», 1936, № 6; Э. И. Лесохина. Движение кроканов. 1592–1598. — «Средние века», вып. VI, 1955; А. В. Мельникова. Интенданты провинций в системе французского абсолютизма (от их возникновения до середины XVII века). Автореф. канд. дисс.; З. В. Мосина. Абсолютизм в политике Генриха IV. — «Историк-марксист», 1938. кн. 2.

Потому что это подсказывало наиболее уязвимое место самого противника. Смысл централизации феодального государства состоял прежде всего в том, что слабой стороной крестьянского сопротивления, даже при его максимальном размахе, всегда была децентрализованность. Выше мы приводили древнюю китайскую пословицу, которая гласит: «Если весь народ вздохнет, будет буря, если весь народ топнет, будет землетрясение!» Но в том-то и дело, что народ никогда не вздыхал и не топал весь сразу. Это и надо было использовать. Центральная власть нужна была не для того, чтобы подавлять каждое возникающее восстание, — это обычно по-прежнему выполняли местные феодалы и местные власти, — а чтобы образовался мощный концентрированный резерв сил, который в самом крайнем случае можно было бы употребить в той части государства, где возник бы угрожающий прорыв. Центральная власть имела на этот случай огромные мобилизационные и маневренные возможности. Это служило постоянной остротой народу, который широко осведомляли о силе государства, время от времени и наглядно демонстрируя ее во внешних войнах.

Что именно в централизации состоит решающее преимущество государственной власти перед революционным народом, это всегда превосходно понимали лидеры и той и другой стороны. Возьмем к примеру Францию XVI–XVIII вв. Такие революционные мыслители, как Ла Боэси, Жан Мелье, исходили в своих теориях из наблюдения, что революция («уничтожение тирании» волей народа) не удастся только потому, что она не начинается одновременно всеми, сразу по всей стране. Правительство в каждый данный момент подавляет лишь какую-то сопротивляющуюся часть народа. Если бы возмутились сразу все и всюду, говорили эти мыслители, откуда взяло бы правительство столько войск и чиновников; если бы все отказались от уплаты налогов, откуда взяло бы оно денег для оплаты этих войск и чиновников! Оно неминуемо рухнуло бы! Этими рассуждениями они прямо говорили о главном преимуществе власти перед народным сопротивлением: преимуществе централизованности над децентрализованностью, неорганизованностью, разрозненностью сил народной борьбы.

Один политический памфлет 1649 г., написанный в форме диалога, приписывает правителю Франции кардиналу Мазарини такие слова: «Государь должен быть всегда вооружен, чтобы внушать не только почтение своим соседям, но и страх своему народу, и быть всегда готовым усмирить мятежи, если они случатся в какой-нибудь части его государства». Где была бы, продолжает Мазарини, французская монархия, если бы у нее не было армии, когда «вдруг проснулось это громадное тело Парижа, чтобы нас съесть» (имеются в виду события Фронды). Собеседник возражает Мазарини, что более надежная защита монарха — мирное управление народом, справедливость, религия. Ма-

зарини бросает реплику: «Пример Англии расстраивает все эти рассуждения» (имеется в виду революция в Англии, где монархия не располагала постоянной армией).

Словом, смысл централизации феодального государства состоял в создании мощного резерва материальной силы, которая могла бы быть применена в том случае, если бы где-нибудь в стране перевес сил оказался на стороне восставшего народа.

Надо, однако, оговориться, что сама централизация государства в свою очередь отчасти увеличивала централизованность крестьянских восстаний: например, в Англии, где экономические и политические условия способствовали особенно раннему образованию сильного центра страны, крестьянские восстания Уота Тайлера, Джека Кэда и устремились в конце концов на эту концентрированную цель, на Лондон. Но все же преимущества централизованного государства перед крестьянской неорганизованностью неоспоримо сказывались и в этом случае.

Кроме того, централизованная монархия стала необходимой потому, что постепенно изменился характер вооружения и тактики крестьян. Обострение классовых противоречий изощряло изобретательность крестьян. Мы видели, что лук, вернее самострел, при соответствующей тренировке оказался настолько эффективным оружием против рыцарей, что и в войнах рыцарей между собой стали применяться отряды лучников, понемногу занимавшие все большее место в армиях XIV–XV вв., т. е. господствующим классам разных стран приходилось перестраивать свое военное искусство по предметным урокам, получаемым от крестьян. То же надо сказать о практиковавшемся швейцарскими крестьянами способе отражать атаки рыцарей сомкнутой колонной, вооруженной длинными пиками, успешно переходившей даже в наступление и опрокидывавшей рыцарей. Швейцарцев стали приглашать во все феодальные армии Европы и перенимать у них это искусство. Позже, разумеется, возникла необходимость видоизменить их тактику для борьбы лучников и пикеров уже не против рыцарей, а против лучников же и пикеров.

Превосходство дворян в военных знаниях и опыте крестьяне со времени самых ранних восстаний парировали тем, что заставляли некоторых дворян под угрозой смерти становиться во главе своих отрядов в качестве военных специалистов. Этот прием можно наблюдать в огромном числе крестьянских восстаний в самые разные времена. Это преодолевало монополию господствующего класса на тайны тактического искусства и с чисто военной стороны давало известные плоды, но в конце концов часто заводило восстание в тупик.

Высшей точки соревнование в материальных средствах борьбы достигло с изобретением огнестрельного оружия. Генетически оно при-

надлежало и не крестьянам, и не дворянам, а горожанам. Город породил огнестрельное оружие в XIV в., из города его получили и крестьяне, и господствующий класс. Обе стороны уже в XV в. старались применять его друг против друга. Недаром говорили, что «огнестрельное оружие подобно воде и огню, которые могут быть и полезны и вредны». Из двух видов огнестрельного оружия, самопалов (ружей) и артиллерии, первые были, понятно, более доступны крестьянам, и то только как оружие индивидуальной прицельной стрельбы, а не массового огня. Крестьяне с самопалами — начало войска ландскнехтов. Точно так же и далеко от Европы, в Японии, одной из классических стран феодализма, в XVI в. огнестрельным оружием овладели прежде всего крестьяне. Тогда князья-самураи стали привлекать под свои знамена крестьян, формируя из них (главным образом из деревенской верхушки) отряды вооруженных ружьями пехотинцев, солдат-профессионалов, из числа которых в дальнейшем подчас выходили новые феодалы-землевладельцы. Что и в Западной Европе самопал считался, в отличие от артиллерии, оружием простолюдинов, видно из высказываний современников. Например, итальянский полководец Вителли, сам пользовавшийся тяжелой артиллерией, велел отрубить руки и выколоть глаза пленным аркебузирам, ибо не пристало-де благородным рыцарям погибать неотомщенными от руки худородных пехотинцев. Но самопал долго считался также и оружием, служащим преимущественно против этих же простолюдинов, и Маккиавелли пренебрежительно говорил об аркебузах, что они годны лишь для того, чтобы распугать мужиков, занявших какой-нибудь проход. Зато артиллерия была почти вовсе недоступна крестьянам, разве что в условиях значительного размаха восстания, — так, гуситы широко пользовались артиллерией (например, по одной крепости Карлштейн выпустили около 11 тысяч снарядов) и даже усовершенствовали пушки, сделав их более легкими и портативными. Но, как правило, пушки были недоступны даже отдельным феодалам. Только центральная власть могла широко располагать этим важнейшим орудием подавления, как и массовой пехотой. Эту возможность ей давали деньги.

На этом этапе исход борьбы в решающей степени зависел от возможности для обеих сторон устанавливать союз с городами. Обе стороны искали этого союза всеми средствами, вплоть до насилия. Сила крестьянского восстания теперь в том, что оно уже все менее чисто крестьянское, все более сливается с борьбой городского плебейства и ориентируется на города; оно, как видим, даже отчасти вооружается городским оружием. Но королевская власть в свою очередь ищет союза с городами, опираясь на их правящую верхушку. Только централизованная власть может добиться этого результата. В конце концов это дает ей самое сильное оружие — деньги: на деньги она может нанять

иноземную пехоту, в том числе самих непокорных крестьян из других стран, например швейцарцев, крестьян-ландскнехтов; деньги дают ей монополию на дорогостоящую артиллерию.

Итак, в конечном счете, ключом к истории возникновения и развития феодальной монархии является вопрос о крестьянских восстаниях. Угроза крестьянских восстаний потребовала централизации политической власти, и она же, нарастая, заставляла централизацию все более усиливаться и дойти, наконец, до стадии абсолютизма, развитие же городов служило предпосылкой и того и другого. В частности, крестьянские движения гигантски усилились в результате того, что слились в единый поток с движениями городских низов, городского плебейства. Однако, пока не возник пролетариат, эти городские низы не вносили чего-либо принципиально нового в крестьянскую борьбу. Скорее они сами примыкали к крестьянской борьбе и в немалой мере находились в своих требованиях и выступлениях в зависимости от крестьян. Но, разумеется, их выступления сильно осложняли задачу феодального государства.

Рассмотренный пример объединения французского королевства можно было бы дополнить другими, скажем, примером объединения Испании: заключительная стадия здесь особенно наглядна, ибо слияние двух больших политических кусков возникающей Испании — Кастильско-Леонского и Арагоно-Каталонского — происходило на фоне пылающих крестьянских войн 60-80-х годов XV в.³¹

Но еще поучительнее взглянуть на историю тех государств, где какие-либо факторы, например, международные, не допустили образования и прогрессирующего усиления централизованного государства.

Когда мы говорим, что крестьянское восстание в истории в конце концов побеждает только под руководством или буржуазии или пролетариата³², мы этим вовсе не утверждаем, что им не может воспользоваться какая-либо иная сила, если налицо еще нет предпосылок для смены феодализма капитализмом или для социалистической революции. Победой крестьянского восстания в таком случае пользуется другое феодальное государство, более сильное, или чаще несколько государств, производящих «раздел».

Решающую роль в этом случае играет предательство феодального класса той страны, где он не смог обеспечить своими силами свое политическое господство. Конечно, внешнеполитическая функция феодального государства — особая и сложная тема, которой бегло лучше и

---

³¹ А. Е. Кудрявцев. Испания в средние века. Л., 1937, гл. 4; Р. Альтамира-и-Кревеа. История Испании. Сокр. пер. с испан., т. 1. М., 1951; А. М. Розенберг. Восстание против королевской власти в Кастилии в XV в. — «Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та», т. 68, 1948.

³² См. В. И. Ленин. О продовольственном налоге. — Сочинения т 32 стр. 339.

не касаться, ибо международные отношения в средние века требуют специального анализа. Конечно, обе функции государства, внутренняя и внешняя, оказывали взаимное воздействие друг на друга. Но здесь нам хочется подчеркнуть все-таки примат внутренней функции. Более того, окидывая взглядом историю всех наиболее крупных, имевших длительное значение завоеваний в средние века, разделов целых государств или их покорений, мы приходим к выводу, что они случались только там, где этого хотела заметная часть феодального класса «завоеванной» страны. Когда не в их силах было создать достаточно мощный аппарат подавления и обуздания масс, усиливавших свой напор на феодализм, они склоняли головы перед иноземной более сильной державой. Таким образом, крестьянство хоть и было победителем над ними, но в общем отнюдь не к своей пользе, напротив, за редкими исключениями, лишь к своей беде.

Классический пример — история старой Польши в последние века ее существования. До поры до времени Польша не нуждалась в сильном централизованном государстве, так как сила крестьянского сопротивления была значительно разрежена массовыми побегам крестьян (особенно в Россию): шляхтич в своем поместье оставался настоящим «помещиком-государем», магнат — настоящим «герцогом». Установление крепостного права на Руси и другие причины как внешнего, так и внутреннего характера резко сгустили социальную атмосферу. В XVII–XVIII вв. крестьянские восстания вспыхивали в Польше одно за другим, перекидывались из одной области в другую (впрочем, их слабой стороной была национальная и религиозная неоднородность³³). Можно сказать, что крестьянские восстания почти непрерывно теперь стояли в порядке дня. Их подавляли, но с трудом, и часть господствующего класса ясно сознавала необходимость мощного военного резерва, которым распорядилось бы центральное правительство, а следовательно, и мощного центрального правительства. Такова, например, природа «великого замысла» Владислава IV. Но чрезвычайно противоречивое международное положение Польши, с одной стороны, слабое развитие городов, с другой, — сделали невозможным в Польше абсолютизм. Результатом и было ее распадение. В одних случаях, в виде исключения, как при восстании Хмельницкого, сама победоносная крестьянская борьба отдавала целые территории под власть соседнего государства, поскольку к этому влекла крестьян национальная общность с ним; в других случаях, и гораздо чаще, польские паны по собственной инициативе искали возможности отдалиться под покровительство более

---

³³ См. *Д. А. Похилевич*. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI–XVIII вв. Львов, 1957. Ср. *С. Ф. Иваницкий*. Основные вопросы крестьянского восстания на Украине 1768 г. — «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та». Серия ист. наук, вып. 7, 1941.

сильных государств. Они сами начали переговоры о разделе Речи Посполитой еще в XVII в., не видя средств своими силами удержать «порядок», и в XVIII в. сами впустили интервентов, против которых тщетно сопротивлялась одна сила крестьянского восстания.

Примерно то же произошло, по-видимому, еще в XV в. в Бургундии: некоторые свидетельства позволяют догадываться, что это крупное государство распалось и подверглось разделу в атмосфере серьезного нарастания крестьянских и городских движений, в то время как международная обстановка и неустранимые противоречия отдельных частей государства сделали невозможным образование сильной централизованной власти.

Совершенно отчетливо то же совершилось в Италии в XVI в. Начало XVI в. — время бурных крестьянских движений в Италии. Они были весьма распылены («браво», «бандиты»), но легко перекидывались из одного итальянского государства в другое. Предыдущий политический опыт уже неоспоримо доказал господствующему классу, что объединение Италии изнутри, создание итальянской монархии, о которой мечтал Маккиавелли, вещь невозможная: и ни один претендент не мог осилить других, и международная обстановка была неблагоприятна. Многие итальянские государи и феодалы стали тогда искать силы «порядка» вовне, обращать взоры к двум сильным абсолютным монархиям — Франции и Испании, и в конце концов война этих двух монархий благодаря им перекинулась на территорию Италии. Предпочтение большинства склонилось все же на сторону Испании, как более полицейской державы, и она надолго осталась жандармом Италии, объединив большую ее часть под своей властью.

Впрочем, сто лет спустя и в самой Испании, истощенной войнами, началось то же самое: в 1640 г. отпала Каталония, охваченная восстанием; отпадение Португалии, несомненно, тоже было подготовлено восстанием 1637 г. Естественно, что в Италии тотчас начались мощные восстания против ослабевшего жандарма. К концу XVII в. испанское государство обнаруживало уже полнейшую неспособность противостоять не только в своих разбросанных европейских владениях, но и в самой Испании силам народного сопротивления. Так называемый «бандитизм» приобрел в Испании массовый характер, с ним не могли управиться. Государство стояло на грани неминуемой катастрофы. Времена были уже не те, что в XV в., когда против аналогичной опасности сложился испанский абсолютизм. Теперь, в условиях экономического упадка Испании и ее внешних неудач, он явно не мог обеспечить «порядок». «Война за испанское наследство» и была в основе своей не чем иным, как выполнением внешними политическими силами той задачи, которая стала абсолютно непосильной для испанского государства, т. е. предотвращением огромного крестьянского революци-

онного взрыва, который мог бы всколыхнуть всю Европу. Все дело началось с чисто полицейского внедрения французской администрации во внутреннюю жизнь Испании, хотя наиболее «заслуженным жан-дармом» в Европе могли считаться австрийские Габсбурги. Финал «войны за испанское наследство» был классическим для такой ситуации «разделом» испанской державы.

Но мы знаем одно средневековое государство, не достигшее ни централизации, ни королевского абсолютизма, и тем не менее не подвергшееся разделу или завоеванию, — Германию. Является ли этот пример опровержением всего сказанного выше?

Если приглядеться внимательно, то окажется, что нет. В XIII–XIV вв. колониционное движение немцев на восток, в славянские земли, по-видимому, настолько разряжало атмосферу классово-политической борьбы, что Германия могла обходиться без централизации государственной власти. Пресечение этой возможности к началу XV в. нельзя не связать с крестьянскими движениями XV в. и Великой крестьянской войной — на политическом фоне неудачных попыток Максимилиана I срочно централизовать германскую империю и столь же неудачных попыток Карла V найти спасение в создании всеевропейской империи. В самом бессильном из западноевропейских государств и разразилась самая сильная из западноевропейских крестьянских войн. Но на международной арене не было в тот момент крупных держав, способных ввязаться в борьбу. Великая крестьянская война была подавлена не столько с помощью оружия, сколько с помощью второго фактора «порядка» — религии: лютеровская реформация, сначала развязавшая войну, ее же и связала по рукам и по ногам, дезориентировала, обуздала, несмотря на мужественное сопротивление Мюнцера и его партии, и в конце концов настолько понизила потенциал крестьянского сопротивления, что и вооруженных сил князей и рыцарей оказалось достаточно, чтобы затопить ее в крови. Впрочем, новейшие исследования показывают, что этими вооруженными силами все-таки распоряжалось некое подобие, некий суррогат централизованного государства в недрах децентрализованной германской империи: Швабский союз³⁴. Однако, несмотря на разгром крестьянства, уже в конце XVI в., и особенно ко времени Тридцатилетней войны, крестьянские восстания в Германии возобновились с большой, хотя и не прежней, силой³⁵. Централизация же стала еще невозможнее, чем прежде, как ни мечтали Валленштейн и другие о превращении Германии в абсолютную монархию вроде

---

³⁴ М. М. Смирин. Очерки истории политической борьбы в Германии перед реформацией. М., 1952.

³⁵ Н. Н. Самохина. Феодалная реакция в Австрии во второй половине XVI века и крестьянское восстание 1595–1597 гг. — «Средние века» вып. V, 1954.

французской или испанской. Выход теперь был найден князьями в привлечении мощных европейских держав, в частности, Франции и Швеции. Изнанкой Тридцатилетней войны был чудовищный разгром немецкого крестьянства, после которого оно долго не могло поднять голову. Дело шло и к разделу Германии между Францией и Швецией, но международная обстановка в последний момент спасла ее от этого финала³⁶.

В некоторой мере отсутствие общегерманского абсолютизма было возмещено карликовым, но необычайно жестоким княжеским абсолютизмом. Однако главное состоит в том, что невозможность политической централизации стихийно и неумолимо влекла Германию к устранению всего того, что необходимо повышало в истории развития феодализма силу крестьянского сопротивления: рыночных связей, денежной ренты, крестьянской собственности, личной свободы крестьянина. Дважды разгромленное немецкое крестьянство не могло противиться этому регрессу, «второму изданию» крепостничества, которое в свою очередь делало его все менее боеспособным, а господствующий класс — способным обходиться без централизованного абсолютизма.

Наконец, в истории Англии XVIII в. мы находим пример, который показывает, что был и еще один мыслимый способ обойтись без абсолютизма: это — исчезновение самого крестьянства. В самом деле, тенденция к абсолютизму в политической жизни Англии XVII–XVIII вв. возрождалась снова и снова, поскольку революция XVII в. не освободила английское крестьянство от феодальной зависимости; поскольку оно продолжало бороться. Чтобы устранить со своего пути абсолютизм, английская буржуазия должна были или поддержать борьбу крестьян против класса землевладельцев, или сохранить союз с классом землевладельцев, что возможно было лишь при условии исчезновения с исторической арены класса крестьян. Когда «парламентские огораживания» покончили с существованием крестьянства как класса, сами собой исчезли «якобиты» и вообще всякие помыслы об абсолютизме.

Подведем итоги сказанному. Феодальное государство, на какой бы ступени развития ни брать его, есть прежде всего орган насилия, подавляющий силой сопротивление эксплуатации со стороны эксплуатируемого большинства общества, следовательно, преимущественно со стороны крестьян, так как именно крестьянство являлось основным эксплуатируемым классом феодального общества, да и численно превосходило во много раз все остальное население.

Зарубежные историки любят упрекать в «механистичности» всякого, стоящего на материалистической точке зрения в вопросе о государ-

---

³⁶ Б. Ф. Поршнев. Английская республика, французская Фронда и Вестфальский мир. — «Средние века», вып. III, 1951.

стве. Ленин смело пользовался словом «машина», говоря о государстве. Во всяком классовом антагонистическом обществе вопрос о государстве, согласно учению классиков марксизма-ленинизма, при всей сложности и многогранности этого вопроса, в самой основе всегда есть вопрос о соотношении организованного насилия господствующего класса и неорганизованного насилия эксплуатируемых масс. Это обычно скрыто под поверхностью сложной государственной политической жизни, но с полной наглядностью обнаруживается в моменты революций.

Кому это кажется «механистичным», тот борется против основ марксизма, — такое понимание государства неотделимо от учения о диктатуре пролетариата.

Итак, феодальное государство было прежде всего и более всего органом насилия в руках феодального, дворянского класса для подавления сопротивления крестьянства.

До прямого применения оружия дело доходило сравнительно не часто, так как главное было в наличии материального перевеса на стороне государства: народу всегда так или иначе давали наглядное понятие о силе оружия, с которым он может столкнуться. Развитие феодального государства шло по линии накопления все большего резерва, который мог быть привлечен в самом крайнем случае. Поэтому раз вспыхнувшее восстание могло подчас довольно долго развиваться по восходящей линии. Лишь по мере его успехов мобилизовывались эти потенциальные резервы, и рано или поздно его все же умирляли. Впрочем, в известном смысле и само крестьянское восстание внутренне слабело вместе со своим развитием: чем дальше заходило дело от непосредственной защиты крестьянского хозяйства, тем пагубнее становилось отсутствие политической и идеологической перспективы. Тем неизбежнее оно оказывалось жертвой оружия противника.

Феодальное государство подавляло также зачатки, ростки, признаки сопротивления. Бюрократия, полиция, репрессии обрушивались на отдельных «неблагонадежных» и «смутьянов» задолго до начала какого-либо массового восстания.

Но мы знаем также, что восстания были хотя и высшей, но не единственной формой борьбы крестьянства против феодальной эксплуатации и что соответственно феодальное государство было не только органом подавления восстаний. И на поздних стадиях своего развития оно продолжало подавлять или ограничивать также другие, низшие формы крестьянского сопротивления — частичное сопротивление, уходы. Феодальное государство было и судебной, и административно-бюрократической, и военно-полицейской, и фискальной машиной одновременно.

Итак, развитие разных форм крестьянского сопротивления фео-

дальной эксплуатации вызывало в ответ развитие разных сторон, функций, свойств феодального государства. Несомненно, что на этой методологической основе можно дать детальный научный анализ эволюции любого конкретного средневекового государства.

Мы знаем, что своего рода итогом, общим историческим плодом всех форм и путей крестьянской антифеодальной борьбы являлось складывание исторических элементов нации. Нация — явление по своей природе антифеодальное. Господствующему классу феодального общества, напротив, свойственны антинациональные черты: с одной стороны, местный сепаратизм, автономизм, с другой, — космополитизм. Соответственно и феодальному государству присущи две основные исходные тенденции: одна, отвечающая местной ограниченности, — государство-поместье, или небольшое княжество, другая — тенденция к всехристианской, всеевропейской «империи», «универсальной монархии». Эволюция феодального государства — это постепенное крушение обеих исходных тенденций ввиду формирования элементов нации в недрах народа. Карликовые государства принуждены были «ассоциироваться» в более крупные. Претенденты на «универсальную» (всеобщую) власть наталкивались на отпор: или «империи» противопоставлялась «республика» (античная антитеза), или в разных частях Европы оказывались одновременно «универсальные монархи», поневоле превращавшиеся в конце концов, из-за невозможности осуществить «универсальность», в просто «монархов» данной страны. Генетически каждое из средневековых европейских королевств — это несостоявшаяся «всехристианская», «римская» универсальная держава, принужденная ограничиться более скромными пределами, как казалось, только из-за противодействия внешних соперников. Феодальный класс оставался верен себе, «универсалистская» тенденция возрождалась снова и снова с неменьшим историческим упорством, чем тенденция сепаратистская, — только рост народной борьбы преодолевал обе эти феодальные тенденции и неумолимо, стихийно, через все перипетии политической истории заставлял феодальное государство приспособляться к своему противнику и в общем развиваться в национальную монархию, в национальное государство.

«Универсалистские», «римские», так же, как и сепаратистские, тенденции удержались дольше всего и наложили наиболее глубокий отпечаток на политическую историю в тех странах, где народная борьба была ослаблена относительно большими возможностями крестьянских переселений в соседние области, следовательно, где позже совершился переход от низших форм крестьянской борьбы к восстаниям. Это относится к габсбургской германской Священной Римской империи, отчасти к габсбургской Испании, к Польше и т. д.

Следовательно, феодальная государственная власть принимала бо-

лее прогрессивные формы, если крестьянская борьба против феодализма стояла на более высокой ступени.

А сколько иллюзий и у современников, и у историков вызывала королевская власть! На самом деле носителем прогресса, в том числе стремления к объединению, был ее главный противник — трудящийся эксплуатируемый народ. Королевская власть была прогрессивна, но лишь в той мере, в какой логика борьбы заставляла ее, отбрасывая и чужие и свои собственные старомодные феодальные претензии, идти вперед, чтобы не отстать от развития своего противника. Она была прогрессивна, но в том смысле, в каком светит луна, отражая свет солнца. Н. Г. Чернышевский в цитированной выше статье с удивительной ясностью объяснил всю нелепость принятого мнения о французских королях как «собирателях» и «объединителях» Франции. Французские дворянские короли на протяжении веков, говорит он, «одинаково вели всевозможные войны, не разбирая того, полезны эти войны для национального единства, или нет. Походы на Бургундию, на Бретань проистекали из того же самого принципа, как и походы Карла VIII в Италию или Людовика XIV в Германию; разница была не в мысли, а только в том, что одни походы кончались удачно, другие — нет... Но все-таки надобно же благодарить кого-нибудь за то, что Франция собралась в одно целое из раздробленных герцогств, графств и виконтств. Чтобы узнать, кого должно благодарить за это, надобно только задать себе вопрос, почему Шампань осталась во владении французских королей, а Италия, несколько раз завоеванная французами, все-таки постоянно отрывалась от французского государства. Ответ ясен: Шампань была населена французами, которые стремились составить одно целое с остальными французами, а в Италии жили итальянцы, которым не было охоты присоединиться к французам. Теперь, кажется, нетрудно сообразить, какой силе обязаны французы тем обстоятельством, что соединились в одно государство»³⁷.

В самом деле, не требуется как будто особого усилия ума, чтобы разграничить в своем сознании такие понятия, как Франция и французский король, Россия и русский царь, объединение страны и монархия, сплочение народа и государственная власть.

Конечно, в истории средневековья почти не было другого политического пути для объединения страны, кроме как через монархию. Аристократические или купеческие республики — редкое исключение, а демократического централизма в ту эпоху вовсе не могло быть. С исторической неизбежностью процесс преодоления средневековой раздробленности и создания крупных, сплоченных и независимых государств должен был в подавляющем большинстве случаев осуществить-

---

³⁷ Н. Г. Чернышевский. Указ, соч., стр. 654–655.

ся руками дворянской централизованной монархии при всех ее анти-демократических чертах, при всем ее гнете.

Прогресс в истории осуществлялся через антагонизм. Это иногда забывают и тогда начинают рассуждать примерно таким образом: раз феодализм был прогрессивной эпохой сравнительно с рабовладением, значит надо считать феодалов, дворянство прогрессивным историческим явлением; значит в учебниках и книгах по истории надо освещать дворян положительно, без «чрезмерного» подчеркивания их эксплуататорских appetитов, их антагонизма крестьянским массам и т. д. Эта ошибка недопустима для марксиста. Феодализм — не только феодалы. Объединение и централизация — не только монархия, не только королевская власть. В феодализме как формации прогрессивны были не сами по себе феодалы, а прежде всего плоды, которые дала человеческой истории антирабовладельческая революция. Прогрессивное в объединении и централизации — прежде всего не короли, не монархия, а рождение нации, расшатывание феодальной раздробленности первыми порывами той бури, которая в своем дальнейшем развитии станет антифеодальной революцией. Но народные массы могли тогда выполнять лишь негативную стихийную, глубинную работу истории. Своей слепой борьбой они создавали историческое движение, которое осуществлялось, однако, только через антагонизм.

Королевская власть лишь постольку становилась «национальной», поскольку рождалась нация, возникал какой-то общенациональный центр наибольших экономических связей и наиболее острых классовых столкновений (Москва, Париж, Лондон и т. д.). Монархия лишь в той мере объединяла страну, в какой старая, децентрализованная политическая надстройка была расшатана снизу, не могла больше выполнять свою функцию аппарата подавления масс, и большинство феодального класса, в поисках новой политической опоры, обращало взоры к королевской власти. Но именно королевская или царская власть превращала этот прогресс из возможности в действительность. Она окончательно обращала в развалины старую, децентрализованную систему феодальной власти. При всем гнете, при всем насилии, которые были ей присущи по ее природе, она осуществляла то единство страны, которое никаким другим образом осуществиться не могло. Централизация страны, централизация жизни народа могла в феодальную эпоху осуществиться только через централизацию аппарата власти, направленного против народа.

Когда мы праздновали 800-летие Москвы, мы признавали историческую заслугу Москвы в том, что она была основой и инициатором создания централизованного государства на Руси. Мы говорили преимущественно о Москве, а не о московских царях. Конечно, с княжескими неурядицами в конце концов покончили московские цари. Без них в ту

эпоху нельзя себе представить централизованного государства. Но надо уметь отделить как вопрос о государствах, т. е. о роли личности в истории, так и вопрос о независимости и единстве целого народа от вопроса о государстве как аппарате господства одного класса над другим. Не на пустом месте и не из надклассовых интересов государи сотворили русское независимое и единое централизованное государство. За независимость от Золотой Орды русский народ вел ожесточенную борьбу, и только те из князей могли рассчитывать подняться над другими, которые ставили паруса по этому ветру и брали в руки руль этого корабля. Москва была центром возникающего общерусского рынка. В Москве кипела ожесточенная классовая борьба, и как некогда Новгород, Киев, с их жаром внутренних битв, влекли к себе Русь, так тяготели к Москве как к своему естественному центру огромные массивы беспокойного, недовольного русского народа, русских земель, заданных феодальным гнетом. Кто хотел господствовать над страной, тот должен был овладеть ее бьющимся сердцем. Монархия, как и православие, укоренились в Москве, но не они ее создали, не они и сделали ее сердцем страны. Они лишь завершили начавшееся объединение Руси вокруг нее. Не монархия, а именно Москва была основой и инициатором того прогресса, которым явилось создание централизованного государства на Руси. Монархия поднялась на этой основе. Иначе говоря, нельзя логически смешивать две разные вещи, хотя и связанные в действительности: вопрос о сплоченности, единстве страны, даже об образовании ее общественного и экономического центра, с вопросом о государственной власти, об «устройстве государственной власти», — как говорил Ленин. Ведь Москва не только была в прошлом, но и ныне остается центром централизованного и независимого государства. А за это время феодальная власть сменилась буржуазной, буржуазная — социалистической, монархия сменилась республикой и т. п. Следовательно, сплоченность, централизованность и независимость государства вовсе не тождественны только одной форме государственного устройства.

Ленин учил теоретически различать эти две разные стороны вопроса: видеть прогрессивность образования крупных централизованных государств, но и разоблачать антинародность любого централизма, кроме демократического. Он писал: *«При прочих равных условиях, сознательный пролетариат всегда будет отстаивать более крупное государство. Он всегда будет бороться против средневекового партикуляризма, всегда будет приветствовать возможно тесное экономическое сплочение крупных территорий...»*

Централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира, и иначе как *через* такое госу-

дарство (*неразрывно* связанное с капитализмом) нет и быть не может пути к социализму.

Но непозволительно было бы забывать, что отстаивая централизм, мы отстаиваем исключительно *демократический* централизм. На этот счет всякое мещанство вообще и националистическое мещанство... внесли такую путаницу в вопрос, что приходится снова и снова уделять время его распутыванию»³⁸.

Распутывать эту путаницу приходится и в науке о феодальном обществе, настойчиво и терпеливо разясняя, что централизация была прогрессивна, но то монархическое устройство государственной власти, через которое она осуществилась, не было демократично, народно, и поэтому может быть названо прогрессивным лишь в очень условном, ограниченном смысле. Эту несложную мысль трудно усвоить только потому, что слишком сильна традиция «мещанской» исторической литературы, изображавшей именно власть, государственный аппарат, монархию и ее политику тем единственным началом, которое объединило и централизовало страну. Правда, буржуазным историкам, например, с восторгами изображающим объединение Франции королями, приходится оговариваться, что короли в этом были «поддержаны» буржуазией, городами, основной частью народа, — но почему тогда не наоборот, почему не сказать, что королевская власть использовала и подчиняла себе те плоды, которые были подготовлены именно основной частью народа, городами, буржуазией?

Вместо того чтобы рассматривать монархию как орган феодального класса, направленный в своей основе против народа, против эксплуатируемого большинства общества, хотя бы эта власть подчас и играла относительно прогрессивную роль и даже, как увидим, действительно иногда поддерживалась частью народа, — вместо такой постановки вопроса сторонники «либерального понимания классовой борьбы» толкуют королевскую власть, как нечто по существу «общенациональное» и «общегосударственное». У открыто буржуазных историков эти идеи заимствуют и представители «слегка подкрашенного в марксистский цвет социал-либерализма à la Брентано и Зомбарт»³⁹.

Но отказываться от марксистского понятия государства значит отказываться от марксистского понятия классовой борьбы, которое, как выше выяснено, обязательно включает и вопрос об устройстве государственной власти⁴⁰. «Понятие классовой борьбы в смысле Маркса

---

³⁸ В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, стр. 143–144.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 301.

⁴⁰ См. В. И. Ленин. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы. — Полн. собр. соч., т. 23, стр. 238.

подменяется здесь *либеральным* понятием классовой борьбы. Общенациональным и общегосударственным объявляется как раз то, в чем отсутствует основной признак общенационального и общегосударственного: устройство государственной власти и вся область «общегосударственного» управления, общегосударственной политики и т. д.»⁴¹

Ничего «общенационального» и «общегосударственного», имеет в виду Ленин, не было в вопросе о том, как устроена государственная власть, — неограниченная ли это монархия, ограниченная монархия, республика и т. д., — так как вопрос о власти не есть «общее» дело нации или населения государства, а есть дело господствующего класса в его борьбе против класса угнетенного. «На самом деле и самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы». «...Переход от одной формы к другой несколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке». В пример Ленин приводит как раз переход в феодальной России от сословно-представительной монархии к абсолютной и т. д., при сохранении единой классовой сущности феодального государства⁴². Не понимать этого могут лишь те, кто, по словам Ленина, «не знают ни исторического материализма, ни диалектического метода Маркса, оставаясь целиком в плену вульгарных буржуазно-демократических идей»⁴³.

Отказ рассматривать королевскую или царскую власть как аппарат подавления народных масс иногда оправдывают ссылками на черновик Энгельса «О разложении феодализма и развитии буржуазии». Этот черновик не следует противопоставлять всем классическим положениям «Анти-Дюринга», «Происхождения семьи, частной собственности и государства» и других работ, где Энгельс изложил основы марксистского понимания всякого государства, в том числе и феодального. В этом фрагменте, как известно, не опубликованном при жизни Энгельса и неоконченном, он затронул лишь одну сторону вопроса о феодальном государстве, не характеризуя всего вопроса в целом, и поэтому данный фрагмент можно понять правильно, только если брать его в неразрывной связи со всеми коренными высказываниями Энгельса и вообще классиков марксизма-ленинизма о государстве, о феодальном государстве, в частности.

В этом тексте Энгельс подчеркивает связь королевской власти (не вообще, а в ограниченных исторических рамках — в период ее возвышения над феодальной раздробленностью) с прогрессивными элемен-

---

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 301–302.

⁴² В. И. Ленин. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам. — Поли, собр. соч., т. 17, стр. 346.

⁴³ Там же, стр. 345–346.

тами, развивавшимися в недрах феодального общества, особенно с буржуазией. Если взять это в отрыве от общего взгляда классиков марксизма-ленинизма на феодальное государство, можно ошибиться, подумать, что Энгельс считал средневековую монархию органом не дворян, а буржуазии, органом, защищавшим не феодализм, а капитализм. Если же взять это в связи с общим взглядом классиков марксизма-ленинизма на феодальное государство, окажется, что Энгельс освещает здесь лишь одну, хотя и очень важную сторону вопроса: использование дворянским, феодальным государством, в ходе его реконструкции, для защиты феодализма от эксплуатируемого класса, всех тех рождавшихся в обществе прогрессивных, национальных элементов, какие только удавалось привлечь к себе и подчинить себе, для того чтобы продолжать господствовать над обществом.

Это в самом деле очень важная сторона вопроса, но рассмотреть ее мы можем только теперь, после того как выяснили самую сущность феодального государства.

Из основной сущности феодального государства — служить органом защиты феодального базиса от масс, борющихся против феодальной эксплуатации, непосредственно вытекала первостепенная политическая задача: изолировать крестьянство, т. е. основную антифеодальную силу, от всех и всяческих потенциальных его союзников или временных попутчиков. Крестьянство неизмеримо легче подавлять и обуздывать, если оно выступает без какой-либо поддержки и руководства со стороны городов, а также тех или иных фракций духовенства или феодального класса. Политика королевской власти в отношении буржуазии, ее взаимоотношения с фрондирующими аристократами и церковью, словом то, что так давно кажется буржуазным историкам средних веков главными политическими заботами королевской власти, — все это на самом деле в значительной мере было лишь решением ею производной задачи: закрепить отрыв этих социальных сил от ее главного противника — крестьянства.

Разумеется, историкам надо много заниматься и этими аспектами истории феодального государства. Но действительно понять их можно только после того, как понято главное, основное.

Так, например, много внимания привлекает в истории раннего средневековья своеобразная прослойка между классом феодалов и классом крестьян, которую все более отчетливо обнаруживают новейшие советские исследования⁴⁴. Это — «мелкие вотчинники», «мелкопомест-

---

⁴⁴ См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.-Л., 1947; он же. О некоторых характерных чертах английского феодализма. — «Средние века», вып. XVII, 1960; А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956; Я. Д. Серовайский.

ные аллодисты» и т. д., так же как министриалы, фогты, словом, все то, что, с одной стороны, возвышалось из среды крестьянства, откалывалось от основной массы крестьянства, но и не вошло вполне в состав господствующего феодального класса, с другой стороны, все то, что спускалось от феодального класса вниз — его слуги, его креатуры, отнюдь не сливавшиеся с крестьянской массой. Это был политически и экономически очень активный слой. Несомненно, эти люди, в основной части вышедшие из верхушки самого крестьянства, может быть отчасти впитывавшие в свои ряды как раз некоторую «неспокойную», социально активную часть крестьянства, в свою очередь оказывали большое общественно-политическое влияние на крестьянскую массу, то поддерживая, то сдерживая ее сопротивление феодализму. С другой стороны, они же оказывали политическое давление на крупных феодалов, а позже и на королевскую власть.

Образование этого слоя — продукт неразвитости, бесперспективности крестьянского сопротивления феодализму. В античности рабы, при успехе восстаний, иногда старались использовать победу лишь для того, чтобы самим стать рабовладельцами. Так и для части крестьян в средние века тенденция победы, если она маячила на горизонте, была сплошь и рядом всего лишь тенденцией к переходу в ряды господствующего класса. Даже в конце средневековья бретонские крестьяне во время восстания 1675 г. выставили требование, чтобы все дворянские дочери выбрали себе мужей из крестьян и тем одворянили их. Очень редко, но случалось, что тот или иной предводитель крестьян, вступив в переговоры с властями, прокладывал себе или даже горстке своих сподвижников дорогу в дворянство; история народных движений во Франции XVII в. знает такие случаи. Но все же эта тенденция не типична для высшей формы крестьянского сопротивления — восстаний. Напротив, чем ниже форма крестьянского сопротивления (следовательно, особенно в раннем средневековье), — тем типичнее эта тенденция уйти из рядов крестьянского класса и войти в состав господствующего класса. Все низшие формы сопротивления, как было установлено в предыдущей главе, являлись борьбой не за уничтожение, а за максимальное уменьшение феодальной эксплуатации. Абсолютные или относительные размеры феодальных повинностей в тенденции могли быть сведены до такого уровня, когда они уже не противоречили бы принадлежности к господствующему классу, ибо ведь и внутри господствующего класса существовала иерархия вассальных

Структура землевладения юго-восточных районов Франции в IX–XI вв. (Канд. дисс.). М., 1950; В. В. Дорошенко. Упадок свободного крестьянства в феодальной Саксонии (X–XIII вв.). (Канд. дисс.). М., 1949; Л. Т. Мильская. Светская вотчина в Германии VIII–IX вв. и ее роль в закреплении крестьянства, М., 1957.

отношений, выражавшаяся в несении некоторых повинностей.

В известные исторические моменты крестьянской верхушке удавалось действительно протиснуться в ряды господствующего класса и пополнить его кадры. Иногда это было незаметное просачивание, иногда — своего рода широкий «призыв» новых кадров, когда история требовала серьезной реконструкции класса феодалов. Поместное дворянство, служилые землевладельцы, мелкие рыцари, подчас в короткий срок формировавшиеся и политически усиливавшиеся, — это обычно выходцы из верхнего слоя крестьянства. Их возвышение было своего рода «обновлением» феодального класса, но отнюдь не «революцией» (как утверждал Н. А. Рожков), ибо они отнюдь не меняли феодальных производственных отношений в чем-либо коренном и решающем. Однако всякий раз это была серьезная встряска феодального общества, несомненно отражавшая рост напора на феодалов снизу. Это была даже своего рода «победа» крестьян, только частная, корыстная победа отдельных крестьян или верхушечных пластов крестьян, а не крестьянства как класса. Впрочем, и такие сдвиги были очень редки в истории феодального общества. Как правило, тенденция подняться в ряды господствующего класса оставалась только тенденцией, не приводившей к успеху даже для ничтожного меньшинства.

Зато исторически очень важны те полууспехи, к которым постоянно приводила эта тенденция: выходцам из крестьян удавалось подняться над своим классом, хотя и не удавалось попасть в число феодалов. Они и образовывали тот средний слой, то средостение между двумя антагонистическими классами феодального общества, о котором идет речь. Эта прослойка, не принадлежа ни к тому, ни к другому классу, представляла собою и не что-либо принципиально отличное от них, а скорее смешение черт того и другого: «мелкий вотчинник» был в то же время «крупным крестьянином».

В общественно-политической жизни всего раннего средневековья этот слой играл очень заметную и очень активную роль. Да и в позднем средневековье он снова и снова появляется на политической сцене. Наряду с ним можно наблюдать другую беспокойную политическую силу, возникавшую обратным путем. Низы дворянского класса, почему-либо лишавшиеся прежних экономических позиций, но и не упавшие до уровня крестьянства, нередко тоже в политике брали на себя роль «третьей силы». В особенности заметны эти промежуточные общественные группы всюду, где медленно и слабо развивалась другая прослойка феодального общества — зажиточные горожане. Вот с этими промежуточными группами очень и очень приходилось считаться феодальному государству, нередко идя им на уступки. Они не были общественной силой сами по себе. Но они стояли в опасной близости к крестьянству. «Мелкие вотчинники» вышли из рядов крестьянства и

могли оказывать огромное влияние на крестьянскую массу. Следовательно, феодальному государству надо было политически оторвать их от крестьянства, — что оно, как правило, и осуществляло вполне успешно. Оно использовало их влияние на крестьянство даже как дополнительную политическую узду.

Труднее было королевской власти найти контакт с некоторыми упорствующими элементами старой феодальной аристократии. Но и их удавалось привлекать щедрыми подачками, положением при дворе и т. д. Ведь даже и феодальная аристократия пыталась утилизировать в своих интересах недовольство народных масс.

Крестьянство всегда, инстинктивно ощущая неясность своей перспективы, искало какого-либо руководства, и боровшиеся фракции господствующего класса подчас делали его игрушкой в своих руках. К средневековому крестьянству вполне можно отнести слова Ленина, сказанные о рабах древности, — что они «восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»⁴⁵.

Крестьяне для победы нуждались в союзнике, а бескорыстного союзника не было среди окружавших их средневековых сословий. «...Крестьяне одни не в состоянии были произвести революцию, пока им противостояла объединенная и сплоченная организованная сила князей, дворянства и городов. Некоторые шансы на победу мог им дать только союз с другими сословиями...»⁴⁶ Но пока в экономическом базисе общества не было еще предпосылок для смены феодализма капиталистическим способом производства, союз крестьян с любым другим сословием мог означать только превращение крестьянства в пешку в руках этого сословия.

Поясним это на примере средневековой Франции. Буржуазная историография твердит, что XV–XVII вв. — это период, заполненный в истории Франции борьбой королевской власти и реакционной феодальной аристократии, которая как страшный хищник снова и снова бросалась на национальное единство Франции, готовая растерзать его. Это очень украшает исторический образ королевской власти. Но на самом деле феодальная аристократия как таковая в то время уже не могла причинить Франции никакого вреда, — она могла брюзжать, но для того чтобы растерзать Францию, у нее не было ни когтей, ни зу-

---

⁴⁵ В. И. Ленин. О государстве. — Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

⁴⁶ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 357.

бов; экономическая и историческая почва совершенно ушла из-под ее ног. Но она пыталась возглавить и оседлать совсем другие силы. Какие? Чтобы понять это, достаточно вспомнить те публичные названия, которые носили эти якобы узкофеодальные движения: «Прагерия», «Лига общественного блага». Слово «Прагерия» образовано от слова «Прага» и отразило в себе широчайшую популярность во Франции недавнего чешского восстания, т. е. гуситских войн. Идея «общественного блага», в противовес династическим и личным интересам короля и знати, была тоже очень популярна во французском народе, особенно среди горожан. Гугенотская аристократия и католическая Лига в XVI в. в свою очередь если были чем-нибудь, то только благодаря широкому движению масс под этими религиозными знаменами. Так называемое восстание герцога Монморанси в Лангедоке в XVII в. затевалось в расчете на широкий успех антиналоговых лозунгов в массах. Фронда, которую изображают только как последнее выступление феодально-аристократической реакции против абсолютизма, была апогеем и финалом широкого антиналогового движения народных масс.

Как видим, суть дела была вовсе не в феодалах. Суть дела была в огромном напоре снизу, но напоре слепом, без политического руководства, который отдельные группы феодалов и пытались использовать в своих интересах. Их интересы были бесконечно далеки от интересов масс, поэтому вести за собой массы им было трудно и ничего прочного, ничего исторически существенного из этих движений никогда не выходило и выйти не могло. Обманутые, разочарованные массы отворачивались от негодных претендентов на роль их вождей и руководителей, но не могли найти лучших и иногда через некоторое время снова попадались в чьи-нибудь руки. Дело не в том, крупные ли это были феодалы, сепаратисты по своим вождениям, или дворяне-рыцари, вроде партии Зиккингена в Германии, желавшие централизации, — в любом случае эти группировки пытались временно утилизировать массы и, конечно, рано или поздно терпели неудачу, потому что были бесконечно далеки от масс.

Королевская власть потому нередко так непостижимо щедро расплачивалась с мятежными аристократами, что надо было не допустить их до игры с огнем народной войны.

Но неизмеримо больше имела причин королевская власть покровительствовать гораздо более опасному противнику — буржуазии. Королевская власть искала сближения с ней, допускала ее к привилегиям и выгодам феодального строя в первую очередь для того, чтобы оторвать этот экономически все более влиятельный общественный слой от возможного союза с крестьянством. Образование такого союза было тем опаснее, чем более созревала буржуазия, и феодальное государство делало все, чтобы его предотвратить. Как ни сложна политика дворян-

ской монархии в отношении поднимающейся буржуазии, она развивалась на этой основе. Буржуазия не сама по себе была опасной политической силой, а только как возможный лидер действительной силы, сдерживаемой пока в узде.

Энгельсу принадлежат замечательные слова: «В политике только две силы имеют решающее значение: организованная сила государства, армия, и неорганизованная, стихийная сила народных масс»⁴⁷.

Вот именно поэтому отношения феодального государства с буржуазией, с феодальной аристократией, с духовенством следует рассматривать как вопросы производные от основной политической задачи этого государства. Все дело было в том, что эти слои и классы, особенно буржуазия, могли бы в той или иной мере добавить недостающую организованность стихийной силе народных масс.

В свете этих же слов Энгельса следует рассматривать и производный, но важный вопрос об относительной самостоятельности феодального государства и его организованной силы, например, бюрократии, армии, от самого господствующего класса. Чем острее становятся классовые противоречия в феодальном обществе, тем выше степень этой относительной самостоятельности феодального государства и его организованной силы от самого господствующего класса.

Эта относительная самостоятельность давала феодальной монархии возможность широкого маневрирования. Феодальная монархия подчас очень смело противопоставляла дворянству буржуазию, она заходила дальше, чем хотели бы многие дворяне, в поощрении буржуазии и ее стяжательства, а тем самым, косвенно, и развития капиталистического уклада. С политической «вышки» ей было виднее, насколько блок с буржуазией необходим для того, чтобы не было блока буржуазии с ее основным противником — с эксплуатируемым народом. Поэтому политическая маневренность абсолютной монархии подчас создает впечатление, что она возвышалась над дворянством и буржуазией как третья сила. Но Энгельс говорит, что ее роль посредницы между этими классами была «кажущейся». Она «уравновешивала» дворянство и буржуазию лишь в том смысле, в каком бонапартизм в XIX в. «уравновешивал» буржуазию и пролетариат⁴⁸: как бонапартизм, при всей его демагогии, оставался господством буржуазии, так абсолютизм оставался господством дворянства.

О «равновесии сил» Энгельс говорит в том смысле, что буржуазия, возглавив антифеодальную борьбу народных масс, представляла бы

---

⁴⁷ Ф. Энгельс. Роль насилия в истории. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 475–476.

⁴⁸ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 147.

силу не меньшую, чем политически господствовавший дворянский класс. Но абсолютистское государство, способствуя своей покровительственной политикой экономическому росту и усилению части буржуазии, вместе с тем отвращало ее от политической борьбы и откалывало ее от народных масс. Тем самым абсолютистское государство делало буржуазию политически бессильной и добивалось на более или менее длительное время отсрочки антифеодальной революции.

Со стороны буржуазии сближение с дворянским государством всегда было проявлением, с одной стороны, деловой расчетливости, с другой, — политической трусости, боязни народной революционной стихии. Господа буржуа, по словам Маркса, «знают, что во время революции простой народ делается дерзким и заходит слишком далеко. Господа буржуа поэтому стараются, поскольку возможно, преобразовать абсолютную монархию в буржуазную без революции, мирным путем»⁴⁹.

Разумеется, дальнейшее развитие капиталистического уклада рано или поздно разбивает эту иллюзию. Но долгое время феодальному государству удается изолировать «чернь» от буржуазии, которая объективно была тогда единственной силой, способной политически, организационно и идейно возглавить антифеодальную революцию. Пользуясь своей относительной самостоятельностью, феодальная монархия, в критические моменты, в зависимости от конкретных обстоятельств, то открыто опирается на дворянство, то делает новые частичные уступки буржуазии — иногда действительные, иногда в высшей степени иллюзорные. Так, дворянское государство ослабляло недовольство буржуазии политикой «просвещенного абсолютизма».

Мало того, нередко феодальное государство должно было и в отношении самого крестьянства проявлять большую маневренность: раскалывать его, противопоставляя друг другу отдельные его слои, идти подчас на уступки и реформы, особенно если крестьянство оказывалось в блоке с теми или иными другими обиженными классами и группами.

Наконец, нам надо остановиться и на том, как феодальное государство и в самом деле привлекало на свою сторону часть сил своего главного противника. Без освещения этой стороны вопроса наш анализ сущности феодального государства остался бы неполным и потому неверным.

Мы видели, что крестьяне не числом, так умением, не умением, так числом все время догоняли противостоящую им силу. Пример английских лучников, швейцарских пикеров или немецких ландскнехтов показывает, что они ее даже перегоняли в вооружении и искусстве. И

---

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 314.

в самом деле, в конце концов невозможно представить себе, чтобы политическая надстройка, защищающая интересы ничтожного эксплуатирующего меньшинства, одним только насилием удерживала в повиновении 90% населения, стремящегося к борьбе по глубочайшим экономическим причинам. Длительно это не реально. Такое большинство в конечном счете всегда физически сильнее меньшинства, какие бы временные преимущества меньшинство не имело в вооружении, тактике, организации, финансах и т. д. Роль насилия была очень велика, но она еще не дает полного ответа на поставленную выше социологическую проблему.

Но на сколько-нибудь длительный срок уменьшить силу крестьянского сопротивления можно было разве ценой регресса всей феодальной экономики (как было в течение некоторого времени в Германии). В противном случае феодальные производственные отношения ежедневно и ежеминутно порождали необходимость сопротивления трудящихся. Следовательно, раз в истории перевес материальных сил все время оставался на стороне эксплуатирующего меньшинства, значит им все время противостояла не полная сила крестьянского сопротивления эксплуатации, а только часть ее.

Действительно, часть этой совокупной потенциальной силы крестьянского сопротивления действовала не против государства, а составляла часть его собственной силы.

Это, прежде всего, видно в связи с внешнеполитической функцией государства.

Мы знаем, что материальная сила, которой располагало государство, по большей части не применялась непосредственно против его подданных, а служила лишь угрозой, *ultima ratio*, резервом на случай необходимости; следовательно, эта сила по большей части практически бездействовала. Естественно, что она тем временем могла быть употреблена сверх своей основной, главной функции для какой-то дополнительной функции. А именно, ее можно было использовать для ограбления соседних крестьян. Так и поступал рыцарь в эпоху феодальной раздробленности. Он совершал набеги на деревни соседа. Сосед оказывал сопротивление. Но и население этих деревень тоже оказывало сопротивление. Не все ли им было равно, какой из рыцарей их экспроприирует? Нет, сила крестьянского сопротивления, подобно силе рессоры, возрастает в той мере, в какой угроза экспроприации приближается к неприкосновенному ядру крестьянского хозяйства. Свой рыцарь отнимает прибавочный продукт, чужой — необходимый продукт. Ясно, что коэффициент сопротивления тому и другому совершенно различен. Но, следовательно, отпор соседнему сеньору, даваемый крестьянами, суммировался с отпором, даваемым их собственным сеньором. А так как набеги были не редкостью, а буднями феодальной

жизни, как ни старалось их ограничить законодательство самого господствующего класса, то крестьяне оказывались соучастниками укрепления замка и вообще увеличения силы своего собственного эксплуататора. И он в какой-то мере способствовал организации сил крестьянского сопротивления.

Таким образом, сам факт избытка, перевеса сил на стороне феодала, без чего немыслимо было бы его устойчивое господство над крестьянами, с необходимостью порождал войны между феодалами. Позже это превратилось в войны между целыми ассоциациями феодалов, наконец, в войны между феодальными монархиями. Чем дальше, тем больше действовало уже не простое намерение пограбить, но и стремление увеличить свои владения, т. е. свою силу. Соизмерение сил с соседними государствами, раз возникнув, имело уже далее собственную неумолимую логику. В действие вступали сложные законы международного равновесия и системы государств, оказывавшие обратное воздействие на соотношение классовых сил в стране, например, требовавшие такого перенапряжения внешних сил, когда подавление крестьянского сопротивления государственным насилием уже становилось невозможным.

Как правило, в средние века внешняя агрессивность (как и феодальная междоусобица) проявлялась в те моменты, когда внутри страны достигался значительный перевес сил над крестьянством. Но, раз выступив на политическую арену, внешняя агрессия (как и феодальная междоусобица) нередко зарывалась до такого предела, когда она же ослабляла государство и тем благоприятствовала взрыву крестьянского восстания. Но все же подавление крестьянского сопротивления было исходной и всегда оставалось основной функцией феодального государства, а внешняя борьба была вторичной и производной функцией.

Но функция защиты от внешнего нападения, эта не главная, вторичная функция феодального государства, как видим, отчасти ослабляла силу сопротивления эксплуатируемого большинства и увеличивала силу государства. Иначе говоря, совокупная сила крестьянского сопротивления была как бы расколота этим обстоятельством. Средневековый крестьянин видел в «своем» государстве то нестерпимого врага и мечтал о вторжении норманов, сарацин, турок, кого угодно, кто добавил бы недостающую ему силу, чтобы опрокинуть этого врага, то «защитника», когда действительность знакомила его с ужасами вторжения. Тогда он готов был добавить собственную силу к силе государства. Ведь и сами западноевропейские дворяне в тот момент, когда они оказывались завоевателями на чужой земле, вели себя обычно уже не как феодалы. Они сразу деградировали до уровня рабовладельцев и грабителей. Крестьянское хозяйство разорялось дотла, так что новый хозяйственный цикл становился уже невозможным. Толпы людей уго-

нялись в плен. Нельзя забывать, что сплошь и рядом на протяжении всего средневековья захваченных в плен крестьян сбывали на восточные рынки в качестве рабов.

В самом деле, в момент завоевания сила крестьянского сопротивления переставала играть свою роль важнейшего фактора в системе общественных отношений, и естественно, что последние сразу же падали до дофеодального уровня. Поэтому та же стихийная экономическая необходимость, которая заставляла крестьян противиться чрезмерным притязаниям феодалов на их имущество и труд, заставляла их поддерживать феодальное государство против худшего зла — завоевания, рабства.

Далее, феодальное государство могло играть роль «защитника» и во внутренней жизни.

Мы, сильно схематизируя, представили выше эволюцию феодального государства как три основных этапа: поместье-государство, территориальное или племенное княжество (герцогство) и национальная монархия. В известном смысле можно сказать, что и на последнем этапе феодальное государство остается построенным из этих трех основных ступеней. Развиваясь друг из друга, надстраиваясь друг над другом, они в то же время отрицали друг друга и находились друг с другом в противоречии. Герцоги, князья, борясь с независимостью мелких феодалов, вытесняли их, насаждали сверху своих ставленников (например, фогтов). Королевская власть, борясь с независимостью герцогов (князей, знати, боярства, магнатов), делала то же самое и одновременно искала опоры в тех, с кем боролись герцоги, князья и магнаты, т. е. в мелких феодалах, дворянстве; она даже подчас усиливала юрисдикцию помещиков, их власть над крестьянами, словом, некоторые черты первого этапа феодальной государственности.

Сила крестьянского сопротивления неизбежно вовлекалась в эту борьбу. Ведь пока вторая или третья ступень феодальной государственности еще только выдвигалась, реальная сила была сосредоточена на нижестоящей ступени. Силе надо было противопоставить силу, а другую реальную силу можно было найти в обществе лишь в лице крестьянского сопротивления. Каждая из трех ступеней в той или иной мере не удерживалась от искушения направить против другой крестьянское сопротивление. Разумеется, противоречия между ними были в конечном счете совершенно второстепенными сравнительно с общим для всех них антагонизмом к этой самой силе крестьянского сопротивления. Но использовать хоть небольшую ее частичку для собственного укрепления они решались.

Часто к этому представителей феодальной иерархии подталкивала прямая борьба за феодальную ренту. Так, если королевская власть собирала с крестьян слишком большую феодальную ренту в виде нало-

гов, дворяне, например во Франции в XVII в., уже не могли взять с них сеньориальные повинности, принимали на себя роль их «защитников» от агентов королевского фиска, способствовали даже крестьянским антиналоговым восстаниям.

Но гораздо важнее роль «защитника» крестьян, которую брала на себя королевская власть, — хотя эта роль невероятно раздута буржуазными историками, проповедующими «надклассовость» монархии.

Надо различать две разные вещи: по своей сущности королевская власть есть орган концентрированного классового насилия; но для того чтобы подняться, окрепнуть, преодолеть стоящие на пути препятствия, ей недостаточно сочувствия той большей части господствующего класса, которая в данный момент испытывает прямую потребность в ней: ей приходится опрокинуть упорство остальных феодалов, в частности, отдельных крупных феодалов, с помощью единственной реальной силы, какая еще есть в обществе, — силы сопротивления феодализму со стороны крестьян и горожан. И она совершает этот маневр. Проходит более или менее длительный отрезок времени, прежде чем она утвердится и полностью выпустит свои когти. Пока же она поднимается, она — двуликий Янус. Призванная стать центром подавления всех революционных элементов, борющихся против феодализма, она временно оказывается даже центром их притяжения. По словам Энгельса, «все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним»⁵⁰.

Но это — лишь диалектика развития. Королевская власть приобрела авторитет в глазах народных масс, поскольку она объявляла войну реально существовавшим органам принуждения, т. е. более мелким феодальным государственным образованиям, — герцогствам, княжествам. Народ имел полное основание считать: враг моего врага — мой друг. Именно потому, что она сама была еще слаба, что материальная сила до поры до времени находилась не в ее руках, что она к тому же была где-то далеко от населения, а местная власть, т. е. непосредственный угнетатель — близко, она могла притягивать к себе надежды всех, кто испытывал на себе тягость феодального насилия.

Иными словами, возникающая королевская власть имела авторитет постольку, поскольку она привлекала на свою сторону некоторую часть сил народного сопротивления феодальной эксплуатации. Она в какой-то мере даже поощряла их. Однако это поощрение было вместе с тем обузданием. Она совместно с ними побивала отдельных конкретных носителей феодального насилия, уничтожая множествен-

---

⁵⁰ Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 445.

ность существующих властей. Но плоды победы, силу поверженных противников она присваивала только себе и использовала ее в конце концов только для защиты феодализма. Без такого раскола сил народного сопротивления, часть которых объективно действовала против другой части, невозможно было бы развитие феодальной монархии как органа насилия.

Королевская власть первоначально не была сама по себе силой, и поэтому подняться она могла только маневрируя между двумя действительными материальными силами феодального мира и используя обе. Но в той мере, в какой она использовала симпатию народа и выглядела антифеодальной, она была опасной в глазах господствующего класса. Выходом из этого противоречия являлась так называемая «словесная монархия»⁵¹: она была и действительным обузданием монархии со стороны феодального господствующего класса и в то же время демонстративной, показной «неволей» монархии, сохранявшей за последней авторитет в глазах народных масс, даже когда она действовала прямо против них. Отсюда нередко и упорная борьба крестьянства за участие в органах сословного представительства.

Фигура короля — довольно абстрактная, далекая, — подчас приобретала в сознании народа черты чуть ли не вождя крестьянского восстания. Сама идея его единичности, в противовес множественности реально существующих властей, представлялась принципиальной антитезой действительности. Восстание же, по своей природе, требует подчинения единому руководству. Аберрация была настолько велика, что и столкнувшись, наконец, с суровой действительностью, познав силу монархии как враждебную себе силу, крестьяне воображали, что восстают за короля, окруженного врагами, что король — за восставших или, наконец, что король подменен, а их вождь и есть истинный король (самозванцы).

Не подлежит никакому сомнению, что в некоторые исторические моменты королевская или царская власть действительно пользовалась симпатией крестьянства и привлекала к себе его революционные надежды. Нередко государи умели отлично пользоваться этим и даже сами разжигать эти чувства. Людовик IX французский как бы через голову знати и всего феодального класса общался с крестьянами и вел себя нарочито «по-простонародному». Подчас крупные государственные преобразования, на пути которых стояли интересы феодалов старого типа, феодальные государи осуществляли именно опираясь на крестьянство.

---

⁵¹ См. Е. В. Гутнова. Возникновение английского парламента. (Из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960; она же. Обзор доклада Э. Кэм, А. Маронжу, Г. Штекля «Новые работы и современные точки зрения на происхождение и развитие представительных собраний». — «Средние века», вып. VIII, 1956.

янскую веру в этих государей как в защитников народа, иногда даже в почти революционной общественной атмосфере. Не так ли было дело на Руси при «Грозном» Иване IV? Но в конце концов все это оборачивалось, конечно, не к уничтожению, а к укреплению феодализма, не к освобождению, а к угнетению народа.

Таким образом, мы обнаруживаем новую и методологически исключительно важную сторону вопроса о феодальном государстве.

Оказывается, само сопротивление крестьянства феодальной эксплуатации в известной мере, в известном смысле вознесло центральную власть. Впрочем, подобный парадокс мы отметили и раньше: на совсем другом историческом этапе крестьянское сопротивление в форме уходов тоже в известной мере подталкивало тех феодальных сеньоров, у которых крестьяне искали убежище, к децентрализации власти, хотя децентрализация была вскоре обращена против крестьян.

Эти наблюдения подтверждают, что глубочайшей движущей силой любых политических изменений в истории были опять-таки массы, «низы» общества, эксплуатируемые производители материальных благ. Они неустанно «беспокоили» историю и заставляли ее пошевеливаться. Им принадлежал первый толчок всяких исторических изменений, даже изменений в тех надстройках, которые служили для их обуздания. Государство было силой, направленной господствующим классом против крестьян. Однако всякое изменение формы государства шло в конечном счете снизу, не только в том смысле, что с усилением напора снизу господствующему классу требовалось более сильное государство, но и в том смысле, что это изменение было своего рода «победой» крестьян, только оборачивавшейся всякий раз против них.

Нараставшее усиление центральной власти было даже серией таких крестьянских «побед»: ведь усиление центральной власти было постепенным разрушением предшествовавшей системы феодального политического господства, а разрушения ее никто, разумеется, не мог совершить (по крайней мере в качестве главной силы), кроме тех, против кого эта система господства была направлена.

В силу слепоты, стихийности крестьянской борьбы, ее односторонние успехи не только не могли всерьез улучшить положения крестьян, но, напротив, утилизировались господствующим классом для усиления гнета, для укрепления своих позиций.

В этой связи надо упомянуть еще об одной форме феодального государства, которая почти не затрагивалась выше, как мало распространенная: о городах-республиках, характерных для средневековой Италии.

В основе возникновения этой формы феодального государства тоже лежал своего рода «прорыв» феодального гнета. В города направлялось массовое переселение крестьян. Не только в Италии, но и в других

странах Европы подлинный, хотя и мимолетный, успех народной борьбы за ограждение этих «очагов свободы» от феодальной администрации состоял в учреждении особого самоуправления или, как говорили во многих случаях, «коммуны». «Коммуна» собственно и значит «община». Недаром французский дворянский хронист говорит, что в современной ему политической жизни «коммуна» — «слово новое и ненавистное». Во Франции и других странах городские вольности были, с одной стороны, косвенно и незаметно отняты у народа городским патрициатом внутри самих городских стен, с другой, — открыто, крепнувшем феодальным государством, понемногу отменявшим все городские «свободы». Иначе протекал этот процесс в Италии, где не могла сложиться централизованная феодальная монархия. Приток крестьянства в города, которые тут сохранились еще от античности, совершался особенно интенсивно. И вот феодалы стали сами покидать свои деревни и переселяться в города! Сначала это выглядело почти как признание ими своего поражения: как подчинение «республике», провозглашение которой было, как ясно из самого слова, отрицанием царившей повсюду монархии, следовательно, отрицанием феодального государства. Но прошло время, и оказалось, что они смогли превратить саму республику в новую форму феодального государства, завоевать ее изнутри. Город-республика превратился понемногу в дворянский политический центр, господствовавший над сельскохозяйственной областью (контадо), а переселение крестьян в города мало-помалу сменилось обратным процессом — медленным отливом населения из города в деревню, где оно попадало в условия еще много худшие, чем те, от которых его предки спасались в города.

Таковы некоторые примеры, показывающие, что новая форма феодального государства своим возникновением и укреплением всегда была в какой-то мере обязана силам сопротивления крестьянства феодальной эксплуатации.

Итак, мы существенно продвинулись в решении поставленной проблемы. Насилие меньшинства над подавляющим большинством, оказывается, было в феодальном обществе возможным потому, что сама сила большинства была расколота. Не только субъективные иллюзии, но и объективная необходимость заставляла крестьян часть потенциала своего сопротивления обращать на поддержку феодального государства, хотя оно и было по своему глубочайшему существу органом насилия против них.

Однако проблема еще не решена. Ни защита от внешних врагов, ни защита от других феодальных властей не могли привлечь на сторону государства большую часть этого потенциала. В противном случае мы допустили бы, что средневековая монархия или республика в самом деле длительно была крестьянским или по крайней мере надклассовым

государством. Нет, большая часть потенциала крестьянского сопротивления оставалась в противоположном лагере.

Для полного решения проблемы надлежит теперь показать, что эта остальная часть крестьянского сопротивления была расколота и частично парализована совсем иного рода надстройкой — религией.

3. Средневековое христианство как надстройка, сковывавшая борьбу народных масс

Как ни сложно и многогранно здание феодального государства, как ни сложны его отношения с народом, в конечном счете это — отношения двух материальных сил, отношения насилия. В конце концов решающим является вопрос — кто сильнее: защищающее феодализм государство с его армией и всем аппаратом принуждения или народные массы, напирающие снизу на феодальную систему эксплуатации и старающиеся ее сбросить. С одной стороны, — насилие, с другой стороны, — контрнасилие. Соотношение этих материальных сил осложнено другого рода борьбой: войнами между государствами или в пределах феодального государства — между его разными «этажами», между центральной властью и местными властями. Но и эта борьба носит в конечном счете материальный характер, характер взаимного применения насилия друг против друга.

И все-таки рассмотрение феодального государства, даже с учетом осложняющих моментов, приводит к выводу, что соотношение этих материальных сил, этого насилия и контрнасилия, ни в коем случае невозможно было бы выразить в виде какого-нибудь математического равенства: потенциальная сила народного напора на феодализм снизу неизбежно больше, чем сила феодального государства (если брать вопрос в длительной исторической перспективе). Значит, не учтя дополнительно сложнейшие идеологические факторы, в частности нечто такое на первый взгляд «нематериальное», как религия, мы не сможем объяснить, как феодализм все же держался много столетий, не рушась под напором эксплуатируемой крестьянской массы.

Не противоречиво ли, однако, допустить, что этот «нематериальный» идеологический фактор участвовал в балансе чисто материальных сил, изменял его, уравнивал? Нет, не противоречиво. Дело в том, что и идея «становится материальной силой, как только она овладевает массами»⁵². Религия в средние века была именно такой «материальной

---

⁵² К. Маркс. К критике гегелевской философии права. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 422. Ср. В. И. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть? — Полн. собр. соч., т. 34, стр. 332.

силой».

Суть дела очень ясно раскрывается следующими словами Ленина: «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без речительства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»⁵³. Таким образом, функции «палача», т. е. государства, недостаточно, если она не дополняется функцией «попа», т. е. церкви, религии, воздействующей парализующим образом на насилие, идущее снизу, на революционный напор масс.

Надо разобраться в механизме этого воздействия в условиях феодального общества. Нам придется дальше строго ограничить свою задачу разбором только христианства, оставив в стороне все другие религии феодальной эпохи — религии средневекового Востока: ислам, буддизм, конфуцианство и др. Хотя в конечном счете их общественная функция была та же, что и у средневекового христианства, идеологический механизм, каким она выполнялась, был другим. Европейское средневековое христианство поэтому следует трактовать только как один из возможных примеров, но пример, несомненно, классический для феодального общества.

Здание средневековой христианской религии не менее сложно и громоздко, чем здание средневекового государства. Нелегко обнаружить его основную сущность среди множества деталей. Но и тут марксизм-ленинизм указывает надежный путь.

Религия, как и всякая надстройка, порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только зеркально отражает базис, что она пассивна. Средневековое христианство не только отражало феодальный строй, но оно потеряло бы свое качество надстройки, не было бы надстройкой, если бы не служило величайшей активной общественной силой. В центре внимания историка и должен стоять вопрос, как оно воздействовало на общественную жизнь.

«Бог, — писал Ленин, — есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, — идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу»⁵⁴.

---

⁵³ В. И. Ленин. Крах II Интернационала. — Полн. собр. соч., т. 26 стр. 237.

⁵⁴ В. И. Ленин. А. М. Горькому. — Сочинения, т. 35, стр. 93.

Если рассмотреть христианское вероучение под этим углом: зрения, как комплекс идей, направленных в конечном счете к определенным общественным результатам, закрепляющих придавленность людей эксплуатацией и усыпляющих их классовую борьбу, то сущность его можно свести к двум основным идеям, направляющим поведение людей: во-первых, к учению о том, что они должны делать (о добродетели), во-вторых, о том, чего они не должны делать (о грехе). Богословская сторона христианства лишь обосновывает и цементирует эту его практическую сторону.

Учение о том, что люди должны делать, как должны жить, при всем многообразии отдельных предписаний религии, можно свести к одному пункту: «живи не для себя». А для кого же? Блаженный Августин, как и вся христианская литература, отвечает: «для бога». Человек должен был воспитывать в себе отречение от собственных интересов не потому, что это хорошо для других, а потому, что это хорошо само по себе. Благо другого — это, так сказать, лишь косвенный результат. В лучшем случае, благо другого — это лишь средство для того, чтобы достигнуть «жизни не для себя».

Ясно, что это учение, будучи воспринято, должно было служить колоссальной помехой на пути укрепления крестьянского хозяйства и стремления крестьян к повышению уровня своей жизни. Более того, оно прямо требовало: «отдавай», — а далее уже нетрудно было показать, что раз отдавать в конечном счете надо богу, то и естественнее всего отдавать тем, кто представляет бога на земле — церкви и властям (ибо нет власти не от бога).

Таким образом, утилизируя совершенно естественную психологию крестьянина-общинника, считающего правильным жить не только для себя и даже обуздывать тех, кто во имя личных интересов вредит «миру», религия обращала эту психологию на пользу эгоистическим интересам эксплуатирующего класса.

Однако, хотя этот принцип «любви к богу» и «жизни для бога» и выдвигался христианством на первый план, главной в христианской религии была все же другая сторона: учение о грехе. Задача религии была не столько в том, чтобы уговаривать крестьянина отдавать свой труд и плоды своего труда земельному собственнику и повседневно отказывать себе в удовлетворении насущных потребностей, сколько в том, чтобы уговаривать его не сопротивляться: ведь само существование феодальной эксплуатации необходимо заставляло крестьянина отстаивать свое хозяйство, укреплять его, в этом смысле «жить для себя» и прежде всего — сопротивляться.

Учение о том, чего люди не должны делать, в конечном счете тоже, при всем разнообразии конкретных предписаний религии, сводится к одному пункту. Всякий грех — лишь видоизменение одной и той же

субстанции: «первородного греха» или греха как такового. Что же это за субстанция? Средневековые богословы дают недвусмысленный ответ: это неповиновение, восстание. Они красноречиво описывают рождение в мире греховного начала: в своей «гордыне», в «зависти» восстал против бога один из ангелов, увлекши за собой и многих других. Природа сатаны ни в чем другом и не состоит, как в самом этом акте восстания, желании низложить бога или не повиноваться богу; воля, направленная на утверждение себя, есть уже тем самым воля к неповиновению, к непослушанию. Затем сатана внес это семя греха в человека. Сущность истории о грехопадении Адама и Евы состоит в том, что они проявили непослушание, «гордыню»; суть не в том, что они съели плод, а в том, что они отказались повиноваться, захотели стать «яко бог». Запрещая есть этот плод, бог хотел повиновения, так как повиновение, говорит блаженный Августин, «есть мать и хранительница всех добродетелей; ибо тварь эта (человек) создана так, что для нее полезнее быть подчиненною, а губительно творить свою волю». В первородном грехе проявилась природа дьявола: возмущение. И в дальнейшем греховная сторона людей — это воля к неповиновению, иначе — к утверждению себя, к «превозвышению себя». Греховны не сами по себе те поступки, которые запрещены заповедями, греховны не сами плотские действия человека, а обнаруживающиеся в них непослушание и сопротивление. Всякий неповинующийся — следует за дьяволом, всякий покорный — повинуется богу. Поэтому главная добродетель христианина — смирение. «Смирение, — говорит тот же Августин, — делает покорным высшему; выше же бога нет ничего; смирение потому и возвышает, что делает покорным богу». Напротив, распря, вражда, зависть, сопротивление — все это проявление дьявольской гордыни.

Как видим, всякий грех в понимании христианства есть не что иное, как символ одного и того же духа — духа мятежа. Более того, сама человеческая свободная воля, кроме воли к повиновению, если только она не отрицалась вообще учением о предопределении, рассматривалась как основа греха. Богословы-мистики XIII–XIV вв. учили, что там, где действует воля, направленная на какую-нибудь конкретную жизненную цель, там уже присутствует невидимо грех. Не греховна только воля к «общему» и «единому», а не «частному», иначе говоря, только воля, обращенная против себя самой, воля к воздержанию от греха, воля к безволию, воля к покорности богу и к смирению.

Идея греха опутывала собою всю жизнь средневекового крестьянина. На каждом шагу его искушало влечение к греху и на каждом шагу его преследовал суровый окрик церкви. Как видим, борьба с восстанием начиналась задолго до того, как он выходил с оружием против своего угнетателя. Мысль о восстании подавлялась в его сознании еще до

того, как она успевала возникнуть, ибо восстание — это более чем грех, это грех грехов.

Учение о грехе было могучим орудием борьбы не только с восстаниями, но и с низшими формами открытого крестьянского сопротивления — частичным сопротивлением, уходами. В частности, крестьянским переселениям средневековое христианство мощно препятствовало тем, что отгораживало невидимой каменной стеной сравнительно небольшой угол феодального мира, Европу, от всех «неверных», «языческих», «пребывающих во дьяволе» народов и стран. Общение с ними, переселение к ним было для христианина тяжким грехом. С проблемой крестьянских переселений нельзя не связать и раскол христианской церкви на западную (римско-католическую) и восточную (греко-православную), оформившийся в IX–XI вв., т. е. как раз в то время, когда в Западной Европе формировалось крепостное право, а в Восточной Европе оставались еще огромные просторы крестьянских переселений. В этом смысле раскол был сначала целиком в интересах западного, католического феодального мира: выселение крестьян-католиков в православные земли стало почти невозможным, и тем самым территория возможных переселений была резко отграничена от Восточной Европы и Азии. Вернее, крестьяне-католики могли попасть туда только под началом своих господ, рыцарей-завоевателей. Не менее характерно, что в эпоху «вторичного закрепощения», в XVI в., в Германии образуется пестрая чересполосица территорий, принадлежащих к разным церквям: католической, лютеранской, кальвинистской; различие вероисповеданий служило важной дополнительной помехой крестьянам для нарушения крепостного права.

Учение о грехе также идеологически вооружало господствующий класс для борьбы с восстаниями. Поскольку восстание есть стихия сатаны — здесь не должно быть места пощаде; не только право, но долг христианина — разить мятежников мечом. Так оправдывались, кстати, жестокости рыцарей в отношении языческих племен и народов. Например, в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского дается своего рода богословское обоснование справедливости крестовых походов против язычников с помощью антитезы: покорность и смирение христиан — сатанинская гордыня и склонность к мятежам язычников. Языческие племена Прибалтики, уверяет Генрих Латвийский, восстают не потому, что их кто-либо притесняет, а потому, что их подучивает восставать дьявол, во власти которого они, как язычники, пребывают. Отсюда делается вывод, что там, где бессильна христианская проповедь, должен действовать христианский меч. Но по этому примеру можно судить, что и всякое подавление крестьянского восстания можно было объявить своего рода «внутренним крестовым походом». Лютер, когда он перекинулся на сторону князей, так им и проповедовал: «Крестьяне

отдались дьяволу... Пусть всякий колет, бьет и душит их тайно и явно, как убивают бешеных собак, пусть всякий помнит, что нет ничего более ядовитого, вредного и дьявольского, чем бунтовщик».

Но ареной деятельности религии было не столько поле битвы, когда восстание уже разразилось, сколько, так сказать, его далекое психологическое предполье. Признавая неискоренимость греховности человека, т. е. отягощенность его «первородным грехом», признавая тем самым присутствие семени сопротивления и восстания во всей окружающей среде, в каждом шаге и помысле простолюдина, христианство глушило в нем малейшие ростки этого семени угрозой страшного загробного наказания. Это было колоссальной силы контрдавление религиозной надстройки на психологию феодально-эксплуатируемого крестьянина, повседневно побуждаемого жизнью, экономическим базисом, к сопротивлению. Всякий грех подлежал наказанию как потенциальный грех восстания. Правда, наказание в основном переносилось в довольно далекую перспективу — в загробную жизнь. Но надо представить себе, как настойчиво и в каких реальных образах навязывались средневековому человеку картины адских мук. В церковных изображениях, в проповедях, в наставлениях — всюду крестьянин изо дня в день сталкивался с наглядными и потрясающими сценами мучений грешников в аду. По своей конкретности образ христианского рая неизмеримо уступал преисподней. А вера в загробную жизнь, в бессмертие души была почти непоколебимой.

В самом конце истории западноевропейского феодального общества, можно сказать, в его последний час, Вольтер, яростный враг «гадины» — католицизма, но в то же время оппортунист, вовсе не желавший развязать народную антифеодальную революцию, буржуа по уму и помещик по положению, с такой откровенной ясностью раскрыл функцию всего средневекового христианства, какая не удавалась, пожалуй, ни самым страстным противникам христианства, ни, тем более, его защитникам. Афоризмы Вольтера пояснят сказанное выше о практической, социальной стороне христианского вероучения.

Религию, суеверия — проповедовал Вольтер — надо искоренить среди порядочных, образованных людей, но оставить для черни. «Я рекомендую вам суеверие, — писал он Дидро. — Нужно разрушить его у честных людей и оставить только у черни». На полях «Истинного смысла природы» Гельвеция Вольтер написал: «Общество, состоящее из нескольких мудрых эпикурейцев существовало и будет существовать. Но большое общество, состоящее из людей грубых, невежд, бедных и корыстных, каковы девяносто из ста частей рода человеческого, такое общество не может держаться без законов и без бога». Вольтер насмехается над нелепыми баснями об аде, о бессмертии души, однако прибавляет: «Мой друг, я не более вас верю в вечный ад: но знайте, что

хорошо, когда ваш слуга, ваш портной и особенно ваш прокурор в него верят... Мы имеем дело с мошенниками, которые мало думали; с толпой мелкого люда, грубиянов, пьяниц, воров. Проповедуйте им, если хотите, что ада нет и что душа смертна. Что до меня, я буду кричать им в уши, что они будут осуждены на муки, если они меня обокрадут». «Вера в загробное наказание и воздаяние есть узда, которая необходима народу», поэтому-то «если бы бога и не было, его следовало бы избрести». «Несомненно в интересах всего человечества, чтобы существовало некое божество, которое карает то, что не может быть пресечено человеческим правосудием». «Попробуйте управлять хоть одной деревней, населенной атеистами». «Потеряв веру в бога, станет ли честнее твой арендатор? Став атеистом, он конечно будет платить меньшую ренту». Возражая на религиозный скептицизм Бейля, Вольтер возмущается: «Во всех странах чернь нуждается в величайшей узде. Очень вероятно, что если бы Бейль имел всего 500-600 крестьян в подчинении, он не преминул бы провозгласить им бога, мстящего и вознаграждающего». Как ни нелепы церковные суеверия, но «для черни, которая недостойна быть просвещенной, всякое ярмо хорошо». Просвещение побудило бы «чернь» подумать о своем положении: «Вовсе не все бедняки являются несчастными. Большинство их родилось в этом состоянии и постоянная работа мешает им почувствовать как следует их положение; но когда они его чувствуют, тогда мир видит войны, подобные войне народной партии против партии сената в Риме, крестьянским войнам в Германии, в Англии, во Франции». «Все пропало, если чернь начинает философствовать», без слепой веры в карающего и вознаграждающего бога «чернь превратится в орду разбойников». «Чернь — хищный зверь, которого надо держать на цепи страхом виселицы и ада».

Так писал буржуа, но буржуа, предупреждавший буржуазию об опасности слишком радикального уничтожения инструментов, с помощью которых господствовало дворянство. Он объяснял революционному авангарду своего класса, Дидро и Гельвецию, что «порядок» в прошлом поддерживался не только с помощью «законов» и «правосудия», но и с помощью идеи «бога», не только палачом, но и попом, не только страхом виселицы, но страхом ада. Однако, защищая бога, попов и ад, Вольтер тем самым блестяще разоблачил их. Поэтому-то циничные призывы этого «просветителя» «не разрушать суеверий у черни» так ценны для всякого исследователя средневековой религии.

Итак, главным в средневековом христианстве было подавление греха, иными словами, всякого духа неповиновения, страхом ужасных загробных наказаний, «страхом ада».

В этом смысле религия мало отличалась от государства: ведь и государство действовало гораздо более угрозой наказания, чем реальным

наказанием, которое практически применялось, разумеется, не так уж часто, а церковь в свою очередь не всегда только устрашала, а подчас и в этом мире наказывала весьма реальными средствами, начиная от штрафов и кончая казнями. Сущностью религии было, как видим, то же, что было и сущностью государства: подавление угрозы восстаний — угрозой наказаний.

Но между ними была и глубокая разница. Государство располагало действительной огромной силой для осуществления своих угроз. Авторитет лишь подкреплял эту материальную силу. Напротив, церковь располагала неизмеримо меньшими материальными возможностями и в основном действовала идейным внушением. Но почему же ей верили? Почему логика экономических интересов и классовой борьбы не опрокинула фантастическое здание религии, вставшее на пути? Иначе говоря, как могла религия настолько овладеть сознанием масс, что сама стала материальной общественной силой?

Этот вопрос требует разбора, если мы хотим дойти до конца поставленной задачи.

Ленин писал: «Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс»⁵⁵. Это ленинское требование как раз и толкает к выяснению причин, побуждавших массы верить христианскому учению, поддаваться его идейному воздействию.

В конце концов воздействовать на поведение людей можно было лишь одним из двух способов: наказанием или поощрением. Авторитет феодального государства, поскольку оно не действовало наказанием, вырастал не из чего иного, как из поощрения коренного стремления крестьянства — защищать свое хозяйство от экспроприации, но только стремления, строго ограниченного определенными условиями и рамками. Не пользовалось ли и идеологическое обуздание таким же приемом?

Незачем убеждать кого-либо в том, что тот уже сам считает правильным, но и невозможно убедить его в том, что он, хоть отчасти, уже не считает правильным. Обычно убежденный соглашается, что ему помогли лучше понять его собственные мысли, его собственные интересы. Нельзя убедить человека в том, что противоречит его интересам, если только не скрепить, не спаять рядом логических звеньев то, чего от него ждут, с его интересами. Тем более, если речь идет не о

---

⁵⁵ В. И. Ленин. Об отношении рабочей партии к религии. — Полн. собр. соч., т. 17, стр. 418.

второстепенных, а о коренных, глубочайших, неискоренимых интересах. Убеждающий, если он хочет рассчитывать на успех, всегда должен в известной мере присоединиться к убеждениям убеждаемого. Проповедь повиновения и смирения среди крестьян, побуждаемых к сопротивлению коренными условиями их жизни, осталась бы просто гласом вопиющего в пустыне, если бы она не использовала в качестве аргументов их собственные думы и настроения. Но чем менее развита способность логического опровержения и самостоятельного привлечения новых фактов, тем легче поддается сознание связыванию понятий, хотя бы на самом деле друг другу противоречащих. Этим и пользовалась религиозная проповедь.

Политическая история средневековья показывает, что моральный авторитет королевской власти был тем выше, чем в большей степени крестьяне видели в короле соучастника и даже вожака своей борьбы и ошибочно рассматривали королевскую власть как силу не утверждающую, а отрицающую окружавшую их реальную общественную действительность. В еще большей мере это можно сказать о христианской церкви. Ведь она на словах радикальнейшим образом отвергала эту реальную общественную действительность: она не только соглашалась, что последняя плоха, но как бы захватывала инициативу в ее отрицании. С первых веков своего существования христианская религия защищала земные порядки тем путем, что отвергала их, хулила здешний мир, как порочный и подлежащий уничтожению, строила ему смелую антитезу в перспективе: наступит день, когда осуществляются народные чаяния справедливости, угнетатели будут наказаны, все станут равны. Это будет «божие царство» — прямая противоположность земной действительности, «земному граду».

Новейшие исследования показывают, что генезис христианства восходит к идейным обрывкам подлинного исторического народного восстания — иудейского восстания против Рима⁵⁶. Легенда о погибшем вожде этого восстания превратилась в легенду о том, что он в сущности не погиб, что он бессмертен и неминуемо придет еще раз, на этот раз для победы, для уничтожения «Рима».

Как известно, Энгельс в работе «К истории раннего христианства» показал, что христианство первоначально сложилось как своего рода революционная религия рабов, мелких крестьян, городской бедноты. «Где же был выход, где было спасение для поработенных, угнетенных и обнищавших — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? И все же найти такой выход было необходимо, чтобы одно великое револю-

---

⁵⁶ Р. Ю. Вунтер. Рим и раннее христианство. М., 1954; А. Робертсон. Происхождение христианства. М., 1956.

ционное движение охватило их всех.

Такой выход нашелся. Но не в этом мире»⁵⁷.

Впрочем, Энгельс подчеркивает, что «социальное переустройство» первоначальное христианство хотя и переносило из этого мира в потусторонний, но все же обещало «в недалеком будущем»⁵⁸.

Раннее христианство спланивало всех «страждущих и обремененных» в единой вере — вере в скорую гибель «Рима», соединяло их в единую армию, которая вскоре пойдет на эту твердыню под руководством Христа, Мессии, обещавшего в близком будущем вернуться. «Приидите ко мне, все трудящиеся и обремененные, и я успокою вас», «блаженны нищие — ибо их царство божие», — такие призывы Евангелие приписывало Христу. Христианство порвало с обрядностью старых религий, с жертвоприношениями и другими местными, локальными ритуалами, которые мешали бы ему спланивать широчайший фронт недовольных⁵⁹: «Нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (из Послания к колоссянам).

Возникновение христианства можно понять только в свете большого исторического вопроса — вопроса об антирабовладельческой революции. Оно постепенно подготовило необходимые идеологические условия этой революции, в том числе минимальную возможность взаимопонимания разнообразных варварских племен и римских социальных сил, боровшихся против рабовладельческой империи. Можно сказать, что христианство так же предшествовало антирабовладельческой революции, как передовая идеология XVII–XVIII вв. предшествовала французской антифеодальной революции. Это была сначала подлинно революционно-демократическая идеология, хотя, разумеется, и стоявшая на уровне своей эпохи. Идеи первоначального христианства, по словам Энгельса, сделали его «одним из самых революционных элементов в истории человеческого духа»⁶⁰. О том же писал Ленин: «...Христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом»⁶¹.

Энгельс допускал даже возможность сравнения многообразных раннехристианских сект с пестротой раннего рабочего движения. Он писал: «Но вот что Эрнест Ренан сказал хорошо: "Если хотите ясно представить себе, чем были первые христианские общины, то не сравни-

---

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 423.

⁵⁸ Там же, стр. 409.

⁵⁹ А. Б. Ранович. Очерк истории раннехристианской церкви. М., 1941.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 419.

⁶¹ В. И. Ленин. Государство и революция. — Полн. собр. соч., т. 33, стр. 43.

вайте их с современными приходскими общинами; они скорее напоминают местные секции Международного товарищества рабочих". И это верно. Христианство так же, как и современный социализм, овладело массами при наличии среди них различных сект и даже более — при наличии противоречивых индивидуальных взглядов, из которых одни были ясные, другие путанные, причем последних была большая часть; но все они находились в оппозиции к господствующему строю, к "властям предержащим"⁶². Энгельс дал замечательное изложение идеи равенства людей в раннем христианстве «как религии рабов, изгнанников, отверженных, гонимых, угнетенных»⁶³.

«После победы христианства, — продолжает Энгельс, — этот момент отступил на задний план...»⁶⁴ Обратим внимание на то, что, по мысли Энгельса, этот момент не исчез в победившем христианстве, а «отступил на задний план». Вот что нередко игнорируется при изучении позднейшего христианства как идеологической надстройки.

Несомненно, что задолго до апогея антирабовладельческой революции, к концу III — началу IV в., христианство подверглось уже глубокому перерождению. Оно потеряло свой открыто революционный характер. Руководство в церкви захватили те течения, которые мирились с существующим порядком вещей, отвергали веру в близкий срок пришествия Мессии и в необходимость скорой расправы с «супостатами», проповедовали вместо ненависти к ним — любовь и всепрощение и т. д. Христианство стало своей противоположностью — государственной религией гибнущего Рима, как небо от земли отличавшейся от духа древнего «Апокалипсиса», где, по словам Энгельса, «проповедуется неприкрытая месть, здоровая, честная месть гонителям христиан»⁶⁵.

Впрочем, — если уж позволить себе еще раз прибегнуть к той же аналогии, — ведь и антифеодальные идеи «просветителей» были одно время превращены в государственную идеологию феодального «просвещенного абсолютизма». Подлинное же демократически-революционное ядро этих идей все-таки не было убито. Руководители христианской церкви и при рабовладельческом и при феодальном государстве никогда не могли бы и не пытались до конца вычеркнуть из сознания масс ядро тех представлений, с которыми христианство возникло. Идейное наследство революционной эпохи, закончившей античность, продолжало жить в сознании людей на протяжении всего средневековья.

---

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 159.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 367.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 424.

Таким образом, превращение христианства в собственную противоположность надо рассматривать не просто как замену одной идеологии совершенно другой, а как искажение, извращение прежней революционной идеологии. «Религиозное убожество, — писал Маркс, — есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества»⁶⁶. Вот о протесте-то и нельзя забывать. «Религия — опиум для народа», а опиум, как известно, не просто снотворное: опиум — это средство одновременно и возбуждающее и усыпляющее, создающее иллюзию активности вместо действительной активности.

В течение всех средних веков люди считали, что они по-прежнему живут в римском государстве, отождествляли существующие порядки с «Римом» и верили, что низложение «Рима» будет окончательным уничтожением всякого угнетения. Крестьянские массы дышали атмосферой напряженного ожидания этого переворота, который будет «страшным судом» над их притеснителями. Одни представляли себе, что это будет подлинное восстание, когда праведные будут мечом побивать неправедных, другие, — что неправедные, охваченные ужасом, и не посмеют сопротивляться. Но ведь суть всякого восстания не в желании драться, а в желании победить, — тем лучше, если победа достигается без сопротивления. В этом смысле христианская церковь не только не противилась воле к восстанию, но на словах продолжала поощрять ее. Она не только не противилась мечтам о неизбежности и необходимости уничтожения всего существующего строя, «Рима», «земного града», но непрерывно лицемерно звала готовиться к грядущему перевороту, даже брала на себя функцию генерального штаба этого переворота. Христианская церковь в течение всего средневековья на словах смело гарантировала каждому осуществление рано или поздно того низвержения и наказания его притеснителей, к которому он не мог не стремиться, — если только он будет ее слушаться. Она вселяла в крестьян уверенность в победе, демагогически разжигала их жажду справедливости и мести, она обещала им больше того, о чем они сами смели мечтать. Могли ли они после этого ей не верить?

Весь вопрос был только в сроке. Когда именно наступят «последние времена» — ответ на этот вопрос характеризует всю историю перерождения христианства, всю историю религиозной борьбы в средние века. Массы хотели «последнего часа», «страшного суда» как можно скорее. Но «штаб восстания» требовал выдержки, терпения, — до решающего дня, который будет выбран самим вождем, Мессией.

В этом пункте христианство опять-таки использовало психологию

---

⁶⁶ К. Маркс. К критике гегелевской философии права. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 415.

самого восстания. Три формы открытого крестьянского сопротивления с психологической точки зрения представляют определенную эволюцию. Частичное сопротивление есть непосредственная реакция на ближайшее бедствие. Уход представляет уже нечто психологически гораздо более сложное: это — реакция не только на ближайшее бедствие, но и на всю совокупность сложившихся условий, и не непосредственная, а требующая долгих приготовлений, расспросов, учета цепи предвидимых обстоятельств и т. д. Восстание психологически еще сложнее, хотя господствующий класс и трактовал его как «бешенство», «неистовство», «ярость» мужиков. Восстание, будучи действием в гораздо большей степени коллективным, чем обе предыдущие формы сопротивления, требует высокой степени подчинения непосредственных импульсов далекой цели и подчинения индивидуальной воли — руководству. Громить надо в данный момент подчас вовсе не того сеньора, который обижал данного крестьянина; выступать надо не в тот момент, когда хочется, а ждать назначенного срока; бороться надо не столько за свои интересы, сколько за общую победу, не щадя своей жизни. Словом, восстание требует подчинения воли всех участников воле руководителя, полного доверия к нему, готовности ждать.

Вот эту-то психологию восстания и эксплуатировала христианская церковь. Она говорила крестьянину: руководитель бдит; будь готов, ибо в любое мгновение он может дать сигнал, каковым будет оглушительный трубный глас; срок близится; ты примешь участие в великом перевороте и все твои враги получают по заслугам; если ты и не доживешь до срока, спи спокойно в могиле, ты все равно примешь в нем участие, ибо трубный глас разбудит тебя, и ты восстанешь. И крестьянин не мог не прислушиваться к этим обещаниям. Было расчетливее подождать, потерпеть, покряхтеть, зато получить в конце концов обеспеченную, надежную победу в руки. Иной и умирал с улыбкой заговорщика и победителя. В приходской церкви он каждое воскресенье видел традиционное изображение «пляски смерти»: смерть уже делает равными всех, господ и крепостных, богатых и бедных.

Таким образом, средневековое христианство выполняло свою основную задачу — «отваживать их (угнетенных. — *Б. П.*) от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»⁶⁷ — не просто запрещая революционные действия угнетенных масс (простого запрещения не стали бы слушаться), но оседлав само их революционное настроение, саму их революционную решимость. Взяв на себя роль руководящего органа грядущей революции, церковь в течение столетий уверенно играла с огнем народной антифеодальной стихии, держала в руках эту страшную

---

⁶⁷ В. И. Ленин Крах II Интернационала. — Полн. собр. соч., т. 26, стр. 237.

бурю, откладывала ее взрыв на «завтра». Потому-то, кстати сказать, массы, не прекословя особенно, и принимали фантастическую веру в воскресение мертвых и загробную жизнь, что это бессрочное «завтра» связывалось в их сознании с революционным переворотом, в котором каждому хотелось принять личное участие, с установлением лучшей жизни, которой каждый из них хотел дожидаться. А уж церковь, так сказать, заодно заставляла веровать и в страшные загробные муки, ожидающие «грешников», восстающих до срока, непокорных ей.

Какую гигантскую стихию потенциальной народной активности держала в руках средневековая церковь, это она лишь отчасти, лишь в крошечной доле демонстрировала в те моменты, когда ей надо было, опираясь на эту оседланную силу, отстоять, укрепить или расширить свое собственное могущество в феодальном мире. Против светской власти или конкурирующей церкви она развязывала лишь небольшое отверстие в тех мехах, в которых держала бурю, — и неистовый ураган не сдерживаемой народной ненависти, ураган так называемого религиозного фанатизма обрушивался на ее противника. В средние века «чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, ее собственные интересы должны были представляться ей в религиозной одежде»⁶⁸. Так бывало и в раннем средневековье и в позднем, в движениях и реформации и контрреформации. «Католическая лига» во Франции XVI в. некоторое время поддерживалась широчайшими народными антифеодальными восстаниями, окрашенными в тона самого безудержного религиозного энтузиазма. Крестьянские движения на протяжении всего средневековья то и дело приобретали окраску крайней религиозной экзальтации; даже в XVIII в. во Франции мы наблюдаем ее в восстании камизаров⁶⁹. Не случайно тот же самый Вольтер, который так откровенно объяснял социальную опасность атеизма, развязывающего «бешенство черни», считал не менее опасным и религиозный фанатизм, и по той же самой причине: как другой источник проявлений «бешенства» «черни». «Да, друзья мои, атеизм и фанатизм, — писал он, — это два полюса мира смятения и ужаса. Небольшой пояс добродетели находится между ними». Разумеется, мы не поставим на одну доску атеизм и религиозный фанатизм как силы, раскрепощавшие массовые действия в феодальном обществе. Религиозный фанатизм не раскрепощал их, а только свидетельствовал, кем они закрепощены. Но двойственность жупела Воль-

⁶⁸ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 675.

⁶⁹ А. И. Коробочко. Восстание камизаров (1702–1705 гг.). — «Средние века», вып. III, 1951; он же. Программа движения камизаров и извращение ее во французской буржуазной историографии новейшего времени. — «Уч. зап. Гомельского пед. ин-та», вып. 1, 1954; А. С. Варшавский. Преследование протестантов и народное восстание 1702–1704 гг. во Франции. Автореф. канд. дисс. М., 1952.

тера отвечает двойственности механизма, которым средневековое христианство обуздывало угнетенные массы. Ведь под «атеизмом» он понимает неверие в загробное наказание за грехи, за проступки против эксплуататорского «порядка». А под «фанатизмом» — то, чем церковь снискивала доверие: ее соучастие, хотя бы словесное и показное, в народном отрицании этого эксплуататорского «порядка», ее потенциальную способность двигать массами.

Ленин в работе «Крах II Интернационала» и в других местах сравнивал социальную роль оппортунистов в рабочем движении, социал-демократов, с социальной ролью попов. И в самом деле, и те и другие — агентура господствующих классов в массах. Ленинское сравнение помогает понять не только механику оппортунизма, но и обратно, для тех, кто хорошо разобрался в оппортунизме, — механику религиозного воздействия на массы в историческом прошлом.

Христианство на протяжении средневековья, будучи могучим рычагом защиты и укрепления феодального строя, вместе с тем на словах не переставало быть идеологией протеста, идеологией отрицания окружающей действительности. Без этого оно непонятно, без этого оно не могло бы служить господствующему классу. То, что сделало христианство, по цитированным словам Энгельса, «одним из самых революционных элементов человеческого духа», продолжало привлекать к себе угнетенные народные массы. Они считали христианство своей идеологией; недаром на Руси крестьянство и христианство обозначались одним и тем же словом («хрестьяне»).

Массы обращали свои взоры к церкви потому, что чувствовали свою беспомощность, неорганизованность, распыленность в борьбе с угнетателями. Казалось, церковь брала на себя роль организующей их партии: она как будто давала массам именно то, чего им так остро не доставало: общую задачу, единство, словом, преодоление разрозненности. Но это был мираж! На самом деле христианская церковь не собиралась вести их на борьбу, она стремилась отвести их от борьбы. Она достигала этого тем путем, что относилась к их освобождению и установлению справедливого божьего «тысячелетнего царства» все дальше и дальше в будущее, в жизнь после воскресенья из мертвых, в потустороннюю жизнь.

Таков основной механизм, который делал религию материальной общественной силой, с помощью которого она усыпляла классовую борьбу и превращала волю к борьбе в согласие терпеть. Таков способ, с помощью которого она сплела в один клубок думы и чаяния народа о справедливом строе и расправе над угнетателями — с угрозой страшных мук за неповиновение, густо переплетя и как бы сцементировав это противоречивое соединение огромным количеством архаических басен и мифов, ритуалов и культур.

Важнейшим принципом христианского вероучения был принцип, что все его элементы — неразрывное целое. Нельзя нарушить или отбросить в нем ни малейшей детали, не разрушив сразу всего целого. Более того, целое стремилось к максимально полному охвату всех знаний, мыслей и чувств, всех уголков сознания крестьянина. Он не должен знать об истории ничего, кроме истории Ветхого и Нового завета, да истории жизни святых, из географии ничего, кроме библейской географии и т. д. Живопись, скульптуру, поэзию, театр, музыку — все церковь вовлекала в свою орбиту и по мере сил перемешивала и сплетала с религиозными догматами и культами. В течение всего средневековья церковь старалась удерживать «универсализм» христианской культуры и мировоззрения, т. е., так сказать, припаивать все появляющиеся в обществе новые знания и идеи к этому целому, ядром которого было богословие.

Иначе говоря, это было борьбой за монополию христианской религии и церкви на все сознание, на всю культуру народа. Средневековое христианство старалось всякий раз поглотить или истребить непринадлежащую к нему, как единому целому, форму сознания или культуры, лишь только она появлялась. Наличие таких не монополизированных уголков сознания и культуры было смертельной опасностью для социальной функции средневекового христианства. Ведь его учение о грехе, о повиновении, о безусловном уничтожении эксплуатации и гнета в будущем, было учением в сущности принудительным, хотя и служило средством убеждения людей: это было такое «убеждение», от которого «убеждаемому» некуда спрятаться, перед которым он безоружен.

Требовалось немало своеобразной изощренности ума средневековых богословов и схоластов, чтобы вести эту повседневную работу по монополизации христианской религией и поглощению ею идейных ростков, появлявшихся снова и снова в феодальном обществе вне рамок этой монополии. Но за кропотливыми ухищрениями схоластов нельзя забывать, что в конечном счете социальное острие этой огромной машины суеверий, предрассудков, догматов и знаний было направлено не к кучке ученых монахов, а к основной массе населения, т. е. прежде всего к крестьянству. Это социальное острие сводилось к одной точке, к одному решающему запрету: не сопротивляйся! повинуйся!

По существу главным звеном в церковной иерархии был сельский, приходский священник, внушавший это изо дня в день крестьянам, в свою очередь знавший все их думы и сомнения и по мере надобности получавший сверху, от богословов и руководителей церкви, идеологическое вооружение. На нем, на сельском священнике, скрещивались оба мощных идейных напора — снизу и сверху. Если средневековая

церковь владела сознанием масс, то только благодаря тому, что располагала этим разветвленным аппаратом для непосредственного, тесного, интимного общения с массами. Средневековая церковь — это прежде всего не папы или патриархи, не епископы и прочие прелаты, словом, не иерархи и князья церкви, которые более всего бросаются в глаза историку, не ученые схоласты, богословы, основатели орденов, а несчетная армия невидного низшего, сельского духовенства. Это был подлинный «передний край» фронта.

Энгельс отмечал, что высшее и низшее духовенство в средние века представляло собой по своему имущественному положению как бы два разных класса, что низшее духовенство не получало почти ничего от огромных церковных доходов и существовало близко к условиям жизни массы, почти как простые плебеи и крестьяне⁷⁰. Но это, разумеется, не значит, что низшее духовенство было по существу чем-то второстепенным в средневековой церкви. Напротив, скорее высшее духовенство являлось всего лишь надстройкой над ним. Поскольку церковь подавляла народное сопротивление феодальной эксплуатации, она и сама могла стать и стала феодалом-эксплуататором; но если бы в качестве феодалов, получателей церковной феодальной ренты, выступали те самые круги духовенства, которые непосредственно идейно воздействовали на массы, церковь потеряла бы свое влияние. Энгельс указывает, что «привольная жизнь откормленных епископов, аббатов и их армии монахов вызывала зависть дворянства и негодование народа, который должен был все это оплачивать, и это негодование становилось тем сильнее, чем больше бросалась в глаза кричащее противоречие между образом жизни этих прелатов и их проповедями»⁷¹. Но сельские священники, которые по преимуществу обращались с проповедями к народу, не вкушали ничего от этой привольной жизни. Естественно, что «народная ненависть к попам обращалась против них лишь в единичных случаях»⁷². Таким образом, благодаря этому резкому расслоению духовенства церковь могла быть, с одной стороны, феодалом, пожинавшим плоды забитости крестьянства, а с другой стороны, — его мнимым другом, «соучастником» и чуть ли не «зачинщиком» его негодования против феодализма.

Энгельс отмечает, что для этой «плебейской части» духовенства, жившей среди народа, общим правилом было даже участие в народных движениях, что «из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них, выступив в качестве представителей плебеев и

---

⁷⁰ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 352–353.

⁷¹ Там же, стр. 351.

⁷² Там же, стр. 352.

крестьян, окончили из-за этого свою жизнь на эшафоте»⁷³. Иначе говоря, в моменты наибольшего напора народного недовольства этот напор, как неудержимый прилив, отчасти поднимал вместе с собой и нижний пласт духовенства, искренне переходившего на сторону народа, — свидетельство огромной упругости, эластичности церкви, что и давало ей возможность никогда не отрываться от масс. Но сохранив доверие масс, церковь использовала это лишь для того, чтобы в конце концов свести на нет их напор. Бесчисленные кадры той же «плебейской части» духовенства кропотливой будничной работой восстанавливали в сознании масс тормоз, пресекавший революционную борьбу с феодализмом.

Главная сила аппарата средневековой церкви была обращена против крестьянства. Обработка сознания горожан и различных групп самого господствующего класса представляла сравнительно с этим второстепенную задачу. Низшее духовенство далеко не так плотно блокировало эти социальные слои, как крестьянство. Поэтому-то среди них и отчетливее можно наблюдать в средние века противодействие монополии религии на всю духовную жизнь общества. Но глубочайшие истоки этого противодействия лежали в крестьянстве. В городах, в рыцарских замках, в монастырях время от времени успевало расцвести светское искусство, или признание прав человеческого разума, или какое-либо еретическое учение. Но это было не столько выражением собственных духовных потребностей горожан, рыцарей или монахов, сколько отзвуком духовных потребностей основной массы народа, отзвуком, прорвавшимся в этих чуждых стенах, однако и искаженным ими, преломленным через чужие интересы, полузаглохшим.

Впрочем, и среди этих слоев появление трещин или даже трещинок во всеохватывающей монополии религии на духовную жизнь было редкостью в средние века. Что же касается крестьянства, то тут духовенство неуспешно и настойчиво боролось за монополию. Ее удержание было необходимым условием существования феодального строя.

Итак, средневековое христианство было тормозом огромной силы, наложенным на социальное поведение миллионов людей. Жизнь требовала борьбы, а все их сознание было обработано так, что требовало воздержания от «греха» борьбы.

«...Кто утешает раба, вместо того, чтобы поднимать его на восстание против рабства, тот помогает рабовладельцам», — писал Ленин⁷⁴.

Социальные принципы средневекового христианства с огромной силой выразил Маркс:

«Социальные принципы христианства оправдывали античное раб-

---

⁷³ Там же.

⁷⁴ В. И. Ленин. Крах II Интернационала. — Полн. собр. соч., т. 26, стр. 237.

ство, превозносили средневековое крепостничество...

Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов — господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему благодетельствовал.

Социальные принципы христианства переносят на небо обещанную... компенсацию за все испытанные мерзости, оправдывая тем самым дальнейшее существование этих мерзостей на земле.

Социальные принципы христианства объявляют все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которые господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает людям во искупление их грехов.

Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность...»⁷⁵

Так идеологическая надстройка воздействовала на сознание народных масс, защищая тем самым от их ударов феодальный экономический базис. Но этот базис с необходимостью порождал снова и снова потребность угнетенных масс в борьбе, в сопротивлении гнету.

Что же в конце концов сильнее — экономические условия жизни или сознание? Материальные потребности не могли не прокладывать себе дорогу, не одерживать верх над ложным сознанием. Жизнь требовала сопротивления, восстаний, — нельзя было без конца только ждать и ждать обещанного переворота; значит, чтобы восставать на деле, надо было сбросить этот гнетущий тормоз. Но отбросить мысль можно только мыслью. И вот, совершенно так же, как доморощенное оружие крестьян все-таки преодолеvalo превосходящее оружие господствующего класса и заставляло последний перевооружаться, так и мысль крестьян все время противилась, ускользала из-под влияния догматов христианства и заставляла эволюционировать и усложняться идеологию господствующего класса.

Первым условием духовной эмансипации было преодоление самого принципа монополии религии на всю сферу сознания народа. И народ действительно настойчиво отстаивал и творил свои предания, обычаи, сказки, поговорки, песни, которые церковь тщетно клеймила как «языческие». Они в самом деле были не только чужды христианству, но нередко содержали и зерно насмешки над ним (например, «праздники шутов»). Они создавали у народа чувство, что можно подчас обойтись и «своим умом».

Вера в «ум» неискоренимо жила в крестьянской массе. Его житей-

---

⁷⁵ К. Маркс. Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 204.

ские проявления — расчетливость, смышленность, «сметка», «хитреца» — не только были нужны крестьянину как хозяину, но и прославлялись в устном народном творчестве. А этот глубоко привлекательный для крестьянина идеал «ума» в свою очередь влек с собою и похвалу «умному», правильному, — независимо от суждений церкви; при всей непоколебимой вере крестьянина в правильность письменного слова («писания»), правильность означала для него и соответствие с действительностью, т. е. реалистичность представлений, а также и справедливость, правду, право. Таким образом, в гуще средневекового крестьянства таились некоторые идейные потенции, могущие превратиться в антитезу слепому авторитету христианского вероучения.

Гигантскую подрывную силу скрывали в себе и попытки крестьянского сознания вырваться из христианского плена путем апелляции к «старине». Авторитет «исконности», «древности» был для крестьянства не менее могуч, чем авторитет «ума». К каким-то полувывымышленным «старому» закону, «старой» правде, «старому» обычаю настойчиво требовали вернуться крестьянские движения и раннего, и позднего средневековья. Сколько ни клеймила церковь все, предшествовавшее христианству, все античное и варварское как «язычество», его пережитки и смутные воспоминания тайно будили доверие к себе в крестьянском мозгу — именно благодаря своей извечности, исконности. Привлекали доверие и предания о первоначальном «чистом» христианстве.

Цепляясь за все это, крестьянское сознание «упиралось», не давало легко тащить себя на поводу христианских канонов. Все это не могло развиваться в самостоятельную идеологию, но постоянно порождало отдельные сомнения, отклонения, — и духовенство ясно ощущало большее или меньшее идейное сопротивление «паствы». И уже такое неясное сопротивление подчас ослабляло тот тормоз, который религия накладывала на стихийную тягу крестьянства к борьбе с окружающей действительностью.

А. М. Горький писал: «...Народ не только сила, создающая все материальные ценности, он единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных»⁷⁶. Если мы хотим полностью понять роль народа в духовной жизни средних веков, мы не должны ограничиваться поисками и изучением особой народной культуры: фольклора и т. п. Не менее важно изучать роль народа в расшатывании господствовавшей культуры — авторитета официальной церкви. Надо изучать в разных конкретных исторических условиях кривую народного неподчинения существующему идейному руководству, то незаметную, то вдруг проявляющуюся «неподатливость умов», «несговорчивость», «невосприимчивость к голосу веры и разума», иногда небольшое, иногда резкое

---

⁷⁶ М. Горький. Литературно-критические статьи. М., 1937, стр. 26.

изменение степени внушаемости масс, «упадок веры». Вот необозримое поле для исторических исследований! Отказ простых людей думать так, как учат верхи, но и неспособность низов создавать свою собственную идеологию, — таков механизм развития средневековой культуры. Отказ, неповиновение, недоверие тех, на кого в конечном счете вся эта культура призвана была воздействовать, — вот стимулы, заставлявшие ее волей-неволей перестраиваться и обновляться.

Так, Энгельс говорит, что «у Абельяра главное — не сама теория, а сопротивление авторитету церкви»⁷⁷. Теория у Абельяра не выходит за рамки католической феодальной идеологии, и католические мракобесы ныне не без основания провозглашают Абельяра непосредственным предшественником своего кумира — Фомы Аквинского. Но для историка важно, что идеи Абельяра сначала отвергались церковью, что даже незначительное обновление идеологии господствующего класса осуществлялось через борьбу, которая косвенно, отдаленно отражала «сопротивление авторитету церкви», поднимавшееся во французском народе в XI–XII вв.⁷⁸ Новейшими исследованиями доказано, что идеология «иоахимитов», реформаторов христианства в Италии XIV–XV вв. косвенно отразила рост крестьянского сопротивления феодализму и рост крестьянского неверия в догматы ортодоксального вероучения⁷⁹. Таких исторических примеров несчетное множество.

Итак, сознание народных масс неустанно искало возможности, основания, чтобы сбросить тот тормоз, который религия накладывала на тягу к борьбе, порождаемую в этих массах их экономическим положением.

Но сознание это было слабо, беспомощно. Даже если оно дорастало до прямого идейного сопротивления господствующему вероучению, это сопротивление, как правило, отнюдь не выходило из рамок христианской религии, а лишь приобретало характер «ересей»⁸⁰.

⁷⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 300.

⁷⁸ Ср. *Н. А. Сидорова*. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. (К вопросу о реакционной роли католической церкви в развитии средневековой культуры). М., 1953.

⁷⁹ См. *С. Д. Сказкин*. Первое послание Дольчино. — В кн.: «Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию акад. В. П. Волгина». М., 1955. С. М. Стамом было высказано мнение, что уже в мировоззрении самого Иоахима Флорского (XIII в.) косвенно отразились антифеодальные настроения крестьянства (*С. М. Стам*. Иоахим Калибрийский. Автореф. канд. дисс. М., 1948). Но М. М. Смириным («Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война». М., 1955) приведены аргументы в пользу того, чтобы относить такое представление только к позднейшим последователям Иоахима.

⁸⁰ По истории ересей и борьбы церкви с народными движениями в России см. *Н. А. Казакова* и *Я. С. Лурье*. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.–Л., 1955; *А. И. Клибанов*. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960; *А. М. Самсонов*. Антифеодальные народные восстания в Рос-

«Ересь» — это отрицание того или иного, пусть даже второстепенного пункта в установленном вероучении и культе. Именно вследствие полной спаянности, «универсализма» средневекового христианского вероучения достаточно было отвергнуть не все его догматы, а любую деталь, чтобы тормоз оказался сброшенным. Раз в нем ложно что-нибудь, значит есть другое, истинное вероучение, в котором ничто не ложно, следовательно, эта официальная церковь — обманщица. А если она обманщица, значит она слуга сатаны, и ее, как и всех, кого она защищает, христиане обязаны побивать мечом. Значит можно и должно восстать. Вот как объясняется тот удивительный на первый взгляд парадокс, что большие народные движения в средние века подчас начинались по поводу совершенно пустякового спора о том, как правильно следует причащаться, креститься и т. д. Такой спор, разумеется, не был причиной восстания, но он сбрасывал тот тормоз, которым церковь сдерживала восстание. Поэтому-то революционные антифеодалные крестьянско-плебейские движения выступали под видом религиозных движений.

Повод для возникновения ереси всегда могли дать те или иные предания о «старине», о раннем христианстве, те или иные противоречия в религиозных текстах и догматах. Нередко крестьяне получали этот повод уже более или менее «отделанным» из городской среды, как было и с их оружием. Наличие же в духовной жизни крестьянина отгороженного от влияния религии участка, где, несмотря ни на что, царил «свой ум», давало возможность этому семени ереси втайне созреть.

Почти все крестьянские движения средних веков, по крайней мере до конца XVI в., были в той или иной мере облечены в идеологическую форму ереси, так же как и обратно, почти все ереси, носившие крестьянско-плебейский характер, были соединены с открытыми восстаниями⁸¹ (или по крайней мере с массовыми уходами, как раскольниковство в России).

Разумеется, ереси не ограничивались второстепенными пунктами вероучения и обрядности. Отчасти в сознании самих крестьян, в особенности же в городах, средоточиях средневековой образованности, а также в монастырях, подчас даже в замках, негативный подрыв веры, с которого начиналась ересь, перерастал в позитивную антиверу, изменявшую уже не частность, но и те стороны христианства, которые составляли его сущность.

Во-первых, ереси придавали новое толкование принципу «живи не для себя», превращавшее его в прямое отрицание господствующих

сии и церковь. М., 1955.

⁸¹ См. *Ф. Энгельс*. Крестьянская война в Германии. — *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 7, стр. 362–363.

классов. Борющийся против эксплуатации народ говорил господам: ладно, давайте жить не для себя, но только уж последовательно: откажемся от имущества и благ жизни (аскетизм), от собственности (сектантский коммунизм), — сразу станет видно, кому это труднее сделать и кто, следовательно, на самом деле живет «для себя», а не «для бога», а значит и является врагом бога.

Во-вторых, ереси пересматривали учение о грехе. Они по крайней мере устранили тезис, что всякий грех произошел из восстания. Манихейство, косвенно питавшее многие ереси, утверждало, что зло не есть неповиновение добру, а всегда было равным добру началом. По большей части связь ересей с манихейством выражалась не в оправдании зла, а в изменении понятия греха. Секта «братьев общего духа» учила, что понятие греха вообще отсутствует применительно к людям, постигшим истинную веру, т. е. раскрепощала таким образом своих приверженцев от страха загробного наказания. Нередко в ересях прорывались бурные попытки легализовать отдельные виды «греха» и даже вообще все грехи, как символизация законности восстания. Наконец, сатанизм был прямым оправданием самого греха неповиновения.

В-третьих, ереси требовали вместо полной неопределенности времени «второго пришествия» точного и близкого срока обещанного переворота. Множество крестьянских движений отмечено чертой мессианизма, т. е. верой, что Мессия уже пришел или непосредственно должен появиться. Другие провозглашали наступление конца мира и страшного суда. Папы, государи объявлялись «Антихристом», торжество которого, согласно пророчеству, должно было предшествовать пришествию Христа. Иоакимитское учение компромиссно утверждало, что будет два конца: один сейчас, немедленно, другой в загробной жизни. Мюнцер, анабаптисты требовали не ждать никаких сроков, ибо «божие царство» на земле наступит не само собою, а когда истинно верующие насилием устранят его врагов.

В-четвертых, ереси настаивали на том, что божье царство, царство равенства и справедливости, установится не на небе, а на земле, не среди мертвых, а среди живых, во плоти, людей. Христианство, говорит Энгельс, «хотело осуществить социальное переустройство не в этом мире, а в мире потустороннем, на небе, в вечной жизни после смерти, в «"тысячелетнем царстве", которое должно наступить в недалеком будущем»⁸². Ереси требовали этого божьего царства на земле (эсхатология). Уже самые ранние еретические движения — агонистики, донатисты — выступали под этими лозунгами⁸³. Эта же идея характер-

---

⁸² Ф. Энгельс. К истории раннего христианства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 409.

⁸³ Н. А. Машикин. Эсхатология и мессианизм в последний период Римской республики.

на для всех ересей, вышедших из иоакимитства⁸⁴, для таборитов, мюнцеровской народной реформации и т. д.

Христианская церковь боролась с ересями двумя способами. С одной стороны, она, рука об руку с государственной властью, подавляла их, в частности, с помощью инквизиции. С другой стороны, она с огромной гибкостью приспособлялась к этой непрерывно напиравшей на нее снизу критике. Многие из рождавшихся среди мирян смутных сомнений, если они не успели оформиться в открытую ересь, христианство перехватывало, впитывало, легализовало и тем самым — обуздывало. Подчас оно обезвреживало таким образом и целые еретические течения, как было, например, с францисканством — народной ересью, своевременно санкционированной церковью и не только лишенной революционного значения, но и превращенной в важнейший приводной ремень к народным массам.

Вся история развития богословия и вообще христианской идеологии в течение средних веков сводится к перестройке под давлением этой невидимой силы народного сознания. Чтобы не допустить неверия, религия должна была предотвращать недоверие. А кто хочет доверия народа, тот должен прислушиваться к его голосу, кто хочет влиять на него — тот должен у него учиться. Разумеется, христианство не могло принять самых крайних тенденций в ересях, отрицавших уже его сущность, как, например, только что перечисленные. Тем более нетерпимым было всякое сомнение в существовании загробной жизни, в бессмертии души, — без этого логического звена рушилось бы все его идейное здание; отрицание бессмертия души было уже не ересью, а прямым шагом к атеизму. Но ереси начинались не с крайних выводов, а с сомнений в правильности тех или иных частных вероучения и с противопоставления прав «своего ума» или заветов «старины» непрекаемому авторитету церкви. В этой сфере религиозная идеология очень смело перехватывала инициативу и объявляла себя зачинателем и обладателем тех самых мыслей, которые возникали против нее.

Точно таким же образом в религиозный христианский культ оказывались вовлеченными «языческие» народные поверья, как и различные формы искусства, в которых пыталось угнеститься смутное народное неверие; таким же образом в христианскую богословскую схоластику оказывались мало-помалу включенными и признание некоторых прав светского «ума» и признание авторитета «древности», не только хри-

---

ки. — «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. II, 1945, № 5.

⁸⁴ См. С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино. — В кн.: «Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию акад. В. П. Волгина»; он же. Исторические условия восстания Дольчино. М., 1965 (Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме).

стианской, но и дохристианской. В каком бы направлении ни ускользали чувства и мысли «паствы», если только налицо еще не было полного разрыва, христианство распространяло свою духовную «империю» в том же направлении.

Таким путем время от времени реставрировалась, хотя и не без внутренней борьбы, связь церкви с народом, которая в начале средневековья, несомненно, была очень тесной, а затем, с развитием феодализма, необходимо подрывалась логикой вещей.

Часто, и даже в большинстве случаев, не сами руководители церкви первыми замечали нарастание народного недоверия и необходимость реформирования веры. Они сплошь и рядом и не видели грозящего крушения «порядка». Непосредственно ослабление религии как силы «порядка» компенсировалось обычно в истории средних веков возрастанием силы государства. Так, во Франции тотчас вслед за началом распространения ересей XI–XII вв. началось ускоренное формирование монархии. Сигналом бедствия служили обычно проявления «вольнодумства» представителей низшего духовенства, почувствовавших свое бессилие удержать волну народного неповиновения и подхваченных ею. Но и в стороне от сельской жизни находились такие общественные элементы и такие слои средневековой интеллигенции, которые, хотя и не примыкая к народу, утилизировали упадок веры в народе, чтобы снискать в свою пользу его доверие. Ведь это народное недоверие к своим пастырям было огромной потенциальной общественной силой. Присоединиться к нему, при этом идейно обуздав его и подчинив его своему влиянию, значило в свою очередь стать общественной силой. Такова природа умеренных бюргерских ересей.

Установленное Энгельсом деление всех средневековых ересей на две основные группы — крестьянско-плебейские и бюргерские — имеет глубокое принципиальное значение. Где появилась крестьянско-плебейская ересь, там бок о бок с ней, даже захватывая инициативу, появлялась бюргерская ересь.

На более ранних стадиях средневековья их трудно внешне и разделить. Ереси возникли тогда, когда еще почти не было городов и бюргерства. Лишь понемногу, по мере исторического оформления бюргерства, бюргерская ересь выступает все обособленнее от крестьянско-плебейской. Но по существу, говорит Энгельс, уже начиная с XII в., а в полном виде с XIV–XV вв., через средневековье тянется «великое противоречие» между крестьянско-плебейской и бюргерской оппозицией феодализму; суть этого противоречия состояла в том, что крестьянско-плебейская ересь всегда «шла бесконечно дальше» бюргерской ереси, разделяя при этом все требования последней⁸⁵. Отсюда ясно, что бюр-

⁸⁵ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочине-

герская ересь, даже когда она выступала в нерасчлененной связи с крестьянско-плебейской, а тем более когда она выступала обособленно, представляла собой урезанное, ограниченное, смягченное воспроизведение крестьянско-плебейской ереси. Бюргерская ересь была далеко не только выражением собственных интересов бюргерства в религиозных вопросах («дешевая церковь» и т. п.), она была и выражением воли бюргерства, с одной стороны, влиять на народные массы, с другой, — грозя союзом с народом, укрепить свое положение в феодальном мире. Все без исключения бюргерские ереси — от неразвитых попыток XI–XII вв. до зрелой реформации XVI в. — характеризуются борьбой на два фронта: с одной стороны, против официальной религии, с другой, — против «опасной» для основ религии, народной, т. е. крестьянско-плебейской, ереси. В свою очередь среди такого рода теоретиков обновления религии можно проследить целую гамму по степени близости к тому или к другому полюсу, к народу или к официальной церкви. Ортодоксальные же ученые богословы приходили к чувству необходимости модернизировать вероучение в большинстве случаев отнюдь не от общения с народом, а от общения с уже сильно ограниченными и переработанными отголосками народных настроений в виде умеренных бюргерских ересей.

Впрочем, и богословские споры подчас прямо подкреплялись ссылками на состояние умов простого народа. Возьмем к примеру «95 тезисов» Лютера по поводу отпущения грехов, документ, который принято считать началом всей европейской реформации. Лютер прямо говорит здесь (тезисы 80–91), что «даже ученому трудно защищать честь и достоинство папы... от острых и хитрых вопросов простого народа». Он перечисляет эти вопросы и заключает: «Отвергать все эти аргументы светских людей насильственным образом без достаточно убедительного обоснования, значит выставить папу и церковь на посмешище, а христианству нанести вред». Иными словами, Лютер считал нужным реформировать христианское вероучение, учитывая критику «простого народа», но лишь для того, чтобы спасти основы христианства и его авторитет.

Официальная церковь на протяжении средних веков не раз проявляла достаточно гибкости и в конце концов, хотя иногда после ожесточенной поповской грызни, санкционировала те самые новые догматы и богословские идеи, которые она сначала преследовала как ересь. Когда же, к XVI в., бюргерская ересь настолько осмелела, что отвергла всякий компромисс с официальной церковью, сама бюргерская ересь стала в ряде стран официальной церковью, оплотом «порядка». Одной рукой развязывая борьбу народных масс, чтобы использовать ее для

победы над старой католической церковью, бюргерская реформация не только после победы, но уже и в ходе борьбы, другой рукой душила революционную самостоятельность народных масс — совершенно так же, как это делала отвергнутая ею предшествующая церковь. По мере развития событий она из противника существующего феодального строя превращалась в его спасителя и охранителя. Три первые буржуазные революции в Европе, произошедшие при еще относительно слабо развившемся капиталистическом укладе, — немецкая, нидерландская и английская, — потому не похожи и отдаленно по своему размаху и своему антифеодальному делу на французскую, что в них мощь крестьянско-плебейского антифеодального восстания была в огромной мере оседлана и обуздана бюргерской реформацией, тогда как французская революция была нерелигиозной и потому «разнузданной».

Идеологические конфликты и битвы, разыгравшиеся в верхних этажах средневекового общества, среди образованных людей, не должны историку отвести глаза от нижнего этажа. Средневековое христианство со всеми его аксессуарами было идейной системой, существовавшей ради воздействия на многочисленную массу простых, необразованных людей. В этом — смысл его существования, его сущность, его главная функция. И средневековая христианская культура оставалась бы веками неподвижной, окостеневшей, не знала бы никаких расколов и бурь, если бы простой народ пребывал в покое и повиновении. Но он то восставал открыто, то обнаруживал скрытое недовольство, неподатливость церковной проповеди, ту или иную степень недоверия. Это и только это рано или поздно заставляло образованные верхи вступать в идейные битвы между собой. Что-либо новое, что-либо хоть ограниченно передовое возникало в культуре и мировоззрении образованных верхов средневекового общества только потому, что внизу шевелилась и вздыхала огромная масса «темного» народа.

Разумеется, в огромном числе случаев новаторствовавшие профессора средневековых университетов или ересиархи, экзальтированные странствующие проповедники или мудрствующие в монастырской тиши ученые монахи исходили отнюдь не из соображений о социальной функции религии. Они были уверены, что просто ратуют за истину. Ими руководило вовсе не предвидение общественных последствий их схоластических конструкций, а лишь распространившееся в их среде сознание, вернее даже ощущение неавторитетности и уязвимости прежних идей, недавно казавшихся непререкаемыми. Абельяр или Роджер Бэкон отнюдь не общались с основным революционным классом феодального общества, с массами эксплуатируемого крестьянства. Сложная цепь посредствующих звеньев давала им только ощущение, что господствующую систему идей можно атаковать, что она зыбка, что ее следует заменить более устойчивой. Но к истории средневеко-

вой идеологии все же в полной мере относятся слова Маркса: движение, происходящее в сфере идей, «свидетельствует о том, что глубоко в низах происходит брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа...»⁸⁶

В конце концов вся идеологическая борьба в средние века была борьбой либо за укрепление религии, либо за ее подрыв, расшатывание. К этому сводится буквально вся без исключения культурная история средневековья. Борьба номинализма и реализма, борьба за права разума и за слепой авторитет веры, борьба между зачатками опытной науки и религиозной догмой, между слабой материалистической тенденцией и господствующим идеализмом в средневековой философии — все это авангардные бои безбожия и религии, хотя до предельной степени смягченные и приглушенные. В ответ на монополизацию искусства церковью возникало свободное художественное творчество, антицерковное по духу, но оно снова подвергалось своего рода апроприации церковью: об этом повествуют, например, отнюдь не христианские «химеры» на Соборе Парижской Богоматери. Словом, все идеологические события и явления в феодальном обществе косвенно или способствовали или противодействовали выполнению христианской религией ее главной функции: удерживать народ в повиновении.

Все передовое было прямым или, чаще, косвенным следствием неумолимого роста крестьянского сопротивления эксплуатации с развитием феодального общества. Ленин, критикуя «Вехи», писал по поводу истории русской общественной мысли: «...Может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, ...история нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?» Ленин доказывал, что передовая мысль отражала не «интеллигентское настроение», а «настроение крепостных крестьян против крепостного права» и «историю протеста и борьбы самых широких масс населения... против остатков крепостничества во всем строе русской жизни»⁸⁷.

Эти слова Ленина имеют огромное методологическое значение для всякого историка идей, в частности, для историка средневековых идей. Но надо помнить, что Ленин имеет в виду преимущественно идеи подлинно демократические, — тогда как в средние века мы таковых почти не видим, — они оставались заглушенными, на самом дне общества, и впервые начинают более или менее отчетливо звучать только в XV–XVII вв. (табориты, Томас Мюнцер, диггеры, Жан Мелье и т. п.). «Протест и борьба широких масс населения» против феодального гнета в

---

⁸⁶ К. Маркс — З. Мейеру, 21 января 1871 г. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 256.

⁸⁷ В. И. Ленин. О «Вехах». — Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169.

средневековой идеологии, поскольку до нас дошли ее письменные материальные памятники, отразились не столько прямо, сколько косвенно. Почти всегда представители передовых идей не были подлинными защитниками интересов народных масс, — они, скорее, исходили из мысли, что те или иные идейные реформы необходимы для того, чтобы, изменив многое, сохранить и укрепить самое главное и существенное в христианстве. Все идейные расколы, происходившие в образованных верхах, имели именно этот смысл: путем любых перестроек спасти господство над умами и духовную монополию самых основ, самой сути данной феодально-христианской идеологии. Одни «образованные» воевали с другими «образованными», но для того, чтобы удерживать фронт против «необразованных». Ведь можно было весьма поразному теоретически обосновывать ту обращенную к жизни сторону христианства, которую так откровенно разъяснил Вольтер, доказывая, что было бы трудно управлять даже одной деревней, населенной атеистами. Даже Кант или Гегель еще трудились в сущности над той же задачей — спасти зерно религии в условиях нового «духа времени». Ортодоксальное вероучение отстаивало религию более или менее твердо-лобо и напролом. «Критики» отстаивали ее тончайшей фальсификацией новой культуры, той самой, которая, поднимаясь снизу, расшатывала и подрывала религию.

В самом деле, ведь сила христианства держалась только на доверии масс. Массы верили, что христианство вместе с ними отрицает феодальный строй. Всякая идеология в феодальном обществе, чтобы стать силой, должна была питаться антифеодальным настроением, идущим снизу, в том числе и антицерковным настроением по мере того, как церковь теряла доверие. Но эти настроения включались в культуру «верхов» в уже, так сказать, усмиренном виде, нередко преломленными через призму умеренной бюргерской оппозиции. Словом, именно то, что по сути дела расшатывало и подрывало феодальную культуру, включалось в нее же небольшими дозами для ее же укрепления.

На этом методологическом основании, путем тщательных специальных исследований, можно было бы осветить всю эволюцию средневековой науки, понемногу обращавшейся к разуму и реальности, средневекового искусства, понемногу обращавшегося к реализму и к «языческим» — народным или античным — художественным традициям, средневекового права, принужденного апеллировать к народному пониманию справедливости и к дофеодальной традиции, как и вообще все политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды феодального общества.

Эластичность феодальной идеологии была очень велика, но все же не безгранична. Как бюргерская ересь, так называемая «реформация», в конце концов спихнула в ряде стран католицизм и заняла его место,

так буржуазная идеология понемногу теснила феодальную идеологию.

Идеология поднимавшейся буржуазии в эпоху разложения феодализма знала немало способов учиться у народа, чтобы в конечном счете подчинить его своему влиянию. Ведь смутное идейное сопротивление народа религиозному гнету выражалось не только в ересях. Мы говорили, что духовной предпосылкой всякого сопротивления религии было обособление некоторой иррелигиозной, «светской» части в народном сознании. Не будет ошибкой утверждать, что именно на этом социальном фундаменте выросло все здание светской гуманистической культуры, созданной молодой буржуазией, как не презирали и не поносили гуманисты невежественную «чернь». Разочарование масс во всяческих ересях в конце концов порождало в народе и безверие, стихийные попытки опровергнуть не какую-либо часть религии, а отвергнуть всю ее — вместе с понятиями бога и бессмертия души. Как постепенно пробивалось народное сознание до подлинных теоретических аргументов в пользу атеизма и материализма, можно видеть, если сравнить крестьянско-плебейскую идеологию у Томаса Мюнцера в XVI в. и у Жана Мелье в XVIII в. Не будет ошибкой утверждать, что на этом фундаменте прозревающего народного безбожия выросло все здание французского философского материализма и атеизма XVIII в., созданного идущей к революции буржуазией, как ни были убеждены «просветители», что ни в коем случае не следует делать атеизм достоянием «простолюдов».

Это не значит, что буржуазная интеллигенция не вносила в известной мере сознание в борьбу масс против феодализма, но ее прогрессивность и революционность в том и состояла, что она создала себе авторитет не чем иным, как восприняв и смело развив до современного ей уровня науки смутные помыслы, уже рожденные в массах их собственной борьбой. Не возглавив борьбу масс, буржуазия не могла бы опрокинуть феодализм.

Можно утверждать, что все лучшие, все действительно революционные идеи, выдвинутые когда-либо буржуазными мыслителями, имеют тот же корень. В частности, многие из них являются позитивными формулировками тех негативных идей — отрицания существующих неравенства, собственности, властей, — которые необходимо таятся в самой логике народного антифеодального восстания, слепо отрицающего все это на практике. Только обретя общий с народом язык, т. е. согласившись с ним во многом и разъяснив ему многие из его собственных темных дум, буржуазия могла подчинить его своему влиянию. Так она готовилась к своим великим революциям.

Как видим, слова А. М. Горького, что народ был «единственным и неиссякаемым источником» всех духовных ценностей, имеют широчайшее историческое значение. Все духовные ценности прошлого вос-

ходят к народу как к своему источнику, но народ творил их не столько сам, сколько через посредство тех, кто руководил им и господствовал над ним. Только социалистическое общество открывает перед народом действительную возможность самому творить все без исключения культурные ценности. В феодальном же обществе народная масса была темна, образование ей было недоступно, сознание ее было неразвито.

Но, абстрагируясь от народа, мы ничего не сможем научно объяснить в истории средневекового духовного прогресса. Из этого, из народного, источника широкой рукой черпали все, кто претендовал на то, чтобы влиять на народ, воздействовать на его поведение, — и в той самой мере они и оказывались объективно носителями прогресса в духовной культуре.

Поясним это еще на примере возникновения раннего утопического социализма. Томас Мор, как известно, был канцлером Англии, т. е. первостепенным лицом феодально-абсолютистской монархии, и к тому же преданным католицизму, за что он и был казнен при проведении реформации. Но еще будучи помощником лондонского шерифа, он уже был свидетелем нарастания народных восстаний: в 1514 г. успехом окончилось возмущение крестьян в предместьях Лондона против огораживаний; весной 1516 г. Лондон был накануне восстания, и толпу с трудом удавалось успокаивать; в 1517 г. восстание в Лондоне разразилось, и Мор, с одной стороны, организуя его кровавое подавление, с другой стороны, выступал перед толпой восставших и «пытался уговорить их разойтись по домам»; дело в том, что материальной силы государственной власти было явно недостаточно, и королю пришлось тотчас после восстания, чтобы не раздражать народ, разыграть, по выражению иностранного посла, «спектакль»: милосердно помиловать виновных. Точно так же большое крестьянское восстание 1525 г., грозившее распространиться из Сеффолка по Англии, было остановлено не только силой, но и эффектным жестами милосердия, воздействием на психологию масс.

Таким образом, непосредственный политический опыт показывал, что одного насилия недостаточно для удержания существующего порядка. Личный опыт Мора говорил, что приходится и убеждать, уговаривать толпу. Но выше мы уже разобрали, что значит убеждать: чтобы убеждать, надо в известной мере присоединиться к смутным убеждениям убеждаемого. Убеждая толпу, Мор сам вдохнул ее дыхание. Обращаясь к ней, уловил те мысли, которые ей были нужны. И эти мысли запали в его сознание, овладели им, расцвели прекрасным цветком под пером высоко образованного гуманиста. Но Мор от этого вовсе не стал народным идеологом. Напротив, само отнесение идеального строя на некий остров, «которого нигде нет» («Утопия»), было способом уговорить читателя, это эта прекрасная мечта неуместна в окружающей ре-

альной жизни. Мор и некоторые другие ранние утописты не только не знали пути к бесклассовому строю, но внушали читателю, что такого пути и быть не может, что идеал и действительность — различные вещи. Буря Великой крестьянской войны, пронесшаяся над Германией, особенно усилила в Море интерес только к защите, только к охране существующего в Англии порядка; оплотом его он считал католическую религию. Оставаясь идеологом господствующих классов, он писал (1553 г.), что в отличие от иного мира, о котором можно только мечтать, «в этом мире люди не могут жить, если одни (работодатели) не обеспечивают жизни другим. Каждый не может иметь свой корабль, свое предприятие, даже свой плуг...» Но памяти человечества Томас Мор дорог не тем, что он защищал католицизм и абсолютизм, а тем, что в его творении преломились и прозвучали сокровенные думы и чаяния трудящихся эксплуатируемых масс. Именно этим, своей «Утопией», Мор оказал огромное влияние на последующее развитие переломной мысли.

4. Совокупное действие государства и церкви и совокупное антифеодалное движение эксплуатируемых масс

Выше мы постарались показать, что можно наиболее существенные и решающие стороны истории средних веков объяснить через основной классовый антагонизм феодальной общественно-экономической формации. Сначала мы разобрали непосредственные выражения этого антагонизма, вырастающие из экономического строя феодализма, — это разные формы крестьянского сопротивления феодальной эксплуатации. Затем рассмотрели те главные средства и органы, которые служили господствующему классу для обуздания этого сопротивления и тем самым для защиты и укрепления базиса феодального общества.

Когда созрели экономические предпосылки для перехода от феодализма к капитализму, феодальная надстройка уже не могла одолеть крестьянского революционного движения. Ленин писал о классовой борьбе в предреформенной России: «Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли. Крестьяне не боялись зверских преследований правительства, не боялись экзекуций и пуль, крестьяне не верили попам, которые из кожи лезли, доказывая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом (прямо так и говорил тогда митрополит

Филарет!), крестьяне поднимались то здесь, то там, и правительство, наконец, уступило, боясь общего восстания всех крестьян»⁸⁸. Но на протяжении всей предшествовавшей огромной феодальной эпохи феодальная надстройка в общем справлялась со своей задачей; крестьяне в большинстве случаев «боялись зверских преследований правительства», «верили попам».

Получается, что все это — в самом деле разные стороны единого целого: вопрос об основном классовом антагонизме феодального общества отнюдь не сводится к вопросу о вспыхивавших иногда крестьянских восстаниях; более того, сами восстания, очевидно, могли вспыхивать только тогда, когда надстройка — преимущественно политическая и религиозная надстройка — отставала в своем непрерывно требовавшемся обновлении и не вполне справлялась со своей функцией. С одной стороны, экономический строй общества, основанный на эксплуатации, ежечасно вызывал в подавляющей массе общества стремление так или иначе сопротивляться этому строю, с другой стороны, это стремление все время тормозилось и подавлялось, причем не только путем насилия, но и такими средствами, которые превращали повиновение в «добровольное» — начиная от голода и кончая использованием неясности самого классового сознания крестьян, стихийности их стремлений к сопротивлению. С одной стороны, — неустрашимые стимулы к борьбе, с другой, — постоянное подавление борьбы. С одной стороны, — сопротивление, с другой, — обуздание. Этот антагонизм двух противоположно направленных тенденций в средневековой истории гораздо важнее всех второстепенных противоречий, например, противоречия между церковью и государством, которое так выпячивается на первый план буржуазными медиевистами. Борьба церкви и государства за первенствующее положение в феодальном мире, в том числе и за феодальную ренту, очень ярка и полна драматическими эпизодами. Она приобретала подчас напряженный, острый характер. Но, всматриваясь глубже, мы замечаем, что независимо от своих субъективных целей и намерений, объективно эти два надстроечных института помогали друг другу. Они не только гораздо чаще действовали рука об руку, чем ссорились. Они и объективно возмещали слабость друг друга: когда один из них почему-либо ослабевал, другой — усиливался.

Так, в моменты религиозных расколов, религиозных войн, сосуществования двух или нескольких вер, проклинавших и разоблачавших друг друга, общественная сила веры вообще как составной части надстройки, воздействовавшей на общественное поведение людей, неизбежно резко сокращалась, — и именно в эти моменты возникала стихийная потребность в усилении государственной власти, в сильном го-

---

⁸⁸ В. И. Ленин. К деревенской бедноте. — Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

сударстве. Многорелигиозное сицилийское королевство Фридриха II Гогенштауфена не могло бы существовать, не сложись там совершенно необычной для того времени сильной королевской власти. «Авиньонское пленение пап», подорвавшее престиж католической церкви, и «великий раскол», когда взаимные отлучения пап и антипап сделали ее смешной и неавторитетной, были не только последствием укрепления королевской власти в ряде европейских стран в XIII и начале XIV в., но в свою очередь и предпосылкой, потребовавшей вскоре дальнейшего усиления королевской власти, особенно в XV в. Религиозные войны во Франции XVI в. в конце концов так подорвали всякий интерес к вопросам веры во французском народе, что он опрокинул бы весь существующий феодальный порядок, не сплотись французское дворянство вокруг короля, не сложись тут мощная как нигде абсолютистская власть⁸⁹. Таких примеров можно привести множество. И обратно, когда силы государственной власти оказывались длительно отвлеченными и скованными, например, внешними войнами, или вообще по каким-либо причинам ослабевала эта часть надстройки, воздействовавшей на общественное поведение людей, наблюдается тенденция к усилению церкви, «возрождению» авторитета религии. В Испании, благодаря особенностям «реконкисты», не мог сложиться мощный абсолютизм, — и его худосочие было компенсировано колоссальной мощью католической церкви. В Германии XVI в., политически раздробленной и слабой, попытки, говорит Энгельс, были могущественны и многочисленны как нигде⁹⁰.

Словом, эти два фактора именно вместе противостояли силе крестьянского сопротивления и возмещали каждый недостаточность другого. Это становится очевидным из того, что крестьянские восстания происходили как раз в те исторические моменты, когда оба фактора одновременно оказались почему-либо ослабленными. Так, Жакерия и восстание Уота Тайлера разразились во время Столетней войны, когда были истощены государственные силы и Франции и Англии, а авторитет церкви был подорван «авиньонским пленением» и «великим расколом» и глубоко расшатан в Англии Виклефом и лоллардами. Гуситские войны разразились в период величайшей слабости государственной власти в Германии и крушения авторитета церкви под ударами Гуса; Великая крестьянская война в Германии — в период всемирных завоевательных авантур Карла V, раздробленности Германии, крушения ав-

---

⁸⁹ Э. И. Лесохина. Народные движения во Франции при Генрихе IV. Автореф. канд. дисс. М., 1949; З. В. Мосина. Франция при Генрихе IV. — «Исторический журнал», 1938. кн. 9.

⁹⁰ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс » Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 352.

торитета церкви под ударами Лютера. В конце религиозных войн во Франции, когда бессильны были и королевская власть и церковь, разразились мощные крестьянские восстания; они возродились в 30-40-х годах XVII в., когда государственная власть, успевшая окрепнуть, была отвлечена участием в Тридцатилетней войне, а церковь еще совсем не успела окрепнуть. В атмосфере борьбы религиозных партий и полного политического распада и в Германии возобновились крестьянские восстания во время Тридцатилетней войны. Крестьянские движения в Англии накануне и во время буржуазной революции происходили тоже в обстановке ослабления государственной власти и борьбы религиозных течений. Восстание Хмельницкого вспыхнуло в условиях религиозной распри и бессилия государства в Польше; восстание Разина — в условиях церковного раскола и глубокого истощения русского государства войнами с Польшей и Швецией. Эти несколько примеров можно было бы дополнить еще бесчисленным множеством других. Иногда эта закономерность не так бьет в глаза, ибо установить степень и непререкаемость влияния церкви на умы и даже степень подлинной дееспособности и боеспособности государства не всегда возможно без пристального изучения эпохи. Но в конце концов рассмотрение исторической обстановки любого крупного крестьянского восстания подтверждает это общее правило.

Однако оно не имеет обратной силы: не всегда на том отрезке истории какой-либо страны, когда можно констатировать одновременно и ослабление государственной власти и падение авторитета церкви, имело место крестьянское восстание. Это потому, что господствующий класс, чувствуя недостаточность сил «порядка», сам нередко проявлял инстинктивную сдержанность в отношении крестьянства и этим соответственно уменьшал силу крестьянского сопротивления, или того же достигало государство путем предупредительных «реформ» в пользу крестьян. Возможно, что вообще крестьянские восстания в истории Западной Европы начались бы раньше, если бы сами церковь и государство не санкционировали прямо или косвенно более низкую форму крестьянского сопротивления — крестьянские уходы, по крайней мере в тех видах, которые одновременно усиливали или церковь (уходы в монастыри, в крестовые походы) или государство (уходы в пограничные районы, в города).

Как уже было сказано, в конечном счете именно нарастание крестьянского сопротивления было в истории средних веков причиной, а соответствующие видоизменения и возрастание совокупной общественной силы государства и религии было следствием. Но все-таки не правы те историки, которые сводят предпосылки того или иного крестьянского восстания только к ухудшению положения крестьянства, к росту эксплуатации, словом, только к возрастанию этой первой вели-

чины — силы крестьянского сопротивления: в каждом отдельном случае следует установить также, какие конкретные исторические обстоятельства не дали возможности противопоставить усилению крестьянского сопротивления достаточное усиление государственного или религиозного воздействия на недовольные массы. Нужно охарактеризовать состояние политической и религиозной надстройки. Лишь тогда возникновение восстания действительно будет объяснено. Ведь можно представить себе взрыв крестьянского восстания и в такой ситуации, когда положение крестьянства заметно не ухудшилось, но почему-либо резко снизилась мощь этих двух частей надстройки, этих двух факторов «порядка»: восстание в этом случае вероятно.

Нарастание, хотя и неравномерное, крестьянского сопротивления было законом феодального общества. Политическая и религиозная надстройка должна была видоизменяться, развиваться, поспевать за ним. Но возможности роста авторитета и влияния католической церкви были подорваны ересями уже в XIII–XIV вв. Между тем феодальная монархия укреплялась и усиливалась очень медленно. Надстройка стала отставать от потребностей в защите и укреплении базиса. Это прогрессирующее отставание было в некоторой мере компенсировано ослаблением и уничтожением крепостного права. Господствующему классу пришлось серьезно уступить давлению крестьян. Это не означало понижения нормы феодальной эксплуатации, но несколько затормозило рост крестьянского сопротивления: ведь личное освобождение крестьян, переход от личной зависимости к поземельной было шагом от чистого внеэкономического принуждения в сторону экономического принуждения. У крестьянина появились новые оттенки хозяйственной психологии, феодальные повинности стали представляться ему как бы платой за земельный участок, т. е. как бы добровольной хозяйственной сделкой, которую он совершает по своему выбору. Но по существу феодализм не мог отказаться от внеэкономического принуждения. Достигнутая разрядка социальной атмосферы оказалась вскоре недостаточной, напротив, в конечном счете поземельная форма зависимости только подтолкнула созревание крестьянской собственности и, следовательно, обострила борьбу. В первой половине XV в. произошло событие, свидетельствовавшее не только об отставании обеих составных частей надстройки, подавлявших и обуздывавших крестьянское сопротивление, но о такой степени отставания, когда крестьянское восстание может оказаться непобедимым. В Чехии восставшие крестьяне держались 15 лет, т. е. были в положении победителей⁹¹. Этот факт имел поистине всеевропейское значение, и внима-

---

⁹¹ Б. Т. Рубцов. Гуситские войны (Великая крестьянская война XV века в Чехии). М., 1955; он же. Эволюция феодальной ренты в Чехии XIV–XV вв. М., 1958.

ние всей феодальной Западной Европы было приковано к нему, как видно из истории соборов XV в. Даже сто лет спустя победы немецких крестьян отождествляли с «чешским ядом». Действительно, одной из предпосылок нарастания крестьянского сопротивления в Германии XV–XVI вв. была близость Чехии — источника гуситской пропаганды (а также Швейцарии). Пример гуситских побед всколыхнул всю Западную Европу. Со времени гуситских войн победа крестьянского восстания стала ощутимой угрозой в политической жизни Западной Европы. Феодальному классу приходилось идти на уступки, и положение крестьянства в XV в. стало улучшаться. Все это означало, что требуется коренная реконструкция феодального государства и, по возможности, феодальной церкви. Действительно, во второй половине XV в., с одной стороны, повсюду начинаются энергичные шаги к централизации и абсолютизму, с другой стороны, в порядок дня становится проблема реформации.

С возникновением абсолютизма первенствующее место безусловно переходит к государству, сравнительно с церковью, и остается за ним до конца феодальной эпохи. Являясь воплощением принципа насилия, диктатурой, абсолютизм естественно вновь вносит в общественную жизнь голое внеэкономическое принуждение в виде налоговой системы.

Итак, действительно можно общие контуры средневековой истории понять, исходя из основного антагонизма феодального общества, антагонизма феодалов и крестьян. Причиной, заставлявшей то медленно, то быстро двигаться вперед и социальную, и политическую, и культурную историю средних веков, было в конечном счете крестьянское сопротивление, постепенно нараставшее по мере роста производительных сил и обострения внутренних противоречий феодального способа производства. Следовательно, крестьянство одерживало все новые и новые победы, поскольку оно заставляло господствующий класс и все феодальное общество снова и снова перестраиваться. Крестьянское сопротивление расшатывало феодализм на каждой данной ступени его развития и заставляло его тем самым переходить на более высокую ступень, чтобы укрепиться.

Но сбросить вовсе феодальную эксплуатацию крестьянство в средние века не могло: на том уровне производительных сил обществу некуда было уйти от феодальных производственных отношений. Поэтому все победы крестьянства давали лишь воспроизведение все того же феодального общества, только в видоизмененных формах. Феодализм мог быть уничтожен только тогда, когда появились экономические предпосылки для замены его новым способом производства, капитализмом.

Вот этому-то низкому уровню производительных сил, препятство-

вавшему ликвидации феодализма, отвечало и состояние общественного сознания средневекового крестьянства. Крестьянство не видело и не могло видеть пути вперед, оно было слепо, оно боролось стихийно. Поэтому-то господствующему классу и удавалось раскалывать силу крестьянского сопротивления, обращая часть ее против нее самой. Мы убедились, что авторитет государства и церкви базировался на том, что они даже поощряли народное сопротивление, но давали ему ложное направление, ложное руководство, ложные сроки и таким путем не только отводили удар от аппарата насилия, но и заставляли эту часть сил народного сопротивления поддерживать и укреплять аппарат насилия.

Конечно, никакое идеологическое воздействие не могло уничтожить ненависть крестьянской массы к притеснителям и эксплуататорам. Идеи бессильны против стихийного стремления к борьбе, никакими идеями нельзя ликвидировать потребность, порождаемую материальной общественной необходимостью, феодальные же производственные отношения ежечасно и ежеминутно порождали у крестьян необходимость сопротивления. Но эмоция у крестьян, как и у всех людей, была подчинена мысли, — когда, куда и как нанести удар. На мысль же мыслью воздействовать можно. И так как объективно крестьянская борьба не могла завершиться действительной победой, а следовательно, и в мышлении крестьянства не могло быть действительной ясности, то крестьянство было обречено всегда искать чьего-то совета. До тех пор, пока на исторической сцене не появился революционный пролетариат, способный бескорыстно и верно объяснить крестьянству, как надо бороться, крестьянство должно было поддаваться советам господствующих классов — не бескорыстным и не верным. Феодальная церковь отвлекала его от прямых целей надеждой обеспеченной победы, если только оно терпеливо дождетс общего срока, феодальная монархия — иллюзией единого руководителя, поби- вающего множественные существующие власти и т. д.

Наряду с этой склонностью к иллюзиям, к доверию врагам, слабость крестьян заключалась и в том, что они легко успокаивались при первых же успехах, при любых самых ничтожных достижениях. Естественно, что они предпочитали низшие формы сопротивления, и толкнуть их на восстание было трудно⁹². Стоило добиться микроскопически лучших условий жизни, улучшения хоть в каком-нибудь одном отношении (может быть даже при ухудшении в других отношениях), — и крестьянин уже прекращал борьбу, застывал. В течение долгого средневековья крестьянство одержало множество этих обманчивых, мни-

---

⁹² См. *Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. 7, стр. 357.

мых, частичных побед, от которых ему не стало лучше. Только под руководством рабочего класса основная часть крестьянства как союзник и резерв пролетариата в социалистической революции одерживает подлинную историческую победу; пролетариат ведет ее за собой как трудящуюся, эксплуатируемую массу и не дает ей удовлетвориться никакой полупобедой.

Что же представляли собой в средние века эти мелкие (и даже крупные) успехи крестьянства? В лучшем случае это были реформы. Но Ленин учил, что реформа — в отличие от революции — есть не только и не просто уступка со стороны господствующего класса, — это есть такая «уступка», от которой положение господствующего класса укрепляется. А раз реформы идут на пользу эксплуататора, значит они в конечном счете не идут на пользу эксплуатируемым. Уступки внушают эксплуатируемым иллюзии и парализуют их единственно верное — революционное — настроение; уступки раскалывают ряды эксплуатируемых, ибо пользу от них получает лишь небольшая часть, меньшинство. Готовность же крестьян к компромиссу вытекала из наличия у них своего хозяйства. Даже успехи крестьян во французской буржуазной революции XVIII в. поначалу были всего лишь уступкой, данной им для того, чтобы пресечь дальнейший подъем их борьбы (закон 4 августа 1789 г.). Это удавалось не раз в ходе средневековья: под натиском низов верхи делали уступку, тогда натиск низов прекращался и положение верхов лишь укреплялось, стабилизировалось на новой основе.

Но часто крестьянство не извлекало даже и подобия успеха из своей борьбы. Мало того, прямой успех из его борьбы иногда, как было показано, пытался извлекать антагонистический ему класс, пользуясь его слепотой; даже реакционные аристократы старались подчас утилизировать стихию народного недовольства.

В этой связи надо еще и еще раз подчеркнуть, что задача исторической науки состоит не в том, чтобы восхвалять массы. Если руководство массами, благодаря их слепоте, оказывалось в том или ином случае в руках реакционных общественных элементов, историк не должен бояться показать реакционный характер этого движения. Да и в любых случаях классовая борьба средневекового крестьянства представляет настолько низкую ступень сравнительно с классовой борьбой пролетариата в новое время, что историку-марксисту естественно не только не восхвалять ее, а, напротив, всячески указывать на ее отрицательные стороны, на ее стихийность, раздробленность, непоследовательность, зависимость от других классов и т. д. Но если мы хотим стоять на почве науки, на почве материализма, мы должны ясно видеть эту борьбу крестьянской массы в основе всей истории феодального общества, потому что крестьянская борьба против феодальной эксплуатации была

проявлением основного экономического антагонизма этого общества, его основного антагонистического производственного отношения.

Разумеется, трудящееся население городов, ремесленники и плебейство, тоже играли видную роль в классовой борьбе средневековья. Но силой они были не сами по себе, их делала силой грозовая атмосфера крестьянского сопротивления, которой дышало средневековое общество. По словам Маркса и Энгельса, «все крупные восстания средневековья исходили из деревни»⁹³. Даже о сравнительно развитой городской плебейской оппозиции XVI в. в Германии Энгельс писал: «До Крестьянской войны плебейская оппозиция выступает в политической борьбе не в качестве партии, а лишь в виде шумной, склонной к грабежам толпы... В партию превращают ее лишь крестьянские восстания, но и в этом случае она почти везде следует в своих требованиях и выступлениях за крестьянами — яркое доказательство того, насколько город тогда зависел еще от деревни»⁹⁴.

Словом, изучение истории борьбы трудящихся, неимущих элементов средневекового города чрезвычайно важно для медиевистики. Без него картина классовой борьбы всегда будет неполной, обедненной. Пожалуй, даже наиболее яркие страницы истории классовой борьбы мы наблюдаем не в деревне, а в городе⁹⁵. Городские классовые битвы оказывали и более непосредственное, более видимое воздействие на политику, — особенно народные выступления в политическом центре страны. Преуменьшать их значение не приходится, — стоит напомнить всем известные факты о гигантской роли лондонского плебейства в английской революции XVII в., парижского плебейства во французской революции XVIII в. Но все же не случайно Энгельс и Ленин говорят о том, что в этих революциях на первом месте следует поставить не городское плебейство, а крестьянство. Плебейство в Лондоне и Париже могло опрокидывать троны только благодаря тому, что пылала вся страна, что атаку на феодально-абсолютистский строй вел основной угнетенный класс всего общества — крестьянство. Тем более это следует сказать о ранних выступлениях средневековой городской бедноты. Какой пример ни взять — при тщательном исследовании мы восстановим и неизбежный фон всей картины: явное или скрытое неспокойствие крестьянства. Скажем, история «патарии» и установления коммуны в Милане в XI в. указывает на, правда, сложную, противоречивую, но, несомненно, значительную роль сельской округи, «контра-

---

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — Сочинения, т. 3, стр. 52.

⁹⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 355.

⁹⁵ См., например, В. И. Рутенбург. Народные движения в городах Италии XIV — начала XV века. М.-Л., 1958.

до», в политической борьбе горожан⁹⁶.

Таким образом, и эта грань многогранной истории средних веков — движения городской бедноты — может быть освещена правильно только исходя из основного классового антагонизма феодального общества.

---

⁹⁶ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Классовая борьба в Милане в XI в. и зарождение Миланской коммуны. — «Средние века», вып. V, 1954.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Борьба народных масс и зарождение капиталистического уклада

Все вышесказанное должно было подтвердить одну мысль — возможность строго монистического объяснения истории феодального общества, объяснения ее на единой материалистической основе: через бесконечно сложное и многообразное раскрытие основного антагонизма, характеризующего феодальный способ производства. Сколько бы ни кричали буржуазные критики марксизма, что это означает применение одной «отмычки», развитие науки безусловно пойдет именно по этому монистическому пути.

Но в советской историографии выдвигается и одно серьезное возражение, которое нам надлежит внимательно рассмотреть в настоящей главе. А именно, что глубоко в недрах феодального общества зарождается другой способ производства, капиталистический, и что это обстоятельство закрывает возможность класть в основу анализа средневековья только антагонизм феодального способа производства. Ведь уже с XIV в. в Западной Европе наблюдаются ростки капитализма. Значит, экономический базис общества с этого времени, и чем дальше, тем больше, носит смешанный характер. Значит, и основные линии классовой борьбы соответственно усложняются. Значит, нельзя и к надстройке подходить под углом зрения лишь феодального классового антагонизма.

Совершенно очевидно, что это возражение содержит в себе зерно истины. Но опровергает оно или только усложняет все сказанное выше? Если бы капитализм мог достигнуть полной зрелости в недрах феодального общества, то, действительно, все линии смешались бы. Но вплоть до буржуазной революции господство принадлежит основному, феодальному способу производства, а капитализм остается лишь укладом, более или менее развившимся. Зачем нужен был бы насильственный взрыв феодальных производственных отношений, если бы капиталистические отношения могли все более развиваться и определяли уже характер господствующей надстройки? В том-то и дело, что до революции надстройка (в частности, государство, церковь) оставалась в основном феодальной и активно помогала удерживаться феодальному базису как преобладающему способу производства, хотя этот фео-

дальный базис и был уже подточен капиталистическим укладом. Следовательно, до буржуазной революции главные контуры общественной жизни определялись еще феодализмом. Заметим попутно, что этот несомненный факт буржуазная историография всякими хитростями старается подвергнуть сомнению, дабы доказать «ненужность» революций в истории.

Достаточно напомнить, что и английская и французская буржуазные революции происходили еще при мануфактурной стадии развития капитализма. А основной классовый антагонизм капиталистического общества достигает зрелости только с промышленным переворотом, с появлением машин. Пролетариат на мануфактурной стадии капитализма был еще предпролетариатом. Очевидно, что при столь слабом развитии пролетариата нет причин приписывать и особую весомость буржуазии.

Впрочем, тут как раз и корень недоразумений. Когда говорят о зарождении капитализма, нередко имеют в виду только зарождение буржуазии, а под буржуазией понимают нечто в высшей степени широкое и неопределенное. О степени развития капитализма гораздо точнее, научнее судить по степени развития класса наемных рабочих — важнейшего элемента производительных сил капитализма. Тогда сразу исчезнет почва для всяких преувеличений удельного веса нового, осложняющего начала в недрах феодального общества. Ведь и накануне французской буржуазной революции XVIII в. класс наемных рабочих был еще сравнительно незначителен.

Но этот вывод приходит в столкновение с громадной силой традиционных мнений о чрезвычайно большой роли буржуазии в средневековой истории. Буржуазия представляется чуть ли не главной динамической, творческой силой средневековья, она заполняет собою весь передний план, ею объясняют все главнейшие перемены в средневековом обществе, государстве, мировоззрении, — по крайней мере с XIV, а то и с XI–XII вв.

Поэтому нам придется отклониться от главной линии нашего теоретического исследования и обратиться на время к историографическим проблемам. Иначе нам не устранить эту неопределенную и мнимую величину, загораживающую дорогу.

В первой главе второй части мы уже отметили, что историографию средних веков можно разбить на три крупных этапа. Некогда дворянская историография видела движущую силу всей средневековой истории в воле и частных интересах правивших верхов — государей, завоевателей, светской и духовной знати. Позже буржуазная историография пыталась представить образованных и зажиточных горожан, «средний класс» (отчасти и зажиточное свободное крестьянство) как движущую силу всякого прогресса, всякого развития в средние века. Наконец,

марксистско-ленинская историография указала как на главную движущую силу развития феодального общества — на эксплуатируемые трудящиеся массы, в первую очередь — на основной производящий и угнетенный класс той эпохи, на основную производительную и вместе с тем основную антифеодальную силу — на зависимое, крепостное крестьянство.

В самом деле, не только средневековые хронисты, не только историки, писавшие в XVI–XVIII вв., но еще и многие историки в XIX в. видели только в «верхах» активную силу средневековой истории: короли, императоры, папы, полководцы, церковная и светская аристократия, — вот чьи замыслы, интересы и взаимоотношения искали историки за любыми событиями средневековой истории. Даже если историк сталкивался с народным восстанием, он старался найти какое-либо знатное лицо, которое тайно «вызвало» это движение. Это можно сравнить с анимизмом: с поисками «души», «духа» за любым явлением природы. Исторический идеализм был сущностью этого направления, ибо конечную причину всякого исторического события оно видело в психике и идеях, притом немногих отдельных людей, стоявших над обществом и определявших его судьбу. Для исторической закономерности, в том числе для понятия общественного развития, это направление не оставляло места.

Явное противоречие этих анимистических представлений как фактам, так и требованиям развивавшегося научного мышления, вызывало поиски иного метода. Вместе с расшатыванием всего феодального строя расшатывалась и феодальная историография. Постепенно и смутно, но с могущественным упорством в XVII–XVIII вв. пробивалась мысль, что история была не историей верхов, а историей борьбы бедных против богатых, народа против господ. Разные очертания этой вызревавшей и неясно брезжившей мысли мы можем наблюдать в исторических концепциях Уинстенли, Вико, Мабли, Бабефа и многих других. В годы французской буржуазной революции эта мысль уже была широко распространена в демократических кругах. Она же оплодотворила мировоззрение Сен-Симона.

Но не успела эта верная тенденция окрепнуть, оставаясь еще догадкой, далеко не наукой, как она подверглась чудовищному ограблению и извращению. Историческая мысль буржуазии, как это не раз бывало с буржуазной идеологией, с одной стороны, подхватила эту прогрессивную тенденцию, требовавшую перенести внимание историка с «верхов» на «низы», а с другой стороны, тут же урезала и искажала ее, подставив вместо «низов», т. е. народной массы, «третье сословие», фактически — буржуазию. Возникло направление, остановившее науку на полдороге. Как происходила эта подмена, в частности, после поражения французской революции, хорошо видно на исторических идеях

Сен-Симона, затем Тьерри. Сен-Симон воспринял и развил мысль о борьбе классов как движущей силе истории, но вместо «народа», «бедных» он подчас ставил весьма широкое понятие «промышленный класс», которое включало и буржуазию. Тьерри, ученик Сен-Симона, в своих ранних работах еще делал акцент на борьбе «жаков», средневековых крестьян как движущей силе средневековья, затем передал эту роль «третьему сословию», затем в «третьем сословии» ведущее место отвел буржуазии, а от крестьянских движений отвернулся с презрением и негодованием. Трансформация совершилась! Место «низов» занял «средний класс»¹. Тщетно потом некоторые народнически настроенные французские историки кричали об этом обмане, фокусе; вопль, например, Боннемера о том, что французская историческая наука выбросила за борт историю французского крестьянства, был услышан и одобрен более в России, — в частности, Чернышевским, — чем во Франции².

Таким образом, буржуазная историография подставила на место народа — «средний класс», на место крестьянства как основного класса феодального общества — «город» как некое бесклассовое понятие. Город занял первенствующее место если не во всей социальной картине средневековья, то уже во всяком случае среди прогрессивных сил средневековья. Под «городом», конечно, подразумевались не городское плебейство, как и не городской патрициат, а преимущественно опять-таки «средний класс» — бюргерство, буржуазия. Это второе направление старалось представить всю историю средних веков как историю возвышения и успехов (или временных неудач) городской, а отчасти и сельской, буржуазии. Борьба буржуазии за свои интересы — вот подлинный ключ к пониманию хода средневековой истории, не отдельных ее феодальных зигзагов и перипетий, которые сами по себе представляют лишь хаос и топтание на месте, а основного направления эволюции — социальной, политической и культурной. История средних веков — это дуэль между крепнущим сословием горожан (бюргеров, буржуа) и отстаивающим прошлое сословием дворян-феодалов. Процесс централизации и усиления феодальной монархии — это всего лишь оборотная сторона побед сословия горожан над своим противником, т. е. не столько наращивание аппарата насилия, сколько торжество «национальной государственности» над феодальной анархией. Всякое обновление и реформирование религии, как и создание нецерковной,

---

¹ См. М. А. Алтаов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы. — В кн.: «Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию акад. В. П. Волгина». М., 1955.

² См. И. И. Фролова. Э. Бонмер и его «История крестьян». — «Французский ежегодник», 1958. М., 1959.

светской культуры — это внедрение и успехи «буржуазного духа». Борьбе народных масс это направление отводит роль не движущей исторической силы, а движимой исторической силы: феодальное дворянство своими притеснениями вызывает народные «бунты», но они остаются бессмысленными и реакционными, если буржуазия не дает им тех или иных прогрессивных лозунгов — националистических, централизаторски-монархических, реформационных, республиканских и т. д.

В некоторых отношениях это второе направление в историографии средних веков представляет антитезу первому направлению. Но все же по существу оно является попыткой спасти тот же анимизм, но подновив его и перекрасив в наукообразный вид. Вводится понятие классов и классовой борьбы, как будто бы отрицающие полный произвол отдельных высокопоставленных лиц, — но разве буржуазия, которой приписывается теперь роль демиурга средневековой истории, не составляла в средневековом обществе тоже лишь незначительную горстку людей сравнительно с основной массой населения? Даже если включить в понятие буржуазия зажиточную верхушку деревни, — оно все равно охватит лишь горстку людей. Безличная и безымянная основная часть населения, — основная не только по количеству, но и по своей определяющей роли в жизни общества, т. е. вся масса трудящихся, производителей материальных благ, — по-прежнему выбрасывается из числа активных сил истории. История по-прежнему пишется и осмысливается «сверху вниз»; расширилось лишь понятие «верхов». По-прежнему немногие изображаются чем-то вроде сверхлюдей по отношению к многим. Расширился круг этих немногих, включив не только и не столько знатных, но и богатых. Это расширение несколько скрыло и замаскировало обнаженный анимизм первого направления. Но методологической сущностью и второго направления остается исторический идеализм, хотя бы и сочетающийся с материалистической струей.

Идеализм тут завуалирован. Для этого второго направления характерно оперирование понятием исторической закономерности, понятием развития, прогресса, оно выводит исторические судьбы средневековья не только из идеалов, мыслей, верований, морали, вкусов образованных горожан, но и из их экономических интересов, и тем самым — из «экономического фактора». До возникновения марксизма это еще было отчасти прогрессивно. Иное дело «экономический материализм» — одна из разновидностей того же направления, наиболее глубоко маскирующая его идеализм и потому наиболее опасная. Но несомненно, что и «экономический материализм» есть по существу идеалистический метод в истории; достаточно для примера указать на характерный скачок, который он делает от «рынка» к соответствующей «государственности», пренебрегая сущностью государства как матери-

альной силы, обуздывающей массы и, следовательно, подходя к государству с глубоко антиматериалистических позиций.

Все это второе направление в медиевистике является как бы промежуточным, скользящим от первого к третьему, но остановившемся на полпути. На деле оно именно призвано остановить, не допустить «соскальзывание» науки на материалистическую, революционную, демократическую позицию. Но шествие подлинной исторической науки не может быть остановлено. Историческая наука не может больше сводить историю общественного развития ни к действиям королей и полководцев, ни к действиям «верхов» вообще, ни к действиям «среднего класса», а устремляет свое внимание на историю производителей материальных благ, историю трудящихся масс, историю народов. Второе направление могло иметь лишь временный успех как попытка не допустить этого коренного перелома, как попытка подменить его полумерой.

Итак, и первое, и второе направление в медиевистике, и дворянское и буржуазное, являются идеалистическими. В противоположность им обоим третье направление является материалистическим. Только это материалистическое, т. е. марксистско-ленинское направление владеет подлинными объективными законами развития феодального общества, так же как верным ключом к анализу конкретных событий средневековой истории. Источник исторического движения оно видит не в действиях «верхов» или «среднего класса», а в борьбе «низов», трудящихся масс против эксплуатации.

Это вовсе не значит, что марксистско-ленинская медиевистика пренебрегает государями, полководцами, государственными деятелями, которые поглощали внимание первого направления, или действиями «третьего сословия», коммунальными движениями, городской буржуазной культурой, застилавшими глаза второму направлению. Но оба они, при всем своем различии, так глубоко исказили истину, так искусственно перекосили историческую картину, дали ее в такой ложной проекции и в то же время так прочно и широко закрепили свои представления в исторической литературе, что задача сейчас, разумеется, состоит прежде всего в контрастном сопоставлении на наследство и того и другого направления.

Надо ясно и неопровержимо показать, что именно является в истории феодального общества главным, основным, решающим, а что — вторичным и производным. Последовательное проведение тезиса, что основной движущей силой средневековой истории была антифеодальная борьба основного эксплуатируемого класса, крестьянства (и его союзника — трудящихся элементов города), требует радикальной ломки историографического наследства, — именно ломки, а не пристройки к старому зданию новых корпусов, ибо каждое из этих старых зданий

по своей архитектуре претендует на центральное положение. Чтобы правдиво показать роль народных масс, надо «потеснить» средневековое сословие горожан с того центрального места, которое ему отведено. Надо показать, что оно в действительности не занимало такого места в средние века. Историки если и не фальсифицировали, то во всяком случае искусственно подбирали факты из источников. Какая-нибудь «Ланская коммуна» как пример победы средневековых буржуа превращена в событие чуть ли не всемирно-исторического значения, хотя в действительности и город Лан был второстепенным во Франции, и «победа» весьма сомнительна. Да и сословие горожан очень искусственно сближается с буржуазией в современном смысле слова, ибо в подавляющем большинстве случаев горожане не имели никакого отношения к капиталистическому способу производства.

Каждое из перечисленных трех направлений по-разному относится и к историческим источникам. К первым двум направлениям историографии относятся слова Маркса и Энгельса об идеалистической концепции истории: «...Каждый раз при изображении той или другой исторической эпохи она вынуждена была *разделять иллюзии этой эпохи*. Так, например, если какая-нибудь эпоха воображает, что она определяется чисто «политическими» или «религиозными» мотивами, — хотя «религия» и «политика» суть только формы ее действительных мотивов, — то ее историк усваивает себе это мнение»³. Наиболее полно иллюзии средневековых источников воспроизводило первое направление. Ведь подавляющая масса памятников средневековья стоит именно на этой же бесконечно далекой от материализма, анимистической, примитивной точке зрения, производящей все факты окружающей жизни из воли и инициативы «верхов», творящих из ничего — как боги — судьбы народов. Неизмеримо меньше существует средневековых памятников, написанных с позиции образованных горожан, сознающих себя, свое сословие, свой круг как особую и тем более первостепенную общественную силу. Зрелого же буржуазного мировоззрения средневековье вовсе не знало. Поэтому и фактов, в которых удалось второе направление, неизмеримо меньше в источниках. Второму направлению пришлось выработать сложные приемы обработки и научной критики источников, чтобы обосновывать свои концепции.

Но источников, отразивших третий, собственно научный взгляд, согласно которому борьба широких народных трудящихся масс объясняет всю жизнь средневековья, не существует вовсе. Такой взгляд и не мог существовать в феодальном обществе. Сравнительно немного источников, говорящих вообще что-либо о простом народе. Ничтожно мало источников, отражающих мысли и настроения народа. Но обла-

---

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — Сочинения, т. 3, стр. 38.

дание правильной научной теорией дает возможность марксистско-ленинской медиевистике выработать неизмеримо более высокую школу критики источников и богатейшего использования косвенных свидетельств источников.

Подведем итоги. Как видим, мнение, что буржуазия играла какую-то особенно видную роль в развитии средневекового общества, извлечено не из фактов. А. М. Горький совершенно правильно писал: «Имеется полное основание надеяться, что, когда история культуры будет написана марксистами, — мы убедимся, что роль буржуазии в процессах культурного творчества сильно преувеличена... Буржуазия не имела в самой себе и не имеет тяготения к творчеству культуры»⁴. Все эти преувеличения являются плодом не изучения фактов, а определенных методологических, философских позиций историков. Они отвечают и политическим интересам буржуазии. Но они противоречат науке. В частности, чтобы преувеличить роль буржуазии в средние века, понятие «буржуазия» смешивают с понятием «горожане вообще», «зажиточные люди вообще» и т. д.

Поэтому-то, чтобы нанести поражение буржуазной медиевистике, надо прежде всего судить о зарождении и развитии капиталистического уклада по наличию и степени зрелости другого класса, характеризующего капиталистический способ производства: класса наемных рабочих. Без наличия обоих этих полюсов не может быть и речи о каком бы то ни было, хотя бы неразвитом, капитализме. Немыслимо судить о развитии капиталистических отношений по одному из этих классов. Надо охарактеризовать состояние обоих классов, буржуа и пролетариев. Но буржуа в буржуазной медиевистике поставлены на самый первый план, а пролетарии — на самый задний. Следовательно, для восстановления научной истины требуется уделить особенно большое внимание генезису класса наемных рабочих в недрах феодального общества⁵.

И в самом деле, рабочий является важнейшей производительной силой капиталистического производства. Если он еще не созрел, если нет налицо работников с подходящим запасом производственного опыта и трудовых навыков, то никакие богатства капиталовладельцев не могли бы создать капиталистической промышленности. Об этом говорит уже географическое распределение первоначальных очагов капиталистического производства. Скажем в России в XVII в. первые железодельные и оружейные предприятия капиталистического типа возникли именно в тех районах Тульской области, где уже раньше были развиты кузнечные и оружейные народные, ремесленные промыс-

⁴ М. Горький. О литературе. М., 1955, стр. 731.

⁵ Об условиях зарождения капиталистического производства см. ч. I, гл. IV.

лы, где имелись кадры замечательных виртуозов-мастеров из народа. Капиталисты, к тому же из приезжих иностранцев, подчинили себе эти кадры, воспользовавшись их экономической нуждой. В частности, при производстве изделий из литого чугуна русские ремесленники уже умели применять вододействующие сооружения для использования механической силы падающей воды и сложные печи, но это оборудование для каждого из них в отдельности было, разумеется, как правило, слишком дорого. Капиталисты и утилизировали нужду рабочих в сложных средствах производства. Иностранцы-предприниматели, часто технически безграмотные, получали у царского правительства привилегии и монополии, вкладывали средства, основывали заводы и подчиняли себе работников производства. Развитие производства могло осуществиться только через антагонизм труда и капитала, но источник этого развития, как видно из данного примера, лежал в труде. Практиковалась на Руси с XVII в. и широкая переброска предпринимателями кузнецов в отдаленные края, где имелось больше руды: из Казани — на Урал, из Устюжны — в Сибирь и т. д.⁶ Но и это только подтверждает, что основой всего генезиса капиталистического предпринимательства было использование капиталовладельцами трудовых навыков и технического искусства, накопленных и выработанных наиболее продвинувшейся вперед частью «простого» народа.

Если обратиться к Западной Европе, то точно то же можно наблюдать при возникновении металлургии или шерстяной мануфактуры в Англии, ряда отраслей мануфактурной промышленности во Франции и т. д. Хотя и не всегда, но в очень большом числе случаев капиталистическая мануфактура (особенно рассеянная, но также и централизованная) возникала в том или ином районе не столько из-за наличия источников сырья (сырье иногда было привозное), сколько из-за наличия там соответствующего народного промысла, следовательно, из-за наличия там подготовленных, умелых, владеющих мастерством рабочих рук. Возникновение капитализма — это подчинение производителя капиталу. Следовательно, капиталисты не создали, а подчинили себе производителей нового типа, которые вовсе не хотели быть эксплуатируемыми, но вынуждены были подчиниться. Иными словами, наличие работников производства, представлявших новую, высшую производительную силу, было предпосылкой возникновения капитализма. Но эта возможность могла стать действительностью только через антагонизм — через их подчинение капиталу.

Откуда же взялись эти предшественники рабочего класса?

Мы не можем здесь подробно останавливаться на сложном и мно-

---

⁶ Б. Яковлев. Возникновение и этапы развития капиталистического уклада в России. — «Вопросы истории», 1950, № 9.

гообразном пути зарождения рабочего класса в Европе (см. нашу первую часть статьи «Рабочий класс» в Большой Советской Энциклопедии, изд. 1-е). Здесь нам достаточно дать самый суммарный ответ. В конечном счете и буржуазия и пролетариат вышли из феодального крепостного крестьянства. Маркс в «Нищете философии» указывает, что из крепостного крестьянства, «пролетариата феодальных времен», произошли и современный пролетариат, и современная буржуазия⁷. Но произошли они по-разному, из разных элементов крестьянства, из разных тенденций крестьян, искавших освобождения от феодального гнета.

Как видим, вопрос о зарождении новых классов снова возвращает нас к основному классовому антагонизму феодального общества.

В главе второй данной (второй) части мы рассмотрели разные формы сопротивления крестьянства феодальной эксплуатации. Несомненно, что генезис буржуазии связан с самой низшей из этих форм, со скрытым, индивидуальным, не революционным, а узко экономическим сопротивлением. Но вопрос о генезисе производительного класса капитализма, рабочих, напротив, заставляет нас еще раз вернуться к высшим формам крестьянской антифеодальной борьбы.

Возникновение рабочего класса подготавливалось всем ходом расшатывания крепостного права в Западной Европе. Падение личной крепостной зависимости, широчайшее освобождение крестьян через уходы в города, распространение отношений аренды и найма, — все это было накоплением количественных изменений в положении трудящихся, которые со временем дадут новое качество. С XIV–XV вв. в большинстве стран Западной Европы крестьянина уже нельзя продать или купить, он все шире пользуется новым юридическим положением, когда он вправе распоряжаться своей рабочей силой, т. е. когда он подчиняется экономическому, а не внеэкономическому принуждению. В Восточной Европе этот медленный процесс был сорван или по крайней мере сильно замедлен реакцией — возрождением крепостного права, которое Энгельс назвал «вторым изданием крепостного права». Но в Западной Европе процесс шел все дальше, к полному падению прямой внеэкономической зависимости — к зрелости отношений свободного найма рабочей силы. Поскольку главное средство производства — земля — оставалось в монопольной собственности господствующего класса, трудящийся оставался придавленным феодальной зависимостью, но уже не личной, а поземельной. Однако те трудящиеся, которые овладевали каким-либо мастерством, не связанным с землей, в этих новых исторических условиях освобождались еще значительно

---

⁷ К. Маркс. Нищета философии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 144–145.

успешнее, чем в эпоху возникновения городов. Так в процессе борьбы трудящихся за свое освобождение возникали предки рабочего класса, которые в дальнейшем были закабалены новым эксплуататорским классом, тоже вышедшим из рядов трудящихся, — капиталистами.

Кто понял бы двадцать четвертую главу «Капитала» в том смысле, что рождение рабочего класса было жестокой и мрачной трагедией человеческой истории, и ничем больше, понял бы ее совсем неверно. Рождение рабочего класса было великим прогрессом, а прогресс достигается борьбой. Маркс считал необходимым, в противовес буржуазным экономистам и историкам, изображавшим возникновение капитализма как идиллию, остановиться на насилиях со стороны господствующего класса, на страданиях возникающего пролетариата — пауперизме, образовании резервной армии неимущих. Но и тут же, и во многих местах «Капитала» мы находим и другую сторону.

По словам Маркса, «непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращается его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица. Далее, чтобы стать свободным продавцом рабочей силы, который несет свой товар туда, где имеется на него спрос, рабочий должен был избавиться от господства цехов, от цеховых уставов об учениках и подмастерьях и от прочих стеснительных предписаний относительно труда. Итак, исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих, выступает, с одной стороны, как их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения»⁸. Маркс указывает, что только эта сторона существует для буржуазных историков. Они изображают ее как мирный правовой прогресс. Другая же сторона — это насильственная экспроприация земли у сельского населения. Однако и первая сторона, раскрепощение производителя от феодальной зависимости, должна нами трактоваться не в духе буржуазных историков, не как юридическая эволюция, а тоже как насилие, но насилие революционное, насилие снизу, а не сверху.

Превращение части крестьян в рабочих было поражением непосредственных производителей в смысле утраты ими своего хозяйства и связи с землей, но их победой в смысле раскрепощения от всех остатков феодальной зависимости.

По словам Ленина, исторической предпосылкой капитализма является «наличность «свободного» в двояком смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйственно-

---

⁸ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 720.

го рабочего...»⁹ Ясно, что он мог стать свободным в первом смысле, свободным от всяких феодальных стеснений и ограничений товаровладельцем только в результате своей собственной энергичной борьбы с этими стеснениями и ограничениями. Но его победа была обращена в его поражение. Для пояснения этого можно провести аналогию между «первоначальным накоплением» на Западе и «крестьянской реформой» в России. Реформа 1861 г. тоже была шагом по пути отделения производителя от средств производства, была грандиозным ограблением крестьян. Но ведь, с другой стороны, царское правительство было принуждено к реформе огромным подъемом крестьянской освободительной борьбы. Крестьянство своей борьбой добилося «освобождения», но его экономическое положение от этого стало не лучше, а хуже. Вот примерно так же обстояло дело с возникновением рабочего класса во всей Европе.

Свобода рабочего от какого бы то ни было внеэкономического принуждения — плод напряженной освободительной борьбы. Это не значит, что некоторые непосредственные производители заранее имели перед собой цель: превратиться в наемных рабочих. Напротив, несомненно, что потерять свое хозяйство было мучительно. Привычки, взгляды, традиции мешали этому превращению. Но стихийная логика классовых противоречий вела передовую часть феодального эксплуатируемого класса по этому восходящему пути. Полностью освобождались от феодальной эксплуатации только те, кто становился рабочим. Одни цеплялись еще за фикцию собственного крестьянского хозяйства, на деле переходя к существованию от «промысла» — отхожого или на месте. Другие, принужденные вовсе порвать с землей или цеховой мастерской, становились олицетворением разрыва с феодализмом и его отрицания. Если они не представляли новой производительной силы — они гибли; если же обладали высоким производственным опытом, тем или иным искусством, в поколениях накопленными трудовыми навыками, — они понемногу становились фундаментом нового способа производства.

Новый способ производства возник только через антагонизм — через подчинение капиталу этих работников производства нового типа. Но движущим началом при его зарождении в недрах феодального общества было не корыстолюбие буржуазии, которое само по себе ничего в истории объяснить не может. Движущее начало — это развитие непосредственных производителей, соответствующих новому характеру производительных сил, причем развитие в борьбе, в сопротивлении прежней форме эксплуатации. Зарождение нового способа производства — это результат максимального, предельного обострения того

---

⁹ В. И. Ленин. Карл Маркс. — Полн. собр. соч., т. 26, стр. 64.

антагонизма, который характеризует предшествующий способ производства — феодальный.

Если взять классическую страну капитализма, Англию, в ту эпоху, когда в ней складывался мануфактурный капитализм, то мы прежде всего заметим такую накаленную социальную атмосферу, которую в известном смысле можно назвать революционной атмосферой. Неспokoйные, «буйные» низы заполняли дороги, волновали города и деревни Англии. Сильное абсолютистское государство Тюдоров подавляло вспыхивавшие снова и снова народные восстания. Но кривая народного сопротивления и при этом условии шла вверх: ее качественно новым проявлением и было рождение рабочего класса¹⁰.

Но сначала отступим от этого классического английского примера и попробуем поставить вопрос в самой общей форме: почему капитализм раньше всего зародился и развился именно в Западной Европе, а не в каком-либо другом месте земного шара?

Ясно, что ответ надо искать в особенностях предшествовавшего развития феодализма в Западной Европе. Начать надо будет издалика — с того, что здесь находилось некогда наиболее развитое рабовладельческое общество и, соответственно, революционный переход от рабовладения к феодализму носил наиболее глубокий и острый характер. Но далее надо уже конкретнее сравнить развитие основного феодального антагонизма, скажем, в Восточной и в Западной Европе.

Во второй главе мы уже установили, что исторические условия долго сохранили в Восточной Европе значительные возможности для крестьянских уходов, переселений. А чем шире возможности для этой формы крестьянского сопротивления, тем медленнее созревает высшая форма борьбы — восстание. Острота основного антагонизма феодального общества как бы в некоторой мере рассасывается возможностью ухода на окраины для части населения. В Западной же Европе эти возможности были исчерпаны значительно раньше. Поэтому в Западной Европе основной антагонизм феодализма раньше достиг своей высшей стадии.

Нельзя не связать этих наблюдений самым прямым образом с вопросом о темпах созревания капиталистического уклада. О России XIX в. Ленин писал, что она сравнительно с другими капиталистическими странами находилась в особых условиях «вследствие обилия свободных и доступных колонизации земель на ее окраинах»¹¹. «Развитие капитализма вглубь в старой, издавна заселенной территории за-

---

¹⁰ См. В. Ф. Семенов. Пауперизм в Англии XVI века и законодательство Тюдоров по вопросу о пауперах. — «Средние века», вып. IV, 1953.

¹¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, стр. 596.

держивается вследствие колонизации окраин»¹². Противоречие между возникающим капитализмом и старыми крепостническими порядками должно бы было привести к ликвидации этих крепостнических порядков, «но возможность искать и находить рынок в колонизируемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение»¹³. Эти слова Ленина относятся к эпохе, когда капитализм уже был налицо, но их методологическая основа вполне применима и к более ранней исторической эпохе. В качестве причины отставания русского капитализма от западного Ленин тут указывает возможность колонизации окраин, в частности, возможность для крестьян уйти на новые земли. Следовательно, правильно будет и обратное заключение: что причина наиболее раннего развития капитализма именно на Западе — в отсутствии там такой возможности.

В самом деле, Западная Европа представляет собою большой, окруженный с трех сторон морями, полуостров евразийского материка. Поскольку мы говорим о процессах, касающихся огромных толщ населения, многих миллионов людей, и охватывающих огромный период времени, эта закономерность имеет статистический характер. Направления миграции населения были в Западной Европе ограничены этим естественным препятствием — морем. А сдвиг населения в сторону Восточной Европы, хотя и происходил до XIV в., был в конце концов заперт: колонизация немцами славянских земель была остановлена нараставшим отпором: национальные, политические и религиозные границы закрыли Восточную Европу для сколько-нибудь широкого переселения с Запада. Тем более невозможной с течением времени стала миграция для французов; хотя они и затопили лежавшую к востоку от них Бургундию, их колонизационное движение упиралось в Германию, Испанию, Италию, море. Именно в странах, лежавших по самому краю большого западноевропейского полуострова, «на краю света», гранича с морем, неумолимо закрывавшим дорогу для крестьянских переселений в некоторых или даже почти во всех направлениях, — именно в этих странах раньше всего начались крестьянские восстания и именно в этих же странах раньше всего зародился капитализм.

Исторические судьбы каждой из этих стран сложились очень по-разному. Но общей для них чертой было раннее и крайнее обострение основного классового антагонизма феодального общества.

Здесь особенно уместно еще раз подчеркнуть, что речь идет вовсе не об идеализации крестьянских восстаний. Крестьянские восстания были симптомом крайней остроты феодального антагонизма, — но ес-

---

¹² Там же.

¹³ Там же.

ли феодальный класс не мог противопоставить им достаточно эффективную надстройку, в частности политическую, то слишком ранние и легкие успехи крестьянских восстаний приводили только к рассасыванию этой остроты феодального антагонизма, а не к капитализму. Так было в Норвегии и Швеции. Из всей Европы Скандинавский полуостров и Британские острова по своему географическому положению менее всего благоприятствовали широкому выселению крестьян (отчасти с ними можно сравнить Апеннинский полуостров). И действительно, именно здесь, в Скандинавии и Англии, раньше всего началась вооруженная крестьянская борьба, — начало ее восходит уже к XI в. Сила крестьянского сопротивления превосходила силу господствующего класса. Но в Англии дело господствующего класса было спасено завоевателями, которые явились из Франции, из герцогства Нормандии, обладавшего своего рода излишком политического могущества. Маркс в конспекте книги Грина дает такое четкое объяснение установлению в Англии в XI в. сильной монархии Вильгельма Завоевателя: «Ему нужна была *армия достаточно сильная, чтобы в любую минуту усмирить народное восстание*»¹⁴. Хотя борьба продолжалась, и даже преемник Вильгельма Завоевателя погиб, по-видимому, от стрелы английского крестьянина, нормандское завоевание Англии все же настолько переменяло соотношение сил, что обеспечило господствующему классу возможность закрепощения крестьянства и упрочения феодализма. Из дальнейшего обострения противоречий феодального способа производства в Англии рождались новые и новые волны крестьянских восстаний, но вместе с тем и ранние зачатки капитализма, прежде всего — ранние зачатки рабочего класса. Совсем иначе протекало дело в Скандинавии. Крестьянские восстания в Норвегии уже к концу XII в. завершились значительной победой над феодалами. Помощи извне последние не получили, так как вооруженные силы ближайших — германских — феодалов были заняты на многих других направлениях. Крестьяне не допустили установления в Скандинавии крепостного права. Скандинавский феодализм остался недозрелым, капитализм долго не зарождался в его недрах, так как основной антагонизм феодального строя, рано разряженный крестьянскими успехами, был тут выражен недостаточно остро, недостаточно глубоко¹⁵. На Апеннинском полуострове, в Италии, тоже очень рано крестьянское сопротивление феодальной эксплуатации стало перерастать в высшую

---

¹⁴ См. К. Маркс. Конспект работы Грина «История английского народа». — Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 323–326.

¹⁵ См. А. Я. Гуревич. Свободное крестьянство и феодальное государство в Норвегии в X–XII вв. — «Средние века», вып. XX, 1961; А. С. Кан. Социально-экономическая характеристика шведской деревни в первой половине XVII века. — «Средние века», вып. IX, 1957.

форму. Но вдобавок к силам итальянских феодалов папство и Империя прибавили немало своих политических, материальных и духовных ресурсов. В Италии непримиримость классового антагонизма, невозможность для крестьян улучшить свое положение ни путем уходов в города, в монастыри и т. д., ни путем восстаний, — очень рано содействовала образованию обильных кадров рабочих. Флоренция уже в XIV в. стала первым в Европе очагом капиталистической мануфактуры, занимавшей множество рабочих рук. Но если в Скандинавии силы феодального отпора давлению «низов» оказались слишком малы, то в Италии они оказались слишком велики, — благодаря возрастающему участию в борьбе папства, Империи и других европейских держав. Диалектика истории такова, что и то и другое тормозит развитие. Ранний итальянский капитализм был буквально затоплен, как островок, океаном феодальной реакции. С XV в. началась обратная деградация рабочих к положению крестьян.

В трех самых западных европейских странах, выдвинутых в Атлантический океан, в Испании, Франции и Англии, не случайно с конца XV в. сложился абсолютизм. Наименьшая возможность для уходов крестьян поднимала здесь весь уровень классовой борьбы на наибольшую высоту. Высший тип феодального государства отвечал здесь, особенно в Англии и Франции, преобладанию высшей формы крестьянского сопротивления, восстаний, наличию наиболее развитых элементов нации, наличию наиболее развитых городов (из Испании же, как отмечалось выше, происходил некоторый отлив населения в Северную Африку). Высокоразвитой феодальной надстройке удавалось здесь защищать феодальный базис от высокоразвитых сил, боровшихся против эксплуатации. И это крайнее напряжение антагонизма, присущего феодальному строю, в конце концов и возгоняло энергию части трудящихся эксплуатируемых масс до поисков выхода на путях мучительного разрыва со всем прошлым, которым так дорожило крестьянское сознание, на путях стихийного, тягостного превращения в вольнонаемных рабочих, — в новую производительную силу, в новый класс, в новый тип человека. На этом фундаменте складывался мануфактурный капитализм в Испании (где он заглох в XVI в.), во Франции и, в особенности, в Англии.

Как мы уже сказали, социальная атмосфера в Англии в эпоху формирования мануфактуры была до предела накаленной, была атмосферой, напоминающей революционную ситуацию. Об этом свидетельствует сама ярость «кровавого законодательства против экспроприированных». Оно носило явно карательный характер. По словам Маркса, «одной из основ, укреплявших деспотизм Тюдоров, была социальная

опасность»¹⁶. Законы против «здоровых бродяг» всем своим содержанием говорят о том, что заполнившие дороги толпы бедняков представляли не послушное стадо, а грозную для существующего строя силу, с которой надо было бороться всей мощью государственного, насилия. Маркс привел леденящее кровь содержание этих законов, издававшихся снова и снова на протяжении XVI и начала XVII в. Схваченный «бродяга» подвергается бичеванию, «пока кровь не заструится по телу», пойманных вторично заключают в тюрьмы, клеймят раскаленным железом, калечат отрезанием ушей, в третий раз — их казнят беспощадно как государственных преступников¹⁷. Да, с ними боролись именно как с государственными преступниками, как с угрозой существующему строю. Маркс приводит показания современников: в царствование Генриха VIII было повешено 72 тыс. человек; во времена Елизаветы «бродяг вешали целыми рядами, и не проходило года, чтобы в том или другом месте не было повешено их 300 или 400 человек», не считая огромного числа подвергавшихся клеймению, наказанию плетью и т. д. Как видим, по масштабам — это целая социальная битва в недрах общества.

Закон 1547 г. всякого, уклоняющегося от работы, отдает в рабство тому лицу, которое донесет на него как на праздношатающегося. Хозяин может надевать на него железные кольца, цепи, принуждать к любому труду плетью, ставить ему раскаленным железом клеймо на лоб, щеку, грудь. Если раб убегает, — «его казнят как государственного преступника». Если рабы замышляют что-либо против своих господ, они также подлежат смертной казни.

Большинство этих законов предписывало «бродягам» искать не новое место работы, а возвратиться к прежнему месту жизни и работы, «на родину» или туда, где они работали последние три года. Да и доносили на «праздношатающихся», несомненно, преимущественно знавшие их прежние господа. Эти кровавые законы прямо трактуют бродяг, говорит Маркс, как «"добровольных" преступников»¹⁸, т. е. активно порвавших с прежними условиями феодальной жизни. «Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг — частью добровольно, в большинстве случаев под давлением необходимости»¹⁹. Конечно, «добровольно» здесь тоже значит по необходимости: Маркс приводит слова Томаса Мора, разъясняющие его мысль, — о том, как землевладелец «собирает в своих руках тысячи акров земли и обносит

---

¹⁶ См. К. Маркс. Конспект работы Грина «История английского народа». — Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 404.

¹⁷ См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 738–640.

¹⁸ Там же, стр. 738.

¹⁹ См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 738.

их плетнем или забором, или своими насилиями и притеснениями доводит собственников до того, что они вынуждены продать все свое имущество. Тем или другим способом, не мытьем, так катаньем, донимают их, и они, наконец, вынуждены выселиться, — эти бедные, простые, несчастные люди!»²⁰

Иными словами, лорды сгоняли крестьян, если речь идет о XVI в., захватом части их земли, сокращением их наделов ниже всякого минимума, захватом выгонов для скота, утяжелением условий, — уход крестьян с земли был актом отчаяния и протеста против этих новых невыносимых условий. Лорды, конечно, ничего не имели бы против, если бы они могли покорно примириться со своей участью и со своих остающихся нищенских клочков выплачивать жирные ренты. Слепой субъективной целью феодальных «кровавых законов» было всего лишь загнать их назад и удержать их — хотя бы методами откровенного рабства. Но объективным результатом было качественно нечто совсем новое. Трудящиеся, порвав с феодалами, со всякими феодальными отношениями, не стали свободными. Однако и противостоявшее им насилие не загнало их обратно, ни в феодальную зависимость, ни, тем более, в рабство. Кончилось тем, что их загнали под новое ярмо — ярмо капитализма, — только в появлении этого нового антагонизма и могла реализоваться их победа над старым антагонизмом. В долгой борьбе, — борьбе отнюдь не за капитализм, — трудящиеся отстаивали, скажем, такое право, без которого был бы невозможен капитализм, как право свободного передвижения по стране, и в этом смысле они вышли победителями из поединка со всеми кровавыми законами против «бродяжничества». Они отстаивали и другое право, без которого было бы невозможно капиталистическое экономическое принуждение, а именно право на добровольность трудовых соглашений, несмотря на все неистовства «рабочих законов», предписывавших принимать первое же сделанное предложение и соглашаться на первые поставленные условия. Они отбили реакцию, отбили все законы о рабстве и принудительном труде. Но они стали наемными рабами капитала.

Поясним сказанное еще раз. Субъективным стимулом «так называемого первоначального накопления» отнюдь не было создание наемных рабочих. Точно так же и субъективным стимулом массы выброшенных на дороги пауперов не было превращение в наемных рабочих. Маркс великолепно обобщил это в словах: «...Единственным источником существования этой массы была либо продажа своей способности к труду, либо нищенство, бродяжничество и разбой. Исторически установлено, что эти люди сперва пытались заняться последним, но с этого пути были согнаны посредством виселиц, позорных столбов и

---

²⁰ Там же, стр. 740 (примеч. 221а).

плетей на узкую дорогу, ведущую к рынку труда»²¹.

Итак, на примере Англии наглядно видно, что рождение рабочего класса происходило в процессе борьбы трудящихся против феодальной формы эксплуатации. Но если это и было своего рода победой, то такой, которая могла быть завершена только через их поражение: через установление новой формы эксплуатации, хотя и более прогрессивной, т. е. капитализма.

Пролетариата нет без буржуазии. Однако буржуазия имела совершенно другую предысторию, чем пролетариат. Предки обоих классов возникли в стороне друг от друга. Классами же в точном смысле слова они стали только тогда, когда экономически соединились, и когда таким образом возник капиталистический способ производства.

Иными словами, превращение части феодальнозависимых крестьян в вольнонаемных рабочих, связанных с рутинной техникой земледельцев — в вооруженных известным искусством специалистов промышленности, морского или военного дела, рассчитывающих найти себе заработок путем добровольного найма, — все это — огромный шаг на пути раскрепощения себя непосредственными производителями. Они, разумеется, думали не о том, что окажутся в лапах другого эксплуататорского класса. Они добивались большей свободы. Даже в экономически тяжчайшем положении бродяг, нищих они видели больше человеческого достоинства и свободы, чем в феодальной кабале. Тем более — в положении вольнонаемного, особенно если он владеет какой-либо ценной специальностью. Солдаты-наемники как массовое явление исторически предшествовали (по крайней мере на континенте Европы) массовому применению наемного труда в производстве. Лишь по мере того как «низы» добивались закрепления этих прав — права служить добровольно, а не по принуждению, права распоряжаться собой, права заключить или отвергнуть договор об оплате, права уйти в поисках лучших условий, — обнаруживались и новые «верхи», превратившие все это в новую форму рабства — в наемное рабство.

Как известно, историческим предшественником мануфактурного предпролетариата было и так называемое «плебейство» городов позднего средневековья. Это были частицы феодального общества, которые уже вырвались из его орбиты, но еще и не оказались в орбите капиталистического способа производства. По словам Энгельса, плебеи «были единственным классом, находившимся совершенно вне существующего официального общества. Они стояли как вне феодальных, так и вне бюргерских связей... Они были живым симптомом разложения феодального и цехово-бюргерского общества и в то же время первыми

---

²¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 44.

предвестниками современного буржуазного общества»²².

Плебейство представляло неоднородный конгломерат разных элементов. В него входили, с одной стороны, производители, обладавшие известной профессией — разорившиеся ремесленные мастера, подмастерья, с другой стороны, — вышедшая из деревни деклассированная масса людей, «лишенных определенной профессии и постоянного местожительства», которая частью нищенствовала, бродяжничала, частью постепенно срасталась с экономической жизнью города в качестве вольнонаемных работников, чернорабочих, поденщиков, добывая «свое скудное пропитание в городах поденной работой и другими занятиями, не требовавшими принадлежности к какому-либо цеху»²³. Но характерно, что Энгельс в «Крестьянской войне в Германии» говорит гораздо чаще о «плебейской оппозиции», чем о «плебействе». Он видит в плебействе не столько отстоявшийся социальный слой, которому можно дать точное экономическое определение, сколько явление из области классовой борьбы. Это — социально беспокойные элементы, куда-то движущиеся, отрицающие старые, феодальные производственные отношения, но еще не нашедшие новых.

Исторические потенциальные элементы рабочего класса становились рабочим классом через порабощение их капиталом.

Возможность этого нового порабощения непосредственных производителей вытекала из того, что чем выше они развивались как новая производительная сила, тем более нуждались в различных материальных средствах производства, которыми сами не обладали. Отчасти это наблюдалось еще со средневековыми городскими ремесленниками. Некоторые производства нуждались в капитальном оборудовании, воспроизвести которое каждый ремесленник не мог, некоторые — в привозимом издалека сырье. Это ставило их в известную зависимость от капитала. Но цехи препятствовали развитию капитализма в старых средневековых городах. Возникновение мануфактурного капитализма связано именно с нуждой непосредственных производителей в материальных средствах производства. Снабжение производителя сырьем, помещением, транспортировка его изделий до места сбыта — все это рычаги, которые ставили производителя в экономическую зависимость от владельца капитала. Монополия капитала на материальные средства производства создавала почву для экономического принуждения. Чем выше был технический уровень производства, тем сильнее было действие этой монополии. Поэтому настоящее порабощение труда капиталом совершилось лишь через введение машинного производства. А

---

²² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс к Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 363.

²³ Там же, стр. 354–355.

до введения машин, на технически еще не сложной мануфактурной стадии, новый способ эксплуатации был еще не вполне развившейся экономической тенденцией.

Как видим, вопрос о возникновении капиталистического уклада в недрах феодального общества имеет совсем другую сторону, чем только «интересы» и «выгоды» буржуазии. Капиталовладельцы появились задолго до капиталистического уклада, — ростовщиков и купцов мы видим во всех феодальных странах, во все времена средневековья. «Выгода» руководила всей их деятельностью. Но только там и тогда они превращались в промышленников, в представителей капиталистического способа производства, где и когда зарождался рабочий класс.

Однако и зачатки рабочих могли стать представителями нового способа производства только при наличии противоположного полюса — буржуазии. Как же исторически возникал этот другой полюс?

Как мы уже говорили, буржуазия тоже вышла в основном из крестьянской массы. Она представляет часть непривилегированного населения феодального общества, но поднявшуюся над массой путем обогащения. Если предки пролетариата появились вследствие непримиримости противоречия между основными классами феодального общества, то предки буржуазии, напротив, — плод относительной примиримости этого противоречия.

Указанная склонность феодального крестьянства легко успокаиваться на достигнутом небольшом успехе, добиваться не уничтожения эксплуатации, а хоть небольшого ее облегчения, способствовала во всей средневековой истории расколу крестьянского класса. Успех почти всегда мог быть лишь успехом немногих из общей массы. Этим расколом господствующий класс умел пользоваться, чтобы ослабить общую силу народного давления на феодальный строй.

Никогда во всей истории феодализма крестьянство не представляло собой сплошной, однородной массы. Задолго до каких-либо признаков капиталистической дифференциации мы можем различать в нем весьма разные группы по правовому и имущественному положению. Но и в то время, и позже, при наличии капиталистической дифференциации, крестьянство оставалось одним классом постольку, поскольку оставался общий антагонизм всех его элементов классу феодалов, т. е. пока оставался феодализм. Следовательно, классу феодалов всегда было выгодно, чтобы крестьянство было неоднородно, так или иначе дифференцировано, ибо это уменьшало общую силу антагонизма.

Далее, на основе этой неоднородности в рядах непосредственных производителей происходил и откол от массы народа некоторого верхнего слоя, который уже нельзя считать принадлежащим к народу. Он обычно не действует заодно с народной массой, он так или иначе притесняет или эксплуатирует народ, но он и не принадлежит к классу

феодалов. Этот отколотый от народа слой, получающий более или менее привилегированное положение, всасывает в себя немало активных, деятельных элементов крестьянства.

В результате этого раскола сословия «простолюдинов» совокупная сила народного сопротивления феодальной эксплуатации терпела огромный и материальный и моральный ущерб. Причем вместе с прогрессирующим нарастанием силы крестьянского сопротивления непрерывно увеличивалась и социальная роль этой «средней» группы (вернее, групп), расширялись предоставляемые ей господствующим классом экономические, а отчасти и политические возможности.

Такова, наконец, последняя причина, объясняющая нам многовековую эластичную стойкость феодализма. Между двумя основными антагонистическими классами существовала прослойка. Сама по себе эта «третья сила» вовсе не была силой. В течение долгой эпохи средневековья она отнюдь не представляла какого-нибудь нового способа производства в недрах старого. Это были просто промежуточные социальные слои, естественно возникающие там, где общество состоит из двух антагонистических классов. Но именно благодаря огромной напряженности основного антагонизма эти средние слои приобретали известную самостоятельность, могли маневрировать, играть в некоторые моменты роль арбитра, парализовать открытые классовые конфликты. Отсюда и иллюзия, возникающая у историков, будто самое существенное, самое интересное, самое важное в истории средних веков — не основной классовый антагонизм феодального общества, остающийся в тени, а вот это осложняющее картину средостение.

В раннем средневековье такую роль играл уже упоминавшийся нами слой «мелких вотчинников», «мелкопоместных аллодистов».

С возникновением городов начинается возвышение другого «среднего класса», как недвусмысленно называли в течение столетий всю буржуазию. Она тоже вышла из недр крестьянства, из его деятельных и в известном смысле «неспокойных» элементов. Она сложилась в качестве общественной группы, ищущей себе места между двумя основными классами феодального общества и крепнущей благодаря их антагонизму. Со слоем «мелких вотчинников» она находилась в тесном генетическом родстве. Подчас они выступали в тесном единстве, подчас соперничали друг с другом за обладание ролью «арбитра» в общественной борьбе.

Как «мелкие вотчинники», так и те зажиточные крестьяне, которые становились ростовщиками, скупщиками и перекупщиками продуктов, купцами, богатыми горожанами, были плодом самых неревolutionных тенденций среди средневекового крестьянства. Выше мы обозначали норму феодальной эксплуатации, т. е. отношение прибавочного продукта к необходимому, формулой П/Н. Всякая активность, направ-

ленная лишь к относительному или абсолютному увеличению знаменателя в этой пропорции, не была, собственно говоря, революционной: она не отрицала в принципе феодальной эксплуатации. Но среди нереволлюционных форм противодействия феодальному гнету самым нереволлюционным было такое, которое было направлено не к изменению в положении и отношениях целых классов, а к образованию излишка в руках отдельных крестьянских хозяйств. В самом деле, о возрастании необходимого продукта закономерно говорить, только когда это — возрастание его среднего общественного уровня, т. е. когда для крестьянского класса в среднем увеличивается объем личного или хозяйственного потребления, например, те или иные городские изделия становятся обычными, общепринятыми в крестьянском доме. Или, допустим, отменяется, отмирает та или иная феодальная повинность. Но ничего этого нет, когда в тех или иных отдельных группах хозяйств образуется избыток, «достаток», превышающий средний уровень необходимого продукта и в то же время не достающийся эксплуататорам в качестве прибавочного продукта.

Вот эта дополнительная величина, эта заявка на новый уровень необходимого труда, если только ее устойчиво удастся закрепить некоторой части крестьян, и является экономическим источником формирования «третьей силы» в феодальном обществе.

Этот избыток становится в руках немногих тем, что отличает их от многих. Здесь нет успеха сопротивления крестьянства как класса феодальной эксплуатации. Напротив, это измена классу. Частичный успех целиком присваивается прослойкой, группкой, которая тем самым делает шаг к выходу из рядов крестьянского класса. Она и пространственно в конце концов отделяет себя от крестьянства, превращаясь в горожан. Зажиточные горожане ощутительно, зримо находились между двух берегов: они отделились от крестьянства, но не вошли (за исключением городского патрициата) и в класс феодалов, как ни старались уподобиться этому классу и сблизиться с ним.

Но средневековые богатые горожане (как и богатые крестьяне) не представляли никаких новых производственных отношений до тех пор, пока не возник рабочий класс. Они были капиталовладельцами, но это был ростовщический и купеческий (торговый) капитал. А ростовщический и купеческий капитал, как показано выше, не связан ни с каким определенным типом производственных отношений и гнездится в порах докапиталистических способов производства. Поэтому нет оснований считать средневековых буржуа «новым классом». Если их в средневековой Франции называли «буржуа», т. е. горожанами (как и ремесленников), то это нельзя смешивать со словами «буржуа», «буржуазия» в современном смысле. Марксистская политэкономия понимает под буржуазией класс, владеющий благодаря капиталу средства-

ми производства при капитализме (а также банкиров и торговцев, получающих долю совокупной прибавочной стоимости). Капиталы же средневековых буржуа (бюргеров, богатых горожан) не имели отношения к производству прибавочной стоимости.

Образование и рост капиталов средневековых горожан отвечали определенной ступени в истории феодального способа производства: периоду денежной феодальной ренты. Пока феодальное хозяйство носило преимущественно натуральный характер, пока прибавочный труд и прибавочный продукт крестьян присваивались феодалами в натуральной форме (в форме отработочной ренты, ренты продуктами), не было почвы для образования и применения денежных богатств. Развитие денежной формы феодальной ренты создало эту почву: открылось поле для деятельности посредников и кредиторов.

Таким образом, в течение нескольких столетий под «буржуазией» был лишь феодальный экономический базис. Ясно, что это — «буржуазия» в кавычках, буржуазия не в современном смысле слова. Энгельс и называет ее «феодальной буржуазией». Это была прослойка феодального общества, присваивавшая себе часть доходов основных феодальных классов. Подчас ее доходы носили даже открыто феодальный характер: многие средневековые города имели в окрестностях своих крепостных или зависимых крестьян; такой город был коллективным феодалом, горожане получали феодальную ренту. Зажиточные средневековые горожане могли богатеть лишь благодаря обладанию теми или иными феодальными привилегиями. Их собственность была неразрывно связана с привилегиями. В свою очередь они обращали богатство на покупку привилегий у феодалов и феодального государства. Иные покупали государственные должности: превращали свои накопления в право быть слугами феодального государства и получать от него (или от населения) жалование. Мелкие накопления обращались на кредитование крестьян, — крестьянин со своего земельного надела платил дополнительную феодальную ренту ростовщику. Крупные накопления шли на кредитование феодалов и монархии, т. е. служили для высасывания части их феодальных доходов. «Финансисты», дававшие займы, откупавшие сбор податей, притеснявшие народ именем власть имущих и другой рукой грабившие самих власть имущих, подчас играли немалую роль в политических перипетиях средневековой истории. Наконец, к рукам купцов в виде торговой прибыли прилипало не что иное, как частицы прибавочного продукта, создаваемого угнетенными классами феодального способа производства, — крестьянами, ремесленниками, — частицы феодальной денежной ренты. Всякий представитель феодального класса оставлял в руках купца эту частицу, когда пользовался его услугами для покупки или продажи чего-нибудь.

Словом, исторические предшественники буржуазии не имеют в эко-

номическом смысле никакого отношения к капитализму. Поэтому их общественное влияние, их политическую роль в средние века не приходится объяснять зарождением и укреплением нового экономического уклада. Они вовсе не олицетворяли борьбу «нового» против «старого». Они были плоть от плоти этого «старого». Только с зарождением пролетариата буржуазия становится одним из носителей «нового».

Если говорить о политических предпосылках, благоприятствовавших возвышению этого средневекового бюргерства, то дело было не в какой-либо его антагонистичности феодализму, а в том, что коренной антагонизм самого феодализма содействовал возвышению «среднего класса». Средневековые горожане издавна успешно претендовали на роль арбитра в окружавшей их борьбе гигантских классовых сил. Вся средневековая история, начиная с XI–XII вв., полна политическими маневрами «городов», выступавших в виде единого со всем народом «третьего сословия» против феодального государства и в виде союзника феодального государства против простого народа. Такова была не только политическая роль средневековой буржуазии: мы уже видели, что в идеологической сфере ту же двойственную роль играли «бюргерские ереси». По мере углубления основных противоречий феодального строя значение «среднего класса», а вместе с тем и буржуазной городской интеллигенции, все возрастало.

Как бы ни заполнял «средний класс» авансцену истории, нельзя забывать, что свою видную роль он мог играть только потому, что существовало это огромное напряжение противоречий феодализма. Городские буржуа даже в ту пору, когда они были все вооружены, представляли ничтожную материальную силу сравнительно с теми гигантскими материальными силами, борьба которых составляла подлинную основную черту феодального общества. Но чем дальше, тем больше обе стороны искали союза с городами. Выше мы неоднократно говорили о том, что с развитием крестьянских восстаний город делался центром притяжения для крестьянской борьбы. Союз с городским плебейством в огромной мере повышал мощь крестьянского восстания. Из города крестьяне получали огнестрельное оружие. Когда плебейство распахивало городские ворота для крестьянских отрядов, они сразу обретали политический центр движения в масштабах области или даже страны.

Но поведение городского плебейства, как правило, контролировалось бюргерством. Поэтому задачей феодального господствующего класса и феодального государства было во что бы то ни стало привлечь зажиточных горожан на свою сторону. И их привлекали предоставлением им все более широких возможностей обогащаться, т. е. присваивать часть дохода феодального общества. Конечно, дворянская монархия забирала немало богатства горожан путем налогов и займов, но она обычно вознаграждала их всевозможным покровительством, различ-

ными правами и привилегиями, которые открывали им пути к накоплению и делали их верноподданными.

Таким образом «города» возвышались в феодальной антагонистической среде как «третий радующийся». Зажиточные горожане занимали все более заметное место в политической жизни. Чем более они обеспечивали лояльность городского населения, а тем самым раскол народного натиска на феодализм, тем больше возможностей богатеть дарила им сначала сословно-представительная, затем абсолютная монархия. Но богатея, они не забывали сохранять контакт с народом, с духом крестьянско-плебейской массы, ибо этим они неустанно и повседневно напоминали, насколько необходима их лояльность, их политическая служба феодальному классу.

По мере зарождения предпролетариата владельцы накопленных богатств находили в нем еще один источник обогащения. Они, конечно, не отдавали себе отчета, что этот источник качественно глубоко отличен от всех иных. Они не подозревали, что, обращаясь к этому источнику, они сами становятся качественно новым явлением: классом, одним из двух рождающихся классов нового, капиталистического способа производства. Они просто видели возможность извлекать доход из найма рабочих. Не отказываясь от прежних источников обогащения, ростовщичества и торговли, владельцы капиталов в тех странах и исторических условиях, где можно было найти рабочие руки, занимались предпринимательством. Разбогатевший ремесленник расширял свою мастерскую, нанимая многих «подмастерьев»; купец подчинял себе рассеянные в деревнях народные промыслы, т. е. находил невидимых на первый взгляд рабочих, по внешности еще кажущихся мелкими хозяевами, крестьянами. Владельцы капиталов со своей стороны всячески способствовали дальнейшему, все более и более широкому росту кадров пролетариата. Зачатки рабочего класса как магнит влекли к себе капитал, а капитал в свою очередь делал возможным и толкал дальше развитие рабочего класса.

Со времени зарождения мануфактурного капиталистического уклада в недрах феодального общества роль городской буржуазии (и городской интеллигенции) стала еще более заметной, но довольно долгое время это еще была по-прежнему роль «среднего класса». На переднем плане политической истории все заметнее видна то ее борьба с нижней фракцией господствующего класса — дворянством, то с высшей — феодальной аристократией. Подчас на переднем плане видна даже не непосредственная борьба социальных группировок, а борьба политических партий, учреждений и т. д. Но при всей конкретной сложности политической и социальной обстановки в каждый данный момент небольшого усилия научной мысли достаточно, чтобы увидеть, что все же в конечном счете все это разыгрывается не только на фоне

борьбы основных классов феодального общества, крестьян и феодалов, но и благодаря наличию этой борьбы. Всякая политическая партия, всякая общественная группа становилась весомой только потому, что прямо или косвенно утилизировала либо часть силы народного сопротивления феодализму, либо часть карающей силы и идейного авторитета феодальных надстроек — государства или церкви.

Однако с того момента, как капиталистический уклад появился и более или менее созрел в недрах феодального общества, крестьянская борьба против феодальной эксплуатации уже не является такой бесперспективной, как прежде: налицо объективные экономические предпосылки для замены старого способа производства новым. Следовательно, с зарождением капитализма в недрах феодального общества крестьянские восстания приобрели новый исторический смысл: отныне они могли привести к отмене феодальной эксплуатации, хотя и не к отмене всякой эксплуатации. Отныне каждое крестьянское восстание потенциально содержало в себе возможность буржуазной революции, — дело зависело только от готовности буржуазии смело его возглавить. Изменился не принципиальный характер крестьянских восстаний, наполняющих средневековье, изменился их возможный исход.

Но для этой победы буржуазия должна была отказаться от роли «среднего класса» и не только открыто стать на сторону народного антифеодального лагеря, а и возглавить его. Чем более капиталистическому укладу становилось тесно среди господствовавших феодальных производственных отношений, тем более стихийно возрождался союз буржуазии с крестьянством, из рядов которого она некогда вышла. Только руками крестьянско-плебейской массы буржуазия могла опрокинуть феодализм. Только под руководством буржуазии крестьянство в ту эпоху могло опрокинуть феодализм. Несмотря на долгие колебания буржуазии и ее попытки цепляться за выгоды прежнего положения в феодально-абсолютистском мире, этот союз неумолимо складывался. Все сильнее становились влияния крестьянства на буржуазию, а буржуазии на крестьянство.

На характере этого союза и совершенных благодаря ему революций мы остановимся в следующей главе. Здесь же необходимо лишь отметить, что он надолго, почти на целую историческую эпоху разлучил крестьянство с рабочим классом — растущим антагонистом буржуазии. Союз крестьянства с буржуазией колоссально укрепил в крестьянстве те элементы, те стороны, те тенденции, которые были близки буржуазии. Мелкобуржуазные, собственнические устремления выпукло выступили на поверхность и во всей крестьянской массе, и в особенности среди более обеспеченных ее слоев. Верхушка крестьянства стала деревенской буржуазией. Напротив, черты крестьянства как трудящегося класса, а вместе с тем и крестьянская беднота в составе крестьянской

массы, после революций отошли как бы на задний план, — хотя, собственно, эти черты являются более коренными для крестьянства. Все, что в крестьянском хозяйстве и в крестьянском движении было однотипно с буржуазным хозяйством и движением, стало преуспевать. Естественно, что в первых исторических битвах пролетариата против буржуазии в Западной Европе крестьянство было в лагере его противников, оставаясь резервом буржуазии. Оно служило для буржуазии даже политическим противовесом пролетариату.

Но в основе своей крестьянство является трудящимся классом. Поэтому в эпоху империализма и пролетарской революции пролетариат находит дорогу к нему. Все самое лучшее, самое революционное, что было в истории крестьянства, на новой основе возрождается и делает трудовую массу крестьянства союзником рабочего класса на пути социализма.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Роль народных масс в революционной ликвидации феодализма

---

1. Понятие буржуазной революции

Одна из великих теоретических заслуг В. И. Ленина состоит в том, что он в борьбе с меньшевиками опроверг их представление о буржуазной революции, выдававшееся ими за марксистское. В. И. Ленин восстановил и далеко двинул вперед учение Маркса и Энгельса о характере, движущих силах, противоречиях буржуазных революций. Понятие буржуазной революции занимает видное место в марксистско-ленинской теории исторического развития, в обосновании стратегии и тактики коммунистических партий в различных странах, в различные периоды. Для историков, изучающих историю нового времени, как и историю позднего средневековья, одним из руководящих научных понятий должно служить ленинское понятие буржуазной революции.

В истории марксизма понятие буржуазной революции складывалось и разрабатывалось всегда по сравнению и по контрасту с понятием социалистической революции. Пока не было в общественной мысли идеи социалистической пролетарской революции, — не было и идеи революции буржуазной. «Коммунистический Манифест» впервые развернуто формулирует идею социалистической пролетарской революции, — и в нем, хотя и в неразвитом виде, появляется впервые общее понятие революции буржуазной. Мы находим его на последней странице этого гениального творения Маркса и Энгельса: «На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции»¹.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 459

Революция 1848–1849 гг. поставила перед Марксом и Энгельсом ряд кардинальных вопросов стратегии и тактики коммунистов, которые не могли быть решены без дальнейшего углубления и уточнения вопроса о различии между буржуазной и социалистической революцией. Историческая перспектива победы пролетариата и торжества пролетарской диктатуры заставляла основоположников научного коммунизма раскрывать все полнее сущность принципиально иного переворота, буржуазной революции, мобилизуя для этого противопоставления опыт исторического прошлого.

В течение истекшего столетия каждый новый шаг борьбы за социализм был всегда вместе с тем и углублением марксистского понимания капиталистического общества, каждый новый этап борьбы за социалистическую революцию заставлял по контрасту глубже понимать природу революции буржуазной. Марксистское учение о буржуазной революции развивалось вместе, в неразрывной связи с подготовкой социалистической революции, с ее победами, с успехами строительства социализма. Ведя человечество вперед, к научно понятному будущему, теоретики коммунизма на каждом этапе освещали и прошлое все более ясным светом.

Известно, что в социал-демократических партиях эпохи II Интернационала широчайшим образом распространился и даже приобрел господство оппортунизм. Отказ оппортунистов от социалистической революции означал и глубочайшее извращение понимания буржуазных революций, а именно извращение вопроса о роли масс и буржуазии в буржуазных революциях. Ленин, вступив в беспощадную борьбу с оппортунизмом, должен был восстановить и в этом вопросе подлинную сущность марксизма. Ленинизм в эпоху империализма и пролетарской революции и в этом вопросе в огромной степени развил и дополнил взгляды Маркса и Энгельса. В новой исторической обстановке, в условиях революций 1905 и 1917 гг., Ленин должен был по-новому решать коренные стратегические проблемы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и, следовательно, соотношения этих двух видов революции. Правильное, единственное научное решение было найдено и защищено им в ожесточенной теоретической борьбе с меньшевиками и оппортунистами всех толков. Это не могло не обогатить и теоретического содержания понятия «буржуазная революция» — применительно как к настоящему, так и к прошлому.

В послеоктябрьскую эпоху Ленин не раз обращался к примерам из истории буржуазных революций прошлого для сравнения их с Великой Октябрьской социалистической революцией.

Эти сравнения могут быть сведены в конце концов к одному, самому общему и самому глубокому определению сущности буржуазной революции в ее отличии от революции социалистической: буржуазная

революция, хотя и отменяет феодальную форму эксплуатации, но заменяет ее иной формой эксплуатации, капиталистической, тогда как социалистическая революция уничтожает всякую эксплуатацию. Иными словами, коренное различие между революциями пролетарской и буржуазной выступает одновременно как указание на внутреннюю противоречивость последней. Невозможно охарактеризовать сущность буржуазной революции, не представив ее как нечто противоречивое. Ломая или доламывая феодализм, она является огромным шагом вперед, но она обманывает надежду трудящейся массы на полное раскрепощение. Нельзя говорить о буржуазной революции, не указав, что она имеет две стороны, противоположные друг другу: она разбивает цепи, но заменяет их другими, она уничтожает рабство, но превращает его в новое рабство.

Все революции, какие знала история человечества до Великой Октябрьской социалистической революции, в том числе и великие буржуазные революции, характеризуются этим противоречием: хотя они и представляли собой свержение определенной формы эксплуатации, т. е. победу трудящихся масс над своими эксплуататорами, они в то же время были торжеством новой, пусть даже и внешне смягченной, формы эксплуатации, т. е. победой эксплуататоров над трудящимися массами.

Главное внимание надо обратить, однако, на то, что согласно учению исторического материализма революции прошлого совершали в конечном счете не эксплуатирующие классы в борьбе между собой, как утверждают буржуазные историки, а эксплуатируемые народные массы. Антирабовладельческая революция есть завершающий взрыв основного классового антагонизма античного общества, антифеодальная революция — завершающий взрыв основного классового антагонизма феодального общества.

Надо вдуматься в глубочайшее принципиальное значение этих положений, раскрывающих существо марксизма в вопросе о революциях. Все революции, какие знает история, являются в основе своей борьбой эксплуатируемых классов против эксплуатации. Именно поэтому ленинское учение о роли масс в буржуазной революции является необходимой предпосылкой для понимания борьбы Ленина против метафизического противопоставления меньшевиками и другими оппортунистами II Интернационала буржуазной и социалистической революций как двух явлений, разделенных и в теории и в практике китайской стеной. Ведь и буржуазная и социалистическая революции, при всем своем качественном несхождении, обе являются революциями, т. е. прежде всего движением трудящихся эксплуатируемых масс. Поэтому-то одна и может «перерасти» в другую. Раз революция, уничтожающая феодализм, покоится, как правило, на движении феодально-эксплуати-

руемых крестьян, понятно, что в известных исторических условиях, при наличии зрелого пролетариата, она может совершиться под его руководством и перерасти в революцию, уничтожающую капитализм. Напротив, если она в основе и в глубочайшем существе своем является не борьбой феодально-эксплуатируемого крестьянства, а борьбой буржуазии, то перерастание невозможно представить себе ни при каких исторических условиях.

В чем же и состояла одна из основных догм меньшевиков, как не в том, что между буржуазной революцией и революцией социалистической существует пропасть, что пока не завершена буржуазная революция, пока не реализованы все ее плоды, социалистическая революция не может начаться, и пролетариату ничего не остается, как воздерживаться от борьбы или поддерживать буржуазию. Разумеется, эта догма меньшевизма, метафизически разделяющая буржуазную революцию и социалистическую, связана в области теории прежде всего с непониманием новой исторической эпохи, эпохи империализма, а также с глубочайшим неверием в революционные силы пролетариата, но она неразрывно связана еще и с ложным, немарксистским толкованием природы буржуазной революции. Если меньшевики отрицали возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, то это неотделимо от их толкования сущности всякой буржуазной революции, т. е. вопроса о роли в ней масс и буржуазии. Большевики и меньшевики вкладывали принципиально иное содержание в понятие «буржуазная революция».

Когда большевики во главе с Лениным вели борьбу с идеологией меньшевиков, в этой борьбе не последнее место занял вопрос: что понимает марксизм под буржуазной революцией? Не только русским меньшевикам, значительной части мировой социал-демократии и уж, конечно, всем катедер-марксистам казалось, что Ленин и большевики посягнули на основы марксизма и даже просто на основы логики: позволили себе усомниться в самоочевидной истине, что буржуазная революция — это революция, совершаемая буржуазией. Меньшевики в начале XX в. уперлись в вопрос: в России на очереди дня еще не социалистическая, а буржуазная революция, но русская буржуазия не хочет революции, что же делать? Провести ее без буржуазии, вопреки буржуазии, отвечал Ленин. Буржуазно-демократические преобразования кровно необходимы пролетариату как условие успешности его дальнейшей борьбы против капитализма. Буржуазная революция при противодействии буржуазии? Это называли парадоксом, противоречием. Однако Ленин всесторонне доказал истинность и соответствие марксизму предложенного им решения вопроса.

Такое решение вопроса, т. е. положение о необходимости совершить буржуазно-демократическую революцию против воли буржуа-

зии, обосновывалось ленинским анализом эпохи империализма; в условиях гниющего капитализма буржуазия империалистических стран уже не может быть революционной, она реакционна. Осуществить объективное и неотвратимое требование истории — смести все пережитки, следы, институты феодально-крепостнического строя должны теперь другие общественные силы, так как буржуазия в эпоху империализма — нисходящий класс. Она готова примириться с помещиками, с самодержавно-абсолютистским строем, с остатками натурального хозяйства и внеэкономического принуждения в деревне, мешающими капитализму, готова поступиться национальной независимостью и политическим представительством, — лишь бы не массовая народная революция, грозящая из антифеодальной перерасти в антикапиталистическую.

В эпоху империализма такое отношение буржуазии ко всякой перспективе революционного подъема, в первую очередь — подъема рабочего движения, очевидно. Но критики Ленина пытались обвинить его в разладе с общеизвестными истинами истории. Не может же эпоха империализма отменить все законы истории? Нет, конечно, эпоха империализма могла лишь усугубить одни черты прошлой общественно-политической практики буржуазии, парализовать другие. Ленин не хуже, а лучше своих критиков знал положение «Манифеста Коммунистической партии» о том, что даже своей экономической деятельностью, своим деячеством и практицизмом, разрушением феодальных иллюзий буржуазия сыграла в истории в высшей степени революционную роль. Лучше своих критиков знал Ленин и мысли Маркса и Энгельса о руководящей роли самой смелой, лучшей части буржуазии в прогрессивных антифеодальных восстаниях целых народов. «Нельзя быть марксистом, — писал Ленин, — не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом»². Но Ленин учитывал и то, чего не желали помнить его критики: господ буржуа, писал Маркс, «знают, что во время революции *простой народ* делается дерзким и заходит слишком далеко. Господа буржуа поэтому стараются, поскольку возможно, преобразовать *абсолютную* монархию в *буржуазную* без революции, мирным путем»³. Это писалось задолго до эпохи империализма. Может быть, это относилось только к Германии? Нет, вот слова Энгельса, относящиеся к Франции — к великой буржуазной революции конца XVIII в.: «...Буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаи-

---

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 226.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 314.

вать свои собственные интересы; ...начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу; ...без его вмешательства 14 июля, 5–6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. феодальный режим неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и..., таким образом, только эти плебеи и совершили революцию»⁴. В революции 1848 г. Маркс и Энгельс видели задачу немецкого пролетариата в том, чтобы толкать буржуазно-демократическое движение все дальше вперед. Они разоблачали на страницах «*Neue Rheinische Zeitung*» готовность буржуазии из страха перед революционным народом пойти на сделку с монархией и помещиками. Иными словами, «парадокс» Ленина о буржуазной революции, которой сама буржуазия противится, был творческим применением к эпохе, империализма уроков, извлеченных еще Марксом и Энгельсом из опыта революционных событий доимпериалистической эпохи.

Теоретическое резюме этих уроков состоит в следующем. Во-первых, надо различать вопрос о буржуазном характере (или содержании) революции от вопроса о том, какие общественные силы ее совершают; следовательно, содержание революции может быть буржуазным даже при отсутствии буржуазии в числе ее движущих сил. Во-вторых, надо различать вопрос о движущих силах революции от вопроса о том, какой класс среди них играет роль гегемона; так, даже если буржуазия и находится в числе движущих сил революции, она может не быть гегемоном, а пролетариат, опираясь на союз с крестьянством, — приобрести роль гегемона.

Ленин писал: «Не означает ли понятие буржуазная революция того, что совершить ее может только буржуазия?»

На этот взгляд часто сбиваются меньшевики. Но этот взгляд есть карикатура на марксизм. Буржуазное — по своему общественно-экономическому содержанию — освободительное движение не является таковым по его движущим силам. Движущими силами его могут быть не буржуазия, а пролетариат и крестьянство»⁵. Ленин, отмечая далее стремление буржуазии закончить революцию на полпути, на полусвободе, на сделке со старой властью и помещиками, ссылается как раз на опыт 1848 г., когда Маркс все острие пролетарской политики направлял на борьбу с соглашательской либеральной буржуазией⁶. В другом месте Ленин писал: «Из того, что содержание революции буржуазно, у нас делают плоский вывод о буржуазии, как *двигателе* революции...»⁷. Снова и снова Ленин отмечал, что понятие буржуазной революции не-

---

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 408.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 205–206.

⁶ См. там же, стр. 206.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 373.

достаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции⁸.

Откуда же и как появилось либерально-буржуазное опошление марксистского понятия «буржуазная революция»?

Во времена, когда во II Интернационале и входивших в него рабочих партиях получил распространение оппортунизм, происходило непрерывное «синтезирование» марксизма с различными буржуазно-апологетическими концепциями. В частности, надо отметить очень большое заимствование социал-демократическими историками и теоретиками (Каутский, Кунов, Жорес, Плеханов и др.) идей буржуазных историков французской революции: Гизо, Тьерри, Минье. Именно последние развили концепцию, отождествлявшую французскую революцию с движением, творчеством, торжеством одной лишь буржуазии. Остальная масса «третьего сословия», согласно этой схеме, лишь следовала за буржуазией. Тем более не было и не могло быть никаких непримиримых противоречий между буржуазией и этой массой. Данная историческая концепция, некритически воспринятая, весьма определенно содействовала выработке у некоторых социал-демократов обобщения: буржуазная революция — это революция буржуазии.

Другим идейным источником указанного социал-оппортунистического искажения марксизма было лассальянство. Достаточно напомнить мнение Лассалья о крестьянстве как реакционной массе, способной лишь тянуть революцию назад, в пройденное прошлое, в обратном историческом направлении от буржуазного прогресса, который обрекает крестьянство на исчезновение. В изображении германской революции XVI в. героем Лассалья выступил отнюдь не вождь крестьянско-плебейского лагеря Томас Мюнцер, а рыцарь Франц фон Зиккинген, которому Лассаль придал черты вождя национально-объединительного движения.

Очень заинтересована была в фальсификации марксизма русская буржуазия. Легальные марксисты со Струве во главе со всех кафедр объясняли, что согласно учению Маркса носителем прогресса в отсталой России может являться только буржуазия. Недаром современники остряли по поводу легального марксизма: «Во всем мире марксизм — партия рабочего класса, только в России это партия крупного капитала». Легальные марксисты были прямыми учителями меньшевиков в догмате, что раз в России предстоят буржуазные преобразования, значит дело пролетарской партии — поддерживать буржуазию и ни в чем не идти дальше ее начинаний. Ленин писал: «Русская революция буржуазная — говорили все марксисты России перед 1905 годом. Меньшевики, подменяя марксизм либерализмом, выводили отсюда: следова-

---

⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 44.

тельно, пролетариат не должен идти дальше того, что приемлемо для буржуазии, он должен вести политику соглашения с ней. Большевики говорили, что это — либерально-буржуазная теория. Буржуазия стремится совершить преобразование государства по-буржуазному, *реформистски*, а не революционно, сохраняя по возможности и монархию и помещичье землевладение и т. п.»⁹.

В ответ меньшевики снова и снова вопрошали: а почему бы буржуазии противиться революции, если последняя будет действительно ограничена рамками антифеодальных, т. е. по своему содержанию буржуазных общественных преобразований?

Если суммировать все высказывания Ленина по этому вопросу, то можно выделить три главных причины, на которые он указывал: во-первых, потому, что русская буржуазная революция происходит в эпоху империализма и, следовательно, в условиях зрелости пролетариата для немедленного использования им приобретенных демократических свобод в целях совершения следующей антибуржуазной, социалистической революции. Во-вторых, потому, что русская буржуазная революция происходит в стране с преобладающим крестьянским населением, придавленным остатками феодализма и представляющим огромную революционную силу, которую пролетариат может повести за собой. В-третьих, потому, что буржуазия и в прошлые эпохи и в иных странах, даже когда она была революционной, неизменно в ходе революций оказывалась в той или иной мере в противоречии с революционными трудящимися классами, двигавшими революцию вперед.

Остановимся подробнее на этом третьем пункте. Какова, вообще говоря, была природа этих противоречий в ранних буржуазных революциях? Ведь буржуазия была кровно заинтересована в устранении всех тех экономических и политических порядков, которые стояли на пути развития капитализма. С другой стороны, тогда не было объективных условий для социалистической революции, поэтому, казалось бы, буржуазии решительно нечего было бояться. Да, буржуазия могла неизмеримо смелее идти на союз с народными массами до того, как вполне сформировалась крупная промышленность — материальная база социализма, и промышленный пролетариат — могильщик капитализма. Но все же незримо во всякой революции, совершавшейся под руководством буржуазии, присутствовала такая неразрешимая для буржуазии проблема. «Победоносное развитие буржуазной революции, — писал Ленин, — предполагает прежде всего основные *экономические* преобразования, сметающие, действительно, все и всякие остатки феодализма и средневековых монополий»¹⁰. Иными словами,

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 305–306.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 290–291.

буржуазная революция (как и всякая другая) есть ломка существующих форм и отношений собственности. Но природа буржуазии, как имущего класса, требует, чтобы на знамени революции была начертана неприкосновенность собственности. Неимущие и малоимущие трудящиеся массы рвутся к насильственной экспроприации земли у феодалов, безвозмездной отмене монопольных феодальных прав и пр. Но буржуазия не может допустить нарушения права частной собственности, по крайней мере не прикрытого какой-нибудь легальной формой. Ленин дважды цитировал замечательное объяснение Марксом того удивительного факта, что классические буржуазные революции не отменили вообще частной собственности на землю, хотя эта мера отвечала бы требованиям буржуазного прогресса: «...Радикальный буржуа теоретически приходит к отрицанию частной собственности на землю... Однако на практике у него не хватает храбрости, так как нападение на одну форму собственности, форму частной собственности на условия труда, было бы очень опасно и для другой формы»¹¹. Аграрный вопрос в истории английской или французской буржуазной революции — это, с одной стороны, борьба масс за раздел, захват, уравнилельное перераспределение феодальной собственности, борьба, оправдываемая разными, то более, то менее смелыми теориями и лозунгами; с другой стороны, — это сложнейшее крючкотворство новых буржуазных властей для придания вида «законности» конфискациям и распродажам земель роялистов, отмене феодальных платежей и т. п. с тем, чтобы все имущественные сдвиги уложились в прокрустово ложе нерушимости самого принципа частной собственности.

Таким образом, в любой буржуазной революции есть неустранимое противоречие между одной задачей революции — произвести глубокие имущественные изменения, и другой — утвердить принцип неприкосновенности частных имуществ. Но беднота деревни и города в момент революционной ломки еще мало заинтересована во второй задаче. «Плебейские методы» расправы бедноты с врагами буржуазии угрожают самой буржуазии: не социализмом, но «черным переделом», при котором уже ни один богатч не может быть уверен, что завтра именно он, а не кто-либо другой окажется в рядах богатчей. Говоря шире, непосредственные интересы в революции у буржуазии — одни, у трудящихся эксплуатируемых масс — другие. Буржуазия не может подавить феодально-абсолютистский порядок без союза с революционными массами, однако она не может не шарахнуться, раньше — в одних исторических условиях, позже — в других, в лагерь контрреволюции. Конкретный анализ различных революций привел бы нас и к уточне-

---

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 299; т. 17, стр. 162–163; К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II. М., 1957, стр. 34.

нию таких теоретических вопросов, как, например, роль буржуазии в развязывании революции и в ее продолжении, в канун революции и в ходе ее или как роль различных прослоек буржуазии на различных этапах революции. Наконец, можно было бы теоретически обосновать различия между целями борьбы буржуазии и теми средствами, к которым она предпочитала прибегать для достижения этих целей. Однако анализ этих и подобных проблем был бы почти неисчерпаем, во всяком случае он не может уместиться в рамках данной главы, по самому характеру являющейся лишь эпилогом книги.

Суть коренного различия между буржуазной и социалистической революцией состоит прежде всего в том, что первая направлена в основном против феодализма, вторая же направлена в основном против капитализма. Буржуазная революция — это антифеодальная революция. Правда, не всякое антифеодальное революционное движение может быть названо буржуазной революцией. Для этого требуется одно обязательное условие: наличие в данном феодальном обществе капиталистического уклада. Пока нет этого условия, любое самое широкое антифеодальное революционное движение может быть названо лишь народным восстанием или крестьянской войной, но не буржуазной революцией. Если есть налицо это условие, хотя бы капиталистический уклад был еще очень мало развит, широкое антифеодальное народное восстание или крестьянская война уже могут быть названы буржуазной революцией, ибо при прочих благоприятных исторических условиях это революционное движение может привести к частичной или полной замене феодальных производственных отношений другими. Если капиталистические отношения развиты высоко, то массовое революционное движение против остатков феодализма, объединившись с антикапиталистическим пролетарским движением, может привести к замене феодальных отношений не капиталистическими, а социалистическими; но и в этом случае мы называем антифеодальную сторону этой революции или тот ее этап, когда антифеодальные задачи выступали вперед, — буржуазной, или, точнее, буржуазно-демократической революцией. Следовательно, буржуазной или буржуазно-демократической революцией называется революционный удар по феодализму, если экономическое состояние общества открывает объективную перспективу замены феодальных отношений более передовыми отношениями.

Когда речь заходит о понятии буржуазной революции, нередко возникает путаница, связанная с попытками определить буржуазную революцию не только как антифеодальную, но и как такую революцию, которая обязательно приводит к власти буржуазию или ведет, к утверждению капитализма.

Во-первых, это верно лишь применительно к относительно далеко-

му историческому прошлому, когда действительно всякая победа антифеодальной революции была победой буржуазии и утверждением капитализма. Но ведь в новых исторических условиях и в задачи социалистической, пролетарской революции нередко входит в качестве «попутной задачи», как показал Ленин, задача ликвидации остатков феодализма, т. е. то, что называется задачей буржуазно-демократической. Разрешение этой задачи в таком случае отнюдь не ведет к утверждению капитализма, к расчистке путей для него, к возвышению буржуазии. Общим и в тех и в других условиях является лишь ликвидация остатков феодализма. Если бы мы видели суть всякой буржуазной революции и буржуазно-демократических преобразований в утверждении капитализма, мы не могли бы допустить возможность случая, когда такие преобразования служат попутным элементом социалистической революции: задача социалистической революции — ликвидация капитализма, и поэтому все, служащее утверждению капитализма, непримиримо стоит на ее пути. Напротив, ликвидация феодализма ничуть не противоречит интересам борьбы за социализм, более того, необходима, ибо социализм — общество без какой бы то ни было эксплуатации человека человеком.

Во-вторых, нельзя определять каждую буржуазную революцию как революцию, утверждающую капитализм, и по другой, более конкретной причине: бывают же и неудавшиеся революции. Ведь термин «революция» Ленин применяет как к победившим революциям, так и к потерпевшим поражение, т. е. не давшим вообще прямого результата в смысле изменения общественно-производственных и политических отношений. Понятие «революция» может быть употреблено в трех разных случаях: 1) в случае вполне результативной революции, приведшей к слому старых отношений и утверждению новых; 2) в случае, когда революция привела к кратковременному захвату власти, но не успела дать коренного изменения общественных отношений из-за натиска контрреволюции (так, Парижская Коммуна 1871 г., будучи зачатком диктатуры пролетариата, не ознаменовалась утверждением социалистических производственных отношений); 3) в случае, когда революционное выступление потерпело поражение еще до захвата власти; конечно, эти выступления результативны в том смысле, что они оставляют глубочайший след в истории, в том числе в общественном сознании, в революционном опыте народа, но они не приводят к замене старого строя новым; мы называем, например, буржуазными революциями и революцию 1905 года в России и Великую крестьянскую войну в Германии.

Кстати, и споры о возможности применять к Реформации и Кресть-

янской войне в Германии XVI в. определение «буржуазная революция»¹² объясняются в немалой мере забвением особенности этой группы буржуазных революций: неудавшихся, потерпевших поражение. Нельзя искать единый экономический масштаб для предпосылок любой буржуазной революции — удавшейся и неудавшейся. Ведь к числу причин, объясняющих поражение революции, может подчас относиться меньшая глубина несоответствия производственных отношений характеру производительных сил, чем в случаях победивших революций, а следовательно, поиски единого обязательного уровня этого несоответствия для всех и всяческих буржуазных революций являются делом бесплодным. Ленин, вслед за Энгельсом, прямо относил Реформацию и Крестьянскую войну в Германии к истории буржуазных революций, нисколько не смущаясь тем, что это не было движением преимущественно буржуазии¹³.

Недостаточным изучением ленинских высказываний в основном объясняется и существование до сих пор среди историков путаницы в вопросе о разграничении «буржуазных» и «буржуазно-демократических» революций.

В действительности такой задачи — разделить все имевшие место в историческом прошлом революции на две группы, «просто буржуазные» и «буржуазно-демократические», — ни Ленин, ни вообще марксистская теория перед историками никогда не ставили. Вызывают удивление и те историки, которые уверяют, будто английская буржуазная революция XVII в. была до 1649 г. буржуазной, а с этой даты стала буржуазно-демократической.

На самом деле революции по своему характеру делятся на буржуазные и социалистические. Буржуазные же революции по движущим силам могут представлять целую гамму от верхушечных до народных. То место в работе Ленина «Государство и революция», где говорится о «буржуазных» и «народных» революциях¹⁴, вовсе не требует классификации всех революций на два разряда. Ленин приводит здесь примеры таких буржуазных революций, которые ввиду отсутствия заметных, активных выступлений народных масс нельзя назвать демократическими, народными. Приводит Ленин пример и такой революции — революции 1905–1907 гг. в России, — которая была действительно на-

---

¹² См. по этому вопросу: *О. Г. Чайковская*. Вопрос о характере Реформации и Крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет. — «Вопросы истории», 1956, № 12; *М. М. Смирин*. О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху Реформации. — «Вопросы истории», 1957, № 6; *А. Д. Эштейн*. К вопросу о Реформации и Крестьянской войны в Германии как первой буржуазной революции. — «Вопросы истории», 1957, № 8.

¹³ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 46.

¹⁴ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 39.

родной. Значит ли это, что, по мысли Ленина, между обоими полюсами нет ничего и что все остальные революции надо отнести либо туда, либо сюда?

Напротив, Ленин отвечал авторам, противопоставлявшим понятия «буржуазная революция» и «демократическая революция», ироническим вопросом: «Не попробуют ли объяснить нам авторы этого милого возражения, — была ли когда-либо в истории, мыслима ли вообще такая буржуазная революция, которая бы не была "до известной степени демократической"?»¹⁵ Действительно, глубоко прав Ленин, что такая буржуазная революция, которая не была бы хоть до известной степени демократической, немыслима. Указанные ленинские примеры верхушечных и народных революций помогают историкам понять, что в любой из других буржуазных революций боролись эти самые две тенденции: тенденция буржуазии отстранить народные массы от причастности к политическому перевороту и тенденция народных масс совершить антифеодальную революцию своими собственными силами, отстраняя или подталкивая умеренную буржуазию.

Если Ленин приводит примеры турецкой (1908 г.) и португальской (1910 г.) революций как верхушечных, а русской революции 1905 г. как народной, то это лишь крайние точки, два полюса, между которыми укладывается подавляющее большинство всех буржуазных революций. Даже в турецкой и португальской революциях, по Ленину, дело обошлось не без народа, а без «заметных» его выступлений, т. е. народное антифеодальное движение здесь составляло только фон, далекий задний план политического буржуазного переворота. Как на образец верхушечной буржуазной революции можно указать также на переворот в Англии 1688 г. («Славная революция»), когда буржуазия в момент переворота не допустила никаких широких политических выступлений грозно бурливших народных масс.

Понятие «буржуазно-демократическая революция» чаще всего относят к революциям империалистической эпохи, совершаемым народом под гегемонией пролетариата при противодействии контрреволюционной буржуазии. Бесспорно, что такие революции имеют право именоваться буржуазно-демократическими. Но Ленин никогда не противопоставлял этого термина великим революциям доимпериалистической эпохи. Напротив, он многократно называет «буржуазно-демократическими» такие революции, как английская революция XVII в., французская революция XVIII в., революции 1848 г. во Франции и Германии. Словом, речь идет вовсе не о классификации всех революций по двум разрядам, а о том, что во всех буржуазных революциях, во всяком случае во всех крупнейших, происходит борьба указанных двух

---

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 392–393.

тенденций: буржуазия стремится максимально ограничить размах революции, по возможности не дать народным массам ничего завоевать для самих себя, тем более — влиять на политику, иначе говоря, стремится сделать революцию только верхушечной, тогда как массы не только добиваются завоеваний и осуществляют их, но в той или иной мере претендуют на гегемонию, теснят буржуазию, заставляя часть ее лидеров леветь, словом, придают буржуазной революции демократический характер.

Некоторые буржуазно-демократические революции Ленин называет «крестьянскими революциями». К такого рода революциям он относит как русскую революцию 1905–1907 гг., так и великие буржуазные революции «старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль»¹⁶.

Эту роль крестьянства в буржуазных революциях Ленин неизменно рассматривал как двойственную, соответственно с двойственной экономической природой самого крестьянина: в нем борются «две души» — мелкого буржуа-хозяйчика и эксплуатируемого труженика; Ленин, с одной стороны, указывал, что если русская городская буржуазия в XX в. контрреволюционна, то ведь буржуазию в революции в известной мере может представлять мелкая буржуазия деревенская, крестьянство. «В России, — писал Ленин, — буржуазная революция совершается в таких условиях, при которых существует радикальный буржуа»¹⁷. «Этот радикальный буржуа — русский крестьянин»¹⁸. Однако было бы совершенно неверно весь вопрос об антифеодальной революционной борьбе крестьянства свести к тому, что крестьянство было фракцией, частью буржуазии. Нет, Ленин многократно подчеркивал другую сторону вопроса: крестьянство боролось против феодализма прежде всего как эксплуатируемый трудящийся класс. И только эта сторона борьбы крестьянства открывала широчайшие возможности для союза пролетариата и крестьянства, более того, для руководства крестьянством со стороны пролетариата в буржуазной революции. Русская буржуазно-демократическая революция не могла победить иначе, учил Ленин в 1905 г., как в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Роль гегемона в русской «крестьянской революции» Ленин отводил пролетариату. Ленин не устал повторять и развивать в борьбе с меньшевиками тезис о ведущей роли пролетариата в буржуазно-демократической революции. «Исход революции, — подчеркивал он, — зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, мо-

---

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 46.

¹⁷ Там же, стр. 163.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 301.

гучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции»¹⁹. А в другом месте Ленин писал: «...Буржуазная борьба за свободу отличается робостью, непоследовательностью, половинчатостью. Одна из задач пролетариата — толкать вперед буржуазию, ставить перед всем народом лозунги полного демократического переворота, браться самостоятельно и смело за осуществление этих лозунгов, одним словом, быть авангардом, передовым отрядом в борьбе за свободу всего народа»²⁰.

Но отводя пролетариату роль лидера в буржуазно-демократической революции, Ленин требовал четкого и абсолютно обязательного для всякого марксиста проведения грани между буржуазной революцией, хотя бы самой демократической и руководимой пролетариатом, и пролетарской, социалистической революцией. Без противопоставления этих двух видов революции не может быть научно обоснованной стратегии пролетарской партии. Без этого противопоставления не может быть и научного изучения и освещения истории нового и новейшего времени.

Одним из важнейших вопросов, связанных с этим противопоставлением, является вопрос о перерастании буржуазной революции в социалистическую (о так называемой перманентной революции). Ленин гениально развил применительно к империалистической эпохе мысль, высказанную Марксом и Энгельсом в результате опыта революции 1848–1849 гг.: пролетариат может и должен добиваться доведения до последовательного и полного завершения буржуазно-демократической революции, оттесняя от руководства одну за другой фракции буржуазии с тем, чтобы непосредственно и немедленно переходить вслед за тем к осуществлению задач революции социалистической. В настоящей книге не может быть рассмотрено ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Здесь важно лишь подчеркнуть и эту сторону ленинского учения: буржуазная и социалистическая революции, хотя и глубоко различны по своему характеру, но не отделены друг от друга китайской стеной, — в определенных исторических условиях они тесно взаимосвязаны.

Огромное богатство ленинских мыслей о буржуазных революциях вооружило коммунистические партии всего мира. В частности, эти мысли очень важны для всех стран, где историческая задача ликвидации феодально-крепостнических отношений еще не выполнена до конца. Ленинское учение о буржуазной революции, ее задачах и движущих силах, о перерастании буржуазно-демократической революции

---

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 5.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 271.

в социалистическую осветило путь к победе строя народной демократии в ряде стран Европы и Азии.

2. Роль буржуазии и народных масс в ранних буржуазных революциях

Общеизвестно, что в революциях XVII–XVIII вв. буржуазия играла прогрессивную роль, была вождем, гегемоном.

Понимаемые по-меньшевистски, эти истины истолковываются в том смысле, что место «низов» в подготовке ранних революций занимала буржуазия, что основным «революционным классом», толкавшим вперед развитие революционных ситуаций, была тогда буржуазия и т. д.

Но Ленин нигде не говорит, что в XIX–XX вв. «низы» выполняют в революции ту роль, какую в прошлом выполняла буржуазия. Чуждо Ленину также представление, что в XVII–XVIII вв. буржуазия сама еще в той или иной мере была «низами»: буржуазия, по определению марксизма, всегда есть класс эксплуатирующий, нетрудовой, а под «низами» разумеются эксплуатируемые, трудящиеся массы. В чем заключается, по Ленину, действительная разница в позиции буржуазии, — это можно пояснить его словами из статьи «Отсталая Европа и передовая Азия» (1913): в Европе «отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами», тогда как в Азии буржуазия *«еще идет с народом против реакции»*²¹. Вот это подчеркнутое Лениным слово «еще» особенно ценно для историка. Именно тот факт, что буржуазия в прошлом, в XVII–XVIII вв., способна была выступать вместе с народом, вместе с «низами» против феодализма, отличает ее от буржуазии XIX–XX вв.

Этого требовали тогда собственные интересы буржуазии. Она, будучи самой просвещенной и самой политически организованной частью антифеодального фронта, сама шла на революцию ради устранения феодализма и абсолютизма, которые ее угнетали. Но для этого ей нужно было идти вместе с народом. Правда, как уже отмечалось, истории известны и кое-какие буржуазные революции почти без участия народных масс, — в Англии (1688), в Португалии и др. Однако это были отнюдь не «великие революции», отнюдь не вехи всемирной истории. Даже «революциями» эти политические перевороты приходится называть со многими оговорками. Само слово «революция» вызывает в сознании представление о массах. Подлинная революционность буржуазии XVII–XVIII вв. состояла в том, что она в некоторые историче-

---

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 166–167.

ские моменты, хотя и движимая собственными классовыми интересами, способна была действовать в союзе с «низами», тесно соединяться с ними и, руководя ими, учиться у них.

Чем измеряется революционность буржуазии в любые времена? Степенью ее готовности действовать против феодализма вместе с народными революционными массами. Она либо вместе с массами штурмует феодально-абсолютистский строй, либо старается приспособиться к нему и приспособить его к себе, либо, наконец, она колеблется между обеими линиями. Когда она с массами — мы называем ее революционной, когда она против масс — мы называем ее контрреволюционной. Раз так, ясно, что основной революционной силой в любые времена мы считаем трудящиеся массы, эксплуатируемые низы. Всякий другой класс мы можем считать революционным классом постольку, поскольку его собственные интересы заставляли его временно объединяться с ними, с большей или меньшей честностью отстаивать хоть некоторые их интересы и руководить ими.

Именно так ставил вопрос Ленин.

«Ни угнетение низов, ни кризис верхов не создадут еще революции, — они создадут лишь гниение страны, — если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания»²². Революциям, по словам Ленина, всегда предшествует «процесс брожений, кризисов, движений, возмущений, *начала* революции, причем это начало *не всегда* развивается до конца (например, если слаб революционный класс)»²³. Кого же считал Ленин таким основным революционным классом, например, в условиях французской буржуазной революции XVIII в.? Трудящиеся низы города и деревни, а не буржуазию.

Ленин писал: «Якобинцы 1793 года были представителями самого революционного класса XVIII века, городской и деревенской бедноты. Против этого класса, расправившегося уже на деле (а не на словах) со своим монархом, со своими помещиками, со своими умеренными буржуа посредством самых революционных мер, вплоть до гильотины, против этого истинно революционного класса XVIII века шли войной объединенные монархи Европы... Якобинцы 1793 года вошли в историю великим образцом действительно революционной борьбы с *классом эксплуататоров* со стороны взявшего всю государственную власть в свои руки *класса трудящихся и угнетенных*»²⁴. «...Чтобы быть конвентом, — писал Ленин, — ...для этого надо, чтобы власть была в руках самого передового, самого решительного, самого революцион-

---

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 301.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 112.

²⁴ В. И. Ленин. О врагах народа. — Полн. собр. соч., т. 32, стр. 306–307.

ного для данной эпохи класса». «Конвент, — утверждал Ленин, — был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это было именно такое полновластное учреждение, в котором господствовала всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т. е. именно то, что мы называем: "пролетариат и крестьянство"»²⁵.

Эти высказывания Ленина о Конвенте и якобинцах 1793 г. отнюдь не являются чем-либо случайным, мимолетным, они выражают ленинскую концепцию, проходящую через многие произведения. Ленин неизменно расценивал якобинцев как партию, опиравшуюся на широчайшие слои трудящегося эксплуатируемого народа. Ленин объяснял, что народная борьба против существующей формы эксплуатации (а не буржуазная борьба за новую форму эксплуатации) была сутью якобинства. В статье «Можно ли запугать рабочий класс "якобинством"?» он писал, что: «Полной победы не суждено было завоевать якобинцам», так как в XVIII в. «не было материальных основ для социализма», но что торжество «якобинства» в наше время, в XX в., означало бы господство пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством и привело бы к «прочной победе трудящихся». «Историки буржуазии видят в якобинстве падение («скатиться вниз»). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение»²⁶. В другом месте Ленин писал, что «якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*»²⁷.

Приведенные высказывания Ленина о якобинцах 1793 г. находятся в полном соответствии с его оценками в целом французской революции XVIII в. и английской революции XVII в. Основным революционным классом в истории этих революций Ленин неизменно считал трудящуюся эксплуатируемую массу деревни и города. Так, солидаризируясь с мнением Энгельса, что только активное вмешательство крестьянства и плебейских элементов города довело до победы и английскую революцию XVII в. и французскую XVIII в., Ленин резюмирует как особо важный исторический закон: «...Только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию»²⁸. При этом Ленин подчеркивает, что «для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план»²⁹, что в этих ве-

---

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 37; т. 13, стр. 54.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 374.

²⁷ В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад. — Полн. собр. соч., т. 8, стр. 370.

²⁸ В. И. Ленин. К оценке русской революции. — Полн. собр. соч., т. 17, стр. 47.

²⁹ Там же.

ликих буржуазных революциях старых времен «крестьянство играло выдающуюся революционную роль»³⁰. Во Франции в конце XVIII в. «весь народ и в особенности массы, т. е. *угнетенные* классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом»³¹.

Сплошь и рядом Ленин, говоря о французской революции 1789–1794 гг., даже не упоминал о буржуазии. Например, в статье «О "Вехах"» Ленин трактовал французскую революцию конца XVIII в. как «образец самого глубокого и широкого демократического движения масс»³².

Итак, вопрос, кто, по Ленину, был основной революционной силой во Франции конца XVII в., совершенно ясен. Какое же место занимала в этом движении революционная буржуазия?

Начнем опять с кульминационного пункта — с якобинской диктатуры. Не противоречат ли всему богатству приведенных ленинских высказываний те несколько слов, где Ленин говорит о якобинцах: «...великие буржуазные революционеры...»³³?

Нет, не противоречат.

Во-первых, надо отличать понятие «буржуазные революционеры» (или «буржуазная революция») от понятия «революционная буржуазия». Первое понятие шире. Якобинцы были «буржуазными революционерами» прежде всего в том смысле, что объективно они делали дело буржуазной революции. Но в этом смысле «буржуазными революционерами» были и крестьяне, и городское плебейство. Ленин указывал, что вообще «понятие буржуазной революции недостаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции»³⁴. «*Весь французский терроризм*, — говорит Маркс, — был не чем иным, как *плебейским способом* разделаться с *врагами буржуазии*»³⁵. Негативное, разрушительное дело буржуазной революции совершала отнюдь не буржуазия. Но революция эта «работала» для буржуазии, и революционеры, опиравшиеся на крестьянство и плебейство, «служили» на пользу буржуазии, «хотя они этого и не сознавали»³⁶.

Во-вторых, если якобинское движение охватывало широчайшие массы народа, то многих вождей якобинцев следует рассматривать как

---

³⁰ Там же, стр. 46.

³¹ В. И. Ленин. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Полн. собр. соч., т. 34, стр. 196.

³² В. И. Ленин. О «Вехах». — Полн. собр. соч., т. 19, стр. 171.

³³ В. И. Ленин. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. — Полн. собр. соч., т. 38, стр. 368.

³⁴ В. И. Ленин. К оценке русской революции. — Полн. собр. соч., т. 17, стр. 44.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Буржуазия и контрреволюция. — Сочинения, т. 6, стр. 114.

³⁶ В. И. Ленин. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. — Полн. собр. соч., т. 38, стр. 367.

наиболее решительных представителей революционного в ту эпоху буржуазного класса. На этом примере мы как раз убедимся, что в ходе революции отслаивались и отходили в лагерь контрреволюции те фракции буржуазии, которые не хотели дальше идти с народом; тех же представителей буржуазии, которые были наиболее последовательны в готовности идти вместе с народом, эта их революционность увлекла до подлинного служения народу, до забвения ограниченных и узких интересов самой буржуазии в революции. «Историческое величие настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года, — писал Ленин, критикуя псевдоякобинство Плеханова, — состояло в том, что они были "якобинцы с народом", с революционным *большинством* народа, с *революционными* передовыми классами своего времени»³⁷.

У французской буржуазии XVIII в. было немало оснований желать ниспровержения феодально-абсолютистского порядка. Она была революционна по отношению к нему. Но в той самой мере, в какой она отказывалась идти вместе с народом, осуществлявшим это ниспровержение, она становилась контрреволюционной. Надо подчеркнуть, что Ленин в подавляющем большинстве своих высказываний, касающихся французской революции XVIII в., говорит о «буржуазии» как классе, а не об отдельных слоях или организациях этого класса. Он дает в первую очередь самую общую теоретическую постановку вопроса о роли и поведении класса буржуазии в революции. Но в эту общую постановку вопроса включен как одна из его сторон и факт неизбежного отслаивания консервативной, умеренно-либеральной, радикально-демократической буржуазии по мере развития революции. Это отслаивание диктуется борьбой за гегемонию в революции.

Восходящая линия революции в том и выражалась, что руководство переходило от консервативных фельянов к «умеренным» — жирондистам, наконец, к смелым вождям якобинцев. Каждая из этих политических группировок, стоявших одна за другой во главе борьбы с феодально-абсолютистским режимом, отражала интересы тех или иных прослоек буржуазии. Таким образом, буржуазия не только как класс в целом противостояла дворянству, но разные ее фракции, в силу своего экономического положения, были в совершенно различной степени заинтересованы в этой борьбе, следовательно, в союзе с антифеодальными революционными народными силами. Главным и решающим признаком подлинной, последовательной революционности тех или иных деятелей буржуазии в 1789–1794 гг. была готовность идти с народом вплоть до ущемления интересов буржуазии, как показывает пример некоторых якобинцев. Но и до якобинской диктатуры все ос-

---

³⁷ В. И. Ленин. Переход контрреволюции в наступление. — Полн. собр. соч., т. 32, стр. 216.

тальное развитие французской революции XVIII в. прошло под руководством, под гегемонией тех или иных фракций буржуазии. Буржуазия была вождем и лидером масс, и именно в том, что она брала на себя эту роль, как раз и состояла ее революционность. Чем последовательнее она выполняла эту роль, тем с большим основанием мы называем ее революционной. Чрезвычайно важна мысль Ленина, что этой революционности, демократизму буржуазию в свою очередь учили «низы».

Обратимся к небольшой статье Ленина «О старых, но вечно новых истинах». Критикуя ликвидатора В. Левицкого, Ленин здесь пишет, что те короткие исторические периоды, когда «низам» удавалось во время революции вырвать руководящее положение у буржуазии, «оказывали решающее влияние на то, *какую степень* демократизма получала страна в последующие десятилетия так называемого спокойного развития. Эти «низы» в короткие периоды *своей* гегемонии воспитывали свою буржуазию, переделывали ее так, что она потом старалась пятиться назад, но *не могла* в этом попятном движении зайти дальше, скажем, второй палаты во Франции или отступлений от демократизма выборов и т. д., и т. п.

Вот эта, историческим опытом *всех* европейских стран подтверждаемая, идея о том, что в эпохи буржуазных преобразований (или вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформливается так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или другой минимум демократизма, смотря по тому, насколько *гегемония* переходит в решающие моменты национальной истории не к буржуазии, а к «низам», к «плебейству» XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков, эта идея гну В. Левицкому чужда. Эта идея гегемонии и составляет одно из коренных положений марксизма...»³⁸

И далее Ленин снова развивает мысль, что степень демократизма каждой капиталистической страны, степень скрепленной традицией «самостоятельности, независимости, свободолюбия и инициативности "низов"», — зависит от успешности борьбы «низов» за гегемонию во время буржуазной революции, «зависит именно от того, будет ли гегемония в *решающие* моменты принадлежать буржуазии или ее антиподу...»³⁹

Эти строки вводят нас в глубочайшую диалектику ленинского понимания прогресса в истории. Корень всего прогрессивного Ленин неизменно видел в борьбе эксплуатируемых масс. Была ли буржуазия прогрессивной в эпоху буржуазных революций XVII–XVIII вв.? Да,

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 282–283.

³⁹ Там же, стр. 283.

была; она стремилась отнять власть у дворянства, стремилась устранить экономические помехи развитию капитализма. Правда, буржуазия предпочитала путь реформ для осуществления этих преобразований, однако законы истории заставляли ее вступать на путь революции. Но буржуазия потеряла бы гегемонию, потеряла бы положение вождя в революции, если бы не шла в союзе с быстро революционизирующимися массами; стремление сохранить гегемонию и заставляло буржуазию проникаться революционными, демократическими, прогрессивными идеями и принципами, которые могли сплотить вокруг нее массы, вызвать их доверие и повести их за нею в бой.

В той же статье «О старых, но вечно новых истинах», где, казалось бы, буржуазия совершенно развенчана Лениным, он возносит на огромную высоту ее революционно-демократических лидеров XVII–XVIII вв. Ленин пишет: «Буржуазия в Англии и во Франции в свое время, в половине XVII века или в конце XVIII, не вздыхала по случаю «нетерпимости» меньшего брата, не строила кислых гримас по поводу «слишком пламенных ораторов» из числа этого меньшего брата, а сама поставляла ораторов (и не только ораторов) *самых* пламенных... И из числа этих пламенных ораторов находились люди, в течение веков и веков оставшиеся светочами, учителями, несмотря на всю историческую ограниченность, зачастую наивность их тогдашних представлений о средствах избавления от всяческих бедствий»⁴⁰. Эти слова помогают понять диалектику ленинской мысли. Революционность английской буржуазии середины XVII в. и французской конца XVIII в. выражалась именно в том, что на известных этапах революции она не пугалась революционности «низов», напротив, поставляла им самых пламенных руководителей, — и тем самым, руководя массами, училась у них. Ведь дать лозунги стихийному движению масс вовсе не значит навязать им нечто чуждое их интересам; напротив, это значит прислушаться к их чаяниям, осознать хотя бы более или менее верно некоторые их интересы.

Точно так же лишь на первый поверхностный взгляд может показаться, что друг другу противоречат два ответа, которые Ленин дает в двух разных статьях на один и тот же вопрос: в чем причина коренного различия между путями революции 1789 г. и революции 1848 г.?

В статье «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?», Ленин, громя П. Г. Виноградова, призывавшего Россию идти не по пути Франции 1789 г., а по пути Германии 1848 г., сравнивает оба эти пути. Переворот 1848 г. произошел, говорит он, главным образом под руководством либеральных буржуа, ведших за собой «на буксире» массы, тогда как переворот 1789 г. «проведен хотя бы в известной части ак-

---

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 281.

тивно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших, хотя бы на время, в сторону солидную и умеренную буржуазию»; этот переворот 1789 г. «доставил на известный период господство революционному народу»⁴¹.

В статье «О двух линиях революции» Ленин, сравнивая нисходящую линию французской революции 1848 г. с восходящей линией революции 1789 г., писал о последней: «Буржуазия... верила в гармонию интересов, не боялась за прочность своего господства и шла на союз с крестьянством. Этот союз обеспечил полную победу революции»⁴². Победителем феодально-абсолютистского строя Ленин называет не буржуазию: «Восходящая линия была в 1789 г. формой революции, в которой масса народа победила абсолютизм»⁴³. Но «масса народа» не могла тогда победить без руководства буржуазии. Те короткие моменты, когда массы отбрасывали руководство буржуазии, только подтверждали, что они все равно не могут всерьез выйти за рамки буржуазной революции, что, следовательно, буржуазия могла бы в конечном счете не бояться «за прочность своего господства». Именно эти же короткие моменты, как и вообще постоянные порывы масс, хотя бы не удававшиеся, «отодвинуть в сторону солидную и умеренную буржуазию», не только пугали буржуазию, они и учили ее самую смелую часть революционности. Добиться победы буржуазия могла только с массами, т. е. будучи революционной. В этом смысле массы вели за собой буржуазию «на буксире» даже на тех этапах революции, когда она пламенно и смело возглавляла их.

Очень много дает для понимания ленинского метода в постановке этого вопроса его критика Мартова в статье «Принципиальные вопросы избирательной кампании».

Здесь Ленин прямо развивает мысль, что все политически прогрессивное, чем по праву может гордиться французская буржуазия, было плодом соответствующего «перевоспитания» ее со стороны народных революционных масс. «Либеральная буржуазия во Франции начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789–1793 годов... В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций — по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных («левоблокистских», не во гнев будь сказано Л. Мартову!) элементов — французская буржуазия вся была *переделана* в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена. В

---

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 226–227.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 77.

⁴³ Там же.

Пруссии, и в Германии вообще, помещик не выпускал из своих рук гегемонии во все время буржуазных революций и он «воспитал» буржуазию по образу и подобию своему. Во Франции гегемонию раза этак четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций отвоевал себе пролетариат в разных сочетаниях с «левоблокистскими» элементами мелкой буржуазии, и в результате буржуазия должна была создать такой политический строй, который более угоден ее антиподу»⁴⁴.

Как видим, буржуазия в политике такова, каков ее «воспитатель», т. е. тот класс, который достаточно активен и силен, чтобы стремиться перебить (и в той или иной мере перебивает) у нее гегемонию в общественном движении. Она становится демократической и республиканской лишь постольку, поскольку ее «воспитывает» революционный народ, порывающий с нею, если она изменяет ему.

Что понимает тут Ленин под «левоблокистскими» элементами в широком историческом смысле?

В этой же статье он противопоставляет Мартову, всей исторической концепции меньшевизма, мысль, что столкновения между буржуазией и помещиками-землевладельцами хотя и неизбежны, но никогда в истории не были резки и решительны. «Напротив, резки и решительны — сколько-нибудь резки и решительны — были столкновения между крестьянами и помещиками, между рабочими и капиталистами»⁴⁵. Революционная тактика рабочего класса всегда состояла в том, чтобы искать союза с крестьянством и демократической мелкой буржуазией, отвлекая их от союза с колеблющейся либеральной буржуазией. Это и есть «левоблокистская» тактика в широком смысле слова. Ленин продолжает: «Не было *ни одного* буржуазно-освободительного движения в мире, не дающего примеров и образцов «левоблокистской» тактики, причем *все* победоносные моменты этих движений связаны *всегда* с успехами этой тактики, с направлением борьбы по этому пути вопреки колебаниям и изменам либерализма. Именно «левоблокистская тактика», именно союз городского «плебса» (=современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века»⁴⁶. Ленин ссылается далее на критику Марксом трагедии Лассалья «Зикинген» за то, что Лассаль ставил бюргерско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-крестьянской»⁴⁷.

Итак, буржуазию мы считаем революционной и прогрессивной на тех этапах, когда она шла в союзе с крестьянско-плебейскими револю-

---

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 83–84.

⁴⁵ Там же, стр. 87.

⁴⁶ Там же, стр. 89.

⁴⁷ См. там же, стр. 89–90.

ционными массами и более или менее смело возглавляла их.

Но это не значит, что и на таких этапах революции не было скрытого противоречия между буржуазией и «низами». Их конкретные интересы и соответственно их методы борьбы с феодализмом и абсолютизмом были глубоко различны. Поэтому-то на протяжении всей революции и шла то невидимая, то видимая борьба за гегемонию, борьба, в которой буржуазии было очень трудно удерживать перевес на своей стороне.

В самом деле, к чему в конечном счете стремились массы во всех великих революциях, хотя бы сами того ясно не сознавая? Все великие революции, говорит Ленин, «стремились не только завоевать политические права, но и вырвать самое управление государством из рук господствующих классов, всяких эксплуататоров и угнетателей трудящихся, чтобы раз навсегда положить предел всякой эксплуатации и всякому угнетению»⁴⁸. Массы боролись против существующей формы эксплуатации, а не за новую форму эксплуатации. Буржуазии же надо было использовать борьбу крестьян против помещиков, для захвата власти в свои руки и для замены феодальной эксплуатации капиталистической эксплуатацией.

Вот на это-то противоречие и указывал неустанно Ленин, обобщая опыт всех буржуазных революций в истории. В своей классической работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин писал: «Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна... чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья...»⁴⁹

Но несмотря на это глубокое противоречие, в XVII–XVIII вв. у крестьянства не могло быть другого вождя, кроме буржуазии, а у буржуазии не могло быть пути к власти, кроме как на гребне народной революции.

Крестьянская или крестьянско-плебейская масса не могла сама добиться победы. Она по самой своей природе обречена колебаться. «Это показал, — говорит Ленин, — общий ход революций, в которых бывали краткосрочные диктатуры трудящихся, поддержанные временно деревней, но не бывало упроченной власти трудящихся; все в короткое

---

⁴⁸ В. И. Ленин. Третий Всероссийский съезд Советов. Заключительное слово. — Полн. собр. соч., т. 35, стр. 286–287.

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн., собр. соч., т. 11, стр. 38.

время скатывалось назад. Скатывалось назад именно потому, что крестьяне, трудящиеся, мелкие хозяйчики, своей политики иметь не могут, и после ряда колебаний им приходится идти назад. Так было и в великую французскую революцию, так было в меньшем масштабе и во всех революциях»⁵⁰. Крестьянская борьба была сильна своим стихийным напором, отрицанием феодализма, ненавистью к угнетателям, но она была слаба своей идейной и организационной стороной. Крестьяне, прежде всего в силу своей распыленности как мелкие производители, не могли иметь ясной программы действий и создать сильную и единую организацию для борьбы. Поэтому-то, говорит Ленин, крестьянина в истории всегда экономически и политически, в том числе во время революции, объединяет и возглавляет либо буржуазия, либо пролетариат⁵¹. Последовательно руководить основной крестьянской трудящейся и эксплуатируемой массой, довести ее борьбу до ликвидации всякой эксплуатации может только пролетариат. Но так как рабочий класс был еще очень неразвит в XVII–XVIII вв., он не мог тогда играть такой роли. Оставалась одна буржуазия как возможный руководитель крестьянства.

Это, однако, не значит, что буржуазия в XVII–XVIII вв. была экономически более развита, чем рабочий класс. Такое распространенное мнение, как показано выше, глубоко ошибочно. Если говорить не о торгово-ростовщической буржуазии, не связанной с производством, а о буржуазии, представляющей капиталистические производственные отношения, то буржуазия, как мы установили выше, всегда была экономически развита ровно настолько, насколько была развита система наемного труда, следовательно, насколько был развит пролетариат. «Буржуазия с момента своего возникновения была обременена своей собственной противоположностью: капиталисты не могут существовать без наемных рабочих, и соответственно тому, как средневековый цеховой мастер развивался в современного буржуа, цеховой подмастерье и внецеховой поденщик развивались в пролетариев»⁵². Если мы называем мануфактурных рабочих XVII–XVIII вв. «предпролетариатом», то и буржуазия на мануфактурной стадии капитализма была экономически далека от буржуазии эпохи господства крупной фабрично-заводской машинной промышленности. И вот именно эта ранняя буржуазия и именно потому, что ее антагонизм с рабочим классом еще не развился до высшей ступени, играла революционную роль, становилась во

---

⁵⁰ В. И. Ленин. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих. — Сочинения, т. 32, стр. 257–258.

⁵¹ См. В. И. Ленин. О продовольственном налоге. — Сочинения, т. 32, стр. 339.

⁵² Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 190–191.

главе народных революционных масс. Ведь и английская революция XVII в., и французская революция XVIII в. произошли еще на мануфактурной, а не на машинной стадии капитализма.

Революционность этой не вполне развившейся буржуазии была тогда следствием ее собственного антагонизма дворянству, господство которого мешало развитию капитализма, но еще более следствием колоссального напора на дворянство со стороны его основного антагониста — крестьянства. Ранняя буржуазия сама по себе никогда не выступала с оружием в руках против феодально-абсолютистского строя, хотя он ее и стеснял. Она предпочитала приспособливаться к нему и по мере возможности приспособлять его к себе. Буржуазные «верхи» срастались с феодальными «верхами». Но объективные противоречия снова и снова ставили перед буржуазией вопрос о необходимости ликвидации феодализма. Нарастание революционного подъема «низов» создавало в конце концов кризис «верхов», расширяло трещину среди «верхов». В условиях формирующейся революционной ситуации лидеры буржуазии ощущали возможность захватить власть в свои руки, если соединиться с «низами» и использовать в своих интересах их натиск на феодализм. В этой атмосфере возможного и стихийно надвигавшегося социального взрыва даже не вполне развившаяся еще противоположность между мануфактурным капитализмом и феодализмом подчас оказывалась достаточной силой, чтобы побудить буржуазию на революцию.

Как видим, революционная ситуация в XVII–XVIII вв. совершенно так же, как и позже, порождалась прежде всего нараставшим подъемом «низов».

Если мы хотим, пользуясь ленинским методом, изучать все революционные ситуации исторического прошлого, надо обратиться к обобщениям Ленина, к раскрытию им понятия «революционная ситуация». Напомним ленинские высказывания о революционной ситуации, содержащиеся в его работах «Маевка революционного пролетариата», «Крах II Интернационала». Три признака революционной ситуации сформулированы в самом лаконичном виде в конспекте реферата «Первое мая и война», составленном Лениным в 1915 г.: «Революционные ситуации[:] (а) низы не хотят, верхи не могут (β) обострение бедствий (γ) экстраординарная активность»⁵³.

Приглядимся к теоретическому содержанию этих ленинских определений под углом зрения их значения для исторической науки.

Почему полемический акцент Ленин всюду делал на необходимости кризиса верхов, на недостаточности обострения борьбы масс?

Потому, что это — продолжение той же борьбы с меньшевиками и

---

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 379.

прочими оппортунистами, борьбы против противопоставления «политического кризиса» — революции, против догмата, что политический кризис как таковой не имеет отношения к революции, т. е. к открытой революционной борьбе масс. Именно атакуя эту точку зрения, Ленин настойчиво доказывает, что политический кризис, кризис верхов, способен развиваться и развивается в «общенациональный политический кризис», т. е. в кризис, охватывающий и низы, развязывающий борьбу низов. Мысль Ленина заострена, следовательно, против метафизического отделения «бурь», разыгрывавшихся на политической поверхности, от процессов, происходивших в глубине общества, в положении и настроениях масс, т. е. против отделения «событий» от «состояний».

Подчеркивание Лениным роли «кризиса верхов» вовсе не означает, что не только низы, но часть верхов для возникновения революционной ситуации должна «не хотеть» жить по-старому и что, следовательно, революция немыслима, если в ней не участвует какая-нибудь часть «верхов» — господствующих классов, например, буржуазия. Такое толкование ленинского учения о революционной ситуации как раз соответствовало бы меньшевистской постановке вопроса. Ленин же говорит, что «кризис верхов» выражается не в том, что кто-то в их рядах *не хочет* жить по-старому, а в том, что они *не могут* управлять по-старому и что происходящий на этой почве раскол в «верхах» развязывает революционную активность «низов».

Следовательно, «кризис верхов» учитывается Лениным только как один из показателей и факторов подъема революционного движения низов. В этом смысле можно сказать, что все три ленинские признака революционной ситуации в сущности сводятся к разным сторонам единого вопроса об условиях подъема масс, их вовлечения в революционную политическую борьбу.

Сущность «кризиса верхов» в ленинских высказываниях определена совершенно ясно: «кризис верхов» состоит в том, что прежние «основы государственного устройства» оказываются недостаточными для удержания «порядка» и «законности». «Кризис верхов» состоит в том, что «верхи» не могут управлять по-старому, «сохранить в неизменном виде свое господство». Вот суть ленинской мысли: речь идет о невозможности «управлять», «господствовать», «вести государственные дела», т. е. об отношении «верхов» к «низам», а вовсе не об отношениях внутри «верхов», между господствующими, эксплуататорскими классами или группами. Ничто в ленинских определениях революционной ситуации не дает права предполагать, что под «кризисом верхов» он разумел, скажем, недовольство буржуазии своим общественно-экономическим положением. Такие встретившиеся нам обороты речи, как: «требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде», «чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старо-

му», — если взять их в контексте, — не означают, что для части эксплуататоров прежние условия хозяйства и жизни больше не приемлемы, скажем, в результате прогресса капитализма. Нет, слова «хозяйничать», «жить», употреблены здесь отнюдь не в смысле «вести хозяйство», а в смысле распоряжаться, сохранять господство, управлять. В самом деле, ведь как поясняет Ленин свою мысль, что для революционной ситуации требуется, чтобы «верхи» не могли хозяйничать и управлять, как прежде? Он не говорит о переходе буржуазии в оппозицию, а, напротив, в объяснение своих слов говорит, что русская буржуазия после 1905 г. сделала все зависевшее от нее для укрепления самодержавия, для поддержки помещичье-крепостнической контрреволюции, не щадила ни денег, ни совести, лишь бы обеспечить «мирное развитие», — и все-таки в 1912–1913 гг. вся буржуазия «от кадетов до октябристов» принуждена констатировать, что самодержавие не смогло обеспечить «порядка» и «законности», т. е. подавить революционное движение «низов».

Вот в чем суть «кризиса верхов» по Ленину: прежде всего не в их расколе и распрях, а в том, что даже при максимальной сплоченности, при полном отсутствии раскола и распрей, «верхи» оказываются не в состоянии удерживать «порядок», т. е. успешно, прочно сковывать силы революции. Эта невозможность управлять по-старому становится очевидной для самих «верхов». На этой-то основе очевидной невозможности управлять по-старому и возникают раскол и распри: появляются те или иные конституционные и прочие проекты, долженствующие обновить и укрепить власть, — проекты, поддерживаемые одними, отвергаемые другими. Эти ссоры — не причина, а проявление «кризиса верхов».

Те историки, которые иначе толкуют вопрос о «кризисе верхов», рассуждают так, как рассуждали некогда Мартов и Ерманский: «...Они смотрят на верхи и не видят низов. Но если десять Рябушинских и сто Милюковых ворчат и либерально негодуют, то это *значит*, что десятки миллионов мелких буржуа и всякого «мелкого люда» чувствуют себя невыносимо»⁵⁴. Ясно, что источником революционной ситуации никогда не могли быть сами по себе интересы горстки буржуазии, «призвавшей» народ к революции. «...Десятки миллионов людей не идут на революцию по заказу, а идут тогда, когда настает безысходная нужда...»⁵⁵

Меньшевики проповедовали, что выход из «кризиса верхов» состо-

---

⁵⁴ В. И. Ленин. Анкета об организации крупного капитала. — Полн. собр. соч., т. 21, стр. 305.

⁵⁵ В. И. Ленин. I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. — Полн. собр. соч., т. 32, стр. 186–187.

ит в том, чтобы буржуазия, хотя бы и чисто конституционным путем, пришла к власти. Эта установка неразрывно связана с представлением, что сущность «кризиса верхов» состоит в недовольстве буржуазии существующим положением вещей. Ленин же считал, что выход из «кризиса верхов» состоит лишь в превращении его в «политический кризис общенационального масштаба», т. е. захватывающий и эксплуатируемых, лишь в вовлечении все более и более широких народных революционных масс в этот политический кризис, только в подлинной революции. Эта установка неразрывно связана с представлением о «кризисе верхов» как кризисе, в основе своей являющемся кризисом господства «верхов» над «низами», как кризисе отношений между «верхами» и «низами» прежде всего и главным образом. Только на этой основе можно рассматривать такие проявления «кризиса верхов», как переход буржуазной части «верхов» в оппозицию, как раскол в самих «верхах».

Понятно, почему Ленин снова и снова подчеркивает, что для наличия революционной ситуации недостаточно, чтобы низы не хотели жить по-старому, но надо еще, чтобы верхи не могли господствовать по-старому. Если низы не хотят жить по-старому, но верхи располагают достаточно сильными средствами удерживать их в повиновении, — революция невозможна. Пусть даже нарастает это нежелание низов жить по-старому, — оно будет парализовано, если верхи еще не исчерпали все свои резервы, если верхи могут усилить аппарат своего господства в ответ на усиление недовольства низов. Но рано или поздно резервы оказываются исчерпанными, — тогда уже вопрос касается, по словам Ленина, «основ государственного устройства, а вовсе не каких-либо частных его, касается фундамента зданий, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа». Вот в таких-то условиях, когда в пределах данных основ государственного устройства, не ломая самого его фундамента, уже невозможно дальше укреплять режим господства над низами, — министерские, парламентские, конституционные и тому подобные кризисы уступают место «кризису верхов».

Как видим, «кризис верхов» означает изменение соотношения сил между господствующими эксплуататорскими классами и классами эксплуатируемыми. Поскольку экстраординарное обострение нужды и бедствий трудящихся масс Ленин выделяет в особый признак революционной ситуации, ясно, что указанное изменение соотношения сил происходит либо из неэкстраординарного, медленного нарастания силы народного революционного напора снизу как следствия накопления революционного опыта и созревания классового сознания, либо в некоторые исторические моменты, из внешнего ослабления силы правящих верхов в результате проигрыша или непосильной затяжки вой-

ны⁵⁶.

Из сказанного выше следует, что вопрос о «кризисе верхов» есть в учении Ленина вопрос о конкретном соотношении двух реальных сил, от которых только и зависит судьба революции, судьба всякой большой политической борьбы: организованной и вооруженной силы правящих верхов и менее организованной, менее вооруженной, но нарастающей силы народных масс. Ленин показывает, что всякая партия и группировка, находящаяся между этими двумя великими силами, не есть в сущности сама по себе сила. Буржуазные партии в России либо поддерживали самодержавие, либо пытались, хоть и трусливо, апеллировать, к народным, т. е. рабочим и крестьянским массам.

Как уже сказано, возникновение раскола в верхах есть признак и проявление «кризиса верхов». Но, раз возникнув, «кризис верхов» сам расширяет себя именно потому, что переходящие в оппозицию группы, партии или классы не видят другого средства реконструировать власть, как с помощью тех самых низов, для обуздания которых, в конце концов, эта власть и необходима. Партии апеллируют к народу, борьба партий пробуждает политическую активность масс, а в конце концов эта пробужденная активность может найти свой собственный, классовый, революционный путь, если только налицо субъективный фактор — революционная партия, способная руководить массами. Ленин говорил, что во время глубоких, потрясающих всю страну кризисов соперничающие партии «напрягают все свои силы, обращаясь к *массам* народа, и массы, руководимые верным инстинктом, просвещенные опытом открытой борьбы, идут за теми партиями, которые выражают интересы того или иного класса»⁵⁷.

Так обстоит дело с первым ленинским признаком революционной ситуации: «низы не хотят, верхи не могут».

Что касается второго, то он не требует долгих комментариев. Резкое ухудшение положения народных масс, согласно конкретным указаниям Ленина, наблюдалось во время экономических кризисов (от которых страдает не буржуазия, перекладывающая основное бремя кризиса на массы, а именно массы), во время затяжных войн и т. п. Дополнительная революционная активность масс, вызываемая этим ухудшением, так сказать, приплюсовывается к выросшей прежде и связанной «кризисом верхов» активности. В итоге возникает та экстраординарная, чрезвычайная активность, которая составляет третий ленинский признак революционной ситуации. Эта суммирующая все

---

⁵⁶ См. В. И. Ленин. Новый подъем. — Полн. собр. соч., т. 13, стр. 72; он же. Падение Порт-Артура. — Полн. собр. соч., т. 9, стр. 159; он же. Разгром. — Полн. собр. соч., т. 10, стр. 251.

⁵⁷ В. И. Ленин. Политические партии в России. — Полн. собр. соч., т. 21, стр. 276.

экстраординарная революционная активность и может превратиться в силу, совершающую революцию, если налицо достаточно мощный и зрелый субъективный фактор.

Как видим, все три признака составляют единство, сводятся к одному знаменателю. Может быть, наиболее лаконично суть учения Ленина о революционной ситуации была выражена им еще в 1904 г. в короткой формуле: партия пролетариата должна «поднять восстание в момент наибольшего правительственного отчаяния, в момент наибольшего народного возбуждения»⁵⁸.

Рассмотрение ленинского учения о революционной ситуации приводит к выводу, что краеугольным камнем этого учения является вопрос о «низах», о народных массах, об условиях такого подъема революционной борьбы этих низов, когда уже непосредственно дело доходит до революции, до всеобщего восстания. Все признаки революционной ситуации сводятся к этому пункту. Следовательно, учение о революционной ситуации есть в сущности учение о переходной ступени от революционного подъема масс к революции. Поэтому-то Ленин подчас и ограничивается указанием на это главное, основное. По поводу проектов резолюции к V съезду РСДРП (1907) он писал: «...Необходимо считаться именно с этим экономическим движением (рабочего класса. — *Б. П.*), как с коренным источником и важнейшей основой всего развивающегося революционного кризиса в России»⁵⁹. Ясно, что сама революционная ситуация в понимании Ленина есть нечто в высшей степени динамическое, — она нарастает, проходит ряд этапов в своем развитии.

Что сущностью, ядром ленинского учения о революционной ситуации является вопрос о «низах», о революционном поведении масс, — это видно и из той решающей роли, которую Ленин отводит при этом субъективному фактору. Если бы революционная ситуация определялась в конечном счете не только силой революционного напора низов, а еще чем-либо, на что пролетарская революционная партия никак не может повлиять, — субъективному фактору не принадлежала бы такая гигантская роль в превращении революционной ситуации в революцию.

Вернемся к революционным движениям XVI–XVIII вв. Ясно, что тогда подъем «низов» — это был преимущественно подъем крестьянства. Когда речь идет о «крестьянской стране», говорит Ленин, то «перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назрева-

---

⁵⁸ *В. И. Ленин.* Самодержавие и пролетариат. — Полн. собр. соч., т. 9, стр. 134.

⁵⁹ *В. И. Ленин.* Проекты резолюций к пятому съезду РСДРП. — Полн. собр. соч., т. 15, стр. 9.

нию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения»⁶⁰, так как складывание революционной ситуации все равно было бы неизбежно.

Но наличие этого фактора, крестьянского революционного подъема, далеко не всегда в XVI–XVIII вв. сопровождалось выступлением буржуазии, ее борьбой за власть. Напротив, в подавляющем большинстве случаев крестьянские и плебейские восстания пугали буржуазию. Она от этого огня лишь теснее жалаась к твердыне феодально-абсолютистского строя. Во время Великой крестьянской войны XVI в. в Германии бюргерство, сначала было сделавшее шаг к революции, затем предало ее, побоявшись обжечь себе пальцы. В Нидерландах XVI в., в Англии XVII в. буржуазия отважилась на половинчатый, непоследовательный союз с крестьянскими массами, яростно штурмовавшими феодализм, — но свой приход к власти она использовала прежде всего для того, чтобы не дать им доломать феодализм. Во Франции XVIII в. буржуазия выступила наиболее революционно, т. е. во всей европейской истории наиболее смелым образом пошла на союз с крестьянскими революционными массами⁶¹.

Но может быть это прогрессировавшее революционизирование западноевропейской буржуазии возможно объяснить, минуя вопрос о нарастании напора «низов», просто исходя из одного лишь факта роста мануфактурного капитализма? Нет, одного этого факта недостаточно хотя бы потому, что нельзя отождествлять капитализм с капиталовладельцами-буржуа. Всякий буржуа-мануфактурист мог, если феодальные условия его слишком стесняли, изъять свой капитал из промышленности и использовать его для покупки феодального поместья, для откупа феодальных налогов, для приобретения (во Франции) чиновной

---

⁶⁰ В. И. Ленин. Кризис назрел. — Полн. собр. соч., т. 34, стр. 277.

⁶¹ Основоположники марксизма-ленинизма предвосхитили только еще назревавший в их время сдвиг в знаниях историков об английской и французской буржуазных революциях. Два крупнейших переворота, произведенных советской исторической наукой, как раз состоят в осуществлении ленинской задачи — в открытии великой крестьянской войны в недрах каждой из этих великих буржуазных революций. К сожалению, эти книги все еще не доведены до опубликования. По Английской революции XVII в. см.: М. А. Барг. К вопросу о социальной идеологии диггеров. — «Новая и новейшая история», 1960, № 4; *он же*. Социальная утопия Уинстенли. — В кн.: «История социалистических учений». М., 1962; *он же*. Английская революция и судьбы крестьянского землевладения. — «Средние века», вып. V, 1954. См. также С. И. Архангельский. Крестьянские движения в Англии в 40–50-х годах XVII века. М., 1960. По Французской революции XVIII в. см.: А. В. Адо. Из истории крестьянских движений в первые годы Французской революции конца XVIII века. — «Вестник Моск. гос. ун-та. Серия общественных наук», 1956, № 4; *он же*. Крестьянское восстание в начале Французской революции 1789 г. — В кн.: «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957; *он же*. Аграрное законодательство Учредительного собрания и крестьянские движения во Франции в 1790 г. — «Новая и новейшая история», 1957, № 2.

должности в аппарате феодальной монархии, для ростовщических операций и т. д. Недовольство наиболее крупных буржуа своим положением обычно разрешалось этим путем, а вовсе не устремлением в революцию. Конечно, с ростом мануфактурного капитализма часть буржуазии пыталась отстаивать свои позиции, протестовала против налогов, монополий, привилегий, регламентации, внутренних таможен. Но все эти протесты сами по себе могли породить лишь верхушечные кризисы, а не кризис верхов, парламентскую оппозицию, а не революционную ситуацию. История Франции по крайней мере два с лишним столетия до революции 1789 г. полна уже такого рода протестов и оппозиции со стороны некоторых кругов мануфактурной буржуазии. Но, говорит Маркс, «ничто так не задержало победного шествия французской буржуазии, как то, что она лишь в 1789 г. решилась сделать *common cause* (вступить в союз) с крестьянством»⁶². Эти слова подразумевают, что экономические основания для победы буржуазии во Франции имелись уже задолго до 1789 г. и что, вступив в союз с крестьянской революцией, она могла бы раньше одержать победу.

В самом деле, не существует исторического закона, раз навсегда устанавливающего, на каком именно уровне развития капитализма становится возможной буржуазная революция. Теоретически она мыслима, раз налицо капиталистический уклад: так, во Франции в первой половине XVII в. Фронда начиналась при ясно выраженной революционной ситуации⁶³. Есть ли что-либо невероятное в том, что революционное движение буржуазно-демократического характера развернулось во Франции еще за 150 лет до действительной революции? Есть ли что-либо невероятное в том, что в России революционная ситуация имела место в 1859–1861 гг., а буржуазная революция совершилась только в 1917 г.? «Ошибочно было бы думать, — говорит Ленин, — что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития. Нет, общество человеческое устроено не так разумно и не так «удобно» для передовых элементов. Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения, — тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятиле-

---

⁶² К. Маркс — Ф. Энгельсу, 27 июля 1854 г. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. XXII, стр. 49.

⁶³ В нашей монографии «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)», (М.–Л., 1948) на конкретном материале сделана попытка показать, что в середине XVII в. во Франции имела место революционная ситуация, что Фронда была началом буржуазно-демократического революционного движения, сорванного из-за отступления буржуазии.

тия»⁶⁴. Разумеется, во Франции в длительный период между 1648–1653 и 1789 гг. происходило не только «гниение» феодально-абсолютистского общества, но и дальнейшее расширение капиталистического уклада в его недрах, хотя и очень медленное. Нет также оснований утверждать, что на протяжении этого 150-летия во Франции не было никаких волн революционного подъема или даже революционных ситуаций. Социально-политический кризис 1749–1750 гг. несравним, конечно, по своей силе и глубине с 1648–1649 гг., но все же и в нем можно видеть черты формирующейся революционной ситуации, не превратившейся в революцию. Будущие исследования покажут, нельзя ли говорить об элементах революционной ситуации во Франции и в начале XVIII в. (во время восстания камизаров) и во время общественных волнений в 20-х годах XVIII в.

Словом, колоссальное революционное упорство народных масс Франции, их все новые и новые выступления на протяжении длительного исторического периода, несмотря на целую серию неудач, на целый ряд сорванных революционных ситуаций, вот что сделало в конце концов буржуазию во Франции более революционной, чем где бы то ни было. Во Франции оказывалось невозможным, как в Германии, длительно снять революцию с повестки дня истории. Революция во Франции XVII–XVIII вв. все снова оказывалась в повестке дня, стучалась во все окна и двери кулаками «низов». Тот, кто станет тщательно изучать развитие прогрессивной буржуазной идеологии во Франции, заметит, что она делала резкий шаг вперед всякий раз в момент (и непосредственно после) каждого из указанных выше революционных подъёмов «низов». Если предательство буржуазии и губило эти зачатки революции, то лучшие умы и таланты буржуазии на каждом уроке все яснее ощущали возможность иного пути. Хотя революция, о которой идет речь, это «крестьянская революция», революция трудящихся и эксплуатируемых народных масс, ее успех или неуспех зависел от позиции буржуазии. Это наглядно показывает опыт Фронды. Народная стихия не могла победить, пока ее не возглавила революционная буржуазия. Буржуазная интеллигенция должна была дать народу идеи, политические лозунги, определить непосредственные цели борьбы.

Буржуазия «могла претендовать на то, чтобы представлять интересы различных трудящихся классов того времени»⁶⁵.

В той мере, в какой буржуазная интеллигенция (в России такую же роль играла дворянская интеллигенция) действительно отражала и по мере сил теоретически осмысливала нужды, чаяния и помыслы задав-

---

⁶⁴ В. И. Ленин. Последнее слово «искровской» тактики. — Полн. собр. соч., т. 11, стр. 366–367.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 508–509.

ленной феодализмом и отчаянно боровшейся народной массы, — в той самой мере она была прогрессивной и революционной.

Объективная революционность французской буржуазии XVIII в. состояла не в чем-то, что она делала помимо народа, а в повышении революционного потенциала самих народных масс: массы слабее без вождя, чем с вождем, слабее без идей, чем с идеями. Только буржуазная интеллигенция могла тогда внести подобие сознания собственных интересов и общественно-политической ориентировки в стихийное движение масс. Ее роль отдаленно напоминает роль революционной партии.

Но, усиливая массы, буржуазия в то же время оплетала их своим влиянием. Ее демократическая идеология была мостом к массам, но в то же время этот приводной ремень был и потенциальной уздой, которая давала буржуазии положение ездока и сулила возможность, если понадобится, сдержать понесшего коня народной революции. В этом смысле передовая идеология французской буржуазии выражала ее смелость, но и ее опасения: она отважилась на революцию только тогда, когда почувствовала, что достаточно крепко держит в своих руках влияние на народ.

Передовая идеология французской буржуазной интеллигенции XVIII в. далеко не полно, не прямо, не в чистом виде отражала интересы народных масс и осмысливала их борьбу. Нет, подобно тому, как Вольтер издал «Завещание» Мелье урезанным со всех сторон, лишенным могучего революционного дерзания, так и вся идеология буржуазной интеллигенции отражала борьбу народа лишь более или менее урезанно, приглушенно, искаженно. К тому же она искусно вплетала в основной народный фон нити узкобуржуазных идеалов и требований. Поддерживаемую большинством крестьянства идею защиты личнотрудовой собственности от феодалов эти идеологи искусно обращали в защиту буржуазной частной собственности. Их сочинения были обращены не столько прямо к народным массам, сколько к широким кругам буржуазии, внушая ей, чтобы она не боялась революции: смотрите, как бы говорили они, в конце концов эта революция не такая уж всеразрушающая анархия...

Как видим, сравнение передовых группировок буржуазной интеллигенции XVIII в. с революционной партией, усиливающей напор низов и превращающей революционную ситуацию в победоносную революцию, может быть допущено лишь в очень ограниченном смысле. Отношение к «низам» даже лучших революционеров буржуазии в корне отлично от отношения к массам пролетарских вождей. Никто не умел так беспощадно бичевать самодовольных критиков «хаоса революции» и «вакханалии самочинных действий масс», как Ленин. Известно пренебрежительное отношение Ленина ко всем тем, кто свысо-

ка смотрел на массы и учил их по книжкам. Ленин не устал повторять, что необходимо учиться у масс, осмысливать их действия, тщательно изучать практический опыт борьбы масс. Вера в творческие силы масс — это и есть та особенность в деятельности Ленина, которая давала ему возможность осмыслить стихию и направить ее движение в русло пролетарской революции.

Эта антитеза наглядно показывает, как обстоит дело с революционной ролью буржуазии в XVII–XVIII вв. Революционеры буржуазии смотрели на массы свысока, «просвещали» их и не допускали мысли, что революционная борьба самих народных масс — нормальный порядок в истории.

Ленинское учение о революционной ситуации, основанное на глубочайшем понимании творческой и движущей роли «низов» в истории, вооружает историка правильным методом для подхода к буржуазным революциям XVII–XVIII вв. Ленинские идеи о французской буржуазной революции XVIII в. непримиримо враждебны всей меньшевистской, оппортунистической традиции в толковании этой революции.

Рассмотрение этих идей снова приводит нас к выводу, что марксизм-ленинизм требует ясно различать две разные вещи. Феодалный строй пал в результате революционной борьбы народных масс. Их борьбу буржуазия использовала для того, чтобы захватить власть в свои руки и заменить феодальную эксплуатацию — капиталистической.

Наконец, здесь необходимо указать на существенное различие роли масс в ранних буржуазных революциях, направленных против феодально-абсолютистского строя, и в таких революциях более позднего времени (например, в революциях 1830 и 1848 гг. во Франции), которые были направлены против тех или иных остатков феодализма, подчас сильно трансформированных: против монархии, против ипотечного гнета как преобразованной «верховой» собственности на землю и т. п. В этих революциях ни буржуазия не действует уже столь революционно, ибо она обременена развивающимся антагонизмом с пролетариатом, ни народная масса не выступает таким широким фронтом и с такой психологией, как в великих революциях XVII–XVIII вв. Слепой гнев крестьянской массы против непонятных ей гнетущих социальных сил может в этих исторических условиях обрести характер такой уродливой карикатуры на крестьянское восстание, каким был пресловутый переворот Луи Бонапарта, и вообще сделать крестьянство одной из опор бонапартистских режимов в некоторых странах.

3. Пережитки феодализма и путь крестьянства к социализму

После победы и утверждения капитализма вопросы антифеодальной борьбы народных масс не сошли с исторической повестки дня. В XX в. еще оставались и остаются огромные пережитки феодальных отношений и огромные многомиллионные массы крестьянства, представляющие собой прямое наследие феодальной эпохи, вросшее в новые исторические условия. Империализм кровно заинтересован в сохранении феодальных отношений в колониальных, зависимых и экономически отсталых странах. На феодально-землевладельческие круги этих стран, на помещиков и земельную аристократию опирается иноземный империализм. Империалистический гнет тесно сплетается с феодальным гнетом. Поэтому и борьба против империализма, борьба широчайших масс этих колониальных, зависимых и экономически слабых стран против колониализма и монополистического капитала всегда является одновременно в той или иной мере борьбой против местных феодалов и пережитков феодальной экономики. Всякий удар освобождающихся народов по империализму есть одновременно удар по феодализму.

Поскольку основой основ феодализма является крупная земельная собственность, сердцевиной всякого антифеодального движения и в XX в. остается борьба за ее ликвидацию, за экспроприацию земли у помещиков, князей, государей и передачу ее трудящимся.

Великий исторический опыт сначала народов СССР, позже — стран народной демократии показал наиболее прогрессивный путь решения этой задачи, путь, ведущий к укреплению не капитализма на развалинах феодальной земельной собственности, а социализма. Этот путь состоит из двух этапов. На первом этапе земля феодалов делится между мелкими крестьянскими хозяйствами. Помимо этого этапа нет пути вперед. Всякие попытки непосредственно превратить большинство помещичьих хозяйств в крупные социалистические сельскохозяйственные предприятия были бы авантюризмом и повели бы лишь к разрыву союза рабочего класса с крестьянством; крестьянство в таком случае не оказалось бы победителем в борьбе с феодализмом. Единственная и естественная форма победы крестьян над феодалами-помещиками, отвечающая всей логике их предшествовавшей многовековой борьбы, это передел феодальной собственности, превращение ее в лично трудовую собственность, будь то посредством национализации или без таковой. На втором этапе с такой же логической необходимостью совершается кооперирование крестьянских единоличных хозяйств и более или менее постепенное объединение их земельных владений. Процесс кооперирования является естественным, необходимым

и добровольным, поскольку жизнь показывает, что сохранение системы уравнительного землепользования и равных мелких независимых хозяйств на длительное время — это утопия. Система эта либо очень быстро порождает расцвет кулачества, скупку или скрытую мобилизацию земли, утерю большинством своей трудовой собственности, либо для спасения последней побуждает крестьян — бедняков и середняков частично объединять свою собственность, возвращаться на новой основе к принципам общины⁶⁶. Однако этот последний путь имеет место только при условии, что власть принадлежит трудовому народу во главе с рабочим классом, что в обществе укрепляется и развивается не капитализм, а социализм. Дело не в том, что рабочий класс навязывает будто бы крестьянству переход к коллективному хозяйству, экспроприирует у него землю, скот и орудия, заставляет его вступать в колхозы, а только и исключительно в том, что он, пользуясь аппаратом диктатуры пролетариата, исключает возможность первого варианта, т. е. парализует развитие по капиталистическому пути, подавляет кулачество. Достаточно перекрыть русло капиталистического развития, помочь основной массе крестьянства выйти из него, как она рано или поздно, быстрее или медленнее пойдет по пути коллективизации.

Так совершалось дело в нашей стране, так совершалось оно затем в странах народной демократии, в частности, в тех странах народной демократии, где были значительны пережитки феодализма, например, в Румынии. В каждой стране были свои особенности, но история неоспоримо показала, что отмеченные два этапа являются общим закономерным путем ликвидации пережитков феодализма и скрепления союза рабочего класса и крестьянства в совместном строительстве социализма. В Венгрии в дни контрреволюционного мятежа 1956 г. коллективизированное крестьянство самым убедительным образом продемонстрировало свою приверженность к кооперативному строю и народно-демократической власти.

Естественно, что во всех странах мира, где царит капитализм и режим колониальной и экономической зависимости, коммунистические партии включают в свои программы ликвидацию пережитков феодализма и решение аграрно-крестьянского вопроса указанным путем. Они выдвигают требования, определяющие первый этап этого пути: «Земля — тем, кто ее обрабатывает», «Каждому пахарю — свое поле!»

---

⁶⁶ Ф. Энгельс в своей работе «Марка» писал, что современный крестьянин «при содействии своих естественных союзников, рабочих — может сам себе помочь, если он только захочет понять, как это сделать. Но как? Путем возрождения марки, но не в ее старой, пережившей себя, а в омоложенной форме; путем такого обновления общинного землевладения, при котором последнее... обеспечит мелкокрестьянским общинникам все преимущества крупного хозяйства и применение сельскохозяйственных машин... » (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 645).

Таковы общие лозунги коммунистических партий всего мира в аграрном вопросе. Они не боятся, что кто-нибудь упрекнет их в пропаганде народнической утопии, будто может существовать строй равной мелкой собственности, мелких независимых трудовых хозяйств. Нет, если бы этот лозунг был изолирован от всех остальных, от требований, направленных к установлению социализма, если бы он выдвигался как средство решения аграрно-крестьянского вопроса при сохранении капитализма и власти капиталистов, — тогда авторы его, конечно, были бы мелкобуржуазными мечтателями. Всякому марксисту понятно, что уравнительный раздел земли между крестьянами при сохранении в стране капиталистических отношений и капиталистических форм собственности лишь расчистил бы путь быстрейшему развитию капитализма в сельском хозяйстве. Но коммунисты не отделяют этого требования от всей своей программы. Они имеют в виду, что земля крупных собственников будет роздана крестьянам в условиях прихода к власти рабочей партии, в условиях конфискации у капиталистов предприятий и банков, в условиях перехода общества от капитализма к социализму. В этих условиях развитие обновленной деревни по капиталистическому пути будет пресечено, а для развития ее по социалистическому пути двери будут широко открыты. Никто не намерен после победы революции запрещать или насильно ликвидировать систему мелкой трудовой земельной собственности: само крестьянство будет преобразовывать, т. е. прогрессивно развивать ее дальше, в систему коллективного хозяйства.

Хотя эти вопросы, казалось бы, достаточно ясны, следует несколько подробнее рассмотреть теоретические положения марксизма-ленинизма и соответствующую практику коммунистических партий в крестьянском вопросе.

Как только не извращали положения марксизма-ленинизма о роли крестьянства в пролетарской революции, в борьбе за коммунизм! В качестве квинтэссенции этих извращений рассмотрим изданную в 1952 г. монографию профессора Д. Митрани «Маркс против крестьянина»⁶⁷. Автор ее — экономист-аграрник, в прошлом один из деятелей и идеологов «зеленого интернационала» — союза реакционных аграрно-кулацких партий Европы. Кулацкое нутро автора то и дело проступает на страницах его труда; так, ликвидацию кулачества в СССР он оплакивает как «ликвидацию крестьянства». Идеи народничества, эсерства, немарксистского «социализма» он противопоставляет «коммунизму», т. е. идеям Маркса, Энгельса, Ленина; крестьянскую революцию — пролетарской революции. По утверждению Митрани, Маркс и Энгельс считали крестьянство обреченным, умирающим, враждебным револю-

---

⁶⁷ *D. Mitrany. Marx against peasant. — A study of social dogmatism. London, 1952.*

ционному пролетариату классом. «Марксизм провозгласил священную войну крестьянству», войну идеологическую и политическую (стр. 22). В сознании Маркса якобы была лишь одна мысль: что развитие буржуазного общества есть отрицание мелкой частной собственности, а потому крестьянское хозяйство и крестьянство не могут играть прогрессивной роли (иначе говоря, Митрани полагает, как и меньшевики, что для марксизма именно развитие капитализма есть абсолютный синоним прогресса). Борьба Ленина с народничеством была якобы прямым продолжением этой «священной; войны».

По форме изложения претендуя на объективность, по существу бесцеремонно фальсифицируя всю суть марксистско-ленинского учения по аграрно-крестьянскому вопросу, приписывая марксизму-ленинизму ту пропасть и противоположность между пролетариатом и крестьянством, которая характеризует его собственное мировоззрение, Митрани настойчиво ведет читателя к своей концепции великой крестьянской революции, разыгрывающейся в новейшее время, по его мнению, вопреки марксизму-ленинизму и в борьбе с ним. Если до 1917 г. крестьянские восстания и выступления в истории были локально ограниченными и требования их также носили ограниченный характер, то с 1917 г. и по наши дни, согласно концепции Митрани, совершается выход крестьянства на историческую сцену в качестве активной и самостоятельной силы — не в Западной Европе, а в странах, лежащих восточнее. Мало того, чем дальше на восток, тем, якобы, все отчетливее крестьянство выступает как главная активная сила революций. В России в 1917 г., утверждает Митрани, революция прошла две фазы: сначала это было огромное по своим масштабам крестьянское восстание, а затем «естественный ход» революции был нарушен политическим переворотом, произведенным большевиками. Это было первым столкновением «лицом к лицу» марксизма с крестьянством не в теории, а на практике. Но при этом Ленин и его соратники сознавали все решающее значение крестьянского вопроса в России, они старались использовать революционную силу крестьянства, хотя бы и с тем, чтобы впоследствии уничтожить своего союзника. В 1917–1919 гг. Ленин, заявляет Митрани, придерживался в вопросе о национализации земли эсеровских позиций уравнительного раздела, лишь стараясь замаскировать их марксистской фразеологией, например, словами о союзе городского пролетариата только с полупролетариатом деревни. Переход к нэпу Митрани трактует как признание силы крестьянского класса. Установление колхозного строя было, по нелепому взгляду Митрани, «ликвидацией крестьянства» и введением некрестьянского труда в сельском хозяйстве. Но на первых порах крестьянская революция в России, в результате которой земельная собственность крупных поместий перешла в руки крестьян, была выдающимся историческим

успехом и была санкционирована большевиками, поскольку она отсекала пути для капиталистического развития (хотя крестьяне в глазах большевиков и оставались всегда неверным, нестойким резервом).

Митрани считает, что русская революция отличалась от великой французской революции не своим социальным содержанием, ибо обе были антифеодальными революциями, а результатом. Победоносная русская крестьянская революция, по Митрани, была подготовлена целой цепью крестьянских революций, прокатившихся по Восточной Европе, в том числе 1905 г. в России, 1907 г. в Румынии. Русская революция 1917 г. и ее аграрные реформы в свою очередь разбудили самосознание крестьянства многих стран, якобы нашедшее свое политическое воплощение не в чем ином, как в «аграрных партиях», вошедших в «зеленый интернационал». Митрани похвастается тем, что они якобы вели борьбу одновременно и с большевизмом, и с капитализмом и стыдливо обходит молчанием развал и крах этих кулацких организаций. Какая-то необъяснимая «ситуация» после второй мировой войны позволила марксистско-ленинским партиям «распространить свою антикрестьянскую политику» на ряд стран Восточной Европы и Азии. Это была, как и в 1917 г., политика «использования» сил крестьянской революции для ее последующего удушения.

Конечная цель книги Митрани — агитация в широких крестьянских массах, внушение им мысли, что в настоящее время не только в Европе, но и в Азии крестьянство стоит перед выбором: коммунизм или либерализм (читай капитализм). Руководящая роль пролетарских партий в странах социализма якобы неизбежно приходит в столкновение с интересами крестьянства.

Содержание насквозь клеветнической книги Митрани охарактеризовано нами именно потому, что она представляет собой своего рода резюме всех идеологических маневров, направленных на подрыв союза пролетариата с крестьянством. Эту сторону современной тактики и идеологии буржуазии необходимо знать, необходимо неустанно бороться с поистине иезуитским планом антикоммунизма представить марксистско-ленинскую теорию, коммунизм как исконного врага крестьянской массы, якобы презирающего ее, противопоставляющего рабочему классу и обманывающего ее в узко тактических целях уступками и словами о союзе. Злостная книга Митрани как бы впитала в себя все измышления правосоциалистических и аграрных партий Европы, все антикрестьянские догматы меньшевиков и прочих псевдомарксистов, все идейное наследие кулацкого «зеленого интернационала» и империалистической пропаганды, апеллирующей ко всемирному кулачеству.

Если буржуазная идеология видит свою главную задачу в трактовке истории крестьянского вопроса новейшего времени в том, чтобы вбить

клин между крестьянством и пролетариатом и снова, как некогда, сделать крестьянское антифеодальное движение резервом буржуазии, то советские историки прежде всего анализируют все объективные предпосылки союза рабочего класса с крестьянством. Их преимущественное внимание привлекает, в частности, новейшая эпоха — начиная с Великой Октябрьской социалистической революции и до наших дней. Советские историки при этом, конечно, выступают против всяких попыток механически отождествлять эту эпоху с той, когда Ленин и большевики разоблачали народнические и эсеровские иллюзии насчет «уравнительного землепользования» и «черного передела», прикрывавшие тогда борьбу за капитализм. Диалектика истории приводит к тому, что в эпоху борьбы за социализм те же лозунги получают иное объективное содержание. Это широко раскрыто советской исторической наукой. Она показала политику партии на разных этапах революции как по отношению к крестьянству как классу, пока оно ведет антифеодальную борьбу, так и порознь по отношению к беднякам, середнякам и кулакам. Следует, однако, оговорить и некоторые встречавшиеся в нашей науке неточности и ошибки.

Невозможно, например, согласиться с появившейся давно, но привлекающей интерес и до сих пор статьей покойного проф. В. В. Бирюковича «О некоторых вопросах развития феодального общества»⁶⁸.

В этой статье, хотя по форме она посвящена средневековью, речь по существу шла о современности. Посылка: крестьянство якобы только потому играло большую роль в ликвидации феодализма, что оно само есть «капиталистический класс», что оно представляет всего лишь «наиболее демократическое и радикальное крыло буржуазии». Получается, что ни малейшего противоречия между интересами крестьянского класса и интересами буржуазии не было в ходе антифеодальных, буржуазных революций. Крестьянство получило в этих революциях полное удовлетворение, ибо оно боролось только за буржуазную частную собственность, за капитализм. Никакого противоречия между буржуазно-собственнической стороной и трудовой в ту пору в крестьянине не было, две души не боролись тогда в нем. Отсюда — вывод: это противоречие возникло лишь после победы капитализма, в процессе капиталистического развития, так как крупное капиталистическое производство вытесняло и разоряло мелкое крестьянское хозяйство. Внутреннее противоречие в крестьянстве возникает лишь постольку, поскольку крестьянство деклассируется, перестает быть крестьянством, лишается своего имущества. Поэтому в современных условиях борьба крестьянства либо есть борьба за собственность, — и тогда она по существу безнадежна и реакционна, или, если она соверша-

---

⁶⁸ «Вопросы истории», 1952, № 2.

ется под руководством пролетариата и носит революционный характер, — тогда она должна быть и борьбой против личной трудовой собственности крестьян, а интересы крестьян должны быть вполне тождественными интересам пролетариата.

Иначе говоря, революционная борьба крестьянских масс против пережитков феодализма, которые еще сильны в огромной части мира, полностью сбрасывается с актива сил социализма; утверждение, будто «классики марксизма неизменно относили крестьянское движение против феодализма к разряду мелкобуржуазных движений, которые в качестве таковых не могут объективно преследовать такую задачу, как уничтожение капиталистического строя», просто не соответствует действительности. В том-то и дело, что не «неизменно», а в определенных исторических условиях. В современных же исторических условиях крестьянское движение против феодализма служит вовсе не утверждению капитализма, оно как раз объективно расшатывает и капиталистический строй, объективно содействует уничтожению капиталистического строя под руководством пролетариата. Оно тем самым способствует и установлению диктатуры пролетариата. Но при этом оно остается борьбой миллионов мелких и средних производителей деревни за свое крестьянское хозяйство, за свою трудовую собственность.

Как было показано выше, в борьбе крестьян против феодализма преобладала негативная сторона, они стихийно старались разрушить существовавшую тогда систему эксплуатации. А буржуазия использовала их разрушительную работу для замены в обществе старой, феодальной формы эксплуатации — новой, капиталистической формой эксплуатации. В этом смысле можно сказать, что крестьяне боролись против реально существующей эксплуатации, а не за новую форму эксплуатации. Как видим, эта революционная борьба крестьян против феодализма отнюдь не тождественна борьбе за капитализм. Важно прежде всего видеть противоречия в этой крестьянской борьбе, ее вторую сторону — борьбу крестьян как эксплуатируемых непосредственных производителей против эксплуатации.

Не только к средним векам можно приложить истину, что лозунг личной трудовой собственности имеет прогрессивное значение лишь тогда, когда он направлен против феодального землевладения. И в наши дни крестьянство множества зарубежных стран продолжает испытывать феодальный гнет, оно само — живое наследие феодального строя, не уничтоженное ходом капиталистической концентрации производства нигде, кроме Англии. Современное крестьянское движение нельзя целиком подводить только под рубрику борьбы против капиталистической эксплуатации: оно в большой мере остается антифеодальным. При этом лозунг «личной трудовой собственности» не стал

реакционным или служащим интересам укрепления капитализма.

Крестьянство в нашей стране, во всех странах социализма безоговорочно повернулось лицом к рабочему классу. Оно ищет союза с рабочим классом во многих странах. Союз не означает одновременного поворота крестьянства от своих — крестьянских — требований к чисто пролетарским требованиям. В противном случае мы пришли бы к абсурдному выводу, что крестьянское движение в нашу эпоху может быть революционным только в том случае, если оно по существу является уже не крестьянским, а пролетарским движением. Это означало бы, что не революционным, реакционным являлось движение крестьян в европейских и азиатских странах народной демократии, завершившееся аграрными реформами. Оно означало бы, что не революционными, реакционными являются в наши дни такие лозунги, как: «Каждому пахарю — свое поле», «Земля — тем, кто ее обрабатывает». Нет, крестьянские массы, миллионы мелких и средних производителей деревни отнюдь не должны отречься от самих себя, от своих совершенно естественных лозунгов и требований, чтобы стать революционными.

Как известно, аграрные реформы в странах народной демократии не были основаны на отказе крестьян от лозунгов «черного передела» и «личной трудовой собственности». Например, в Румынии реформа 1945 г. была плодом подлинной антифеодальной крестьянской войны, подлинным «черным переделом». В самом деле, что означают слова «черный передел»? В. И. Ленин так объяснял смысл этого выражения: «...Полный успех крестьянского восстания,.. перераспределение всей земли в интересах крестьянства и согласно его желаниям («черный передел» или что-нибудь в этом роде)»⁶⁹. Общеизвестно, что этот лозунг сам по себе не выходит за рамки буржуазно-демократических революций, но думать, что крестьянство не может быть союзником и резервом пролетариата в социалистической революции, если оно не отречется от этого лозунга, — значило бы порвать с ленинизмом. С этой позиции меньшевики боролись с ленинизмом. Если бы коммунистические и рабочие партии для установления диктатуры пролетариата, для начала строительства социализма нуждались в отказе крестьянства от уравнительного раздела земли, то им оставалось бы одно из двух: или не ставить вопроса о власти, а дожидаться, пока само развитие капитализма лишит эти миллионы мелких и средних собственников-производителей в деревне всякого имущества, превратив их в батраков, в сельских пролетариев, тогда уже они «отрекутся от иллюзий»; или, взяв власть, насильственно лишить имущества, т. е. экспроприировать этих мелких и средних производителей в деревне: не хотят «отрекаться от

---

⁶⁹ В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. — Полн. собр. соч., т. 11, стр. 35.

иллюзий» по добру — пролетаризировать их насильно. Как известно, к таким выводам неумолимо вели схоластические теории «горе-марксистов».

Навряд ли было бы верно цитировать высказывания Маркса — Энгельса, сделанные до революции 1848 г., о «консервативности», «реакционности» крестьянства, об «идиотизме деревенской жизни», не учитывая исторической обстановки, в которой эти высказывания были сделаны. На первом этапе формирования марксизма задача Маркса и Энгельса в самом деле состояла в том, чтобы особенно подчеркивать, что только пролетариат является безоговорочно революционным классом. Как известно, лишь опыт революции 1848 г. заставил Маркса и Энгельса дать разработку и крестьянского вопроса. Если мы обратимся к высказываниям Маркса и Энгельса, сделанным после 1848 г., мы найдем здесь такую оценку революционной роли крестьянства: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно»⁷⁰. В лице революционного крестьянства *«пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»*⁷¹.

Точно так же, вспоминая слова Ленина, обращенные против народников и эсеров, надо одновременно помнить и ту борьбу, которая велась Лениным с меньшевиками по вопросу о крестьянстве. Даже приемлемое для народников понятие «трудовое крестьянство» Ленин использовал, выступая против меньшевиков. Надо помнить, что меньшевики не раз обвиняли Ленина в «народничестве». С точки зрения догматического социал-демократического «марксизма» уступкой народничеству оказывается и все, что внесено в постановку крестьянского вопроса опытом колхозного строительства в СССР, опытом социалистических стран Европы и Азии, программами коммунистических партий в странах капитализма.

Недостаточно говорить о руководящей роли пролетариата по отношению к крестьянскому движению, если не учитывать при этом подлинно объективных оснований для этой руководящей роли, для союза рабочего класса и крестьянства. Объективные основания указала нам политическая экономия феодализма. Отождествляя всякую крестьянскую собственность с буржуазной собственностью, можно прийти к выводу, что раз буржуазия — антагонист пролетариата, то и крестьянство — антагонист пролетариата. Ясно, что для обоснования союза

---

⁷⁰ К. Маркс — Ф. Энгельсу, 16 апреля 1856 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29, стр. 37.

⁷¹ К. Маркс. 18 брюмера Луи Бонапарта. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 607 (примеч. 89).

пролетариата и крестьянства при такой «политической экономии» оставались бы только субъективные факторы: «переход крестьянства на точку зрения пролетариата», «преодоление крестьянством субъективных предрассудков» и т. д. Но какие объективные экономические причины делают возможными эти субъективные сдвиги? Тут мало ссылаться только на разорение крестьянства капитализмом, на пролетаризацию крестьянства: вопрос о сельском пролетариате не совпадает с вопросом о мелких и средних деревенских собственниках-производителях, т. е. о крестьянской массе. При ложной политической экономии феодализма выходит, что в основной крестьянской массе нет якобы объективных предпосылок для союза с рабочим классом, что крестьянство, следовательно, не может добровольно принять руководства рабочего класса, — его надо или принудить к этому или предварительно «раскрестьянить». Такая теория направлена против союза рабочего класса и крестьянства.

Ей противостоит марксистское разграничение понятий «буржуазная частная собственность» и «собственность, основанная на личном труде». Четкое разграничение этих двух понятий глубоко отражает опыт строительства социализма в СССР.

Именно живой исторический опыт нашей страны углубил и уточнил высказанную Марксом мысль, что буржуазно-капиталистическая собственность не только отлична от основанной на личном труде индивидуальной собственности, но и является ее отрицанием. Отрицание капиталистической собственности, т. е. социалистическая революция, писал Маркс, снова создает индивидуальную собственность, но уже приобретающую форму «кооперации свободных работников и их общинного владения землей и произведенными ими средствами производства». Это — отрицание отрицания, говорит Маркс, и обрушивается на буржуазную политическую экономию, на сикофантов капитала, занимающихся смешением и отождествлением двух различных и противоположных родов собственности — основанной на собственном труде производителя и основанной на эксплуатации чужого труда⁷².

Ленинский кооперативный план и колхозное строительство в СССР, а затем в странах народной демократии, явились осуществлением гениальной мысли Маркса.

Вопрос о мелкой трудовой собственности и ее исторических судьбах имеет много общего с вопросом о товарном производстве и его исторических судьбах, хотя это и два разных вопроса. Одинаково ошибочно смешивать и отождествлять с капитализмом и товарное производство, и собственность мелких и средних производителей, основанную на личном труде.

---

⁷² См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 766–768, 777.

Корень теоретических заблуждений такого рода лежит в смешении товарного хозяйства с капиталистическим.

В общем, несомненно, правильно связывать личную земельную собственность с товарным производством. Разрыв с марксизмом начинается тогда, когда и то и другое отождествляется с буржуазными, капиталистическими отношениями. Нельзя ставить знак равенства между товарным производством и капиталистическим производством, а поэтому также и между личной трудовой собственностью и буржуазно-капиталистической частной собственностью.

И товарное производство, и собственность мелких и средних производителей, основанная на личном труде, — это категории исторические, не вечные, имеющие в истории начало и конец, но отнюдь не совпадающие с капитализмом. И товарное производство, и собственность мелких и средних производителей меняются в истории, они играют совершенно разную роль в зависимости от того, какие экономические условия окружают их в обществе.

В рабовладельческом обществе существовал значительный слой мелких крестьян-собственников, но капитализм отнюдь не зарождался в их среде. При феодализме наряду с собственностью феодалов на главное средство производства, землю, существовала собственность крестьян и ремесленников на некоторые средства и орудия производства, на свое хозяйство, дом и т. д. Крестьяне в средние века постоянно пытались бороться за распространение и на землю принципа личной трудовой собственности. Но это им, как правило, не удавалось: собственность на землю господствующий класс удерживал в своих руках. Однако в том или ином ограниченном объеме личная трудовая собственность мелких производителей на орудия и средства производства и на продукт труда при феодализме была не «идеалом», а экономическим фактом. И она выражала не зарождение буржуазного строя, а антагонизм самого феодального строя.

Противоречие крупной феодальной собственности и мелкой лично трудовой собственности отражало противоречие основных классов феодального общества, эксплуататоров и эксплуатируемых. Мелкая трудовая собственность крестьян на протяжении многих веков феодальной эпохи отвечала именно их положению трудящегося, эксплуатируемого класса.

Позже, с зарождением и развитием в обществе капиталистических отношений, не только крестьянство стало дифференцироваться, но и по существу крестьянское товарное производство, крестьянская собственность стали приобретать двойственный характер. Где господствуют капиталистические экономические законы, там товарное производство оказывается зачатком капиталистического производства, крестьянская трудовая собственность — зачатком буржуазной собственности. Кре-

стьянское хозяйство становится средой, ежечасно и ежедневно, постоянно и непрерывно выделяющей из себя капиталистов (а с другой стороны, — пролетариев). Но за вычетом кулацкой верхушки, оно не утрачивает и трудового характера.

Так вместе с поднимающимся капитализмом складывается характерная для крестьянства двойственность. В. И. Ленин неустанно характеризовал крестьянство как двойственный, противоречивый класс в капиталистическую эпоху и поэтому как *«такой класс, который колеблется»*⁷³. Его колебания между буржуазией и пролетариатом отражают его объективную экономическую противоречивость: «Положение крестьянина таково по его быту, условиям производства, условиям его жизни, условиям его хозяйства, что крестьянин — полутрудающийся, полуспекулянт»⁷⁴.

Таким образом, в природе самого крестьянина налицо объективные предпосылки для союза как с буржуазией, так и с пролетариатом. Поэтому-то пролетариат как единственно последовательный революционный класс может и должен бороться за руководство крестьянским движением. Буржуазия, конечно, не «навязывала», не «подсказывала» крестьянству собственнические лозунги, а опиралась на буржуазно-собственническую природу самого крестьянства. Крестьянство долгое время верило в буржуазию как в единственного возможного защитника своей лично трудовой собственности, а тем самым и как в руководителя на пути к буржуазно-капиталистической частной собственности. Крестьянство долгое время не ждало защиты своей трудовой собственности от рабочих. Но в конце концов оно должно было убедиться, что надежный и естественный его союзник — это именно рабочий класс.

Если же исходить из утверждения о буржуазной природе крестьянской собственности, получится, что пролетариат «навязывает» и «подсказывает» крестьянству свой путь. Субъективный фактор — «лозунги», «переход на точку зрения пролетариата», «преодоление предрассудков», «отречение от лозунгов» и т. д., — вот все, что остается для объяснения этого поворота крестьянства. И это неизбежно, если стать на путь отрицания всякой мысли о том, что трудовое начало в крестьянстве древнее и глубже, чем буржуазное. Между тем В. И. Ленин объяснял, что в вековой борьбе с помещиками, кулаками, капиталистами «крестьянин трудающийся воспитал в себе ненависть и вражду к этим угнетателям и эксплуататорам в течение веков, а это «воспита-

---

⁷³ В. И. Ленин. VIII съезд РКП(б). Доклад о работе в деревне 23 марта. — Полн. собр. соч., т. 38, стр. 196.

⁷⁴ В. И. Ленин. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. — Полн. собр. соч., т. 38, стр. 354.

ние», данное жизнью, *заставляет* крестьянина искать союза с рабочим против капиталиста, против спекулянта, против торгаша»⁷⁵. Исходя из представления о чисто буржуазной природе крестьянина, получается, что вековое воспитание крестьянина якобы заставляет его искать союза только с торгашом. Отсюда следует вывод, что самый близкий и естественный союзник крестьянства — не рабочий класс, а буржуазия. Только с помощью необъяснимого революционного волюнтаризма пролетариат отбивает этого союзника у буржуазии!

В наши дни вопрос о собственности мелких и средних производителей в деревне стоит иначе, чем он стоял до победы социализма. Новая историческая эпоха потребовала развития марксистско-ленинской теории в этом вопросе по сравнению с тем временем, когда ликвидация феодализма могла быть только синонимом утверждения капитализма.

Победа крестьянства, захват земли и имущества помещиков и прочих эксплуататоров есть всего лишь ликвидация феодальных отношений или их пережитков. Лично трудовая собственность существовала в неполном виде в феодальном обществе как противоположность господствовавшей феодальной собственности, и ее полная победа есть не что иное, как отрицание феодализма. Это может явиться расчисткой путей для капитализма — если победа крестьянства достигнута под руководством буржуазии, если окружающие общественные условия характеризуются господством капитализма (т. е. до эпохи победы и утверждения социализма). В этом случае в крестьянской индивидуальной собственности, чем дальше, тем больше, проявляются черты, однотипные с буржуазной собственностью, она становится основой торгашеской, спекулятивной, эксплуататорской, индивидуалистической тенденции в развитии крестьянского хозяйства, а ее трудовая природа, напротив, как бы отходит на задний план. Но если победа достигнута под руководством рабочего класса, тогда, как известно, разрешение задач буржуазно-демократической революции подготавливает не расцвет капитализма, а условия для народной демократии, для развития диктатуры пролетариата, опирающегося на союз с основной массой крестьянства, для сокрушения капитализма, для социализма. Чем глубже сломлено господство капитализма в обществе, тем более возможен иной путь развития крестьянской индивидуальной трудовой собственности: добровольное объединение мелких и средних индивидуальных производителей в производственные кооперативы и тем самым замена мелкого сельскохозяйственного производства крупным.

Если бы была правильна теория об исключительно буржуазной при-

---

⁷⁵ В. И. Ленин. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. — Полн. собр. соч., т. 39, стр. 278.

роде крестьянина, то о добровольном кооперировании крестьянских хозяйств не могло бы быть и речи. Личная собственность толкала бы крестьян только на путь капитализма, следовательно, коллективизировать их можно было бы только насильно. И в самом деле, некоторые историки, исходя из подобных теоретических посылок, еще недавно считали, что крестьянство, поскольку оно не коллективизировано, является для пролетарской власти враждебной средой, что коллективизация — это нечто привнесенное в деревню извне, нечто навязанное пролетариатом крестьянству. Но получается, в таком случае, что пролетариат и пролетарская партия не вполне искренне руководят борьбой крестьянства за землю на буржуазно-демократическом этапе. Выходит, если поверить этим историкам, что партия давала крестьянству лозунги только для того, чтобы использовать революционную силу крестьянства, не собираясь на деле всерьез осуществлять эти лозунги, напротив, собираясь вскоре экспроприировать крестьянскую собственность, завоеванную в революционной борьбе. Такое мнение ничего общего не имеет с марксистско-ленинской теорией и практикой.

В действительности же кооперирование крестьянских хозяйств является не экспроприацией, а одним из двух возможных закономерных путей развития крестьянской мелкой и средней собственности, основанной на личном труде: либо она развивается в буржуазно-капиталистическую собственность, либо в групповую, колхозную, — в зависимости от того, какие окружают ее общественные условия. Выбор пути происходит в борьбе. Было бы недопустимой идеализацией крестьянства думать, что оно без руководства пролетариата, без политического господства пролетариата в обществе способно осуществить второй, социалистический путь. Другой руководитель — буржуазия, кулачество — стремится вести крестьянскую массу по противоположному пути, и поворот крестьянства на путь коллективизации невозможен без устранения пролетариатом этого другого руководителя. Но недопустима и противоположная ошибка: непонимание добровольного характера коллективизации, следовательно, соответствия ее в конечном счете глубочайшим экономическим интересам трудящегося крестьянства. Из этой ошибки проистекали все перегибы и извращения в колхозном строительстве.

Известно, что переворот в нашей деревне, ликвидировавший оставшийся от прошлого, возглавляемый кулачеством буржуазный строй, был совершен по инициативе Советской власти, но не только не вопреки воле крестьянства, а при поддержке основных масс крестьянства. Советская власть возглавила движение многомиллионных масс крестьянства за коллективизацию. Известно, что в странах народной демократии постепенно, в многообразных конкретных формах, часть крестьянства становится на путь производственной сельскохозяйст-

венной кооперации. Это и значит, что когда в обществе сломлен капитализм, в крестьянском хозяйстве не только проявляются две тенденции, но в конечном счете оказывается более сильной тенденция к превращению собственности в групповую, колхозную. Трудовая природа, заложенная в личной собственности мелких и средних производителей, оказывается более глубокой, чем буржуазная, — она только не могла взять верх, пока в обществе господствовал капитализм. Когда же окружающие общественные условия благоприятствуют развитию по социалистическому пути, лично трудовая собственность содействует не обособлению и конкуренции крестьянских хозяйств, а их кооперированию. Дальнейшее сближение колхозной собственности с общенародной пойдет тоже не вопреки интересам и выгодам крестьян, а на основе их интересов и выгод.

В этой связи заслуживает внимания дискуссия 1957 г. в журнале «Вопросы истории»: по мнению некоторых авторов, Ленин был в 1917–1918 гг. против раздачи помещичьей земли крестьянам и согласился на это только в качестве вынужденной уступки эсерам и неразумным «мелкобуржуазным» мужикам, согласился на это лишь из переходящих «тактических» соображений. К сожалению, все участники дискуссии, рассматривая аграрную реформу 1917 г. в России, не сопоставляли ее с аналогичными реформами, осуществленными в 1945–1948 гг. в странах народной демократии, где не было никаких эсеров, как и с аналогичными требованиями, содержащимися в программах братских коммунистических партий, тоже не вынужденными тактикой по отношению к эсерам.

Прежде чем рассмотреть ленинские высказывания по существу, отметим, что Ленин нигде и никогда не говорил об этом мероприятии Советской власти — о введении уравнительного землепользования, как о «тактическом шаге» или «тактическом маневре».

В действительности декрет Советской власти о разделе помещичьих земель поровну между трудящимися крестьянами не был ни тактическим маневром, ни вынужденной уступкой, а являлся теоретически обоснованным и верным для любой страны шагом в борьбе за социализм. Это требование земельного передела было записано еще в первой программе партии. Ленин о нем говорил: «Требование... возвращения отрезков не есть — загородка. Оно есть *дверь*. В эту дверь прежде всего надо выйти *для того, чтобы идти дальше*, для того, чтобы по открытой, по широкой дороге идти *до самого конца*, до полного освобождения всего трудящегося рабочего народа на Руси»⁷⁶. Как видим, речь идет о мере, открывающей дорогу к социализму. Могут спросить: почему требование уравнительного раздела земли крестьянам отсутст-

---

⁷⁶ В. И. Ленин. К деревенской бедноте. — Полн. собр. соч., т. 7, стр. 190.

вует в программе РКП(б), принятой VIII съездом в 1919 г.? Ответ на этот вопрос прост: партии незачем было вносить в программу требование, уже осуществленное к тому времени. Но мы находим это требование в современных программных документах коммунистических партий всех тех стран, где оно еще не осуществлено. Противоречит всему 45-летнему опыту КПСС, а также опыту братских коммунистических партий представление, выдвинутое Митрани: большевикам-де в 1917 г. обязательно требовался союз с крестьянством, а так как этот союз на принципиальной основе не получался, то пришлось пойти на беспринципный «тактический маневр», дать крестьянству то, что партия считала неправильным давать и что, следовательно, она собиралась при благоприятных условиях отнять. Партии и Ленину никогда не был присущ эдакий иезуитизм в отношении масс!

Величие Ленина состоит в том, что он не только учил массы, но и учился у масс. Как ни богата была марксистско-ленинская теория до опыта Великой Октябрьской социалистической революции, этот опыт безмерно обогатил ее. Глубокие теоретические положения по аграрно-крестьянскому вопросу, которыми располагали большевики накануне Октября, были порождены историческими условиями, когда первой в порядке дня еще стояла буржуазно-демократическая революция. До Октябрьской революции главная задача марксистов в аграрно-крестьянском вопросе состояла в том, чтобы развенчивать народническо-эсеровские иллюзии, будто раздел земли между крестьянами может привести общество к социализму. Эта мера может только расчистить путь «демократическому» капитализму, она не ведет к социализму, настойчиво разъясняли большевики, имея в виду осуществление этой меры вне других, подлинных социалистических мероприятий, вне установления диктатуры пролетариата, вне конфискации собственности крупной буржуазии и т. д. Октябрьская революция совершилась. На завтра после нее, поскольку победа социализма еще не была утверждена, Ленин, естественно, еще продолжает прежнюю борьбу, — поэтому он еще фиксирует, что большевики «не согласны» с лозунгом уравнительного землепользования и являются «противниками» такого закона⁷⁷. Без диалектики, без историзма не понять, что эти цитаты относятся к тому времени, когда новый фактор, в корне меняющий всю суть вопроса о разделе помещичьей земли между крестьянами, а именно фактор перехода власти и командных экономических высот в руки рабочего класса, исторически только появился, был еще, так сказать, новорожденным. Большевики еще принуждены делить власть с левыми

---

⁷⁷ См. В. И. Ленин. Речь на совещании делегатов комитетов бедноты Центральных губерний. — Полн. собр. соч., т. 37, стр. 179; он же. Пролетарская революция и ренегат Каутский. — Полн. собр. соч., т. 37, стр. 321.

эсерами. Ленин еще ведет борьбу с их программой и в прежнем теоретическом плане — как если бы этот новый, все меняющий фактор еще не восторжествовал. Беря вопрос в плоскости буржуазно-демократической революции, он еще подчас говорит, что закон о земле принят просто потому, что такова воля большинства крестьянской массы, что это уступка пролетариата крестьянам, их иллюзиям и заблуждениям⁷⁸.

Но гораздо важнее, как сквозь это вырисовывается новая постановка всей проблемы: раз данная мера будет осуществлена при господстве пролетариата, при переходе к нему политической власти, при рабочем контроле на предприятиях, при национализации банков, значит, эта мера тем самым может приобрести значение одной из переходных мер к социализму.

«Крестьяне, — писал Ленин по поводу крестьянских наказов еще в сентябре 1917 г., — хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравни-тельно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, *значит* господство банков подорвано, если инвентарь будет конфискован, *значит* господство капитала подорвано, — то *при господстве пролетариата в центре*, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится *само собою*, явится в результате «силы примера», подсказано будет *самой практикой*.

Переход политической власти к пролетариату — вот в чем суть. И тогда все существенное, основное, коренное в программе 242-х наказов *становится осуществимым*. А жизнь покажет, с какими видоизменениями это осуществится. Это дело девятое. Мы не доктринеры. Наше учение не догма, а руководство к деятельности.

Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело»⁷⁹.

Уже здесь вполне ясно высказана мысль, что программа уравни-тельного раздела земли между крестьянами в случае перехода власти к пролетариату становится для крестьянства «путем к социализму». Конечно, предупреждает Ленин крестьян, программа их наказов осуществится «не в ее данной формулировке, а в ее сути». Но когда она осуществится в ее сути, заканчивает Ленин эту замечательную статью, «тогда наступит конец господству капитала и наемному рабству. Тогда

---

⁷⁸ В. И. Ленин. Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 103; ср. сочинения, цитированные в предыдущей сноске.

⁷⁹ В. И. Ленин. Из дневника публициста. — Полн. собр. соч., т. 34, стр. 115–116.

начнется царство социализма, царство трудящихся»⁸⁰.

Трудно сказать яснее. Как видим, В. И. Ленин писал об этом даже накануне Октября.

А вот что писал Ленин после Октября, в известной статье «Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами»: «...Коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян *нет*. Социализм *вполне* может удовлетворить интересы тех и других. *Только* социализм может удовлетворить их интересы. Отсюда возможность и необходимость «честной коалиции» (честной! — *Б. П.*) между пролетариями и трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. Напротив, «коалиция» (союз) между трудящимися и эксплуатируемыми классами, с одной стороны, буржуазией, с другой стороны, *не* может быть «честной коалицией» вследствие коренного расхождения интересов этих классов»⁸¹.

Как видим, В. И. Ленину чуждо меньшевистско-троцкистское мнение, что крестьянство — буржуазный класс, образующий якобы «враждебную среду» по отношению к пролетариату. Но, может быть, по Ленину, уравнильный раздел земли после Октября был не переходной мерой к социализму, а проявлением буржуазной души крестьянства? Нет, говорил Ленин, если большевики поддержат предложения об уравнильном землепользовании и пределах земли между мелкими хозяевами, они «ни капельки не изменяют своей программы. Ибо, при условии победы социализма (рабочий контроль над фабриками, следующая за этим экспроприация их, национализация банков, создание высшего экономического совета, регулирующего все народное хозяйство страны), при таком условии рабочие *обязаны согласиться* на переходные меры, предлагаемые мелкими трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами, если эти меры *не вредят* делу социализма... При согласии левых эсеров (а равно стоящих на их стороне крестьян) на рабочий контроль, на национализацию банков и т. д., уравнильное землепользование было бы лишь одной из *переходных* мер к полному социализму... Он (пролетариат. — *Б. П.*) обязан, в интересах победы социализма, *уступить* мелким трудящимся и эксплуатируемым крестьянам в выборе этих переходных мер, ибо *вреда* делу социализма они не принесли бы... Никогда уравнильное землепользование и т. п. меры *не* повредят социализму, если власть в руках рабочего и крестьянского правительства, если введен рабочий контроль, введена национализация банков, создано рабочее и крестьянское высшее экономическое учреждение, направляющее (регулирующее) *все* народное хозяй-

---

⁸⁰ Там же.

⁸¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 102.

ство, и т. д.»⁸².

Итак, сущность программы уравнительного землепользования не одна и та же, буржуазная, проводится ли эта программа в условиях капитализма (эсеровская программа) или в условиях победившего социализма. По Ленину, сущность ее в условиях побеждающего социализма в корне меняется, и она может и должна быть принята пролетариатом. Уравнительное землепользование в этих условиях было мерой, не вредной для дела социализма, а одной из переходных мер к полному социализму. Это было, по Ленину, не вынужденной уступкой партии большевиков мелкобуржуазной стихии, а творчеством миллионов мелких трудящихся и эксплуатируемых крестьян, выбирающих и предлагающих свои переходные меры к социализму⁸³.

Вот именно эти мысли Ленина послужили семенем, из которого выросла победоносная программа коммунистических партий всего мира в аграрно-крестьянском вопросе. То, что Ленин впервые нащупывал на опыте Октября, прислушиваясь к голосу масс, обогащая и улучшая марксистскую теорию, откристаллизовалось за прошедшие с тех пор десятилетия в незыблемые аксиомы науки о путях движения многомиллионных крестьянских масс к социализму⁸⁴.

Советская власть ликвидировала помещичье землевладение и осуществила вековую мечту крестьянства о земле⁸⁵. С закономерностью за этим последовал переход мелкого распыленного крестьянского хозяйства на путь социалистического кооперирования, а общность двух форм социалистической собственности сблизила рабочий класс и колхозное крестьянство, упрочила их союз, сделала их дружбу нерушимой⁸⁶. Колхозная форма полностью отвечает уровню и потребностям современных производительных сил в деревне, а на определенном этапе постепенно экономически изживает себя личное подсобное хозяйство колхозников, и они добровольно откажутся от него, убедившись,

⁸² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 103–104.

⁸³ Ср. Е. А. Луцкий. О сущности уравнительного землепользования в Советской России. — «Вопросы истории», 1957, № 3.

⁸⁴ Аграрные реформы в европейских странах народной демократии освещаются в работах: А. Д. Ступов. Развитие социалистического сельского хозяйства в Болгарии. М., 1960; А. И. Пушкаш. Борьба за аграрные преобразования в Венгрии (1944–1948 гг.). М., 1959; Д. Заксе. Социалистические преобразования аграрных отношений в Германской Демократической Республике. М., 1960; Н. Г. Клименко. Общественно-экономические преобразования в деревне Польской Народной Республики, ч. 1. Аграрные отношения в старой Польше и их преобразования народно-демократической властью. [Киев] 1959; И. Козма. Сельское хозяйство Румынской Народной Республики на пути социализма, пер. с румын. М., 1961; А. И. Недорезов. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954.

⁸⁵ См. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1961, стр. 11.

⁸⁶ См. там же, стр. 14–15.

что им удобнее и выгоднее удовлетворить свои потребности за счет ресурсов общественного хозяйства⁸⁷. Этот великий исторический опыт развития крестьянства в СССР служит путеводной звездой для передовых сил всего человечества. Рабочие и коммунистические партии зовут крестьянство, в том числе в экономически отсталых странах, к борьбе за переход земли в собственность тех, кто ее обрабатывает, за ликвидацию феодальных порядков и пережитков. «Феодальные устои могут рухнуть лишь под натиском общедемократического движения. Лишь глубокие аграрные преобразования и широкое крестьянское движение могут смести остатки средневековья, сковывающие развитие производительных сил, решить продовольственную проблему, столь остро стоящую перед народами Азии, Африки и Латинской Америки»⁸⁸.

Коренное условие борьбы за последовательное развитие антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции — это союз рабочего класса и крестьянства. От его прочности в немалой мере зависит степень участия национальной буржуазии в антиимпериалистической, антифеодальной борьбе⁸⁹. Однако по мере обострения классовой борьбы она проявляет склонность к соглашательству с империализмом и внутренней реакцией. Это неизбежно, поскольку обнажается проблема: по какому пути развития идти дальше, по капиталистическому или социалистическому.

Крестьянству капиталистический путь сулит только дальнейшее разорение. Уже окончательно развеяна легенда об устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. Монополии грабят его об руку с помещиками. Социализм же обеспечивает землей всех крестьян, содействует их объединению в кооперативы, предоставляет им технику, повышает производительность их труда⁹⁰.

Таков опыт многовековой борьбы крестьянства против феодального гнета, таковы перспективы его побед и прогресса. Антифеодальная борьба крестьянских масс на современном этапе мирового революционного движения — очень важная составная часть сливающихся в единый поток сил, грозящих сокрушением строю угнетения во всем мире. Участие крестьянских масс придает особенную широту этому революционному потоку. В него вовлечены сейчас уже не десятки миллионов, а сотни миллионов людей. Широта массы, вовлеченной ныне в антифеодальную борьбу, неразрывно связанную с национально-освободительной войной против империализма, является исторически беспрецедентной. Она распространилась на громадных пространствах Азии,

---

⁸⁷ См. там же, стр. 83.

⁸⁸ Там же, стр. 45.

⁸⁹ См. там же, стр. 47.

⁹⁰ См. Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 48.

Африки и Латинской Америки. И эта массовость движения заставляет нас вернуться к теоретическому положению, которое Ленин назвал «одним из самых глубоких» положений марксизма: что широта, объем исторически действенной народной массы возрастает вместе с ростом «основательности исторического действия» этой массы⁹¹. Современное величайшее во всемирной истории по своей основательности дело народных масс — это не только дело тех тружеников, которые строят социализм и коммунизм на значительной части земного шара, но и тех, кто ведет войну против рабства на всех материках планеты. Их роль в решении судеб человечества растет на наших глазах.

Таким образом, рассмотрение антифеодальной борьбы новейшего времени обогащает наше понимание закона возрастания роли народных масс в истории. Следует согласиться с выводом современной марксистской социологии, что возрастание активной роли народных масс и широты их участия в историческом действии — это не просто эмпирически наблюдаемый факт, но подлинный социологический закон, один из главных законов всемирной истории, открытых историческим материализмом⁹². Анализ закономерностей феодализма и борьбы с ним со стороны угнетенных трудящихся масс является важным звеном в исследовании этого закона, взятого в целом: закона возрастания активной роли народных масс в истории в процессе поступательного исторического развития.

---

⁹¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 36, стр. 423.

⁹² Г. И. Царегородцев. Возрастание роли народных масс в процессе поступательного исторического развития. — «Уч. зап. 2-го гос. мед. ин-та им. Пирогова», т. V, вып. 14, 1957; В. В. Гаряев. Об общем социологическом законе возрастания роли народных масс в истории. — «Сборник научных работ преподавателей философии вузов, г. Харькова», вып. 2. Харьков, 1962.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Проблема феодального синтеза

Нам нужно еще раз вернуться к вопросу о месте феодализма во всемирно-исторической последовательности общественно-экономических формаций. В первой главе второй части мы рассмотрели закономерность возрастания роли народных масс в истории. Феодальнозависимых трудящихся мы поставили на логически им принадлежащее строго определенное место между рабами и пролетариями. Таким образом, крестьяне и ремесленники средневековья являются закономерной ступенью в процессе раскрепощения личности эксплуатируемого трудящегося, в процессе прогрессивной смены антагонистических способов производства. Иными словами это можно выразить так: феодализм — строго необходимая ступень исторического прогресса.

Однако применение этого обобщенного положения к конкретной истории встречается с затруднениями: у многих народов феодализм представляется не ступенью раскрепощения, а наступает как будто сразу после первобытнообщинного строя и выглядит поэтому как первая ступень закрепощения. Не опрокидывает ли это явление все наше представление о смене общественно-экономических формаций как объективно закономерном естественноисторическом процессе? Конечно, мы знаем, что многие народы могут перейти от докапиталистических форм производства непосредственно к социализму; мы знаем, что многие народы переходили к капитализму минуя, скажем, развитой феодализм. Но в этих случаях марксистско-ленинская наука прямо указывает причину: воздействие других народов, соседних или отдаленных, на историческое развитие данного народа. Так, некапиталистический путь развития, путь движения к социализму, минуя капитализм, оказался возможным для тех народностей, входивших прежде в царскую Россию, которые в силу исторических условий участвовали в совместной борьбе с русским и другими народами, уже прошедшими значительный путь капиталистического развития. В прошлом иные отсталые народы были втянуты в русло быстрого развития капитализма воздействием исторической среды — капиталистического окружения.

По аналогии с этими, хорошо известными историческими закономерностями минования той или иной ступени развития было высказано мнение, что феодализм мог лишь в тех случаях возникнуть в исто-

рии тех или иных народов непосредственно на основе разложения первобытнообщинного способа производства, т. е. минуя рабовладельческую формацию, когда окружающая социально-историческая среда была уже феодальной и соседние народы прямо или косвенно способствовали феодализации. Однако конкретно-исторический материал далеко не во всех случаях дает основание для такого объяснения генезиса феодализма. Поэтому в марксистской исторической литературе давно уже была предложена и другая концепция: феодализм может возникать двумя разными путями: по терминологии П. И. Кушнера, «первичным», когда он возникает из разложения первобытнообщинного строя, и «вторичным», на основе разложения рабовладельческого строя. Эта схема была приложена впоследствии к объяснению многих частных исторических явлений, в том числе — генезиса феодализма у восточных славян (К. И. Тарковский и И. В. Созин), у армян (Я. А. Манандян) и многих других народов, а также получила теоретическую разработку (М. Н. Мейман и С. Д. Сказкин).

Иными словами, в настоящее время в советской исторической литературе налицо два предложенных ответа на вопрос о путях генезиса феодализма. Во-первых, мнение, что феодализм закономерно развивался лишь там, где ему предшествовал мало-мальски развитой рабовладельческий способ производства (С. П. Толстов, Б. А. Ранович, С. Т. Еремян и др.), а в прочих местах мог появиться лишь как плод внешнего воздействия со стороны народов, уже стоящих на пути феодального развития. Эта точка зрения логически стройна, но оказывается в противоречии со многими историческими фактами. Во-вторых, налицо указанная мысль о возможности двух путей генезиса феодализма. Эта точка зрения гораздо гибче в смысле согласуемости с эмпирическим материалом, но она ставит серьезные трудности перед теорией исторического материализма. Понятие общественно-экономических формаций может потерять свою неразрывную связь с идеей закономерного прогрессивного развития, как только допускается, что последовательность их не строго необходима. Оно лишается при этом своей основной черты — всеобщности, следовательно, в сущности перестает быть законом. Огромное философско-историческое содержание этого понятия может в конечном счете уступить место своего рода типологии. Таким образом, теория феодализма остается незавершенной до тех пор, пока не сделан выбор между этими двумя истолкованиями генезиса феодализма или не предложено какое-либо третье.

Таким третьим решением может оказаться мысль, высказанная Марксом во Введении к работе «К критике политической экономии»: феодальный строй возникает путем синтеза двух источников — продуктов разложения рабовладельческого и продуктов разложения первобытнообщинного строя. Эта же мысль применена Энгельсом к анализу воз-

никновения раннефеодальных обществ. Однако понятие «феодального синтеза» не подвергалось теоретической разработке в советской историографии. Попробуем наметить возможные пути раскрытия теоретического содержания этого понятия и тем самым проверить его перспективность как в философско-историческом смысле, так и в качестве орудия объяснения конкретно-исторических явлений.

Начнем со спора романистов и германистов, лежащего у истоков буржуазной европейской медиевистики. Те историки, которых называли романистами, — самый яркий из них Фюстель де Куланж, — путем кропотливого анализа документов раннего средневековья доказывали, что в конечном счете буквально все общественные институты, нормы, категории феодального строя восходят к римским истокам. Феодальная Европа не сохранила ничего от варварского быта племен, завоевавших Рим; напротив, он в конце концов сам завоевал их изнутри своим бессмертным наследием. Потребовалось много изощренной исследовательской эрудиции, чтобы согласовать эту концепцию с реальностями европейского средневековья. И все же в известной мере это было достигнуто. Но с неменьшим упорством и исследовательским мастерством другое течение медиевистов, прозванных германистами, строили обратную концепцию. Так, Маурер с великолепной эрудицией и точностью исторического анализа представил порядки, нормы и установления феодализма как прямой результат развития общинного быта варварских племен. Он показал, в частности, как общинное начало преобразовалось в правовой и административный строй деревни и города, поместья и государства средневековой Европы.

Сама убедительность аргументов обеих противоположных школ показывала, что на стороне каждой из них есть доля истины. А отсюда применительно хотя бы к одному лишь западноевропейскому историческому материалу сам собой напрашивался вывод, что «для изучения генезиса феодализма необходимо исследовать, с одной стороны, кризис рабовладельческого общества, приведший к его падению, и те зародыши феодальных отношений, которые вызревали внутри этого общества; необходимо изучить, с другой стороны, то общественное развитие, какое проходили к этому времени различные племена так называемых «варваров» — кельтов, германцев и славян...» (Е. А. Косминский). Иными словами, необходимо выяснить, как произошло взаимодействие, слияние этих двух глубоко различных, даже противоположных источников, породившее феодализм.

Действительно, изучение классических раннефеодальных образований, таких, как Франкское государство, полностью подтвердило правильность этого пути, плодотворность понятия феодального синтеза как ключа к объяснению генезиса феодальных порядков. Но обладает ли это понятие той всеобщностью, которая нужна для преодоления

указанных чисто теоретических трудностей? Для ответа на этот вопрос нам придется в более или менее отвлеченной форме рассмотреть возможность перехода к феодализму в чистом виде от рабовладельческого строя или от первобытнообщинного строя варварских племен.

Приходится признать, что теоретические проблемы рабовладельческого строя разработаны в нашей историографии меньше, чем феодального. Много неясного в периодизации ступеней развития рабовладельческого строя, в коренных категориях экономики рабовладельческого способа производства, в определении удельного веса рабства экзогенного (проистекающего из внешних захватов) и эндогенного (результата закрепощения свободных общинников внутри страны). Не углубляясь в эти вопросы, скажем лишь, что, по-видимому, в широком смысле рабовладельческий строй прошел три ступени развития: 1) домашнее (или патриархальное) рабство, являющееся, если не полностью, то в значительной степени экзогенным; 2) более развитое рабство древневосточных обществ, имеющих тенденцию поработить население внутри страны и закрепить его поработненное положение; 3) античное рабство, являющееся снова по преимуществу экзогенным и связанное с решительным запретом обращать в рабство сограждан.

Именно ступени, характеризующиеся преобладанием экзогенного рабства, представляют особенный интерес для теории исторического развития. Ведь при этом оказывается, что, в условиях относительно еще невысокого развития орудий и средств труда, главная производительная сила общества, т. е. масса непосредственных производителей с их трудовыми навыками и приемами, снова и снова привлекается в данную страну извне; мало того — из недр народов, стоящих явно ниже ее по уровню своего исторического, экономического, культурного развития. Чем был бы древний Рим без непрестанно пополнявшихся рядов германских, кельтских, славянских и прочих рабов, строивших города и дороги, храмы и дворцы, возделывавших поля и создававших роскошь? Но в то же время разве кто-нибудь из них умел в варварской глуши своей родины выполнять именно такую работу, которую требовали от него новые господа? Тут перед историком культуры и техники встает задача не упустить глубокую взаимосвязь двух миров, но и не преувеличить ее. Варварские народы, находившиеся за рубежами античных рабовладельческих государств, развили у себя дома ошеломляющее нас мастерство строительства каменных громад, дольменов, кромлехов и менгиров, искусство ставить вертикально каменные плиты и столбы и каким-то чудом покрывать их сверху исполинскими глыбами-крышами; и именно элементы этого их мастерства лежат в основе великих и прекрасных сооружений из каменных глыб, но уже подчиненных изощренному архитектурному плану, составляющих неразрывную часть высокой античной культуры.

С точки зрения политической экономии такого рода удивительные парадоксы рабовладельческого общества впервые рассмотрены в специальной работе советского историка А. В. Мишулина: процесс воспроизводства в античном рабовладельческом обществе оказывается невозможным без регулярных и грандиозных по своим масштабам захватов «извне», причем захватов не только продуктов труда других народов, но прежде всего части самих этих народов, становящихся внутри рабовладельческого государства основной производительной силой, основным производящим классом. Все эти парадоксы античности заставляют усомниться в точности и определенности таких, казалось бы, простых понятий, как «внутри» и «извне». Где здесь подлинная граница внешнего и внутреннего? Не ошибаемся ли мы, поддаваясь политико-юридической иллюзии, будто она совпадает с границей государства? И в самом деле, навряд ли марксисту пристало смешивать понятие «общества» с представлением о военно-политической власти над той или иной территорией. С одной стороны, на этой территории жили многие народы, экономически мало связанные между собой. С другой стороны, на эту территорию непрерывно откачивались люди, несчетные множества людей, так же как и созданные ими материальные ценности, с прилегающих и даже отдаленных территорий, населенных другими народами. При более широком взгляде представляется, что «варвары» и «греки», «варвары» и «римляне», были двумя органически прикованными друг к другу половинами или полюсами сложного огромного единства. Это было антагонистическое единство. При этом не только рабовладельческое государство нельзя мыслить себе вне окружающей варварской среды — источника всех его жизненных сил. Сами варварские народы подверглись глубокой трансформации в условиях этого великого противостояния. Историки много спорили о социальных причинах того строя, который принято называть «военной демократией». Из предложенных научных гипотез, освещающих разные стороны явления, особенно заманчивой представляется та, которая видит в этой своеобразной государственности, возникающей раньше возникновения классов, государственность, обращенную вовне, порожденную непосредственно или опосредованно существованием военной угрозы со стороны ближе или дальше лежащего рабовладельческого государства.

Так было не только в лучше нам известном западном древнем мире. Великие рабовладельческие державы древнего Ирана, древней Индии, древнего Китая, эллинистические государства Азии были окружены такими же океанами бившихся об их берега варварских народов, то оборонявшихся, то нападавших, выражавших в не меньшей мере чем на Западе нечто отнюдь не «внешнее», а внутренний антагонизм древнего мира как поляризованного целого. Чем глубже становилась эта поля-

ризация, чем отчетливее она материализовалась в форме всяческих «китайских стен» и «римских валов», деливших обе неразделимые половины, тем неизбежнее приближался час прорыва и растворения одной половины в другой. В конкретной истории древних рабовладельческих государств было много отдельных варварских вторжений, как и проникновений варваров в качестве военных поселенцев, федератов и пр. Мы сейчас хотим лишь констатировать итог в самой обобщенной форме. Варварский океан, хлынув на берег, прорвав плотины, наводнил рабовладельческий материк. Мы отвлечемся также от возрождений рабовладельческого строя, переноса с места на место центра древних империй. Для постановки проблемы феодального синтеза нам важно только то, что в конечном счете эта диффузия совершилась, что она и только она знаменовала конец рабовладельческой общественно-экономической формации.

В классически чистом случае это было именно вооруженное вторжение варварских полчищ, мстителей, разорявших и порабошавших тех, кто веками черпал из их гущи своих рабов или грозил им порабошением. Так была захлестнута Западная Римская империя. Уже в «варварских правдах» мы находим следы как начинающегося синтеза, так и заканчивающегося вторжения. Вызывавший столько споров параграф Салической Правды «О переселенцах», может быть, проще всего расшифровывается как отзвук вселения в римские виллы новых и новых жильцов — варваров. И все же эти великие переселения, завоевания, эти вселения и расселения новых народов на землях старых империй, нередко сопровождавшиеся освобождением рабов и порабошением прежних господ, были еще не рождением нового общественного строя, а смертью старого. Это было еще не синтезом, а смешением.

Но во всемирно-историческом масштабе можно говорить, что отсюда начинается становление нового общества, являющегося в известном смысле столетиями развивавшимся синтезом тех двух полюсов, на которые был расколот древний мир. Не только ранний феодализм, всю историю феодализма можно представить себе как историю этого прогрессирующего и усложнявшегося синтеза.

С самого начала можно наметить три варианта развития феодального синтеза. В одних конкретно-исторических условиях получилось так, что первобытнообщинный строй количественно преобладал над остатками и традициями рабовладельческой античности. В других условиях неравномерность была обратная: античное наследие продолжало доминировать над первобытнообщинным. Наконец, возможен случай, когда синтезирующиеся стороны представлены более или менее равномерно. Для западноевропейского мира это, скажем: Британия, Италия и Галлия. Могут быть найдены и еще более крайние формы, когда одно из двух начал представлено минимально и на первый взгляд ка-

жется отсутствующим. Возьмем, к примеру, Скандинавию и Византию. Наша задача здесь — не разбирать все бесчисленные конкретные варианты, а проверить мыслимость обобщения, что во всех без исключения случаях феодализм был все же хотя бы крайне непропорциональным синтезом этих двух противоположных и нераздельных начал (кроме тех случаев, когда он был перенесен к тому или иному народу от других, уже имевших у себя более или менее развитый феодальный строй).

Много страстных споров порождает вопрос о возможности применения такой всемирно-исторической концепции к истории древней Руси и ее феодализации. Хотя широко известна связь древней Руси с Византией, связь такая неразрывная, что было бы преуменьшением назвать ее просто тесной и глубокой, в сознании многих историков все же почему-то древнеславянские племена — это «мы», а Византия — это «чужеземное влияние». По старой привычке мышления кровное, антропологическое родство почитается наиболее подлинным. Но ведь отнюдь не лишено объективных оснований и отнюдь не обидно ни для западноевропейских стран, ни для России, что Киевская Русь стоит к Восточно-Римской империи примерно в таком же историческом отношении, как Франкское государство — к Западной Римской империи. И как романские народы Европы восприняли, для своей письменности латинский алфавит, так восточные славяне — греческий, как средневековые государи Западной Европы вплоть до XVII в., так и русские, именовавшие себя, «царями» — «цезарями», мнили себя римскими императорами. Противники приложения идеи феодального синтеза к истории, древней Руси ошибаются, представляя себе, что речь идет об оценке степени «влияния». Понятие феодального синтеза состоит отнюдь не в идее взаимных влияний тех или иных народов или культур. Оно относится к самой глубинной сути внутренних, имманентных закономерностей развития феодализма.

Вероятно, по мере дальнейшей разработки этой идеи будут обнаружены еще большие непредвиденные логические трудности. Эту область теоретических проблем феодализма можно сравнить не с арифметикой или алгеброй, а с высшей математикой.

Как уже сказано, теория синтеза — это и не вопрос о возникновении феодализма, а о содержании всей его истории, и не вопрос о взаимных внешних влияниях, а о диалектическом взаимопроникновении противоположностей. Уже в самом начале процесса его будущая диалектика проявляется в том, что оба противостоящих полюса потенциально чреваты феодализмом: 1) в античном рабовладельческом мире распространяется колонат, но от него нет прямого пути к средневековому крепостничеству, — между римским колоном и средневековым крепостным стоит свободный франкский крестьянин (Энгельс); 2) у

древних германцев мы находим рабов, посаженных на землю или имевших свою хижину, но и от них нет прямого пути к феодальным крепостным, — между таким рабом и средневековым сервом (крепостным) стоит фигура античного раба. Таким образом, это лишь исходные точки процесса взаимопроникновения противоположностей.

Не следует понимать феодальный синтез в гегелевском духе как синтез понятий, категорий. Носителями его были люди. Они не обязательно вторгались на чужую землю, захватывали чужие жилища. Известна, например, многовековая славянская диффузия в Восточную Римскую империю; римляне колонизовали варварские страны. Бесконечно многообразны исторические формы этой диффузии. Но дело не сводится даже к переселениям и смешениям масс людей; чем дальше, тем больше процессы феодального синтеза осуществлялись и через товары, денежную систему, обычаи, право, письменность, мифы, понятия, суждения, идеи. В этом смысле процесс феодального синтеза можно представить себе как поистине всесторонний, всеохватывающий процесс феодальной истории.

В самом деле, весь феодальный строй необыкновенно многообразен и представлен целыми гаммами вариаций любого характерного для него явления, укладывающимися между двумя крайностями. Взаимопроникновение этих крайностей мало-мальски завершается только к самому концу феодальной эпохи.

Так, трудящиеся при феодализме представляют поистине всю лестницу возможных положений между античными рабами и свободными варварами. Более того, и раб и свободный землепашец — фигуры долго, в течение ряда первых столетий далеко не чуждые картине социальной жизни средневековья. Но подлинно типичным для него является персонаж, в той или иной степени сочетающий в себе и того и другого: полусвободный, крепостной, зависимый. Сами свободные общинники, или аллодисты, в ходе этого синтеза постепенно впитывают в себя черты рабства, а наиболее бесправные рабы в том или ином отношении раскрепощаются. История феодализма знает также и новую поляризацию — раскрепощение крестьян вплоть до превращения их в свободных горожан, закрепощение почти свободных до положения барщинных рабов. Все эти неисчислимые проявления синтеза представляют собой нечто качественно новое, отнюдь не смесь исходных форм; персонажи европейского феодального общества, при всей пестроте, являются носителями феодальных производственных отношений, которых не было ни в античном Риме, ни у питавшей его варварской периферии.

Синтез не был прямолинейным процессом. Мы видим и гигантские отступления вспять и односторонние уродливые опыты истории. Но представляется очень обнадеживающей гипотеза о возможности путем ос-

торожного анализа всюду и во всем обнаруживать все ту же скрытую от поверхностного взгляда могучую диалектику. Специфика производительных сил, хозяйства феодальной эпохи составила в противоборстве двух противоположных традиций. Одинаково прав и тот историк, который отмечает падение античной техники, и тот, который обращает внимание на усилившуюся расчистку лесов, прогресс системы севооборота, успехи скотоводства; но дело не просто в падении одного, подъеме другого, а в появлении, развитии и прогрессе чего-то третьего — нового качества, которое рождалось в этом упадке и в этом подъеме.

Если романисты делали упор на сохранение в средние века римского принципа частной собственности, в том числе в виде частной аллодиальной собственности на землю, если германисты подчеркивали стойкость традиций общинно-племенной собственности, в том числе земельных прав общины-марки, то и те, и другие, будучи отчасти правы, не видели главного: феодальная ограниченная земельная собственность характеризуется не этими реликтами, она представляет собою качественно новое явление, продукт синтеза. Феодальная земельная собственность не является механической смесью частной собственности и коллективной, а рождалась в процессе их взаимного отрицания. Феодальная собственность является частной, но ограничена тем, что она включена в «ассоциацию» феодалов — в их иерархию и монополию. Но, будучи ассоциированной, она отнюдь не является общинной. Владельческие права крестьян на свои земельные держания также не являются ни частными, ни общинными, хотя в той или иной мере и теми, и другими, что отражается в огромном многообразии этих владельческих прав.

Точно так же средневековый город представляет собой нечто третье, нечто качественно иное по сравнению как с античным городом, так и с варварским укрепленным городищем, ныне хорошо известным археологам, хотя он включает в себя преобразованные черты и того, и другого.

Бросим взгляд на историю средневекового права и государства. Уже в «варварских правдах» мы заметили симптомы синтеза. Правда, кажется еще чисто механическим соединением тот факт, что почти все «варварские правды» фиксируют обычаи чуждых античной культуре племен на латинском языке и исчисляют наказания в римских денежных единицах; в иные из них просто вкраплены фрагменты римского права, кое-как пригнанные. Но это было не внешним смешением, а началом длительного процесса кристаллизации некоего третьего — феодального права. Оно долго выступало в форме обычного права, подвергавшегося новым и новым переработкам силами знатоков умершего римского права — легистов. Оно выглядело то антиримским, то рим-

ским, а по существу было ни тем, ни другим, а новым феодальным правом, отражавшим борьбу антагонистических классов феодального общества. Точно так же государства средневекового европейского мира представляли собой по внешности то как бы прямых преемников варварских племен, то как бы воскрешенную Римскую империю. В действительности возникало государство в совершенно новом смысле: античное государство не имело никакой связи с этнической общностью, оно всегда охватывало многие народности, оно было военно-политическим образованием на чисто территориальной основе; варварские племена и союзы племен в эпоху великого переселения народов, напротив, были чисто этническим, но отнюдь не территориальным образованием. С первых шагов феодальные государства были территориально-этническими. Та или другая сторона могла преобладать, выпячиваться на передний план, но все непреодолимее кристаллизовалось новое начало — национальное феодальное государство. Рецидивы «римской империи» наблюдались время от времени до самого конца феодальной эпохи, преимущественно как раз там, где государства в силу исторических условий были многонациональными. Но в общем нам важнее подчеркнуть, что всякое европейское феодальное государство таило в себе и политическую тенденцию превращения в наднациональную державу, и обратную политическую тенденцию распада на древние племенные части, но в конечном счете эти тенденции все более взаимно аннулировались, а новое качество все тверже удерживалось между двумя крайностями.

Какой бы элемент феодального общественного устройства мы не взяли, его специфические особенности могут быть вскрыты и описаны в категориях феодального синтеза. Возьмем военное дело. Если на одном полюсе в начале процесса мы видим римские армии наемников и федератов, а на другом — варварскую военную демократию и варварскую дружину, то взаимное отрицание и одновременно взаимное проникновение этих двух полюсов дадут нам картину военного вассалитета, феодальной дружины, рыцарства, а с другой стороны, — всеобщее ополчение; наконец, в последние века феодальной эпохи это снова наемные армии или рекрутский набор, но и то и другое уже основанное на принципах, прямо противоположных древнему миру.

Наша задача состоит здесь отнюдь не в обзоре развития всех явлений феодализма под указанным углом зрения. Но как не подчеркнуть, что все без исключения западноевропейские языки, сложившиеся к началу нового времени, были плодами многовекового синтеза (в самых разнообразных пропорциях и сочетаниях) латыни и варварских диалектов. Или что христианство, каким мы его видим к началу нового времени, представляет собой плод столь же многообразного сращения некогда враждебных друг другу античных его начал с родо-племенны-

ми верованиями, сращения, принявшего форму культа святых, церковных праздников и вообще почти всей религиозной обрядности.

Снова и снова надо подчеркивать, что идея феодального синтеза это отнюдь не идея «культурных влияний». Идея феодального синтеза целиком покоится на представлении, что в древнем мире рабовладельческое государство и его варварская периферия представляли подлинное единство, подлинное целое и что феодальный синтез совершался внутри этого целого. Понятно, что тут обычное представление о внешнем влиянии полностью исключается. Оно применимо, как уже отмечалось, только в тех случаях, когда речь идет о воздействии более феодализованных стран на менее или вовсе еще не феодализованные.

Чем менее пропорционален, менее уравновешен феодальный синтез, тем менее зрело и полновесно феодальное общество. Карта средневекового мира показывает, что народы, шедшие по пути наиболее пропорционального и прогрессивного феодального синтеза, соседнили с народами, где он был выражен до крайности однобоко, каковы норманны и Византия, каковы тюрки и арабы. Сплошь и рядом в феодальном мире народы с менее пропорциональным синтезом были носителями отсталости и агрессивности, облакавшихся в форму претензий на мировое господство. Так, например, в XIII в. на базе полуварварской феодальной Швабии в Европе и полуварварской Монголии в Азии как снежная лавина выросли две захватнические империи — Штауфенов и Чингисидов, подчинившие себе множество народов и стран, по существу зашедших гораздо дальше них в своем феодальном развитии. Полным всемирно-исторического трагизма был одновременный напор этих двух империй на зажатую между ними феодальную Русь (см. нашу статью «Ледовое побоище и всемирная история». — «Доклады и сообщения истфака МГУ», 1947, № 5).

В то же время, если отвлечься от этой неравномерности феодального развития и от порождаемых ею в феодальном мире бурь и катаклизмов, этот феодальный мир в целом был все же неизмеримо единообразнее, чем античный. Феодальный общественный строй сам по себе не требовал того полного раскола человечества на две противоположные половины, на народы-вампиры и народы-жертвы, как древний рабовладельческий мир. Феодальный строй распространился на огромнейшие массивы народов земли, и можно сказать, что он имел тенденцию всеобщего, повсеместного распространения, которой не противоречили никакие внутренние его законы. Правда, он все же не охватил все человечество. Феодализм — в высшей степени континентальная общественная система: воды океана отсекали от феодального мира некоторые народы, стоявшие на более низких ступенях развития. Вследствие этого к концу феодальной эпохи налицо снова были предпосылки для географического раздвоения человечества, на этот раз отвечав-

шего природе капитализма. Европейские мореплаватели и завоеватели, движимые духом еще не столько капиталистической, сколько феодальной экспансии, набросились на народы Америки и Индонезии. Через несколько столетий мир снова, как в античности, был разделен на две взаимосвязанные и грозно противостоящие друг другу половины: метрополии и колонии. Крушение этой новой всемирно-исторической противоположности совершается в наше время.

Сказанное выше не является развитой концепцией, а всего лишь постановкой вопроса. Перед советской исторической наукой стоит задача выбрать один из трех упомянутых путей в объяснении генезиса феодализма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
----------------	---

Часть первая

ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ФЕОДАЛИЗМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Характер производительных сил и форма собственности на средства производства при феодализме

1. Феодальное производство	19
2. Феодальная земельная собственность.....	33
3. Феодальная собственность на работника производства.....	43
4. Собственность работников на средства производства.....	52
5. Движимое богатство.....	54

ГЛАВА ВТОРАЯ

Феодальная рента

1. Феодальная рента как реализация феодальной собственности. Основной экономический закон феодализма	58
2. Формы феодальной ренты.....	69
3. Феодальная рента и особенности воспроизводства при феодализме.....	83
4. Феодальная рента и ремесло. Особенности обмена при феодализме.....	90
5. Поместье, сеньория, налоговый аппарат как организационные формы присвоения феодальной ренты. Раздел феодальной ренты.....	105

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Натуральное и товарно-денежное хозяйство при феодализме

1. Натуральное хозяйство и товарное производство.....	114
2. Деньги и денежный капитал при феодализме	126

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Условия зарождения капиталистического производства.....146

ГЛАВА ПЯТАЯ

Из истории экономических учений
о феодализме и генезисе капитализма

1. Дворянское и буржуазное представление о феодализме.....	171
2. Переход от анализа товара к анализу капитала в теории Маркса и буржуазное искажение метода марксистской политической экономии	186
3. Экономический материализм	195

Часть вторая

РОЛЬ БОРЬБЫ НАРОДНЫХ МАСС В ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Марксизм-ленинизм о действии экономических законов
и роли классовой борьбы трудящихся масс в
историческом развитии

1. Возрастание роли народных масс в истории 207
2. Учение о классовой борьбе и политическая экономия 224
3. Задача изучения базиса и надстройки феодального общества под углом зрения воздействия борьбы народных масс 251

ГЛАВА ВТОРАЯ

Соппротивление трудящихся масс эксплуатации
при феодализме

1. Формы крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации 268
2. Формы общности людей при феодализме и роль народной борьбы в их развитии 293
3. Отражение антифеодальной борьбы в сознании народных масс 309

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Средства и органы, направленные
против народного сопротивления

1. Потребность экономически господствующего класса в надстройке, обуздывающей борьбу народных масс 317
2. Феодальное государство как орган подавления борьбы народных масс 321
3. Средневековое христианство как надстройка, сковывавшая борьбу народных масс 380
4. Совокупное действие государства и церкви и совокупное антифеодальное движение эксплуатируемых масс 411

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Борьба народных масс и зарождение
капиталистического уклада 421

ГЛАВА ПЯТАЯ

Роль народных масс в революционной
ликвидации феодализма

1. Понятие буржуазной революции 449
2. Роль буржуазии и народных масс в ранних буржуазных революциях 464
3. Пережитки феодализма и путь крестьянства к социализму 486

ПРИЛОЖЕНИЕ

Проблема феодального синтеза 507